В.В. ВОЛКОВ

Россия: interregnum

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

ЧАСТЬ II

Санкт-Петербург
2011

УДК 93/99
ББК 66.3 (2 Рос)3
В 67

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор Бесов Александр Григорьевич; доктор исторических наук Смирнов Николай Николаевич

Волков В.В. Россия: interregnum. Исторический опыт модернизации России (вторая половина XIX – начало XX в.). Часть II. – СПб.: Политехника, 2011. – 249 с.

Актуальность исследования В.В. Волкова обусловлена потребностью дальнейшего изучения и переосмысления сложившихся ранее представлений на характер и направленность исторического развития России второй половины XIX – начала XX в.

Ход исследования закономерно привел к постановке вопроса об объективных предпосылках и характере революции 1917 г., задавшей вектор последующего развития страны. Весьма существенным в этом плане явилось установление узловых противоречий и главных тенденций российской модернизации, что позволило автору показать, что в России далеко не завершился переход к буржуазной общественной формации и поэтому российское общество представляло из себя своеобразный межформационный interregnum (междуцарствие).

ISBN

©Волков В.В., 2011

В.В. ВОЛКОВ

Россия: interregnum

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург
2011

УДК 93/99
ББК 66.3 (2 Рос)3
В 67

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор Бесов Александр Григорьевич; доктор исторических наук Смирнов Николай Николаевич

Волков В.В. Россия: interregnum. Исторический опыт модернизации России (вторая половина XIX – начало XX в.). Часть I. – СПб.: Политехника, 2011. – 363 с.

Актуальность исследования В.В. Волкова обусловлена потребностью дальнейшего изучения и переосмысления сложившихся ранее представлений на характер и направленность исторического развития России второй половины XIX – начала XX в.

Ход исследования закономерно привел к постановке вопроса об объективных предпосылках и характере революции 1917 г., задавшей вектор последующего развития страны. Весьма существенным в этом плане явилось установление узловых противоречий и главных тенденций российской модернизации, что позволило автору показать, что в России далеко не завершился переход к буржуазной общественной формации и поэтому российское общество представляло из себя своеобразный межформационный interregnum (междуцарствие).

ISBN

©Волков В.В., 2011

Вячеслав Викторович Волков

Россия: interregnum

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Подписано в печать
Формат
Объем
Тираж
Заказ
Издательство

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

ВВЕДЕНИЕ 4

Глава I. **МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ** 8

§1.Методология исследования проблемы развития буржуазного общества в России 8

§2. Отечественная историография формирования и становления буржуазного общества 36

§3. Зарубежная историография о модернизации в России 68

§4. Характеристика источниковой базы 84

Глава II. **ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ РОССИИ** 104

§1. Модернизация промышленного производства и ее результаты 108

§2. Влияние политики государственного капитализма на характер развития экономики страны 150

§3. Формирование рыночной капиталистической инфраструктуры 181

§4. Преобразования буржуазного характера в аграрном секторе экономики 199

Глава III. **РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ** 249

§1. Исторические изменения социальной базы и экономического пространства российской буржуазии 255

§2. Крестьянство в условиях многоукладной экономики 281

§3. Динамика становления рабочего класса 319

§4. Промежуточные городские слои, интеллигенция в условиях трансформации российского общества 346

ЧАСТЬ II

Глава IV. **ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ БУРЖУАЗНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САМОДЕРЖАВНО-АВТОРИТАРНОЙ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ** 3

§1. Зарождение государственной идеологии формирования буржуазного общества 3

§2. Эволюция государственной идеологии буржуазной модернизации 35

§3. Реализация авторитарной модели государственного строя 67

§4. Решение узловых противоречий государственной политики в области буржуазного реформирования страны 111

§5. Отражение проблем формирования буржуазного общества в идеологии общественно-политических движений 142

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 160

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 184

ПРИЛОЖЕНИЯ 232

ВВЕДЕНИЕ

История России периода империи насыщена яркими эпохальными страницами народной и государственной жизни, энергичной динамикой событий, противоречивым переплетением разнообразных социальных процессов. Среди них особое место занимает процесс формирования и становления буржуазного общества, который определил исторический вектор развития страны в XIX и XX веках.

Вообще возникновение буржуазного общества является сложным и многогранным феноменом, в котором слиты в единое целое экономические, социальные, политические и духовные преобразования. Российская действительность не только подтвердила эту истину, но и одна из первых продемонстрировала как специфические цивилизационные особенности влияют на проявление общих закономерностей перехода к буржуазной формации.

Развитие России во второй половине XIX – начале XX в. обусловливалось целым рядом факторов.

Прежде всего, отметим существенное влияние обширных российских территорий. Огромные расстояния мешали возникновению налаженных и регулярных рыночных обменов, затрудняли объективно необходимое и неизбежное формирование единого национального рынка с унифицированной системой цен и обменных механизмов. Эта причина, вкупе с закрепощением населения, предопределила значительно меньшую роль городов как центров мелкой кустарной промышленности, ограничила распространение такой промежуточной формы становления рыночной системы, как городское хозяйство с господствующей в ней цеховой организацией производства. Соответственно, не мог в полной мере действовать западноевропейский механизм формирования буржуазии.

Крупная торговля на дальние расстояния, во-первых, была ориентирована на высокий процент за риск и поэтому накопленный в торговле капитал не получал больших стимулов для вкладывания в производство ввиду сравнительно низкой доходности последнего и, во-вторых, привела к возрастанию доли транспортных издержек в совокупной стоимости товаров, что предопределило низкую международную конкурентоспособность российских товаров и, как следствие, все последующие протекционистские меры правительства.

Постоянная территориальная экспансия требовала значительных усилий и средств для обеспечения урбанизации, коммуникаций и обороны, что задерживало развитие центра и мешало налаживанию инфраструктуры, адекватной потребностям страны. Возникшая со временем (XVIII в.) диспропорция между темпами роста численности населения и темпами освоения новых земель способствовало развитию крепостнических отношений.

Территориальное расширение породило и позитивные последствия. Перемещение центра хозяйственной деятельности на юг чрезвычайно способствовало увеличению экономического потенциала страны, главным источником которого являлось сельское хозяйство.

Рост территорий предопределил вхождение в российский суперэтнос различных племен и народов, носителей разных культур, что опосредовало и «разнообразие хозяйственных стилей»[1], которые не в последнюю очередь формировались и под влиянием другого важнейшего условия развития экономического строя России – природно-климатического фактора.

Одна из его особенностей – это широкий диапазон природно-климатических параметров, ландшафта, растительности и почв, что способствовало возникновению многоукладной системы хозяйствования и широкой дифференциации форм собственности. Другой принципиальной особенностью природно-климатических условий России является то, что большая часть территории страны находится в зоне, которая характеризуется действием неблагоприятных обстоятельств – длительной и холодной зимой, зоной вечной мерзлоты, преобладанием малоплодородных и неплодородных почв и т.п. В таких условиях требовались огромные трудовые и энергетические добавочные затраты, увеличение размера запашки земли, что ухудшало качество ее обработки, не позволяло повышать урожайность зерновых культур, сдерживало развитие животноводства, что в свою очередь, урезало возможности унавоживания и, в конечном счете, усложняло перелив рабочих рук из сельского хозяйства в промышленность.

Погодозависимый характер российского земледелия разрывал связь между степенью трудовых усилий крестьянина и размером получаемого им урожая, чем ослаблял стимулы к интенсификации производства и формировал соответствующее массовое экономическое сознание. Крайне неблагоприятные условия для хозяйственной дея-

[1] Афанасенко И.Д. Экономика и духовная программа России. – СПб., 2001. – С. 245.

тельности повышали значение фактора выживаемости, реализация которого лучше всего происходила в условиях сочетания коллективно-общинного способа организации производства с мощным централизованным государством.

Наиболее существенным из внешних неприродных факторов для формирования буржуазного общества в России явилось ее взаимодействие со складывавшейся мировой капиталистической системой, в которую мы с самого начала входили в роли аутсайдера в силу своей формационной отсталости, а именно, как квазикапиталистическая периферия. Если западно-европейские страны в первой половине XIX в. находились уже на завершающей стадии утверждения индустриальной хозяйственной системы (Англия – в 1811–1821 гг., Германия – в 1865 г., США – в 1869 г.), когда объем промышленного производства начинал превосходить размеры производства в аграрном секторе[2], то Россия только вступала в этот процесс, отягощенная своим аграрно-крепостным строем.

Положение России отягощалось тем, что Запад постоянно бросал ей не только экономический, но и военно-политический вызов, что обусловливало «рваный» режим развития страны. Существенное воздействие на развитие России оказали культурные и идеологические веяния, пришедшие из Западной Европы. Так как идеологическим и нравственным основанием ее промышленного и военного успеха стали развитый утилитаризм и либерализм, то именно они были взяты на вооружение российской элитой. Затем пришел черед новым заимствованиям: консерватизму, национализму, марксизму.

Совокупность указанных факторов обусловила возникновение главной особенности стадиального развития России: он в большей мере был процессом формирования, чем становления буржуазного общества. Эта особенность, постоянно подпитываемая объективными факторами, во многом определяет развитие России и на современном этапе. Исторический опыт постсоветской модернизации наглядно показал необходимость тщательного рассмотрения в единой системе таких элементов как пространство России, ее природные условия, социально-политические и ментальные особенности российского социума, степень влияния на него идеологии и военно-политической мощи Запада, а также той роли, которую играет государство в модернизации

[2] См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV – XVIII вв.: Время мира – М., 1992. – Т. 3. – С. 310.

страны. Тенденции развития постсоветской России и России досоветской оказались сходными в главном: **формирование буржуазного общества, как и ранее, господствует над его объективным становлением**. Такой исторический опыт двух эпох в развитии России определяет большую значимость данного исследования.

Глава I. МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Методология исследования проблемы развития буржуазного общества в России

Анализ теорий общественного развития показал, что главную роль в исследовании проблемы формирования буржуазного общества в России могли сыграть те из них, которые способствуют выявлению в конкретно-историческом материале двух магистральных феноменов общественной эволюции, образующих противоречие развития: феномена стадиальности и феномена ее преломления в особенностях исторического движения конкретной цивилизации. К таким теориям следует отнести, прежде всего, теории общественных формаций, цивилизации, модернизации, постиндустриального общества, многоукладности, экономических и социокультурных циклов.

К середине XIX в. в философско-историческом сознании помимо прочих сложились представления о прогрессивности социальной эволюции, ее естественном характере, обусловленном развитием производительных сил, об имманентном обществу появлении, развитии и возможном преодолении разделения труда, частной собственности, эксплуатации, классов и государства в пределах трех или четырехступенчатого поступательного развития.

Именно эту методологию в качестве базовой вобрала в себя марксова периодизация истории и, прежде всего, выделение общественных формаций, то есть таких отрезков общественной эволюции, которые определялись на основе признака наличия или отсутствия антагонистических классов, эксплуатации и частной собственности. Таковых у К. Маркса обозначено три: архаическая (первичная), экономическая (вторичная)[1] и третичная[2]. Добавление еще одного крите-

[1] Следует все же признать, что несколько раз К. Маркс называет экономической и третичную общественную формацию (см. например: Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1964. – Т. 26. – Ч. 3. – С. 446), что однако не дает основания отождествлять «экономичность» вторичной с «экономичностью» третичной формации. Вероятнее всего, в первом случае К. Маркс говорит о становлении и развитии частной собственности, а во втором – об ее изжитии, уничтожении, а, следовательно, об изжитии и уничтожении всего товарно-денежного хозяйства как неотъемлемого атрибута частной собственности. То есть здесь акцент сделан не на схему, а на динамику перехода из одного качественного состояния в другое. Звеном же такого перехода становится фор-

рия (тот или иной тип получения прибавочного продукта) позволяет расчленить вторичную суперформацию на две: добуржуазную и буржуазную[3]. То есть, объединив все сословно-классовые общества, как основанные на производстве потребительной стоимости, он вместе с тем, их резко противопоставил буржуазному обществу, основанному на производстве меновой стоимости

Выделенные таким образом четыре общественные формации, кроме того, имеют в своей основе четыре исторических типа производительных сил: 1. Кладущая в основу мускульную силу человека и ручные примитивные орудия труда; 2. Использующая не только ручные металлические и деревянные орудия и средства труда, но и работающие под воздействием силы домашних животных, ветра и потоков воды; 3. Основанная на использовании машинной техники; 4. Образуемая экологизированной автоматической техникой, заменяющей рабочую, двигательную и контрольно-логическую функции работника. Система производительных сил, фиксируемая вторым историческим типом техники присуща всем без исключения добуржуазным, сословно-классовым обществам. Именно этой системе соответствует один и тот же тип отчуждения и присвоения прибавочного труда эксплуатируемых работников, а именно – потребительно-стоимостный тип, когда прибавочный труд принимал форму неоплачиваемой потребительной стоимости[4].

Данный тип отчуждения исторически реализовывался в пяти формах эксплуатации, причем не поступательно, а мозаично и в пространстве, и во времени: в рабской, оброчно-невольнической, крепостнической, арендаторской и наемной. Например, рабство и крепостничество «одинаково встречаются и в древности, и в позднейшие времена»[5], а на Востоке вообще господствующей формой эксплуатации была арендаторская.

Следовательно, все это говорит о том, что общественные формации должны определяться не по господствующим формам частно-

---

мация в формации (то есть в третичной формации), в ходе жизнедеятельности которой и происходит изжитие экономического содержания частной собственности.

[2] См.: Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1961. – Т. 19. – С. 404–419.

[3] См.: Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Там же. – М., 1968. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 472, 504.

[4] См.: Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества (история и проблема). – М., 1996. – С. 205, 219-220.

[5] Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. – СПб.,1905. – С. 69.

собственнической эксплуатации и не по традиционным историческим эпохам, а, прежде всего, по определенным общественным способам производства, которые представляют собой диалектическое единство определенной ступени развития производительных сил общества и свойственного именно ей и определяемого ею, в конечном счете, исторического типа производственных отношений. Исходя из этого, можно констатировать, что хозяйственная человеческая деятельность последовательно осуществлялась в трех исторических типах общественного способа производства: первобытно-общинном, добуржуазном сословно-классовом (рентном) и капиталистическом.

В рамках добуржуазного рентного способа производства обозначились два основных типа развития: «западный» и «восточный». Их появление обусловлено особенностью функционирования системы натуральных производительных сил, причем не только в виде технических достижениий, но и в формах организации общины.

К. Маркс выделял три типа Gemeinwesen: античный, германский, азиатский, зафиксировав тот факт, что как положительные формы присвоения природы, они существуют уже в доклассовом обществе. Соответствующие разновидности рентного способа производства возникают на их основе благодаря превращению труда и его носителей в условиях производства посредством отчуждения воли. Согласно В.В. Крылову, так называемый «азиатский способ производства» характеризовался коллективным характером отчуждения как воли трудящихся, так и экономического продукта, «античный способ производства» – индивидуальным отчуждением экономического продукта и коллективном отчуждением воли трудящихся как его предпосылке, феодализм же – как индивидуальным отчуждением воли трудящихся, так и индивидуальным отчуждением экономического продукта[6].

Поэтому нигде, кроме Западной Европы, как центра феодализма, не произошло крупномасштабной индивидуализации самого живого труда, а также процесса его отчуждения. Данное обстоятельство обусловливалось таким уникальным соотношением искусственных и природных производительных сил, при котором возникала возможность преодоления естественного компенсационного барьера капитализации, сущность которого заключается в следующем. «Для обеспечения перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышлен-

[6] См.: Капитализм на Востоке во второй половине XX в. – М., 1995. – С. 65.

ность, — отмечает С.В. Онищук, — требуется, чтобы производительность труда крестьянина в ходе интенсификации его труда не снижалась, а, значит, чтобы темп роста промышленного продукта, получаемого земледельцем в обмен на производимую им продукцию, не отставал от темпа роста его трудозатрат. Если рост трудозатрат крестьянина в ходе интенсификации земледелия не компенсируется поступлением в его распоряжение дополнительного промышленного продукта, то это приводит к снижению производительности крестьянского труда в единицах промышленного продукта и прекращению перекачки. Поэтому чем ниже темпы роста трудозатрат земледельца, требуемые для увеличения производимого им продукта, тем более низкие темпы роста промышленного продукта, поступающего в его распоряжение требуются для начала перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность»[7].

Причиной, обусловившей невозможность преодоления компенсационного барьера во всех регионах мира, исключая северо-западную Европу, стало то, что земледелие рассматриваемых регионов проходило стадию двуполья, либо пролонгированной ротации с вытеснением скота и не имело тех ресурсов, которыми располагали страны поступательного типа развития, возникшего в северо-западной Европе. Здесь, где земледелие проходило стадию трехполья с высвобождением скота, умеренный рост трудозатрат индивидуализированного крестьянина в силу высокой обеспеченности скотом, позволил начать перекачку рабочей силы еще в условиях господства мануфактурной техники, что стало основой установления абсолютных монархий. Наоборот, переход к частичной травопольной и «азиатской» системам, либо к формальному трехполью вызвал социальные кризисы и установление централизованных деспотий.

Таким образом, во всех регионах, кроме северо-западного европейского, сложился преобладающий тип развития рентного докапиталистического способа производства, при котором природно-климатический фактор обусловил такое соотношение природных и искусственных производительных сил, которое, с одной стороны, могло обеспечивать эффективный экономический рост лишь при коллективной форме организации и эксплуатации живого труда, что препятствовало формированию субъектов капитализации на существовавшей тогда технологической ступени.

---

[7] См.: Онищук С.В. Исторические типы общественного воспроизводства: политэкономия мирового исторического процесса. – М., 1995. – С. 26.

Итак, наиболее адекватным взглядом на периодизацию общественной эволюции является, по нашему мнению, созданная К. Марксом теория общественных формаций, но с более жесткой ориентацией на критерий, исходящий из марксовой же политэкономической концепции.

Исследование показало, что данный подход коррелирует с результатами исследований сторонников теории постидустриального общества. Основным признаком доиндустриальной стадии развития они считают такую организацию производства, при которой почти вся рабочая сила занята в непосредственном производстве предметов потребления, в основном продовольствия, механизмы обмена неразвиты, процессы урбанизации находятся в зачаточном состоянии, политическая элита осуществляет управление обществом без серьезной экономической базы своей власти.

По словам Д. Белла, «жизнь в доиндустриальных обществах, которые до сих пор являются основной формой существования для большинства населения мира, представляет собой главным образом взаимодействие с природой. Рабочая сила занята преимущественно в добывающей промышленности: сельском и лесном хозяйстве, горном деле и рыболовстве. Человек использует грубую мускульную силу, действует унаследованными от предыдущих поколений методами и его восприятие окружающего мира формируется под влиянием природных условий определенной местности…»[8]. Ему вторит О. Тоффлер, отмечающий, что «общества «первой волны» получали энергию от «живых аккумуляторов» – мускульной силы человека и животных – или от солнца, ветра и воды… товары обычно производились кустарным способом… поштучно и на заказ…»[9]. Ж. Бодрийяр указал, что примитивные общества не обладали ни специфическим способом производства, ни самим производством в том смысле, в каком эти понятия применимы для анализа современного социума[10]. Аграрное хозяйство отличается от индустриального тем, что в качестве основного ресурса оно использует сырье, а не энергию, предполагает извлечение продуктов из природных материалов, а не их производство и вынуждено наиболее интенсивно использовать труд, а не капитал[11].

---

[8] Bell D. The Caltural Controdictions of Capitalism.- N.Y.,1976.-P.147.
[9] Toffler A. The Third Wave.- N.Y., 1980.- P.25-26.
[10] Baudrillard J. The Mirror of Production // Selected Writings.- Cambridge, 1988.- P.115.
[11] Bell D. The Caltural Controdictions of Capitalism.- N.Y.,1976.-P.198.

Представляется, что для исследования проблемы формирования буржуазного общества в России важно обратить внимание на то, что основополагающей закономерностью общественного развития является не только его стадиальный характер, но и то, что длительные стадии-формации постепенных количественно-качественных изменений в пределах данного коренного качества сменяются *переходом* к другой длительной стадии-формации постепенного развития. Такие переходы К. Маркс назвал социальными революциями.

Социальная революция, по К. Марксу представляет собой только часть довольно длительного процесса, преобразующего глубинные основы общественного устройства и, в первую очередь, определенные ступени производительных сил и соответствующих им производственных отношений. К. Маркс по этому поводу пишет: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»[12]. Таким образом, К. Маркс считал, что в переломные эпохи, в первую очередь, происходит качественный скачок в производительных силах, вслед за ним – в производственных отношениях (социальная революция), а после – в надстроечной сфере и общественном сознании. Отсюда логично заключить, что все эти четыре процесса являются гармоничными гранями одного общественного явления, которое В.П. Илюшечкин назвал межформационной социальной революцией.

Нам представляется, что наиболее оптимальным методологическим подходом к пониманию революции являлось бы ее рассмотрение в двух смыслах – в широком и в узком: в первом случае как глобального по масштабам и длительного по времени коренного переворота общественной жизни, а во втором случае, как социально-политических кульминаций этого процесса. Данный взгляд был впервые сформулирован и обоснован В.И. Лениным на примере рассмотрения понятия «завершение буржуазно-демократической революции»: «Если его употребляют в широком смысле, то под ним разумеют решение объективных исторических задач буржуазной революю-

[12] Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах. – М., 1948. – Т. 1. – С. 322.

ции, «завершение» ее, то есть устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение *всего цикла* буржуазных революций. В этом смысле, например, во Франции буржуазно-демократическая революция *завершена* была лишь 1871 годом (а начата в 1789 г.). Если же употребляют слово в узком смысле, то имеют в виду революцию отдельную, одну из буржуазных революций, одну из «волн», если хотите, которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций»[13].

Признавая правоту такого подхода, мы, однако, считаем, что более приемлемым в историческом исследовании является определение социального скачка длительного типа не как революции, а как *революционного процесса*, так как это предотвращает терминологическую путаницу, неизбежную при сопряжении различных методологических школ.

Буржуазный межформационный переход в исторической и социологической литературе нередко обозначают через термин «модернизация»[14], что вызывает справедливые возражения, ибо до сих пор весь блок понятий, – «модернити», «модернизм», «модернизация», – не имеет однозначной и более менее фундированной трактовки. Дело в том, что сам по себе модернити-подход не оставляет надежд на верные методологические решения, так как «под модернити может пониматься любой исторический период, рассматриваемый современными исследователями как вполне развитый и зрелый»[15], причем по совершенно различным основаниям. И тогда мы можем считать модернити и христианскую эпоху (modernus в противоположность antiqus)[16] и эпоху, основанную на идеалах Просвещения[17], и период индустриализма и капитализма[18], и совершенно особый социокультурный временной отрезок с XVII по конец XIX века[19] и т.д.

Последним словом в довольно схоластической дискуссии о социокультурном статусе модернити, ведущейся уже несколько десятилетий в лоне постмодернистских исследований, стал вполне баналь-

---

[13] Ленин В.И. Заметки публициста // Ленин В.И. ПСС. – М., 1973. – Т. 19. – С. 246–247.

[14] См.: напр.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XYIII – начало XX в.). – СПб., 1999. – Т. 2. – С. 284-356.

[15] Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. – М., 1998. – С. 135.

[16] См.: Calinescu M. Five faces of Modernity. – Durhan (NC), 1987. – P. 13.

[17] См.: Callinicos A. Against Postmodernism. A Marxist Critique. – Cambridge, 1994. – P. 32.

[18] См.: Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society. New Theories of the Contemporary World. – Oxford (UK) – Cambridge (USA), 1995. – P. 32.

[19] См.: Rose M.A. The Post-Modern and the Post-Industrial. A Critical Analysis. – Cambridge, 1991. – P. 9.

ный вывод – признание того, что Запад и сегодня не вышел из этапа и состояния модернити[20].

Однако понимание определенной методологической слабости теории модернизма не может служить основанием для отказа от ее использования и, в первую очередь, ее терминологического аппарата. Так, понятие «модернизация» в качестве рабочего термина может найти применение, если будет истолковано нами в духе тех авторов, которые отождествляют его с буржуазной трансформацией, то есть, иными словами, с революционным переходом к буржуазному обществу[21]. Следовательно, под *модернизацией* логично понимать не любое усовершенствование (осовременивание) социальной структуры, а лишь то, *которое способствует становлению буржуазной формации.*

Такой вывод в целом совпадает с результатами исследований школы модернизации. В.В. Алексеев, подводя итог этим исследованиям, пишет: «В общем модернизацию можно охарактеризовать как процесс, посредством которого традиционные, аграрные общества трансформируются в современные, индустриальные. Данный переход приводит к появлению и развитию передовых индустриальных технологий, а также соответствующих им политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих указанные технологии поддерживать, использовать и управлять ими.<…>Термин «модернизация», таким образом, должен описывать множество одновременных изменений на различных уровнях»[22]. Исходя из этого, такие структурные модернизационные элементы, как: экономическая модернизация, городская, демографическая, культурная и политическая, рассматриваемые в рамках теории модернизации[23], гармонично ложатся в русло формационного подхода как грани буржуазного межформационного процесса.

Отсюда следует, что теория модернизации предлагает исследователям не только удачную рабочую терминологию, но и способству-

---

[20] См.: Heller A., Feher F. The Postmodern Political Condition. – Cambridge, 1988. – P. 156-157.

[21] Например, И.Ф. Гиндин по этому поводу писал, что «модернизация» представляет сам процесс возникновения и развития капитализма и смены им докапиталистического строя». См.: Гиндин И.Ф. Проблемы «модернизации» и индустриализации и их видоизменение с XVI по XX век // Материалы к V Международному конгрессу экономической истории. – М., 1970. – С. 1.

[22] См.: Алексеев В.В. Модернизационная перспектива: проблемы и подходы // Опыт российских модернизаций. XVIII- XX века.- М., 2000.- С.15.

[23] См.: Вишневский А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М., 1998. – С. 428.

ет наполнению понятия «межформационный революционный переход (процесс)» более богатым и более динамичным содержанием, нежели сама теория общественных формаций. Иными словами, теория модернизации имеет методологическую перспективу в сопряжении с формационной парадигмой и в ее рамках, как содержательная основа исследований. И не случайно многие представители школы модернизации (С. Хантингтон, С. Блэк, Д. Лернер, М. Леви, Э. Соу) в качестве характеристик модернизации приводят такие положения, которые являются неотъемлемыми элементами формационного подхода. Модернизация, на их взгляд, – это процесс революционный, комплексный, системный, глобальный, длительный, стадиальный, необратимый, гомогенизирующий, прогрессивный[24].

Прежде всего, модернизация – это длительный процесс, включающий в себя как взрывные общественные явления (например, политические революции), так и относительно спокойные преобразования, которые могут проходить в виде или стихийных социальных процессов, или целенаправленно проводимых реформ. Данное положение отвергает в целом господствующие представления, абсолютизирующие противоречия между реформами и революцией[25]. Ведь реформы – это всего лишь средство преобразования, которое может использоваться как в революционную эпоху, так и в период стабильного эволюционного развития. Следовательно, логическое понятие «реформы» не может входить в дуальную оппозицию понятиям «революция» или «эволюция», так как содержания этих понятий различны. Их объемы пересекаются лишь при определенных условиях, и они не являются членами деления какого-либо другого (родового) понятия. Поэтому, противоположностью реформизма может быть или традиционализм, или консерватизм, но никак не революция.

Более широкий характер модернизации проявляется не только в динамике преобразований, но и в объеме социального пространства, затронутого этими преобразованиями. По самой своей сути межформационный процесс неминуемо втягивает в свой водоворот все сферы общественной жизни, формируя их как пласты модернизации. Коренное обновление наступает в технико-технологической структуре производства, в формах хозяйствования, политических институтах, культурных и социальных ценностях в целях обеспечения наиболее бла-

[24] См. : Алексеев В.В. Указ. соч.- С.28-32.

[25] См. напр.: Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. – СПб., 1998. – С. 129.

гоприятных условий для развития общества. В противоположность этому попытки осовременить лишь отдельные сегменты социума, и, в первую очередь, государство и другие элементы надстройки не приводят к возникновению общего потока преобразований. Например, в России XVII-XVIII веков модернизация государства, вызванная по большей части внешними причинами, замкнулась на саму себя, способствовав зарождению лишь элементов будущих коренных изменений.

Другой важной особенностью модернизации является ее волнообразный, циклично-спиралевидный характер. В России эта закономерность просматривается не только в экономической сфере, но и в развитии всего общественного организма.

В своем исследовании А.С. Ахиезер установил, что механизм прогрессивной цикличности заключен в социокультурном противоречии – противоречии между социальными отношениями и субкультурой, то есть двумя аспектами воспроизводственной человеческой деятельности[26]. «Социокультурное противоречие, – пишет А.С. Ахиезер, – обнаруживается в появлении культурных программ, которые смещают воспроизводственную деятельность таким образом, что в результате разрушаются, становятся нефункциональными жизненно важные социальные отношения»[27]. Ситуация может складываться и иначе, когда новые социальные отношения торпедируют сложившуюся культуру. В любом случае появление социокультурных инноваций воспринимается массовым дуально-оппозиционным сознанием, «как внутреннее раздвоение культурной напряженности личности»[28]. Нарастание дискомфортного состояния личности со всеми разрушительными последствиями или прилив творческой энергии субъекта, направленной на преодоление дискомфортного состояния путем изменения, либо социальных отношений в соответствии с комфортной культурой, либо культуры в соответствии с социальными отношениями, либо того и другого одновременно. Особенность этого процесса состоит в том, что дуальноппозиционное сознание ищет выход только через инверсию, то есть через моментальный переход от осмысления явления через один полюс к осмыслению через противо-

[26] См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Новосибирск, 1997. – Т. 1.
[27] Там же. – С. 56–57.
[28] Там же. – С. 69.

положный. Другими словами через переход от одной конструктивной напряженности к другой.

В процессе исторического развития культуры инверсия постепенно перерастает в медиацию, то есть в поиск некоторого промежуточного варианта, образуемого в результате сложного взаимопроникновения полюсов. Однако для России становление медиации как социального явления можно рассматривать только как историческую тенденцию, которой активно противостоят неразвитое массовое сознание, культурные стереотипы, способы поведения и деятельности, определенные социальные отношения и институты. Поэтому в социокультурном развитии России большое место занимает инверсионная логика, которую А.С. Ахиезер находит в постоянно усложняющейся диалектической борьбе двух идеалов: соборного и авторитарного. Полем этого противостояния стали два семиэтапных цикла российской истории на пути от традиционной к буржуазно-либеральной цивилизации.

Таким образом, социальная теория А.С. Ахиезера помогает глубже понять структуру и механизм модернизационных процессов именно в аспекте социокультурной динамики. Однако не меньший интерес и значение представляет изучение модернизации базисных экономических элементов российского общества. И здесь следует обратиться к весьма плодотворной идее экономических циклов, которая позволяет, во-первых, «отказаться, – как пишет В.Т. Рязанов, – от линейного представления о сути экономического прогресса, сводящего его к непрерывному и монотонному росту»[29], так как экономическое развитие значительно более многогранно, запутанно и противоречиво; во-вторых, «раздвинуть временной горизонт экономических исследований, изучать текущие события и хозяйственную конъюнктуру в исторической динамике, что дает возможность по-новому соотносить необратимые экономические процессы, определяющие направленность прогресса, с возвратными (инверсионными), которые порождают существование похожих циклов в пульсирующем течении общественно-экономической жизни»[30]; в-третьих, – выйти на определение детерминант, влияющих на будущие экономические процессы, их плотность и динамику.

[29] Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. – СПб., 1998. – С. 19.
[30] Там же.

Экономические циклы – явления со сложной структурой, обусловленные, в первую очередь, действием эндогенных факторов. И поэтому, как считает В.Т. Рязанов, экономический цикл есть «субординированная комбинация взаимосвязанных и объединенных общей логикой фаз, каждая из которых становится генератором последующей, а сама она приобретает способность регулярно воспроизводиться в будущем»[31]. Разнородность объективных факторов, вызывающих экономические волны, определяет их разноплановость.

В теории обычно выделяются краткосрочные, среднесрочные, длительные и сверхдлительные циклы. Все они в той или иной мере вписываются в структуру межформационных изменений. Однако особый интерес представляет анализ сверхдлинной модернизационной волны – гиперцикла российской экономики, который продолжается, как считает В.Т. Рязанов, почти два века и имеет ряд особенностей[32]. Это, во-первых, пульсирующий характер рыночных преобразований, проявляющийся через чередование реформ и контрреформ. Во-вторых, развитие через две модернизационные волны: раннекапиталистическую и позднеиндустриальную. В-третьих, медленное и неоднозначное развитие рыночных отношений, обусловленное в значительной мере спецификой условий хозяйствования, действием внутренних и внешних ограничителей. В-четвертых, решающая и господствующая роль государства в экономической модернизации.

Итак, теории социокультурных и экономических циклов, так же, как и теория модернизации, не нарушая формационной парадигмы, вносят в нее новые подходы и тем самым способствуют активизации формационных исследований.

Этому не противоречит и широко используемый сейчас цивилизационный подход. Их стыкуемость исходит из субординированного анализа двух взаимопроникающих пластов исторического процесса. Если первый пласт охватывает многообразие исторического движения, его особенности в этническом, религиозном, хозяйственном, психологическом и других отношениях, и изучается методами цивилизационного подхода и, в первую очередь, сравнительно-историческим, то второй, глубинно сущностный пласт, воплощает в себя единство исторического процесса, его основу и самые общие закономерности развития общества, познаваемые лишь средствами марксовой и абстрактно-логической формационной методологии.

[31] Там же. – С. 16.
[32] Там же. – С. 113–136.

Следовательно, стадиальные преобразования в России конкретизируются, преломляются ее цивилизационными особенностями, местом и ролью в системе цивилизаций. Это способствует пониманию того, что любое общество необходимо осмысливать как развивающуюся систему, не выводимую из общих законов и моделей, а изучаемую на основании их[33].

Анализ коренных стадиальных изменений российской цивилизации предполагает, в первую очередь, необходимость четкого понимания сущности модернизации во всех ее сферах и отношениях, а также определения признаков, на основании которых можно будет безошибочно отделить предпосылки революционного процесса от него самого. Для этого важна суть буржуазной формации как системы, определяющей лицо общества современного типа.

В первую очередь необходимо подчеркнуть, что понятие «буржуазное общество» не тождественно понятию «капиталистическое общество». Первое шире второго. При этом буржуа – это не обязательно капиталист, но последний – обязательно буржуа. Буржуазное общество, зарождаясь как денежное рыночное хозяйство, не теряя этого качества, со временем, с развитием мануфактурного и фабричного производства приобретает еще одно свое свойство - капиталистический характер. Оно выражается в эксплуатации наемного труда. Таким образом, *буржуазное общество* – это фаза общественного развития, в котором господствующими становятся общественные отношения разнообразных агентов товарного обращения при неуклонном возрастании роли капиталистов, то есть буржуа, использующих наемный труд[34]. Исходя из этого мы можем говорить о *двух* этапах длительной буржуазной модернизации: этапе докапиталистической буржуазной модернизации и этапе капиталистической буржуазной модернизации.

Основу и интегративное ядро буржуазной общественной формации составляет капиталистический общественный способ производства, который представляет собою диалектическое единство машинно-индустриальный ступени развития производительных сил и обу-

---

[33] См.: Шанин Т. Постскриптум: Вопросы выбора // Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. – 1917-1922 гг. – М., 1997. – С. 470–484.

[34] См.: Энгельс Ф. Письмо Николаю Францевичу Даниельсону, 17 октября 1893 // Маркс К., Энгельс Ф.Сочинения. Изд. 2-е.- М.,1962.- Т.39.- С.128; Энгельс Ф. Письмо К. Марксу в Лондон, 23 сентября 1852 г.// Маркс К., Энгельс Ф.Сочинения. Изд. 2-е.- М.,1962.- Т.28.- С.116; Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу в Манчестер, 8 октября 1858 г.// Маркс К., Энгельс Ф.Сочинения. Изд. 2-е.- М.,1962.- Т.29.- С.295.

словленного ею товарно-капиталистического типа производственных отношений.

В системе производительных сил капитализма «преобладающее положение занимает накопленный овеществленный труд в виде промышленных, энергетических, транспортных и прочих предприятий...»[35]. Свойственная этой системе производственная техника опредмечивает не только двигательно-энергетическую, но также рабочую, а в ряде производств и контрольно-логическую функции работника. Продукция большинства капиталистических предприятий имеет товарную и стоимостную форму. «Соответственно, экономическая реализация отношений собственности сводится к отчуждению и присвоению прибавочного труда наемных рабочих в виде прибавочной стоимости. Этот же тип экономической реализации господствующих отношений собственности и определяет собою природу и тип производственных отношений капиталистического общества»[36].

Сущность капитализма наиболее удачно выразил К. Маркс: «Каким же образом сумма товаров, меновых стоимостей становится капиталом?» – задает он вопрос и тут же на него отвечает: «Она становится капиталом благодаря тому, что она, как самостоятельная общественная сила, то есть как сила, принадлежащая одной части общества, сохраняется и умножается путем обмена на непосредственный живой труд ... капитал предполагает наемный труд, а наемный труд предполагает капитал. Они взаимно обусловливают друг друга, они взаимно порождают друг друга»[37].То есть капитализм обретает свою завершенность только тогда, когда сложившаяся исторически из рынка докапиталистического «сумма товаров, меновых стоимостей» существует за счет эксплуатации, отчуждения наемного свободного труда. Из этого видно, что «сумма товаров, меновых стоимостей» является в этом единстве положительным диалектическим моментом, который совпадает с целым, а труд – отрицательным, ибо содержится в нем и «стремится» к его преодолению. Данную диалектику, к сожалению, не замечают некоторые современные авторы[38], усматривающие сущность капитализма только в воспроизводстве материальных

---

[35] Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества (история и проблема). – М., 1996. – С. 242.

[36] Там же.

[37] Маркс К. Наемный труд и капитал // Маркс К, Энгельс Ф. Соч., 2е изд. – М., 1957. – Т. 6. – С. 443–444.

[38] См.: Бородин Е.Т. Что у нас произошло в 1917 году? // Социально-политические науки. – 1991. – № 9. – С. 11.

благ и собственности на основе отчуждения и эксплуатации наемного труда, не учитывая, что без своей противоположности свободный наемный труд неизменно теряет свой «свободный» характер и приобретает другой – принудительный, который соответствует совершенно иной общественной формации.

Полностью единство рыночного выявления стоимости и наемного труда может утвердиться лишь при наличии двух условий. Первое – это развитое массовое индустриальное производство, которое, в свою очередь, не имеет исторической перспективы без указанного нами единства составляющих его противоположностей. Второе условие – это включенность национального хозяйства в мировой рынок, ибо капитализм немыслим без постоянно расширяющегося товарного производства и пристегивания через него к себе всей хозяйственной жизни планеты.

Таким образом, рыночное выявление и накопление стоимостей (на внутреннем и мировом рынках), полученных в результате эксплуатации наемного индустриального труда и докапиталистических укладных форм и составляет сущность капитализма. Это тот локомотив, который выстраивает на свою колею весь «состав» буржуазной формации, то есть все сферы данного общества.

В узкосоциальном срезе для капитализма характерны: четко сформированная классовая структура, глобальная урбанизация, новые демографическая и поведенческая парадигмы, господство отчужденных товарным производством отношений между людьми, высокая социальная мобильность, светский характер общественной жизни, преобладание инноваций над традициями, динамизм и ориентация на эффективное использование ресурсов.

Буржуазная социально-классовую система в качестве главных элементов включает классы буржуазии и пролетариата. У буржуазии основными идентификационными признаками являются наличие капиталистической собственности на средства и факторы производства и эксплуатация наемного труда. Пролетариат капиталистического общества в предельно широком понимании включает так называемых производительных рабочих[39], то есть всех лиц наемного труда, прямо

[39] К. Маркс по этому поводу писал: «Тот рабочий производителен, который выполняет производительный труд, и тот труд производителен, который непосредственно создает прибавочную стоимость, то есть увеличивает стоимость капитала». Маркс К. [Капитал] Книга первая. Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – М., 1974. – Т. 49. – С. 94.

участвующих в создании прибавочной стоимости или наемной рабочей силы. К ним относятся: традиционный рабочий класс (фабрично-заводские, транспортные, сельскохозяйственные рабочие, шахтеры, рабочие в торговле и сфере услуг), который продает предпринимателям в основном свою физическую силу; инженерно-технические работники и служащие в области производственного управления и трансакционного сектора, продающие, главным образом, свою интеллектуальную рабочую силу; наемные работники медицины, образования, науки и искусства.

Такое предельно широкое понимание пролетариата и буржуазии сужает социальное пространство так называемых промежуточных, средних слоев, к которым можно причислить лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью на основе мелкой собственности без использования или со спорадическим использованием наемной рабочей силы. В марксистской интерпретации эти слои получили наименование мелкобуржуазных[40]. К средним слоям логично отнести также тот пролетариат, сущность которого не имеет капиталистического характера (слуги, государственные чиновники, полиция, военнослужащие-наемники) и различного рода учащихся, а также лиц со смешанными видами деятельности.

Таким образом, в теоретической идеальной социальной конструкции буржуазного общества предполагается сосуществование и взаимодействие пролетариата, буржуазии и промежуточных слоев.

В политической сфере капиталистическому способу производства наиболее адекватны политические институты и механизмы либеральной буржуазной представительной демократии и гражданского общества, образование национальных государств и их борьба за свои политические и экономические интересы. Непосредственной переходной формой становления буржуазной политической системы в Европе оказался абсолютизм.

Термин «абсолютная монархия» был введен в употребление историками Ж. Мишле и О. Тьерри для обозначения *власти монархов, освободившихся от участия сословно-представительных учреждений в управлении страной или сделавших их послушными орудиями в своих руках*[41], что отнюдь не означало, что монарх был полностью

[40] См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России… // ПСС. – Т. 3. – С. 506; Ленин В.И. Либерализм и демократия // Ленин В.И. ПСС. – М., 1973. – Т. 21. – С. 241.

[41] См.: Павлова-Сильванская М.П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. – 1968. – № 4. – С. 78.

свободен от влияния других факторов: соотношения классовых сил, фаворитизма, условий воспитания наследника, бюрократического окружения, внешнеполитических обстоятельств. Мы можем только говорить, что важнейшими признаками абсолютистского строя является его относительно большая, чем при других формах государственного устройства самостоятельность по отношению к господствующему классу. Отсюда закономерно вытекает и относительно более высокая роль армии, полиции и бюрократии. Значительное развитие получают фаворитизм и придворная камарилья.

Нельзя забывать и о выработанных и насаждаемых абсолютистскими режимами специфических чертах идеологии: превознесение вплоть до обоготворения монархов, признание непререкаемости и незыблемости их авторитета[42]. С экономической точки зрения для возникновения абсолютизма достаточно такой степени экономического развития страны, когда она благодаря торговле и правильно организованной финансовой системе превращается в единое экономическое целое[43].

Абсолютизм является формой правления, которая может облечь разное социально-политическое содержание[44]. И действительно, классический абсолютизм был продуктом равновесия сил двух классов – феодалов и буржуазии[45]. Однако, это не относиться к абсолютизму в Пруссии, России и других странах[46]. Данный факт дает основание различать два типа абсолютных монархий: западноевропейские, в которых существовало равновесие сил между буржуазией и дворянством и «остэльбские», характеризующиеся преобладанием земельного дворянства[47].

Для нашего исследования важно подчеркнуть, что любой абсолютистский режим представляет собой феномен, вызванный к жизни революционными процессами перехода к буржуазной формации, – в

---

[42] См.: Шапиро А.Л. Об абсолютизме в России // История СССР. – 1968. – № 5. – С. 70.

[43] См.: Аврех А.Я. О природе российского самодержавия // Система государственного феодализма в России. Сборник статей. – М., 1993. – С. 268; Павленко Н.И. У истоков российской бюрократии // Вопросы истории. – 1989. – № 12. – С. 3.

[44] Шапиро А.Л. Указ. соч. – С. 70.

[45] См.: Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – Т. 18. – С. 254.

[46] См.: Самойло А.С. Проблема абсолютной монархии в современной марксистской и буржуазной историографии (по материалам X Международного конгресса историков в Риме в сентябре 1955 г.) // Средние века. – М., 1959. – Вып. XVI. – С. 131–132.

[47] См.: Павлова-Сильванская М.П. Проблема русского абсолютизма в современной буржуазной литературе // История СССР. – 1969. – № 6. – С. 226.

одних случаях в виде результата непосредственного влияния капитализма и буржуазии на политическую организацию общества, в других – в форме защиты квазикапиталистической периферии от натиска передовых стран. В любом случае абсолютизм – это *такая феодальная монархия, которой присуща, в силу ее внутренней природы, способность эволюционировать и превращаться в буржуазную монархию*. Она является «*современным* государством, в отличие от предшественника, которого можно назвать государством архаичным. Современный абсолютизм надо понимать в том смысле, что он создает *все элементы* современного буржуазного государства»[48].

В духовной области происходит утверждение нового типа личности и культуры с характерным для них преобладанием утилитаризма, прагматизма, индивидуализма и либеральных ценностей свободы, частной собственности и правового государства; наблюдается процесс стремительного роста образования, приобщения к техническим и научным знаниям. Именно в период формирования буржуазного общества возникает идеология, то есть совокупность упрощенных идеализированных представлений тех или иных социальных сил (особое состояние общественного сознания в виде организации мнений, позиций и ценностей, способа размышлений о человеке и обществе), в которых социальная функция доминирует над реальным содержанием и искажает его в определенных интересах.

Либерализм стал одной из главных идеологических форм, которые были порождены капитализмом. Он отразил положительное отношение к изменению как постепенному процессу, то есть к эволюционному развитию как норме. В этом были заинтересованы, прежде всего, промышленная буржуазия и тесно связанные с ней торговые и финансовые круги[49]. Либерализм выступал как полная противоположность синкретического идеала, присущего традиционному обществу. Он противопоставлял инверсионному типу изменений синтез, постоянный поиск меры. Согласие достигается здесь не через веру и традицию, а через диалог и критику. В центре либерализма – активная личность, попытка найти синтез личного и общего в процессе развития через реализацию соответствующего идеала. Он состоит в

[48] Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. – 1968. – № 2. – С. 89, 95.
[49] См.: Капитализм на Востоке во второй половине XX в. – М., 1995. – С. 45–46.

выдвижении личности на первый план как источник нового, как самоценность, реализация которой ведет к общей пользе[50].

Следовательно, либерализм – это система индивидуалистическая, дающая человеческой личности и ее правам превосходство над всем остальным. Однако, либеральный индивидуализм не абсолютен, а относителен, так как требует создания объективного правового порядка, противостоящего воле отдельных людей и связывающего ее, но делающего это в той мере, которая защищает предпринимательский дух и субъективные права личности[51].

Реализация этого основного принципа и, соответственно, формирование гражданского общества[52] может осуществляться по трем направлениям: через развитие гражданской экономической свободы (устранение ограничений частной собственности и предпринимательства), гражданской правовой свободы (автономия и гарантия личной инициативы в неэкономических сферах) и политической свободы (участие граждан в управлении государством). Становление указанных элементов и в целом всей системы и составляет содержание модернизационных процессов. Поэтому одной из главных проблем, решаемых в ходе нашего исследования, является вопрос о том, когда, при каких условиях и с какими особенностями межформационные изменения происходили в России.

При этом нас особо будет интересовать историческая картина диалектического взаимодействия содержательно-сущностных и функциональных сторон капиталистического развития. Впервые на их несовпадение в отечественной науке обратили внимание В.В. Крылов и А.С. Фурсов. Они, ссылаясь на К. Маркса и А.В. Чаянова, на объемном историческом материале развивающихся стран, доказали, что «капиталистическим тот или иной элемент может быть как субстанционально, содержательно, так и функциональ-

---

[50] См.: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 194–195.

[51] См.: Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. – М., 1995. – С. 3–4.

[52] В данном случае под гражданским обществом понимается идеальное сообщество свободных ассоциаций граждан и индивидов, не зависимых от государства и контролирующих его деятельность с точки зрения гражданских и политических свобод (А. Токвиль). См.: Макарин А.В. Бюрократия в системе политической власти. – СПб., 2000. – С. 69. Это понимание, однако, не означает отсутствие основ гражданского общества в добуржуазной формации. Гражданское общество, как считал К. Маркс, существовало, но его «расчленение... имело еще политический характер и политическое государство было гражданским обществом». Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. – М., 1955. – Т. 1. – С. 313.

но...»[53]. Некапиталистический элемент, выполняющий капиталистическую функцию в мир-системе, – это далеко не то же, что капиталистический по содержанию элемент, выполняющий капиталистическую функцию.

Поскольку при капитализме производственные отношения приобретают чисто экономический характер, возникает необходимость в институтах, регулирующих отношения непроизводственные и внеэкономические. Эти институты являются в виде политики государства как органа, отделившегося от экономики и обеспечивающего существование капиталистической собственности и реализацию капитала как содержания, то есть мы видим, что капитал-функция не совпадает с капиталом-субстанцией[54].

Ввиду своей функциональности производственные отношения капитализма внелокальны, они охватывают весь мир, придавая функционально-капиталистический характер некапиталистическим укладам и формам, работающим в новых условиях в конечном итоге на капитал-субстанцию.

Таким образом, капитализм в силу специфики его производительных сил и производственных отношений выступает как такая система, в которой целый ряд элементов либо не имеет капиталистического содержания (уклады, формы эксплуатации), либо вообще представлен автономной функцией, отделенной от какого бы то ни было производственного содержания (государство, политика). Противоречие этих функциональных (формальных) элементов с субстанциональными реализуется на практике и как противоречие различных социальных сил.

Кроме отмеченной особенности, во всех странах позднего развития капитализма происходят процессы многоукладного системообразования. В данной связи следует отметить, что еще экономическая теория К. Маркса, характеризуя раннюю ступень развития индустриальных производительных сил в контексте становления капитализма как мировой системы, раскрывает механизм подчинения традиционных укладов капиталу. То есть К. Маркс размышляет об экономической системе капитализма в ее функциональных проявлениях и, в частности, исследует функциональные «костыли» капитала в лице

[53] Фурсов А.И. Капитализм в рамках антиномии «Восток-Запад»: проблемы теории // Капитализм на Востоке во второй половине XX в. – М., 1995. – С. 32.
[54] Там же. – С. 47.

«прошлых или исчезающих с его появлением»[55] способов производства. Этот анализ строится на различении по меньшей мере трех основных моментов, которые описывают именно функциональные проявления капитализма.

Во-первых, это особый характер воздействия законов развития мировой системы капитализма на формы укладного взаимодействия в странах, ставших на путь модернизации. Этот характер заключается в том, что капиталистические производственные отношения формировались здесь в основном как элемент, привнесенный извне[56]. В. Крылов по этому поводу пишет, что на периферии капитализма «в начале формируются новые производственные отношения и лишь в их рамках только и оказывается потом возможным подтянуть производительные силы до уровня, уже достигнутого эпицентрами мирового развития»[57].

Во-вторых, овладение капиталом различными фазами воспроизводственного процесса протекает неравномерно, в результате чего формируются «расщепленные» уклады, в которых отдельные фазы воспроизводственного процесса не стыкуются с последующими фазами воспроизводственного процесса данных же укладов, а попадают в подчиненное положение по отношению к соответствующей фазе воспроизводственного процесса капиталистического уклада.

В-третьих, происходит стадиальная регрессия капитала на периферии мирового капиталистического хозяйства. В ней отслеживаются две линии. Первая – «обратная» эволюция капитала – из производительного в непроизводительный или превращение его в «некапитал» – докапиталистические формы производства, подчиненные, однако, потребностям воспроизводства капитала и развивающиеся в соответствии с историческими ступенями эволюции самого капиталистического способа производства, то есть речь идет о вырождении капитала в какую-либо предшествующую ему социальную форму. Вторая линия – регрессия капитала в пределах собственно капиталистического уклада, его эволюция из формы технологически и социально более зрелой в форму менее зрелую (например, переход от фабрики к мануфактуре).

---

[55] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – М., 1969. – Т. 46. – Ч. II. – С. 155.

[56] См.: Там же. – Ч. I. – С. 46.

[57] Крылов В.В. Капиталистически ориентированная форма общественного развития освободившихся стран (к методологии марксистского исследования) // Рабочий класс и современный мир. – 1983. – № 2. – С. 22.

Положение К. Маркса о том, что капитал может воспроизводить сам, «от себя», еще докапиталистические по своей внутренней структуре формы производства, а не только разрушать их при соприкосновении с ними, является ключевым в понимании природы периферийной многоукладности как системы, подчиненной потребностям движения капитала. Обозначенные Марксом формы могут быть охарактеризованы как возникающие в ходе межукладной регрессии капитала *квазикапиталистические*, неотрадиционные формы, *сущностью которых является то, что труд в них даже формально еще не подчинен капиталу, а работник – «пролетарий» de facto в действительности уже эксплуатируется капиталистом с использованием различных методов внеэкономического принуждения или монополии собственника.*

Важнейшей особенностью генезиса капиталистического способа производства является наличие в его содержании *государственно-капиталистичеких* элементов. Феномен государственного капитализма понимается двояко. В первом случае госкапитализм предстает как определенный (чаще всего, высший) этап развития буржуазной формации, главным содержанием которого, по взглядам его теоретиков, становится тотальное огосударствление всех сфер жизни общества, прямое первичное изъятие государством прибавочного продукта и превращение государственного аппарата в совокупного капиталиста. О таком понимании госкапитализма впервые стали говорить некоторые представители социалистической мысли. Так, например, П.А. Кропоткин в своей книге «Современная наука и анархия» предостерег социалистов от продвижения к «государственному капитализму», то есть к тому положению, когда «государство владеет всем необходимым для производства и жизни вообще»[58]. Такое же предостережение содержала и программа партии социалистов-революционеров[59]. Очевидно, именно эта традиция в русле социалистической мысли стала отправным моментом для возникновения целой теории «государственного капитализма», пытавшейся объяснить советские реалии времен сталинского индустриального деспотизма[60]. В современной отечественной экономической науке наиболее после-

[58] Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. – М., 1990. – С. 369.
[59] См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы в 3-х тт. – М., 1996. – Т. I: 1900–1907. – С. 116–117.
[60] См.: Клифф Т. Государственный капитализм в России. – Б/М, 1991.

довательно данную точку зрения развивает С.С. Губанов[61]. Ее слабость состоит в невозможности доказать капиталистическую сущность почти полностью огосударствленной плановой экономики, а именно – наличие в ней рыночного выявления стоимости в государственном хозяйстве, присутствие частнокапиталистического характера присвоения прибавочной стоимости и капиталистического характера наемного труда.

Второй взгляд на государственный капитализм родился из осмысления опыта организации экономической системы Германии в годы Первой мировой войны. Немецкие и австрийские экономисты и социологи, близкие по своим взглядам к социал-демократическим идеям, называли ее первоначально «военным социализмом», а затем – более адекватно «государственным капитализмом»[62]. Известный австрийский социолог и экономист Людвиг фон Мизес так характеризовал госкапитализм: «Управление отдельными отраслями производства было поручено принудительно созданным ассоциациям предпринимателей, работавшим под правительственным надзором. Установление твердых цен и большие налоги на прибыль с несомненностью свидетельствовали, что в данном случае предприниматели были просто служащие, которые получили долю прибыли»[63].

Для выяснения сущности госкапитализма необходимо использовать не только теоретический, но, прежде всего, исторический подход. Именно исторические исследования позволяют признать, что «эпохи свободной конкуренции в ее законченном универсальном виде никогда не существовало»[64]. Ей всегда противостояла система государственных мероприятий в виде протекционизма, меркантилизма, колониализма, национализации, государственно-монополистического капитализма (ГМК) и других вариантов государственного регулирования. Фритредерские тенденции заметную роль играли только в период от первой до последней четверти XIX века и то лишь в отдельных частях Европы[65]. Некоторые западные исследователи высказы-

---

[61] См.: Губанов С.С. Госкапитализм и социализм (ответы товарищам) // Что делать? – 2005 - №21.

[62] См.: Плетников Ю.К. Общественно-экономический уклад государственного капитализма // Конец предыстории человечества: социализм как альтернатива капитализму. Материалы одноименной международной научно-практической конференции, Москва, Институт философии РАН, 27-29 мая 2003 г. – Омск, 2004. – С.21.

[63] Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. – М., 1994. – С. 166.

[64] Рейснер Л.И. Цивилизация и способ общения. – М., 1993. – С. 155.

[65] См.: Там же.

ваются по этому поводу еще более категорично. Например, В. Ойкен считает, что «всеобщая и полная конкуренция никогда не существовала и не существует. В том числе и во времена классиков...»[66]. «Чисто капиталистическое общество, – пишет П. Козловски, – которое основывалось бы только на частной собственности, максимизации дохода и рыночно-ценовой координации, до сих пор, насколько нам известно из истории, еще нигде не осуществилось. Капитализм как модель общества обладает утопическими контрафактическими чертами, он сам – социальная утопия»[67].

Все это говорит о том, что капитализм как реальная историческая структура общества и социальный организм – никогда не находил своего адекватного самовыражения, минуя различные формы государственного вмешательства, которые, таким образом, составляют сущностное единство с другими значимыми элементами капитализма (в первую очередь к ним следует отнести рыночное выявление стоимости, развитую рыночную инфраструктуру, эксплуатацию наемного труда и капиталистической периферии), ибо только с активным участием государства более полноценно реализуется общественный характер труда при частнокапиталистической форме присвоения. И поэтому В.И. Ленин был полностью прав, когда подчеркивал, что «государственный капитализм есть налицо – в той или иной форме, в той или иной степени – всюду, где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще»[68].

Государство с первых шагов генезиса капитализма выступало в качестве крупнейшего участника процесса накопления денежного капитала, мобилизуя, аккумулируя и централизуя сбережения общества для их последующей перекачки в сферу частного или смешанного предпринимательства. Для этого проводились фискальная, таможенная, валютная политика, осуществлялся контроль над бюджетом, денежной эмиссией, кредитом. Затем государство освоило функции гаранта частных инвестиций, пионера в наиболее рискованных и капиталоемких сферах вложений, пайщика и участника смешанных компаний, владельца коммерческих предприятий. Для поддержки национальных производителей первостепенное значение имела еще одна сфера активных операций правительства – крупные казенные закупки и заказы своему частному сектору, быстрый рост государственного

[66] Ойкен В. Основы национальной экономики. – М., 1996. – С. 40.
[67] Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество. – СПб., 1996. – С. 62.
[68] Ленин В.И. О продовольственном налоге // Ленин В.И. ПСС.- М., 1974. – Т. 43. – С. 222.

потребления товаров и услуг, производимых вне государственного сектора[69].

На Западе период становления капитализма выделялся интенсивным государственным вмешательством в экономику и огромной затратой государственных средств с целью ускорения развития капитализма. Государство при этом использовало целый набор внеэкономических и экономических средств: участие в экспроприации мелких производителей и создании армии наемного труда; содействие образованию крупных капиталов путем колониального грабежа; насаждение капиталистических мануфактур путем выдачи ссуд, субсидий, вывозных премий, освобождения от налогов, передачи земли, зданий и дешевой рабочей силы, закрепления разнообразных привилегий. Государство и само выступало в качестве крупного предпринимателя: создавало горнорудные предприятия и различные мануфактуры[70].

С победой капиталистического способа производства и с приходом к власти крупной буржуазии непосредственное государственное вмешательство в экономику госкапиталистическими методами сократилось, но продолжало играть определенную роль в капиталистическом развитии до того момента, когда госкапитализм проявил себя уже в новом качестве и в новой форме в период империализма.

Таким образом, *государственный капитализм* – это особый имманентный вид организационно-хозяйственной деятельности буржуазного государства по ограничению рыночно-ценовой координации и частной собственности в основном в интересах развития класса буржуазии и буржуазного государства путем опоры на государственную капиталистическую собственность и государственно-капиталистическую инфраструктуру. Следовательно, госкапитализм как форма собственности и хозяйственной деятельности является атрибутивным укладом капиталистического способа производства, всегда в той или иной форме, в той или иной степени пронизывая последний. Что позволяет говорить о госкапитализме как форме, в которой реализуется закон огосударствления капиталистической экономики, согласно которому развитие производительных сил капиталистического общества неминуемо предполагает «становление и развитие планомерных и организованных отношений эксплуатации на-

[69] См.: Рейснер Л.И. Цивилизация и способ общения. – М., 1993.– С. 182.

[70] См.: Гиндин И.Ф. Государственный капитализм в России домонополистического периода // Вопросы истории. – 1964. – № 9. – С. 80–81.

емного труда государственным капиталом»[71] в интересах класса буржуазии.

Госкапиталистический уклад проявляется по-разному. Это зависит как от ступени развития самого капитализма, так и от сочетания различных конкретно-исторических обстоятельств. Один вариант госкапитализма присутствовал в мануфактурном периоде развития буржуазных отношений, другой вариант – на этапе индустриального домонополистического капитализма, третий – в эпоху ГМК. В корне отличалась, по мнению Л.И. Рейснера, «функциональная направленность данного феномена в суверенных и колониально-зависимых странах...»[72], в государствах первого эшелона капиталистического развития и в переходных обществах, расположенных на той или иной «орбите» мировой периферии.

Однако, несмотря на формационное и цивилизационное разнообразие, госкапитализм всегда предполагает наличие двух главных компонентов системы: государственно-капиталистическую собственность на средства производства, рабочую силу и национальный доход и вмешательство государства в экономическую жизнь страны. Последнее может присутствовать в следующих формах: осуществление государством массы «учетно-регистрационной работы»; государственно-капиталистическое предпринимательство; реализация тенденции к планомерности в различных секторах и, в первую очередь, в государственном, вплоть до образования государственно-капиталистических монополий; работа капиталистических предприятий по правительственным заказам; контроль частных предприятий со стороны государства; национализация и выкуп частнокапиталистических предприятий; перераспределение компонентов национального дохода; таможенный протекционизм; централизованное регулирование цен и квот; участие государства в образовании и деятельности монополистических союзов и т.д.

Несмотря на столь массированное наступление буржуазного государства на капиталистическую, а также и некапиталистическую экономику, оно всегда оставляет незыблемой основу капитализма, единство общественного характера производства и частного характера присвоения прибавочной стоимости. Это достигается, во-первых, за счет того, что продолжает сохраняться хоть и в урезанном виде

---

[71] Мочерный С.В. Закон огосударствления капиталистической экономики.- Киев,1988. – С. 138.

[72] Рейснер Л.И. Указ. соч. – С. 183.

рыночно-конкурентный механизм выявления стоимости и, во-вторых, благодаря тому, что «нигде никакой сектор буржуазной бюрократии, – отмечал Э. Мандел, – не был в состоянии поколебать решающую власть денежного богатства»[73] и деньги продолжают играть «роль регулятора частного присвоения капиталистами прибавочной стоимости»[74], созданной как на частных, так и на кооперативных и государственных предприятиях. Государство, кроме того, может стать в некоторых случаях и коллективным управляющим капиталистическими предприятиями, обеспечивая получение прибавочной стоимости, созданной на них, капиталистами, предоставляющими кредиты государству. Даже в предельно национализированной капиталистической экономике, когда государство решает все производственные вопросы, именно денежное обращение позволяет капиталистам и напрямую, и опосредованно влиять на экономику. В этой ситуации государственные предприятия и банки (государственные и частные) привлекают финансовые ресурсы буржуа в разной форме – чаще всего в виде разнообразных ценных бумаг. То есть индивидуальные буржуа, определяя совокупный спрос и предложение на финансовых рынках на финансовые ресурсы разного срока оборота, в конечном итоге, влияют на производительнее потребление. Государство же напрямую или через государственные предприятия, реализует частное присвоение прибавочной стоимости индивидуальными буржуа через обслуживание рынка ценных бумаг, неминуемо подключая к этому процессу и другие рынки: кредитный, валютный, товарный, труда. «Все общественные функции капиталиста, – писал об этой ситуации Ф. Энгельс, – выполняются теперь наемными служащими. Для капиталиста не осталось другой общественной деятельности, кроме загребания доходов, стрижки купонов и игры на бирже, где различные капиталисты отнимают друг у друга капиталы»[75].

---

[73] Мандел Э. Власть и деньги. – М., 1992. – С. 9.
[74] Гафуров С. Заметки о классовой сущности СССР // Альтернативы. – 1997. – № 4. – С. 129.
[75] Энгельс Ф. Анти-Дюринг. – М., 1978. – С. 213.

Социальная структура при развитом государственном капитализме не претерпевает существенных изменений. Буржуазия, хоть зачастую и в новых формах, продолжает покупать рабочую силу и извлекать прибавочную стоимость. Единственным дополнением становится усиление роли государственной бюрократии, но не настолько, чтобы приобрести классообразующие признаки. Таким образом, государственный капитализм не устраняет капиталистический механизм, но побуждает его более эффективно (для буржуазии) функционировать под эгидой или бдительным оком государственных органов. Все сказанное в адрес государственного капитализма позволяет признать его формой и тенденцией развития любого капиталистического хозяйства, имеющего свое цивилизационное, национальное и стадиальное лицо.

Выводы

Для глубокого и полного понимания процесса развития буржуазного общества в России представляется оправданным использовать в работе стадиальный взгляд на историю, который предполагает, в первую очередь, выделение в ней объективно сложившихся форм-стадий как неких образований с определенным способом возникновения, существования и развития. Социологическое понятие «общественная формация» предстает перед нами в следующем виде: «сложившееся определенным образом развивающееся общественное образование, структура, форма с особым характером хозяйственной деятельности и социальных связей». Анализ ступеней развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений вырисовывает четырехформационную структуру, в которой особое внимание привлекает деление экономической формации на две: добуржуазную и буржуазную.

Стадиальный взгляд на историю предполагает изучение таких общественных явлений, в рамках жизнедеятельности которых происходит качественный переход длительного типа от добуржуаной общественной формации к буржуазной, то есть изучение процесса длительной буржуазной модернизации. При ее анализе необходимо учитывать цивилизационные и циклические особенности этого процесса, что неминуемо предполагает глубокое исследование роли государства и социально-экономической периферии в становлении капитализма.

§ 2. Отечественная историография формирования и становления буржуазного общества

Анализ обширной источниковой базы историографии проблемы выявил, что ее становление происходило в постоянной борьбе не только научных направлений, школ, но и видных историков. Историография несет на себе отпечаток политической и идеологической борьбы в обществе дооктябрьского, советского и постсоветского периодов.

Для исследования представляла интерес эволюция отражения в работах ученых ключевых аспектов экономического, политического, социального развития России в рассматриваемом периоде.

В дооктябрьской историографии в русле спора о возможности *развития капитализма* в России столкнулись различные точки зрения на его генезис. Если В.И. Ленин писал о том, что преобладание барщинной системы в России предполагало господство натурального хозяйства[1], то П.Б. Струве, не соглашаясь с этим положением, утверждал, что производство помещиками хлеба на продажу отнюдь не противоречило существу крепостного хозяйства. Наоборот, производство товарного хлеба составляло «движущий мотив и определяющее русло крепостного барщинного хозяйства»[2]. Развитие барщины знаменовало собой экономический прогресс. Барщинное хозяйство, которое рассматривалось как своеобразные ворота в капитализм, находилось в момент реформы 1861 г., по мнению П.Б. Струве «в цветущем состоянии». Исходя из этого тезиса, П.Б. Струве пришел к выводу о том, что крепостное право было отменено вопреки интересам помещичьего класса. Главными причинами ликвидации крепостничества, стало расширение хозяйства и строительство железных дорог[3]. П.И. Лященко так же как и П.Б. Струве, усматривал в барщинном хозяйстве XIX в. экономически прогрессивный денежно-хозяйственный строй, являвшийся важным шагом к капитализму[4].

М.И. Туган-Барановский писал, что возникшая при Петре как купеческое предприятие русская «фабрика» в течение XVIII в. пре-

---

[1] Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. ПСС. – М., 1971. – Т. 3. – С. 184.

[2] Струве П.Б. Крепостное хозяйство: Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX вв. – М., 1913. – С. 159.

[3] Там же – С. 150–151.

[4] См.: Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. – Л., 1925. – Т. 1.

вратилась в основанную полностью на принудительном труде дворянскую «фабрику». Но в первой половине XIX в. она постепенно отмирала «и замещалась новейшей капиталистической фабрикой, отчасти выросшей из кустарной избы»[5]. При этом М.И. Туган-Барановский считал, что при выработке промышленной политики Николая I классовые интересы крупных промышленников играли второстепенную роль по сравнению с надклассовыми государственными интересами.

П.Н. Милюков и М.И. Туган-Барановский, споря друг с другом по поводу искусственности петровской фабрики, создали концепцию позднего генезиса капитализма в России, которая опиралась на представление о крепостном характере промышленности XVIII столетия[6].

Позиции М.И. Туган-Барановского и других представителей «экономического материализма» противостояли также взглядам Н.Н. Фирсова, А.С. Лаппо-Данилевского, С.С. Зака[7], которые писали об искусственности развития русской промышленности, насаждении ее сверху. Говоря о факторах капиталистического развития, С.С. Зак даже попытался доказать, что промышленный капитализм в России явился фактором «закрепощения производительных сил страны»[8].

Расценивая крепостничество как средство эксплуатации крестьянства торговым капитализмом, а помещика как агента торгового капитализма, М.Н. Покровский предложил свою трактовку крепостного хозяйства дореформенной России. Оно носило, на его взгляд, «уже не феодальный, но и не вполне буржуазный характер»[9]. По мнению историка, помещик екатерининских времен был предпринимателем, выжимавшим из крестьян прибавочный продукт и работавшим на рынок, а в предреформенное время «крупное сельское хозяйство на крепостном труде становится все более буржуазным»[10].

---

[5] Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. – М., 1934. – С. 4.

[6] См. напр.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. – СПб., 1909. – Ч. 1. – С. 85–86; Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. – М., 1938. – С. 21.

[7] См.: Фирсов Н.Н. Русские торгово-промышленные компании в 1-ю половину XVIII столетия. (Очерки из истории торгово-промышленной политики и соответствующих общественных отношений). – Казань, 1896; Зак С.С. Промышленный капитализм в России – М., 1908; Лаппо-Данилевский А.С. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. Исторический очерк. – СПб., 1899.

[8] Зак С.С. Указ. соч. – С. 167.

[9] Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Покровский М.Н. Избранные произведения: В 4 т. – М., 1965–1967. – Кн. 1. – С. 85.

[10] Там же – С. 319.

М.Н. Покровский считал, что по мере увеличения спроса на хлеб помещики должны были переходить от «крепостного капитализма» к капитализму, основанному на труде «пролетаризованных рабочих». Однако он выводил отмену крепостного права не только из одного повышения цен на хлеб; он не раз указывал, что основной экономической причиной реформы было развитие капитализма в первой половине XIX в. Обрабатывающая промышленность не могла существовать без резервной армии труда и эту армию нельзя было сформировать, не создав юридически свободного работника.

Вместе с тем М.Н. Покровский сохранил концепцию крепостной мануфактуры, отмечал, что «интенсивное и принудительное развитие мануфактур при Петре I имело последствие, давно отмеченное в литературе: от Петра ведет свое начало крепостная фабрика»[11].

В отличие от многих историков, появление «фабрики» капиталистического типа он относил не к XIX в., а к концу XVIII в., не ограничиваясь выявлением роли торгового капитала, анализировал состояние внутреннего рынка, наличие свободных рабочих рук, затрагивал вопросы экономического разложения феодальной деревни, земледельческого и неземледельческого отхода, «индустриализации» крепостного имения, первоначального накопления капитала.

Главным объектом анализа В.И. Ленина стал быстро развивающийся после реформы 1860-х годов капитализм. Основной вывод его книги «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности» состоял в том, что Россия окончательно и бесповоротно вступила на капиталистический путь. Несмотря на признание наличия существенных пережитков крепостничества, автор считал, что разложение деревни на противоположные классовые группы стало совершившимся фактом. Позже, после революционных событий 1905–1907 гг. В.И. Ленин признал, что в России далеко еще не сложились капиталистические аграрные порядки, и в крестьянстве преобладает первая социальная война (между крестьянством и помещиками)[12]. Это повлияло на понимание Лениным высокого потенциала социально-политической активности крестьянства, констатацию факта отсутствия такового у российской

[11] Там же – Кн. 2. – С. 94.

[12] См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. ПСС. – М., 1971. – Т. 3. – С. 541–542; Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов // Ленин В.И. ПСС. – М., 1973. – Т. 16. – С. 193–411; Ленин В.И. Новая агарная политика // Ленин В.И. ПСС. – М., 1973. – Т. 16. – С. 42–426.

буржуазии и выдвижение идеи революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, что стало главным пунктом расхождений большевиков и меньшевиков[13].

В дооктябрьской историографии есть целый ряд других работ, в которых затрагивалась, хотя и косвенно, проблема буржуазных преобразований в российской деревне. В.И. Семевский, И.И. Игнатович, А.А. Корнилов, Н.А. Каблуков при исследовании крестьянской реформы обращали внимание и на условия пореформенного развития сельского хозяйства[14].

Большим событием стал выход в свет обобщающих трудов по экономике России М.М. Ковалевского и А.Ю. Финн-Енотаевского, в которых подробно были рассмотрены элементы экономического строя России конца XIX в. и начала XX в. [15]

На 1920–1980-е годы приходился *второй этап* исторических исследований экономических аспектов развития императорской России.

Как показало исследование, он отличался от предшествующего периода, во-первых, развитием научной мысли в рамках парадигмы перехода российского общества от капиталистической к коммунистической формации, во-вторых, взаимодействием различных методологических подходов при нарастающем давлении официальной интерпретации марксизма, в-третьих, воспроизведением в модернизированном виде некоторых старых дискуссий и возникновением новых и, в-четвертых, многообразием научных проблем.

Ведущей среди них стала проблема наличия или отсутствия экономических предпосылок Октябрьской революции. М.Н. Покровский долгое время отстаивал точку зрения противоположную ленинской, утверждая, что все чисто экономические показатели были за неуспех Октябрьской революции. Тезис М.Н. Покровского был содержательно связан с выводами историко-экономических работ 1920-х годов, авторы которых (Н.Н. Ванаг, С.Л. Ронин, Л.Н. Крицман, М. Гольман) обосновывали теорию «денационализации» – концепцию слабости, неразвитости российского капитализма, его полного подчинения ино-

---

[13] См.: Ленин В.И. Отношение к буржуазным партиям // Ленин В.И. ПСС. – М., 1972. – Т. 15. – С. 370; Ленин В.И. К оценке русской революции // Ленин В.И. ПСС. – М., 1973. – Т. 17. – С. 44.

[14] См.: Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX столетия. – М., 1888; Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. – М., 1910; Корнилов А.А. Крестьянская реформа. – СПб., 1905.

[15] См.: Ковалевский М.М. Экономический строй России. – СПб.,1899; Финн-Енотаевский А.Ю. Современное хозяйство России. – СПб., 1911.

странным монополиям, одностороннего подчинения финансовому капиталу государственного аппарата царизма, формулировали вывод о России – полуколонии[16]. Почти одновременно появилось и «национализаторское» направление, приверженцы которого (А.Л. Сидоров, И.Ф. Гиндин, Е.Л. Грановский, Г.Ц. Циперович) утверждали, что, несмотря на значительный приток иностранного капитала, в России складывалась самостоятельная система монополистического капитализма[17]. В ходе дискуссий 1929 и 1931 гг. «денационализаторское» направление потерпело поражение. Однако в результате пересмотра И.В. Сталиным в 1931–1938 гг. своих и ленинских оценок уровня и характера капиталистического развития России эта концепция приобрела «второе дыхание». Наиболее развернутое обоснование конкретным фактическим материалом концепция незрелости российского капитализма получила в трудах П.И. Лященко[18].

Отнесение России к разряду полуколониальных государств изменило трактовку особенностей российского империализма. Это касалось и проблем «военно-феодального империализма», взаимоотношений государственного аппарата и капиталистических монополий. В середине 1930-х годов термин «военно-феодальный империализм» был истолкован как концентрированная характеристика особенностей монополистического капитализма в России, хотя сам В.И. Ленин, который ввел в научный оборот этот термин, применял его только для характеристики политической надстройки России[19].

В конце 1920-х – начале 1930-х годов в ходе дискуссии о концепции «организованного капитализма» Р. Гильфердинга преимущественно получило разработку ленинское учение о государственно-монополистическом капитализме (ГМК)[20]. Однако затем при поддержке мнения И.В. Сталина победила точка зрения И. Гладкова,

---

[16] См.: Балашов В.А., Юрченков В.А. Историография отечественной истории (1917 – начало 90-х гг.).- Саранск, 1994.- С.27.

[17] См.: Жидков Г.П. Отечественная история в советской историографии периода развитого социализма. – Калининград, 1983. – С. 10.

[18] См.: Сталин И.В. Речь на I Всесоюзной конференции работников промышленности // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1940. – С. 328; История гражданской войны в СССР. – М., 1936. – Т I. – С. 12; История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – М., 1946. – С. 156; Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. – М., 1948. – Т. 2.

[19] См.: Ленин В.И. Прикрытие социал-шовинистской политики интернационалистскими фразами // Ленин В.И. ПСС. – М., 1973. – Т. 27. – С. 90.

[20] См.: «Организованный капитализм». Дискуссия в комакадемии. Изд. 2-е. – М., 1930.

И. Лаптева и И. Кузьминова[21], согласно которой отрицалась активная роль государства в экономике империалистических стран, возможность ее регулирования, декларировалось подчинение государственного аппарата монополиям как единственно возможного типа отношений между ними. Этот подход явился определяющим и при рассмотрении российского ГМК. Отступив в обобщающих оценках, сторонники ленинской концепции империализма и ГМК (М.Я. Гефтер, П.В. Волобуев, Т.Д. Крупина, А.Л. Сидоров, А.П. Погребенский, В.И. Манцев) вскоре сумели через конкретно-исторические исследования показали необходимость пересмотра явно ошибочных взглядов на природу российского капитализма[22]. Однако, прояснение этого вопроса не могло в тех политико-идеологических условиях принципиально изменить установившуюся формационную парадигму. Она продолжала оставаться в рамках «пятичленной» формационной концепции и логики буржуазно-социалистического перехода.

Раскрытие содержания формационных преобразований в России дооктябрьского периода прямо зависело от разработки проблемы *генезиса аграрного капитализма*. В 1920-е годы господствовало представление, связанное с концепцией М.Н. Покровского, о ведущей роли помещичьей вотчины в развитии сельского хозяйства и его капитализации. Многие историки (Л.И. Андреевский, А.Н. Вершинский, Б.Д. Греков, А.Н. Насонов, Н.А. Рожков, Н.Л. Рубинштейн, Л.Ю. Юровский) связывали буржуазный прогресс с деятельностью передовых помещиков. Наиболее выпукло данная тенденция проявилась в монографии С.В. Вознесенского, сформировавшего тезис о «перерождении феодала-помещика в аграрного предпринимателя»[23]. При этом историки определяли различные признаки буржуазной эволюции помещичьего хозяйства. Например, Н.А. Рожков видел их в переходе от барщины к оброку и затем к «вольному» найму,

[21] См.: Гладков И. Об изменениях в экономике капитализма в результате второй мировой войны // Большевик. – 1947. – № 17; Лаптев И. По поводу одной экономической дискуссии // Правда. – 1948. – 26 января.

[22] См. напр.: Гефтер М.Я. Царизм и монополии в топливной промышленности России накануне первой мировой войны: Дис. …канд. ист. наук. – М., 1953. – С. 283; Крупина Т.Д. Монополистический капитал в России и царское самодержавие (1907–1914 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 1954.

[23] См.: Вознесенский С.В. Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в 1800–1860 гг. Очерки. – М., 1932.

Б.Д. Греков – в обратном движении от оброка к барщине и далее к месячине[24].

Подводя итог исследованиям 1930-х годов, Н.М. Дружинин вывел понятие «кризис феодально-крепостнической системы», определив его временные рамки: с конца XVIII до середины XIX в. Главными чертами кризиса считались всеобщее помещичье и крестьянское разорение, хозяйственная деградация и вымирание крепостной деревни. Здесь смешивались понятия кризиса феодальных отношений в сельском хозяйстве и кризиса сельского хозяйства. Кроме того, данная концепция грешила односторонностью: помещики, доводя массу крестьян до разорения, не заменяли феодальные отношения новыми производственными отношениями[25].

В литературе по истории аграрного строя России конца XIX – начала XX в. преобладали исследования экономистов (Е.Н. Кочетовская, Л.И. Любошин, Е.С. Карнаухова), которые исходили из положений о полной победе капитализма в сельском хозяйстве России в последнем десятилетии XIX в.[26].

Со второй половины 50-х годов XX в. в советской исторической науке, изучавшей процесс формирования буржуазного общества в России одной из самых важных оставалась проблема развития промышленного капитализма. Теперь она целенаправленно рассматривалась в контексте изучения материальных предпосылок Октябрьской революции. Кроме того, расширилась источниковедческая база и усилился интерес к ленинскому наследию по данной теме. Основными направлениями разработки экономических вопросов стали: становление капитализма в отдельных районах и отраслях, сложившихся в них монополий; развитие финансового капитала, акционерных предприятий и банковской сферы; проблемы ГМК в России; финансовое положение страны, степень зависимости ее экономики и правительства от международного капитала; характер российского империализма[27].

В исследованиях И.Ф. Гиндина, Л.Е. Шепелева, В.И. Бовыкина, К.Ф. Шацилло, Т.Д. Крупиной, А.Л. Сидорова были сделаны важные

---

[24] См.: Греков Б.Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. – М.-Л., 1940.

[25] См.: Дружинин Н.М. Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского. Сборник статей. – М.-Л., 1939. – Ч. 1.

[26] См. напр.: Кочетовская Е.Н. Национализация земли в СССР. 2-е изд. доп. – М., 1952.

[27] См.: Тарновский К.Н. Советская историография российского империализма. – М., 1964. – С. 146.

выводы о монополистическом капитализме в России[28]: о недопустимости представлений о слабости монополизации народного хозяйства в целом; о значительной неравномерности развития процессов монополизации, о специфических особенностях монополизации в России (влияние общей экономической отсталости страны, неравномерность, «оригинальный строй» уральской промышленности, государственное вмешательство в экономические проблемы). Кроме того, были опровергнуты теория «подчинения» царизма монополиям и концепция полуколониальной зависимости страны от иностранного капитала. Сущностью взаимоотношений между иностранным и русским финансовым капиталом решили считать не безусловное и полное подчинение первого вторым, а их союз[29].

В начале 1960-х годов И.Ф. Гиндиным была создана концепция российского государственного капитализма. Его сущность автор видел в государственной организации и регулировании капиталистического хозяйства, а также в казенном предпринимательстве, существовавших на домонополистической стадии развития. На тот момент эта концепция явилась прорывом в понимании экономического строя России[30].

---

[28] См. напр.: Крупина Т.Д. К вопросу об особенностях монополизации промышленности России // Об особенностях империализма в России. – М., 1963; Бовыкин В.И., Шацилло К.Ф. Личные унии в тяжелой промышленности России накануне первой мировой войны // Вестник московского университета. – Серия IX, История. – 1962. – № 1.

[29] См. напр.: Соловьев Ю.Б. Петербургский международный банк и французский финансовый капитал в годы первого промышленного подъема в России (образование и деятельность «Генерального общества для развития промышленности в России») // Монополии и иностранный капитал в России. – М.-Л., 1962; Дякин В.С. Из истории проникновения иностранных капиталов в электропромышленность России («Большой Русский синдикат 1899 гг.») // Там же; Фурсенко А.А. Первый нефтяной экспортный синдикат в России (1893–1897 гг.) // Там же; Бовыкин В.И. Банки и военная промышленность России накануне первой мировой войны // Исторические записки. – 1959 – Т. 64;Шацилло К.Ф. Иностранный капитал и военно-морские программы России накануне первой мировой войны // Исторические записки. – 1961 – Т. 69; Фридман И.Л. Иностранный капитал в дореволюционном Казахстане. – Алма-Ата, 1960; Нетесин Ю. Из истории проникновения германского капитала в экономику России (по материалам акц. общества бр. Фельзер и К°, Рига) // Известия Академии наук Латвийской ССР. – 1960. – № 4;Шебалдин Ю.Н. Государственный бюджет царской России в начале XX в. (до первой мировой войны) // Исторические записки. – Т. 65; Гиндин И.Ф. О величине и характере русского государственного долга в конце 1917 гг. // История СССР. – 1957. – № 5; Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). – М., 1960; Буковецкий А.И. «Свободная наличность» и золотой запас царского правительства в конце XIX – начале XX в. // Монополистический и иностранный капитал в России. – М.-Л., 1962.

[30] См.: Гиндин И.Ф. Государственный капитализм в России домонополистического периода // Вопросы истории. – 1964. – № 9.

По *вопросу периодизации истории развития капитализма* в ходе дискуссий 50–60-х годов XX в. сложились две противоположные точки зрения. Концепция сторонников раннего формирования капитализма, с XVII в. (Н.В. Устюгов, И.А. Булыгин, Е.И. Индова, А.А. Преображенский, Ю.А. Тихонов) или даже с XVI в. (С.Г. Струмилин, Ф.П. Маковский), не получила широкой поддержки специалистов. Еще в 1959 г. А.М. Сахаров отнес начало «нисходящей» стадии феодализма ко второй половине XVIII в.[31]. Позже наиболее решительным противником вышеобозначенной концепции выступил В.К. Яцунский, считавший, что капиталистические отношения в земледелии можно усмотреть лишь с начала XIX в., и что вплоть до 1861 г. они ограничивались слабыми ростками. Большинство историков сходилось в признании следующей периодизации генезиса российского капитализма: с XVII в. возникают спорадические элементы буржуазных отношений; в середине (либо последней трети) XVIII в. происходит формирование капиталистического уклада; с 30-х годов XIX в. он обретает формационное значение, взрывает старые феодальные связи[32].

По *проблеме промышленного переворота* еще М.Н. Покровским была высказана мысль о том, что этот процесс имел место в России в дореформенное время. Данное положение в 1930-х годах развивали ученики и последователи М.Н. Покровского (П.П. Парадизов, В.З. Зельцер и др.)[33]. С.Г. Струмилин же поначалу доказывал, что первая половина XIX в. была временем застоя или весьма незначительного прогресса не только для металлургии, но и для всей вообще промышленности страны[34]. Однако в 1944 г. понимание этим автором существа и хронологических рамок промышленного переворота значительно изменилось. Теперь дореформенное время в промышленной сфере характеризовалось как период резкого подъема, когда с 30-х годов XIX в. начался, а к 1861 г. в основном завершился промышленный переворот. Соответственно, в новой концепции С.Г. Струмилина факту отмены крепостнического права уже не придавалось того зна-

[31] См.: Сахаров А.М. К вопросу о двух стадиях развития феодальной формации в России // Вопросы истории. – 1959. – № 1. – С. 103.

[32] См.: Жидков Г.П. Отечественная история в современной историографии периода развитого социализма. – Калининград, 1983. – С. 24; Дружинин Н.М. Избранные труды: Социально-экономическая история России.- М.,1987.- С.167-198.

[33] См.: Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1985.- Т.V.- С.244.

[34] См.: Струмилин С.Г. Черная металлургия в России и в СССР: Технический прогресс за 300 лет. – М.-Л., 1935.

чения для развития капиталистической промышленности, как в предшествующем исследовании автора.

Предложенная С.Г. Струмилиным методика изучения промышленного переворота, при которой решающее значение приобретал лишь сам факт наличия механизированных предприятий без определения того, какой характер (капиталистический или некапиталистический) имело применение на них машин, привела к появлению серии работ, в которых предлагались еще более ранние датировки начала промышленного переворота, вплоть до 90-х годов XVIII в.[35].

Однако не все исследователи приняли концепцию С.Г. Струмилина. П.И. Лященко отмечал, что в условиях крепостничества не могло быть места крутой ломке общественных отношений[36]. А.М. Панкратова, А.С. Нифонтов, В.К. Яцунский подчеркивали, что в дореформенное время отсутствовали сколько-нибудь широкие кадры промышленного пролетариата. В.К. Яцунский предложил считать временем завершения промышленного переворота в России не начало 60-х, а начало 80-х годов XIX в.[37]. Автор исследований по уральской металлургии В.Я. Кривоногов, как и некоторые другие исследователи, высказался против несколько упрощенного, по его мнению, истолкования Струмилиным истории развития промышленности на Урале. Он убедительно показал, что в уральской металлургии промышленный переворот начался не ранее 50-х годов XIX в.[38].

В 1960–1980-х годах историки продолжали использовать два варианта понимания времени осуществления и завершения промышленного переворота в России: Струмилина и Яцунского. Однако при этом получила хождение и другая точка зрения. Б.Л. Цыпин, А.М. Соловьева, Л.Г. Мельник, Л.Г. Рындзюнский отстаивали мнение о том, что промышленный переворот завершился только в 90-х годах XIX столетия[39]. Таким образом, данная проблема долгое время не

---

[35] См.: Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1985. – Т. V. – С. 245.

[36] См.: Лященко П.Н. История народного хозяйства СССР. – М., 1952. – Т. 2.

[37] См.: Яцунский В.К. Промышленный переворот в России: (К проблеме взаимодействия производственных сил и производственных отношений) // Вопросы истории. – 1952. – № 12.

[38] См.: Кривоногов В.Я. Из истории уральской металлургии первой половины XIX века: (О рецензии академика С.Г. Струмилина на 9-й том «Исторического архива») // Вопросы истории. – 1954. – № 12.

[39] См.: Цыпин Б.Л. Некоторые особенности промышленного переворота в России. – Свердловск, 1968. – С. 166; Соловьева А.М. Промышленная революция в России // Производительные силы и монополистический капитал в России и Германии в конце XIX – начале XX вв. – М., 1986. – С. 5–28; Рыдзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. – М.

выносилась историками за те методологические рамки, которые были отчерчены еще в 1950-х годах.

В 1960–1970-е годы продолжилось изучение *аграрного развития* России императорского периода по нескольким направлениям: время возникновения капиталистических отношений в сельском хозяйстве; кризис феодально-крепостнической системы и аграрные реформы 60-х годов XIX в., их влияние на экономику села; типы аграрно-буржуазной революции и уровни развития капитализма в сельском хозяйстве.

В 1959 г. И.Д. Ковальченко, изучив по данным губернаторских отчетов динамику земледельческого производства в первой половине XIX в., пришел к выводу, что в стране в целом не происходило непрерывного снижения уровня сельского хозяйства[40]. В этом же направлении проводили свои исследования Б.Г. Литвак, С.Я. Боровой, Н.М. Шепукова[41]. В 1967 г. И.Д. Ковальченко и П.Г. Рындзюнский пришли к единому выводу о признании ведущей и решающей роли крепостного крестьянства и его хозяйственного развития в наступлении кризиса феодальной формации, который не был временем застоя и упадка, а лишь превращением крепостнических отношений в оковы общественного производства[42].

К исходу 1950-х годов в трудах Б.Г. Литвака, Д.И. Будаева, П.Г. Игнатова, В.Г. Зимина, В.И. Крутикова, А.Г. Коревской был накоплен материал по истории подготовки и проведения реформы на местах. Однако качественно новым этапом можно считать монографию П.А. Зайончковского[43], главный вывод которого сводился к следующему: ограбление крестьян явилось исходным пунктом деградации пореформенной деревни при одновременном развитии сельской

1978. – С. 21–48; Мельник Л.Г. К вопросу о начале промышленного переворота в России (на материалах Украины) // Проблемы генезиса капитализма. – М., 1979. – С. 104–138.

[40] См.: Ковальченко Н.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). – М., 1959.

[41] См.: Шепукова Н.М. Изменение удельного веса помещичьих крестьян в составе населения Европейской России в XVIII – 1-й половине XIX вв. (1718–1858 гг.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 1960; Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 гг.: Черноземный центр, 1861–1895 гг. – М., 1972.

[42] См.: Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. – М., 1967; Рындзюнский П.Г. Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 гг.? // Вопросы истории. – 1967. – № 7.

[43] См.: Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 гг. – М., 1958.

буржуазии; отмена крепостного права лишь несколько ослабила противоречия между помещиками и крестьянами, а не устранила их, что обусловило борьбу крестьян за землю.

Социально-экономическую сущность реформы исследовал И.Д. Ковальченко. Он заявил, что превращение крестьянского хозяйства в самостоятельный и ведущий сектор товарного производства делало невозможным безземельное освобождение крестьян. Поэтому стал неизбежным промежуточный вариант аграрных преобразований, заложивший социально-экономическую основу противоборства двух типов буржуазной аграрной эволюции[44].

Основные достижения историографии 1960–1970-х годов о реформе связаны с исследованиями аграрных преобразований в старом русском земледельческом центре. Так, Б.Г. Литвак установил, что более половины крестьян Центра оставались на барщине, примерно четверть на чистом оброке, остальные отбывали смешанную повинность. Причем, форма эксплуатации определялась не субъективным желанием помещиков, а состоянием крестьянского хозяйства. Автор поставил под сомнение тезис о необратимом кризисе барщинного хозяйства накануне реформы и заявил о его неготовности эволюционировать в капиталистическом направлении[45].

Объектом пристального внимания советских историков стали проблемы в аграрном развитии России пореформенных десятилетий. Так, П.Г. Рындзюнский показал деградацию и упадок крестьянского хозяйства после отмены крепостного права. А.С. Нифонтов пришел к выводу, что темпы развития сельского хозяйства были замедленными, а показатели зернового производства отставали от роста сельского населения. Крестьяне стали жить и работать хуже, чем перед 1861 г.[46].

Однако, наиболее важной была *проблема аграрного строя России периода империализма*. К концу 1950-х годов вполне определенно сложились две точки зрения по вопросу о степени и масштабах проникновения капитализма в систему аграрных отношений дореволюционной России. Одна группа историков (М.А. Рубач,

---

[44] См.: Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. – М., 1967.

[45] См.: Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. – М., 1972.

[46] См.: Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России 1850–1880 гг. – М., 1978; Нифонтов А.С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века: по материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. – М., 1974.

Н.А. Егиазарова) исходила из положения о победе капиталистических отношений как в сельском хозяйстве в целом, так и в аграрном строе страны[47]. Вторая группа историков (А.М. Анфимов, Л.М. Иванов) утверждала, что в аграрном строе России капитализм приспосабливал к своим потребностям старые отношения собственности, но так и не сумел переделать их; в результате господствующими оставались полукрепостнические производственные отношения[48].

В 1960-е годы большая группа советских историков (А.М. Анфимов, М.Я. Гефтер, К.Н. Тарановский и др.) пришла к выводу о том, что и американский, и прусский пути развития капитализма в сельском хозяйстве России оказались лишь нереализованными тенденциями; в аграрном же строе страны возобладал особый русский тип аграрно-капиталистической эволюции[49].

В 1970-е годы изучение российской аграрно-капиталистической эволюции было продолжено с учетом новой тематики (исследования аграрного рынка) и новых методов (обработка и анализ массовых источников при помощи математической статистики, количественных методов и ЭВМ). 1970–1980-е годы были опубликованы труды Н.М. Дружинина, И.Д. Ковальченко, А.С. Нифонтова, Л.В. Милова, П.Г. Рындзюнского и других авторов[50].

К началу 1990-х годов историки-аграрники при оценке формационных сдвигов в сельском хозяйстве страны на одном и том же конкретном историческом материале пришли к трем точкам зрения: 1) о победе аграрного капитализма (в «американском» или «прус-

---

[47] См.: Рубач М.А. Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине в период проведения Октябрьской революции. – Киев, 1956; Егиазарова Н.А. Аграрный кризис конца XIX века в России. – М., 1959.

[48] См.: Иванов Л.М. Распределение землевладения на Украине накануне революции 1905–1907 гг. // Исторические записки. – 1957. – Т. 60; Анфимов А.М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // Исторические записки. – 1959. – Т. 65. – С. 119–162.

[49] См. напр.: См.: Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). – М., 1969. – С. 379;Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50-60-х годов.– М., 1990. – С. 264;Гефтер М.Я. Страница из истории марксизма начала XX века // Историческая наука и некоторые проблемы современности: Ст. и обсуждения. – М., 1969. – С. 21.

[50] См. напр.: Ковальченко И.Д. Ленин В.И. о характере аграрного строя капиталистической России // Вопросы истории. – 1970. – № 3; Рындзюнский П.Г. Пореформенное помещичье хозяйство и капитализм (К проблеме взаимоотношения укладов в капиталистической России) // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. – Свердловск, 1972.

ском» вариантах), отягощенного крепостническими пережитками (И.Д. Ковальченко, Н.Б. Солунская, Б.М. Литваков); 2) о полукрепостническом внутреннем содержании крестьянских и помещичьих хозяйств и их капиталистической форме (А.М. Анфимов, М.Я. Гефтер); 3) о капиталистической сущности и феодальной оболочке полукрепостнического, кабального хозяйствования помещиков и кулаков (П.Г. Рындзюнский)[51].

В 1970–1980-х годы при изучении проблем российского промышленного капитализма внимание исследователей сосредоточилось на *формировании и развитии монополистического промышленного и финансового капитала*, функционировании кредитной системы. При этом большую роль играла разработка исследователями вопроса о роли правительственной экономической политики в индустриализации страны и насаждении капитализма «сверху». В ряде исследований были предприняты попытки изменить созданную И.Ф. Гиндиным концепцию государственного капитализма. Сам И.Ф. Гиндин, пришел к заключению, что после революции 1905–1907 гг. российский государственный капитализм потерял свою направленность на стимуляцию индустриализации страны. К подобным выводам пришли Л.Е. Шепелев, В.Я. Лаверычев и другие авторы[52].

Осторожные выводы В.Я. Лаверычева о сложном переплетении процессов постепенного подчинения государственных органов монополиям и противодействия этому со стороны государства и дворянских кругов В.И. Бовыкин дополнил своими: сращивание государства с монополиями протекало именно в форме подчинения госаппарата монополиям. В противовес исследователям 1960-х годов В.И. Бовыкин не нашел ничего специфического в явлении высокой концентрации промышленности производства в России. Он считал, что она сложилась в условиях свободной конкуренции, а не в результате пережитков крепостничества или же насаждения царизмом крупной

[51] См.: Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения. – М., 1982; Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. – 1997. – № 9. – С. 82–93; Рындзюнский П.Г. Пореформенное помещичье хозяйство и капитализм (К проблеме взаимоотношения укладов в капиталистической России) // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. – Свердловск, 1972. – С. 69.

[52] См.: Гиндин И.Ф. Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности (конец XIX – начало XX в.) // Исторические записки. – 1980. – Т. 105; Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. – Л., 1981; Лаверычев В.Я. Государство и монополии в дореволюционной России. – М., 1982. – С. 45, 66, 98, 100.

промышленности, полагал, что значение иностранного капитала в социально-экономическом и политическом России нельзя оценивать однозначно. Восполняя искусственно создаваемый царским правительством отлив внутренних накоплений из народного хозяйства страны в сферу непроизводительного их использования, иностранный капитал обеспечивал возможность развития капитализма в России при существовании политического господства помещиков и помещичьего землевладения и тем самым препятствовал экономическому и социальному прогрессу страны. В целом иностранный капитал играл важную, но не определяющую роль в экономическом развитии России[53].

Итак, советский период историографии экономических аспектов развития и формирования буржуазного общества в России характеризовался следующими особенностями. Во-первых, по мере углубления дискуссии по формациям советские историки все больше втягивались в освещение социально-экономических процессов с точки зрения формационной парадигмы. При этом они старались прямо или косвенно связать свои исследования с проблемой возникновения предпосылок буржуазно-демократической и социалистической революций. Во-вторых, историки постепенно уходили от идеологической заданности и стремились раскрывать тенденции в происходивших экономических процессах.

В постсоветский период историографии исследователей экономики очень занимала история предпринимательства. Одной из первых публикаций на эту тему явилась книга Б.В. Ананьича о банкирских домах. Он показал большое значение семейных кредитных предприятий в становлении капитализма. В одном ряду с книгой Б.В. Ананьича находятся исследования И.А. Дьяконовой, С.К. Лебедева, Ю.А. Петрова[54].

Для историографии формирования буржуазного общества важны работы по взаимосвязи налоговой системы и торгово-промышленного предпринимательства в предреволюционной России. Ю.А. Петров аргументированно показал, что государство в дореволюционный пери-

---

[53] См.: Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1988. – С. 53–56; Бовыкин В.И. Финансовый капитал В России накануне Первой мировой войны. – М., 2001. – С. 37; Бовыкин В.И. Заключение // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. – М., 1997. – С. 316.

[54] См.: Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. – Л., 1991.

од являлось не столько инвестором экономики, сколько получателем дохода от экономического роста, а сам экономический рост поддерживался не столько государственными вливаниями, сколько хозяйственной деятельностью самих предпринимателей-налогоплательщиков[55].

Большую роль государственного предпринимательства отмечали С.Л. Лапина и Н.Д. Лелюхина. Высоко оценивая роль государственного предпринимательства в экономическом развитии страны, эти авторы все же отмечают недосформированность госпредпринимательства, отсутствие в нем комплекса предприятий базовых отраслей[56]. По мнению К.Ф. Шацилло, кризисное состояние военной промышленности явилось закономерным результатом развития казенного хозяйства, которое по мере развития капитализма все более становилось преградой на пути прогресса, сохраняя докапиталистические способы хозяйствования и поглощая финансовые ресурсы[57].

В трудах Б.В. Ананьича, В.И. Бовыкина и их последователей был подтвержден главный вывод о том, что иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции играли важную, но не определяющую роль в экономическом развитии России[58].

В изучении банковского дела в России продолжалось сосуществование двух подходов. Ю.А. Петров выдвинул идеи органического роста российских банков, их срастания с промышленностью при минимуме государственного вмешательства, отсутствия особого характера московских банков. Позиция Ю.А. Петрова была подвергнута критике со стороны С.А. Саломатиной и С.В. Ильина[59]. Два противо-

---

[55] См.: Петров Ю.А. Налоги и торгово-промышленное предпринимательство в предреволюционной России (к постановке исследовательской проблемы) // Россия в XIX – XX веках. Материалы II научных чтений памяти В.И. Бовыкина. – М., 2002.

[56] См.: Лапина С.Н., Лелюхина Н.Д. Государственное предпринимательство в России и его участие в регулировании экономики. (Опыт начала XX в.) // Экономическая история России XIX-XX вв.: Современный взгляд.-М.,2001. – С. 13–36.

[57] См.: Шацилло К.Ф. Казенное хозяйство в военной промышленности пореформенной России // Система государственного феодализма в России. Сборник статей. – М., 1993.

[58] См. напр.: Воронкова С.В. Школа Валерия Ивановича Бовыкина (К вопросу о традициях и новаторстве в развитии советской исторической науки) // Россия на рубеже XIX – XX веков: Материалы научных чтений памяти проф. Валерия Ивановича Бовыкина. – М., 1999. – С. 31-49; Беляев С.Г. Русско-французские банковские группы в период экономического подъема 1909–1914 гг. – СПб., 1995; Ткаченко С.Л. Американский банковский капитал в России в годы Первой мировой войны: Деятельность «Нэйшнл Сити Бэнк оф Нью-Йорк». – СПб., 1998.

[59] См.: Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы: Конец XIX в. – 1914 гг. – М., 1998; Саломатина С.А. Доходы акционерных банков от операций с ценными бумагами, 1894–1903 гг. // Россия в XIX – XX веках. Материалы II Научных чтений памяти профессора

положных подхода возникли и среди историков, изучающих денежное обращение в России в конце XIX – начале XX в.: апологетический по отношению к денежной реформе С.Ю. Витте и критический[60].

Продолжались исследования, связанные с изучением промышленного развития царской России. В основном они проходили в рамках научного семинара «Индустриализация в России»[61], который позволил расширить спектр исследований, но не изменил устоявшиеся представления о времени завершения промышленного переворота (80-е годы XIX в.) и индустриализации (30-е годы XIX в.) в России. Это осуществил А.В. Островский, обоснованно отодвинув временные рамки данных явлений до 1950-х годов XX в.[62].

В 1990–2000-х годах в поле зрения отечественной историко-экономической мысли по-прежнему находились проблемы развития аграрного сектора страны. Значительных результатов добились отечественные историки в изучении крестьянской реформы 1861 г. и последующего пореформенного развития русской деревни. С началом перестройки вновь возродилась оценка реформы как особого русского пути отмены крепостного права и преодоления феодализма. Сложились два исследовательских подхода. Представители первого (И.А. Христофоров, М.Д. Долбилов)[63] в своих работах разрушают представление о том, что успех или неудача преобразований, преимущественно определялись волей государственной власти. Второй подход отражен в работах В.А. Степанова и В.П. Данилова, в которых констатируются упущенные реформаторские возможности из-за

В.И. Бовыкина. – М., 2002. – С. 116; Ильин С.В. О содержании и формах банковских операций в царской России // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России». – 2001. – № 12. – С. 23–32.

[60] См.: Тюшев В.А. К вопросу о состоянии и особенностях денежного обращения России в конце XIX – начале XX вв. // Экономическая история России: Современный взгляд. – М., 2001. – С. 53–61; Амосов А.И. Эволюция денежной системы России // Вопросы истории. – 2003. – № 8. – С. 94–95.

[61] См.: Воронкова С.В. Проблемы исследования индустриального преобразования России в начале XX века // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России». – 1999. – № 8. – С. 22.

[62] См.: Островский А.В. О времени завершения индустриализации и промышленного переворота в России // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. – СПб.- Кишинев, 2001. – С. 95–107.

[63] См.: Христофоров И.А. Аристократическая оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середины 1870-х гг. – М., 2002. – С. 310–311; Долбилов М.Д. Проекты выкупной операции 1857–1861 гг.: К оценке творчества реформаторской команды // Отечественная история – 2000. – № 2. – С. 15–36.

ошибок в выработке стратегического курса реформ[64]. Интересную оценку крестьянской реформы дал В.Т. Рязанов. Анализируя закономерность циклов русской истории в алгоритме «реформа – контрреформа», он подчеркнул, что с сугубо экономической точки зрения крестьянскую реформу необходимо определить как реформу опережающего типа, так как потребность в ней возникла не из-за невозможности развития сельского хозяйства на крепостнической основе, а из-за необходимости ускорить индустриализацию страны под воздействием внешних факторов. Сходную позицию по этому вопросу занял и Б.Н. Миронов. Оба автора в целом пессимистически оценили успехи пореформенной капитализации сельского хозяйства, тем самым присоединились к выводам, которые в свое время сделал А.М. Анфимов[65].

На современном этапе, пожалуй, наибольшие споры возникли между историками-аграрниками по проблеме крестьянских реформ начала XX в. Здесь также обозначались две основные позиции: поддерживающая вывод о прогрессивности реформ и критическая позиция. Причем, формационные сдвиги последнего двадцатилетия придали развернувшейся дискуссии особую идеологическую заостренность[66].

В целом, для современной историографии экономических аспектов формирования буржуазного общества в России были характерны многообразие точек зрения, методологических и идеологических подходов и, как следствие, – высокий уровень полемичности исследований.

В отечественной историографии формирования буржуазного общества важное место занимают исследования *социальных и полити-*

---

[64] См.: Степанов В.А. Бунге Н.Х. Судьба реформатора. – М., 1998; Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861–2001) // Россия в XX веке. Реформы и революции в 2-х тт. – М., 2002. – Т. 1. – С. 20–22.

[65] См.: Рязанов В.Т. Указ. соч. – С. 36; Миронов Б.Н. Социальная история России… – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 401–408; Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. – 1997. – № 9. – С. 82-86.

[66] См. напр.: Рогалина Н.Л. В поисках меры (некоторые уроки) российских аграрных реформ в веке // Вопросы экономики. – 1996. – № 7. – С. 113–115; Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. – М., 2001; Щагин Э.М. Об опыте и уроках столыпинской аграрной реформы // Власть и общественные организации России в первой трети столетия. – М., 1994. – С. 46; Корелин А.П. Столыпинская аграрная реформа в аспекте земельной собственности // Собственность на землю в России: История и современность. – М., 2002. – С. 240–296; Зырянов П.Н. Поземельные отношения в русской крестьянской общине во второй половине XIX – начале XX века // Там же. – С. 153–195.

ческих проблем развития России. Среди них наибольшим интересом историков пользовалась проблема *генезиса абсолютизма* в России.

До начала 1930-х годов, как указывала М.П. Павлова-Сильванская, проблема абсолютизма в России ставилась в двух аспектах: историко-философском и социальном[67]. В историческом плане наиболее продуктивны две позиции. Первую (относительное своеобразие России) выразил Г.В. Плеханов, который считал, что одной из важнейших особенностей российской истории является существование государственной власти, организованной по типу восточного деспотизма. Вторую позицию (сходство политического развития России и Запада) выразили Н.П. Павлов-Сильванский и М.Н. Покровский[68].

В историко-социальном аспекте абсолютизм у разных авторов оказывался производным от различных социальных основ. Так, М.Н. Покровский поначалу считал абсолютизм формой государственного устройства, возникающего на базе торгового капитализма, однако, позже уточнил свою точку зрения, назвав абсолютизм бюрократической монархией, созданной сочетанием двух сил: крепостным имением и купеческим капиталом. По М.С. Ольминскому, абсолютная власть принадлежала не монарху, а господствующему классу в целом. Причем, никакой бюрократии вне поместного дворянства не существовало; не существовало также и землевладельческого класса вне бюрократии. Принципиально иную трактовку вопроса дал В.И. Ленин. Тезису Ольминского о слиянии интересов господствующего класса и бюрократии он противопоставил мысль о «громадной независимости» самодержавия и бюрократии[69]. В.И. Ленин отличал три разновидности самодержавно-абсолютистского режима (старый крепостнический абсолютизм, «новейший» бонапартизм и военный

[67] См.: Павлова-Сильванская М.П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. – 1968. – № 4. – С.73.

[68] См.: Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. – Пг., 1924. – С. 152–153; Покровский М.Н. Предисловие // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в Древней Руси. – Пг., 1924. – С. 4–5.

[69] См.: Покровский М.Н. Очерк истории русской культуры. – Пг., 1923. – С. 108–109; Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. – М., 1933. – С. 71; Ольминский М.С. Государство, бюрократия и абсолютизм в России. – М.-Л., 1925. – С. 106; Ленин В.И. О дипломатии Троцкого и об одной платформе партийцев // Ленин В.И. ПСС. – М., 1973 – Т. 21. – С. 32.

деспотизм)[70], верно раскрывая только один срез его социально-классовой эволюции.

В последующие годы появился ряд работ, рассматривавших эволюцию русского самодержавия в свете высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса о равновесии сил между дворянством и буржуазией при абсолютизме. Наиболее последовательно эту мысль развивал Б.И. Сыромятников[71]. С.В. Юшков считал абсолютизм диктатурой феодалов-крепостников, направленной против буржуазии и крестьянства и введенной с целью оперативного разрешения внутренних и внешних конфликтов государства[72]. Концепция С.В. Юшкова стала господствующей в советской исторической и юридической литературе. Ее разделяли А.М. Давидович, Н.И. Павленко, В.В. Мавродин. Н.И. Павленко сделал вывод о том, что торжество дворянства, противостоящего крупным феодалам, и укрепление городского сословия стали непосредственной социальной опорой абсолютизма. Оригинальную точку зрения высказал А.Я. Аврех. На его взгляд, абсолютная монархия является прототипом буржуазного государства[73]. К сходным выводам о взаимодействии абсолютизма и капитализма в России пришла и М.П. Павлова-Сильванская. Она показала неизбежность возникновения так называемых «тупиковых форм», обусловивших активную роль абсолютистского государства в России[74].

Проблема абсолютизма продолжала разрабатываться отечественными историками и в постсоветское время. Е.В. Анисимов[75] выдвинул новую оригинальную концепцию понимания реформ Петра I: они породили социальную стагнацию, заложили в общественное развитие противоречия, чреватые мощным взрывом. Модернизация институтов и структур власти происходила ради консервации основополагающих принципов традиционного режима. Важным дополнением к концепции Анисимова явилась идея А.С. Ахиезера о петровских реформах

---

[70] См.: Ленин В.И. Духовенство на выборах и выборы с духовенством // Ленин В.И. ПСС. – Т. 22. – С. 130–131.

[71] См.: Сыромятников Б.Н. «Регулярное» государство Петра первого и его идеология. – М.-Л., 1943. – С. 126, 128.

[72] См.: Юшков С.В. Возникновение самодержавия при царе Алексее Михайловиче. Стенограмма лекции, читанной 27 января 1945 гг. – М., 1945. – С. 8–9.

[73] См.: Аврех А.Я. Русский асболютизм и его роль в утверждении капитализма в России. // История СССР. – 1968. – № 2. – С. 91–96.

[74] См.: Павлова-Сильванская М.П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России. // История СССР. – 1968. – № 4. – С. 84–85

[75] См.: Анисимов Е.В. Время петровских реформ. – М., 1989.

как главной причине раскола между обществом и государством[76]. Используя подходы, выработанные в западной и отечественной политологии, Б.Н. Миронов заявил, что в XVIII в. сложилась сословная патерналистская монархия, которая во второй четверти XIX в. переросла в бюрократическую правомерную монархию, а в 1906 – феврале 1917 гг. – в дуалистическую правовую монархию. Б.Н. Миронов считает такое развитие в целом успешным, так как прогрессивное изменение было доминирующей чертой политической истории России. Каждая стадия в развитии российской государственности была необходима и полезна для общества в свое время и соответствовала политическим представлениям своей эпохи. Поэтому, Б.Н. Миронов предположил, что главным фактором эволюции российской государственности в XVIII – XIX вв. были объективные требования жизни[77].

Другой весьма существенной в историографии абсолютизма является проблема эволюции царского самодержавия в эпоху монополистического капитализма. В.И. Ленин ее трактовал с точки зрения этапов перехода от феодальной формации к капиталистической, особо исследовав политику приспособления царизма к буржуазному развитию. Он сделал вывод о «прямом союзе», который сложился после Первой русской революции между самодержавием и буржуазией в рамках третьеиюньской системы и политики бонапартизма[78].

Долгое время в советской историографии по этому вопросу господствовала теория С.В. Юшкова согласно которой самодержавие и после 1905 г. осталось таким же, каким оно было до революции[79]. Выступая с критикой такого подхода А.М. Давидович указал, что понуждаемый ходом революции абсолютизм после 1905 г. сделал второй шаг к буржуазной монархии. В результате введения октроированной монархической конституции в стране установилась разновидность абсолютизма — конституционное самодержавие, являвшееся воплощением диктатуры полукрепостнического дворянства. Социальной направленностью этого строя являлся думский и аграрный бонапартизм, не выполнивший в результате те задачи, которые на не-

[76] См.: Ахиезер А.С. России: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Новосибирск, 1997. – Т. 1. – С. 151–182.
[77] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). – СПб., 1999. – Т. 2. – С. 175, 194.
[78] См.: Ленин В.И. Столыпин и революция // Ленин В.И. ПСС. – М., 1973. – Т. 20. – С. 329.
[79] См.: Юшков С.В. История государства и права СССР. Часть 1. Учебник для юридич. вузов. – М., 1950.

го возлагались[80]. О причинах гибели бонапартистского конституционного самодержавия писали Ю.Б. Соловьев и В.С. Дякин. Первый в качестве таковой называл взаимное тяготение и переплетение самодержавия и дворянства, не допускавшие их буржуазного перерождения, второй – историческое опоздание в буржуазном реформировании общества[81].

В современной науке нет единого взгляда на российскую государственность начала XX в. Как указывает А.Н. Медушевский, главным предметом споров остается определение формы правления и природы политического режима в России в период конституционных реформ. Он определяется как конституционная монархия, дуалистическая монархия, октроированный (пожалованный) конституционализм, мнимый или даже лжеконституционализм. Ряд авторов вообще считает невозможным отнести российский политический режим к какой-либо развитой форме европейского конституционализма и предпочитает говорить о нем, как об уникальном, которому подходит понятие «самодержавно-конституционная монархия». И, наконец, существует мнение, что российская модель конституционализма – это некоторая переходная форма, содержащая в себе возможности трансформации в политические системы различного типа[82].

Опорой абсолютизма являлся государственный аппарат. Однако вопрос о нем долгое время по существу не являлся предметом специального изучения ни в русской дореволюционной, ни в советской историографии.

В советской литературе проблема развития государственного аппарата царской России получила освещение только в послевоенный период, когда вышли работы Н.П. Ерошкина, С.М. Троицкого, В.Р. Лейкиной–Свирской, И.В. Оржеховского, Б.Б. Дубенцова,

---

[80] См.: Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). – М., 1975.

[81] См.: Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. – Л., 1990. – С. 263; Дякин В.С. Выступление на вечере «Государственная дума вчера и сегодня… 1906–1917–1993» 10 ноября 1993 гг. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. – СПб., 1999. – С. 22.

[82] См.: Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 30–31, 43; Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 157; Шевырин В.М. Рецензия на книгу А.Н. Медушевского «Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе» // Вопросы истории. – 1999. – № 3. – С. 167; Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): Механизм функционирования. – М., 1996. – С. 83–85, 161–162; Hosking G. The Russian Constitional Experiment. – Cambridge, 1973.

П.А. Зайончковского[83]. Наиболее фундаментальные выводы по проблеме сделал П.А. Зайончковский: о преобладании среди высшей бюрократии владельцев земельной собственности; о ничтожном проникновении в государственный аппарат буржуазных элементов после отмены крепостного права; об отсутствии прямых оснований для утверждения о буржуазном перерождении чиновничества. Последний вывод П.А. Зайончковского позже был опровергнут А.Н. Бохановым.

В постсоветское время большой вклад в составление социального, социокультурного и психологического портрета российского чиновника, в понимание его переходного типа внесли исследования Г.А. Орловой и Б.Н. Миронова[84].

Все направления буржуазной и дворянской историографии досоветского периода исходили из общих положений официальной государственной школы о надклассовости российского самодержавия и закрепощении им сословий в целях отбывания государственной повинности. В остальном взгляды историков на социальный строй России сводились к двум концепциям. Согласно первой (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.П. Павлов-Сильванский) к XVIII в. естественным и органическим путем, в ходе экономического социального и политического развития страны сформировался сословный строй. Вторая концепция (П.Н. Милюков, Н.М. Коркунов) считала сословный строй в России искусственной структурой, созданной в результате попыток государства привить западноевропейские начала, и в значительной степени разрушенной Великими реформами, несмотря на законодательные препятствия[85].

В советской историографии сословия трактовались как «социально-правовые группы, каждая из которых отличалась своим юридическим положением, определенными правами и обязанностями в обще-

---

[83] См.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1968; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. – М., 1974; Дубенцов Б.Б. Вопрос об отмене гражданских чинов в правительственной политике 80-х гг. XIX в. // Проблемы отечественной истории. – М.-Л., 1974. – Ч. II; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978; Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. – М., 1971. – С. 14–15; Оржеховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-х годах XIX века. – Горький, 1974.

[84] См.: Орлова Г.А. Бюрократическая реальность // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6; Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 162–175.

[85] См.: Ключевский В.О. История сословий в России // Ключевский В.О. Соч.: В 8 т. – М., 1959. – Т. 6. – С. 305–306, 462–466; Коркунов Н.М. Русское государственное право. – СПб., 1908. – Т. 1. – С. 274.

стве[86]. При этом, считалось, что оформление сословий в России началось с середины XVI в.[87].

В постсоветское время большую популярность в отечественной науке получили взгляды западных исследователей на сословный строй России, согласно которым Московское царство было государством бесклассовым и бессословным, так как существовавшие в то время социальные группы не подходили к признакам класса и сословия[88].

Историография формирования буржуазного общества включает в себя работы по *истории различных сословных групп*.

В советской историографии проблема эволюции *дворянского* сословия в условиях модернизации стала изучаться с 1960-х гг. В трудах А.М. Анфимова, Л.П. Минарик, И.Д. Ковальченко, А.В. Милова, Л.П. Литвака и других авторов были рассмотрены структура, размещение дворянского землевладения, удельный вес его в системе частного и общегосударственного земельного фонда, выявлено его тормозящее влияние как на складывание капиталистического аграрного рынка, так и на проявление товарно-капиталистических закономерностей, определявших ход и характер аграрной эволюции страны. В другой группе работ проблема дворянства рассматривалась через призму внутренней политики самодержавия. Были отмечены продворянская направленность этой политики в крестьянском вопросе и в организации местного и земского самоуправления, всемерная поддержка правительством дворянского предпринимательства. Особый интерес в этом плане представляют монографии Ю.Б. Соловьева, А.П. Корелина, В.С. Дякина[89].

История *городских сословий* представлена в книгах, вышедших в XIX в. В них был собран обильный фактический материал, предприняты попытки проникновения в сущность поднимаемых проблем[90]. В советское время история городских сословий рассматривалась пре-

---

[86] См.: СИЭ. – М., 1971. – Т. 13. – С. 348.

[87] См.: Седов Л.А. Сословие // БСЭ. – М., 1976. – Т. 24. – Кн. 1. – С. 199.

[88] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 1. – С. 78–79; Freeze G.L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // American Historical Review. – 1986. – Vol. 91. – No. 1. February. – P. 11–36.

[89] См.: Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. – М., 1979; Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. – Л., 1990. – С. 193.

[90] См. напр.: Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. – СПб., 1875. – Т. 1; 1877. – Т. 2.

имущественно в контексте истории России, а число специальных исследований по этой теме было невелико[91]. Ситуация существенно изменилась с 90-х годов XX в., когда под влиянием повышенного интереса к истории предпринимательства одна за другой стали появляться работы, посвященные купечеству, мещанству, почетному гражданству, городскому самоуправлению[92]. Они внесли существенный вклад в изучение проблемы, но обозначили различные точки зрения на эволюцию городских сословий, городского общественного управления, сущность понятия «городское общество».

В дореволюционный период *крестьянство*, как самое многочисленное сословие, являлось объектом пристального внимания отечественной науки. Историки и юристы в основном изучали правовой статус крестьянства пореформенной России[93]. В советской историографии основное внимание уделялось классовым характеристикам крестьянства: вопросам имущественного неравенства, социального расслоения, крестьянского движения[94]. Однако в ряде этих работ, а также в специальных исследованиях получили отражение различные стороны правового положения крестьян[95]. В последнее десятилетие число таких исследований существенно возросло[96].

В историографии по крестьянству дискуссионным является общий вопрос – сложилось ли вообще крестьянское сословие в России и когда это произошло? Исследователи, занимавшиеся феодальным периодом русской истории, обозначали различные этапы в этом процес-

---

[91] См.: Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. – М., 1958; Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие. – Л., 1990.

[92] См. напр.: Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII – XIX в.: Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск, 1996; Королева С.И. Торговое сословие России. – СПб., 1998; Писарькова Л.Ф. Московская городская дума, 1863–1917. – М., 1998.

[93] См. напр.: Семенов Н.П. Освобождение крестьян в царствование имп. Александра II. – СПб., 1889. – Т. 1; Бржеский Н. Натуральные повинности крестьян и мирские сборы. – СПб., 1906; Вихляев П.А. Аграрный вопрос с правовой точки зрения. – М., 1906.

[94] См.: Вайнштейн А.Л. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. – М., 1924; Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. – М., 1975; Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904. – М., 1980.

[95] См.: Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М., 1968; Зырянов П.Н. Третья Дума и вопрос о реформе местного суда и волостного правления // История СССР. – 1969. – № 6; Ананьич Б.В. Из истории законодательства о крестьянах (вторая половина XIX в.) // Вопросы истории России, XIX – начало XX в. – Л., 1983.

[96] См. напр.: Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России, 1907–1914. – М., 1992; Бурдина О.Н. Крестьяне-дарственники в России, 1861–1907 гг. – М., 1996; Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. – М., 2001.

се. Те же, кто изучал крестьянство в пореформенный период, пишут о завершении формирования крестьянского сословия к последней четверти XIX в. Б.Н. Миронов пришел к выводу, что крестьянское сословие в России в XVIII – первой половине XIX в. вообще не сложилось, представляя собой «полусословие или квазисословие». Лишь в результате реформ 1860-х годов все категории крестьян консолидировались в единое сословие и постепенно стали утрачивать сословные черты[97].

Буржуазные преобразования обратили внимание историков на процессы *разложения сословного строя и становления буржуазной классовой структуры*. Само развитие промышленного капитализма выдвинуло в качестве первоочередных тем исследования историю буржуазии и рабочего класса России. Касаясь последнего, следует отметить, что в специальных работах В.И. Семевского, Е.М. Дементьева, К.А. Пажитнова, И.М. Козьминых-Ланина были впервые затронуты вопросы социального и политического положения рабочего класса, повседневного быта рабочих, их связи с земледелием, а также фабричное законодательство и ход рабочего движения[98]. В этот период и буржуазно-либеральная и меньшевистская историография стремились доказать тезис о неготовности российского пролетариата к социалистической революции[99].

В советское время история российского пролетариата в эпоху империализма привлекала особо пристальное внимание историков. В 1920–1960-х годах в многочисленных конкретно-исторических трудах был накоплен огромный фактический материал[100]. Однако первая крупная обобщающая работа, посвященная вопросам становления кадров фабрично-заводского пролетариата появилась только в 1940 г.[101] Выход книги А.Г. Рашина придал новый импульс конкретно-историческим исследованиям в освещении истории рабочего движения и социального положения рабочих. Эти вопросы рассматривал

---

[97] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 1. – С. 123.

[98] См. напр.: Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. В 2-х тт. – СПб., 1898; Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она берет у него. Изд. 2-е исправленное и дополненное. – М., 1897.

[99] См.: Бердяев Н. Возможна ли социальная революция? – М., 1917. – С. 3, 7–9.

[100] См.: Левидова С.М. История Онежского (бывшего Александровского) завода. – Петрозаводск, 1938; Глебов Б.Д., Ульянский А.Г., Мительман М.И. История Путиловского завода, 1789–1917 гг. – М.-Л., 1939; Корольчук Э.А. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». – Л., 1940.

[101] См.: Рашин А.Г. Формирование промышленного пролетариата в России: Статистические экономические очерки. – М., 1940.

целый ряд историков[102]. К концу 1960-х годов перед советскими историками встала задача создания обобщающих трудов по истории российского пролетариата. Она была блестяще реализована в целой серии работ[103].

Однако при этом практически нераскрытой оказалась проблема социокультурных основ формирования и развития российского пролетариата, что привело к несколько искаженному представлению о типе менталитета русских рабочих, характере рабочего движения. Этот пробел был восполнен в исследованиях 1990-х годов, в которых были обрисованы контуры нового понимания социального, культурного и политического лица рабочего класса России. Его основными чертами стали переходность, сочетание традиционных и буржуазных элементов сознания и деятельности, антибуржуазность, коллективизм, основанный как на общинных традициях, так и на практике индустриализма, острое чувство попранного человеческого достоинства[104].

Тема становления класса российской буржуазии долгое время относилась к числу наименее изученных. В дореволюционной литературе фактически отсутствовала даже сама постановка данной проблемы. Лишь в начале XX в. некоторые авторы стали давать в своих работах поверхностные сведения о буржуазии. Первая серьезная попытка рассмотреть процесс политического развития крупной торгово-промышленной буржуазии была предпринята М.Н. Покровским, ко-

---

[102] См. напр.: Гохберг И.К. Рабочее и профессиональное движение в России в период столыпинской реакции (1908–1912 гг.). – М., 1947; Романов Ф.А. Рабочее и профессиональное движение в годы первой мировой войны и второй русской революции (1914 гг. – февраль 1917 года). – М., 1949; Нестеренко А.А. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX – начале XX в. – М., 1954; Иванов Л.М. К вопросу о формировании промышленного пролетариата России // История СССР. – 1958. – № 4; Кирьянов Ю.И. Влияние первой мировой войны на изменение численности и состава рабочих России // Вопросы истории. – 1960. – № 10; Панкратова А.М. Формирование пролетариата в России (XVII–XVIII вв.). – М., 1963.

[103] См.: Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. – М., 1970; Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. – Л., 1976; Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 гг. – Л., 1981; Кирьянов Ю.И. Жизненый уровень рабочих России. – М., 1979; Рабочий класс России, 1907 – февраль 1917 гг. / Отв. ред. В.Я. Лаверычев. – М., 1982.

[104] См.: Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX веков. Сборник статей и материалов, посвященные памяти О.Н. Знаменского. – СПб., 1994; Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт / Под ред. А.В. Бузгалина, Д.О. Чуракова, П. Шульце. – М., 2001; Рабочий класс и рабочее движение России: История и современность / Под ред. А.В. Бузгалина, Д.О. Чуракова, П. Шульце. – М., 2002; Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 гг. – СПб., 1997.

торый через призму анализа борьбы торгового капитала с промышленным, показал некоторые черты национальной буржуазии пореформенного периода: политический «индифферентизм», отсутствие интереса к активной внешней политике и т.п.[105] Большой вклад в создание методологии изучения данной проблемы внес В.И. Ленин[106].

В 1922 г. появилась работа П.А. Берлина, в которой он осветил историю русской буржуазии с начала XVIII в. и до XX в. Автором была допущена идеализация политики правительства по отношению к буржуазии, не раскрыта двойственность и противоречивость этой политики, была преувеличена политическая сознательность и активность московской буржуазии в конце XIX в.[107].

После этой книги, вплоть до конца 1940-х – начала 1950-х годов проблема развития русской буржуазии историками не рассматривалась. Начало нового исследовательского этапа было связано с именами П.И. Лященко, А.С. Нифонтова, И.Ф. Гиндина[108]. В результате их научного поиска возникла первая в отечественной историографии комплексная концепция социально-экономического развития крупной российской буржуазии. Наиболее полно ее представил И.Ф. Гиндин. По его мнению, к концу XIX в. в России завершилось образование класса буржуазии, который делился на крупную буржуазию, среднюю и мелкую. В период империализма на развитие этого класса, как и в первые пореформенные десятилетия, влияли многочисленные социально-экономические и социально-политические пережитки феодализма. Результатом этого стали: слабая предприимчивость буржуазии, распространение среди дворянства рантьерства, возникновение трех регионально-отраслевых типов буржуазии, приспособление полукрепостнического самодержавия и крупной русской буржуазии.

Большой вклад в изучение проблемы внесли монографии В.Я. Лаверычева и П.Г. Рындзюнского, в которых содержится комплексный анализ экономических и социальных сторон истории буржуазии в пореформенный период[109].

---

[105] См.: Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Изд. 3-е. – М., 1920. – Т. IV.

[106] См.: Ленин В.И. Проект и объяснение программы социал-демократической партии // Ленин В.И. ПСС. – М., 1971. – Т. 2. – С. 89; Ленин В.И. О «нефтяном голоде» // Там же. – М., 1973. – Т. 23. – С. 33.

[107] См.: Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. – М., 1922. – С. 275–278.

[108] См. напр.: Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. – 1969. – № 2, 3.

[109] См.: Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России, 1861–1900 гг. – М., 1974; Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. – М., 1978.

Конец 1980-х – начало 1990-х годов ознаменованы появлением новой концепции развития русской буржуазии. Ее автором стал А.Н. Боханов[110]. В первую очередь, автор подверг существенной критике «концепцию Гиндина». А.Н. Боханов отверг регионально-отраслевую типизацию буржуазии и заменил другой – социально-экономической. Она состоит в подразделении буржуазии на две основные фракции: плутократическую и финансово-технократическую. Кроме того, интегрирование представителей дворянства в системе монополистического капитализма, подчеркивал А.Н. Боханов, отражало генеральный процесс формирования единого буржуазно-помещичьего класса – слабого и бесперспективного.

В 1990-е годы большой интерес для историков стала представлять тема социальных истоков и политического самоопределения русской буржуазии. Здесь следует упомянуть работы Ю.А. Петрова, Н.В. Козловой и М.Н. Барышникова, а также сборник статей в честь профессора А.А. Преображенского[111].

Пожалуй, наименее разработанной в историографии социального развития России является тема средних городских слоев. Пока еще не решен вопрос о социальных границах самой категории «средние городские слои» и ее соотношении с другими общественными слоями. Отчасти причиной этого стала разноречивость мнений о численности пролетариата. Некоторые авторы расширительно толкуют его состав, а другие, наоборот, – ставят под сомнение отнесение к рабочему классу полупролетарских и мелкобуржуазных слоев, а также таких социальных и профессиональных групп, как почтово-телеграфные и торговые служащие, приказчики и т.д.[112] Итоговый анализ генезиса городских средних слоев представили в своем фундаментальном труде Н.А. Иванова и В.П. Желтова[113].

---

[110] См.: Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 гг.). – М., 1992.

[111] См.: Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. – М., 1999; Петров Ю.А. Московское купечество на рубеже XIX – XX веков // Отечественная история. – 1996. – № 2; Купечество в России. XV – первая половина XIX века. Сборник статей в честь профессора А.А. Преображенского. – М., 1997; Барышников М.Н. Политика и предпринимательство в России (Из истории взаимодействия в начале XX века).- СПб.,1997.

[112] См.: Москвин Л.Б. Рабочий класс и его союзники. (К вопросу о классовых союзах пролетариата в борьбе против капитала). – М., 1977; Гречкина Э.Р. Средние слои на пути к социализму. – Таллинн, 1976; Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. – Тамбов, 1974.

[113] Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М., 2004. – С. 529–539.

Общепризнанной точкой зрения является отнесение к средним городским слоям интеллигенции. Широкое толкование интеллигенции как внесословной внеклассовой группы, которая характеризовалась «творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к… освобождению личности»[114], было подвергнуто критике со стороны «веховцев». Они жестко разделили понятия «образованный класс» и «интеллигенция», рассмотрев последнюю как политическую и психологическую категорию генетически-социалистического характера[115].

В советский период генезис отечественной интеллигенции рассматривался исключительно с классовых позиций, а сама интеллигенция воспринималась как «прослойка» образованных людей, возникающая преимущественно в буржуазном обществе. Говорилось также о «пролетарской» и «крестьянской» интеллигенции, представители которой после победы революции стали первичной основой для новой и единой социалистической интеллигенции[116].

1990-е годы характеризовались бумом интеллигентоведения. Существенными составляющими решения проблемы генезиса российской интеллигенции явились исследования В.С. Меметова и А.А. Данилова, разработавших теоретико-методологическое обоснование понятия «прединтеллигенция»; Ю.Ю. Вейнгольда (формирование «протоинтеллигенции»); А.В. Карасева, выдвинувшего концепцию, «диффузного» образования интеллигенции; О.К. Ермишиной, изучавшей механизмы выделения интеллигенции из конкретно обозначенного сословия; И.Б. Орлова, работавшего над генезисом российской интеллигенции «как особой корпорации»; В.Т. Ермакова, который выявлял «каналы формирования» интеллигенции[117].

Историография общественно-политических движений России второй половины XIX – начала XX в. является важной составной частью историографии буржуазных преобразований[118]. Изучение на-

---

[114] Иванов-Разумник Р.В. Что такое интеллигенция? // Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. – М., 1993. – С. 80.

[115] См. напр.: Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. статей. 1909–1910. – М., 1991.

[116] См.: Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя, П. Юдина. – М., 1952. – С. 153.

[117] См.: Интеллигенция, провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. – Иваново, 1996; Интеллигенция России: уроки и современность. – Иваново, 1996.

[118] См. напр.: Ткаченко П.С. О некоторых вопросах истории народничества // Вопросы истории. 1956. – № 5; Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60–70-х годы XIX века. –

родничества, марксизма, либерализма, крестьянского и рабочего движений дает возможность определить характер происходивших изменений, так как показывает переходный расколотый раннеиндустриальный характер этих движений.

Выводы

Отечественная историография проблемы формирования буржуазного общества в России во второй половине XIX – начале XX в. получила свое освещение в трех эпохальных ракурсах: дооктябрьском, советском и постсоветском.

Наибольший вклад в решение этой проблемы внесли историки советского периода, действовавшие в рамках двух идеологических этапов, которые условно можно назвать «сталинским» и «послесталинским».

Если ключевой идеей дооктябрьской историографии явился поиск предпосылок, условий и самого смысла буржуазных преобразований в России, то в советскую эпоху все исследования в итоге прямо или косвенно решали вопрос о предпосылках Октябрьской революции. Это задавало направления, темы и методы исследований, что несло с собой как плюсы, так и минусы. К первым можно отнести конкретно-историческую разработку наиболее ключевых проблем, связанных со становлением буржуазного общества, высокий уровень их

М., 1958; Ионова Г.И., Смирнова А.Ф. Революционные демократы и народники // История СССР. – 1961. – № 5; Захарина В.Ф. Революционные народники 70-х годов — идеологи крестьянской демократии // История СССР. – 1963. – № 5; Филиппов Р.В. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1873–1874). – Петрозаводск, 1967; Ткаченко П.С. Революционная народническая организация «Земля и воля» (1876–1879 гг.). – М., 1961; Ольховский Е.Р. К истории «Черного передела» (1879–1881) // Общественное движение в пореформенной России. – М., 1965; Волк С.С. «Народная воля», 1879–1882. – М.-Л., 1966; Седов М.Г. Героический период революционного народничества. – М., 1966; Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. – Саратов, 1971; Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. – М., 1970; Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 гг.). – М., 1977; Сидельников С.М. Образование и деятельность Первой Государственной Думы. – М., 1962; Аврех А.Я. Столыпин и Третья дума. – М., 1968; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л., 1978; Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. – 1998. – № 4. – С. 35–37; Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Идейные истоки русского либерализма // Общественные науки и современность. – 1993. – № 3; Либеральные традиции в культурно-историческом опыте России // Свободная мысль 1993. – № 15; Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX века. – СПб., 1996. – С. 151.

философского осмысления, ко вторым – узкий коридор интерпретаций, обусловленный идеологическими причинами.

В этих условиях советскими историками были достигнуты существенные результаты: раскрыты структура и содержание экономики России, пути и этапы зарождения капитализма; показано самостоятельное значение российского монополизма, степень его взаимодействия с иностранным капиталом; освещены роль и место государства в буржуазных преобразованиях; показано развитие и разложение российского сословно-классового общества, вскрыт генезис буржуазии и пролетариата; представлен российский путь аграрного капитализма.

Однако общая идеологическая заданность не позволила советским историкам полностью вскрыть смысл стадиальных преобразований в России, ибо все они в той или иной мере изначально исходили из предсоциалистического характера этих преобразований. К изменению данного подхода многие отечественные исследователи подошли только сейчас, после переосмысления ими основ советской цивилизации. В итоге предпосылки революции получили совершенно иную интерпретацию (буржуазно-модернизационную). Все это подвигло к необходимости более глубокого и целостного осмысления революционного перехода к современному обществу, наблюдавшегося в России в XIX – начале XX в.

§ 3. Зарубежная историография о модернизации в России

Большое влияние на характер и направленность современных отечественных исследований формирования буржуазного общества в России оказывает зарубежная историография, и в первую очередь, англо-американская.

В дооктябрьскую эпоху профессиональные историки Запада не проявляли большого интереса к социально-экономическому и политическому развитию России. Вплоть до середины XIX в. европейская общественность располагала весьма скудными сведениями о нашей стране. Лишь подъем народнического движения сопровождался возрастанием интереса к ней. В связи с этим пристальное внимание развитию формационных процессов в России уделили основоположники марксизма. Их заинтересовала подготовка и проведение крестьянской реформы 1861 г. Они говорили о симптомах «войны крепостных внутри России»[1], о вынужденном характере реформ Александра II, о том, что освобождение крестьян должно стать поворотным пунктом в истории страны, положившим «начало новой промышленной эры»[2]. Говоря о возможности крестьянского восстания в России, К. Маркс указывал на исторические перспективы: «А если это произойдет, то настанет русский 1793 год; господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории, но оно явится вторым поворотным пунктом в истории России, и в конце концов на место мнимой цивилизации введенной Петром Великим, поставит подлинную и всеобщую цивилизацию»[3].

К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к выводу о том, что после 1861 г. приходится говорить не только о развитии капитализма в России, но даже о «быстро развивающейся капиталистической горячке». В этой связи в 1870-х – начале 1880-х годов остро дискуссионным стал вопрос о перспективах русской сельской общины – о том сможет ли она, если будет освобождена от помещичьего и полицейского гнета, организовать свое производство и распределение продуктов на коллективных началах или будет обречена на гибель и в силу историче-

[1] Маркс К. Политические партии в Англии. – Положение в Европе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1958. – Т. 12. – С. 520.

[2] Энгельс Ф. Николаю Францовичу Даниельсону, 22 сентября 1892 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1965. – Т. 38. – С. 398.

[3] Маркс К. Об освобождении крестьян в России // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1958. – С. 701.

ской неизбежности Россия должна пройти все фазы капиталистического производства? Ответ на этот вопрос К. Марксом и Ф. Энгельсом был неординарным. Община, заявили они, несмотря на то, что она была уже «сильно разрушенной» формой первобытного общего владения землей может «непосредственно перейти в высшую коммунистическую форму общего владения», но только при одном непременном условии: «если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга…»[4].

Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс не отрицали возможности для России миновать капиталистический путь развития и в случае победы европейской революции придти к социализму на основе русской общины. Однако, они считали, что если «Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»[5]. К. Маркс полагал, что разрешение этого вопроса – дело практики. И уже к началу 1890-х гг. Ф. Энгельс отмечал, что на сохранение общины осталось мало шансов, так как страна бесповоротно вступила на путь развития капиталистической системы[6]. Говоря о возможности революции в России, Ф. Энгельс заметил, что в России «революция абсолютно неизбежна»[7].

Кроме книг и статей К. Маркса и Ф. Энгельса редкие общие работы отличались поверхностной описательностью и не содержали серьезного анализа проблем. К ним следует отнести работы публицистического характера О. Уола, Г. Эдвардса, Д.М. Уоллеса[8].

Первым значительным трудом по русской истории периода империи стала книга известного французского либерального историка А. Леруа-Болье. В ней настойчиво проводилась мысль об исключительности исторических путей развития России. А. Леруа-Болье писал, что Россию нельзя считать ни европейской, ни азиатской стра-

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1961. – Т. 19. – С. 305.

[5] Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1961. – Т. 19. – С. 119.

[6] См.: Энгельс Ф. Письмо Николаю Францевичу Даниельсону в Петербург, 24 февраля 1893 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1958. – Т. 39. – С. 32–33.

[7] См.: Энгельс Ф. Письмо Николаю Францевичу Даниельсону в Петербург, 5 марта 1895 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1958. – Т. 39. – С. 349.

[8] Wahl O.W. The Land of the Czar.- L.,1875.- P.317; Edwards H.S. The Rassians at Home and the Rassians Abroad.- L.,1879.- P.108-109; Wallece D.M. Rassia/. Vol. 1-2.- L.,1877.

ной. Русское общество не знало ни Ренессанса, ни Реформации, ни революции. Именно поэтому возникшая под воздействием культурных влияний Запада немногочисленная российская интеллигенция оказалась как бы в чужеродной среде. Отсюда повышенный радикализм ее представителей[9].

Под влиянием воззрений А. Леруа-Болье оказались многие английские авторы 1890-х годов. Так, Ч. Лоу в жизнеописании Александра III высказал сожаление по поводу уклонения последнего с пути либеральных реформ его отца[10].

Первая русская революция оживила интерес западных авторов к истории российской модернизации. Появилось несколько исторических сочинений, среди которых особого внимания заслуживает книга Дж. Перриса «Пионеры русской революции». Она представляет собой очерк истории русского революционного движения 70-х - начала 80-х годов XIX в., написанный с либеральных позиций. Автор подчеркивал прогрессивность революционно-народнического движения[11]. С более консервативных позиций написаны работы Дж. Фрейзера, который стремился доказать специфичность исторического развития России. Русские, заявлял он, представляют по существу восточный тип общества[12].

В связи с началом Первой мировой войны в англо-американской литературе стали выходить откровенно панегирические труды о внутреннем строе России. Так, Ч. Сароли и Ст. Грэхем развивали мысль о том, что в общественной жизни России не было почвы для развития социальных противоречий[13]. Сходные суждения высказывали и крупнейшие американские россиеведы начала XX в. С. Харпер и Ч. Крейн. Оба исследователя исходили из признания царизма специфически русской формой государственного правления, опиравшейся на традиции патриархальной жизни народа[14].

В целом, в дооктябрьский период накопилась весьма обширная и чрезвычайно пестрая литература, посвященная социально-экономическому и политическому развитию России. Однако, специ-

---

[9] Leroy-Beaullieu A. The Empire of the Tsars and the Russians. Pt.1.- N.Y.; L., 1893.- P.VIII-IX, 489-491.

[10] Lowe Ch. Alexander III of Russia.- L., 1895.- P.312.

[11] См.: Перрис Дж. Пионеры русской революции. – СПб.,1906.- С. 152.

[12] Fraser J.F. The Real Siberia.- L.,1902; Fraser J.F. Red Russia.- L.,1907.- P. 23-27.

[13] Sarolea Ch. Europe's Debt to Russia.- L., 1916.- P.56-68.

[14] См.: Соболев Г.Л. Октябрьская революция в американской историографии. 1917-1970-е годы.- Л., 1979.- С.8.

альных исторических исследований было написано мало, преобладали работы очеркового характера или публицистические выступления.

После Октябрьской революции началось складывание западного россиеведения в самостоятельный историографический комплекс. Одним из признанных авторитетов стал Б. Пейрс. Он не скрывал своего осуждения самодержавия, признавал необходимость социальной и культурной трансформации России. Работы Б. Пейрса носили весьма умозрительный характер и должным образом не учитывали конкретно-исторических условий России[15].

Сильный толчок развитию западного россиеведения дали белоэмигранты. Среди их работ в первую очередь следует назвать статьи Ф. Родичева, в которых он рассматривал земства как лучшую школу воспитания масс. Беды России Ф. Родичев усматривал в тупости царизма и в «безответственном экстремизме» радикальных элементов общества.[16] Особую роль в развитии на Западе исследований российской модернизации сыграли работы М.М. Карповича. В них он утверждал, что Россия имела неразвитую социальную структуру и в ней отсутствовал сильный «средний класс», что предопределило повышенную политическую активность русских интеллигентов. М.М. Карпович был оним из первых на Западе историков, стремившихся отыскать идейные истоки большевизма в учении П.Н. Ткачева[17]. Кроме М.М. Карповича следует назвать М. Флоринского, Г.В. Вернадского, С.Г. Пушкарева.

Заметными фигурами в американском россиеведении были У. Чемберлин и Г. Робинсон. В своих трудах У. Чемберлин уделял особое внимание эволюции российского либерализма и в значительной степени определил характер оценок его слабости. Г. Робинсон является автором основательных исследований по истории аграрных отношений в России во второй половине XIX в.[18].

В Англии крупным авторитетом в области россиеведения стал Э. Карр. Он, как лидер либерально-объективистского направления, считал, что, ставшие неизбежными после Крымской войны, преобразования раскололи российское общество и привели к столкновению правительства и радикальной интеллигенции. На близких Э. Кару

---

[15] Pares B. Russia: Between Reform and Revolution. – N.Y. - P. IX-X, 60.
[16] Rodichev F. The Liberal Movement in Russia // Slavonic Review.- 1923.- Vol.2.-№ 4.- P.1-12.
[17] Karpovich M. Imperial Russia. 1801-1917.- N.Y.,1932.-P. 30-49.
[18] См.: Соболев Г.Л. Указ. Соч. – С. 118; Robinson G. Rural Russia under the Old Regime.- Berkeley, 1967.

позициях стоял известный английский историк Б. Самнер, автор обобщающих трудов по истории нашей страны. Россия, подчеркивал он, не только испытывала воздействие западных влияний, но в свою очередь и сама оказывала большое влияние на европейские страны[19].

Подлинно научный интерес к проблеме формирования буржуазного общества в России западная наука проявила после Второй мировой войны, когда возникли и утвердились основные направления научного поиска. Их выделение основывалось на разном понимании западными исследователями цивилизационного места России.

Первая группа ученых, сделала вывод о традиционном, азиатском характере российского общества, что дало основание представить нашу страну и ее революции вне европейской цивилизации, а Запад – в качестве безусловного лидера мировой истории, который облагодетельствовал Россию модернизацией («вестернизацией»). Например, Я. Уолкин подчеркивал, что в России не было ни феодализма, ни капитализма в классическом смысле этих понятий. Направление общественного развития вообще было противоположным западному и знаменовалось гипертрофированной ролью правительственной власти. Поэтому экономическая модернизация проходила не благодаря деятельности «живых сил» общества, а только по инициативе и в интересах государства[20]. Другой исследователь, М. Рэн, соседство с Западом, его содействие объявил основными факторами русской истории[21]. В этом же ключе развивали свои идеи и такие известные историки, как Р. Пайпс, Р. Уортман, Х Ситон-Уотсон[22].

По концепции Р. Пайпса внутренняя жизнь России исключала развитие в ней какой-либо оппозиционности самодержавию. В России все располагало к консерватизму и оцепенению, так как здесь «корона, так сказать, экспроприировала общество». И только благодаря внедрению иностранного капитала, подчеркивал Р. Пайпс, были достигнуты кое-какие успехи в хозяйственном развитии станы в конце XIX – начале XX в. Следуя за Р. Пайпсом, о поглощении русским государством материальной и духовной жизни общества, о копировании западных политических порядков писал Р. Уортман.

---

[19] Carr E. The Romantic Exiles.- L.,1933.- P.221-226; Sumner B. A Shot History of Russia. – N.-Y., 1943.- P. 309-310.

[20] См.: Walkin J. The Rise of Democracy in Pre-revolutionary Russia. – L., 1963. – P. 74–79.

[21] См.: Wren M. The Western elm pact on Russia. – N.-Y., 1976. – P. 229.

[22] См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. – Нью-Йорк, 1974. – С. 37; Wortman R. The Development of a Russin Legal Consciousness. – Chicago, 1976. – P. 285; Seton-Watson H. The russian Empire. 1801–1917. – L., 1967. – P. 11–12.

Распространение в западной историографии представлений о неевропейском характере российской цивилизации в той или иной мере оказало воздействие на исследование конкретных проблем развития российского общества и государства в XVIII–XX вв. В большей степени это заметно в изучении природы государственной власти в России, которая рядом ученых (К. Уитфогель, С. Барон, Л. Дитрих) была охарактеризована как форма восточного деспотизма в начальной стадии вестернизации[23].

В рамках рассматриваемой цивилизационной парадигмы велись исследования и в области экономической модернизации. В 60–70-х годах XX в. господствующее положение в западной историографии заняли «субъективистские» концепции социально-экономического развития императорской России. Одной из них стала теория «стадий экономической отсталости» американского экономиста А. Гершенкрона, согласно которой капитализм в России насаждался искусственно государством и не имел основы для саморазвития. После Первой русской революции, согласно Греншенкрону, Россия приблизилась к «немецкому образцу», при котором развитие совершается под эгидой банков, взявшим на себя роль государства. Такая эволюция произошла только благодаря действию системы «заменителей» отсутствующих предпосылок индустриализации. К ним автор отнес иностранный капитал, импорт технологий производства, технического персонала и квалифицированных рабочих кадров[24].

Во многом разделяя взгляды А. Гершенкрона на капитализацию России, английский историк О. Крисп все же отвергла систему «заменителей» Гершенкрона и признала наличие так называемых «автономных сил» в экономическом развитии страны в виде «кустарной промышленности»[25].

Отталкиваясь от своих экономических построений, А. Гершенкрон утверждал, что позднее вступление России на путь модернизации, захватившей к тому же только экономику города, при сохранении ярко выраженных атрибутов отсталости (авторитарный

---

[23] См.: Wittfogel K.A. Russia and Asia // World politics. – 1950. – Vol. II; Russia and East: a Comarison and Contrast // Slavic Review. – 1963. – December. – P. 627–643; Dittrich L.R. Wittfoger and Russia. On Origin of Russian Auticracy // Acta historiae neerlandica. Leiden. – 1966. – Vol. I. – P. 53–66.

[24] См.: Gerschenkron A. Agrarian Policies and Industrialization: Russia, 1861–1917 // The Cambridge Economic Hstory of Europe. – L., N.-Y., 1965. – V. 6. – pt. 2.

[25] См.: Crisp O. Studies in the Russian Economy before 1914. – London–Basingstoke, 1976. – P. 27–28.

деспотический режим, забитость и бесправие масс, прикрепление крестьян к общине) обусловило политическую слабость буржуазии и особое положение интеллигенции. Интеллигенты, писал он, «были насильственно оторваны от активной деятельности в решении практических проблем», «брошены в объятия отвлеченных мечтаний, которые в условиях разрыва с реальностью приняли форму растущего радикализма»[26]. То есть истоки происхождения оппозиционного движения А. Гершенкрон усматривал в низком уровне «вестернизации» страны и, следовательно, его сущность искал вне границ европейской цивилизации[27].

На резком противопоставлении социальных и политических процессов и протекавших на Западе и в России построены рассуждения и других авторов. О слабости буржуазии и отсутствии «среднего класса» в России писали Х. Ситон-Уотсон и Р. Пайпс. Последний в частности подчеркивал, что слабость русской буржуазии явилась причиной неразвитости законности и свободы личности в России, неучастия «среднего класса» в судьбоносном конфликте между интеллигенцией и правительством, и, следовательно, в популярности социалистических идей среди русских интеллигентов[28]. В целом Р. Пайпс и Х. Ситон-Уотсон само происхождение общественно-политической оппозиции в России, ее характер и направленность выводили не из закономерностей внутреннего развития страны, а из особенностей воздействия на нее боле «развитой» западной цивилизации.

Представления о прозападном происхождении основ общественно-политической жизни России, о «самоподрыве» царизма имели широкое хождение. Например, Я. Грей считал, что именно Петра I следует назвать инициатором «великого раскола», постигшего русское общество вследствие интенсивного внедрения западноевропейской культуры[29]. Следуя за Т. Масариком, А. Глиссон подчеркивал, что после петровских реформ смысл русской истории заключался в столкновении разнотипных цивилизаций: трудящихся масс и социальных верхов[30].

---

[26] Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. – L., 1967. – P. 184.

[27] См.: Gerschenkron A. Franco Venturi on Russian Populism // The American Historical Review. – 1973. – Vol. 78. – № 4. –P. 972–974.

[28] См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. – Нью-Йорк, 1974. – С. 254, 293.

[29] См.: Grey J. Peter the Great: Emperor of All Russia. – Philadelphia, 1960. – P. 3–4.

[30] См.: Gleason A. Young Russia: The Genesis of Russian Radicalism in the 1860's. – N.-Y., 1980. – P. 3–4.

Таким образом, в 50–70-е годы XX в. идеи сторонников неевропейского характера российской цивилизации получили довольно широкое распространение в западной историографии. Однако в этот же период обозначилось и другое историко-мировоззренческое направление, представители которого указывали на необходимость более глубокого применения сравнительного метода для определения места России во всемирно-историческом процессе. Основой их научного поиска стала теория модернизации.

Одним из первых, кто использовал понятие «модернизация» для обозначения определенного периода мирового исторического процесса был У. Ростоу. Исходным пунктом в его рассуждениях является признание идентичности процесса модернизации у различных народов, безотносительно к определенному историческому периоду и общественно-экономическим условиям. Как отмечал У. Ростоу, «стадии роста» призваны акцентировать внимание на единообразии хода модернизации, а также на равнозначности своеобразия каждого национального опыта. Согласно его схеме, на определенной ступени развития, которую различные народы достигают под влиянием одних и тех же факторов, но в различное время, «традиционное», аграрное по природе общество начинает свою модернизацию. Признаки модернизации: интенсивное развитие новой индустрии, определенный уровень инвестиций, растущий спрос на рабочих, сырье и средства связи, урбанизация, распространение новой техники в сельском хозяйстве. При этом, например, отмена крепостного права, политические реформы 1860-1870 годов и советские пятилетки выступают как идентичные явления[31].

В трактовке, профессора Принстонского университета, С. Блэка модернизация – это многообразный исторический процесс, отражающий в себе основные тенденции общественного развития после Средневековья. Схема С. Блэка фиксирует две основные фазы во всемирной истории: традиционное общество и модернизацию. Главную отличительную черту последней С. Блэк видит в приспособлении традиционных институтов к быстрым и непрерывным изменениям, вызываемым научно-технической революцией. Модернизация начинается, по С. Блэку, с «вызова» новых идей. Затем происходит «консолидация лидеров». И, наконец, на основе трансформации общества

[31] Rostow W. The Stages of Economic Growth.- Cambridge Mass., 1960.- P.5-75.

начинается процесс интегрирования во всемирное новейшее общество[32].

В 1961 г. Американский журнал «Slavic Review» провел дискуссию на тему особенностей русского исторического развития. С изложением своих взглядов выступили С. Блэк, Х. Ситон-Уотсон, Н. Рязановский. Сформулированная ими общая точка зрения свелась к тому, что именно в модернизации заключался основной смысл превращения «старой» России в современное государство[33]. Русская модель модернизации по признакам лидерства характеризовалась всеми участниками дискуссии как «автократическая». Правда, единого мнения относительно того, кто выступал в роли лидеров в России не возникло. Например, полемизируя с С. Блэком, Н. Рязановский , профессор Калифорнийского университета, указывал, что тот преувеличил значение государства в социальной и экономической жизни , в частности, в индустриализации России.

По мнению большинства западных историков русская автократия оказалась неспособной осуществить модернизацию страны на уровне западных образцов. Т. Фон Лауэ считал русскую модернизацию «карикатурой на вестернизацию» из-за жестких негуманных методов. С. Блэк видел причину неудач в том, что большинство народа не было знакомо с ценностями парламентской демократии. Н. Рязановский полагал, что русскому правительству не хватало теоретиков[34].

Категорически отвергнув теорию К. Уитфогеля о «заразности» деспотизма, Н. Рязановский выступил резко против отождествления России с восточным типом общества[35]. Попытку отойти от примитивного противопоставления России Западной Европе с помощью теорий модернизации и лидерства предпринял С. Блэк. Особенности России он рассматривал как проявление закономерностей, свойственных группе слаборазвитых стран Европы, Азии, Америки и Африки. При таком подходе деспотизм из явления имманентно присущего азиатским странам, превратился в явление исторически приходя-

---

[32] Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History.- N-Y.,1966.

[33] Riasanovsky N.V.The Russia Empire as an Underdeveloped Country; Black C.E. The Nature of Imperial Russian Society ; Seton-Wotson H. Russia and Modernization // Slavic Review. – 1961.- № 4.

[34] T. Von Laue. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of Russian Revolution.- Philadelphia, 1964.- P. 221-226; Development of USSR.- Wash., 1964.- P.190-198.

[35] См.: Riasanovsky N.V. «Oriental Despotism» and Russia // Slavic Review. – 1963. – December. – P. 644–649.

щее[36]. Такие авторы, как Г. Робертс, М. Шафтель, М. Раев отмечали, что практически невозможно точно определить границы Европы, как историко-культурного единства[37]. Из этой посылки М. Шефтель сделал вывод о неэффективности противопоставления прошлого России прошлому Европы, Г. Робертс – о необходимости учитывать при сопоставлении «временной разрыв» в развитии России и стран Западной Европы, М. Раев – о развитии России по общим с Европой закономерностям. М. Раев писал о существовании в России до XVIII в. традиционного абсолютизма, свойственного всем европейским государствам конца средних веков. В XVIII в. на смену старой власти в России, Австрии и Пруссии пришел новый, рационалистический абсолютизм, который приобрел черты надклассового института и имел свою специфику в каждой из стран.

В контексте общеевропейского развития России проводили свои конкретно-исторические исследования А. Каган, К.-Х. Руффман, Д. Гейер, М. Раев[38]. Например, К.–Х. Руфман выделил три признака, позволяющие на его взгляд, включить русское дворянство в качестве особой формы в общеевропейский «круг движения». Первый признак – это собственность на землю, дававшая общественную власть. Второй признак – принцип службы дворян. Третий признак – утрата дворянством своего полного господства. Главной же чертой, отличавшей, по мнению Руфмана, русское дворянство от европейского было политическое безвластие, компенсировавшееся социальным могуществом. Видя в России европейскую страну, А. Каган и Д. Гейер все же указывают ее главную отличительную особенность – крепостное право, которое способствовало сращиванию интересов дворянства и государства.

В рамках концепции единого исторического потока больших успехов добились американские историки Дж. Брэдли, Г. Роггер,

---

[36] См.: Black C.E. The Nature of Imperial Russian Society // The Development of the USSR. – Wash., 1964. – P. 175–176.

[37] См.: Roberts H.L. Russia and the West: a Compression and Contrast // The Development of the USSR. Wash., 1964. – P. 359–370; Szeftel M. The Historical Limits of the Question of Russia and the West // Op. cit. – P. 378–385; Raeff M. Russia's Perception of Her Relationship with the West // Op. cit. – P. 371–377.

[38] См.: Kahan A. The Costs of «Westernization» in Russia: the Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // Slavic Review. – 1966. – March. – Vol. XXV. – № 1. – P. 51–64; Ruffmann K.–H. Russischer Adel els Sondertypus der europaiscen Adelwelt // Jahrbucher fur Geschuchte Osteuropas. – Munchen. – 1961. – Sept. – Bd. 9. – Hf. 2. – S. 161–178; Geyer D. Stautsausbau und Sosia Lverfassung. Problem des russischen. Absolutismus un Erde des 18. Jahrhunderts // Cahiers du mond russe et Sovietigue. – 1966 – Vol. VII. – №3. – P. 366–377.

П. Грегори, изучавшие экономическое развитие России XIX – начала XX в. Так, Дж. Брэдли, прямо не критикуя А. Гершенкрона, многими своими наблюдениями и выводами поставил под сомнение основные постулаты его теории «стадий экономической отсталости». Дж. Брэдли на примере Московской губернии пришел к выводу о том, что промышленное развитие и распространение фабричной системы привилось на почву широко распространенного надомного производства, было связано с ростом населения и распространением сезонной миграции труда. Следовательно, автор показал наличие внутренней основы для развития капиталистической промышленности и подверг сомнению искусственность ее насаждения[39]. Большой шаг вперед в сравнении с теорией Гершенкрона сделал Г. Роггер. Он признал, что с отменой крепостного права были созданы необходимые предпосылки для индустриального развития, так как были устранены препятствия для мобильности денег, людей и собственности[40].

С середины 1970-х годов главным оппонентом теории А. Гершенкрона стал американский экономист П. Грегори, который опроверг несколько фундаментальных положений[41]. Во-первых, П. Грегори заявил об отсутствии капиталоинтенсивности технологии производства, как «заменителя» ограниченного притока рабочей силы. Во-вторых, П. Грегори показал безосновательность тезиса А. Гершенкрона об акценте на развитие тяжелой индустрии как отличительной черте «экономически отсталой» России. В-третьих, П. Грегори опроверг положения теории «стадий экономической отсталости» о статичности аграрного сектора экономики. Исходя из этих моментов американский экономист сделал вывод о том, что Россия развивалась в русле западно-европейских стран и принадлежала к группе таких наиболее динамичных государств, как США, Япония и Швеция и в целом к 1917 г. не исчерпала все возможности капиталистического развития.

---

[39] См.: Bradley J. Muzhik and Muscovie: Urbanization in late Imperial Russia. – Berkeley, 1985. – P. 28–30, 146–147, 151–152.

[40] См.: Rogger H. Russia in the Age of Modernization and Revolution. – L., N.–Y., 1983. – P. 100–127.

[41] См.: Gregory P.R. Some Empirical Comments on the Theory of Relative Backwardness: the Russian Case // Economic Development and Cultural Change. – 1975. – V. 22. – № 4. – P. 654, 662–663; Gregory P.R. Russian National Income, 1885–1913 – Cambridge, 1982. – P. 78, 175–177, 192–194; Грегори П. Экономический рост Российской рост (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. – М., 2003. – С. –13–57.

В 80–90-х годах XX в. П. Грегори был в ряду тех историков, которые вплотную подошли к выводу о том, что государство в России конца XIX – начала XX в. было скорее тормозом экономического развития, чем его ускорителем[42]. Примечательно, что данный вывод совпал с итогами исследовательской работы многих советских историков.

Изучение проблем иностранных капиталов и иностранного предпринимательства в России привело к корректировке господствовавших ранее позитивных оценок их влияния на экономику страны. Было привнесено понимание того, что большой объем производительных капиталовложений снижал темпы роста в России, а постоянные займы усиливали зависимость страны от денежного рынка европейских стран[43].

Рассмотрение истории России в контексте общеисторического модернизационного подхода происходило и в конкретных социально-политических исследованиях Д. Броуэра, Ф. Вентури, У. Верлина, Д. Оффорда, Е. Ламперта, а также Л. Хаймсона, Н.Д. Стейнберга, Дж. Нюбергера, Д.Л. Перл, М. Хильдермайера, Р. Зельника[44] и других авторов. Так Ф. Вентури в своей исторической концепции рассмотрел народничество как доктрину русского крестьянского социализма и одновременно как страницу в истории мирового социалистического движения[45]. Е. Ламперт, анализируя социальную сферу, показал, что в России происходили закономерные процессы, связанные с ее капиталистической модернизацией. По мнению ученого, развитие классовой борьбы было исторически обусловлено действительным положением народных масс и поэтому не программы революционеров, а правительственная политика носила иллюзорный характер[46].

В целом к концу 1980-х годов позиции зарубежных авторов объективистского направления, рассматривавших развитие России как звено единого исторического процесса, стали более прочными и

---

[42] См.:Owen Tn.C. The Russian Industrial Society and Tsarist Economic Policy, 1867–1905 // Journal of Economic History. – 1985. – V. 45. – № 3. – P. 599–605.

[43] См.: Gregory P.R. The Russian Balance of Payments, the Gold Standard and Monetary Policy: a Historical Example of Foreign Capital Movements // Journal of Economic History. – 1979. – V. XXXIX. – № 2. – P. 388–393.

[44] См.: Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. – СПб., – 1997.

[45] См.: Venturi F. Roots of Revolution. – N.–Y., 1960. – P. 35.

[46] См.: Lampert E. Sons Against Fathers: Studies in Russian Radicalism and Revolution. – L., 1965. – P. 44.

обоснованными. И поэтому именно они оказывали наибольшее влияние на научную жизнь постсоветской России.

К числу наиболее ярких исследований такого плана относятся работы английского историка и социолога Т. Шанина. Отход от дилеммы «Восток – Запад» при последовательном признании теории модернизации закономерно привел этого ученого к другой дилемме – – «Север – Юг» в современной ее интерпретации. В итоге родился тезис о России – первом в мире «развивающемся обществе», испытавшем первую в мире революцию нового типа – революцию, характерную для «развивающихся обществ». В центр своего анализа Т. Шанин поместил крестьянство, справедливо видя в нем ключевую фигуру этой революции[47].

Концепция Т. Шанина оказалась в пределах проблемы, которая вызвала пожалуй наибольшие споры в западном россиеведении последнего времени – проблемы аграрного кризиса конца XIX – начала XX в. Эту дискуссию пока нельзя назвать завершенной. Несмотря на то, что большинство специалистов склонны отрицать наличие кризисных явлений в сельском хозяйстве России, остается много открытых вопросов и контрдоводов оппонентов.

Первыми о необходимости смягчения представления об экономической составляющей аграрного кризиса заявили английские историки-экономисты Р. Голдсмит и О. Крисп[48]. Однако полноценную дискуссию открыла появившаяся в 1977 г. статья Дж. Симмса[49]. В ходе нее австралийскому историку С. Уиткрофу удалось найти удачное методологическое решение проблемы. Для прояснения вопроса он предложил разделить расплывчатое понятие «аграрного кризиса» на три составляющих: 1) сельскохозяйственный экономический кризис, вызванный упадком сельскохозяйственного производства; 2) кризис в уровне жизни крестьян; 3) общественно-политический аграрный кризис[50].

---

[47] См.: Shanin T. Russia as a «Developing Society». – L., 1985; Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. –> 1917–1922 гг. – М., 1997.

[48] См.: Goldsmith R. The Economic Growth of Tsarist Russia, 1860–1913 // Economic Development and Cultural Change. –1961. –April. – Vol. 9. – № 3. – P. 441–475.

[49] См.: Simms J. The Crisis in Russian Agriculture at the End of Nineteenth Century: A Different View // Slavic Review. – 1977. – Vol. 36. – P. 377–398.

[50] См.: Wheatcroft St. Crisis and the Conditions of the Peasantry in Late Imperial Russia // Kingston–Mann E., Mixter T. (eds.) Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia: 1800–1921. – Princeton, 1991. – P. 128.

Наиболее плодотворными были усилия россиеведов-аграрников в рассмотрении обстоятельств сельскохозяйственного кризиса и кризиса уровня жизни крестьян. Исследователи П. Грегори и С. Уиткрофт[51] доказывают, что средние данные о производстве зерна показывают его опережение по сравнению с ростом народонаселения. Однако более тщательный анализ по регионам позволил С. Уиткрофту утверждать о динамичном росте зернового производства в Южном и Восточном районах. Одновременно с этим наблюдались стагнация в Северном потребительском районе и упадок – в Центральном производящем районе. В целом упадка сельскохозяйственного производства не наблюдалось, хотя сохранялась тенденция к снижению поголовья домашнего скота на душу населения.

В вопросе изменения материального положения пореформенного крестьянства тон задала статья Дж. Симмса, в которой он поставил под сомнение верность выбора задолженностей по выкупным платежам в качестве показателя роста обнищания крестьян. По его мнению, рост поступлений от косвенного налогообложения указывает на неправомерность рассмотрения роста задолженностей как убедительного свидетельства ухудшения положения крестьян. Критики Симмса указали на его недостаточное внимание к росту классового расслоения в деревне: в то время как зажиточные крестьяне могли купить в избытке водки, керосина и соли, беднейшие голодали. Кроме того, основная доля дохода от косвенного налогообложения приходилась на городское население, так как крестьяне всегда могли найти замену подакцизным товарам[52].

Совершенно по-другому интерпретировал перенос косвенного налогообложения в город С. Плэдженборг. По его мнению, перемещение основной налоговой нагрузки с крестьянства на городское население, на торгово-промышленный сектор привело к тому, что именно они, а не крестьянство оплачивали индустриализацию России[53].

Своеобразную позицию по проблеме занял С. Хок. Он отверг как ненадежные такие показатели как количество производимых зерновых на душу населения и индекс оплаты поденного труда рожью. Последний вызвал сомнение ибо относился лишь 1/5 части потребитель-

[51] См.: Wheateroft St. Op. sit.; Грегори П. Указ. соч. – С. 34.
[52] См.: Simms J. Op. sit.
[53] См.: Plaggenborg S. Tax Policy and the Question of Peasant Poverty in Tsarist Russia 1881–1905 // Cahiers du Monde Russe – 1995. – Vol. 36 – P. 53–69.

ской корзины крестьянина. Однако С. Хок не видел кризисного характера в объеме выкупных платежей, так как они были меньше дореформенного оброка. С. Хок также считал что рост сельского населения не только не обременял социально-экономического развития России, но, напротив, способствовал ее прогрессу. С. Хок в качестве доказательства роста благосостояния крестьянского населения ссылается на снижение его смертности от инфекционных заболеваний и на существенное улучшение уровня питания[54].

Специально изучая питание сельского населения пореформенной России, Р. Смит и Д. Кристиан пришли к выводу, что рацион русских крестьян был неплохо сбалансирован, но был ненадежен из-за неожиданных нехваток продуктов, сезонных и социально-классовых колебаний уровня потребления[55].

Одним из главных показателей уровня благосостояния в современной социальной науке считаются антропометрические данные. Этот подход завоевал своих приверженцев и противников в числе специалистов по России. Главными оппонентами здесь стали С. Хок и С. Уиткрофт – пионер антропометрии.

Выводы

Подводя итог краткому анализу западной историографии, связанной с проблемой формирования буржуазного общества, необходимо отметить, что ею были изучены различные аспекты этого процесса. Причем наибольшего результата западные исследователи добились в рамках теории модернизации, которая явилась эффективным орудием описания экономических, социальных и политических изменений в России, но – слабым помощником во вскрытии социальных противоречий (что, напротив, составляет сильную сторону отечественных историков).

Следует сделать вывод о том, что в россиеведении возобладала точка зрения тех авторов, которые рассматривают Россию как неотъемлемое и полноценное звено европейского и мирового исторического процесса, приходя к выводу о типологической идентичности закономерностей и этапов российской модернизации и общеевропейского пути. Данный вывод носит для нашего исследования актуальное ме-

[54] См.: Хок С.Л. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России, 1861–1914 гг. // Отечественная история – 1996. – № 2. – С. 35.

[55] См.: Smith R., Christian D. Bread and Salt. A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. – Cambr., 1985. – P. 287.

тодологическое значение, так как помогает произвести гармоничное сопряжение формационного и модернизационного подходов.

Анализ отечественной и зарубежной историографии позволяет увидеть, что наименее изученным является социокультурное направление исследования формирования буржуазного общества в России. Именно в этой области применяемый научный инструментарий и его ментальная интерпретация наиболее сильно влияют на ход и результаты исследования, что выдвигает безусловное требование осторожного применения категорий западных историков к российской действительности.

§ 4. Характеристика источниковой базы

Исследование крупных проблем русской истории определило широкую и разнообразную *источниковую базу* в рамках письменного типа источников. Исходя из объекта и предмета исследования, автор классифицировал исторические источники на первичные, непосредственно отражающие развитие российского общества указанного периода в виде исторического остатка и изображения действительности[1], и вторичные, раскрывающие в повествовательной, интерпретационной форме произошедшие события[2].

При рассмотрении первичных источников наибольшее внимание автора привлек делопроизводительный (документальный) род источников. Среди них в первую очередь следует обратить внимание на *законодательные* акты российского государства, представленные в Полном собрании законов Российской империи и Своде законов Российской империи. Вторыми по значимости стали *статистические* материалы опубликованные в статистических сводах, сборниках и ежегодниках, бюджетных сведениях, министерских исторических очерках и обзорах, сводах переписей, отчетных сведениях комиссий, статистических результатов налогов и сборов, документах общественных организаций, научных исследованиях современников рассматриваемой эпохи. Большую значимость представляют также *канцелярские* документы, обнаруженные автором в основном в архивных фондах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Тульской области, Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга. К ним следует отнести деловую переписку Артиллеристского департамента и Главного артиллеристского управления, канцелярии Петербургского генерал-губернатора, докладные записки и письма Александру II и великому князю Константину Николаевичу, прошения, записки, рапорта, поданные петербургскому генерал-

[1] См.: Фарсобин В.В. Источниковедение и его метод: Опыт анализа понятий и терминологии. – М., 1983. – С. 211.

[2] См.: Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. – М., 1975. – С. 268.

губернатору и градоначальнику, в столичную городскую думу, уездные земские управы.

Целостное представление о происходящих процессах помогли сформировать и *повествовательные* источники: материалы личного характера Ф.А. Головина, А.И. Кошелева, Н.И. Греча, А.С. Шаповалова, Л.Г. Дейча и других, публикации газет, журналов и продолжающихся изданий, а также научные труды авторов-современников, находящиеся, как указывал Л.Н. Пушкарев, «на грани исторического источника и исторического исследования»[3].

Не нарушая логических оснований работы ко *вторичным* источникам отнесены научные труды авторов-современников, находящиеся в рамках исторической и методологической дискуссии по основным проблемам формирования в России буржуазного общества. К ним следует отнести, прежде всего, работы М.Н. Покровского, П.Б. Струве, А.Ю. Финн-Енотаевского и многих других авторов.

В основе нашей классификации лежит не только формально-логическая систематизация с последовательным делением материала на четко различаемые категории, но и предложенная в свое время Л.Н. Пушкаревым диалектико-логическая классификация[4]. Она рассматривает границы между отдельными типами, родами и видами источников как подвижные, не как линии разделов, а как области переходов. А теми общими полями, в рамках которых происходит установление целостности материала, являются различные тематические направления.

Индуктивный путь исторического исследования экономической жизни России предопределил обращение к материалам, дающим, в первую очередь, конкретно-исторические сведения. Так, представление о производительных силах страны складывалось в ходе изучения материалов предпринимательских съездов[5], народнохозяйственных

[3] Там же.

[4] См.: Пушкарев Л.Н. Указ. соч. – 238.

[5] См.: Труды XXIX съезда Бакинских нефтепромышленников.- Баку, 1911; О мерах к развитию производительных сил России. Доклад Совета Съездов // Одиннадцатый очередной съезд представителей промышленности и торговли. –Пг., 1915; Труды XXV съезда горнопромышленников Юга России. – Харьков. 1901 – Т. 1; О современном положении промышленности и торговли и видах на будущее в связи с предпринимательской деятельностью казны. Доклад Совета Съездов // Восьмой очередной съезд представителей промышленности и торговли. – СПб, 1914.

обзоров[6], канцелярских документов[7], статистических документов[8], опубликованных воспоминаний[9], статей и научных работ современников[10].

Столь же разнообразная источниковая база использовалась для исследования генезиса финансового капитала, образования монополий и развития кредитно-банковской системы страны. В первую очередь следует указать на архивные материалы ГАРФ. В фонде 678 (Александр II) были изучены записка Гогенмейстера «О финансовом положении России» в конце 1850-х гг. (оп. 1, д. 603), записка тайного советника Бунге о финансовом положении России и мерах к подъему сельского хозяйства, промышленности и транспорта от 20 сентября 1880 г. (д. 673), проект письма к А.А. Абазе о финансовом положении России (д.675). В фонде 722 (Великий князь Константин Николаевич) было изучено представление министерства финансов от 24 февраля 1862г. (оп. 1, д.351). Деятельность Крестьянского поземельного банка рассматривалась как в фондах ГАРФ (Ф. 434, оп. 1, д. 260), так и в фондах РГИА (Ф.592, оп. 43, д 1064).

---

[6] См.: Материалы для оценки фабрик, заводов и других промышленных заведений Нижегородской губернии. – Нижний Новгород, 1902; Сельскохозяйственный обзор Нижегородской губернии за 1902 г. – Нижний Новгород, 1903.

[7] О работе железнодорожной сети в условиях настоящей войны // Справка Министерства путей сообщения. – Пг., 1916; Приложение к протоколу заседания Совета общества Продвагон от 18 июля 1913 года. РГИА, Ф 1571, оп 1, д 62, л. 81; Доклад Высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности России. – СПб., 1873.

[8] См.: Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века – СПб., 1903 – Вып. II; Статистический ежегодник на 1914 г.- СПб., 1914.

[9] См.: Павлов М.А. Воспоминания металлурга. – М., 1943; Витте С.Ю. Воспоминания. Том 2 (1894-октябрь 1903). Царствование Николая II. – М., 1960. – С.500-502.

[10] См.: Дембовский К. Технический прогресс в русской промышленности // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1915-№ 15 –С. 57-61; № 17 – С. 163-166; № 19 – С. 264-267; Вольский А.А. Технический прогресс // Промышленность и торговля.-1909. - № 8; Гинзбург М.И. Нефть и Бакинская нефтяная промышленность. – Киев, 1915; Радищев С.О. О некоторых вопросах Бакинской нефтепромышленности. – Баку, 1912; Белов В.Д. Кризис уральских горных заводов. – СПб, 1910; Мигулин П.П. Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы (1893-1902гг). – Харьков, 1903, Витте С.Ю. По поводу национализма. Национальная экономика и Фридрих Лист. – СПб., 1912 – с 52-71; Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанный Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу в 1900-1902 гг. ─ СПб., 1912 – С. 56-80, 375-398; Туган-Барановский М.И. Состояние нашей промышленности за десятилетие 1900-1909 гг. и виды на будущее // Туган-Барановский М.И. Избранное.- М., 1997. – С. 487-530; Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. – М., 1952; Ковалевский М.М. Экономический строй России. – СПб., 1989; Финн-Енотаевский А.Ю. Современное хозяйство в России. – СПб., 1911.

Вторыми по значимости в данной теме можно назвать законодательные документы:

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст. ст. 913,1180 //СЗРИ. – Т. XV;
2. Законы гражданские (Свод законов гражданских). Ст.ст. 1528, 1529 // СЗРИ – ТХ, ч. I;
3. Высочайше утвержденное 6 декабря 1836 г. положение о компаниях на акциях (ПСЗРИ – Собр. 2-е – Т.11 – Отд. 2 - №9763);
4. Высочайше утвержденное 4 июля 1861 г. Положение о питейном сборе. – СПб., 1861.
5. Правила о составлении, рассмотрении, утверждении Государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений. – Спб., 1866.
6. Высочайше утвержденное 3 января 1866 г. Временное положение о местных контрольных учреждениях (ПСЗРИ – Собр. 2-е – Т. XXXXI – Отд. I - № 42861).

Кроме того, изучались труды по развитию кредитно-банковской и финансовой системы[11], монополистических союзов[12]. Ценные сведения о прибыли акционерных и других предприятий, о соотношении торговых и промышленных предприятий были почерпнуты из следующих источников:

1. Статистические результаты раскладочного сбора за 1885 г. по исчислению, классификации и определению оборотов и прибылей торговых и промышленных предприятий, подлежащих сему сбору. – СПб., 1888.

---

[11] Огарев Н.П. Предварительные соображения финансовой комиссии и труды комиссии для устройства земских банков // Искандер и Н. Огарев. Сборник (1855–1860). – Лондон, 1861. – Ч. II ; Мигулин П.П. Русский государственный кредит. – Харьков, 1899. – Т. I. Ежегодник русских кредитных учреждений – СПб., 1880-1886 – Вып. 1-4.; Воронов Л. Иностранные капиталы в России. Из истории финансового капитала в России. – М., 1901; Шарый В. Доходность акционерных предприятий за время войны // Вестник финансов промышленности и торговли. – 1917 - № 33 Витте С.Ю. Речь, произнесенная министром финансов 28 декабря 1895 г. в общем собрании Государственного Совета //Сергей Юрьевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист. К стопятидесятилетию со дня рождения /Под ред. Н.К. Фигуровской, А.Д. Степанского.- М., 1999 – Часть 2 – с. 149-172.

[12] См.: Былим – Колосовкий Н. Развитие донецкой каменноугольной промышленности //Вестник финансов, промышленности и торговли - № 47; Двадцатипятилетие Киевской биржи. 1868-1894 гг. – Киев, 1895; С.-Петербургское общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности. Информационный бюллетень. – 1900 – ноябрь.

2. Статистические результаты процентного и раскладочного сборов 1896, 1897, 1898 гг. по исчислению, классификации и определению оборотов и прибылей торговых и промышленных предприятий, подлежащих сим сборам. – СПб., 1900.
3. Статистика налогов и пошлин. Государственный промысловый налог. Основной налог с отчетных и неотчетных предприятий и дополнительный налог с неотчетных предприятий за 1912 г. – Пг., 1915.
4. Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам России. – СПб., 1906.

Анализ торгово-промышленного законодательства основывался на рассмотрении Высочайше утвержденных Положений о пошлинах за право торговли и других промыслов, введенные именным указом, данным Правительствующему Сенату 1 января 1863 г. (ПСЗРИ. – Собр. 2 –е.-Т.XXXVIII. – Отд.I – № 39118) и 9 февраля 1865 г. (ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т.XL. – Отд.I – № 41779), Положения о государственном промысловом налоге от 1898 г., Устава торгового от 1887 г. (СЗРИ. – СПб., 1893. – Т. XI. – Ч. II), Устава о промышленности от 1892 г., Указа Сенату от 8 ноября 1807 г. «О количестве капиталов, каковые должны объявляться купцами по гильдиям» (ПСЗРИ – Собр. 1-е. – Т. XXIX. – № 22678).

Большую помощь в изучении торгово-промышленного законодательства оказала работа Г.С. Вольтке «Право промышленности и торговли в России в историческом развитии» (СПб., 1901), а также упомянутые исследования М.М. Ковалевского и А.Ю. Финн-Енотаевского.

При изучении экономического строя России большой интерес представляли неопубликованные канцелярские документы, показывающие формирование государственно-капиталистического уклада и обнаруженные автором в фондах РГВИА.

В фонде 503 (Артиллерийский департамент) были изучены документы Порохового отделения за 1809-1862 гг. (оп. 4), в которых прослеживается процесс зарождения рыночных отношений в казенной промышленности в первой половине XIX в. Сюда можно отнести переписку с инспектором пороховых заводов о производстве пороха для вольной продажи с 22 ноября 1822 г. по 21 октября 1823 г., копию с журнала Общего присутствия Департамента Артиллерийского, состоявшегося 22 ноября 1822 г. по вопросу о вольной продаже пороха.

В том же фонде внимание привлекли рапорта командиров оружейных заводов об увеличении сдельной оплаты, поданные с 14 января 1822 г. по 22 августа 1828 г. (оп. 5-6, д. 190).

В фонде 504 (Главное артиллерийское управление) были проанализированы документы, характеризующие противоречивое становление государственно-капиталистических отношений в военной промышленности:

- переписка с Главным военным управлением, Горным департаментом Министерства финансов, управлением Ижевского окружного завода о передаче этого завода в арендно-коммерческое управление сроком на 5 лет полковнику Фролову с 28 августа 1864 г. по 20 октября 1879 г. (оп. 7, д. 953);
- переписка с канцелярией Военного министерства, канцелярией Главного артиллерийского управления, инспектором оружейных заводов, Петербургским окружным артиллерийским управлением и Сестрорецким оружейным заводом о сокращении расходов и передаче Сестрорецкого завода в арендное управление полковнику Лилиенфельду с 12 февраля 1865 г. по 20 апреля 1867 г. (оп. 7, д. 956);
- Переписка со штабом инспектора оружейных заводов и хозяйственным департаментом Министерства внутренних дел о проекте создания «Товарищества тульских оружейных мастеров», с передачей Тульского завода в его ведении с 5 декабря 1865 г. по 12 января 1867 г. (оп. 7, д. 959);
- Переписка с канцелярией Военного министерства, Главным военно-кодификационным комитетом, комиссией по переустройству Тульского оружейного завода, Тульской казенной палатой и Тульским оружейным заводом о введении в действие нового положения и штатов заводом о введении в действие нового положения и штатов завода в связи с окончанием срока арендно-коммерческого управления с 15 апреля 1870 г. по 1 марта 1875 г. (оп. 7, д. 966).

Картина экономической деятельности и социального положения тульских оружейников была дополнена в ходе изучения документов фонда Тульского оружейного завода ГАТО (Ф. 187, оп. 1, д. 178).

Из фонда 678 ГАРФ была рассмотрена докладная записка полковника Генерального штаба Шебанова о состоянии железных дорог (оп. 1, д. 696).

Картина генезиса государственного капитализма в России вырисовывалась и из анализа законодательных актов, регламентирующих деятельность суконных, оружейных и горных предприятий и их отношений с государством:

- Именной указ от 20 февраля 1807 г. «Об умножении оружейных заводов и о дозволении частным заводчикам делать оружие и ставить оное в казну» (ПСЗРИ – Собр. 1-е – Т. XXIX - № 22464);
- Высочайше утвержденный доклад Министерства внутренних дел от 21 октября 1809 г. «О разрешении фабрикантам свободной продажи сукон с некоторыми ограничениями, в отношении снабжения оным войск». (ПСЗРИ. – Собр. 1-е – Т. XXX. – № 23923);
- Манифест от 1 ноября 1810 г. «О способах к лучшему устройству фабрик» (ПСЗРИ. Собр 1-е. Т. XXXI - № 24403);
- Сенатский указ от 16 октября 1824 г. «Об изменениях в некоторых статьях Высочайше утвержденных 24 мая 1820 г., дополнительных правилах о суконной операции и примерных условиях на поставку». (ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – Т. XXXIX. – № 30085);
- Положение Комитета Министров /О Пермских горных заводах/ от 12 апреля 1827 г. (ПСЗРИ. – Собр. 2-е. –Т. II. – № 1022);
- Именной, объявленный Артиллерийскому Департаменту Военным министром указ от 1 мая 1850 г. «Об усилении выделки на заводах оружия» (ПСЗРИ. – Собр. 2-е – Т. XXV. – № 24129);
- Правила о постановке сукон и каразеи для армии и флота от 26 марта 1847 г. (ПСЗРИ. – Собр. – 2-е. – Т. XXII. – Отд. I. – № 21033);
- Высочайше утвержденные Правила о частной горной промышленности на свободных казенных землях от 2 июня 1887 г. (ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. VII - № 4521);
- Свод военных постановлений. – СПб., 1859. – Ч. 1 – с. 141, 188, 209;
- Свод военных постановлений. – СПб., 1869. – Кн. XVIII – Гл. III – с. 95-109.

Разнообразные статистические сведения о деятельности казенной военной промышленности были почерпнуты из двух источников:

- Военно-статистический сборник /Под общей ред. Н.Н. Обручева – СПб., 1871. Вып. IV – Отд. I ;
- Статистический ежегодник на 1914 г. – СПб., 1914.

Представления о состоянии оружейных и горных заводов формировалось и в ходе изучения работы А. Ховена и В.Д. Белова, записок Русского технического общества[13].

Большую помощь в понимании различных форм госкапиталистической деятельности правительства и отношении к ней предпринимательских кругов оказали материалы предпринимательских съездов и периодической печати.[14]

Модернизация сельского хозяйства страны также исследовалась на основе рассмотрения разнообразной источниковой базы.

Материалы по крестьянской реформе 1861 г. изучались в фонде 722 (Великий князь Константин Николаевич) ГАРФ. Были рассмотрены отчет о работе Главного комитета по крестьянскому делу за 1862 г. (оп. 1, д. 354); записка В. Кокорева (д. 355); журнал заседания Государственного Совета по рассмотрению решений Главного комитета от 7 января 1863 г. (д. 356); докладные записки контр-адмирала Зарина об отношении населения к манифесту 1861 г. (д. 342); проект положения о горнозаводском населении от 3 марта 1861 г. (д. 336); записка тайного советника Позена об освобождении крестьян (д. 292). Кроме того, по проблеме крестьянской реформы были рассмотрены следующие законодательные акты:

1. Высочайше утвержденное положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г. (ПСЗРИ. – Собр.2-е. – Т.XXXVI- Отд.I – № 36657)

---

[13] См.: Ховен А. Путевые заметки о некоторых оружейных заводах // Оружейный сборник – 1876. - № 2; Записки Русского технического общества. – 1876. - № 1. – Приложение. – с. 33-34; Белов В.Д. Указ. соч. – с.16.

[14] См.: О современном положении промышленности и торговли и видах на будущее в связи с предпринимательской деятельностью казны. Доклад Совета съездов //Восьмой очередной съезд представителей промышленности и торговли. – СПб, 1914, - Речь С.И. Тимашева на 8-ом очередном съезде представителей промышленности и торговли //Промышленность и торговля – 1914 0 № 10. С. – 515; Речь Н.С. Авдакова на III съезде представителей промышленности и торговли// Промышленность и торговля. – 1908. - № 8 – с. 469; Дезен А.Г. Доклад // Труды IV очередного съезда представителей промышленности и торговли . СПб., 1910; Шимановский М.Ф. Доклад // Труды XXV съезда горнопромышленников юга России. – Харьков, 1901. – Т. 1; Совет съездов металозаводчиков Северного и Прибалтийского районов. О сокращении заграничных заказов морского и военного ведомств. – СПб., 1909; Любович Е. Казенный миллиард //Промышленность и торговля. – 1909. - № 3. – С. 145; Программа Торгово-промышленной партии //Биржевые ведомости. – 7.10.1905.

2. Высочайше утвержденные положения о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии в собственность полевых угодий от 19 февраля 1861 г. (ПСЗРИ.- Собр.2-е. – Т.XXXVI. – Отд.I. – № 36659)
3. Высочайше утвержденные правила о порядке приведения в действие положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г. (ПСЗРИ. – Собр.2-е.- Т.XXXVI – Отд.I – № 36661)

Определенное представление о состоянии дворянского землевладения конца XIX – начала XX века сложилось при изучении материалов X съезда уполномоченных дворянских обществ (ГАРФ, Ф. 434, оп. 1, д. 41), записок о причинах кризиса крупного и среднего землевладения от 28 апреля 1913 г. и от 4 марта 1915 г. (д. 328), а также фонда Орловых-Давыдовых РГАДА (Ф. 1273, оп. 1, д. 2592, 2605, 2606). О деятельности Крестьянского поземельного банка подробные сведения содержатся в д. 260, оп. 1 фонда 434 ГАРФ, а также в фонде Крестьянского поземельного банка РГИА (Ф. 592, оп. 43, д. 1064).

Статистические сведения о крестьянских выкупных платежах, налогах и сборах, доходности крестьянского землевладения, о соотношении общинного и подворного землевладения, о крестьянских бюджетах пореформенного периода были найдены в целом ряде опубликованных канцелярских документов, сводов и отчетов[15].

Ценными источниками по проблеме модернизации экономического строя пореформенной деревни являются работы П.И. Лященко, С.Н. Южакова, А.Е. Лосицкого, В.П. Воронцова, М.М. Ковалевского, А.Ю. Финн-Енотаевского[16], по раскрытию сущности крестьянского

[15] См.: Доклад Высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности России. – СПб., 1873; Департамент окладных сборов, 1863 – 15.04.1913 – СПб., 1913 – Диагр. 11; с. 87-88; Статистика землевладения 1905 г.: свод данных по 50 губерниям Европейской России. – СПб., 1907; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. – СПб., 1903 – Вып 2; Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. – Воронеж, 1900. – 4.2; Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903; Исследование экономического положения Центрально-Черноземных губерний. Труды особого совещания 1899-1901 г.. Составил А.Д. Поленов. – М., 1901; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. – Пг., 1916.

[16] См.: Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. – Л., 1925. – Т.1; Южаков С.Н. Формы земледельческого производства в России //Народническая экономическая литература.

хозяйства – труды А.В. Чаянова, Р. Гвоздева, В.М. Чернова и др.[17], по проблеме русской крестьянской общины – работы С.Ю. Витте, А.А. Кауфмана, Г. Аухагена[18].

Исследование столыпинской аграрной реформы опиралось, прежде всего, на изучение законодательных актов. К ним следует отнести:

- Именной Высочайший Указ, данный Сенату от 12 марта 1903 г. «Об отмене круговой поруки крестьян по уплате окладных сборов в местностях, в коих введено в действие Положение 23 июня 1899 г. «О порядке взимания сил сборов с надельных земель сельских обществ» (ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. XXIII – Отд. № 22627);
- Именной Высочайший Указ, данный Сенату 3 ноября 1905 г. «Об уменьшении и последующем прекращении выкупных платежей с крестьян бывших помещичьих, государственных и удельных» (ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. XXV–Отд.I – №26872);
- Именной Высочайший Указ, данный Сенату 3 ноября 1905 г. «Об облегчении задачи Крестьянского Поземельного Банка по содействию к увеличению площади землевладения малоземельных крестьян (ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. XXV–Отд.I – №26873);
- Именной Высочайший Указ, данный Сенату 4 марта 1906 г. «Об учреждении: а) Комитета по землеустроительным делам при Главном Управлении Землеустройства и Земледелия и б) Губернских и Уездных Землеустроительных Комиссий и об упразднении Комитета по земельным делам» (ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. XXVI – Отд.I – №27478);

– М., 1958; Лосицкий А.Е. Выкупная операция. – СПб., 1907; В.П. Воронцов. Судьба капиталистической России. – СПб., 1907.

[17] См.: Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации //Чаянов А.В. Избранные произведения- М., 1989; Чернов В.М. Типы капиталистической и аграрной эволюции //Русское богатство. – 1900. - №4; Гвоздев Р. Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение. – СПб., 1898; Голубев А.К. Подати и народное хозяйство // Русская мысль. – 1893. - №7. – С. 18-20; Кочуровский. Крестьянское хозяйство и переселение // Русская мысль. – 1894. - №8. – С. 28; Исаев А.А. Переселения // Вестник Европы. – 1890. - №4. – С. 811; Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. – СПб., 1877.

[18] См.: Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. – СПб., 1905; Кауфман А.А. К вопросу о происхождении русской земельной общины . М., 1907; Аухаген Г. Критика русской реформы /Пер. с нем. И примечания члена Комитета по землеустроительным делам А.А. Кофода. – СПб., 1914.

- Именной Высочайший Указ, данный Сенату 27 августа 1906 г. « О предназначении казенных земель к продаже для расширения крестьянского землевладения» (ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. XXVI – Отд.I – №28315);
- Именной Высочайший Указ, данный Сенату 15 ноября 1906 г. «О выдаче Крестьянским Поземельным Банком ссуд под залог надельных земель» (ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. XXVI –Отд.I – №28547);
- Именной Высочайший Указ, данный Сенату 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий « (ПСЗРИ. – Собр. 3-е – Т XXVI – Отд. I –№ 28392);
- Именной Высочайший Указ от 9 ноября 1906 г. данный Сенату «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». (ПСЗРИ – Собр. 3-е. – Т. XXVI – Отд.I – № 28528);
- Закон «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении» от 14 июня 1910 г. (ПСЗРИ – Собр. 3-е. Т. XXX – № 33743);
- Высочайше утвержденный и одобренный Государственным Советом и Государственной думой закон «О землеустройстве» от 29 1911 г. (ПСЗРИ – Собр. 3-е. – Т. XXXI – Отд. I – № 35370).

Значительный материал о ходе аграрных преобразований в начале XX века содержался в статистических документах. Это:

- Отчет о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. – Пг., 1916;
- Отчет исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900 – 1913 гг. /Под ред. С.Н. Прокоповича. – М., 1918;
- Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1915 г. – Пг., 1915;
- Краткие бюджетные сведения по хуторским и общинным хозяйствам Симбирской губернии (Исследование 1913 г.) – Симбирск, 1915.

В фонде 1278 (Государственная дума) РГИА (оп. 1, д. 787) изучались приговоры сельских сходов и наказы депутатам Государственной думы, которые характеризовали реакцию крестьянства на Столы-

пинскую реформу. С той же целью использовались материалы фонда 408 (Комитет по землеустроительным делам Министерства земледелия) (оп. 1, д. 70).

При изучении аграрных реформ использовались и другие источники[19].

Наиболее ценные материалы и сведения по проблеме модернизации социальной сферы страны были взяты из фондов ЦГИА СПб. Тяжелые условия труда рабочих, грубое обращение с ними администрации предприятий, условия уплаты, медицинского обслуживания, питания и проживания изучались в ходе работы с фондами Фабричной инспекции Петроградской губернии (Ф. 1229, оп. 1; дела 2, 8а, 141, 203, 214, 225, 945), Канцелярии Петроградского градоначальника (Ф. 569, оп. 1дела 461, 996; оп. 15, д. 808), Петроградской городской думы (Ф. 792, оп. 1, д.7418), Петроградского уездного полицейского управления (Ф. 961, оп. 3, д. 195; оп. 4, д. 20), Петроградского губернского правления (Ф. 254, оп. 1, д. 15763), Петербургского губернатора (Ф. 253, оп. 3, дела 613, 2062, 3874, 4496), Канцелярии Петербургского генерал-губернатора (Ф. 2075, оп. 5, дела 20, 39), Строительного отделения Петербургского губернского правления (Ф. 256, оп. 22, д. 11; оп. 29, д. 214), Петербургской городской санитарной комиссии (Ф. 210, оп.1, д. 164-а).

Социально-экономическое положение промежуточных городских слоев и, в первую очередь, интеллигенции, исследовалось в процессе работы с фондами Новоладожской уездной земской управы (Ф. 682, оп. 1, дела 912, 918, 965, 1108, 1883), Ямбургской уездной земской управы (Ф. 1780, оп. 3, д. 1), Петроградских высших курсов (Ф. 113, оп. 1, д. 31), Петроградской городской управы (Ф. 513, оп. 116, д. 157), Петроградской городской думы (Ф. 792, оп. 1, дела 3193, 9162), Петербургской распорядительной думы (Ф. 514, оп. 1, д. 196).

Для понимания социального положения российского крестьянства в начале XX века, характера его борьбы за интересы были использованы документы фондов Всероссийского крестьянского союза (ГАРФ, Ф. 519, оп. 1, дела 15, 16, 21) и деятельности фракции трудовиков (ГАРФ Ф. 522, оп. 1, дела 1, 2). Сведения о борьбе крестьянства

[19] См.: Положение о землеустройстве в Государственной думе и Государственном совете. – СПб., 1911; Александровский Ю.В. Закон 14 июня 1910 г. Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. – СПб., 1911; Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия //Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете: 1906 – 1911. – М., 1991; Труды съезда непременных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий. - СПб., 1909.

с помещиками и правительственными войсками были найдены в фонде Главного штаба РГВИА (Ф. 400, оп. 3, дела 2606, 2608, 2708, 2905).

Важной источниковой базой изучения сословного строя России, тенденций его развития, социально-экономического и политического положения различных сословий следует считать целый ряд законодательных актов Российской империи. Среди них:

- Законы о состояниях. Ст. ст. 1, 2 //СЗРИ – СПб., 1904. – Т. IX;
- Устав о паспортах. Ст. 47 //СЗРИ. – СПб., 1903 – Т XIV;
- Уставы о службе гражданской по определению от правительства – ст. ст. 5, 19. //СЗРИ – СПб., 1896. – Т. III.
- Устав о воинской повинности ст. ст. 61, 63, 79//СЗРИ. – СПб., 1907 – Т. IV;
- Устав о прямых налогах ст. ст. 371, 576, 747. //СЗРИ – СПб., 1903 – Т. V.
- Устав о земских повинностях. Ст. ст. 50, 475. //СЗРИ. – СПб., 1899;
- Свод губернских учреждений. Ч. 3. Ст. 128 //СЗРИ. – 1892 – Т. II;
- Именной Указ от 12 октября 1889 г. «О приведении в окончательный порядок расчетов Дворянского Банка с его заемщиками (ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. IX – №6291);
- Манифест от 14 ноября 1894 г. о Всемилостивейше дарованных милостях и облегчениях по случаю бракосочетания Его Императорского Величества. (ПСЗРИ – Собр. 3-е. – Т. XIV – № 11035);
- Именной Высочайший Указ, данный Министру финансов 29 мая 1897 г. «О даровании дворянам-заемщикам Государственного Дворянского Банка и Особого его Отдела возможных облегчений в исполнении, лежащих на них перед названным Банком обязательств» (ПСЗРИ. – Собр. 3-е – Т. XVII – № 14170);
- Высочайше утвержденное 1 июля 1845 г. положение о заповедных наследственных имениях (ПСЗРИ – Собр. 2-е – Т. XX – Отд. 1 – № 19202);
- Высочайше утвержденное 25 мая 1899 г. положение о временно-заповедных имениях (ПСЗРИ – Собр. 3-е – Т. XIX – Отд. 1 – № 16946);

- Именной Указ, данный Сенату от 4 июля 1861 г. «О положении о питейном сборе». (ПСЗРИ – Собр. 2-е – Т XXXVI – Отд. 2 – № 37197);
- Высочайше утвержденные 2 июня 1887 г. Правила о частной горной промышленности на свободных казенных землях (ПСЗРИ – Собр. 3-е – Т. VII – № 4521);
- Сборник заключений по вопросам, относящимся к пересмотру Положений 12 июня 1886 г. о найме на сельские работы – СПб., 1891 – Ч. I – с. 37-55;
- Высочайше утвержденные 12 июля 1889 г. Временные правила о волостном суде. Ст. 17 (ПСЗРИ – Собр. 3-е – Т. IX – № 6196);
- Высочайше утвержденное 3 июня 1894 г. Положение о видах на жительство. Ст. ст. 2, 19, 27, 28, 39, 41, 44-46, 51-57 (ПСЗРИ. – Собр. 3-е – Т. XIV - № 10709)
- Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 20 апреля 1903 г. «Об учреждении дворянских кадетских школ» (ПСЗРИ. – Собр. 3-е – Т. XXIII – Отд. I – № 22766);
- Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 26 апреля 1906 г. «О некоторых изменениях в Положении о Морском Кадетском Корпусе» (ПСЗРИ – Собр. 3-е – Т. XXVI – Отд. I – № 27839);
- Высочайше утвержденное положение Совета Министров от 5 октября 1906 г. «Об изменении порядка производства в первый классный чин и переименования в гражданский чин из офицерского» (ПСЗРИ. – Собр. 3-е – Т. XXVI – Отд. I – № 28393);
- Сенатский, вследствие Именного, Указ от 25 мая 1775 г. «О сборе с купцов, вместо подушных, по одному проценту с объявленного капитала, но разделении их на гильдии» (ПСЗРИ – Собр. 1-е – Т. XX – № 14327);
- Сенатский, вследствие Именного, указ от 29 марта 1762 г. «О непокупке деревень к фабрикам и заводам» (ПСЗРИ – Собр. 1-е – Т. XV – № 11490).

Разнообразные статистические документы позволили использовать большой объем сведений по истории развития рабочего класса

России[20], крестьянства[21], буржуазии[22], интеллигенции[23] и, в целом, всего населения страны[24].

При изучении основных политических процессов были использованы, в основном, законодательные акты, работы современников по проблемам политического развития[25], материалы личного характера[26], канцелярские документы[27].

---

[20] Погожев А.В. Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда – СПб., 1906. – С. 68; Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет.- М., 1897.- С. 637; Козьминых–Ланин И.М. Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1911 – Табл. VI; Ставровский В. Санитарное состояние фабрик одной из юго-восточных окраин Москвы /Рогожской части/ //Известия московской городской думы. Отдел общий. – 1909 - № 617. – с. 43, 49; Александровский Ю.В. Закон о страховании рабочих от несчастных случаев.- СПб., 1913 – с. 81; Козьминых-Ланин И.М. К вопросу об артельном харчевании фабрично-заводских рабочих Московской губернии. – М., 1914.- С. 6-7; 17-19; Давидович М. Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах.- СПб., 1912.- С. 19; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1911 год. – СПб., 1912. – С. LIV-LV; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1912 год. – СПб., 1913. – С. XLIX; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год. – СПб., 1914. – С. L.

[21] Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. – СПб., 1907. С. 182, 197. Дейч Л.Г. За полвека. М., 1922. – Т. 1 – 4.2. – с. 120. Попов М. Из моего прошлого. // Минувшие годы. – 1908 - № 2 – С. 185.

[22] Торгово-промышленные заведения г. Москвы в 1885 – 1890 гг. – М., 1892 С.16. Гушка А.О. /Коган О.А./ Представительные организации торгово-промышленного класса в России: По данным анкеты, произведенной XI (промышленно-экономическим) отделом Императорского русского технического общества. – СПб., 1912. – С. 19-24.

[23] Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. Вып. XVI. Итоги по империи – Пг., 1915 – С. 4; Куломзин А.Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. – СПб., 1912 – С. 29. Календарь для учителей на 1914 /15 учебный год. – СПб., 1914 – Ч. 2. О зарплате учителей.

[24] Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. – СПб., 1906. – с. XXXVII. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб. – Т. 2 – Табл. XX , XXI, - С. 256-292, 296-297.

[25] Дружинин Н.П. Юридическое положение крестьян.- СПб.,1897; Берендтс Э.Н. Связь судебной реформы с другими реформами императора Александра II и общественной жизньюю России. – СПб., 1915; Платонов С.Ф. Об условия их применения мировыми судьями местных обычаев при разрешении гражданских дел // Журнал гражданского и уголовного права. – 1881. – № 4.- С.7-8; Захаров Н.А. Система русской государственной власти. – М., 2000; Коркунов Н.М. Русское государственное право.- СПб.,1889.

Тенденции развития российского правомерного государства к правовому состоянию были раскрыты при анализе различных нормативно-правовых актов:

- Основные законы и учреждения государственные, ст. 47 (Свод законов Российской Империи: В 15 т. – СПб., 1832. – Т.1 – Ч.1.);

- Манифест от 25 июля 1810 г. «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению принадлежащих» (ПСЗ РИ. – Собр. 1-е. – Т. XXXI. – № 24307);

- Высочайше утвержденное 17 августа 1810 г. разделение государственных дел по министерствам (ПСЗ РИ. – Собр. 1-е. – Т. XXXI. – № 24326);

- От 25 июня 1810 г. Общее учреждение министерств (ПСЗ РИ. – Собр. 1-е. – Т. XXXI. – № 24686);

- Высочайше утвержденное 1 января 1864 г. Положение о губернских и уездных земских учреждениях (Положение о губернских и уездных земских учреждениях. – СПб., 1864);

- Высочайше утвержденное 16/28 июня 1870 г. Городовое положение (Городовое положение. – СПб., 1870);

- Высочайше утвержденные 8 июня 1860 г. Учреждения судебных следователей (ПСЗ РИ. – Собр.2-е. – Т. XXXV– Отд. I. – № 35890);

- Высочайше утвержденные 25 декабря 1862 г. Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых (Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых. – СПб., 1863);

- Высочайше утвержденные 20 ноября 1864 г. Учреждения судебных установлений (Российское законодательство X-XX веков. Судебная реформа. – М., 1991. – Т.8. – С. 32-82);

---

[26] См.: Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. Соч. В 8 т. – М., 1984. – Т. 7. – С. 222–223; Греч Н.И. Записки о моей жизни. – СПб., 1886.

[27] Десятилетие министерства народного просвещения 1833–1843. – СПб., 1864.

- Высочайше утвержденное 14 августа 1881 г. Положение о мерах по охранению государственной безопасности и общественного спокойствия (ПСЗ РИ. – Собр.3-е. – Т. I. – № 350);

- Высочайше утвержденное 11 июня 1892 г. Городовое положение (ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т.XII. – № 8708);

- Высочайше утвержденные 23 апреля 1906 г. Основные государстенные законы (ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. XXVI. – Отд.I. – № 27805);

- Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» (ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. XXV. – Отд. I. – № 26803);

- Именной Высочайший указ, данный Сенату 4 марта 1906 г. «О временных правилах о публичных собраниях» (ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. XXVI. – Отд. I. – № 27480);

- Высочайше утвержденное 24 апреля 1906 г. Учреждение государственного совета (ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. XXVI. – Отд. I. – № 27808).

С целью изучения возникновения и эволюции государственной идеологии буржуазных преобразований автор использовал материалы различных архивных фондов. В фонде 109 (Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии. 1826-1880 гг.) ГАРФ были рассмотрены отчеты III отделения за 1831, 1834, 1835, 1839-1844, 1847, 1848 гг. (оп. 223, д. 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 12). В фонде 410 (Канцелярия Морского министерства) Центрального государственного архива ВМФ изучались канцелярские документы, характеризующие деятельность редакции Морского сборника и Великого князя Константина Николаевича (оп. 2, д. 1045). Сведения об агитационно-пропагандистской деятельности сотрудников П.А. Столыпина черпались из материалов фонда 1629 (И.Я. Гурлянд) РГИА (оп. 1, д. 116, 400) и фонда 776 (Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел) РГИА (оп. 8, д. 2102).

Большую помощь в изучении развития государственной идеологии оказали материалы личного характера[28], разнообразные канце-

[28] См.: Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. – СПб.,2006; Переписка Императора Александра II С Великим Князем Константином Николаевичем, 1857-1861. Дневник Великого Князя Константина Николаевича/ Сост. Л.Г.Захарова, Л.И. Тютюник. – М.,1993; Леонтьев К.Н. Избранные письма (1854-1891). – СПб., 1993; Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). – М., 1996; Витте С.Ю. Воспоминания. – М.,1960. – Т.2 (1894 - октябрь1905), Т.3 (17 октября 1905-1911). Царствование Николая II; Левшин А.И. Достопамят-

лярские документы[29], научные работы современников[30], материалы периодической печати[31].

ные минуты в моей жизни. Записки А.И. Левшина // Русский Архив. - 1885. - № 8; Кофод А.А. 50 лет в России (1878-1920). Пер. с дат. - М., 1997; Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. - Нью-Йорк, 1952; Крыжановский С.Е. Воспоминания (из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи). - Берлин, Б.Г.

[29] См.: Записка, найденная в бумагах Н.Х. Бунге. 1881-1894 гг. - СПб., 1896; Записка С. Ю. Витте Николаю II от 9 октября 1905 г. о необходимости политических реформ // Витте Сергей Юльевич. Хроника. Документы, Воспоминания./ Подготовил к изд. Л.Е. Шепелев. – СПб., 1999; Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. – СПб.,1905; Записка С. Ю. Витте Николаю II от 9 октября 1905 г. о необходимости политических реформ // Витте Сергей Юльевич. Хроника. Документы, Воспоминания./ Подготовил к изд. Л.Е. Шепелев. – СПб., 1999; Витте С.Ю. Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте Николаю II о необходимости установить, затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи. 1899 г., не позднее февраля // Сергей Юльевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист. К стопятидесятилетию со дня рождения / Под ред. Н.К. Фигуровской, А.Д. Степанского. – М.,1999, - Часть 2.; Витте С.Ю. Всеподданнейший доклад министра финансов о положении нашей промышленности. Февраль 1900 г. // Сергей Юльевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист. К стопятидесятилетию со дня рождения / Под ред. Н.К. Фигуровской, А.Д. Степанского. – М.,1999, - Часть 2;Всеподданнейший доклад Министра народного просвещения по проекту университетского устава 15 декабря 1862 г. – СПб.,1862; Журналы заседания ученого Комитета главного управления училищ по проекту Общего Устава Российских университетов – СПб., 1862. – Приложение VI; К истории аграрной реформы Столыпина. Всеподданнеший отчет саратовского губернатора П. Столыпина за 1904 г. // Красный архив. – 1926 г. – Т. 17. – С. 85; Дело № 123 канцелярии Земского отдела Министерства внутренних дел за 1906 г., донесение губернаторов о причинах аграрных беспорядков; Меморандум С.С. Уварова, март 1832 г. Цит. по: Зорин А.А. Идеология «православия-самодержавия-народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век). – М., 1996; Десятилетие министерства народного просвещения 1833–1843. – СПб., 1864; Положение Тверского Комитета. Обзор Оснований и Отдельные Мнения. – Тверь, 1859; Труды губернских комитетов по улучшению быта крестьян. Т. 2. Свод предметов, обративших на себя внимание орловских дворян на уездных совещаниях; Труды съезда непременных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий. - СПб., 1909.

[30] См.: Витте С.Ю. По поводу непреложности законов государственной жизни . – СПб., 1914; Витте С.Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. – СПб.,1910; Витте С.Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. – СПб.,1914; Батуринский В.П. Западники 40-х годов // Великая реформа. – Т. III – С. 202; Кизеветтер А.А. Русское общество и реформа 1861 г. // Великая реформа. – М., 1911. - Т. IV; Бочкарев В.Н. Дворянские проекты по крестьянскому вопросу при Николае I // Великая реформа. – М.,1911. - Т. III; Мельгунов С.П. Эпоха «официальной народности» и крепостное право //Великая реформа. – М., 1911. – Т. III. – С. 14-15; Мельгунов С.П. Митрополит Филарет – деятель крестьянской реформы // Великая реформа. – Т. V. – С. 158; Джаншиев Г.А. Эпоха Великих реформ. – М. , 1896; Семенов Н.И. Освобождение крестьян в России. – СПб., 1869. – Т. I; Иванюков И.И. Падение крепостного пава в России. – СПб., 1882; Полиевктов М. Николай I. – М., 1918; Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. – СПб., 1891. – Кн. 4; Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826 – 1855 гг. – СПб.,1909; Гофштеттер И. Забытый государственный человек Николай Алексеевич Милютин (По русским и иностранным источникам). – СПб., 1901; Жидков К.Г. Светлой памяти Великого князя Константина Николаевича генерал-адмирала русского флота (Биографический очерк). – СПб., 1912; Судейкин

Выводы

Специфика объекта, предмета, территориальных и хронологических рамок исследования обусловили использование широкого круга опубликованных и неопубликованных письменных источников. В связи с этим подвижность границы источниковой базы основывалась на включении в разряд источников различных видов литературы: статистических документов, научных работ современников, документов личного характера. Наиболее значимыми источниками в исследовании явились законодательные акты Российской империи, неопубликованные канцелярские документы и статистические материалы. Использование широкого круга источников позволило определить основные тенденции и противоречия перехода России от традиционного общества к буржуазному во второй половине XIX – начале XX в.

Выводы по главе

Анализ методологии изучения проблемы, источниковой базы, отечественной и зарубежной историографии показывает, что из-за недостаточной разработанности межтематических блоков, определенной замкнутости научных школ, единичных попыток системного рассмотрения формационных процессов возникло относительно чистое исследовательское поле.

В. Т. Замечательная эпоха в истории русских финансов (Очерк экономической и финансовой политики Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского). – СПб., 1895 Скребицкий А.И. Крестьянское дело. - Т. I. – С. 911; Сыромятников С.Н. Опыты русской мысли. - СПб., 1901;Шубинской Н.П. Памяти П.А. Столыпина. - М., 1913; Государственная деятельность Председателя Совета Министров статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина / Сост. Е.В. Варпаховская. - СПб., 1911; Председатель Совета Министров Петр Аркадьевич Столыпин / Сост. Е.В. Варпаховская. - СПб., 1909; Трубецкая О. Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского. – М., 1904. – Т. 1. – Кн. 2; Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Опыт русского либерализма. Анталогия. – М., 1997; Leroy-Beaulieu. Un homme d`etate russe. – P.,1884; Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855-1881): Исторические очерки – М., 1909; Безобразов В.П. Гражданская свобода и ее обеспечение //Безобразов В.П. Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть. – СПб., 1882; Меньшиков М.О. Формула земли // Новое время. - 1908. - 21 октября; Быховский Н.Я. Русская община и земельная реформа. - М., 1917; Чернышев И.В. Община после ноября 1906 г. - Петроград, 1917; Огановский Н.П. Революция наоборот. - Петроград, 1918; Мозжухин И.В. Землеустройство в Богородицком уезде Тульской области. - М., 1917.

[31] См.: Московские ведомости – 1861 - № 94; 1866. - № 198; 1867 - 28 января - № 24.;1869. - № 260. - 29 ноября, № 276. – 19 декабря; 1875. - № 62. - 10 марта; 1882. - № 92. - 4 апреля; 1867. - № 279- 21 декабря; 1869. - № 69. - 29 марта; 1868.- № 31- 9 февраля; 1882.-№141. - 23 мая; 1882. - № 138. - 20 мая; 1884. - № 123.- 5 мая; 1883. - № 283. - 12 октября; Русское государство. - 1906. – 1 Февраля; 1906.- 3 марта; 1906. - 15 марта; Морской сборник. – 1860.- № 12 (Приложение: «Об издании «Морского сборника» в 1801 году. - С. 2); Русская старина. - 1891.- V.

Во-первых, проблема генезиса буржуазного общества не рассмотрена в единстве экономического, социального, политического и духовного аспектов. Во-вторых, до конца не решена проблема характера взаимосвязи и взаимовлияния различных социально-экономических укладов. В-третьих, не уделено должного внимания взаимосвязи процессов индустриализации и протоиндустриализации. В-четвертых, не найдено адекватное понимание положения сословий, классов и социальных групп, характера и способа взаимосвязи между ними и, в результате, не определен тип социальной структуры российского общества. В-пятых, остается неразработанной проблема эволюции городского сословия в условиях общей модернизации и генезиса городских средних слоев. В-шестых, проблема государственного капитализма и его роли в экономическом развитии страны продолжает оставаться в узких хронологических и тематических рамках. В-седьмых, отсутствует сопряжение и синтез исторических фактов, показывающих переходный раннеиндустриальный характер экономического строя, социальной и политической сфер. В-восьмых, не использован весь накопленный в науке разнообразный методологический инструментарий для решения проблемы формирования буржуазного общества в России.

Глава II. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ РОССИИ

Исследование проблемы характера и направленности развития экономической сферы страны тесно связано с решением вопроса о существовании исторической необходимости становления капиталистических отношений в России; с определением субъектов, направленности, исторических рамок и объема буржуазных преобразований; с отысканием закономерностей, особенностей, тенденций и противоречий капиталистического развития России. Решение поставленной задачи проходило через изучение четырех ключевых тем (модернизация промышленности, влияние политики государственного капитализма, формирование инфраструктуры рынка, буржуазные преобразования в аграрном секторе) на основании анализа историографии и архивных материалов.

В начале исследования было принято к сведению, что в стране в сравнительно короткие исторические сроки возникли современные отрасли промышленности. Число фабрик и заводов, не считая горных предприятий, увеличилось с 2,5–3 тысяч в 1866 г. до 9 тысяч – в 1903 г.[1]. При этом выплавка чугуна возросла с 19,5 млн. пудов в 1861 г. до 165 млн. пудов – в 1899 г., то есть в 8,5 раза. Добыча каменного угля достигла в 1899 г. 853 млн. пудов, что дало рост в сравнении с 1861 годом в 36 раз. Производство стали и железа составило в 1899 г. 136,0 млн. пудов, увеличившись в 11 раз[2]. Общая протяженность железнодорожной сети к началу XX в. составила около 50 тыс. верст против 1,5 тыс. верст в 1860 г.[3] Продукция бумагопрядильной промышленности дала рост в 5 раз. Шелковая промышленность за эти годы увеличила выпуск продукции с 7,7 млн. руб. до 27,3 млн. руб., или в 3,5 раза. Производство сахара возросло с 2,6 млн. пудов до 41,7 млн. пудов, или почти в 16 раз[4]. Среди новых отраслей быстро развивалась нефтедобыча и нефтепереработка. К концу XIX в. нефте-

[1] См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. ПСС. – М., 1971 – Т. 3. – С. 468–469.
[2] См.: Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России.– М., 1955. – С. 212.
[3] См.: Исторический опыт трех российских революций / Гл. ред. П.А. Голуб и др. – М., 1985. – Кн. 1.– С. 75.
[4] См.: Яковлев А.Ф. Указ. соч. – С. 211–212.

добыча выросла с 1,7 млн. пудов до 633 млн. пудов, что выдвинуло Россию на первое место в мире по этому показателю[5].

В целом достаточно высокие темпы индустриализации в России привели в 1894 г. к повышению в структуре производимого национального дохода доли промышленности до 24,3% по месту производства[6] и до 47% по месту потребления, а также удельного веса тяжелой промышленности в 1900 г. до 46,5%[7] в стоимости всей промышленной продукции, что свидетельствовало о переходе к аграрно-индустриальной фазе развития.

Однако успехи в индустриальном подъеме России должны быть скорректированы при пересчете объемных показателей в душевые. В этом случае картина складывается несколько иная. Хотя за период с 1860 г. по 1900 г. Россия удвоила производство национального дохода на душу населения, существенного сдвига в сопоставлении по данному показателю с ведущей «четверкой» не произошло (см. таблицу 4)[8]. Из динамики ВНП на душу населения (см. таблицу 5)[9] следует, что после заметного подъема этого показателя в 60-е годы XIX в. (более чем на 40%) обнаружилась тенденция его сокращения.

В результате разрыв между Россией и самыми крупными европейскими странами не уменьшался, а нарастал: с 1,4–2 раз в 1830 г. до 1,6–3,2 в 1860 г. и 1,7–4,3 раза в 1890 г.[10] Этот разрыв объясняется не только демографической инерцией и традиционным типом семьи, но и одновременным замедлением роста ВНП.

Эта тенденция проявила себя уже в начале XX в. Абсолютный прирост стоимости продукции крупной промышленности с 1896 по 1900 г. составил 543 млн. руб.; за 1903–1907 гг. эта стоимость возросла на 650 млн. руб. Однако относительный прирост составил 32% и 27% соответственно[11]. Во время экономического подъема 1909–1913 гг. среднегодовой процент прироста стоимости продукции фаб-

---

[5] См.: История экономического развития России / Под ред. А.К. Шуркалина. – М., 2000. – С. 83.

[6] См.: Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. – СПб., 1998. – С. 145.

[7] См.: Яковлев А.Ф. Указ. соч. – С. 187.

[8] См.: Рязанов В.Т. Указ. соч. – С. 146.

[9] См.: Там же.

[10] См.: Там же.

[11] См.: Яковлев А.Ф. Указ. соч. – С. 353.

рично-заводской промышленности составил 10,1% против 10,3% в 1894–1899 гг.[12]

В начале XX в. в экономике России обозначились и другие тенденции.

1. Как промышленное, так и сельскохозяйственное производство было ориентировано главным образом на внутренний рынок. Доля России в общей сумме оборотов мировой торговле в начале 1900-х годов составляла немногим более 3% и была меньше доли России в мировом промышленном и сельскохозяйственном производстве. Следовательно в российской экономике возникла тенденция к автаркии. Огороженный высокой таможенной стеной, всероссийский рынок составлял автономный сектор международной системы разделения труда[13].

2. Россия сделала ставку на привлечение в больших размерах иностранного капитала. Ко времени падения царизма России была крупнейшим мировым заемщиком, на которого приходилось около 11% мирового объема международных долгов[14]. Более 2/3 иностранной задолженности составляли государственные долги.

3. В конце XIX – начале XX в. Россия отличалась необычным сочетанием значительной доли капиталовложений и государственных расходов с низким уровнем душевого потребления. Доля личного потребления в использовании чистого национального продукта (77,4%) снизилась почти до уровня Германии (75,5%), а удельный вес государственных расходов стал выше, чем у Германии (9,4% против 8,4%). В это же время в США государственные расходы составляли 4,9%, а личное потребление – 81,9%[15].

4. Резко сократился прирост фабрично-заводского пролетариата. Так, если в 1887–1897 гг. общая численность рабочих ежегодно возрастала на 6%, в 1897–1900 гг. – на 4%, то в 1900–1908 гг. – всего на 1,7%[16]. Циклический промышленный подъем 1909–1913 гг. проходил в условиях почти полного прекращения перекачки рабочей силы из

---

[12] См.: Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. – М., 2001. – С. 57.

[13] См.: Там же. – С. 31.

[14] См.: Грегори П. Экономический рост Российской империи (Конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. – М., 2003. – С. 41.

[15] См.: Gregory P.R. Russian National Income, 1885–1913. – Cambr.; L.; N.Y., 1982. – P. 193.

[16] См.: Финн-Енотаевский А. Современное хозяйство России. – СПб., 1911. – С. 331; Туган-Барановский М.И. Состояние нашей промышленности за десятилетие 1900–1909 гг. и виды на будущее // Туган-Барановский М.И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. – М., 1997. – С. 490–491.

сельского хозяйства в промышленность: численность промышленной рабочей силы при этом увеличивалась лишь за счет ее естественного прироста. Обозначенный факт свидетельствует о том, что все более обострялся межсекторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством. Это подтверждается данными динамики роста производства за 1907/1908–1913 гг. Если общая стоимость промышленной продукции возросла в полтора раза, то сельскохозяйственной продукции для местного потребления – всего на 29,6%[17]. При том, что население России с 1897 г. по 1913 г. возросло с 125,9 млн. чел. до 178,1 млн. чел. Форсированная индустриализация продолжалась. В результате доля отраслей, производящих средства производства, в общей стоимости промышленной продукции поднялась за годы подъема с 33,6% до 39,0%[18]. В аграрном же секторе наблюдалась деградация таких экспортно-ориентированных отраслей (утрату которых можно было заменить только наращиванием хлебного экспорта), как мясное животноводство, свиноводство, овцеводство, шелководство, пчеловодство, производство льна и сала[19].

На основании вышеизложенных фактов и использованной исторической методологии возникла следующая гипотеза: не успев в XIX в. догнать передовые страны, Россия с возникновением секторного разрыва между сельским хозяйством и промышленностью, а также в рамках самой промышленности, вступила в период отставания от Запада и перешла на форсированную модель общественного воспроизводства, которая обусловила ведущую роль государства в хозяйственных преобразованиях и в переливе ресурсов из докапиталистических укладов в капиталистические, и утвердила широкое использование в хозяйственной практике России кабальных форм эксплуатации в интересах капиталистического рынка.

[17] См.: Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. – М., 2001. – С. 66.
[18] См.: Там же. – С. 82.
[19] См.: Финн-Енотаевский А.Ю. Указ. соч. – С. 246; Ковалевский М.М. Экономический стой России. – СПб., 1899. – С. 58–61.

§ 1. Деятельность государства в области модернизации промышленного производства и ее результаты

Исследование показало, что под влиянием аграрного перенаселения, высокого заграничного спроса на целый ряд товаров (пенька, лен, железо, сало, холст) и крепостнической монополии с середины XVIII в. разворачивались процессы первоначального накопления капитала и формирования помещичьего «денежного хозяйства», ориентированного на мировой капиталистический рынок[20]. Так средний вывоз железа за границу в 1767–1769 гг. составлял 1951464 пуда, в 1793–1795 гг. – 2965724 пуда. По ценности железа вывозилось в 1790-х годах ежегодно примерно на 5 млн. руб., то есть около одной восьмой всей суммы русского вывоза, где лен и пенька составляли почти 33%[21]. Из-за низких цен на хлеб (до 1780–1790-х годов) поначалу первенствовала крепостная индустрия, так как давала такие барыши, с которыми не могло сравниться никакое сельское хозяйство. В результате, господствующими формами дворянской промышленности становились: деятельность оброчных крестьян[22], эксплуатация крепостных кустарей, организация крепостной фабрики.

Русские мануфактуры (в большинстве своем предприятия с принудительным трудом) почти не имели прямого отношения к формированию капиталистического уклада, так как этот уклад обязательно предполагает капиталистический наем[23]. Однако, с другой стороны, предприятия с принудительным трудом нельзя вообще отрывать от генезиса капиталистических отношений, так как они непосредственно связаны с капиталистическим рынком. И в этом плане правы те, кто

---

[20] См.: Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен (тома III и IV) // Покровский М.Н. Избранные произведения. – М.,1965. – Кн.2. – С. 89–115.

[21] См.: Там же. – С. 99. В 1769 г. по стоимости вывоз пеньки и льна составлял 4478 тыс. руб. См.: Там же. – С. 101.

[22] В нечерноземной полосе в екатерининское время на оброке было 55% всех крестьян. (См.: Семевский В.Н. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. – СПб., 1903. – Т. 1. – С. 48). Можно предполагать, что 1/3 взрослого мужского населения занималась неземледельчискими отхожими промыслами. (См.: Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Изд. 2-е. – СПб., – Т. 1. – С. 47).

[23] См.: Панкратова А.М. Формирование пролетариата в России (XVII–XVIII вв.). – М., 1963. – С. 13, 470–471.

говорил о буржуазном характере крепостных предприятий[24]. С одной только оговоркой – сущность таких предприятий составляет не капитализм, а квазикапитализм, то есть «кабала» в интересах капиталистического рынка.

На примере Нижнетагильских заводов Демидовых видно как в XVIII в. протекал процесс перехода от вольнонаемного к крепостному труду и шли массовые переселения на заводы Урала крепостных крестьян из Европейской России. Переход к крепостному труду в промышленности был закономерным и экономически обусловленным явлением. «Без этого невозможно было формирование многочисленного и устойчивого контингента рабочих, а, следовательно, и организация в отпущенный историей предельно короткий срок сложного заводского хозяйства, без которого не могла существовать металлургическая мануфактура»[25]. Шкала оплаты труда приписных крестьян, установленная плакатами 1724 г. приближалась к вольнонаемной только в первые годы своего применения. В дальнейшие годы разница в оплате принудительного и наемного труда увеличивалась с каждым годом. Так, крестьяне Толвуйского погоста, приписанного к Олонецким заводам, жаловались в 1743 г., что норма оплаты труда по плакату не достигала «половины настоящей наемной цены», а некоторые работы завод оплачивал только на 1/3 их реальной, рыночной цены. К 1760-м годам нормы плакатной расценки труда стали ниже наемных в 5–10 раз и поэтому неудивительно, что заводовладельцы настойчиво требовали увеличить нормы приписки государственных крестьян к заводам, а после выхода указа 1762 г., запрещавшего покупать крестьян к заводам, наказывали в Уложенную комиссию об его отмене[26].

В целом, в масштабе страны в течение XVIII в. происходило стирание грани между разными категориями свободного и принудительного труда и их объединение в общей массе крепостных работников. Исчезло деление работников на казенных, вечноотданных, не помнящих родства, отданных по указам, беглых и т.п. Все они были объединены законодательством в две группы закрепощенных людей: 1) приписные крестьяне, которые обслуживали вспомогательные ра-

[24] См.: Золотников М.Ф. От мануфактуры к фабрике // Вопросы истории. – 1946. – № 11/12; Струмилин С.Г. Экономическая природа первых русских мануфактур (в порядке обсуждения) // Вопросы истории. – 1948. – № 6.

[25] Гуськова Т.К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. – Челябинск, 1995. – С. 133.

[26] См.: Павленко Н.И. О некоторых сторонах первоначального накопления в России // Исторические записки. – 1955. – Т 54 – С. 388–389.

боты, стремящиеся освободиться от заводской барщины; и 2) посессионные работники, с которыми сливались все остальные разрозненные категории принудительного труда, в том числе и крепостные крестьяне. Применение вольнонаемного труда, который использовался преимущественно на купеческих и крестьянских мануфактурах, не имело широкого распространения[27].

Таким образом, втягивание во второй половине XVIII в. помещичьих хозяйств в рынок при низких ценах на хлеб привело к ускорению промышленного производства на крепостнической основе. Всего за период с середины до конца века число промышленных предприятий, не считая горных заводов, выросло с 984 (1762 г.) до 3161 (1796 г.)[28].

Успехи промышленности привели к тому, что она стала полем противостояния дворянства и купечества[29]. Промышленное производство сопровождалось ростом торговой буржуазии. Она формировалась в значительной мере из купцов, меньше – из помещиков, и, несмотря на различные запрещения, постоянно возрастала роль крестьянской торговли. В деревне большой размах приобрела перепродажа крестьянами-кулаками крестьянских продуктов городской промышленности[30]. Это вызвало жесткое противостояние, в том числе и в Комиссии об уложении, между купечеством и дворянством за роль скупщика и посредника в деревне, которую купцы хотели отнять у крестьян. Это противоборство объяснялось тем, что закрепление посреднической роли в торговле за крестьянами было прямо выгодно их владельцам. «Они облагали таких крестьян-торговцев высоким оброком или вкладывали в их торговлю собственный капитал»[31]. Развивающийся всероссийский рынок к началу XIX столетия характеризовался неуклонным расширением своего объема и сети новых торговых пунктов, что во многом было связано с частичной ликвидацией откупной системы и системы внутренних пошлин.

Все это говорит о том, что в России разворачивались процессы первоначального накопления. Отделение непосредственного производителя от средств производства реализовывалась в виде изъятия у

---

[27] См.: Панкратова А.М. Указ. соч. – С. 13, 470–471.

[28] См.: Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Покровский М.Н. Избранные произведения. – М., 1965. – Кн. 2. – С. 96.

[29] Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. – М., 1995. – Т. 3. – С. 277.

[30] См.: Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен(тома III и IV) // Покровский М.Н. Избранные произведения. – М.,1965. – Кн.2. – С. 109.

[31] Милюков П.Н. Указ. соч. – Т. 3. – С. 276.

крестьян продуктов сельскохозяйственного труда сверх определенной меры, что побуждало их к отходу и бегству в города и на мануфактуры, и в виде организации крепостной мануфактуры, на которой работник уже был полностью или частично отделен от средств производств производства и получал заработную плату.

Для ускоренного накопления капиталов у частных лиц правительство использовало откупа, подряды, монополии, ссуды, казенные заказы, приписку крестьян к заводам, передачу казенных заводов в частные руки или выгодную продажу частных предприятий государству, высокие протекционистские тарифы. Однако дальнейшему углублению первоначального накопления мешали те же факторы, которые их поначалу ускоряли – крепостничество и абсолютизм. Они препятствовали превращению ускоренного одностороннего накопления денежных капиталов в купеческой и судной форме в промышленный капитал. *Важной чертой первоначального накопления в России в XVIII – начале XIX в. следует считать его второстепенность и зависимость от решения общегосударственных задач*[32].

На протяжении первой половины XIX в. происходила механизация промышленности. В России по данным Мануфактур-коллегии и Департамента мануфактур в 1804 г. насчитывалось 2402 фабрик и заводов с 95,2 тыс. рабочих. К 1860 г. число фабрик возросло до 15 388, а число рабочих – до 565,1 тыс. чел.[33]. Машины внедрялись во многие отрасли производства. Машинизация промышленности осуществлялась как путем ввоза оборудования из-за границы, так и вследствие роста отечественного машиностроения. Это видно из данных[34] в таблице 2. Эти данные показывают, что если в 50-х годах XIX в. в сравнении с предшествующим десятилетием импорт машин увеличился в 4,1 раза, то внутреннее производство продукции машиностроения возросло в 7,5 раза. *И все-таки роль механических двигателей в производстве промышленной продукции ко времени крестьянской реформы была еще недостаточной.* Кроме того, с большой осторожностью следует воспринимать данные о доле механизированного производства в российской промышленности на 1860 год. Из них явствует, что оно давало на тот момент 54% промышленной продукции[35]. Од-

[32] См.: Дискуссия о первоначальном накоплении в России // Исторические записки. – 1955. – Т. 54. – С. 382–429.
[33] См.: Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. – М., 1955. – С. 23.
[34] См.: Струмилин С.Г. К вопросу о промышленном перевороте в России // Вопросы экономики. – 1952. – № 12. – С. 73.
[35] См.: Там же – С. 82.

нако, здесь следует указать, что при выяснении соотношения ручного и механизированного труда, необходимо оперировать данными не только по обрабатывающей, но и по добывающей промышленности. Необходимо более полно учитывать кустарные предприятия и крестьянские хозяйства, занимавшиеся домашней промышленностью[36]. Кроме того, нельзя говорить о преобладании механизированного труда и на крупных предприятиях, так как дореволюционная промышленная статистика учитывала лишь наличие паровых двигателей, их количество, не всегда мощность, но не брала во внимание ту роль, которую они играли в производственном процессе. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что «в середине XIX в. подавляющее большинство «фабрик» в действительности представляли собой централизованную мануфактуру лишь с частичной механизацией производственного процесса»[37].

В результате мы можем утверждать, что в рассматриваемый период народное хозяйство России находилось в самом начале *промышленного переворота*, то есть длительного процесса перехода от ручного труда к машинному в масштабах всего общественного производства. На такой же ступени находился и процесс *индустриализации*, понимаемой как отделение промышленности от сельского хозяйства и превращение ее в ведущую отрасль экономики. Это подтверждается тем фактом, что импорт в 50-х годах XIX в. составлял более половины продукции промышленного производства и играл поэтому значительную роль в снабжении населения страны промышленными товарами, а промышленности – оборудованием и полуфабрикатами[38]. Накануне ликвидации крепостного права мелкое товарное производство крестьян, ремесленников и промысловиков и по числу работников, и по размерам продукции (более 2/3 всего объема продукции обрабатывающей промышленности) превосходило крупную промышленность[39]. Это говорит о том, что индустриализация в России развивалась в тесной связи с процессами *протоиндустриализации*, понимаемой современными авторами как развитие сельской промышлен-

[36] См.: Островский А.В. О времени завершения индустриализации и промышленного переворота в России // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины Х1Х – начала XX вв. Материалы конференции памяти В.С. Дякина. – СПб.- Кишенев, 2001. Изучение канцелярских документов первой половины XIX в. показывает, что очень часто термин «фабрика» применялся в качестве синонима слова «промышленность».

[37] Там же. – С. 98.

[38] См.: Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. – М., 1955. – С. 25.

[39] См.: Там же. – М., 1955. – С. 22; История экономического развития России. / Под ред. А.К. Шуркалина. – М., 2000. – С. 56.

ности в традиционных формах (ремесло, домашнее производство, кустарные предприятия, рассеянная мануфактура, мелкие «фабрики») с ярко выраженной ориентацией на рынок[40]. Промышленная сфера крестьянской экономики России в первой половине XIX в. представляла сложную систему, построенную на сочетании земледельческого и неземледельческого труда (торгового и промышленного), натурального хозяйства и деятельности на рынок, зависимую от этнических, демографических, природно-географических, социокультурных и экономических условий в которых находились крестьяне[41]. Российская протоиндустрия не достигла зрелых форм, которые смогли бы обеспечить ее самостоятельное вступление в стадию индустриального перехода и вынуждена была стать придатком сложившийся фабричной системы и аграрной экономики в целом. Однако и в этих условиях наблюдались интересные метаморфозы.

Например, на Урале горнозаводские округа сложились во-многом благодаря наличию и включению в производство широкой крестьянской протоиндустрии[42]. Устойчивая работа на мировой рынок придала и горнозаводским округам, и различным заводским промыслам квазикапиталистический характер.

В русской дореформенной промышленности возникла успешная конкуренция домашнего кустарного ткацкого производства, с одной стороны, и капиталистической фабрики и механизированной централизованной мануфактуры – с другой. Это стало возможным вследствие не только повышения ввозных пошлин на продукцию хлопчатобумажной промышленности и распространения механического бумагопрядения после отмены ограничений на вывоз из Англии текстильных машин, но и «благодаря ничтожности прибыли, которою довольствуется крестьянин-земледелец и благодаря относительной дороговизне рабочих рук в стране крепостного права»[43]. Начался процесс

[40] См.: Crisp O. Studies in the Russian Economy before 1914. – London–Basingstoke, 1976. – P. 19–21; Rudolph R.L. Agricaltural Structure and Proto-Industrialization in Russia: Economic Development with Unfree Labor // Journal of Economic History. – 1985. – Vol. XLV. – № 1.; Арсентьев В.М. Крестьянство в протоиндустриальных процессах в России первой половины XIX в. (по материалам Среднего Поволжья) // Экономическая история: Ежегодник. 2003. – М., 2004. – С. 362–363.

[41] См.: Арсентьев В.М.Крестьянство в протоиндустриальных процессах в России первой половины XIX в. (По материалам Среднего Поволжья) // Экономическая история: Ежегодник. 2003.- М.,2004. – С. 379–388.

[42] См.: Селунская Н.Б. Методологический аспекты сравнительного изучения протоиндустриальных обществ России и Швеции // Экономическая история: Ежегодник. 2003. – М., 2004. – С. 4–17.

[43] Ковалевский М.М. Экономический строй России. – СПб., 1899. – С. 95.

частичной децентрализации мануфактуры. Свершилось нечто необычное: технические усовершенствования перешли вместе с ткацким станком, перенесенным с фабрики в кустарную избу, из крупного производства в мелкое. И хотя кустарные товары были иногда более низкого качества, чем фабричные, крестьяне покупали их «ввиду их поразительной дешевизны»[44]. Результатом данного изменения явилось то, что при тройном росте за период с 1837 по 1857 г. производства хлопчатобумажных тканей число рабочих, занятых на крупных ткацких фабриках, уменьшилось почти на 20%[45]. Процесс децентрализации производства значительно ускорился после 1847 г., затем сменился централизацией во время подъема 1855–1856 гг. и снова возобновился с кризисом 1857 г.[46]. Окончательно он утратил свою динамику в 60–70-х годах XIX в. в связи с развитием машинизации[47].

Переход от фабрики (централизованной мануфактуры), через наемную домашнюю промышленность, к самостоятельному кустарю и затем, часто через промежуточные звенья, к более механизированному производству был характерен и для других производств – «патронного», кузнечно-слесарного, медного, шелкоткачества и т.д. В целом, как писал М.И. Туган-Барановский, «николаевская эпоха может быть по справедливости названа эпохой нашей кустарной промышленности». Однако в то время кустарь не был свободным производителем. Масса кустарей оставалась в полном подчинении капиталисту. Именно в это время выработались те сложные формы посредничества между потребителем и производителем-кустарем, которые сохранились и позже[48]. Именно тогда связь между капиталистом и кустарем приобрела *квазикапиталистический характер*, а сам факт децентрализации производства является ярким примером экономического феномена *регрессии капитала*.

Противоречивое становление крупно-индустриальных производительных сил все более сливалось с широким распространением нового характера трудовых отношений. За первую половину XIX в. роль наемного труда в промышленности значительно возросла. Это

---

[44] Афанасенко И.Д. Экономика и духовная программа России. – СПб., 2001. – С. 345–346; См. так же: Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. – М., 1938. – Т. 1. – С. 174–181.

[45] См.: Афанасенко И.Д. Указ. соч. – С. 346.

[46] См.: Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. – М., 1955. – С. 51.

[47] См.: Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. –М., 1938. – С. 370.

[48] Там же. – С. 207.

произошло главным образом за счет снижения удельного веса приписных и покупных рабочих. И хотя целый ряд отраслей (известная часть горнозаводской промышленности Урала, суконные, писчебумажные фабрики и сахарные заводы в дворянских поместьях) продолжал базироваться на крепостном труде (75–80%), в других отраслях – хлопчатобумажной, полотняной, шелковой, кожевенной и канатной – вольнонаемный труд начал решительно преобладать уже с начала XIX в. По данным Мануфактур-коллегии и Департамента мануфактур общее число заведений и рабочих в России (кроме заводов горных, винокуренных, пивоваренных и мельниц) росло в дореформенный период XIX в.[49] (см. таблицу 3).

Из данных таблицы видно, что в преддверии крестьянской реформы в русской обрабатывающей промышленности вольнонаемный труд составлял уже 87%. И хотя в горнозаводском производстве его удельный вес к 1860 г. даже сократился до 19%[50], общее число вольнонаемных, занятых в русской промышленности, все же превышало удельный вес зависимых работников. В общем, в течение первой половины XIX в. рынок наемной рабочей силы увеличился почти в 10 раз – с 420 тыс. чел. до 3960 тыс. чел., что является важнейшим показателем процесса формирования капиталистического уклада[51].

Часть наемных работников состояла из свободных продавцов своей рабочей силы только временно, то есть находилась в зависимости от воли их феодальных владельцев, что являлось серьезным препятствием в развитии капитализма[52]. В записке царю от 1 ноября 1834 г. в связи с рабочим движением в Европе, Е.Ф. Канкрин писал: «У нас, однако, положение дела в сем отношении совсем другое, ибо работники на городских фабриках почти исключительно состоят из приходящих крестьян или имеют у себя дома хлебопашество… и при остановке работ возвращаются домой…»[53].

Внедрению свободного найма препятствовала также и высокая стоимость наемной рабочей силы, вследствие превышения спроса над

---

[49] См.: Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. – М., 1950. – Т.1. – С. 531.

[50] См.: Рабочий класс от зарождения до начала XX в. – М., 1983. – С. 107–109.

[51] См.: История экономического развития России / Под ред. Шуркалина А.К. – М., 2000. – С. 55.

[52] См.: Гиндин И.Ф. Проблемы «модернизации» и индустриализации и их видоизменение с XVIII по XX век // Материалы к V Международному конгрессу экономической истории. – М., 1970. – С. 8; Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. - СПб., 2007. – С.311.

[53] Цит. по: Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. - СПб., 2007. – С.271.

предложением на рынке свободных рабочих рук. И при этом крепостной труд тормозил внедрение машинной техники вследствие, во-первых, его дешевизны и, во-вторых, низкой мобильности: внедряя машину вместо нескольких рабочих, заводчик не мог их уволить и вынужден был содержать.

Исследование подтвердило, что, как и в другие периоды, в первой половине XIX в., торгово-промышленное развитие тормозилось бедностью страны капиталами и нежеланием владельцев свободных капиталов вкладывать их в промышленность и торговлю[54]. Неограниченный прием государством свободных денежных капиталов и сбережений на вклады в принадлежащие ему банки приводил к тому, что частные банкиры лишались этого источника средств. И чтобы обезопасить себя от востребования вкладов, – писал А.Ю. Гагемейстер, – «нужно было всячески противодействовать утверждению частного кредита и всяких обширных промышленных предприятий, которые могли бы представить капиталистам более выгод и столько же обеспечения, как правительственные кредитные установления»[55]. Кроме того, «постоянное ограбление» банков избавляло правительство от необходимости выпускать внутренние займы в их обычной форме государственных облигаций. Следовательно, государственная банковская система первой половины XIX в. ставила препоны формированию финансовой и промышленной буржуазии.

Анализ экономических кризисов 1839, 1847 и 1857–1858 гг. способствует раскрытию общей динамики российского дореформенного капитализма. Данные кризисы были слабо выраженными *частичными кризисами*, преимущественно торговыми, и порождались не столько внутренними условиями развития промышленности, сколько внешними факторами. Российская промышленность того периода чутко реагировала на циклические колебания, происходившие в экономике развитых стран. Основным каналом, по которому эти кризисные волны достигали русской промышленности, была внешняя торговля. Неизбежное сжатие экспорта, прежде всего, хлебного, вызываемое кризисом на Западе, снижало платежеспособный спрос населения России на промышленные изделия. Усиленный импорт последних по пониженным ценам, наоборот, повышал их предложение, обо-

[54] См.: Гиндин И.Ф. Докапиталистические банки России и их влияние на помещичье землевладение // Возникновение капитализма в промышленности, в сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. Сборник статей. – М., 1968. – С. 333–334.

[55] Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). – СПб.,1999. – С.24.

стряя конкурентную борьбу. Правда, русская промышленность выигрывала от ввоза оборудования по низким кризисным ценам, но этот выигрыш не мог компенсировать ущерба от застоя в торговле и заминки в работе промышленности. Банкротства и сжатие кредита в западных странах оказывали влияние на понижение вексельного курса, усиливая расстройство денежного обращения в России. Общего перепроизводства как массового явления, в смысле превышения всего промышленного производства над рамками потребления, в дореформенный период еще не отмечалось. Лишь в единичных отраслях имели место серьезные симптомы перепроизводства: например, в хлопчатобумажной промышленности и в черной металлургии во время кризиса 1847 г.[56].

В 60–70-х годах XIX в. широкий размах получил переход промышленности на механизированное производство. В первые пореформенные годы толчком к этому послужила активная инвестиционная политика государства. Так, ассигнования на капитальные сооружения и приобретение машин для казенных горных заводов возросли с 2131 тыс. руб. в 1848–1862 гг. до 4288,6 тыс. руб. в 1862–1866 гг. Следовательно, за 5 лет в послереформенный период ассигнований из бюджета на капиталовложения в горную промышленность было выделено в 2 с лишним раза больше, чем за предшествующие 15 лет. Крупные суммы были выделены на возведение доменных печей с доменным двором и со всеми вспомогательными устройствами, на переустройство литейного производства[57].

Немаловажным фактором, ускорившим механизацию, стало резкое сокращение производства и количества рабочих на вотчинно-крепостных и посессионных мануфактурах, использовавших принудительный труд. По данным Министерства финансов с 1861 по 1863 г. по 66 губерниям, областям и градоначальствам Российской империи число рабочих сократилось с 565142 до 512818 человек. Особенно сильным было сокращение численности на Урале – до 25%, из них на казенных заводах – до 37%[58].

С конца 60-х годов XIX в. начавшийся промышленный переворот подстегивался усилением грюндерства – второй волной учредительской горячки, охватившей широкие круги крупных и мелких капиталистов. Учреждались промышленные и торговые компании, бан-

[56] См.: Яковлев А.Ф. Указ. соч. – С. 18–80.
[57] См.: Там же. – С. 86.
[58] См.: Там же. – С. 85.

ки, железнодорожные и пароходные общества. Если за пятилетие с 1861 по 1865 г. было основано всего 44 общества с капиталом около 99 млн. руб., то за пятилетие с 1869 по 1873 г. возникла 281 акционерная компания с капиталом в 697 млн. руб.[59]. В первые годы экономического подъема середины 1860-х – начала 1870-х годов в центре учредительской деятельности стояло железнодорожное строительство, которое увеличило железнодорожную сеть с 3842 км в 1865 г. до 13641 км в 1871 г. и 19029 км в 1875 г., при этом железнодорожные перевозки возросли с 439 млн. пудов в 1868 г. до 1117 млн. пудов в 1873 г., то есть в 2,5 раза[60].

В 70-х годах XIX в. техническому перевооружению способствовал экономический кризис в легкой промышленности, который способствовал направлению капиталов в отрасли тяжелой индустрии.

Еще более усилило механизацию изменение в экономической политике правительства конца 1870–80-х годов. Ее главным содержанием стал перевод уплаты таможенных пошлин на золото, ввиду обесценивания серебра и кредитного рубля против золота, что фактически означало повышение пошлин на 40–50%. Пошлинами были обложены чугун, железо, ткани и другие товары, ввозившиеся ранее беспошлинно. Далее в течение 13 лет следовали то частичные, то общие неоднократные повышения таможенных тарифов. В итоге переход к протекционизму привел к резкому притоку иностранного капитала в Россию. Его общая сумма в акционерных обществах страны возросла с 26,5 млн. рублей в 1870 году до 97,5 млн. руб. в 1880 г., а к 1890 г. – до 214,7 млн. руб.[61] и составила 1/3 от всего акционерного капитала страны[62]. Основными сферами приложения иностранных инвестиций стали не только отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности; капитал железных дорог и морского транспорта более чем на половину был взят из-за границы.

Темпы роста механизации промышленности оказались весьма впечатляющими. Так, в шерстоткацком производстве в 1875–1878 гг. было 7 предприятий с 20 паровыми машинами в 303 лошадиные силы, а в 1890, соответственно, – 28, 61, 1375. В кожевенном производстве эти показатели выросли с 28, 33, 488 до 66, 82, 1112, в маслобойном производстве – с 27, 28, 521 до 113, 116, 1886. Применение паро-

[59] См.: Там же. – С. 89.
[60] См.: Там же.
[61] См.: Там же. – С. 135.
[62] История экономического развития России / Под ред. А.К. Шуркалина. – М., 2000. – С. 80.

вых машин в горном производстве на предприятиях Урала увеличилось с 1877 г. по 1893 г. с 268 при 8070 л.с. до 550 при 21330 л.с., то есть в 2,5 раза, а на Юге России – со 161 при 5120 л.с. до 585 при 30759 л.с., то есть в 6 раз[63].

Итог механизации производства, достигнутый промышленностью к концу XIX столетия можно представить на примере обеспечения машинной техникой фабричных заведений одной из наиболее индустриализированных губерний – Московской. Механические двигатели присутствовали только на 22,6% всех фабрик (в том числе, паровые двигатели были на 18,4%), но на них было сосредоточено 80,7% всего числа рабочих. «Ручных» фабрик имелось 69,2%, а рабочих на них – 16,2%[64]. Однако, учитывая, что на каждое заведение приходилось только по 1-2 двигателя при средней численности рабочих (по Московской губернии) – 378 человек, необходимо сделать твердый вывод о крайне низком уровне механизации российской промышленности того периода. И это притом, что ежегодно обновлялось около пятой части технического парка промышленности[65].

Анализ приведенных данных позволяет представить картину функционирования своеобразного механизма: машинизация промышленности просто сопутствовала наращиванию объемов производства, то есть проводившаяся индустриализация как бы закрепляла определенный мировой уровень промышленной революции. Не отличались в этом плане и бурные 90-е годы XIX в. Активное строительство железных дорог, развитие водного транспорта, казенные заказы, государственное регулирование, монополизация расширили объемы и специализацию производства, а с ними и неминуемую механизацию промышленности. Однако данная тенденция имела свои естественные границы и со временем многие факторы, способствующие промышленному перевороту, стали тормозить технический прогресс. Правда, нельзя не отметить, что в начале XX в. предприниматели, стремясь выйти из застойного состояния промышленности, возникшего вследствие кризиса 1900–1903 гг., искали пути снижения издержек производства и, наряду с давлением на стоимость рабочей силы, вводили технические усовершенствования. М.И. Туган-Барановский по этому поводу писал, что «кризис содействовал техническому подъему на-

[63] См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. – М., 1952. – С. 405–423.
[64] См.: Там же. – С. 466–467.
[65] См.: Пискотин М.И. Россия в XX веке: неоконченная трагедия. – М., 2001. – С. 117.

шей фабричной промышленности и вытеснению ею мелкой промышленности. Подъем фабричной техники доказывается… ростом числа паровых котлов:

Число фабричных паровых котлов

1900 г.	23959	1905 г.	28701
1901 г.	25216	1906 г.	29210
1902 г.	26626	1907 г.	29755
1903 г.	27679	1908 г.	30682
1904 г.	28385	1909 г.	31111»[66]

Число механических двигателей возросло с 1900 г. по 1908 г. на 20,8% (с 16726 до 20214 штук), а их мощность на 41,2%. Быстрее всего возрастало число двигателей внутреннего сгорания (количество их увеличилось примерно вдвое, а мощность – в 8 раз) и электромоторов (соответственно, в 5 и 2 раза), значительно медленнее – паровых двигателей[67].

В годы подъема, начавшегося в 1909 году, значительно улучшилось техническое оснащение промышленности, возросла энерговооруженность труда. Мощность машин и двигателей в промышленности увеличилась в 1908 г. в 2,3 раза, а в 1914 г. – в 5 раз по сравнению с 1900 г.[68]. Производительность труда на текстильных фабриках, металлургических, металлообрабатывающих и машиностроительных заводах, в типографиях, в бумажном и сахарном производствах возросла в среднем на 20–25%[69]. Всего за пореформенное пятидесятилетие обеспеченность механическим оборудованием в денежном исчислении возросла со 100 млн. руб. до 2 млрд. рублей[70].

Таким образом, темпы роста технического перевооружения были впечатляющими, однако «лишь в немногих отраслях эти изменения приобрели характер качественных сдвигов»[71] и поэтому они не смогли обеспечить становление современной технологической базы страны в полном объеме.

---

[66] Туган–Барановский М.И. Указ. соч. – С. 504.

[67] См.: История рабочего класса СССР. Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. / Под ред. Нарочницкого А.Л. – М., 1982. – С. 20.

[68] См.: Розенфельд Я.С., Клименко К.И. История машиностроения СССР. – М., 1961. – С. 94.

[69] См.: Дембовский К. Технический прогресс в русской промышленности // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1915. – № 15. – С. 57–61, – № 17. – С. 163–166, № 19. – С. 264–267.

[70] См.: Пискотин М.И. Указ. соч. – С. 117.

[71] Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. – М., 2001. – С. 82.

Перед Первой мировой войной на тяжелую индустрию приходилось только 39% стоимости всего промышленного производства[72]. Машиностроение было развито слабо, две трети потребности в машинах покрывались за счет импорта, причем качественные характеристики и производства, и продукции оставляли желать лучшего. Так, киевский арсенал после неудачного опыта с заказом трехтонного парового молота заводу «Герлях и Пульст» в 1903–1905 гг., возвратив заводу его изделие, добивался взыскания неустойки и обращал внимание ведомства на то, что «заводов русских, изготовляющих специально паровые молота, арсенал не знает». Заказывая такой молот, вновь (теперь уже за границей), арсенал считал, что изделия отечественных фирм «отличаются непродолжительностью исправного их действия». Планом на 1913 год предусматривалось заказать для Петербургского орудийного завода и арсеналов станки на 45 тыс. рублей. Русские заводы, – говорилось в объяснении к плану, – могли бы дать удовлетворительные станки «лишь при заказах значительного числа станков одного типа и размера, и то лишь при условии сильного повышения цен», почему и отдается предпочтение иностранным станкам, значительно более разработанным в конструктивном отношении и более дешевым»[73].

Первый верховный главнокомандующий, Великий князь Николай Николаевич считал, что «в техническом отношении наша промышленность далеко отстала от промышленности английской и французской» и поэтому лишь в незначительной степени может удовлетворить потребность армии в вооружении; «главные заказы приходится помещать за границей, и совершенно необходимо, чтобы Россия была поставлена в привилегированное положение на заграничных рынках»[74]. Без этого, например, нельзя было перевооружить казачьи части пиками образца 1910 г. – со стальной трубой вместо древка, иметь достаточное количество колючей проволоки, не говоря уже о выпуске автомобилей, заводов по производству которых Россия имела меньше, чем в США в 300 раз, то есть один – Русско-Балтийский вагонный завод.

---

[72] См.: Там же.

[73] Поликарпов В.В. О количественных методах и источниках изучения российской военной промышленности начала XX вв. // Проблемы социально–экономической и политической истории России XIX–XX века. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. – СПб., 1999. – С. 137–138.

[74] Цит. по: Там же. – С. 138

Пореформенная экономика России отличалась высоким уровнем развития *кустарной промышленности*[75]. Из-за слабости промышленной статистики тех лет и расплывчатости самого термина указать полные и достоверные сведения о «кустарной» промышленности России не представляется возможным. В.И. Ленин сообщает лишь приблизительную цифру – 4 млн. чел. на конец XIX века. Примерно такой же цифрой (4335,4 тыс. чел) оперирует А.А. Рыбников. М.М. Ковалевский, ссылаясь на Воронцова и Яроцкого, говорит о 7–8 млн. чел. А.Ю. Финн-Енотаевский для 1910 г. приводит данные о 10 млн. чел.[76]. *Эти цифры показывают возможность возникновения в ряде отраслей на базе кустарной промышленности «почвенного» потока российского капитализма, что опровергает абсолютизацию тезиса об искусственном происхождении русской промышленности.* Еще большую уверенность в этом мы приобретаем, когда обращаемся к результатам специальных исследований. Они показывают, что скупщики, владельцы раздаточных контор и «светелок» переходили к прямой организации фабричного производства в годы общего промышленного или отраслевого подъема (что отнюдь не останавливало их в годы застоя от обратного возвращения к организации домашнего производства).[77] В отчете старшего фабричного инспектора Владимирской губернии за 1906 г. прямо указывается, что основатели 6 паровых бумаготкацких фабрик и 3 льноткацких «раньше большею частью занимались раздачей пряжи для ручного ткачества кустарям, и в настоящее время, закрыв свои раздаточные конторы перешли на механическое ткачество. Вновь открытые фабрики выстроились в тех же районах, где раньше действовали раздаточные конторы, и ручные ткачи кустари создали главный контингент рабочих этих фабрик»[78].

Исследование показывает, что кустари переходили в другие категории работников: работающих в «светелках», на мелких фабриках и, наконец, на крупных фабриках. Постепенно возрастало использование владельцами кустарных заведений, кроме семейного, и наемного труда. Например, в одной из самых «промысловых» губерний Нижегородской по данным Материалов для оценки фабрик, заводов и

[75] См.: Туган-Барановский М.И. Указ. соч. – С. 501.

[76] См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России… – М., 1952. – С. 392–396; Ковалевский М.М. Указ. соч. – С. 98; Финн-Енотаевский А.Ю. Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). – СПб., 1911. – С. 63; Рыбников А.А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. – М., 1922. – С. 5-6.

[77] См.: Финн-Енотаевский А.Ю. Указ. соч. – С. 63–74.

[78] Свод отчетов фабричных инспекторов за 1906 г. – СПб., – С. 38.

других промышленных заведений Нижегородской губернии в группе производств, обрабатывающих шерсть насчитывалось в 1902 г 2 тыс. 608 заведений с 5 тыс. 652 работниками, из которых 1 тыс. 616 — это наемные рабочие[79].

Существовал еще один путь – подчинение домашнего производства фабричному (развитие «домашней» формы промышленности) в виде создания рабочими фабрик маленьких мастерских, зависимых от главного производства[80].

Все пореформенное пятидесятилетие вполне естественно, а так же при непосредственном участии государства и помощи иностранного капитала происходило *наступление крупнокапиталистического фабричного производства* на кустарную промышленность. Причем, эта тенденция воплощалась в волнах капиталистических кризисов. Так, кризис 1873 г. и последовавший подъем привели к разорению мелких предприятий, усилению концентрации производства. В хлопчатобумажной промышленности уже в 1879 г. 60% рабочих работали на фабриках, имевших свыше 1000 рабочих и составлявших всего одну пятую общего числа хлопчатобумажных фабрик. В 1882–1883 гг., то есть во время следующего кризиса 40% добычи угля приходилось на крупные копи[81].

Общее представление о темпах концентрации производства дает таблица 6[82]. Число крупных заведений за 15–16 лет возросло примерно на 17%, а если учесть заведения, имеющие 16 и более рабочих, то рост составит 40%[83]. Концентрация русской промышленности в 90-х гг. была выше германской. Так в 1895 г. в России на мелких предприятиях (10–15 рабочих) было занято только 15,9% рабочих, тогда как в Германии – 31,5%; на крупных (свыше 500 рабочих) в России – 45,2%, в Германии – 15,3%[84].

---

[79] См.: Материалы для оценки фабрик, заводов и других промышленных заведений Нижегородской губернии. – Нижний Новгород, 1902. – С. 3–10.

[80] См.: Rudolph R.L. Agricultural Structure and Proto–Industrialization in Russia: Economic Development with Unfree Labor // The Journal of Economic History. – 1985. – V. XLV – № 1; См.: Bradley J. Muzhik and Muscovie: Urbanization in late Imperial Russia. – Berkeley, 1985. – P. 28–30, 146–152.

[81] См.: Яковлев А.Ф. Указ. соч. – С. 136.

[82] См.: Ленин В.И. К вопросу о нашей фабрично–заводской статистике // Ленин В.И. ПСС. – М., 1971. – Т. 4. – С. 16.

[83] См.: Там же. – С. 14.

[84] См.: Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). – М., 1956. – С. 122.

Концентрация производства стала особенно прогрессировать в первое десятилетие XX века. «Почти весь прирост числа рабочих за 1904–1909 гг., – указывает М.И. Туган-Барановский, – падает на фабрики, которые нельзя назвать иначе как гигантскими, имеющими свыше тысячи рабочих. Несмотря на общий промышленный застой, эти фабрики не только: в общем, не сократили числа рабочих, а увеличили его очень значительно – почти на 20%.…На гигантских фабриках в 1904 г. было занято 34% фабричных рабочих, а в 1909 г. уже 38%»[85]. На концентрацию производства указывает сокращение домашней работы по заказам фабрикантов. В 1904 г. домашних рабочих, работавших на фабрикантов и раздаточные конторы, считалось 89,6 тыс., а в 1909 г. – лишь 75,2 тыс. Число раздаточных контор сократилось за то же время с 534 до 376[86].

Очерченная тенденция отнюдь не свидетельствует об исчезновении мелкой промышленности из хозяйственного строя России. Многочисленные данные говорят о том, что хотя в начале XX в. в главных отраслях промышленности мелкое производство и было оттеснено фабрикой и заводом, оно по-прежнему играло заметную роль в хозяйственной жизни. Например, в Нижнем Поволжье продолжался рост мелкой промышленности как в докапиталистической, так и мелкокапиталистической форме. Количество работников в этом секторе с 1897 по 1913 год увеличилось в Кузнецком уезде на 72%, в Саратовском – на 56%, в Царицынском – на 43%. Если удельный вес промысловых хозяйств среди крестьянского населения в указанных уездах в 1897 г. составлял от 10 до 15%, то в 1913 г. – от 30 до 50%. В целом в 1913 году объем мелкой промышленности Нижнего Поволжья составлял 1/3 общей суммы производства фабрично-заводской промышленности[87]. Такая же тенденция прослеживается и в других регионах страны. Например, в Московской губернии к концу 1890-х годов насчитывалось 49,6% фабричных ткачей, 45,3% – домашних и 5,1% – смешанных. Всего домашних ткачей насчитывалось 57 тыс. 503 чел.[88].

Канун Первой мировой войны был отмечен интенсивным ростом мелкого товарного производства в некоторых районах и отсталых от-

[85] Туган-Барановский М.И. Указ. соч. – С. 501

[86] См.: Там же. – С. 502.

[87] См.: Сергеев А.П. Мелкая промышленность Нижнего Поволжья в начале XX века // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. – Свердловск, 1972. – С. 366.

[88] См.: Финн-Енотаевский А.Ю. Указ. соч. – С. 67.

раслях промышленности. Развитие промыслов в годы войны происходило неравномерно и противоречиво. Поначалу недостаток рабочей силы, сырья и топлива отрицательно сказался на производстве, и многие мелкие предприятия закрылись. Однако вскоре военные заказы вдохнули в кустарную промышленность новую жизнь[89].

Со временем *изменялась отраслевая структура крестьянских промыслов* в зависимости от целого ряда обстоятельств (разорение под давлением крупного капитала, изменения в потребностях и спросе на продукцию, истощение ресурсов, военные заказы и т.д.). Хозяйства вновь возникающих промыслов через определенное время *теряли свою независимость*, вынужденные сбывать продукцию скупщикам. Например, зависимые от скупщиков хозяйства Нижнего Поволжья в процентном отношении к общему числу хозяйств, занятых промыслами, составляли: в Царицынском уезде – 18,2, Саратовском – 18,2, Вольском – 28,5, Хвалынском – 26,1, Балашовском – 36,1, Аткарском – 64,6, Камышинском – 84,6. В Московской губернии, по данным Харизоменова, которые приводит М.М. Ковалевский, 72% крестьянских промыслов сбывали свою продукцию через посредников – купцов, бродячих торговцев, фабрикантов[90]. Каковы были доходы посредников видно из следующих данных. Во Владимирской губернии в 1904 г. прибыль раздатчика равнялась 48% на вложенный капитал. В Нижегородской губернии в 1902 г. в рогожном производстве посредники получали 33% на свой капитал[91].

Многие скупщики накануне Первой мировой войны сами потеряли свою самостоятельность, действуя в качестве агентов монополистических фирм. Через них крупный капитал поставлял мелкой промышленности сырье, полуфабрикаты, скупал по низкой цене готовые изделия, необходимые для фабрично-заводской промышленности.

С наступлением машинного фабричного производства, особенно в эпоху империализма, обозначилась еще одна тенденция, связанная с регрессией капитала: *раздробление кустарного производства*. Это было связано с тем, что конкурировать с фабрикой можно было только путем снижения издержек за счет эксплуатации уже домашнего кустаря. Эта система была выгодна капиталисту перекладыванием заботы об основных фондах на работника, его безграничной самоэкс-

[89] См.: Сергеев А.П. Указ. соч. – С. 367.
[90] См.: Сергеев А.П. Указ. соч. – С. 369; Ковалевский М.М. Указ. соч. – С. 99.
[91] См.: Финн-Енотаевский А.Ю. Указ. соч. – С. 66, 68.

плуатацией и независимостью от экономических кризисов[92]. В итоге, «ядовитый продукт капитализма – домашняя система выжимания пота обнаруживает чрезвычайную живучесть и задерживает увеличение производительности труда, заменяя таковое увеличением эксплуатации рабочего»[93].

С промышленным развитием страны под давлением конкуренции и посредников резко *снизились доходы кустарей* (на 50-70%). В 1903 г. комиссия нижегородского земства констатировала, что «положение самостоятельных кустарей хуже работающих на хозяев у себя или в хозяйских мастерских»[94]. Посмотрим на конкретные суммы доходов кустарей. Во Владимирской губернии средний годовой заработок домашней ткачихи в 1904 г. составлял 18 рублей в год при 15 часовом рабочем дне. В Казанской губернии месячный заработок взрослого рабочего, занятого плетением лаптей был в пределах 3–5 рублей при 16–18 часовом рабочем дне. В Ярославской губернии обычный заработок кустаря составлял 1 ½ рубля в неделю[95].

Такое кабальное положение кустарей вело к тому, что только немногие производства (в основном в очень доходных отраслях сельскохозяйственной переработки) обнаруживали тенденцию к превращению в чисто капиталистическое или кооперативное предприятие.

В итоге, монополистические объединения совместно с торгово-ростовщическим капиталом, закабаляя мелких производителей, в целом не разрушали мелкое производство, а консервировали его специфические черты, способствовали ухудшению условий труда и удлинению рабочего дня. При этом крупный капитал эксплуатировал как мелкое товарное производство квазикапиталистического типа (большинство крестьянских промыслов и отчасти городское ремесло), так и мелкое капиталистическое производство в мастерских и на предприятиях с наемным трудом. Такая регрессивная связь крупного капитала с мелким производством обусловила утверждение квазикапиталистического характера экономического строя России.

В России, как и в других странах, важнейшими причинами капиталистической монополизации стали *быстрое накопление капитала и его концентрация*. Об этом наглядно свидетельствуют данные о доле

---

[92] См.: Туган–Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. – М., 1938. – С. 386–387.

[93] Там же. – С. 404.

[94] Сельскохозяйственный обзор Нижегородской губернии за 1902 г. – Нижний Новгород, 1903. – С. 13.

[95] См.: Финн-Енотаевский А.Ю. Указ. соч. – С. 68, 71.

акционерных компаний-миллионеров в основном капитале отраслей промышленности. В 1911–1913 гг. компании-миллионеры, число которых не достигало и половины общего числа акционерных обществ, сосредоточивали 87% всего акционерного капитала, а в каменноугольной, нефтяной, металлургической, хлопчатобумажной отраслях – еще больше. В эти же годы в стране насчитывалось 158 компаний с капиталом, превышавшим 5 млн. рублей. Они владели 45,9% всего акционерного капитала, вложенного в народное хозяйство страны (то есть 1494,0 млн. руб.). Из общего числа открывшихся компаний 82% возникло в период с 1881 по 1917 г. На этот период падает более 79% действительного прироста акционерных капиталов[96]. Для сравнения: в 1909 г. в США крупнейших предприятий с производством в 1 млн. дол. и выше было 3060 (1,1%), с 2,0 млн. рабочих – 30,5% и с 9,0 млрд. производства[97].

Следует указать на два объективных обстоятельства, влиявших на капиталистическое обобществление производства. Во-первых, механизмом международной конкуренции российским капиталистам в качестве принудительной нормы навязывался определенный уровень минимальных затрат авансированного капитала на организацию производства в отраслях мировой промышленности. Этот уровень обеспечивался широкой миграцией капиталов, научно-технической информации, новейших образцов техники и технологии, практических приемов предпринимательства, кадров специалистов[98]. Во-вторых, расширенное воспроизводство промышленного капитала сочеталось с живучестью полунатуральных, квазикапиталистических и раннекапиталистических хозяйственных отношений. Именно их наличие явилось источником, с одной стороны, дешевой рабочей силы, а, следовательно, высокого уровня ее концентрации, а, с другой стороны, – огромной массы прибавочного продукта, перераспределяемого рыночными и административными рычагами в монополистический сектор.

---

[96] См.: Лившин Я.И. Монополии в экономике России (Экономические организации и политика монополистического капитала). – М., 1961. – С. 9–10.

[97] См.: Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. ПСС. – М., 1973 – Т. 27. – С. 311.

[98] См.: Нетесин Ю.Н. Об особенностях воспроизводства российского промышленного капитала в начале XX века // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. – Свердловск, 1972. – С. 54.

Указанные факторы никогда бы не достигли своего полного развития без серьезных и целенаправленных усилий российского государства.

В промышленной политике России второй половины XIX в. большую роль играл *таможенный протекционизм*. Его можно сравнить с применением анаболических средств по наращиванию мышечной массы, а в нашем случае – накоплению капитала. Правительство, лавируя между интересами буржуазии и помещиков, несколько раз меняло курс своей таможенной политики: от либерализма к введению золотых пошлин и осуществлению меркантильного фискализиа, а далее — к консервативному протекционизму.[99]

После революции 1905–1907 гг. требования русских промышленников, направленные на упрочение и расширение таможенного покровительства, наталкивались на все усиливающееся сопротивление Государственной думы и Государственного совета. Однако правительство придерживалось другой позиции. В апреле 1912 г. при посещении Московского биржевого комитета В.Н. Коковцов заявил, что этот принцип будет сохранен. Буржуазией это заявление приветствовалось, тем более, что к 1915 году комиссия Н.П. Лангового должна была представить в Думу «удовлетворительный» проект нового таможенного тарифа. Однако в связи с войной дело было отложено[100]. Эти события наглядно демонстрируют заблуждение о том, что «таможенные пошлины и косвенные налоги шли исключительно на нужды государственного дохода и не имели большого значения в промышленной политике»[101]. Если бы это было действительно так, то буржуазия не требовала бы сохранения таможенного покровительства.

Промышленники также требовали правительственного содействия вывозу на внешние рынки продукции, тех ее отраслей, которые не находили сбыта внутри России, прежде всего, фабрикатов текстильной промышленности и рельсов[102]. Проблема промышленного вывоза находилась в поле внимания Министерства торговли и промышленности. За принятие мер по увеличению сбыта за границей

---

[99] Более подробно об этом см.: Волков В.В. Указ. соч. – С. 66–67.

[100] См.: Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово–промышленной политики. – Л., 1987. – С. 189.

[101] Грегори П. Указ. соч. – С. 51

[102] См.: Речь Н.С. Авдакова на III съезде представителей промышленности и торговли // Промышленность и торговля.– 1908. – № 8. – С. 469.

высказался в 1909 г. В.И. Тимирязев[103]. Необходимость в экспорте признавалась также и С.И. Тимашевым. В результате родился целый ряд поощрительных мер. Был введен возврат пошлин, которые были уплачены при ввозе в Россию машин и сырья, использующихся для производства вывозимых изделий. Возник институт государственных коммерческих представителей. В главных торгово-промышленных центрах за границей были назначены торговые агенты Министерства торговли и промышленности, для обслуживания нужд внешней торговли активно привлекались возможности российской консульской службы за границей. Правительство содействовало образованию экспортных синдикатов, выдавало им премии, субсидии и ссуды. Промышленники добились установления льготных экспортных тарифов на казенных железных дорогах[104].

Большой эффект принесло и другое государственное мероприятие – *выдача казенных заказов частным предприятиям*, за счет которых, главным образом, и покрывались потребности государства в промышленной продукции. По данным Совета министров, к 1913 г. эти заказы составляли 23% общего спроса на промышленную продукцию. Это было значительно меньше казенного спроса 1890-х годов, но по сравнению с другими странами его доля в России была значительной[105].

До середины 90-х годов XIX вв. казна поглощала до 70% продукции металлургии Юга России преимущественно в виде рельсов и других железнодорожных принадлежностей. С расширением промышленного и городского строительства доля казны в потреблении металлов существенно уменьшилась, но все же в 1899 г. она составляла 31%, а в 1913 г. – 23%. Государство закупало более трети всей добытой в России нефти и угля[106]. Всего на «казенные заготовления и работы» в начале XX века ежегодно расходовалось около 1 млрд. руб. Причем, основная часть этой суммы приходилась на МПС (380 млн. руб.) и Военное министерство (340 млн. руб.).[107]

---

[103] См.: Лившин Я.И. Указ. соч. – С. 393.

[104] См.: Лившин Я.И. Указ. соч. – С. 392–393; Шепелев Л.Е. Указ. соч. – С. 191–192.

[105] См.: Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово–промышленной политики. – Л., 1987. – С. 248.

[106] См.: Шимановский М.Ф. Доклад // Труды XXV съезда горнопромышленников Юга России. – Харьков, 1901. – Т. 1. – С. 2.

[107] См.: Любович Е. Казенный миллиард // Промышленность и торговля. – 1909. – № 3. – С. 145.

В большей мере от казенных заказов зависели предприятия тяжелой промышленности: металлургической, машиностроительной и топливной. Так, к 1905 г. из общей суммы машиностроительного и металлообрабатывающего производства Северного и Прибалтийского районов свыше 3/4 приходилось на долю казенных заказов[108]. Организации предпринимателей не уставали утверждать, что при узости массового потребительского рынка промышленность России может существовать лишь за счет крупных казенных заказов. «При крайне низкой покупательной способности русского населения, – писала комиссия Совета съездов представителей промышленности и торговли, – казна является главнейшим, а подчас и единственным потребителем продуктов производства. Целые отрасли промышленности были вызваны к жизни мероприятиями казны... и могут существовать лишь при наличности казенных заказов»[109].

При распределении казенных заказов царское правительство оказывало предпочтение прежде всего монополиям. Большую роль в этом играли господствовавшая в высших кругах промонополистическая идеология, личная уния, подкуп чиновников. Например, своим монопольным положением фирма бр. Нобель была обязана всецело царской бюрократии. Правительственные учреждения, утверждая кондиции на поставку керосина, требовали, чтобы эти поставки передавались исключительно Нобелю. В ряде случаев чиновники сознательно приносили казне огромные убытки, передавая Нобелю заказы по повышенным ценам. Примером этого может служить передача в феврале 1908 г. Крупного заказа на нефтяные остатки для Сызрано-Вяземской железной дороги по повышенной цене, несмотря на то, что самая низкая цена на торгах была предложена фирмой Шамси Асадуллаева. Сходная ситуация сложилась в том же году и вокруг синдиката «Продуголь», которому Хозяйственный комитет управления казенных железных дорог без торгов выдал заказ на 160 млн. пудов угля[110]. В фаворе находились и другие монополисты. Так, удельный вес «Продамета» в покрытии потребности железных дорог в металлах возрос с 13% в 1908 г. до 73% в 1911–1912 гг.[111].

---

[108] См.: Совет съездов металлозаводчиков Северного и Прибалтийского районов. О сокращении заграничных заказов морского и военного ведомств. – СПб., 1909. – С. 3.

[109] Дезен А.Г. Доклад // Труды IV очередного съезда представителей промышленности и торговли. – СПб., 1910. – С. 10.

[110] См.: Лившин Я.И. Указ. соч. – С. 368–369.

[111] См.: Цукерник А.Л. Из истории монополизации железного рынка в России // Исторические записки. – 1928. – Т. 2. – С. 185.

Особо обеспеченным «рынком» для русских монополий являлись военные заказы. Этому способствовали условия их раздачи и, прежде всего, необходимость внесения крупного залога. Выполнению военных заказов сопутствовали большие переплаты казны. Например, интендантство переплачивало ежегодно 5 млн. руб., в 1909 г. за снаряды было уплачено сверх себестоимости 750 тыс. руб., в 1910 г. – около 3 млн. руб. 100% норма прибыли по военным заказам представляла собою заурядное явление. Всего на переплатах частным предприятиям госбюджет на рубеже XIX–XX вв. ежегодно терял по 15 млн. рублей[112]. Еще сильнее прибыли русских крупных промышленников возросли в годы Первой мировой войны. По данным Ш.Я. Турецкого, общая сумма барышей за это время составляла 11 млрд. руб.[113]. Отношение валовой прибыли к акционерному капиталу для 134 акционерных обществ возросло с 18,4% в 1913 г. до 45,3% – в 1916 г., а для отдельных отраслей было еще выше[114].

Итак, казенные заказы и протекционизм стали определяющими условиями появления того финансового потока, который аккумулировался российскими монополиями. При этом главным его источником следует считать высокую степень капитализации прибавочной стоимости, дополняемой систематическим ограблением крестьянства и мелкой промышленности. Общий прирост капиталов всей промышленности России за 28 лет с 1885 по 1913 гг. составил 596% при отношении прибыли к основному капиталу в 16%[115]. Такого темпа накопления капитала не знала ни одна капиталистическая страна.

В силу больших непроизводительных расходов государства рост доходов монополистов был недостаточен для реализации курса на форсированную индустриализацию. И поэтому *важным источником финансирования промышленного развития страны стали иностранные капиталы*. Они вовлекались в Россию и в дореформенную эпоху, преимущественно в железнодорожное строительство, но именно после реформы 1860-х годов их приток сильно увеличился, хотя и не играл еще большой роли в экономике страны. Этому во многом способствовали изменения таможенной политики, дешевизна

---

[112] См.: Мигулин П.П. Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы (1893–1902 гг.) – Харьков, 1903. – С. 323–325.

[113] См.: Турецкий Ш.Я. Внутрипромышленное накопление в СССР. – М., 1948. – С. 120.

[114] См.: Шарый В. Доходность акционерных предприятий за время войны // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1917. – № 33. – С. 191.

[115] См.: Платонов О. Вступительная статья // Энциклопедия купеческих родов. 1000 лет русского предпринимательства. – М., 1995. – С. 30–31.

рабочей силы, устойчивость казенного рынка, дороговизна отечественного кредита.

До экономического подъема 1890-х годов специфика проникновения иностранного капитала заключалась в том, что в Россию переселялись целые иностранные фирмы – их капиталы, производственный аппарат, сами предприниматели. Такая иммиграция капиталов положила начало одной из форм насаждавшегося сверху капитализма, в отличие от естественно возникшего капиталистического потока.

Первыми объектами иностранного предпринимательства стали хлопчатобумажное производство, а с 1860-х годов – сахарное производство, вступившее в полосу бурного роста. В 1870-1880-е годы интересы иностранного предпринимательства в России стали смещаться в сторону отраслей тяжелой промышленности, а также городского хозяйства. Иммиграция иностранных предпринимателей продолжалась и в это время, но в качестве основателей новых предприятий в упомянутых отраслях, требовавших значительных первоначальных вложений, они оказались оттеснены на второй план крупными западными промышленными фирмами или группами. А вслед за ними стали постепенно приобщаться к российским делам и банки.[116]

Они не отказывались и от учреждения российских акционерных обществ. Но и тех, и других тогда было еще немного, так как основной поток иностранного капитала (примерно 3/4) направлялся на железнодорожное строительство и лишь 1/10 – на учреждение и развитие деятельности нежелезнодорожных акционерно-паевых предприятий.[117]

В годы экономического подъема середины 1890-х годов иностранный капитал стал вливаться с большей интенсивностью. Его среднегодовой прирост составлял тогда 126 млн. руб., когда еще в 1870 г. общая сумма иностранных капиталов в акционерных обществах страны составляла 26,5 млн. руб., в 1880 г. – 97,7 млн. руб., в 1890 г. – 214,7 млн. руб.[118] Кроме того, изменились пути и формы проникновения иностранных вложений. Если раньше в Россию импортировался промышленный капитал, то теперь стал преобладать иностранный финансовый капитал. Его субъекты учреждали акционерные компании, действовавшие по иностранным уставам, а также

[116] См.: Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. – М., 2001. – С. 38–39.
[117] См.: Там же. – С. 34.
[118] См.: Яковлев А.Ф. Указ. соч. – С. 135.

принимали участие в основании русских акционерных обществ, размещении их акций, преобразовании индивидуальных предприятий в акционерные.

В период кризиса 1901–1903 гг. и последовавшей депрессии среднегодовой прирост иностранных капиталов снизился до 25 млн. руб., но в годы промышленного подъема 1911–1913 гг. он вновь возрос и теперь уже до 200 млн. руб.[119]

С количественной точки зрения, иностранное экономическое присутствие в конце XIX – начале XX вв. представляется весьма внушительным. П.В. Оль полагал, что удельный вес иностранных капиталов в капиталах акционерных обществ составлял в 1914 г. 43,1%.[120] По более взвешенным оценкам он был на уровне 30%[121]. Присутствие иностранных капиталов в различных отраслях народного хозяйства (в процентах ко всему акционерному капиталу) представлено в таблице 7[122]. Наибольшая часть иностранного капитала помещалась в русские государственные займы и по данным Б. Шиханина составляла 83,8%.[123] По подсчетам В.И. Бовыкина на эту форму в 1913 г. приходилось 3/4 иностранного капитала, а в 1917 г. 7/8.[124] Внешние займы России на 1 января 1912 года были равны 2,7 млрд. руб., или 30% общей суммы государственного долга.[125]

Иностранные капиталы стали интенсивно внедряться в России лишь тогда, когда капиталистический способ производства уже получил достаточно высокое развитие, при этом «активно влиять на развитие народного хозяйства они начали лишь на грани эпохи империализма»[126], то есть именно тогда, когда монополизация приняла устойчивый характер, началось активное сращивание промышленного и банковского капиталов при возрастании руководящей роли последнего. В этих условиях иностранные финансисты не отказались от пря-

---

[119] См.: Лившин Я.И. Указ. соч. – С. 138–139.

[120] См.: Оль П.В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. – Л., 1925. – С. 12.

[121] См.: Воронов Л. Иностранные капиталы в России. Из истории финансового капитала в России. – М., 1901. – С. 22; Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. – М., 1948. – С. 395–403.

[122] См.: Грановский Е.Л. Монополистический капитализм в России. – Л., 1929 – С. 99, 134.

[123] См.: Лившин Я.И. Указ. соч. – С. 136.

[124] См.: Бовыкин В.И. Введение // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. – М., 1997. – С. 3, 6.

[125] См.: Яковлев А.Ф. Указ. соч. – С. 242.

[126] Лившин Я.И. Указ. соч. – С. 136.

мых капиталовложений в русские и иностранные акционерные компании, открываемые в России, однако большее значение приобрело вливание иностранного капитала в народное хозяйство через русские банковские монополии, которые становились ядром возникавших крупных концернов. Кроме того, значительная часть иностранного капитала, привлеченная в страну в ссудной форме (железнодорожные займы, гарантированные государством), давала оборотные капиталы железнодорожным компаниям[127].

В целом, несмотря на серьезное присутствие иностранных капиталов в российской банковской системе, она являлась относительно самостоятельным экономическим институтом. Иностранные банки иногда подчиняли отдельные звенья банковских монополий, но все же не определяли процесса в целом[128].

Роль иностранного капитала в развитии народного хозяйства страны была неоднозначной и противоречивой. Восполняя искусственно создаваемый царским правительством отлив внутренних накоплений из народного хозяйства страны в сферу непроизводительного их использования, он обеспечивал возможность развития капитализма в России при существовании политического господства помещиков и помещичьего землевладения[129].

Кроме того, несомненно, зарубежные инвестиции способствовали ускорению индустриализации, созданию производственных мощностей, особенно в годы экономического подъема конца XIX века. Д.И. Менделеев по этому поводу отмечал, что иностранных вложений «страшиться не следует, потому что сама промышленность себя скоро окупает». И далее: «Видеть и помнить только уходящие из России дивиденды – значит, просто жадничать и лежать как собака на сене»[130].

Однако, на наш взгляд, точка зрения Д.И. Менделеева верна лишь отчасти, так как не учитывает стратегических последствий «наркотической» зависимости от иностранных вложений. Во-первых, западный капитал ежегодно выкачивал из России весьма большие дивиденды, чем сокращал объем и темп накопления капитала в буду-

---

[127] См.: Лебедев С.К. Некоторые итоги изучения истории иностранного капитала в России: Отечественная литература 90–х годов // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX вв. – СПб.-Кишинев, 2001. – С. 383.

[128] См.: Там же. – С. 385.

[129] См.: Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. – М., 2001. – С. 37.

[130] Менделеев Д.И. К познанию России. – М., 2002. – С. 134, 136.

щем. Только из железнодорожного строительства иностранные вкладчики с 1891 по 1910 гг. извлекли около 2760 млн. руб. золотом[131]. Прирост иностранных капиталов за 13 предвоенных лет составил 985 млн. руб., а чистый доход на них был равен 1655,8 млн. руб.[132]. Во-вторых, большинство крупных иностранных предприятий благодаря использованию дешевой рабочей силы создавалось на технически устарелом оборудовании с низшим уровнем механизации и в основном в добывающей промышленности[133]. Новейшие производства возникали чаще как раз на средства отечественных предпринимателей[134]. В-третьих, постоянные заграничные займы усиливали зависимость страны от состояния денежного рынка Европы[135]. В-четвертых, значительный объем непроизводительно используемых иностранных капиталовложений снижал темпы роста в России[136]. В-пятых, интересы иностранных предпринимателей нередко шли вразрез с национальными интересами России, но при этом – куда реже с интересами тесно с ними сотрудничавших русских монополистов. Именно последние больше всего выиграли от прихода иностранного капитала в Россию и в финансовом, и в организационном аспектах. Это крыло крупной русской буржуазии было наиболее многочисленным и влиятельным. В первую очередь, здесь следует указать на группу, курировавшую «большую пятерку» петербургских банков, а, следовательно, осуществлявшую контроль над большинством объединений в промышленности.

Подавляющая часть предприятий учреждалась этими предпринимателями при долевом участии иностранных финансистов. Например, первое место в «большой пятерке» принадлежало Русско-Азиатскому банку, возникшему в 1910 г. Через два года после своего создания он участвовал в организации русско-французского финансового синдиката по выкупу у Государственного банка паевого капитала товарищества Невского судостроительного и механического завода. В 1913 г. Русско-Азиатский банк стал инициатором создания

---

[131] См.: Струмилин С.Г. Очерки советской экономики. – М.-Л., 1928. – С. 195.

[132] См.: Эвентов Л.Я. Иностранные капиталы в русской промышленности. – М.-Л., 1931. – С. 38.

[133] См.: Павлов М.А. Воспоминания металлурга. – М., 1943. – С. 72; Пискотин М.И. Россия в XX веке: неоконченная трагедия. – М., 2001. – С. 118.

[134] См.: Там же.

[135] См.: Поткина И.В. Новые тенденции в современной американской и английской историографии социально-экономического развития дореволюционной России // Монополистический капитализм в России. – М., 1989. – С. 223.

[136] См.: Там же.

консорциума отечественных и зарубежных банков для скупки паев табачных фабрик. В том же году между Русско-Азиатским банком и французским банком «Луи Дрейфус и К°» было заключено соглашение об объединении двух масложировых компаний «Саломас» и «Салолин»[137].

Очень важным является то, что «русский капитал прямо нуждался в экономическом и политическом усилении за счет иностранного для отстаивания своих интересов перед правительством в противоборстве с аграрно-националистическими устремлениями»[138]. Понимая это, царское правительство ограничивало в некоторой части права иностранных капиталистов, но тем самым способствовало их обращению к содействию русских предпринимателей. Местные капиталисты привлекались к участию в предприятиях иностранного капитала в качестве своеобразных гарантов того, что стеснения предпринимательской деятельности могут быть обойдены.[139] Вместе с тем, объективная потребность в иностранных капиталах спекулятивно использовалась русскими предпринимателями и Советом съездов представителей промышленности и торговли в их борьбе за улучшение условий торгово-промышленной деятельности в стране, которые оказывались в новом своем качестве даже более полезны для отечественного капитала, чем для иностранцев.

Таким образом, вопрос о влиянии иностранных инвестиций на народное хозяйство России до сих пор остается открытым. Наиболее убедительной представляется точка зрения, которая заключается в том, что *иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции играли важную, но не определяющую роль в экономическом развитии России*, направления которого обусловливались, прежде всего, внутренними потребностями[140]. Для иностранного капитала в России было характерно переплетение и сращивание с отечественным капиталом.

Если иностранные инвестиции в целом способствовали экономическому развитию России, то расширение ее международных связей сдерживало его. Дело в том, что и скупка, и транспортировка, и реализация отечественной продукции за границей, и кредитование

---

[137] См.: Лившин Я.И. Указ. соч. – С. 77–78.
[138] См.: Шепелев Л.Е. Указ. соч. – С. 195.
[139] См.: Там же. – С. 196.
[140] Бовыкин В.И. Заключение // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. – М., 1997. – С. 316.

внешней торговли находились в основном в руках иностранцев. Учитывая разницу в 1906-1908 гг. в экспортных (в России 1050 млн руб./год, за рубежом 1580 млн руб./год) и импортных (в России 855 млн руб./год, за рубежом 735 млн руб./год) ценах, можно констатировать, что Россия на этих операциях теряла огромные деньги[141].

Специфические условия России, вкупе с правительственными госкапиталистическими мероприятиями способствовали образованию и *всемерному развитию сильного финансового капитала*, который стал в предвоенной России решающим фактором развития и монополизации капиталистического хозяйства. «Не было почти ни одного случая, – пишет исследователь, – когда образование высших форм монополий в промышленности и на транспорте осуществлялось бы помимо банков»[142]. Поэтому в России значительно больший рост приобрело трестирование путем осуществления финансовой концентрации и установления финансового контроля, нежели путем слияния предприятий, что свидетельствовало о недостаточном развитии производительных сил. Не требуя технической перестройки промышленности, установление финансового контроля над объединяемым комплексом предприятий насильно загоняло промышленное производство в рамки колоссальных и организационно аморфных монопольных объединений высшего типа. Проведенный ранее анализ технического состояния русской промышленности позволяет согласиться с выводом о том, что «монополизация происходила на таком уровне производительных сил, который соответствовал домонополистической стадии на Западе»[143].

Определенную роль в опережающем неадекватном развитии монополий в промышленности страны сыграл и *субъективный фактор*, представленный деятельностью организаций крупной буржуазии и мероприятиями правительства. Торгово-промышленные организации, будучи главной и внешней движущей силой концентрации капиталов, группировали крупных предпринимателей, разрабатывали условия соглашения между ними, организовывали соответствующие переговоры, давили на «диких» и пропагандировали необходимость монополистических соглашений. Например, еще в конце 80-х годов XIX в. Киевский биржевой комитет принял деятельное участие в картелиро-

[141] См.: Островский А.В. Универсальный справочник по истории России. – СПб., 2000. – С. 200-201.
[142] Лившин Я.И. Указ. соч. – С. 81.
[143] Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 285.

вании сахарной промышленности[144]. В конце 1900 г. по инициативе организации предпринимателей Петербурга возник синдикат писчебумажных фабрик[145]. «Продамет» был обязан своим возникновением Постоянной совещательной конторе железозаводчиков, а также Совету съезда горнопромышленников Юга России, ярых пропагандистов объединения металлургии[146]. Аналогично были созданы: керосиновый синдикат, синдикаты «Продуголь» и «Кровля» и другие монополии.

Несмотря на высокую степень концентрации производства в русской промышленности конца XIX – начала XX в. преобладали старые фабрики и заводы с изношенным оборудованием. Организация фабрично-заводского транспорта была весьма примитивная. Процесс передачи материалов, полуфабрикатов и изделий внутри предприятий основывался на применении ручного труда. В смысле специализации производства русская промышленность также значительно отставала от других стран. Специализированным в современном смысле являлось лишь текстильное производство, но и то отчасти.

Относительно низкий уровень промышленного развития России характеризовался также сравнительно незначительным применением механических двигателей, которых из расчета на 100 человек приходилось: в Европейской России – 1,6 л.с., в Германии – 12,8 л.с., в Англии – 24 л.с.[147].

Вследствие слабой технической оснащенности царская Россия отличалась низкой производительностью труда во всех отраслях промышленности. Несмотря на то, что производительность труда с 1887 по 1913 г. возросла более чем в 2,5 раза[148], относительно других стран она значительно отставала. Годовая производительность одного фабрично-заводского рабочего в России составляла в 1908 г. 1810 рублей, а в США она уже в 1860 г. равнялась 2860 руб., достигнув в 1910 г. 6264 руб.[149].

Итак, несмотря на высокие темпы роста промышленности, сравнительная технологическая отсталость России начала XX в. сохранялась.

---

[144] См.: Двадцатипятилетие Киевской биржи 1868–1894 гг. – Киев, 1895. – С. 68.
[145] См.: С.-Петербургское общество для содействия улучшению и развитию фабрично–заводской промышленности. Информационный бюллетень. – Ноябрь 1900. – С. 36.
[146] См.: Лившин Я.И. Указ. соч. – С. 264.
[147] См.: Шигалин Г.И. Указ. соч. – С. 138.
[148] См.: Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. – М., 1957. – С. 530.
[149] См.: Шигалин Г.И. Указ. соч. – С. 138.

Этому способствовало *наличие дешевой рабочей силы*. Если производительность труда с 1887 по 1913 г. возросла более чем в 2,5 раза, то реальная заработная плата – всего на 40%[150]. В 1913 г. среднегодовая зарплата русского рабочего составляла 263,6 рублей[151] и была более чем в четыре раза ниже зарплаты американского рабочего[152]. С.Ю. Витте в докладе Николаю II в феврале 1900 г. подчеркивал, что «невысокая заработная плата является для русской предприимчивости счастливым даром, дополняющим богатства русской природы»[153]. Однако С. Витте не учитывал то, что, будучи благом в одном (в извлечении сиюминутного дохода), низкая стоимость рабочей силы русского рабочего оборачивалась серьезным препятствием на пути технического прогресса, причем, как прямо (не заинтересовывая предпринимателей к инновационной активности), так и косвенно (через сужение емкости внутреннего рынка). Дешевизна и избыток живого труда, создаваемые аграрным перенаселением, позволили капиталу, в том числе и самому крупному, заменять машины мускульной силой и тем самым реализовать промежуточный вариант производственно-технической организации, соединяющий приемы механизированного и ремесленного производства при широком использовании ручного труда в основных и вспомогательных операциях. В этом, по-видимому, состоит объяснение факта повышенной концентрации рабочих на промышленных предприятиях империи в сравнении с концентрацией в передовых капиталистических странах[154].

Наглядным примером отрицательного воздействия низкой стоимости рабочей силы на технический прогресс является ситуация в каменноугольной промышленности Донбасса, которая была одной из наиболее отсталых в мире. Дешевый труд шахтеров, вооруженных примитивными орудиями, заменял усовершенствованные механизмы. В 1913 г. зарубка и отбойка угля были механизированы лишь на 1,7%; откатка велась в вагонетках конной тягой или вручную. Механический транспортер для откатки угля, изобретенный в 1914 г., поч-

---

[150] См.: Струмилин С.Г. Указ. соч. – С. 530.
[151] См.: Там же. – С. 454.: С. 140.
[152] См.: Шигалин Г.И. Указ. соч. – С. 140.
[153] См.: Витте С.Ю. Всеподданнейший доклад министра финансов о положении нашей промышленности. Февраль 1900 г. // Сергей Юльевич Витте — государственный деятель, реформатор, экономист. К стопятидесятилетию со дня рождения. / Под ред. Н.К. Фигуровской, А.Д. Степанского. – М., 1999. – Ч. 2. – С. 295.
[154] См.: Гефтер М.Я. Многоукладность — характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России... – Свердловск, 1972; Нетесин Ю.Н. Об особенностях воспроизводства российского промышленного капитала в начале XX века // Там же. – С. 55.

ти не применялся. До 1914 г. в Донбассе не было ни одного отбойного бурового молотка. В 1913 г. число врубовых машин в США достигло 16381, в Англии – 2894, а в России – 125, из которых фактически работали только 21. И это несмотря на стремительный темп прироста мощности механических двигателей на одну шахту – с 7,6 л.с. в 1887 г. до 157 л.с. в 1911 г.[155].

Важнейшей причиной неадекватной потребностям страны машинизации производства явилось *наличие экстенсивных резервов снижения издержек производства*. В частности, это выразилось в замене более производительного, но зато лучше оплачиваемого мужского труда менее производительным, но и хуже оплачиваемым женским трудом[156].В 1901 г. женщины составляли 26,8% всего числа рабочих, а в 1909 г. – уже 30,9%[157]. К широкому найму женщин фабрикантов подталкивали, кроме экономических и «политические» обстоятельства. Они были связаны с меньшей сопротивляемостью женщин предпринимателю в отстаивании своих экономических интересов.

Другой причиной относительно медленной промышленной революции стал *протекционизм*, который, с одной стороны, был мощным орудием индустриализации, а, с другой, – без активной инновационной, научно-технической деятельности правительства превращался в способ консервации существовавшего уровня механизации.

Значительная часть вины за техническую отсталость России падает на капиталистические монополии. Их общая линия в этом вопросе была ясно высказана в статьях управляющего делами Совета съезда представителей промышленности и торговли А.А. Вольского. «Кто не хочет от технического прогресса пойти по миру, – писал он в 1909 г., – тот должен хорошенько подсчитать выгодно ли ему сделать затрату на технический прогресс, или же умнее остаться в рядах отсталых»[158].

Монополии искусственно задерживали технический прогресс в различных отраслях. Например, нефтяная промышленность, несмотря на ее мировое значение, отличалась крайней технической отсталостью. Разработка богатейших месторождений нефти осуществлялась

---

[155] См.: Лившин Я.И. Монополии в экономике России (Экономические организации и политика монополистического капитала). – М., 1961. – С. 310–311.
[156] См.: Туган-Барановский М.И. Указ. соч. – С. 506.
[157] См.: Там же. – С. 504.
[158] Вольский А.А. Технический прогресс // Промышленность и торговля. – 1909. – № 8. – С. 481.

без их достаточного геологического изучения. «Нам не нужна теперь геология, – нам нужны только цены» – цинично заявлял один из «деятелей» Бакинской нефтяной промышленности»[159].

Подавляющая часть нефти добывалась архаическим методом тартания. В 1909 г. только 20 фирм (19,7%) вели добычу с применением электричества. В переработку шло только около 60% добытой нефти. Чтобы избежать акцизного обложения, нефтепромышленники разбавляли мазут сырой нефтью, чем портили продукт. В одном только 1910 году в нефтяные остатки было влито более 70 млн. пудов нефти[160].

Вина за техническую отсталость нефтяной промышленности лежит на нефтяных монополиях России, сознательно тормозивших прогресс в этой отрасли, а именно внедрение ударно-штангового бурения, глубоконасосной и компрессорной добычи, применение новой системы буровых труб Н. Соколовского, использование двигателей внутреннего сгорания и электромоторов. Нефтепромышленник Кянджунцев на XXIX съезде Бакинских нефтепромышленников заявил: «Если бы был выгоден переход на электрическую энергию, мы наблюдали бы такой переход. Этого, однако, нет, потому что невыгодно»[161]. В результате прибыли предпринимателей продолжали нарастать, в первую очередь, за счет эксплуатации живого физического труда и обирания потребителя.

Таким образом, исследование показывает, что одной из особенностей экономического строя России является *несоответствие крайне низкого уровня технического развития промышленности с достигнутой степенью ее концентрации, что позволяет говорить лишь о начале промышленной революции*. Учитывая же тот факт, что сам индустриальный сектор не превышал пределы 20–25%[162], то следует считать, что индустриализация также не вышла из своей начальной стадии. А это значит, что и *материально-экономические предпосылки для утверждения в нашей стране буржуазного общества в начале XX века были весьма далеки от своего завершения.*

---

[159] Цит. по: Гинзбург М.И. Нефть и Бакинская нефтяная промышленность. – Киев, 1915. – С. 19.

[160] См.: Радищев С. О некоторых вопросах Бакинской нефтепромышленности. – Баку, 1912. – С. 22.

[161] См.: Труды 29 съезда Бакинских нефтепромышленников. – Баку. , 1911. – С. 229.

[162] См.: Островский А.В. О времени завершения индустриализации и промышленного переворота в России // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX вв. Материалы конференции памяти В.С. Дякина. – СПб.-Кишенев, 2001. – С. 105.

Важнейшим показателем становления буржуазных отношений и утверждения капитализма как системы является факт преобладания прибыли промышленных предприятий над прибылью торговых предприятий, ибо «только после того, как внедрился капиталистический способ производства и производитель сам сделался купцом, торговая прибыль сводится к такой части всей прибавочной стоимости, которая приходится на долю торгового капитала как соответственной части совокупного капитала, занятого в общественном процессе воспроизводства»[163].

В 1885 г. среди гильдейских предприятий торговые заведения преобладали по численности (90,2%), годовому обороту (90,3%) и суммарной годовой прибыли (83%)[164]. В 1898 г. среди гильдейских и негильдейских предприятий торговые опять преобладали (соответственно – 89,1%, 90,0%, 75,6%)[165]. В 1912 г. соотношения неотчетных предприятий плативших дополнительный налог было таково[166]:

	Число	Годовой оборот, тыс. руб.	Годовая прибыль, тыс. руб.	Средний процент прибыльности
Торговые	559401	9500572,9	611600,5	6,4
Промышленные	38338	2522702,6	212493,3	8,4

И в этом случае мы видим, преобладание торговых заведений (примерно 62% годовой прибыли). Возьмем другие данные. В 1905 г. годовая прибыль акционерных и других предприятий, подлежащих публичной отчетности составила 216545,7 тыс. руб. или 33,5%, отдельных лиц — 370475,4 тыс. руб. или 57,3%, товариществ и торговых домов — 5936,5 тыс. руб. или 9,2%[167].

Даже если предположить, что все предприятия, подлежащие публичной отчетности занимались промышленным производством

---

[163] Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1961. – Т. 25. – Ч. I. – С. 315.

[164] См.: Статистические результаты раскладочного сбора за 1885 г. по исчислению, классификации и определению оборотов и прибылей торговых и промышленных предприятий, подлежащих сему сбору. – СПб., 1888. – С. XIII–XV.

[165] См.: Статистические результаты процентного и раскладочного сборов за 1896, 1897, 1898 гг. по исчислению, классификации и определению оборотов и прибылей торговых и промышленных предприятий, подлежащих сим сборам. – СПб., 1900. – С. VI.

[166] См.: Статистика налогов и пошлин. Государственный промысловый налог. Основной налог с отчетных и неотчетных предприятий и дополнительный налог с неотчетных предприятий за 1912 г. – Пг., 1915. – С. XVIII, XX.

[167] См.: Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам России. – СПб., 1906. – С. 58–81.

(что было кончено же не так) и сложить их годовую прибыль с годовой прибылью промышленных неотчетных предприятий, то суммарный итог будет не в пользу промышленных предприятий.

Итак, анализ свидетельствует, что среди всех торгово-промышленных заведений, не подлежащих публичной отчетности как в конце XIX в., так и в начале XX в. преобладали торговые предприятия и, следовательно, торговый капитал занимал господствующие позиции. Однако, за это время проявилась и другая тенденция: снижения роли торговых предприятий в экономической жизни страны. Особенно ярко она показала себя в отдельных регионах. Например, в Центрально-промышленном районе доля оборотных капиталов гильдейских промышленных предприятий за 1889–1898 гг. возросла с 56,1% до 58,5%, в Северо-Западных губерниях – с 10,9% до 18,4%, в столичных – с 5,3% до 8,7%[168].

Анализ железнодорожных перевозок за пореформенное 50-летие показывает, что их структура четко указывает на более быстрое развитие в России в конце XIX – начале XX в. торгового капитализма, чем производственного[169]. Мы имеем в виду преобладание в номенклатуре перевозимых товаров сельскохозяйственной продукции и сырья.

Таким образом, соотношение торгового и промышленного капиталов, а также динамика его изменения свидетельствует о том, что промышленность России все еще находилась в процессе межформационного перехода к капиталистическому способу производства.

Изучение текстильной промышленности России, в свое время дало основание придти к выводу о том, что она и выросшая на ее базе московская крупная буржуазия в период монополистического капитализма сохранили в основном, домонополистический характер[170]. Этот вывод вытекал из трех позиций. Во-первых, исключительно высокий уровень концентрации рабочих в русской текстильной промышленности сложился еще в период домонополистического капитализма и был одним из показателей недостаточно интенсивного промышленного развития страны. Во-вторых, масса прибыли текстиль-

[168] См.: Галахов В.В. Торгово-промышленное предпринимательство во второй половине XIX в. (По материалам промысловой статистики Центрально-промышленного района) // Царизм и развитие капитализма в пореформенной России. Сборник статей. – М., 1984. – С. 105.
[169] См.: Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. – Л., 1925. – Т. 1. – С. 168.
[170] См.: Гиндин И.Ф. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры российского капитализма в начале XX вв. // История СССР. – 1966. – № 3. – С. 65.

ной промышленности еще не состояла из типичной для периода империализма монопольной прибыли, а являлась так называемой «русской сверхприбылью». В-третьих, московские банки начала XX в. оставались типичными банками домонополистического периода[171]. Примерно такая же ситуация сложилась при формировании почти всех российских промышленных капиталов, относящихся к группе Б промышленного производства. Кругооборот капиталов проходил здесь целиком или отчасти через массовый рынок, сохраняющий в значительной степени докапиталистическую структуру, монополизированный в самых грубых формах местным торгово-ростовщическим капиталом.

Эта группа российских промышленных капиталов развилась в сложную систему уровней организации предпринимательства, начиная от работы на дому и кончая крупнофабричным производством коренной российской буржуазии московского типа. Ее отличительной чертой стала неразрывная связь промышленного капитала с торговым, прямой эксплуатации наемных работников с присвоением труда «самостоятельного» производителя через торгово-ростовщические операции. Эта коренная русская буржуазия, выросшая на базе усиленного роста капитализма «снизу» имела два направления: в московской группе первенствовала промышленная преимущественно текстильная буржуазия, в периферийных районах главенствовала торговая. Но в любом случае смешанный тип воспроизводства имел в своем основании так называемую «русскую сверхприбыль», то есть необычно высокую для развитых капиталистических стран доходность «старых» отраслей российской промышленности и торговли. Основу этой монополии следует искать не только в силе концентрированного капитала, но и в таких факторах, как традиционно высокий уровень доходности посреднических операций и накопленная веками торгово-промышленная информация о местных хозяйственных условиях, приемах «дикой» торговли миллионов мелких торговцев[172].

Так возник смешанный тип общественного воспроизводства. Он появился в результате регрессии капитала и представлял собой непосредственное слияние чисто капиталистического накопления, осно-

[171] См.: Тарновский К.Н. Указ. соч. – С. 50.

[172] См.: Гиндин И.Ф. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры российского капитализма в начале XX вв. // История СССР. – 1966. – № 3. – С. 56–66; Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. – 1963. – № 3. – С. 73, 48; Ленин В.И. Развитие капитализма в России... // Ленин В.И. ПСС. – М., 1971. – Т. 3. – С. 362–363, 381.

ванного на присвоении и капитализации прибавочной стоимости, произведенной наемными рабочими, и квазикапиталистического первоначального накопления идущего за счет эксплуатации и экспроприации мелких непосредственных производителей.

Формирование крупной российской буржуазии в тяжелой промышленности и на транспорте шло иными путями. Этот слой отличался от коренной русской буржуазии по источникам образования капиталов (железнодорожное строительство 60–70-х годов XIX в., развитие тяжелой промышленности Юга России велись почти целиком за счет иностранных капиталов и при участии правительства), и по происхождению (он пополнялся в основном за счет выходцев из малосостоятельных слоев буржуазии, военных и путейских инженеров, крупных чиновников, а также за счет иностранных капиталистов, которые осели в России). Основу его экономической мощи и господства в общественном хозяйстве империи в значительной степени определяли широкие связи с иностранными финансово-промышленными группами, использование выгод и преимуществ международного разделения труда, а также результатов научно-технического прогресса в ведущих капиталистических странах[173].

Эта группа буржуазии была носительницей относительно чистого капиталистического типа общественного воспроизводства. Здесь капиталы, созданные в отраслях тяжелой промышленности, процесс обращения проходили на рынке, организованном в основном по-капиталистически. Однако «чистота» воспроизводства второй группы российских промышленных капиталов имела относительный характер: даже самые развитые формы промышленно-финансового капитала империи вынуждены были на массовом рынке приспосабливаться к системе оптовой полуфеодальной торговли, основанной на грабеже самостоятельных производителей. Районирование продаж и их регулирование российскими промышленными монополиями осуществлялись через местные оптовые фирмы, причем была разработана целая система укрепления их монопольного положения. Когда в 1910 г. у руководящей группы «Продамет» возникла идея расширить продажу сортового железа, перейдя от системы поддержки крупных оптовиков к развязыванию конкуренции среди торговцев по использованию своих вояжеров, управляющие делами синдиката заявили в докладе: купцы имеют налаженный аппарат торговли, при этом «продают не одно сортовое железо, но и проволоку, гвозди, жесть, скобяной товар

[173] См.: Нетесин Ю.Н. Указ. соч. – С. 51.

и проч. и проч. При этих условиях их расходы... попудно обойдутся гораздо дешевле, чем обошлись бы Обществу при своих вояжерах. Кроме того, с такого рода агентами, с которыми работают купцы..., «Продамет» как крупное учреждение работать не может»[174].

Итак, общая хозяйственная обстановка, сложившаяся вокруг российской промышленности во второй половине XIX – начале XX в., способствовала *возникновению в крупном производстве двух типов общественного воспроизводства: смешанного и относительно чистого*[175].

При этом весь крупный капитал этих двух типов, от торгово-купеческого до «передового» промышленного и финансового был «октябристским», независимо от сферы его деятельности[176]. Его *квазикапиталистическая* сущность состояла в изъятии массы прибавочного продукта у непосредственных мелких производителей через докапиталистические рыночные механизмы и ее аккумуляции в капиталистическом секторе. Немаловажную роль в этом процессе сыграло российское государство, которое, с одной стороны, через государственное предпринимательство и регулирование способствовало проникновению крупного капитала в экономику страны, а, с другой, закрепило бесправное положение нижних сословий государства перед лицом возникавшего капитализма.

Одним из последствий протекания данных процессов стало появление квазикапиталистических неотрадиционных укладов. Среди них особое место занял так называемый «Оригинальный строй» промышленности Урала. Он, по мнению В.И. Ленина, был основан на крепостном праве, земельной собственности, низкой рутинной технике, хищническом использовании природных богатств, замкнутом цикле производства[177]. И, действительно, каждый «горный округ» представлял из себя универсальный комбинат – сложное многоотраслевое хозяйство, назначением которого являлось обеспечение работы завода, выплавка металла, переработка его в готовый продукт и поставка этого продукта в казну или на продажу[178]. Именно через функ-

---

[174] Там же. – С. 51–52.

[175] См.: Нетесин Ю.Н. Указ. соч. – С. 50–51.

[176] Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. – 1963. – № 3. – С. 48–49.

[177] См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России... // Ленин В.И. ПСС. – М., 1971. – Т. 3. – С. 485–488.

[178] См.: Белов В.Д. Кризис уральских горных заводов. – СПб., 1910. – С. 16; Кашинцев Д. История металлургии Урала. – М., 1936. – С. 68.

цию сбыта «оригинальный строй» становился участником капиталистического хозяйства, но участником квазикапиталистическим, так как эксплуатация работников строилась в основном не на капиталистических, а на кабальных началах[179]. Реформой не было поколеблено горнозаводское землевладение. Из 12,4 млн. дес. земли, которой пользовались уральские заводы до 1861 года, к концу XIX в. у них осталось более 11 млн. дес. стоимостью в 187 млн. руб.[180].

После отмены крепостного права горнозаводская промышленность оставалась под надзором и опекой со стороны правительства. Оно всячески сдерживало изменения горного законодательства, оказывало Уралу щедрую экономическую поддержку в виде прямых субсидий, продовольствия, привилегированных заказов, ссуд, права залога горнозаводских земель[181]. Пользуясь такой поддержкой, уральские заводчики не были заинтересованы до определенного момента в притоке новых капиталов и в мобилизации средств путем акционерного учредительства. Лишь перед Первой мировой войной в обстановке глубокого кризиса уральские помещики-промышленники вынуждены были искать союза с монополистическим капиталом. Сделка с ним приобрела форму превращения большинства крупных горнозаводских округов из индивидуальных и семейных владений во владения акционерных компаний без изменения самого «оригинального строя».

«Оригинальный строй» Урала был тесно переплетен с мелкотоварным укладом, «агенты» которого обслуживали горнозаводские округа. Сюда входили мелкие вспомогательные заведения, рабочие-надомники, рабочие – поставщики топлива, старатели и т.п. Причем, эти категории работников по-разному сопрягались с централизованным заводским производством: прямо через заводские конторы или через посредство торгового капитала (так называемые «подрядные» и «поторжные» работы).

На примере пореформенного развития Нижнетагильского горнозаводского округа можно представить основные тенденции развития окружного хозяйства. Сократились количество и удельный вес мелких вспомогательных заведений, принадлежавших заводам. Необхо-

[179] См.: Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России... – Свердловск, 1972. – С. 243–244.
[180] См.: Там же. – С. 245.
[181] См.: Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. – М., 1960. – С. 176–191.

димые припасы (песок, глина, кирпич, тара и т.п.) закупались теперь в мелкой промышленности за пределами округа. К началу XX в. исчезает группа рабочих-надомников. Бывшие крепостные «окладники» превращаются в работающих по договору «поставщиков». Увеличивается число занятых на «поторжных» и подрядных работах (примерно 33% рабочих округа в 1900 г.). Привлечение работников здесь производилось через вольный наем. Однако сезонность работ, господство тяжелого ручного труда, систематическое применение к рабочим этих категорий методов внеэкономического принуждения заставляют отнести эти работы не к капиталистическому, а к переходному укладу экономики[182].

Выводы

Формирование в России капиталистического уклада в конце XVIII –первой половине XIX в. проходило в сложных и динамичных условиях начала индустриализации и промышленной революции, регрессии капитала и давления капиталистической мир-системы, что обусловило его формационную слабость и второстепенность, пристегнутость к добуржуазным и неотрадиционным укладным формам. Данная особенность вытекала не столько из обстоятельств, складывавшихся в промышленности, сколько из объективного хода экономического развития и структуры экономического строя.

В пореформенное время становление капиталистического хозяйства закономерно охватило и развитие индустриальных производительных сил, и формирование адекватных им экономических отношений. Однако, содержание и формы этих процессов во-многом составляют особенность российской модернизации.

Не смотря на высокие темпы технического оснащения, в стране еще не удалось сформировать поистине современную технологическую базу промышленности. Причиной этого стало уникальное сочетание демографических, экономических, политических и социокультурных факторов, препятствовавших в своей совокупности техническому прогрессу.

Важная черта развития промышленности России во второй половине XIX – начале XX в. заключалась в том, что оно приобрело расколотый характер. С одной стороны, естественным образом и во многом стихийно формировался и развивался «почвенный» поток

[182] См.: Гуськова Т.К. Эволюция горнозаводского хозяйства Урала во второй половине XIX – начале XX вв. (По материалам Нижнетагильского округа) // Вопросы истории капиталистической России... – Свердловск, 1972. – С. 257, 267.

российской капиталистической модернизации, представленный квазикапиталистическим конгломератом широкой кустарной промышленности, артельного и кооперативного производства, среднего и крупного капитала отраслей группы Б.

С другой стороны, все крупные формы тяжелой индустрии рождались и произрастали в тесной связи или в рамках насаждаемого сверху государственно-капиталистического модернизационного потока. Он аккумулировал и перераспределял огромные финансовые и трудовые ресурсы, которые выкачивались из структур почвенного потока и общинно-крестьянского уклада. В этом русле развивалась и монополистическая тенденция. Монополистические объединения совместно с торгово-ростовщическим капиталом, закабаляя мелких производителей (докапиталистического и раннекапиталистического типов), консервировали их производство и тем самым обусловили утверждение квазикапиталистического характера экономического строя России. Такая регрессия капитала была характерна для многих стран, как необходимое условие формирования капитализма. Но только в России в рассматриваемом периоде она сочеталась с возникновением капиталистических монополий и протекала на территории исторического центра страны.

§ 2. Влияние политики государственного капитализма на характер развития экономики страны

Россия, вступив в XIX в., унаследовала созданную еще Петром I и несколько модернизированную его последователями весьма специфическую систему государственного управления экономикой. В стране сложилось производство, ориентированное, в первую очередь, на выполнение правительственных заказов.

В начале правления Александра I произошло усиление государственного влияния на горные заводы. Нерчинские предприятия были переданы в 1800 г. в управление Кабинета, Богословские медеплавильные заводы – переведены в 1806 г. на казенное содержание. На Ижорских заводах было изменено управление[1]. Однако эти меры не привели к увеличению объемов производства и поэтому в 1807 г. был принят именной указ «Об умножении оружейных заводов и о дозволении частным заводчикам делать оружие и ставить оное в казну»[2]. Документ определил условия поставок для частных заводчиков: наличие разрешения на поставки, заключение контракта на период до 10 лет, изготовление оружия из лучшего железа по цене ниже цены оружия Тульского завода, приемка изготовленного заводчиками оружия казенными заводами. Военное ведомство, пытаясь сократить расходы, разрешило казенным пороховым заводам с 1822 г. часть пороха производить для вольной продажи[3].

После учреждения в 1824 г. Специального Комитета при департаменте горных и соляных дел Министерства финансов началось переустройство управления казенными горными заводами. Смысл решений состоял в том, что «образование казенных Горных заводов, основанное на точных штатах и положениях, гораздо удобнее того, которое имеет началом систему прибылей»[4]. Сама же получаемая прибыль делилась между казной и чиновниками управления завода в ущерб техническому совершенствованию производства. Если завод терпел убытки, то они возмещались казной. Начальник со своими чиновниками назначал цену по своему расчету и просил от ведомства

[1] См.: Бесов А.Г. Военная политика России в XIX веке. Монография. – М., 2001. – С. 183.
[2] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 1-е. – Т. XXIX. – № 22464.
[3] См.: РГВИА, ф. 503, оп. 4, д. 268, л. 1, 17, 18.
[4] ПСЗ РИ. – Собр. 2-е. – Т. II. – № 1022.

определенную сумму из казны на содержание завода, которая лишь в редких случаях урезалась при составлении сметы[5].

Так как основные потребности армии и флота в вооружении удовлетворялись в целом в полном объеме, то и вопрос об увеличении производства правительством не ставился. Заводы работали по «точным штатам и положениям», а экспорт российского металла неуклонно сокращался. Если в начале века треть уральского металла шла на экспорт, то в 1858 г. – только 7%[6].

В 30–40-х годах XIX в. властные структуры занимались благоустройством заводов, принимали решения по довольствию рабочих, обучению их детей, по устройству неспособных оружейников, предпринимались попытки ликвидации института приписных крестьян.

Исследование показало, что организация производства и управления на основе установленных правил стала своеобразной самоцелью деятельности государственных органов власти. Сами же правила долгое время носили весьма субъективный, неустойчивый, случайный, выборочный и ведомственный характер. Только в 1850 г. вышли высочайше утвержденные «Правила заказов оружейным заводам металлических вещей», которые были распространены и на другие предприятия. Механизм таких заказов состоял в том, что департаменты Военного министерства представляли свои планы на утверждение Военному совету. После этого департамент направлял ближайшему оружейному заводу отношение, содержавшее описание и объем заказа. Завод обязан был дать ответ в течение двух недель. К нему не могли предъявляться претензии, если он не брался по тем или иным причинам за исполнение заказа, так как существовавшие законы не давали власти права заставить кого-либо выполнить заказ на неприемлемых для заводского коллектива условиях[7]. Столь неэффективная система была изменена лишь в 1909 г.[8]. В итоге, не только отсутствие конкуренции с западно-европейскими товарами, дешевизна рабочего труда, слабая техническая база[9] и невысокий спрос, но и бюрократическое управление казенными заводами и неэффективное «воспособ-

[5] См.: Бесов А.Г. Военная политика России в XIX веке. Монография. – М., 2001. – С. 195.
[6] См.: Военно-статистический сборник. – Вып. IV. – Отд. l. – С. 593.
[7] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 2-е. – Т. XXV. – № 24129.
[8] См.: Шацилло К. Казенная промышленность царской России // Свободная мысль. – 1992. – № 2 – С. 43.
[9] См.: Там же. – С. 36–47.

ление» частным предприятиям стали причиной застоя в металлургической отрасли.

Несколько иной характер по своим последствиям имели действия государственных структур в области снабжения армии и флота сукнами и амуницией, в организации функционирования соответствующих отраслей производства.

Столкнувшись в начале XIX в. с трудностями в обеспечении армии и флота сукнами, власть перешла к политике сочетания государственного заказа со свободной продажей суконной продукции. В октябре 1809 г. был высочайше утвержден доклад Министра внутренних дел о «разрешении фабрикантам свободной продажи сукон с некоторыми ограничениями, в отношении снабжения оным войск»[10]. От общего необходимого войскам ежегодного количества в 2500000 аршин сукна с обязанных фабрик назначено было к поставке около 1 млн. аршин. Вольные фабриканты и арендаторы могли поставить 1347000 аршин. Остальное количество министерство надеялось приобрести у московских арендаторов крестьянских станов. Обязательства поставщиков оформлялись в контракте, цена же устанавливалась одна для всех фабрик на основании сведений от казенной Павловской фабрики с прибавкой в пользу владельцев до 10% от суммы, в которую обходилось производство сукна[11].

После 1816 г. мнением Госсовета все фабрики были уравнены в правах по поставкам продукции за счет устранения любых обязанностей по поставкам, а в 1818 г. другое мнение Госсовета, подтвердив предшествующее решение, кроме того, предписало цены на изделия фабрик теперь устанавливать в ходе торгов.

В 1816 г. были понижены тарифные пошлины на сырье, не вырабатывавшееся в России, а с 1819 г. – на иностранные промышленные товары. В результате отечественные предприниматели не выдерживали конкуренции. Их многочисленные жалобы и просьбы, вкупе с расчетами МВД и Минфина, способствовали принятию нового таможенного тарифа 1822 г. Его последствия были двоякими. Тариф защищал отечественных производителей, давал сильный толчок появлению новых промышленных предприятий, но при этом «содействовал лишь искусственному сосредоточению огромных капиталов в руках немногих счастливых предпринимателей. Масса потребителей должна была за все мануфактурные товары платить несообразно до-

[10] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 1-е. – Т. XXX. – № 23923.
[11] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 1-е. – Т. XXXI. – № 24403.

рого. Качество товаров не улучшалось, ибо фабриканты, огражденные от всякой конкуренции, даже и при дурном товаре, находили верный и выгодный сбыт»[12]. Таким образом, государством искусственно создавались финансовые основы образования в будущем крупных монополистических союзов.

Эта тенденция была несколько откорректирована в сенатском Указе от 16 октября 1824 г., который предоставил особые полномочия Московскому комитету для снабжения войск сукнами по установлению цен на торгах, с последующим утверждением их у министра финансов. Кроме того, этот комитет мог не допускать к торгам не выполнивших поставки и налагать на них 10% штрафы. Ему вменялось в обязанность «не допускать впредь к торгам на суконную поставку новых фабрикантов, доколе старые объявлять будут достаточные количества»[13].

В 40-х годах XIX в. в отрасли наблюдалось возрастание объемов производства в соответствии с требованиями Военного и Морского министерств. Очевидно, этому способствовала и протекционистская позиция финансового ведомства, которая состояла в стабилизации цен на сукно, несмотря на понижение стоимости пуда шерсти в среднем по губерниям с 4 руб. 1/2 коп. в 1845 г. до 3 руб. 60 коп. в 1846 г.[14]. Политика финансового протекционизма в отношении многих предприятий легкой промышленности объективно усиливала концентрацию капитала и носила промонополистический характер.

С 1847 г. на основании высочайше утвержденных «Правил о поставке сукон и каразеи для армии и флота» начался «постепенный и нестеснительный переход прежних поставщиков к общей конкуренции»[15], план которого не был нарушен даже в условиях Крымской войны.

Таким образом, проведенный анализ дает основние утверждать, что *главными особенностями дореформенной промышленности стали*, во-первых, жесткая зависимость от военных потребностей государства, во-вторых, сочетание и противоречивое единство экономических и внеэкономических методов регулирования и, в-третьих, бюрократический формализм и ошибочные (в некоторых случаях)

---

[12]Военно-статистический сборник / Под общей ред. Н.Н. Обручева. – СПб., 1871. – Вып. IV. – Отд. I. – С. 31; Ковалевский М.М. Указ. соч. – С. 91.
[13] ПСЗ РИ. – Собр. 1-е. – Т. XXXIX. – № 30085.
[14] См.: Бесов А.Г. Указ. соч. – С. 206.
[15] ПСЗ РИ. – Собр. 2-е. – Т. XXII. – Отд. I. – № 21033.

управленческие решения[16]. И, наконец, в-четвертых, многие мероприятия правительства по регулированию экономики страны носили уже предгосударственно-капиталистический характер и способствовали развертыванию процессов первоначального накопления.

В пореформенное время сложившаяся «военно-феодальная» система государственного управления промышленностью под влиянием капиталистической модернизации трансформировалась в систему государственного капитализма.

Российский госкапитализм включал в себя, аналогично другим национальным формам госкапитализма, три ключевых элемента. Во-первых, – это государственно-капиталистическая собственность (ГКС), во-вторых, – государственное регулирование экономических процессов и, в-третьих, государственное предпринимательство как, в первую очередь, средство развития капитализма, а уже затем – использования ГКС «с целью получения прибыли»[17].

В отличие от государственного управления народным хозяйством первой половины XIX в., пореформенный госкапитализм в своей начальной стадии в первую очередь был направлен не на укрепление обороноспособности России или обеспечение других общегосударственных задач (фискальных, создания резервов, сословного патернализма, освоения новых территорий и т.д.), а на продолжение процесса первоначального накопления и проведение на этой основе капиталистической модернизации страны, преодоление ее технико-экономической отсталости от стран Запада, приобщение к достижениям буржуазной цивилизации.

Госбюджет становился в определенной мере «бюджетом развития» в отличие от существовавшего ранее бюджета содержания военных структур, погашения долгов, содержания чиновничьего аппарата управления. Министерства при этом вели борьбу за свои ведомственные интересы при формировании сметных расходов бюджета. Например, сметы военных структур считались «непроизводительными», а потому были урезаемы. Через 10 лет после окончания Крымской войны министр финансов М.Х. Рейтерн добился сокращения расходов Военного и Морского министерств, соответственно, до 100 и

[16] См.: Бесов А.Г. Военная политика России в XIX веке. Монография. – М., 2001. – С. 182–244.

[17] Лапина С.Н., Лелюхина Н.Д. Государственное предпринимательство в России и его участие в регулировании экономики. (Опыт начала XX века) // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. – М., 2001. – С. 13.

15 млн. рублей в год[18]. Под большим давлением военного ведомства Министерство финансов выделяло сверхсметные суммы: в 1872 г. – 1,6 млн. руб. для заготовления оружия, в 1873 г. – 1,4 млн. руб. для увеличения фуражного довольствия, 1,378 млн. руб. – квартирного, 379 тыс. руб. денежного.[19] Задачи обеспечения военной безопасности государства заставляли правительство все же идти на увеличение военных расходов. Причем, их рост был напрямую связан с ростом численности вооруженных сил и с общим повышением цен. В целом военные издержки составляли бесспорно значительную часть государственных расходов, однако они не являлись первопричиной непрерывного роста дефицита бюджета[20].

Анализ показывает, что уже на первом этапе, до середины 90-х годов XIX в., в российском госкапитализме выявились два противоположных, но по сути своей внутренне связанных воедино направления: во время подъемов и общего экономического роста – форсирование развития предприятий, транспортных и промышленных, в особо покровительствуемых отраслях; а во время кризисов, депрессий и застоев, крупных хозяйственных затруднений – спасение банков и значительного круга крупных предприятий не только тяжелой промышленности, но и легкой, и пищевой, если владельцами предприятий были влиятельные группы капиталистов[21].

Для реализации этой политики правительство проводило целый ряд мероприятий. Оно широко использовало Госбанк для поддержки крупных предприятий и частных банков путем их финансирования, принципиально отличного от банковского краткосрочного кредита, в виде долгосрочных неуставных ссуд. В том же направлении шли средства бюджета (ссуды и субсидии, государственные заказы и подряды). Так, новым предприятиям в тяжелой промышленности с конца 60-х до 80-х годов предоставлялись многолетние заказы. Они выдавались по завышенным ценам, или же отдельно выплачивались премии за производство новой продукции. Тем самым заводам обеспечивался устойчивый сбыт и покрытие повышенных издержек производства в период освоения новой продукции и сверх того, еще «достаточная» прибыль. В кризисных ситуациях использовался тот же подход.

---

[18] См.: ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 620, л. 23, 23 об.
[19] См.: РГВИА, ф. 485, оп. 1, д. 839, л. 2, 2 об.
[20] См.: Бесов А.Г. Указ. соч. – С. 232.
[21] См.: Гиндин И.Ф. Государственный капитализм в России домонополистического периода // Вопросы истории. – 1964. – № 9. – С. 88.

В результате образовались крупные многолетние «казенные запасы» паровозов и рельсов. Ради сохранения фактически обанкротившихся предприятий правительство становилось их прямым участником. В правления вводились правительственные чиновники. Если эта мера оказывалась недостаточной, предприятие очень редко покупалось государством, чаще «бралось в управление» правительством, то есть, оставаясь юридически частной собственностью, управлялось назначенными чиновниками[22].

Весьма значительным было участие правительства в организации первых банков и помощь им в годы создания капиталистической кредитной системы (1863–1873). Накануне кризиса 1873 г. при первых заминках в росте банков законом было запрещено учреждение новых акционерных коммерческих банков. Такая политика объективно привела к фактической монополии банков, учрежденных в первые 10–12 лет после реформы 1861 года[23].

Необычным для того времени видом государственного вмешательства стало прямое воздействие на фондовую биржу, непосредственные операции на ней, проводимые Госбанком или частными банками по негласным поручениям министерства финансов.

Большой вклад в развитие промышленности внесли привлечение иностранного капитала в форме госзаймов или гарантированных государством займов для частных компаний и строительство государственных промышленных предприятий, коммуникаций, объектов аграрной инфраструктуры и организация их работы.

Таким образом, «подъем экономики и ее модернизация в стране с середины XIX в. и до 1917 г. совершались под воздействием прямого государственного вмешательства в воспроизводственный процесс»[24].

Государственное вмешательство в экономику развивающегося крупнокапиталистического хозяйства породило по ряду позиций такие взаимоотношения между государством и частными предприятиями и банками, которые сложились в западных странах только после мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Сюда относится спасение крупных предприятий и банков во время кризисов 1873 года и 1899–1903гг., продолжение железнодорожного строительства, де-

[22] См.: Там же. – С. 86–88.
[23] См.: Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. – М., 1948. – С. 185, 216–218.
[24] Лапина С.Н., Лелюхина Н.Д. Указ. соч. – С. 30.

тальная и усиливающаяся регламентация деятельности акционерных банков законами 1872, 1882 и 1902 гг.[25].

Другим важным направлением государственно-капиталистической политики стало государственное предпринимательство. Его основу составляла ГКС, к которой мы будем относить все казенные предприятия, несмотря на то, что некоторые из них находились в обрамлении различных некапиталистических форм, – таких, как использование в военном производстве «казенных работников», то есть солдат (до 1/3)[26], наличие у рабочих Урала земельных угодий, понижающих цену рабочей силы, переплетение кустарного производства с крупной промышленностью[27]. Данные явления выражали внутриукладную регрессию капитала, заключавшуюся в создании и эксплуатации квазикапиталистических форм, но не меняли ни сущности госкапитализма, как системы извлечения прибавочной стоимости, ни его функциональной сущности, как средства эксплуатации других укладов.

Исследователи на сегодняшний день располагают лишь примерными сведениями о месте и роли государственно-капиталистического сектора в экономике страны. Особенно разнятся оценки размеров основных капиталов казенной военной промышленности в 1914 году: от 140 млн. руб.[28] до 400 млн. руб.[29].

От государственных монополий, казенных предприятий и имущества в 1885 г. поступило 80,5 млн. руб. (10% доходов госбюджета), в 1900 г. – 650,4 (32%), в 1905 г. – 1239,1 (60%), 1913 г. – 1966,2 млн. рублей (60%)[30]. Данные Министерства финансов указывают, что правительственные регалии (1024,9 млн руб.) и доходы от казенных имуществ и капиталов (1043,7 млн руб.) в 1913 г. составляли 2068,6 млн руб.[31]. Однако, в соответствии с применявшейся тогда методикой

---

[25] См.: Гиндин И.Ф. Проблемы «модернизации» и индустриализации и их видоизменение с XVIII по XX век // Материалы к V Международному конгрессу экономической истории. – М., 1970. – С. 16.

[26] См.: Поликарпов В.В. О количественных методах и источниках изучения российской военной промышленности начала XX вв. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. – СПб., 1999. – С. 132–133.

[27] См.: Мастеров А. Русские рабочие и марксизм // По страницам самиздата. – М., 1990. – С. 124–125.

[28] См.: Вайнштейн А.Л. Народное богатство и народно-хозяйственное накопление предреволюционной России (Статистическое исследование). – М., 1960. – С. 293, 312.

[29] См.: Шацилло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX вв. – 1914 год. – М., 1992. – С. 139.

[30] Лапина С.Н., Лелюхина Н.Д. Указ. соч. – С. 17.

[31] См.: Ежегодник Министерства финансов. Вып.1915 г. – Пг.,1915. – С.40-42.

формирования бюджета, в доходную часть зачислялись: валовая продукция госпредприятий, прибыль от государственного капитала и банковских операций, рентный доход с собственности, прежде всего, с земли и леса, то есть разносущностные величины. Основываясь на этом можно приблизительно установить, что «в валовой продукции народного хозяйства на госпредпринимательство приходилось не более 10%»[32].

Несмотря на различные оценки объема государственного предпринимательства[33], все исследователи указывают на его ключевое положение в российской экономике. Еще современники рассматриваемого исторического феномена недвусмысленно высказались на его счет. Американский экономист Джеконсон писал: «Русское правительство с помощью центрального государственного банка контролирует финансовое положение страны; оно владеет и управляет 2/3 всей железнодорожной сети и 7/8 всех телеграфов. Почти 1/3 всей земли и 2/3 лесов еще в его непосредственном заведывании. Оно владеет наиболее ценными рудниками и обрабатывает на своих заводах продукты, добытые из этих рудников. Оно продает все спиртные напитки... скупает весь спирт». Русское правительство – «самый крупный землевладелец, самый крупный капиталист, самый крупный строитель железных дорог и самый крупный предприниматель во всем мире»[34]. Такой вывод нуждается в некоторой корректировке, ибо самое развитое государственное предпринимательство тогда имела Германия. Несмотря на то, что Россия по общему валовому доходу госсектора находилась на ее уровне (в 1913 г. – 2 млрд. руб.)[35] по набору отраслей, доле государства в отраслевом производстве и результативности, уступала своему сопернику (см. таблицу 8)[36].

Это, однако, не умаляет, но еще более показывает, какую роль играл отечественный госкапиталистический сектор внутри страны.

Развитие этого сектора в немалой степени подстегивалось сооружением и эксплуатацией железных дорог. Однако, данный процесс проходил в атмосфере борьбы ведомств за различные национальные приоритеты. Так, военным ведомством учитывалось прежде всего военно-стратегическое значение железных дорог. Однако инте-

[32] Лапина С.Н., Лелюхина Н.Д. Указ. соч. - С.17.
[33] См. напр.: Статистический ежегодник на 1914 г. – СПб., 1914. – С. 395.
[34] Цит. по: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 284.
[35] См.: Статистический ежегодник на 1914 г. – СПб., 1914. – С. 357–358, 827–828.
[36] См.: Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). – М., 1956. – С. 166–168.

ресы Военного министерства входили в противоречие с интересами других министерств – финансов и путей сообщения, которые руководствовались, главным образом, «торгово-промышленными потребностями»[37], даже несмотря не наличие высочайше одобренных планов по строительству железных дорог в интересах мобилизационного развертывания войск[38].

Следовательно, «военное ведомство, как и сам император, не было таким всесильным в деле строительства стратегически важных железных дорог, даже в 80–90-е гг., когда государство взяло их под свой протекторат»[39]. Этот вывод подтверждается результатами строительства железных дорог в России в последней четверти XIX в. Многие дороги, обоснованные Военным министерством к постройке в 1868 г. как дороги второй очереди, вошли в планы 1872 г. как первоочередные, но были введены в действие в конце 1880-х годов, в 1890-е годы, а то и в начале XX в. Некоторые важные для мобилизационного развертывания дороги вообще не были построены[40].

Строительство железных дорог общегосударственного значения еще в дореформенное время начала казна. Но, со второй половины 1850-х годов стали возникать и частные железнодорожные общества. И к 1862 г. в России были опробованы три модели железнодорожного строительства: «первую, профинансированную государством, при помощи иностранных займов (Санкт-Петербург – Москва); вторую, при которой строительство велось иностранцами, но при поддержке российского частного капитала (Москва – Нижний Новгород); и третью, при которой строительство финансировалось и велось российскими предпринимателями, но при этом зачастую зачастую снабжалось рельсами, подвижным составом и техническим персоналом из-за рубежа и в конечном счете было спасено от банкротства государством (Москва - Саратов)»[41]. Использование (причем, не совсем удачное) трех форм железнодорожного строительства закономерно привело к борьбе различных групп интересов: «экономистов» во главе с М.Х. Рейтерном, «инженеров», объединившихся вокруг главноуправляющего путей сообщения П.Н. Мельникова, московской предпри-

[37] РГВИА, ф. 401, оп. 5/929, д. 615, л. 27.
[38] См.: РГВИА, ф. 401, оп. 5/929, д. 615, л. 24, 25.
[39] Бесов А.Г. Указ. соч. – С. 219.
[40] См.: Там же. – С. 218.
[41] Рибер А. Железные дороги и экономическое развитие: истоки системы Рейтерна // Страницы российской истории: проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. – СПб., 2003. – С. 151.

нимательской группы, «военных» и шуваловской аристократической фракции. На какое то время открытая и закулисная борьба «лобистов» за железнодорожные маршруты и организационно-финансовые способы строительства зашла в тупик и всех устроил план генерал-губернатора П.Е. Коцебу по немедленному (с 1862 г.) строительству Юго-западной железной дороги силами личного состава карательных батальонов русской армии, сведенных в девятитысячное соединение, под началом барона К.К. Унгерн-Штернберга. Он при поддержке графа В.А. Бобринского в 1864 г. получил концессию с ценой за версту в 45 тыс. рублей с учетом того, что три процента от средств, сэкономленных во время строительства, шли ему же[42]. Учитывая вышеизложенное, мы можем сделать вывод о квазикапиталистическом характере данной концессии.

Судьба организационно-финансовой стратегии строительства железных дорог была решена в 1865 г. итогами деятельности особой комиссии К.В Чевкина. Комиссия, на наш взгляд, вынесла необоснованное и политически ангажированное решение о преимуществах железных дорог, построенных частным образом, в сравнении с государственными. После смещения в 1868 г. главного поборника государственных железных дорог министра путей сообщения П.Н. Мельникова, М.Х. Рейтерн завершил создание своей «смешанной» политики в области железнодорожного строительства, имевшей в своей основе схему фон Дервиза по размещению частными предпринимателями за границей не акций, а гарантированных государством облигаций, что позволяло собирать достаточный капитал и обогащать предпринимателей. В конечном итоге была придумана комбинация выпуска облигаций и акций, при которой государство выдавало треть необходимого капитала предпринимателям, оставляя за собой весь пакет акций до окончания строительства. После начала функционирования железной дороги правительство продавало акции по цене выше номинальной стоимости, реинвестируя вырученные суммы в другую железную дорогу. Для субсидирования частного железнодорожного капитала за счет продажи Аляски и увеличения на 50 копеек подушной подати был создан железнодорожный фонд[43].

За период с 1861 по 1880 гг. казна построила 1204 версты дорог, а частные компании – 18540 верст[44]. Возлагая на последние большие

[42] См.: Там же. – С. 164.
[43] См.: Там же. – С. 167-172.
[44] См.: Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX–XX веках. – М., 1950. – С. 209.

надежды, правительство в 1870-е годы все казенные дороги передало частному капиталу. Однако результаты его приложения в этой отрасли отличались «неумелым образом действий», хищениями и убыточностью для казны[45]. Государственные структуры, озабоченные деятельностью 47 железнодорожных обществ (особенно «Главного общества российских железных дорог»), которым с 1866 по 1880 гг. было выдано 53 концессии, образовали накануне русско-турецкой войны специальную комиссию для исследования железнодорожного дела в России[46]. Комиссия выявила, что частные общества строили железные дороги в 1,5–2,5 раза дороже, чем казна, уступая в качестве строительства. «За 8 лет (1871–1878 гг.), когда существовали только частные дороги, их долги казне выросли в 5 раз (со 100 до 515 млн. рублей). «Государство ежегодно выделяло по 50 млн. руб. на выплату процентов и сумм погашения по займам»[47].

Докладывая в 1874 г. о состоянии железных дорог, полковник Генерального штаба Шебанов писал: «Современное состояние наших железных дорог, не имеющих возможности удовлетворить даже потребности пассажирского и товарного движения, может причинить неизмеримый вред государству во время войны, лишив его средств к быстрому передвижению военных сил…»[48]. Из 51 железной дороги 22 находились в расстроенном состоянии[49]. Результаты этого сказывались уже в мирное время. Так в 1874 г. 12 тыс. новобранцев добирались от Козлова до Владикавказа вместо одних суток два месяца[50].

Ситуацию, сложившуюся в железнодорожном деле, позже ярко охарактеризовал С.Ю. Витте: «В тарифах был полный хаос, и не только отправители не знали, сколько стоит перевозка того или другого груза от одного места до другого, ...но, кроме того, и железные дороги, конкурируя между собою, страшно понижали тарифы, а так как сами железные дороги были гарантированы казной, то есть облигации и значительная, по крайней мере часть акций были гарантированы казной, то все железные дороги давали дефициты более или менее значительные. Эти дефициты покрывала казна, так как она гаран-

[45] Мигулин П.П. Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы (1893–1902 гг.). – Харьков, 1903. – С. 3–5.
[46] См.: ГАРФ, ф. 543, оп. 1, д. 315, л. 23 об.
[47] См.: Лапина С.Н., Лелюхина Н.Д. Указ. соч. – С. 25.
[48] ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 646, л. 1.
[49] См.: Там же. – л. 3.
[50] См.: Там же. – л. 2.

тировала капиталы железных дорог. Очевидно, такое положение дела продолжаться не могло...»[51].

Следуя рекомендациям комиссии, государство за период с 1880 по 1900 г. выкупило 37 дорог протяженностью в 22,3 тыс. верст, потратив на это огромные средства. Только в 1893 г. казна потратила на приобретение за ее счет построенных дорог 96,8 млн. руб. золотом и 23 млн. руб. серебром[52].

Эксплуатация казенных железных дорог осуществлялась путем выделения средств на эксплуатационные расходы, которые покрывались поступлениями от грузо- и пассажироперевозок по установленным тарифам. Их разрабатывал Тарифный комитет Министерства финансов с участием представителей железных дорог, производителей и потребителей. В основу тарифной политики были положены принципы прибыльности, двойственности и дифференциальности. Двойственность тарифов заключалась в сосуществовании двух формул – для внутреннего и вывозного сообщения. Их смысл заключался в том, что на короткие расстояния более дешевые тарифы устанавливались во внутреннем сообщении, и более дорогие – в вывозном; на дальние расстояния устанавливались одинаковые ставки как для вывозного, так и для внутреннего сообщения[53]. Такой подход позволил методами государственного регулирования содействовать сбалансированному развитию как внутреннего рынка, так и экспортноориентированных сегментов аграрного производства, как западных, так и восточных районов страны.

Благодаря продуманной тарифной политике поступления за все перевозки в 1892–1900 гг. превышали текущие эксплуатационные расходы и казенные дороги имели чистый доход на 1 версту – 2695 руб. в 1892 г. и 4056 руб. – в 1900 г. Однако с учетом затрат по основному капиталу и на амортизацию, казна получала прибыль лишь пять лет из десяти. Подобное положение сохранялось и в последующие годы.

П.П. Мигулин, сравнивая результаты эксплуатации частных и казенных дорог за 1892–1901 гг. пришел к выводу, что хотя у частных обществ было выше процентное отношение чистого дохода к валовому, но для госбюджета «частная сеть была все-таки убыточнее казен-

[51] Витте С.Ю. Воспоминания. Том 1. (1849–1894). – М., 1960. – С. 204.
[52] См.: Отечественная история: Энциклопедия. В 5 тт. – М., 1996. – Т. 2. – С. 172; ГАРФ, ф. 543, оп. 1, д. 315, л. 23 об.
[53] См.: Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. – Л., 1925. – Т. 1. – С. 163–164.

ной», ибо ежегодно государство выделяло средства «на обязательные гарантированные платежи, лежащие на частной сети»[54]. В госбюджете на переплаты по гарантии частных железных дорог в 1908 г. приходилось 1/3 всех убытков железнодорожного хозяйства, в 1909 г., – почти 1/2[55]. Долги казне частных обществ составляли в 1913 г. 825,8 млн. руб., что вдвое превышало эксплуатационные расходы казенных дорог. С учетом же сближения уровней доходности частных и государственных дорог можно сделать вывод о большей эффективности казенного железнодорожного хозяйства.

Государственное предпринимательство в железнодорожном деле стало главным регулятором российской экономики, «могущественным возбудителем»[56] развития производительных сил, структурной перестройки экономики, освоения отдаленных районов. Вкупе с казенными заказами частным предприятиям и эффективной таможенной политикой оно привело к формированию в экономике страны базовых отраслей промышленности.

После доходов от железнодорожного хозяйства (813,6 млн руб. в 1913 г.)[57] одним из главных источников накоплений для осуществления индустриализации стали результаты винной монополии, чистый доход от которой в 1912 г. исчислялся в 654 млн. руб.[58] (899,3 млн руб. в 1913 г.)[59]. По участию в формировании доходов казны далее следует госпредпринимательство в сфере связи. Чистый доход от нее определялся в 38 млн. руб., что, однако, в силу фискальных задач не вело к быстрому расширению сети и удешевлению услуг.

Одинаковый вклад в казну (2,7% доходов бюджета в 1913 г.) вносили лесное хозяйство и казенные промышленные предприятия. Основу последних составляли горные заводы. Во время кризиса 60–70-х гг. XIX в. их валовый доход упал с 2,7 млн. руб. до 482700 рублей при убытках казны на их содержание в 938 тыс. руб.[60]. В этих условиях были построены новые заводы, реконструированы старые предприятия, а часть частных – национализирована. Принятые меры

---

[54] Мигулин П.П. Наша новейшая железнодорожная политика...– Харьков, 1903. – С. 159–160.
[55] См.: Лапина С.Н., Лелюхина Н.Д. Указ. соч. – С. 26.
[56] О мерах к развитию производительных сил России. Доклад Совета съездов // Одиннадцатый очередной съезд представителей промышленности и торговли. – Пг., 1915. – С. 281.
[57] См.: Россия: 1913 год. Статистико-документальный справочник. – СПб.,1995. – С.154.
[58] См.: Статистический ежегодник на 1914 год. – СПб., 1914. – С. 395, 416–417.
[59] См.: Россия: 1913 год. Статистико-документальный справочник. – СПб.,1995. – С.154.
[60] См.: Военно–статистический сборник... – Спб., 1871. – Вып. IV. – Отд. I. – С. 307–308; ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 603, л. 18.

положительно сказались не только на обеспечении армии вооружением, но и на доходности отрасли. Все казенные предприятия в 1913 году имели валовый доход в 22,4 млн. руб., из них на горные заводы приходилось 17 млн. руб. В начале века Горный департамент ставил в заслугу казенным заводам особое качество ряда изделий и низкие цены по сравнению с частными заводами. Однако на самом деле ценового преимущества у казенных предприятий не было из-за устаревшей технологии и упрощенной системы учета себестоимости продукции, не включавшей расходы на амортизацию и основной капитал. Поэтому, если по отчету Горного департамента казенные заводы имели прибыль 0,5 млн. руб. в 1911 г. и 3,3 млн. руб. – в 1912 г., то по данным Госконтроля, убытки составили, соответственно, 3,8 и 6,5 млн. рублей. В целом казенным горным заводам был присущ низкий уровень хозяйствования, с затратным механизмом, огромными производственными запасами. На военных же заводах в этом отношении ситуация складывалась немногим лучше[61].

Находящиеся в подчинении Главного артиллерийского управления (ГАУ) казенные военные заводы в предреформенное время были своеобразным проявлением «государственного феодализма». Производство на них велось мастерами-оружейниками и воинскими командами[62]. Первые не были лишены средств производства, имели дома и усадьбы и, следовательно, самостоятельно занимались промыслами и ремеслами. Располагая значительными капиталами, они, при круговой поруке всего «сословия», выступали организаторами и подрядчиками работы на казну мелких ремесленников.

Освобождение оружейников в 1864–1867 гг. явилось концом крепостнического уклада в оружейном производстве. Освобожденные, как и на Урале, получили усадьбы, что обеспечило заводам кадры «своих» дешевых рабочих.

В связи с тем, что крупная коренная русская буржуазия поначалу не стремилась к помещению своих капиталов в военную промышленность, а мелкие капиталы бывших «цеховых мастеров» не рассматривались всерьез[63], государство пошло по пути «насаждения ка-

---

[61] См.: Статистический ежегодник на 1914 год. – СПб., 1914. – С. 416–417; Шацилло К.Ф. Казенное хозяйство в военной промышленности пореформенной России // Система государственного феодализма в России. Сборник статей. – М., 1993 – С. 322–368.

[62] См.: Свод военных постановлений. – СПб., 1859. – Ч. 1. – С. 141, 188, 209.

[63] В Туле в 1863 г. бывшие «цеховые мастера» выдвинули требование о передаче им в аренду завода. Однако оно было решительно отвергнуто правительством. См.: РГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 5, л. 49; д. 959, л. 100–101, 119.

питализма сверху», передав оружейные заводы в арендно-коммерческое управление их командирам[64]. Это была квазикапиталистическая неотрадиционная форма, так как арендаторы, стремясь к максимальной прибыли, использовали кабальные методы эксплуатации. Из 2873 рабочих, занятых выделкой оружия на Тульском заводе, 1389 человек работали в домашних условиях. Сходные процессы имели место в Ижевске и Сестрорецке, где производство, ранее объединенное в стенах завода, превратилось в централизованно-рассеянные мануфактуры.

После срыва заводами в начале 1870-х годах казенных заказов[65] было принято решение превратить их в государственно-капиталистические фабрики[66]. Однако и после этого мелкотоварное производство продолжало сосуществовать с крупным производством, хотя и в меньших объемах. Фабричные рабочие эксплуатировали в домашних условиях рабочих, не нашедших места на фабрике, а сами предприятия с разрешения ГАУ передавали изготовление шомпольных ружей и шашек местным кустарям. Наблюдатели отмечали распространение таких форм производства и на частных предприятиях[67].

В это время большой интерес к военной промышленности стали проявлять видные представители петербургской буржуазии (Нобель, Таннер и др.). Они предлагали передать казенные военные заводы в частные руки[68]. Однако военное ведомство пошло по другому пути: заготовители должны были за счет платы за изготовление оружия провести переустройво заводов[69]. А в середине 1880-х годов, исходя из опыта работы Тульского завода, было принято решение «передать Сестрорецкий и Ижевский заводы снова в казенное управление»[70]. Тем самым окончательно оформился государственно-капиталистический сектор в русской военной промышленности.

С конца XIX в. предпринимались усилия по утверждению в работе казенных предприятий (горных и военных) смешанного механизма хозяйствования: с одной стороны, по нарядам казенных ве-

---

[64] См.: РГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 956, л. 53.

[65] См.: Ховен А. Путевые заметки о некоторых оружейных заводах // Оружейный сборник. – 1876. – № 2. – С. 18; РГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 953, л. 552 об. – 555, 557 об., 558.

[66] См.: РГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 966, л. 66, 74.

[67] См.: Ашурков В.Н. Предприятия военного ведомства как элемент многоукладной экономики России // Вопросы истории капиталистической России... – Свердловск, 1972. – С. 109–116.

[68] См.: Записки Русского технического общества. – 1876. – № 1. – Приложение. – С. 33–34.

[69] См.: Свод военных постановлений. – СПб., 1869. – Кн. XVIII. – Гл. III. – С. 95–109.

[70] См.: РГВИА, ф. 1 Л., оп. 1, т. 15, д. 40, л. 76.

домств, но за подходящую для заводов плату, а с другой, – по частным заказам для свободной продажи с последующей передачей чистой прибыли «из депозитов завода в доход казны»[71]. В 1911 г. эти доли сблизились. Однако в связи с реализацией программ перевооружения армии и флота, а также под давлением Госдумы, считавшей казенные интересы и рынок несовместимыми, было принято решение ограничить производственную деятельность горных и военных заводов выполнением только казенных заказов. Государственные же ведомства несвоевременно оплачивали свои заказы, и к 1914 г. за ними только по горным заводам накопилась задолженность в 20 млн. руб., что ухудшило финансовое положение предприятий[72].

Смена курса была встречена предпринимательскими кругами крайне враждебно. Но еще раньше, руководствуясь как экономическими, так и политическими причинами, торгово-промышленная буржуазия и Совет съездов представителей промышленности и торговли развернули кампанию за свертывание государственного хозяйства. В октябре 1905 г. лидеры Московского биржевого комитета выдвинули требование «устранения казны от ведения предприятий промышленного характера»[73]. В 1907 г. в Госдуме выступил один из лидеров съездовской организации В.В. Жуковский. Он, указывая на то, что «распространение государственного капитализма в хозяйственной области», начавшееся в России в 1880-х годах, привело к реакционной политике, призвал к ее изменению, а именно к «децентрализации казенного хозяйства»[74].

Буржуазия считала, что казенный сектор не в состоянии действовать рентабельно. Кроме того, ее раздражало привилегированное положение государственных предприятий, проявлявшееся в крупных авансах и несоблюдении сроков исполнения заказов. Заводчики и фабриканты были недовольны тем, что в казенную калькуляцию не включались многие расходы (налоги, страховки, административные расходы, амортизация и т.д.), что роняло рыночные цены и приводило к убыткам частных предпринимателей. Но, главную опасность Совет съездов видел в самой тенденции развития политики, наносящей

[71] Высочайше утвержденные 18 октября 1908 г. Правила приема и исполнения частных заказов на оружейных и Ижевском сталелитейном заводах, а также отчетности и расходования денег по этим заказам (ПСЗРИ. – Собр.3-е. – Т.XVIII. – Отд.I. - №31074).

[72] См.: Лапина С.Н., Лелюхина Н.Д. Указ. соч. – С. 22.

[73] Программа торгово-промышленной партии // Биржевые ведомости. – 7.10.1905.

[74] См.: Ананьич Б.В. Россия и международный капитал, 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. – Л., 1970. – С. 217.

удар частной инициативе, и получившей название «государственного капитализма» или даже «государственного социализма»[75].

Эти обвинения, на наш взгляд, исходили из необъективного рассмотрения ситуации и скрывали определенные эгоистические интересы буржуазии. Частное предпринимательство в России во многом формировалось при поддержке государства и за его счет. Так, долгое время казенные заводы являлись центрами распространения технических новшеств и своеобразной школой обучения рабочих и мастеров для частных заводов. Частные железные дороги пользовались большими льготами: получали ссуды, внешние займы, гарантированные государством, госзаказы по завышенным ценам. Частные предприятия, обслуживавшие железнодорожное хозяйство стимулировались заказами по ценам, вдвое превышавшим цены заказов казенным заводам. Это привело к появлению излишнего количества частных предприятий в смежных отраслях. Вместо разрешения этого кризиса с помощью подключения рыночных механизмов, государство продолжало искусственно поддерживать частных заводчиков. Например, во время кризиса 1900–1903 гг. «топливная и металлургическая промышленность, опираясь на казенные заказы, продолжала увеличивать выпуск продукции уже тогда, когда кризис был в полном разгаре» и потому он «сказался гораздо сильнее и принес большие разрушения» за счет резкого понижения цен на 40%[76].

Причем увеличение производства, особенно на Юге, в 1900–1901 гг. шло всецело за счет небольшой группы привилегированных крупных заводов, обеспеченных выгодными заказами для строившихся железных дорог, которые дали возможность развернуть производство для широкого рынка по низким ценам. Покрывая убытки от продажи на рынке сверхприбылями от казенных поставок, они заставляли своих конкурентов, не пользовавшихся премиями от казны, свертывать производство[77]. Таким образом, убытки казны от переплат по заказам частным предприятиям были больше, чем от деятельности собственных заводов и с позиции налогоплательщика казенное хозяйство оказывалось предпочтительнее, что, однако, не говорит о том, что государственное предпринимательство само по себе не имело серьезных проблем и противоречий.

---

[75] См.: Шепелев Л.Е. Указ. соч. – С. 263.
[76] Яковлев А.Ф. Указ. соч. – С. 263.
[77] См.: Там же. – С. 270.

В начале XX в. в России еще не завершился переход экономики на капиталистические рельсы, что существенно отразилось на становлении и положении государственно-капиталистического сектора. Он не составлял внутренне взаимосвязанной подсистемы по причине крайне разнородности отраслевой и технологической структуры, разобщенности по ведомствам, несовершенства хозяйственного механизма, слабой приспособленности к рынку.

Недосформированность госкапиталистического сектора, отсутствие в нем комплекса предприятий базовых отраслей стало очевидным перед Первой мировой войной. Из-за острых диспропорций в развитии российской экономики, выразившейся в «топливном» и «металлическом» голоде, особенно уязвимыми оказались железные дороги, которые полностью зависели от частных предприятий в снабжении нефтью, углем, металлом. Участие же государственного предпринимательства в регулировании крупного частного производства, за исключением регулирующей деятельности казенного железнодорожного хозяйства, было низко результативным[78]. Сами крупные предприниматели отмечали, что казна не отличалась «предвидением», вследствие чего и «имела переплаты» в сотни миллионов рублей. Пульс казенного хозяйства рабски вторил пульсу хозяйства народного, вместо того, чтобы быть его регулятором, - указывали предприниматели[79].

В социально-политическом смысле российский государственный капитализм отражал стремление самодержавия продлить власть и экономические привилегии помещиков путем приспособления к капиталистическому развитию и использования его в своих интересах. Госкапитализм выражал союз царизма и помещиков с крупной, а затем и монополистической буржуазией[80].

Новый этап в развитии госкапитализма начался с возникновением в российской промышленности монополистических союзов. Если на Западе образование хозяйственных монополий произошло на базе развития конкурентно-рыночных отношений, то в России мощный рост монополий стал «результатом недоразвитости капитализма в ус-

[78] См.: Лапина С.Н., Лелюхина Н.Д. Указ. соч. – С. 33.

[79] О современном положении промышленности и торговли и видах на будущее в связи с предпринимательской деятельностью казны. Доклад Совета съездов // Восьмой очередной съезд представителей промышленности и торговли. – СПб., 1914. – С. 124.

[80] См.: Гиндин И.Ф. Государственный капитализм в России домонополистического периода // Вопросы истории. – 1964. – № 9. – С. 95.

ловиях господства докапиталистических отношений»[81]. Причем, Россия «в силу ограниченности действия рыночных отношений», «огромного хозяйственного пространства (а потому... целой сети относительно автономных рынков)», необходимости освоения природных ресурсов, а, следовательно, формирования естественных монополий, была обречена на господство монополий. Проблема состояла только в том, «какая из форм монополии – государственная или частная – является более предпочтительной или менее негативной по своим последствиям для защиты национальных интересов»[82]. В тот период ставка была сделана на симбиоз этих двух форм, то есть на развитие государственно-монополистического капитализма (ГМК).

Если под ГМК понимается тесное соединение экономической мощи монополий с силой государства, сопровождающееся подчинением государственного аппарата финансовой олигархии, то такого экономического образования в царской России не существовало. Этому мешали довольно серьезные противоречия между различными господствующими слоями России: высшей бюрократией, аграриями и крупной буржуазией.

Царизм не мог существовать без развития современной крупной промышленности, так как без нее было невозможно строительство и эксплуатация железных дорог, необходимых помещикам для вывоза продуктов земледелия, а также потому, что без военной промышленности были бы неосуществимы внешнеполитические задачи России. Поэтому правительство очень много сделало для подъема крупной торгово-промышленной буржуазии, особенно тех ее фаворитизируемых слоев, которые были связаны с железнодорожным хозяйством и наращиванием военной мощи. Царизм вскармливал крупную буржуазию за счет казны, спасал от банкротства во время экономических кризисов, охранял ее не только от внешней, но и от внутренней конкуренции. Так, Министерство финансов, возглавляемое С.Ю. Витте, выкупило через Госбанк некоторые крупные предприятия (например, Керченский металлургический завод, Невский судостроительный завод), прекращая на них производство, чтобы не создавать конкуренции другим крупным компаниям – «фаворитам»[83].

Очень важной правительственной деятельностью стало содействие утверждению государственно-монополистических форм и отно-

[81] Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 283–284.
[82] Рязанов В.Т. Указ. соч. – С. 351–352.
[83] См.: Лившин Я.И. Указ. соч. – С. 159.

шений, непосредственно выраставших из пореформенной политики «воспособления». Первыми госмонополистическими мероприятиями, охватившими конец XIX в., стали: правительственная «нормировка» сахара, которая осуществлялась под прямым влиянием Всероссийского общества сахарозаводчиков и поэтому фактически выполняла функции соответствующего картеля; финансовое участие царского правительства в деятельности судоходных компаний; создание смешанной государственно-монополистической системы железнодорожного хозяйства, включавшей государственное предпринимательство по обслуживанию железных дорог и деятельность монополий по его обеспечению.

С началом XX в. госмонополистическая деятельность правительства значительно расширилась. Министерство финансов подталкивало картелирование и синдицирование крупных капиталистических предприятий. В 1901 г. оно, невзирая на существование антимонополистических законов, полуофициально заявило о желательном образовании «промышленных соглашений»[84]. Это обеспечило успешное возникновение таких крупных синдикатов, как: «Продамет», «Продвагон», «Союз мостостроительных заводов», Паровозостроительный синдикат и др.[85]. Содействуя образованию монополий, российские власти почти не заботились о развитии конкуренции. Они предпочитали в каждой отрасли выдавать патент одной, а не нескольким компаниям и при этом предпочитали картели и тресты, которые заняли доминирующие положение в российской промышленности[86].

Важным проявлением госмонополистической тенденции в эти годы было создание специальных правительственных учреждений, призванных поддерживать капиталистические монополии. Первым из них стал Комитет по распределению заказов на рельсы, скрепления и подвижной состав для железных дорог, который превратился в орган по регулированию производства (ограничению и сокращению) и по обеспечению наиболее привилегированным заводам заказов по высоким монопольным ценам. Это вызывало колоссальные переплаты казны. По подсчетам А.Л. Цукерника, ежегодные переплаты по рель-

---

[84] См.: Былим-Колосовский Н. Развитие донецкой каменноугольной промышленности // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1901. – № 47. – С. 346.

[85] См.: Корелин А.П. Монополии в паровозо- и вагоностроительной промышленности России // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. – Свердловск, 1972. – С. 159.

[86] См.: Грегори П. Указ. соч. – С. 40.

сам составляли более 3 млн. рублей[87]. Только в 1914 г., в результате многолетней борьбы, Министерству путей сообщения удалось приостановить деятельность Комитета, правда, без особого ущерба монополиям, так как Совет министров признал невозможным переход к свободной конкуренции[88]. Сходную роль играло созданное в 1908 году Совещание по судостроению.

Очень часто регулирующая деятельность правительства в организации заказов монополиям носила непродуманный и деструктивный характер. Так, несмотря на то, что максимальная мощность паровозостроительных заводов накануне войны определялась в 2 тыс. паровозов в год, ежегодный их выпуск по причине отсутствия заказов составлял в 1911 г. лишь 367 шт., в 1912 – 308 шт. и в 1913 – 600 шт.[89]. В результате, к 1913 г. на главных магистралях недоставало 2 тыс. паровозов и 80 тыс. вагонов[90].

Одной из форм проявления госмонополистической тенденции в России явилось частичное приспособление государственных финансов к потребностям монополистического капитала. Кроме уже упоминавшихся железнодорожных займов, гарантированных государством, в ряду конкретных финансовых госмонополистических мер следует назвать следующие: легальные и скрытые экспортные премии, выплаченные казной отдельным группам монополистов; обильное кредитование частных коммерческих банков за счет государственной казны[91]; скупка Госбанком акций пошатнувшихся частных банков (например, Волжско-Камского, Русского торгово-промышленного); неуставные ссуды, то есть кредиты в нарушение устава Госбанка в целях финансовой поддержки наиважнейших предприятий тяжелой промышленности, машиностроения и частных акционерных банков[92]; интервенционная поддержка за счет Госбанка курса ценных бумаг

---

[87] См.: Цукерник А.Л. Синдикат «Продамет». Историко-экономический очерк. 1902 – июль 1914 г. – М., 1959 – С. 83.

[88] См.: Лившин Я.И. Указ. соч. – С. 163.

[89] РГИА, ф. 1571, оп. 1, д. 62, л. 81. Приложение к протоколу заседания Совета общества Продвагон от 18 июля 1913 года.

[90] См.: О работе железнодорожной сети в условиях настоящей войны // Справка Министерства путей сообщения. – Пг., 1916. – С. 5–6.

[91] Общая сумма неуставных ссуд во время кризиса начала 90-х годов составила 109 млн. 211 тыс. рублей, из которых сумма в 23 млн. 866 тыс. руб. была списана «ввиду выяснившийся безнадежности ее к поступлению». См.: Лившин Я.И. Указ. соч. – С. 180.

[92] Если общая сумма учетно-ссудных операций Госбанка возросла с 1897 по 1914 гг. почти в 3 раза, то ссуды частным банкам увеличились более чем в 8 раз с 55,6 млн. руб. до 456,9 млн. руб. Кроме того, возросли ссуды Госбанка под ценные бумаги с 73 млн. руб. в 90-х гг. до 211 млн. руб. — в 1913 г., то есть почти в 3 раза. См.: Там же. – С. 176–177.

банков и крупных промышленных предприятий. С этой целью был создан в 1899 г. консорциум пятнадцати крупнейших банков, а Госбанком – выделена сумма в 10 млн. руб. В 1912 г. был создан второй подобный консорциум – биржевой «Красный крест»; соглашения Государственного банка с целью поддержки и санации некоторых кредитных учреждений.

Еще одной формой соединения государственного предпринимательства с деятельностью монополий в довоенной России являлась «личная уния» государственного аппарата с представителями монополий. В эти годы наиболее крупные финансовые группы были возглавлены выходцами из высшего чиновничества. Например, А.И. Путилов и Л.Ф. Давыдов занимали посты директоров кредитной канцелярии, А.И. Вышнеградский – должность вице-директора той же канцелярии, А.В. Коншин – пост управляющего Государственным банком. Из рядов финансовой олигархии в свою очередь стала рекрутироваться высшая бюрократия. Министр финансов П.Л. Барк, директор Горного департамента В.И. Арандаренко и другие – перешли на государственные должности из банков, правлений крупных акционерных компаний. «Личная уния» позволяла финансовой олигархии оказывать существенное влияние на политику и деятельность ряда центральных государственных учреждений[93].

Итак, проведенное исследование экономической политики царизма в конце XIX – начале XX в. показывает, что, прежде всего, она была направлена на создание и развитие крупной промышленности, становление и укрепление финансовой и торгово-промышленной монополистической буржуазии путем осуществления государственно-капиталистического предпринимательства, прямого и косвенного регулирования экономики страны, проведения государственно-монополистических мероприятий. Взамен этого фаворитизма царизм требовал от крупной буржуазии примирения с сохранением известных мер полуфеодальной регламентации экономической жизни, с ограничением свободы коммерческой деятельности, с вмешательством правительственных органов в капиталистическое хозяйство. Такая политика не могла не привести к обострению противоречий между вскармливаемыми казной монополистическими объединениями и частью государственного аппарата.

[93] См.: Там же. – С. 189–191.

Особенно рельефно эта проблема высветилась с началом промышленного подъема 1910–1913 гг. Характеризуя сложившуюся ситуацию, министр торговли и промышленности С.И. Тимашев в своем выступлении на VIII съезде представителей промышленности и торговли 2 мая 1914 г. отметил, что экономический подъем 1910-х годов был в корне отличен от подъема 1890-х гг., поскольку развитие промышленности не было стимулировано правительством, а опиралось прежде всего на существенно возросший спрос внутреннего рынка[94]. Это подтверждается быстрым ростом кредитной системы страны во втором десятилетии. Так, сводный баланс акционерных коммерческих банков почти удвоился за время с 1 января 1909 г. по 1 января 1912 г. Сумма вкладных операций за 5 лет – с 1 января 1909 г. по 1 января 1914 г. выросла в 2,6 раза – с 967,8 млн. руб. до 2539,0 млн. руб. Таким образом, денежное накопление выросло в невиданных ранее размерах. Источниками этого роста стали, прежде всего, развитие промышленности, хороший урожай 1909 г. и повышенный уровень цен на сельскохозяйственные товары, установившийся после 1905 г., крупное положительное сальдо во внешней торговле за 1909–1912 гг., обеспечившее приток в страну значительных денежных средств из-за границы[95].

Возросший внутренний спрос был усилен «крупными заказами казны» по программам судостроения, перевооружения армии, постройки железных дорог, портостроительства и т.д.[96]. Однако здесь выявилась неспособность и казенной, и частной промышленности обеспечить возросшие потребности страны в ряде промышленных продуктов, и в первую очередь, в топливе, металлах и машинах.

Большинство правительственных органов и часть предпринимателей-потребителей причину создавшегося промышленного «голода» усмотрели в преднамеренной политике монополистического капитала, сознательно сдерживающего производство. Еще в 1908 г. государственный контролер П.А. Харитонов указывал на необходимость «всемерно бороться с синдикатами и трестами, убивающими свободную конкуренцию»[97]. В конце 1912 г. – начале 1913 г. этой проблемой занимался В.Н. Коковцов. Под давлением потребителей про-

[94] См.: Речь С.И. Тимашева на 8-м очередном съезде представителей промышленности и торговли // Промышленность и торговля. – 1914. – № 10. – С. 515.
[95] См.: Яковлев А.Ф. Указ. соч. – С. 365–367.
[96] См.: Речь С.И. Тимашева // Промышленность и торговля. – 1914. – № 10. – С. 515.
[97] Цит. по: Шепелев Л.Е. Указ. соч. – С. 234.

мышленной продукции и выразителей их интересов в Думе он вынужден был в объяснительной записке к проекту госбюджета на 1913 г. указать, что удовлетворению внутреннего спроса мешает не только недостаток у промышленных предприятий нужных средств, но и деятельность синдикатов, которые «не останавливаются нередко перед искусственным понижением предложения товаров, на которые имеется растущий спрос, поднимают цены и приводят к необходимости открывать границы для иностранного ввоза»[98]. Весной 1913 г. к этим обвинениям были добавлены и практические шаги. Министерство внутренних дел начало судебные преследования предпринимателей за нарушение санитарных правил, а Совет министров ввел ограничения прав акционерных компаний на приобретение земли по вероисповедальному признаку. Последнее существенно ударило по интересам капитала, так как лица иудейского вероисповедания во многих случаях выступали посредниками иностранного капитала, идущего в экономику России.

Весь 1913 год представители съездовских организаций и С. Тимашев прилагали большие усилия, направленные на официальную реабилитацию частной промышленности. Частично это удалось. Однако после ухода В.Н. Коковцова и утверждения так называемого «нового курса» борьба приобрела еще более острый характер.

Основной задачей «нового курса» стала попытка использовать благоприятную экономическую конъюнктуру в интересах развития не только промышленности, но и сельского хозяйства, а также улучшить конструкцию госбюджета за счет перехода доходообразования от продажи водки к другим источникам. Направлениями промышленной политики явились: борьба с синдикатами, разрешение льготного ввоза промышленных товаров из-за рубежа, расширение казенного предпринимательства, «стеснение акционерного дела» правилами 18 апреля 1914 г. и в первую очередь, пресечение расширения акционерного землевладения, судебные преследования нарушителей санитарных правил.

Причинами такого курса стала, на наш взгляд, не только острая потребность в скорейшем удовлетворении возникшего спроса, но и страх правительственных кругов и большинства Государственной думы перед возросшей экономической мощью крупной буржуазии, которая поставила казну в тесную зависимость от себя. Именно во

[98] Цит. по: Там же. – С. 157.

фразе «Не мешайте!» одного из ораторов Госдумы, обращенной к правительству, оказались сконцентрированными самоуверенность капитала и слабость правительства.

Такая позиция крупного капитала имела серьезную экономическую основу. Так, общая сумма ценных бумаг, выпущенных в обращение в России, возросла в 1908–1912 гг. почти на 1/3. Среднегодовой ее прирост за это время (971,0 млн. руб.) более чем в полтора раза превышал среднегодовой прирост как за 1900–1907 гг. (518,5 млн. руб.), так и за 1893–1899 гг. (537,0 млн. руб.). При этом произошло резкое изменение структуры капиталовложений в российские ценные бумаги по сравнению с предшествующим периодом. Доля облигаций госзаймов в общей сумме прироста российских ценных бумаг, достигшая в 1900–1907 гг. 59,6% теперь упала до 3,3%. А все государственные ценности (включая закладные листы Дворянского и свидетельства Крестьянского банков, поглотившие в 1900–1907 гг. 3/4 новых вложений), в предвоенные годы привлекли лишь 1/5 их часть. Главным объектом вложений стали ценные бумаги акционерных предприятий[99]. Предвоенная гонка вооружений явилась важнейшим фактором роста экономической силы крупнейшей буржуазии и усиления ее претензий на участие в решении важнейших государственных дел. 4 млрд руб. — такова реальная сумма, на которую ориентировался промышленный мир России, занятый военным бизнесом[100].

Монополисты, как и поддерживаемое ими Министерство торговли и промышленности, видели корень зла не в синдикатах и ограничении конкуренции, а в отсутствии свободных капиталов, которые, на их взгляд, могли притекать только из-за рубежа. Но этому мешали узаконенные правительством стеснения частного предпринимательства.

В результате «контрнаступления», которое повели организации представителей промышленности и торговли при поддержке иностранного капитала, к началу войны удалось добиться отмены «правил 18 апреля» и отказа властей от осуществления попыток судебного преследования синдикатов[101]. Однако, несмотря на настойчивые по-

---

[99] См.: Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. – М., 2001. – С. 101.

[100] См.: Шацилло К.Ф. Последние военные программы Российской империи // Вопросы истории. – № 7–8. – С. 224–231.

[101] См.: Гефтер М.Я. Царизм и законодательное «регулирование» деятельности синдикатов и трестов в России на кануне Первой мировой войны // Исторические записки. – 1955. – № 54. – С. 191–193.

желания предпринимателей, правительственная программа торгово-промышленной политики, отвечающая их интересам, так и не была подготовлена. Многочисленные разногласия по вопросам экономического развития между Министерством торговли и промышленности, с одной стороны, и прочими правительственными ведомствами и Думой, – с другой, отражавшие реальные противоречия в среде господствующих классов, делали явно невозможным соглашение на почве такой программы. *Поэтому вся торгово-промышленная политика приобрела неустойчивый характер, что отражало общее несовершенство госкапиталистического регулирования промышленности. В его основе лежали убывающая прогрессивность и снижающаяся эффективность государственно-капиталистической политики (по мере ее реализации с начала XX века)* [102]. В первую очередь это проявлялось в том, что реализация самого курса на форсированную индустриализацию при крайне отсталом сельском хозяйстве не могла не привести к колоссальному межсекторному разрыву. В промышленности же отрицательную роль все больше играли те факторы, которые ранее «запустили» индустриализацию: протекционизм, казенные заказы, переплаты монополиям, деятельность многих элементов казенного хозяйства. Кроме того, неблагоприятное воздействие на развитие индустрии оказывали: отсталое торгово-промышленное законодательство, консервация в промышленности квазикапиталистических укладов, неспособность правительственных органов согласовать текущие интересы между различными группами буржуазии, противоречивое воздействие результатов финансовой реформы.

После революции 1905–1907 гг. произошла корректировка направленности казенного предпринимательства. Оно стало рассматриваться властью не столько как средство поощрения частной промышленности, а сколько как способ пополнения государственных доходов и ограничения экономического усиления буржуазии (чтобы сбить цены, обеспечить бесперебойное снабжение казны, расстроить монопо-

[102] Примерно к такому же выводу пришло большинство отечественных исследователей. См.: Гиндин И.Ф. Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности (конец XIX – начало XX в.) // Исторические записки. – 1980. – Т. 105; Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово–промышленной политики. – Л., 1987; Шацилло К.Ф. Казенное хозяйство в военной промышленной пореформенной России // Система государственного феодализма в России. Сборник статей. – М., 1993; Бовыкин В.И. Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России. 1861–1900 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М., 2003. – С. 9–32.

листические объединения)[103]. Конечно же, казенное хозяйство и государственное регулирование промышленности содействовали индустриализации страны, но делали это в худшей форме, то есть через сдерживание свободного развития капитализма и сохранение докапиталистических способов хозяйства. На практике не столько устранялись препятствия с пути промышленного развития, сколько изыскивались способы их преодоления[104]. Действуя часто в интересах конкретных предприятий и отраслей, государственные органы препятствовали реализации стратегических интересов российского капитализма.

Убывающая прогрессивность политики государственного капитализма очень ярко проявилась в годы Первой мировой войны, которая не только дезорганизовала рынок и поставила Россию на грань финансового банкротства, но и потребовала расширения государственного вмешательства в экономику и организации сельского хозяйства на кооперативных началах. Меры, которые принимало правительство и органы самоуправления в этом направлении, не поспевали за развитием обозначенной тенденции, а следовательно, не удовлетворяли возникшей общественной потребности. Причина – интересы частной собственности[105]. Например, еще в 1913 г. на Первом всероссийском сельскохозяйственном съезде было принято решение об обращении особого внимания на использование в деревне различных форм коллективного труда. В 1915 г. на съезде представителей промышленности и торговли была представлена программа экономического развития страны, в которой подчеркивалось, что если в ближайшие десять лет Россия не удвоит-утроит свой промышленный потенциал, она рискует перейти в разряд второстепенных держав. При этом авторы программы считали необходимым обратить особое внимание на развитие в деревне различных кооперативных объединений, в том числе и в сфере производства. Решения о содействии созданию машинных артелей и прокатных пунктов в течение 1915-1916 гг. принимали различные общественные организации и государственные органы: Всероссийское совещание по вопросам обеспечения населения

[103] См.: Шепелев Л.Е Промышленность или сельское хозяйство? Проблема смены курса политики царизма в начале XX в. // Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX– начале XX века. Сборник научных трудов. – М., 1988. – С.22.
[104] См.: Там же. – С. 21.
[105] См.: Островский А.В. Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России: 1914-1917 гг.// Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного коллоквиума).- СПб., 1999. – С.482-495.

сельскохозяйственными машинами (15-18 октября 1915 г.), III областное совещание по вопросам сельскохозяйственного машиностроения и общественного машинопользования (1 мая 1916 г.), Межведомственное совещание по вопросу организации в деревне трудовых артелей (1 сентября 1916 г.), циркуляр №31 от 17 октября 1916 г. заведующего Переселенческим управлением МВД, Совещание по вопросу о создании отечественного тракторостроения при Всероссийской сельскохозяйственной палате (18 октября 1916 г.), Совещание, посвященное вопросу организации посевной компании в 1917 г. в Экономическом отделе Главного комитета Земского союза (22-24 ноября 1916 г.), Чрезвычайное общее собрание Всероссийской сельскохозяйственной палаты (28 ноября-1 декабря 1916 г.) [106]. Итак, тенденция внесения определенных изменений в организацию сельскохозяйственного производства шаг за шагом усиливалась, однако так и не успела стать направлением деятельности высших властных сфер страны.

Анализ хозяйственной политики, проводившейся в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. дает основание утверждать, что этатизм государственной власти в сфере экономической деятельности можно вполне обоснованно определить именно как государственный капитализм. Такой вывод подтверждается конкретно-историческим объяснением содержания формационных изменений. Оно позволяет увидеть основные истоки и причины утверждения государственного капитализма в российских условиях. В первую очередь, здесь следует указать на зарождение нового уклада в недрах «военно-феодального» государственного управления народным хозяйством, а, следовательно, на его определенную историческую преемственность. В этом смысле правовое поле Российской империи, способы и средства решения экономических проблем, многие экономические институты переходили по наследству в пореформенную эпоху. Во-вторых, российскому государству при решении модернизационных задач приходилось иметь дело с крайне незрелым капиталистическим механизмом и весьма экономически и политически слабой российской буржуазией. Кроме того, не имея возможности извлекать дополнительную сверхприбыль на внешних рынках и на окраинах Российской империи, отечественный капитал тем самым не приобрел необходимых сильных раздражителей для своего быстрого развития.

[106] См.: Там же. – С.489-491.

Поэтому «государство вынуждено было брать на себя излишние функции в проведении индустриализации страны»[107]. В-третьих, царизм стремился посредством госкапитализма укрепить себя экономически и найти новую социальную опору в лице крупной буржуазии. Такую политику он пытался совместить с обеспечением экономических интересов помещиков[108].

Выводы

Государственный капитализм в царской России представлял собой такой вид организационно-хозяйственной деятельности государства и ограничения им рыночно-ценовой координации, который включал в себя государственное предпринимательство и государственное регулирование, как в домонополистической экономической среде, так и в государственно–монополистической.

Через активное государственное предпринимательство и проведение таких регулирующих мер, как таможенный протекционизм, предоставление выгодных казенных заказов, премий и ссуд, создание регулирующих в интересах буржуазии государственно-монополистических организаций государство напрямую содействовало буржуазному развитию производительных сил, становлению крупного частного предпринимательства и его монополизации, квазикапиталистическому пристегиванию к капиталистической экономике неотрадиционных укладов.

Российский госкапитализм носил расколотый характер, так как служил интересам крупной монополистической буржуазии только в контексте сохранения власти самодержавия и экономических привилегий помещиков. Отсюда во многом проистекал противоречивый характер деятельности правительства, сочетавший как практику воспособления, поощрения капитала, а то и потворства ему, так и запретительно-ограничительные меры с угрозой применения репрессий. Здесь в полной мере отразилась незавершенность капитализации российской экономики.

На это же указывает и недосформированность самого госкапиталистического сектора: отсутствие в нем комплекса предприятий базовых отраслей, ведомственная разобщенность, несовершенство хозяйственного механизма, слабая приспособленность к рынку, неумелое использование таможенного регулирования и иностранного капитала.

---

[107] Рязанов В.Т. Указ. соч. – С. 213.

[108] См.: Гиндин И.Ф. Государственный капитализм в России домонополистического периода // Вопросы истории. – 1964. – № 9. – С. 77.

Все эти экономические и политические факторы способствовали развитию такого явления как убывающая прогрессивность российского госкапитализма, которая нарастала с начала XX в. по мере реализации госкапиталистических мероприятий.

§ 3. Формирование рыночной капиталистической инфраструктуры

Важнейшим условием формирования капиталистического уклада и устойчивого роста капиталистического хозяйства в России явилось возникновение и развитие различных элементов инфраструктуры капиталистического рынка.

В ряду неотложных мероприятий далеко не последнее место занимало *создание кредитно-банковской системы*. Историческим итогом существования монополии «казенных» банков в дореформенной России явилась огромная растрата денежных капиталов страны. Так, в виде непроизводительных ссуд помещикам было роздано 425 млн. руб., которые были после реформы 1861 г. «покрыты» на 75% выкупными ссудами, а в остальном – ссудами в пореформенных земельных банках[1]. В связи с этим логичным представляется вывод И. Кауфмана о закрепощении в пользу казны и помещиков не только труда, но и капитала. Такое положение объяснялось не столько субъективными решениями министра финансов Е.Ф. Канкрина, сколько объективным ходом событий. Как верно указывал Н.П. Огарев, «монополь казенного кредита не был правительственным захватом, а был вызван силой обстоятельств» от его «доступности вкладчикам»[2]. Не потому свободные денежные капиталы устремились в казенные банки, что правительство не допускало частных банков, а потому, что банки были государственными, и государство стало без всяких ограничений принимать на вклады денежные сбережения господствующих слоев.

Таким образом, в результате существования системы докапиталистических банков в экономике и социальной структуре России произошла консервация крепостнического помещичьего уклада. Это сопровождалось огромной непроизводительной растратой денежных капиталов помещиками и государством, длительной задержкой формирования капиталистического банковского кредита, резким сужени-

---

[1] См.: Гиндин И.Ф. Докапиталистические банки России и их влияние на помещичье землевладение // Возникновение капитализма в промышленности, в сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. Сборник статей. – М., 1968. – С. 321.

[2] См.: Огарев Н.П. Предварительные соображения финансовой комиссии и труды комиссии для устройства земских банков // Искандер и Н. Огарев. Сборник (1855–1860) – Лондон, 1861. – Ч. II. – С. 191–193.

ем источников расширения капиталистических предприятий и банковского кредитования торговли.

Непосредственной причиной реформирования банковской системы стала неспособность старых кредитных учреждений (Заемного и Коммерческого государственных банков) справиться с уже накопленными капиталами. С начала 1855 г. и до июня 1857 г. превышение вкладов над ссудами возросло с 20 млн руб. до 145 млн руб.[3]. Банки вели упорную борьбу с наплывом вкладов, понижая депозитные ставки процента, поскольку не находили прибыльного применения растущим депозитам[4]. Кроме того, основные капиталы российских банков (свыше 950 млн руб. из 1045 млн руб.) находились в долговременных займах и не могли при срочной необходимости быть возвращены вкладчикам. Наиболее сложной ситуация оказалась в учреждениях поземельного кредита, в которых сроки сбережения были несопоставимо короче, чем сроки выданных взаем капиталов[5].

Выход из создавшегося положения решили искать на пути радикального утверждения фритредерских отношений в банковском деле. В 1859–1860 гг. Государственный заемный банк был упразднен, а Государственный коммерческий преобразовался в Государственный банк, который теперь не стремился играть активную роль в торгово-промышленной жизни страны, в учетно-ссудных операциях, сохраняя поле деятельности для частных банков. Учредив Государственный банк, правительство не ставило задачу, сосредоточения в своих руках кредитного дела в стране, так как в тот период вмешательство государства в частную предпринимательскую деятельность, ее стеснение считалось экономическим злом. Последствия такой политики «оказались столь катастрофичны, что придали российским реформам совершенно иной ход»[6].

После упразднения казенных банков в стране возник серьезный дефицит кредитных учреждений и коммерческого кредита. Государственное кредитование бездействовало, а 21 частный банк (основаны еще до реформы) с совокупным капиталом в полмиллиона рублей удовлетворить потребности экономического развития страны был яв-

---

[3] См.: Безобразов В.П. О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом. – М., 1863. – С.20-21.

[4] См.: История экономического развития России / Под ред. А.К. Шуркалина. – М., 2000. – С. 117.

[5] См.: Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). – СПб., 2004. – С.374.

[6] Афанасенко И.Д. Экономика и духовная программа России. – СПб., 2001. – С. 343.

но не в состоянии. Комиссия 1872 года, учрежденная для исследования положения сельского хозяйства, констатировала, что в области землевладения «ссуды из Опекунских Советов под залог имений приостановились… перед самым совершением реформы; никакого другого земельного кредита не существовало и этот кредит только в настоящее время начинает развиваться и для многих хозяйственных предприятий до сих пор почти не доступен по своей дороговизне»[7]. Частные кредитные учреждения нового типа возникали постепенно, объемы их капиталов и операций долгое время были далеки от уровня развития промышленности и сельского хозяйства.

Хуже всего обстояло дело с ипотечным кредитом. Первый частный ипотечный банк всероссийского масштаба – Общество взаимного поземельного кредита – возник только в 1868 г. на началах круговой ответственности заемщиков и на заграничные капиталы[8]. Почти десятилетнее отсутствие ипотечного кредита привело к разорению многих поместных хозяйств. Кроме того, в выкупных операциях не был использован потенциал ликвидированных казенных банков, в которых в свое время было заложено 65% дворянских имений на сумму около 425 млн. рублей.

В результате кредитно-банковских пертурбаций население утратило доверие к государству как экономическому партнеру. Вкладчики потребовали свои деньги обратно, но вместо денег им предложили четырехпроцентные непрерывно-доходные билеты, при продаже которых на рынке ценных бумаг вкладчики теряли на курсе. Кроме того, Россия лишилась и иностранных вкладчиков, которые держали в казенных банках до 150 млн. рублей. Они потребовали вернуть вклады в звонкой монете. Пришлось жертвовать разменным фондом, который сразу уменьшился со 140 млн. рублей до 97 млн. рублей или до 11% выпуска кредитных билетов[9].

В условиях отсутствия кредитов правительство вынуждено было дать гарантии на весь акционерный капитал в размере 5%. Это легло тяжелым бременем на бюджет. Для покрытия его дефицита правительство приступило к внешним займам под 6,5% годовых, в противоположность 5% от прежних казенных банков. Недостаток кредит-

[7] Доклад Высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. – СПб., 1873. – С. 5.
[8] См.: Там же. – С. 344; Проскурякова Н.А. Ипотека в России в конце XIX – начале XX вв. и ее роль в перестройке экономики // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. – М., 2001. – С. 283.
[9] См.: Афанасенко И.Д. Указ. соч. – С. 343.

ных средств сдерживал централизацию капитала. Так, за 1860-е годы появилось всего 128 акционерных обществ[10].

Создание первых частных коммерческих банков шло при непосредственной помощи правительства. Для поощрения учреждения частных банков они освобождались от всех налогов, кроме гильдейских. В результате в 1873 г. их насчитывалось уже 39. Стихийный рост банков привел к жесткой конкуренции между ними за клиентуру и вкладчиков и поэтому Департамент государственной экономии Государственного совета ограничил появление новых банков почти на 20 лет.

Кроме частных банков развивались общества взаимного кредита (в 1868 г. – 4, в 1873 – 46 с основным капиталом 18,8 млн. руб.), городские общественные банки (в 1873 г. – 232 с капиталом 15100 тыс. рублей), сберегательные кассы и ссудно-сберегательные товарищества[11].

За межвоенный период кредитно-банковской системой постепенно был освоен новый финансовый инструментарий (гособлигации и закладные листы земельных банков обращались вместе с другими ценными бумагами: акциями и облигациями железнодорожных компаний, различных торгово-промышленных обществ), а также отработан общий порядок взаимодействия Государственного банка и частных банков, по которому казна и помещики уже больше не могли распоряжаться вкладами банков, как они делали до этого. Между Государственным банком и частными банками шла борьба за клиентуру и привлечение их средств.

На начальном этапе развития акционерных коммерческих банков основным направлением их деятельности явился рост учетной операции, которая принесла им 2/5 валовой прибыли[12]. Во второй половине 1870-х, в 1880-е годы банки вкладывали большую часть своих ресурсов в твердодоходные «солидные» бумаги – облигации государственных и гарантированных правительством железнодорожных хозяйств. Бурный промышленный рост 1890-х годов характеризовался кредитованием быстро увеличивавшегося товарооборота. Учет

[10] См.: Там же. – С. 344.
[11] См.: История экономического развития России / Под ред. А.К. Шуркалина. – М., 2000. – С. 119.
[12] См.: Ежегодник русских кредитных учреждений. – СПб., 1880–1886. – Вып. 1-4.

векселей, кредиты под товары и векселя возросли почти в 2,5 раза[13]. Именно в этот период произошло оформление двух банковских центров России: петербургского и московского.

Петербургские банки, раньше занимавшиеся преимущественно операциями с государственными и гарантированными ценными бумагами, теперь более тесно связались с рынком «негарантированных ценностей», то есть ценных бумаг акционерных обществ. Через это углубились связи с провинцией и петербургские банки стали приобретать действительно всероссийское значение[14]. Московские же банки в основном продолжали работать с «гарантированными ценностями»[15]. Попытка обосновать тезис о сращивании московских банков с промышленностью в форме ссуд под залог ценных бумаг является неудачной [16], ибо в данном случае банки не выходили за пределы своей естественной функции, то есть простого кредитного посредничества.

Для превращения в функционирующего капиталиста московским банкам не доставало главного – предоставления в ссуду не денег, а капитала в виде соловексельных ссуд (не обеспеченных залогом). Онкольные же ссуды обеспечивались не только залогом, но и всем имуществом[17].

Традиционная точка зрения считает, что экономический кризис 1900–1903 гг. нанес серьезный удар по банкам, занимавшимся операциями с промышленными ценностями. Их портфели оказались перегружены акциями, которые было невозможно реализовать. В результате, второстепенные банки погибли, а крупные при поддержке Госбанка свернули финансирование промышленности, но продолжали кредитовать товарооборот. А в период нового промышленного подъема 1909–1913 гг. акционерные банки, с усиленной энергией вернулись к финансированию промышленности, что через

---

[13] См.: Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1988. – С. 83.

[14] См.: Ежегодник русских кредитных учреждений. – СПб., 1880–1886. – Вып. 1-4.

[15] См.: Саломатина С.А. Доходы акционерных банков от операций с ценными бумагами, 1894–1903 гг. // Россия в XIX–XX веках. Материалы II Научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина. – М., 2002. – С. 116.

[16] См.: Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы: Конец XIX в. – 1914 г. – М., 1998.

[17] См.: Ильин С.В. О содержании и формах банковских операций в царской России // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России». – 2001. – № 12. – С. 28–32.

картелирование и создание «системы участий» привело к формированию мощных банковских групп[18].

Однако прослеживается и другая тенденция: российские банки не сближались с фабрично-заводской индустрией, а, наоборот, отдалялись: петербургские банки расширяли свое внимание на аграрный сектор через участие в кредитовании экспортно-импортного товарооборота, московские – через ипотечный кредит[19]. При этом в акционерных банках медленное развитие получила высшая форма кредитных операций – контокоррент, в рамках которой происходило сращивание банковских и промышленных предприятий в единое организационное целое[20].

Учет новейших исследований позволяет предполагать, что вплоть до 1917 г. акционерные коммерческие банки России, несмотря на свою экономическую силу, продолжали носить переходный межформационный характер.

Депрессия коммерческих банков в период 1875–1890 гг., вызванная последствиями русско-турецкой войны, неурожаями, падением мировых цен на зерно, спадом учредительской горячки, а также своеобразный симбиоз новых задач: индустриализации, денежной реформы и защиты экономических интересов дворянства, подтолкнули власть к реформированию кредитно-банковской системы в духе общего курса на государственный капитализм.

Первым шагом в этом направлении стало создание Крестьянского поземельного банка (1882 г.) и Государственного дворянского земельного банка (1885 г.) – государственных ипотечных учреждений, которые стали лидерами по количеству заложенной земли (Крестьянский банк в 1915 г. – 25,8%; Дворянский – 22,3%)[21].

Эти банки являлись, во-первых, сословными учреждениями и создавались для поддержки дворянства и крестьянства в экономической борьбе «с чуждыми земле сословиями». Во-вторых, они служили, главным образом, интересам дворянства, в одном случае через

---

[18] См.: Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1988. – С. 84–85.

[19] См.: Ильин С.В. Операции акционерных коммерческих банков дореволюционной России по материалам их годовых отчетов // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России». – 1997. – № 4. – С. 19.

[20] См.: Ильин С.В. О содержании и формах банковских операций в царской России // Там же. – 2001. – № 12. – С. 23–24.

[21] См.: Проскурякова Н.А. Указ. соч. – С. 287.

выгодные условия продажи поместной земли, а в другом – льготные условия получения ссуд. В-третьих, деятельность банков была теснейшим образом связана с правительственными учреждениями. Министерство финансов, Главное управление землеустройства и земледелия, не только осуществляли идейное руководство Крестьянским банком, но и оказывали ему (в период «столыпинской» реформы, прежде всего) стабильную финансовую поддержку. Государственное казначейство, начиная с 1909 г., ежегодно перечисляло на счет Крестьянского банка от 12 до 17 млн. рублей, что способствовало стабилизации его ипотечных облигаций на рынке ценных бумаг[22].

Имея сильную поддержку Государственного банка в реализации закладных листов и выдаче в течение первых четырех лет ссуд, Дворянский банк действовал вполне на коммерческих началах (не только погасил авансовые кредиты Госбанку в 80 млн. рублей, но и зачислил в запасной капитал 90 млн. руб.[23]) и являлся важным звеном в системе государственного капитализма.

Однако наиболее видную роль в этой политике играл сам Государственный банк. Ее нельзя охарактеризовать однозначно, так как она не была одинаковой на разных этапах развития кредитной системы России. Если в 1866–1875 гг. Государственный банк направлял на кредитование хозяйства 28% своих коммерческих ресурсов, то в момент резкого снижения деловой активности коммерческих банков в 1876–1880 гг. доля хозяйственных кредитов возросла до 53%, а в 1881–1890 гг. – до 63%[24]. В период этого роста клиентурой банка «являлись отнюдь не преуспевающие и расширявшиеся предприятия», а «предприятия, испытывавшие финансовые затруднения…»[25]. Это ограничивало кредитование Государственным банком широкого торгово-промышленного оборота. Многочисленные отделения банка выполняли задачу изъятия из провинции денежных капиталов для их использования в интересах экономической политики царизма[26].

---

[22] См.: Там же. – С. 297.

[23] См.: Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. – М., 1948.

[24] См.: Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1988. – С. 81.

[25] Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. – М., 1960. – С. 119.

[26] См.: Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1988. – С. 82.

В 1890-е годы решение этой задачи перешло в основном к Казенным сберегательным кассам, а Государственный банк изменил свою политику. В 1894 г. он получил новый устав, по которому выполнял ряд разнообразных функций: был эмиссионным центром, кредитором последней инстанции и тут же, одновременно, занимался прямым хозяйственным кредитованием. Он выдавал ссуды крестьянским хозяйствам, торговым и промышленным предприятиям, земствам и городам, занимался строительством и эксплуатацией элеваторов для хлебного экспорта[27].

Во время кризиса начала 1900-х годов Государственный банк вновь выступил в роли спасателя пошатнувшихся банков, промышленных и торговых предприятий. В 1909–1913 гг. широкое кредитование товарооборота сочеталось в деятельности банка с широким кредитованием акционерных коммерческих банков.

При всех этих изменениях в направлениях кредитования хозяйства Государственный банк оставался, прежде всего, орудием правительственной политики. Государству принадлежала решающая роль в управлении кредитно-банковской системой. Правительство полностью контролировало деятельность ее верхнего уровня. Достаточно сказать, что Государственный банк России находился в прямом подчинении министра финансов. Контрольно-регулятивные действия в отношении нижнего уровня кредитно-банковской системы осуществляло правительство, а не Госбанк.

Исключительно быстрый рост концентрации и монополизации русской промышленности был тесно взаимосвязан с концентрацией банковских учреждений. За период с 1900 по 1914 г. число акционерных банков коммерческого кредита в России выросло с 39 до 47, число их отделений – с 242 до 743, значительно возрос их основной капитал. При этом, на долю 13 самых крупных петербургских банков приходилось в 1914 году 72,2% всех вкладов и текущих счетов и 2/3 основных капиталов. Если в 1901 г. мелкие банки (76% от общего числа) располагали 38% основного капитала и 41% общей валюты баланса, а на долю средних банков приходилось 50% основного капитала, то в 1913 г. господствующее место заняли крупные банки с капиталом свыше 20 млн. рублей. Они сосредоточили больше половины основного капитала, 60% баланса всех акционерных банков[28].

[27] См.: Афанасенко И.Д. Указ. соч. – С. 357–358.
[28] См.: Яковлев А.Ф. Указ. соч. – С. 229–231.

Банковский капитал, развивая товарные отношения, очень часто выступал в роли так называемого «октябристского капитала», то есть квазикапиталистической неотрадиционной составляющей российского капитализма. В этой своей ипостаси он способствовал не трансформации мелкого сельскохозяйственного и кустарного производства в более крупные формы, а его постепенной деградации за счет изъятия большой доли прибавочного или даже необходимого продукта методами первоначального накопления. Проникая в экономику среднеразвитых районов, банковские монополии включались в сложившиеся формы капиталистической, а кое-где и докапиталистической эксплуатации, используя их в интересах собственного обогащения. Такое «включение» повсюду достигалось путем кредитования местных посредников, представителей торгового и ростовщического капитала, а также раннекапиталистических кредитных учреждений (банкирские дома), издавна связанных с местными мелкими производителями. В итоге прибыль русских банковских монополий была огромной. Причем, в центре они получали часть монопольной прибыли от эмиссионно-учредительских и биржевых операций, а на периферии присваивали часть домонополистической прибыли и докапиталистического прибавочного продукта, выраженного в денежной форме. Этот доход складывался, главным образом, из процентов по ссудам. Такие операции охватили всю страну[29].

Например, на территории Казахстана отделения Государственного банка и акционерных коммерческих банков, общества взаимного кредита и городские общественные банки держали в своих руках через разветвленную агентуру почти всю торговлю скотом, животноводческим сырьем, продуктами зернового хозяйства. Это достигалось и путем теснейшего переплетения капиталистического банковского кредита с различными архаическими формами ростовщичества. При этом уровень ростовщического процента в казахских аулах доходил даже до 800–900[30].

---

[29] См.: Тарновский К.Н. Проблема взаимодействия социально–экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. – Свердловск, 1972. – С. 32.

[30] См.: Фридман И.Л. Кредит и кредитные учреждения в условиях многоукладной экономики дореволюционного Казахстана // Вопросы истории капиталистической России... – Свердловск, 1972. – С. 202.

Такая практика отличала торгово-кредитные операции коммерческих банков в целом по стране. Фабрики продавали товары крупным фирмам под векселя на длительные сроки, те от себя оказывали коммерческий кредит розничной торговле, часто без выдачи векселей. В области торговли сырьем кредиты также имели широкое распространение в форме всякого рода авансов и задатков, имеющих в конечном счете источником банковский кредит, который таким образом переплетался со старыми формами ростовщического кредита[31].

Банковские монополии глубоко проникли в сферу мелкой промышленности практически всех российских регионов. Так, в Нижнем Поволжье крупнейшие банки страны имели в уездах края десятки своих филиалов, которые при помощи мелкого кредитования производителей и посредников приобщались к местным формам эксплуатации мелкого хозяйства. Помимо предоставления денежных ссуд индивидуальному заемщику кредитные учреждения вели посреднические операции по закупке и продаже товаров, а также снабжали мелких промышленников предметами, необходимыми для их промысла. В результате этой деятельности крупного банковского капитала в одних отраслях мелкой промышленности происходило поглощение или уничтожение неугодных ему конкурентов, а в других сохранялись старые формы организации производства. В результате кустарная промышленность края оставалась мелкой и раздробленной[32].

С начала XX века волна кооперативного движения коснулась и кредитной системы, в которой стали возникать кредитные кооперативы. Они были представлены двумя видами учреждений: ссудно-сберегательными товариществами, капитал которых формировался паевыми взносами (от 10 до 100 рублей) и кредитными товариществами, возникшим благодаря ссудам Госбанка. Большинство кредитных кооперативов располагались в сельской местности. В 1914 году они объединяли до 28% самостоятельных хозяйств. Средний размер ссуд составлял у кредитных товариществ 56 руб., у ссудно-сберегательных товариществ – 145 руб. Средний процент по ссудам достигал у первых 11%, у вторых – 9%. И несмотря на такой процент,

[31] См.: Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. – М., 1948. – С. 264.

[32] См.: Шлифштейн Е.И. Мелкая промышленность Саратовской губернии. – Саратов, 1923. – С. 30.

кредитные кооперативы сделали ссуду доступной для среднего и мелкого производства и мелкой торговли[33].

В результате кооперация стала тем необходимым звеном, которое связало систему финансового капитала с мелким производством, и подчинило последнее воздействию промышленных монополий и банков. Банковский капитал воздействовал на мелкокрестьянское хозяйство, прежде всего путем кредитования кооперации как своего посредника. Это стало возможным в силу того, что кооперация никогда не работала на свои деньги. Например, в кредитной кооперации более 80% всех средств регулярно приходилось на долю государственных и частных источников кредита. Финансовый центр всей кооперации России – Московский народный банк – никогда бы не смог существовать без вкладов частных лиц и поддержки государства[34].

Через Московский народный банк в кредитную сеть России включалось огромное число крестьянских хозяйств, объединенных в различные виды кооперации. Его кредитами пользовались кооперативы центральных областей России, затем – юга и севера. Банк установил тесные отношения с Сибирским союзом маслодельных артелей: открытые банком кредиты союзу составляли миллионы рублей. При этом банк выступал не только как финансовый центр; при его помощи потребительская кооперация организовывала закупки и сбыт. Возникшая мощная организация – Закупсбыт – на 3/4 финансировалась Московским народным банком.

Московский народный банк, помимо кредитования, непосредственно занимался и товарными операциями. Роль посредствующего центра выполнял его товарный отдел. Он проводил закупку сельскохозяйственных машин и орудий, железа, семян, шпагата, удобрений у крупнейших зарубежных и отечественных фирм, а затем доводил до потребителя через систему местных союзных объединений и первичных кооперативов. Обороты товарного отдела возросли с 0,5 млн. руб. в 1913 г. до 43,9 млн. руб. – в 1917 г.[35].

Особое место в кредитно-банковской системе России занимала ипотека. С ее помощью «частное землевладение получило с 1862 г. ...и до начала мировой войны свыше 3 млрд. руб. – примерно такую

---

[33] См.: Афанасенко И.Д. Указ. соч. – С. 362.

[34] См.: Кабанов В.В. Кооперация как канал взаимодействия различных социально-экономических укладов // Вопросы истории капиталистической России... – Свердловск, 1972. – С. 103.

[35] См.: Там же. – С. 105.

же сумму, на которую выросли за это время капиталы всех русских акционерных промышленных и торговых предприятий»[36]. Ипотека, казалось бы, играла такую же роль, как и в других странах в эпоху утверждения буржуазных отношений, когда ипотечные банки являлись посредниками между землевладельцами и владельцами заемных капиталов. Однако «воздействие ипотеки на частновладельческое хозяйство не было однолинейным, …носило противоречивый характер»[37]. Значительная часть ссуд использовалась потребительски или содействовала сохранению имений на какое-то время. Правда, со временем по мере формирования земельного рынка, модернизации помещичьих хозяйств определенные позиции завоевала тенденция производительного использования ипотечных ссуд. И все же в конечном итоге ипотечный кредит в России в целом не приобрел буржуазно-коммерческий характер и способствовал не капиталистической перестройке сельского хозяйства, а «капитализации кабальных рент»[38].

Таким образом, в начале XX века Россия обладала относительно развитой кредитно-банковской системой, ставшей наиважнейшим условием капиталистической модернизации экономики страны. Эта система характеризовалась разнообразием форм, высокой степенью государственного регулирования и монополизации, противоречивым экономическим содержанием: обеспечение жизнедеятельности капиталистического уклада с помощью переходных банковских форм и за счет эксплуатации квазикапиталистической периферии.

Состояние кредитно-банковской системы сказывалось на функционировании *русского денежного рынка.* Он окончательно сложился только в 1909–1913 гг. И по сумме ссудных капиталов достиг весьма внушительных размеров. Однако при сравнении их с ресурсами западных денежных рынков необходимо вносить существенную поправку на длительное замораживание банковских средств при финансировании и замедленный оборот капиталов в русской торговле. Эта, так сказать, пониженная эффективность русского денежного рынка ставила его, несмотря на крупные ресурсы, в один ряд с денежными рынками второго порядка (Италия, Австро-Венгрия)[39].

---

[36] Гефтер М.Я.: Многоукладность — характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России... – Свердловск, 1972. – С. 92.
[37] См.: Проскурякова Н.А. Указ. соч. – С. 299.
[38] Гефтер М.Я. Указ. соч. – С. 92.
[39] См.: Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. – М., 1948. – С. 256–257.

Необходимым условием существования рыночной системы является развитие различных форм коммерческого предпринимательства, а важнейшим показателем капиталистического развития – переход от единоличного к ассоциированному владению предприятиями.

Для России было характерно сочетание единоличного и коллективного предпринимательства. Последнее развивалось в виде торговых домов, товариществ на вере, товариществ на паях и акционерных обществ. Товарищества получили законодательно-правовой статус еще в 1807 г.[40], а Положение о компаниях на акциях было издано в 1836 г.[41]. Однако в 60–70-е годы XIX в. Российское акционерное законодательство начало отставать от европейского, которое предусматривало регистрационную систему учредительства. Несмотря на неоднократные инициативы Министерства финансов по изменению правовой ситуации в данном вопросе, концессионная система в России продержалась до 1917 г. Тем не менее, нельзя не отметить поэтапной эволюции в сторону явочного порядка учредительства. Сначала по инструкции Министерства финансов «О порядке выдачи промысловых свидетельств и билетов» устанавливалось, что учредители должны были сами следить за соблюдением статей закона[42]. Затем (1912) был введен явочный порядок учреждения в банковской сфере.

Несмотря на правовые пробелы, акционерное учредительство в целом развивалось успешно. В стране, где в середине XIX в. в год учреждалось две-три акционерные компании и общая сумма акционерных капиталов составляла всего 27,2 млн. рублей[43], «к началу XX века большая часть крупных предприятий действовала в акционерной форме»[44]. В 1905 г. общее число владельцев торговых и промышленных предприятий, имевших прибыль свыше 1 тыс. руб., составляла 83579 человек. Из них владельцев предприятий, принадлежавших акционерным обществам и компаниям, паевым товариществам и другим, подлежащим публичной отчетности, было всего 2% (1658 чел.),

[40] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 1-е. – Т. 29. – № 19901.
[41] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 2-е. – Т. 11. – Отд. 2. – № 9763.
[42] См.: Поткина И.В. Торгово–промышленное законодательство Российской империи // Экономическая история России XIX – XX вв… – С. 310.
[43] См.: Яковлев А.Ф. Указ. соч. – С. 66.
[44] См.: Афанасенко И.Д. Указ. соч. – С. 361.

однако они получали 33,5% прибыли всех торгово-промышленных предприятий[45].

Учредительство носило волнообразный характер и было связано с целым рядом факторов: капиталистическими циклами, активностью железнодорожного строительства, интенсивностью притока иностранных капиталов, состоянием денежно-кредитной сферы.

Еще с 1820 г., когда впервые появились правительственные займы, были созданы фондовые отделы по ценным бумагам при товарных биржах. С 1827 г. объектом биржевой торговли становятся акции. Фондовые отделы (как и биржи) не имели самостоятельности и подчинялись министру финансов. Специальных же фондовых бирж в России не было, поскольку путем мобилизации капиталов внутри страны удовлетворялась лишь часть потребности предпринимательства в необходимых капиталах. Эта особенность ярко отражала *переходный характер экономического строя тогдашней России*.

Данный тезис подтверждается и при анализе *торгово-промышленного законодательства Российской империи*.

Великие реформы внесли целый ряд важных изменений в действующие юридические нормы. Законы 1 января 1863 г. и 9 февраля 1865 г. ознаменовали поворот в отношении правительства к предпринимательской деятельности[46]. Они провозгласили принципы бессословности и равенства правоспособных граждан в занятиях торговлей и промышленностью. Но только с принятием нового Положения о государственном промысловом налоге 1898 г. было покончено с сословным началом и право на занятие торговлей и промышленностью стало независимым от приписки к купеческому состоянию[47].

В 80–90-х гг. XIX в. правительство пересмотрело ряд законов, регулировавших предпринимательскую деятельность. *Однако в целом торгово-промышленное законодательство не освободилось полностью от устаревших положений и в некоторых частях отставало от европейской практики.* Например, при принятии в 1887 г. Устава торгового законодатель не смог окончательно отрешиться от полицейских задач[48]. Проанализировав Устав торговый в своем докладе

---

[45] См.: Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. – СПб., 1906. – С. 58–81.

[46] См.: ПСЗРИ. – Собр. 2 –е.-Т.XXXVIII.- Отд.I - № 39118; ПСЗРИ. – Собр. 2-е.- Т.XL.- Отд.I- № 41779.

[47] См.: Вольтке Г.С. Право промышленности и торговли в России в историческом развитии. – СПб., 1901. – С. 21, 28.

[48] См.: СЗРИ. – СПб., 1893. – Т. XI. – Ч. II.

Съезду Союза промышленных и торговых предприятий, А.Ф. Волков пришел к заключению, что в этом кодексе «нет и намека не только на особую систему торговых действий и сделок, но даже не определено юридического понятия купца… Купцу, следовательно, остается руководствоваться вместо закона принятыми в торговле обычаями», а коммерческим судам – нормами германского торгового уложения[49]. Устав о промышленности 1892 г. сохранил устаревшие статьи о цеховом устройстве и правлении, к тому времени уже потерявших практическое применение.

Главной особенностью российского торгово-промышленного законодательства стала высокая степень государственного правового регулирования. Несмотря на отсутствие систематического торгово-промышленного свода, экономическая деятельность российских предпринимателей методично регулировалась большим числом законов, разбросанных по всему своду законов.

Провозглашая принцип равноправия в торгово-промышленной деятельности всех сословий, законодательство вводило для некоторых физических лиц ограничения (в той или иной степени) их предпринимательской деятельности. К этим лицам относились священнослужители, офицеры и нижние чины, государственные служащие, осужденные, несостоятельные должники, лица иудейского вероисповедания, женщины, биржевые маклеры, лица, причисленные к одному купеческому свидетельству. За исключением запретительства в отношении лиц иудейского вероисповедания и женщин во всех остальных случаях ограничения, на наш взгляд, носили обоснованный и прогрессивный характер, так как отсекали от предпринимательства те слои, которые могли своей деятельностью в этой области нанести обществу и государству серьезный ущерб.

Помимо прямых имели место и *косвенные ограничения прав на занятие торгово-промышленной деятельностью*. Самым массовым и вопиющим косвенным ограничением являлась обязанность предпринимателей из крестьян и мещан получать так называемые «виды на жительство» в случае отлучки с постоянных мест пребывания[50].

Ограничения касались не только субъектов предпринимательства, но и его учредительства, которое осуществлялось концессионным порядком. Особенно большим числом стеснительных правил

[49] Цит. по: Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово–промышленной политики. – Л., 1987. – С. 122.
[50] См.: Там же. – С. 121.

был обставлен порядок устройства промышленных заведений. Согласно ст. 69 Устава о промышленности для их открытия в губернских и уездных городах и округах требовалась санкция местного начальства. Если заведение мануфактур, фабрик и заводов не противоречило закону, то разрешение выдавалось немедленно, но только тех предприятий, которые были опубликованы в особом списке Министерства внутренних дел, согласованным с Министерством финансов[51].

Пользуясь концессионной системой учредительства российского торгово-промышленного законодательства, административные органы не признавали коллективные договоры с целью создания монополистических союзов, рассматривая их как стачки. К синдикатам применялись ст.ст. 913 и 1180 Уложения о наказаниях и ст.ст. 1528 и 1529 Законов гражданских[52].

Свое неприятие сложившемся порядком не раз высказывали участники организаций промышленности и торговли. Так, в записке Постоянной совещательной конторы железозаводчиков от 28 января 1905 г. на имя председателя Комитета министров С.Ю. Витте говорилось: «Проявление частной промышленной инициативы у нас крайне стеснено. Акционерное дело, железнодорожное строительство, земельный, городской и коммерческий кредит – все это в России продукт правительственного усмотрения, а не следствие свободно развивающейся народной жизни. После этого неудивительно, что нужды нашей промышленности на различных съездах выливаются почти исключительно в ряд многочисленных ходатайств перед правительством и лишены начал самодеятельности и самопомощи»[53]. С.И. Тимашев, характеризуя организацию и деятельность промышленных предприятий, свидетельствовал, что они были «обставлены» в России «ужасающими… стеснениями», что нужны были «большое мужество и энергия, чтобы не спасовать перед… формальностями»[54].

В 1901 году Министерство финансов представило в Государственный совет законопроект, который был призван модернизировать соответствующие правовые нормы. После длительного обсуждения законопроекта в особой комиссии Совета в 1904 г. было решено по-

[51] См.: Поткина И.В. Указ. соч. – С. 311.

[52] См.: Там же. – С. 310; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст.ст. 913,1180 //СЗРИ. – Т. XV; Законы гражданские (Свод законов гражданских). Ст.ст. 1528, 1529 // СЗРИ – ТХ, ч. I.

[53] Цит. по: Шепелев Л.Е. Указ. соч. – С. 120.

[54] Цит. по: Там же. – С. 121.

ручить Министерству финансов доработать его с учетом полученных замечаний, а пока временно (на 5 лет – с 1 января 1905 г.) сохранить прежний порядок, но надзор за соблюдением правил создания промышленных учреждений и контроля за ними был возложен на Главное и губернские по фабричным и горнозаводским делам присутствия. Поскольку в них сильно было влияние Министерства торговли и промышленности, то последнему удавалось на практике несколько смягчить ограничительные нормы закона. Однако по истечении 5-летнего срока, надзор за открытием предприятий вновь перешел к «губернскому начальству», то есть оказался в ведении Министерства внутренних дел, что увеличило сроки организации компаний[55].

Отсутствие твердых, отвечающих современным потребностям норм закона восполнялось административным регулированием. Последнее создавало условия для самоуправства и взяточничества чиновников.

Говоря об ограничительных статьях законов, нельзя забывать и о поощрительных мерах, которые они предоставляли основателям предприятий. Льготы носили в основном налоговый характер. Помимо этого, предприниматели получили право выписывать за свой счет через Департамент торговли и мануфактур образцы иностранных изделий, необходимых к производству внутри страны, но запрещенных к ввозу. Заводчики и фабриканты могли закрепить за собой на 10 лет исключительное право пользования изобретениями или техническими усовершенствованиями. Владельцы предприятий пользовались правом защиты как в административном, так и в судебном порядке. Коммерческое право в России регулировало порядок ведения делопроизводительской документации, взаимоотношения хозяев и рабочих, порядок обращения товаров.

В XIX – начале XX в. в России ценообразование по закону (ст. 854 Устава о промышленности) носило в основном свободный характер и определялось в большинстве случаев спросом и предложением. Однако государство строго фиксировало расценки на лекарства и перевозки по железным дорогам. А на такие предметы первой необходимости, как печеный хлеб и мясо, цены устанавливались органами городского самоуправления и утверждались губернаторами[56]. Эти факты опровергают тезис П. Грегори о том, что цены на товары и

[55] См.: Там же.
[56] См.: Гуляев А.И. Торговля и торговые установления. – М., 1912. – С. 73–75.

факторы производства устанавливались только в следствии действия рыночных механизмов[57].

Выводы

Во второй половине XIX – начале XX в. все элементы рыночной капиталистической инфраструктуры находились в процессе своего становления и имели переходный противоречивый расколотый характер, что подтверждает формационную незрелость российского капитализма.

В начале XX в. Россия обладала относительно развитой кредитно-банковской системой, ставшей наиважнейшим условием капиталистической модернизации экономики страны. Эта система характеризовалась разнообразием форм, высокой степенью государственного регулирования и монополизации, противоречивым экономическим содержанием: обеспечение жизнедеятельности капиталистического уклада с помощью переходных банковских форм и за счет эксплуатации квазикапиталистической периферии.

Состояние кредитно-банковской системы сказывалось на функционировании русского денежного рынка – внушительного по размеру, но недостаточно эффективного (замораживание банковских средств при финансировании и замедленный оборот капиталов в русской торговле).

Несмотря на существенную модернизацию, российское торгово-промышленное законодательство продолжало носить во многом сословный ограничительно-регулирующий характер, страдало консерватизмом и зачастую не отражало сложившуюся хозяйственную практику. Однако даже при правовых пробелах и отсутствии специальных фондовых бирж, в России развивалось акционерное учредительство. Путем фондовой мобилизации капиталов внутри страны удовлетворялась лишь часть потребности предпринимательства в необходимых капиталах. Эта особенность ярко отражала переходный характер экономического строя тогдашней России.

[57] См.: Грегори П. Указ. соч. – С. 51

§ 4. Преобразования буржуазного характера в аграрном секторе экономики

Важнейшим направлением модернизации в экономической сфере России являлся процесс становления буржуазных отношений в деревне, протекавший чрезвычайно сложно и противоречиво. Его генезис был тесно переплетен с крепостным поместным и государственным хозяйством, в лоне которого он зарождался и противоречиво развивался.

Изучение аграрного сектора дореформенного периода показывает, что хозяйства, основанные на крепостном труде, функционировали относительно эффективно[1]. Это подтверждается целым рядом фактов.

Например, за 1801–1860 гг. доходы помещиков от каждого оброчного крестьянина возросли примерно на 70–90% при минимальных и стабильных управленческих затратах помещиков[2]. Еще больший доход получали владельцы барщинных имений, так как на сельхозработах труд барщинных крестьян был существенно (по некоторым оценкам вдвое) более производителен, чем труд оброчных крестьян. Поэтому всюду, где земледелие являлось главным занятием, помещики предпочитали барщину оброку: в 1850-е годы на барщине находились 96,1% крестьян 9 западных, 81,6% крестьян 21 черноземных и восточных губерний и только 43,2% крестьян 15 нечерноземных губерний[3].

Доходность крепостных хозяйств подтверждается и косвенным путем. В течение XVIII – первой половины XIX в. рост цен на крепостных людей и на населенные помещичьи имения обгонял рост хлебных и еще более промышленных цен[4]. Весьма показателен постоянный рост денежной компенсации за рекрута, которая может служить другим косвенным показателем доходности крепостного труда. С 1720-х по 1850-е годы цена рекрута увеличилась (с учетом инфляции

---

[1] См.: Струве П.Б. Крепостное хозяйство: Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX вв. – М., 1913. – С. 154–156; Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. – Л., 1925. – Т. 1. – С. 131–132.

[2] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.). – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 394.

[3] См.: Прокопович С.Н. Аграрный вопрос в цифрах. – СПб., 1907. – С. 7.

[4] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.). – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 394.

и изменения денежной системы) в 4,5 раза при росте среднероссийских хлебных цен в 3,5 раза[5].

Помещичьи крестьяне работали лучше и больше, чем государственные, а среди помещичьих – именно барщинные. Сравнение основных показателей уровня развития сельскохозяйственного производства у сильно закрепощенных помещичьих крестьян и менее закрепощенных казенных крестьян по 13 губерниям в 1842–1853 гг. показывает, что казенный крестьянин, располагавший большей степенью хозяйственной свободы, большим количеством земли, обремененный меньшими налогами и повинностями, чем помещичий крестьянин, имел сравнительно с ним посевов на 42% меньше, урожайность – на 16% ниже, держал скота на 7–12% меньше, выращивал хлеба на 63% меньше и в итоге производил сельскохозяйственной продукции примерно в 1,5 раза меньше[6]. Данные по 50 губерниям Европейской России за 1851–1860 гг. подтверждают эту тенденцию: урожайность зерновых у помещичьих крестьян была выше, чем у казенных примерно на 6–7%. В целом, у казенных крестьян сумма оброка и прямого государственного налога в постоянной валюте возросла с 1719–1724 гг. по 1850-е годы примерно в 2,8 раза, у помещичьих крестьян – в 5 раз[7].

Причина этого заключена в двух факторах. Во-первых, крепостное барщинное хозяйство смогло опереться на выгоды кооперации общинного труда крестьян. Во-вторых, более высокий уровень организации, контроля и насилия по отношению к помещичьим крестьянам обеспечивал и более высокий уровень дохода. Статистика крестьянского движения ясно показывает, что в течение XVIII – первой половины XIX в. крестьяне все чаще протестовали против злоупотребления властью со стороны крепостников. Если в 1706–1800 гг. в среднем в год происходило 39 крестьянских волнений, то в 1851–1856 гг. – 88, то есть в 2,3 раза больше[8]. Причем, бунтовали, главным образом, помещичьи крестьяне, и их лозунгом было освободиться не

---

[5] См.: Там же.

[6] См.: Миронов Б.Н. Влияние крепостного права на отношение русского крестьянина к труду // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). – Кишинев, 1978. – С. 119–127.

[7] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.). – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 395.

[8] См.: Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX вв. – М., 1967. – С. 10.

вообще от крепостничества, а лишь от помещичьей власти и стать казенными или удельными крестьянами[9].

Приведенные данные, однако, не могут однозначно свидетельствовать об отсутствии кризиса в экономике помещичьего хозяйства, так как анализ динамики задолженности поместных хозяйств с 1775 г. по 1859 г. показывает, что их кредитный долг возрос за этот период с 4,3 до 425 млн руб., а процент заложенных крестьян – с 5% до 66%[10]. Можно предположить, что причину этого следует искать в соотношении хозяйственной деятельности поместных хозяйств первой половины XIX в., их доходности и расходов помещиков, что является пока малоизученной проблемой, имеющей целый ряд возможных вариантов решения.

Например, известно, что в 20–30-е годы XIX в. рост вкладов опережал выдачу ссуд, и поэтому правительство нашло наиболее надежный способ их обеспечения – залог населенных имений. Владельцы крепостных предприятий, включая металлургические заводы Урала и центрального района, также свободно кредитовались под залог «душ» в Земельном банке и сохранных казнах и не потому, что их фаворитизировали, а потому что они обладали самым надежным обеспечением.

Поэтому можно предположить, что кредитные операции имели совершенно иной характер, чем представляется на первый взгляд. Превышение вкладов произошло именно вследствие возникновения избытка денежных средств у помещиков. С одной стороны, даже при барщинной системе хозяйства крепостников не нуждались в значительных капитальных затратах. Относительно невелики были и денежные капиталы, необходимые для функционирования крепостной мануфактуры, соляных или рыбных промыслов. С другой стороны, росли товарность сельского хозяйства и цена крепостной души. Эти два момента привели к тому, что хозяйственная активность крепостника, не проматывавшего своих доходов, направлялась в сторону их рантьерско-ростовщического использования. Банки неограниченно принимали средства на вклады. Посредством же банковских билетов помещик мог ссужать купцов необходимыми средствами (7–8%) или становился участником торговых операций купца, подрядчика или

[9] См.: Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. – М., 1990. – С. 226.

[10] См.: Островский А.В.Универсальный справочник по истории России. – СПб.,2000. – С.187-188.

откупщика. Владелец крепостных имел существенное преимущество перед другими ростовщическо-рантьерскими элементами из купцов, непоместных дворян и чиновников. Ссуду, полученную в банке, он мог внести тут же на вклад и кредитовать купцов банковскими билетами, то есть заемными денежными средствами, по которым он сам платил всего 1% (5% по ссуде минус 4%, получаемых по вкладу). Выгоды вкладчиков заключались в возможности использования вкладных билетов как денежных знаков для производства разных платежей билетами вплоть до оплаты товаров[11].

Ориентация государственных банков на кредитование помещиков носила объективный характер не только в силу роста цены крепостной души, но и по причине невозможности противопоставить ей другое, более надежное обеспечение ссуд. Во-первых, в тот период еще не сложилась рыночная цена городских домов и земель по капитализации их доходности. Всего к 1856 году банковские ссуды под залог каменных домов вместе с фабриками составили в Петербурге только 20 млн. руб., в Москве – 1 млн. руб., у всех приказов – 2,7 млн. руб.[12]. Во-вторых, в условиях экономики того времени не могло получить развития и вексельное кредитование купечества.

В решении рассматриваемой проблемы есть и другой аспект. Многочисленные источники дореформенной эпохи свидетельствуют об удивительной апатии и лени, глубоко укоренившихся в массовом сознании русского провинциального дворянства. Деятельных, практичных помещиков было чрезвычайно мало[13], многие спивались и умирали в расцвете сил[14]. Сами помещики часто объясняли подобное морально-психологическое состояние не недостатком капиталов, слабостью воли или «скудостью разумения» отечественных землевладельцев, а устоявшемся в их среде стереотипом, утверждавшем о том, что «**работать** образованному человеку **стыдно**»[15]. Все это мо-

---

[11] См.: Гиндин И.Ф. Докапиталистические банки России и их влияние на помещичье землевладение // Возникновение капитализма в промышленности, в сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. Сборник статей. – М., 1968. – С. 333–334.

[12] См.: Там же. – С. 328.

[13] См.: Шатилов Н.И. Из недавнего прошлого // Голос минувшего. – 1916. - №1. – Отд.II. Воспоминания. С.175.

[14] См.: Никифоров Н. Дворянство // Журнал землевладельцев. – 1859. – Т.4. - №15. – Отд.IV. – С.55-68.

[15] Э.Р. Размышления о сельских хозяевах и сельском хозяйстве // Земледельческая газета. – 1856. - №53 (3 июля). – С.210; Селиванов И. Заметки новохозяина о сельских больницах // Там же. – 1841. - №59 (25 июля). – С.466.

жет косвенно говорить о том, что ресурсы у российских помещиков были, но использовались они во многом непроизводительно.

Наиболее вероятным является такой вариант понимания рассматриваемой проблемы, при котором представляется, что относительно высокая доходность крепостного труда сочеталась с нарастанием кризиса помещичьего хозяйства. *Этот кризис состоял, однако, не в деградации поместного хозяйства, а в невозможности его заменить капиталистическим при сложившейся на тот момент технологической базе.*

Пример хозяйственной деятельности помещиков прибалтийских губерний, свидетельствует, что барщинное хозяйство в подавляющем большинстве случаев, даже при несколько большей официальной урожайности, чем в российском Нечерноземье, оказывалось более доходным, чем при использовании помещиками труда батраков. Помещик Е. фон Унгерн-Штернберг по этому поводу написал: «В большинстве случаев доход, полученный из земель при собственной обработке, очень далеко отстает от стоимости продукта барщины…». Барон Кампенхаузен подтвердил этот вывод, подчеркнув, что «все попытки вести хозяйство мызными батраками… не дали удовлетворительных результатов…»[16]. Альтернатива была такова: «или продолжать жить так, чтобы без каких-либо затрат получать ежегодно с каждого хозяйства 24-40 бочек, или от каждого работника 9-16 бочек ржи или иметь ежегодно расходы в 12-19 бочек и в конечном счете получать примерно тот же доход – 24 бочки на хозяйство или на человека»[17].

В рассматриваемый период помещичий уклад являлся ведущим в экономическом строе России. Подтверждением этому может быть его положение в аграрном секторе народного хозяйства. Так, доля крестьянского хлеба, поступавшего на рынок, в 50-х годах XIX в. составила всего около 10%[18], с другими земледельческими продукта-

[16] Цит. по: Кахк Ю.Ю. О внутренних противоречиях барщинного помещичьего хозяйства в Прибалтике в первой половине XIX в.// Социально-экономическое развитие России. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Николая Михайловича Дружинина. – М.,1986. – С.91,92.
[17] Там же. – С.91.
[18] См.: Хромов П.А. Экономическая история СССР: Первобытно-общинный и феодальный способы производства в России. – М., 1988. – С. 160. По другим, также приблизительным оценкам этот процент доходил до 35-40. См.: Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). - М.,1959. – С.104.

ми – 17–18%[19]. Остальное приходилось, главным образом, на помещичьи хозяйства. Они же располагали и основным земельным фондом. На крестьян, купцов, однодворцев, казацкие общины приходилось не более 5–6% земли[20]. Но самое главное, помещики обладали тогда главным богатством страны – крепостными душами, даровый труд которых обеспечивал владельцам огромные доходы. При этом до середины XIX в. помещики, как дворяне, обладали фактически налоговым иммунитетом, то есть не платили прямых налогов[21].

Россия в первой половине XIX в. стала главным поставщиком хлеба на мировой рынок, особенно после отмены Англией в 1846 году хлебных законов, ограничивавших ввоз хлеба. Среднегодовой вывоз хлеба (пшеницы, ржи, ячменя и овса) возрос с 5120 тыс. пудов в 1806–1810 гг. до 69254 тыс. пудов в 1856–1860 гг.[22] И все же экспорт хлеба составлял незначительную долю его производства. Весь внутренний и внешний оборот хлеба составлял около 1/5 всего производства (59,5 млн. четвертей из 250). На долю экспорта в начале XIX в. приходилось немногим более 1% урожая основных хлебов. Затем, в 1856–1860 гг. процент повысился до 5[23].

Хлеб занимал весьма скромное место среди экспортируемых товаров вплоть до 1845 г.: в 1802-1807 гг. – 18,7% ко всему вывозу, в 1812-1815 гг. – 10,5%, в 1816-1820 гг. – 31,2%, в 1821-1825 гг. – 8,4%, в 1826-1830 гг. – 15,7%, в 1831-1835 гг. – 15,4%, в 1836-1840 гг. – 14,8%[24].

Эти данные позволяют выдвинуть предположение о превращении в рыночно-крепостнические квазикапиталистические только крупных помещичьих хозяйств, имевших реальную связь с внешним рынком. Таковыми были в основном крупные производители южных районов страны, ибо поставки южно-русского хлеба в Европу обхо-

---

[19] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.). – СПб., 1999. – Т. 1.– С. 524.

[20] См.: Хромов П.А. Экономическая история СССР: Первобытно–общинный и феодальный способы производства в России. – М., 1988. – С. 50.

[21] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.). – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 94.

[22] См.: Хромов П.А. Экономическая история СССР: Первобытно–общинный и феодальный способы производства в России. – М., 1988. – С. 181.

[23] См.: Доклад высочайше учрежденной 26 мая 1872 года комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. – СПб., 1873. – С. 9-10; Хромов П.А. Указ. соч. – С. 181.

[24] См.: Дружинин Н.М. Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М.Н. Покровского // Дружинин Н.М. Избранные труды: Социально-экономическая история России. – М., 1987. С.112.

дились дешевле не только русского хлеба, идущего из центральных районов страны через балтийские порты, но и американского хлеба[25].

Это говорит о том, что крепостнический уклад в определенной мере превратился из натурального в рыночный[26] и, тем самым, стал квазикапиталистическим укладом[27].

Таким образом, формальная, функциональная капитализация аграрного сектора страны началась задолго до его реальной сущностной капитализации.

Экономическая сила крепостников была подавляющей. Так, общая стоимость недвижимой собственности в стране в середине 50-х годов XIX в. оценивалась в 2536 млн. рублей. Из них 1375 млн. руб. – 54%, составляла стоимость населенных имений – 11 млн. душ по 125 рублей серебром. Всего в 60 млн. руб. оценивались «незаселенные земли» (2 млн. десятин по 3 рубля). Наиболее ценная часть городского фонда также принадлежала дворянско-помещичьим кругам. Примечательно, что 5000 фабрик, заводов и рыбных промыслов были оценены всего в 250 млн. руб. – то есть 10% от всей недвижимой собственности[28].

Ведущее положение рыночно-крепостного хозяйства не могло в тот период предотвратить процесс его исторического исчерпания, несмотря на его жизнеспособность и внутренний экономический потенциал развития. Крепостная система хозяйства заходила в тупик не из-за ее малой доходности (которая, наоборот, была высокой), а по ряду других причин.

Ее существование сдерживало формирование полноценного капиталистического рынка труда.

Относительная дешевизна крепостного труда тормозила научно-технический прогресс, хотя и обеспечивала при низком уровне сельскохозяйственной техники оптимальное использование производственных ресурсов. Это достигалось через эгалитарное уравнительное распределение помещиками материальных благ между дворами в соответствии с их численностью, количеством тягол, соотношением земли, трудовых ресурсов и поголовья домашнего скота, что объек-

---

[25] См.: Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. – Л., 1925. – Т. 1. – С. 127.

[26] См.: Струве П.Б. Крепостное хозяйство: Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX вв. – М., 1913. – С. 154–156.

[27] См.: Капитализм на Востоке во второй половине XX вв. – М., 1995. – С. 330–333.

[28] См.: Гиндин И.Ф. Докапиталистические банки России и их влияние на помещичье землевладение // Возникновение капитализма в промышленности, в сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. Сборник статей. – М., 1968. – С. 328.

тивно задерживало развитие имущественной и социальной дифференциации среди крестьянства[29].

По мере общего смягчения нравов в обществе, повышения образовательного и культурного уровня помещиков, пробуждения самосознания у крестьянства, жестокость и насилие, на которых держалось крепостное хозяйство, становились все более безнравственными. Ярким примером изменения ценностных ориентаций дворянства по вопросу о крепостном праве является записка тайного советника М.П. Позена. В ней он задается вопросом: «Самый закон, оценивающий человека как вещь, обрекающий на рабство целую половину производительного класса народа… соответствует ли настоящему нравственному развитию русского народа и прямым пользам государства?»[30]. Многие помещики были уже не в состоянии более принуждать своих крестьян работать сверх традиции. Кроме того, без применения жестоких наказаний крестьянин на барщине интенсивно работать не мог. Вот как описывал эту ситуацию помещик А.И. Кошелев: «Взглянем на барщинную работу. Придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работает сколь возможно меньше, – ему не дело делать, а день убить… Господские работы, а особенно те, которые не могут быть урочными, приводят усердного надсмотрщика или в отчаяние или в ярость. Наказываешь нехотя, но прибегаешь к этому средству как единственно возможному, чтобы дело вперед подвинуть»[31].

Крепостное хозяйство как помещичье, так и государственное, способствовало отчасти образованию технологического тупика в земледелии. Это было связано с тем, что в начале XIX в. в условиях трехполья в центре страны нарастал процесс аграрного перенаселения. Его важная особенность состояла в том, что ему сопутствовало становление крупной машинной индустрии, что значительно видоизменило структурные пропорции и результаты грядущего коллапса.

В России было слишком мало скота в расчете на единицу обрабатываемой площади. И показатель этот постоянно ухудшался за счет неуклонного наступления пашни на пастбище и сенокосы. Например,

---

[29] См.: Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. – М., 1993. – С. 109-110.

[30] ГАРФ, ф. 722, оп. 1, д. 292, л. 3.

[31] См.: Кошелев А.И. Охота пуще неволи // Русское общество 40–59-х годов XIX в. Часть I. Записки А.И. Кошелева. – М., 1991. – С. 200–201.

если в Тамбовской губернии в конце XVIII в. на 100 десятин пашни приходилось 77,4 десятины сенокоса и пастбищ, то в конце 50-х годов XIX в. – всего 20,9 десятины; в Рязанской губернии – 16–17 десятин[32], тогда как оптимальным для трехполья является соотношение пастбища и пашни как 1:2. Такой же процесс вытеснения пастбища пашней наблюдался и в Белоруссии[33]. Менее пессимистические данные Арсеньева и Тенгоборского, которые привел в свое время П.И. Лященко, показали ту же тенденцию – вытеснение лугов пашней[34]. Ее развитие приводило к подрыву возможностей содержать крупный рогатый скот и к сокращению его поголовья в расчете на душу населения и на единицу обрабатываемой площади из-за нехватки кормов.

Так, в той же Тамбовской губернии количество крупного рогатого скота на 100 человек земледельческого населения сократилось с 59,3 в 1806–1810 гг. до 20,9 голов в 1856–1860 гг.[35]. В целом по Европейской России в конце 50-х годов XIX в. на 100 человек земледельческого населения приходилось всего 34,4 головы крупного рогатого скота, или в 3–4 раза меньше, чем странах Западной Европы[36]. Нехватка скота, в свою очередь, означала нехватку удобрений и застой в урожайности, которые не могли быть компенсированы расширением обрабатываемой площади из-за аграрного перенаселения.

Для перехода к трудоинтенсивным системам, характерным для субтропиков, не было природных условий – ирригационного земледелия и возможности сбора нескольких урожаев в год, а для перехода к травопольной, плодосменной системе требовались соответствующая агрикультура, время для ее распространения и, самое главное, наличие свободных сельскохозяйственных земель, на которых можно было внедрять новую систему. У большинства русских крестьян таких площадей не было. Общероссийский пахатный клин на человека в 1857 г. составлял 1,6 десятины, а в 1909 г. уже - 0,43 десятины[37]. Если в десятилетие 1861-1870 гг. на душу крестьянского населения

---

[32] См.: Ковальченко И.Д. Крестьяне и крестьянское хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. – М., 1959. – С. 31.

[33] См.: Козловский И.Д. Отраслевая структура сельского хозяйства в поместьях Белоруссии во II половине XVIII века. // Проблемы аграрной истории. – Минск, 1978. – Ч. 1. – С. 57–58.

[34] См.: Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. – Л., 1925. – Т. 1. – С. 112.

[35] См.: Ковальченко И.Д. Крестьяне и крестьянское хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. – М., 1959. – С. 45.

[36] См.: Там же. – С. 46.

[37] См.: Островский А.В.Универсальный справочник по истории России. – СПб., 2000. – С.186; Купцов А.Г. Земля-ЕК, или столыпинская катастрофа России. – М.,2002. – С.24.

обоего пола приходилось 0,825 дес. посева надельных земель, то в десятилетие 1891-1900 гг. – 0,547 дес.[38].

Таким образом, замыкался порочный круг, в котором рост плотности населения приводит к снижению производства продуктов земледелия на душу населения. Его можно было разорвать лишь при условии быстрой и полноценной ликвидации крепостничества, комплексного внедрения новых общественных отношений, причем, чем раньше, тем лучше, ибо условия земледелия становились все более неблагоприятными, плотность населения нарастала. Со временем все это грозило вылиться в мощные социальные потрясения.

Осознав это, Александр II твердо заявил: «Всякое дальнейшие промедление может быть пагубно для государства»[39].

Итак, развитие экономического строя России в дореформенный период характеризовалось следующими особенностями. Во-первых, помещичье хозяйство под влиянием сочетания запросов мирового рынка и крепостнической монополии в определенной мере приобрело квазикапиталистический характер. Во-вторых, втягивание крестьянства в товарно-денежные отношения имело во многом вынужденную, насильственную основу (оброк и подати). В-третьих, развитие денежного хозяйства сопровождалось усилением крепостнической эксплуатации и постепенным включением механизмов капиталистического рынка.

После отмены крепостного права помещики, капитализировав с громадной выгодой для себя свою крепостную ренту (сверх стоимости земли они получили за каждую крепостную душу в черноземной полосе до 36,1 руб., а в нечерноземной – до 62,8 руб.)[40], использовав деформацию крестьянских наделов, обеспечив себя дешевой рабочей силой, однако, так и не смогли твердо встать на ноги. Причина этого заключалась, как не парадоксально, в недостатке денежных средств. Дело в том, что, лишь незначительная часть дворянства могла воспользоваться производительно выкупными суммами, так как большая часть этих сумм пошла на погашение дворянских кредитных долгов (425 млн. руб.). В руки помещиков попала только половина выкупных платежей, которые расходовались часто или непроизводительно,

[38] См.: Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903. – Часть III. – С. 196.

[39] ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 607, л. 2.

[40] См.: Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. – Л., 1925. – Т. 1. – С. 135.

или в других областях предпринимательства. К тому же, большую часть суммы помещики получали в пятипроцентных кредитных бумагах, немедленная продажа которых приносила 10–20% убытка от их номинальной цены[41].

Необходимо также учитывать, что помещики, как правило, не имели собственных средств производства и перевод хозяйства на капиталистические рельсы делал необходимым создание ими собственной материально-технической базы. В ходе земельной переписи 1876-1877 гг. на территории 49 губерний было зарегистрировано 114 тыс. дворянских имений и только 48 тыс. дворянских усадеб, что означает, что примерно 66 тыс. помещиков или же 57% их общего числа не проживали в своих имениях и не располагали там даже жилыми постройками[42].

В стратегическом плане помещичье капиталистическое хозяйство не имело перспектив развития, вследствие того, что оно, требуя больших усилий по своему развитию, существовало рядом с крестьянским семейным хозяйством и малоземельные крестьяне платили за аренду земли больше, чем давала рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам. Превышение арендной платы над земельной рентой за 1 дес. составляло в нечерноземных и черноземных губерниях в 1887–1888 гг. от 4,9 до 5,1 руб., а в 1912–1914 гг. – от 6 до 8,3 руб.[43] За 1901–1913 гг. помещики получили в виде арендной платы свыше 2 млрд. руб., в то время как от залога земли в Дворянском банке – 900 млн. руб., а в частных банках – 450 млн. руб.[44] А.В. Чаянов приводил данные за 1904 г. по Воронежской губернии. В среднем по всей губернии арендная плата за десятину озимого клина составляла 16,8, а чистая доходность при экономичном посеве – 5,3 руб.[45] Хотя наибольшая часть сдаваемой крестьянам в аренду земли попадала в руки зажиточных крестьян, все же основной контингент

---

[41] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 1 – С. 409.

[42] См.: Островский А.В. О многоукладности пореформенной российской деревни // Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время / Отв. Ред. А.Н. Цамутали. – СПб.,2002.- С.143.

[43] См.: Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства в Европейской России в эпоху капитализма. – М., 1982. – С. 115.

[44] См.: Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России: (конец XIX – начало XX в.). – М., 1969. – С. 269.

[45] См.: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой победы. – М., 2002. – С. 25–26.

арендаторов помещичьей земли складывался из середняков и разорившихся крестьян. На это указывают данные середины 80-х годов XIX в. По двум уездам: Елецкому Орловской губернии, где преобладали бывшие помещичьи крестьяне и Острогожскому Воронежской губернии, где по численности на первое место выходили государственные крестьяне.[46] Содержание дорого оплачиваемого надела несомненно было убыточным, и у крестьян этой категории должна была пробуждаться сильная тенденция к освобождению от надела. Однако немалая часть крестьян с 1 парой рабочего скота (41,5 и 33,3% по уездам) упорно арендовала землю, делая свое хозяйство еще более убыточным. Еще комиссия Валуева констатировала: «Крестьяне жадно покупают земли, как в черноземных, так и не черноземных местностях и часто платят за землю столь дорого, что предлагаемая ими цена далеко не соответствует установившейся доходности, но покупая участками и почти не ценя свой труд, они тем не менее считают такие сделки для себя выгодными»[47].

Такая линия поведения была связана с тем, что «убыточное землепользование у неимущих крестьян было вместе с тем для них экономически необходимо: скитающийся по далеким местам пешком и налегке..., живя в тяжелейших условиях, не имея уверенности в заработке, крестьянин-отходник не мог брать с собой в дорогу свою семью... Ему для семьи нужен был дом и, пусть убыточные, но все же относительно постоянные источники существования»[48].

Таким образом, в конкретных условиях России крестьянское хозяйство оказалось более эффективным, чем капиталистическое. В результате уже в конце 70-х годов XIX в. поместное владение, занимая 40% площади страны, на капиталистических началах использовало лишь 10% всего земледельческого производства, то есть примерно 2/3 обрабатываемой поместной земли исключалось из частнокапиталистического пользования и предоставлялось в аренду крестьянам.[49]

---

[46] См.: Рындзюнский П.Г. Пореформенное помещичье хозяйство и капитализм (К проблеме взаимоотношения укладов в капиталистической России) // Вопросы истории капиталистической России... – Свердловск, 1972. – С. 62–63.

[47] Доклад высочайше учрежденной 26 мая 1872 года комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. – СПб., 1873. – С. 8.

[48] См.: Рындзюнский П.Г. Пореформенное помещичье хозяйство и капитализм (К проблеме взаимоотношения укладов в капиталистической России) // Вопросы истории капиталистической России... – Свердловск, 1972. – С. 64.

[49] См.: Южаков С.Н. Формы земледельческого производства в России // Народническая экономическая литература. – М., 1958. – С. 593.

В дальнейшем, с потерей земли дворянами эта ситуация еще более ухудшилась. Если допустить, что капиталистическое земледелие занимало половину (а в реальности меньше половины) помещичьей посевной площади, то оказывалось, что на его долю приходилось 1/20 всех посевов. Естественно, что ни о каком определяющем, решающем влиянии капиталистического земледелия помещиков на все сельскохозяйственное производство речи быть не могло[50].

Всего дворянский земельный фонд за 30 лет (1861–1891 гг.) в 44 губерниях Европейской России уменьшился на 13 519 000 десятин, или 23%, а по всей стране за 1861–1905 гг. сократился на 58%, за 1906–1916 гг. – еще на 29% и в 1917 г. составил около 34 млн. га, то есть по сравнению с 1861 г. сократился более чем вдвое.[51] Дворянская земля в основном покупалась крестьянами. В 1882 г., то есть ко времени открытия Крестьянского поземельного банка крестьяне владели 10 118,3 тыс. десятинами. За период с 1883 по 1915 г. прирост частного землевладения крестьянства составил 23133,4 тыс. десятин[52] и к 1917 году 3/4 всей пахотной земли принадлежало крестьянам[53]. По всей видимости, из всего этого земельного клина лишь весьма незначительная часть использовалась на капиталистических началах, так как главными заявителями на приобретение земли в Крестьянском поземельном банке являлись сельские общества и товарищества[54]. Так, до 1913 г. через Крестьянский поземельный банк общинами было куплено 3,06 млн. дес., а товариществами – 10 млн.[55] Другой значимой категорией покупателей стали «деревенские богатеи», которые не вели своего хозяйства, а занимались в основном торговлей или ростовщичеством, а после приобретения земли – сдачей ее крестьянским хозяйствам в кабальную аренду. Они приобрели через Поземельный банк 3,68 млн. десятин[56]. Именно на эту категорию покупателей обратил особое внимание М.М. Ковалевский: «Возможно, ко-

---

[50] См.: Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России: (конец XIX – начало XX в.). – М., 1969. – С. 218–219.

[51] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 96; Ковалевский Указ. соч. – С. 34.

[52] См.: Проскурякова Н.А. Ипотека в России в конце XIX – начале XX вв. И ее роль в перестройке экономики // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. – М., 2001. – С. 297.

[53] См.: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 290.

[54] Там же. – С. 292; Купцов А.Г. Земля — ЕК, или Столыпинская катастрофа России. – М, 2002. – С. 96.

[55] См.: Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. – С. 17. Ковалевский М.М. Указ. соч.

[56] См.: Там же.

нечно, что в числе 273 тысяч собственников-крестьян (рассматривается ситуация на конец XIX – начало XX вв. – В.В.) есть и общинники, но это обыкновенно богатые крестьяне, съемщики помещичьих земель, кабатчики, скотопромышленники, располагающие средствами, необходимыми для покупок». Этот же исследователь указывал на бесперспективность помещичьего хозяйства, ссылаясь на тот факт, что долги земельных собственников перед банками росли в конце XIX в. гораздо быстрее, чем цены на землю (соответственно, 108% и 58%). А.Н. Энгельгард еще в декабре 1881 г. писал о результатах такой пертурбации: «Старая помещичья система после «Положения» заменилась кулаческой... Пало помещичье хозяйство, не явилось и фермерства, а просто-напросто происходит беспутное расхищение...»[57].

И крестьянство, и помещики в массе своей не имели опыта и не были готовы хозяйствовать по-новому, в условиях свободной рыночной экономики. В докладе комиссии для исследования положения сельского хозяйства 1872 г. под председательством Валуева сообщалось: «Способ ведения хозяйства постоянными рабочими, с хозяйским инвентарем, встречает во многих местностях еще непреодолимые препятствия и вследствие того представляется убыточным»[58]. И Юрьевское общество в 1860-х годах и комиссия Валуева пришли к выводу, что переходу помещичьих имений к наемной системе мешали недостаток капитала, знаний и опыта у помещиков и отсутствие должной дисциплины у рабочих[59]. «Частные землевладельцы не были приготовлены к реформе… У значительного большинства хозяев не было сбережений в форме оборотных денежных капиталов и кроме того, может быть, не имелось и того запаса научных сведений, который требовался для организации хозяйства на новых началах, при но-

[57] См.: Ковалевский М.М. Экономический строй России. – СПб., 1899. – С. 34, 39.

[58] Доклад высочайше учрежденной 26 мая 1872 года комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. – СПб., 1873. – С. 5.

[59] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 409; А.И. Кошелев по этому поводу писал: «Не так трудно было завести орудия, лошадей и для них сбрую, как нанятых рабочих заставить исполнять принятые ими на себя обязанности и работать не по-барщински, а как следует вольным рабочим, получающим жалование и хорошие харчи». Кошелев А.И. Мои записки (1812-1883 годы) // Русское общество 40-50-х годов XIX в. Часть I. Записки А.И. Кошелева. – М., 1991. – С.120.

вых обстоятельствах и условиях»[60]; «Затем последовали обширные железнодорожные работы, предоставлявшие большие заработки сельскому населению и отвлекавшие его от земледельческих занятий. Эти обстоятельства сильно повлияли, не столько на быстрое или повсеместное возвышение заработной платы, сколько на ее значительные колебания… Между тем, никаких узаконений, регулирующих и обеспечивающих условия найма издано не было»[61].

Еще в 1850-е годах министерством государственных имуществ проводились опыты по изучению сравнительной эффективности барщинных и наемно-рабочих имений, находившихся в примерно равных условиях. Сравнение 26 пар имений по чистому доходу с десятины земли показала, что доходность имений с вольнонаемным трудом оказалась на 25% выше. Однако «экспериментаторы не приняли в расчет два важных фактора: 1) общее состояние сельского хозяйства, то есть агротехнику, общинное землевладение, инфраструктуру и 2) психологические издержки производства, основанного на насилии[62].

Поэтому вывод некоторых помещиков-предпринимателей заключался в том, что переход к капиталистической системе был очевиден только при сочетании трех условий. Первое – это одновременное уничтожение общинного, дробного и чересполосного землепользования. Второе – переход от трехпольной системы землепользования к травопольной и плодосменной. Третье – наличие кредита для получения оборотного капитала[63]. В 60–70-х годах XIX века эти условия отсутствовали, так как, во-первых, власть сделала ставку на общину со всеми вытекающими отсюда экономическими и социальными последствиями; во-вторых, переход к более прогрессивным земледельческим системам затруднялся катастрофической нехваткой скота, и, в-третьих, кредитная система приобрела прочные основания только к концу 70-х годов XIX в.

Капитализм не пошел в крупных помещичьих хозяйствах даже при наличии огромного избытка рабочих рук на селе – потенциального субстрата рынка труда. Не последнюю роль в этом сыграла та вра-

[60] Доклад высочайше учрежденной 26 мая 1872 года комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. – СПб., 1873. – С. 5.
[61] Там же. – С.5-6.
[62] См.: Миронов Б.Н. Указ. Соч. – Т. 1. – С. 403.
[63] См.: Кисловский П. Очерк доходности сельского хозяйства при свободном труде // Журнал сельского хозяйства. – 1958. – № 4. – Отд. 5: сельское благоустройство. – С. 2–30.

ждебность, с которой крестьяне выступили против любых попыток капиталистической эксплуатации земли из-за страха потерять арендованные у помещиков земли. Следовательно, подавляющее большинство потенциальных наемных рабочих себя таковыми не считало.

В итоге, господствующими способами хозяйства на частновладельческих землях стали испольный и издольный (гнездовой), «не допускающие усовершенствований в культуре и лучших способов обработки, но неизбежные, как способы переходные»[64]: первый способ хозяйства предполагал, что «крестьяне за обработку землевладельческих полей своим инвентарем получали половину урожая», при втором «крестьяне, обрабатывая своим инвентарем поля землевладельца, получают плату в определенном размере с *гнезда*, или с трех десятин в каждом поле трехпольного хозяйства, причем плата иногда производится деньгами, но большею частью состоит из отвода разных угодий в годовое пользование крестьянам»[65].

Как свидетельствуют данные залогов Государственного Дворянского земельного банка по 46 губерниям Европейской России процент имений, в которых владельцы вели хозяйство с использованием наемного труда, постепенно уменьшался с 40% (32% всей заложенной площади) в 1886-1890 гг. до 38% (32%) в следующем пятилетии и до 29% всех залогов (21%) в 1896-1900 гг. Напротив, процент имений, в которых хозяйство велось путем сдачи земли в денежную и испольную аренду и за отработки, возрос с 39% (32%) до 42% (33%) и до 51% (47%) соответственно. Процент имений, ведущих хозяйство смешенным способом остался почти неизменным – 21% (36%), 20% (37%), 20% (32%)[66].

Таким образом, уникальное сочетание природных, демографических, экономических и социально-политических факторов воспрепятствовало широкому развитию капиталистических отношений в производственной фазе совокупного процесса сельскохозяйственного воспроизводства. Поэтому в аграрном секторе утвердилась депрес-

---

[64] Доклад высочайше учрежденной 26 мая 1872 года комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. – СПб., 1873. – С. 5.

[65] Там же. – С. 6.

[66] См.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903. – Ч.III. – С. 261; Лященко П.И. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. – М., 1927. – С. 282.

сивная модель развития, ставящая на первое место функциональную ипостась капитала.

В этой модели возникло явление **регрессии капитала**, для которого характерно не просто подчинение капитализму предшествующих форм хозяйства, но становление в ходе этого взаимодействия таких укладов, «которые исторически не предшествуют капитализму, а им же самим порождаются»[67] или, как писал К. Маркс, «постоянно воспроизводятся внутри самого буржуазного способа производства и отчасти воспроизводятся им самим»[68] еще до того, как эксплуатация труда капиталом приобретет форму эксплуатации наемного труда. А это достигается за счет того, что отдельные фазы воспроизводственного процесса традиционных укладов (прежде всего, распределение и обмен) стыкуются не с последующей фазой воспроизводственного процесса данного же уклада, а попадают в подчиненное положение по отношению к соответствующей фазе воспроизводственного процесса капиталистического уклада. Фазу производства капитал закрепляет за непосредственным производителем. В результате, в данной системе происходит не эндогенное, то есть основанное на эксплуатации наемного труда, а так называемое экзогенное накопление капитала, или, иначе говоря, перекачка из уже неотрадиционных, квазикапиталистических расщепленных укладов в капиталистический сектор прибавочного продукта непосредственных производителей через механизмы политического насилия и рыночного неэквивалентного обмена и распределения. Парадоксально, но этим процессам способствовало строительство железных дорог. Они, «выравнивая местные хлебные цены, повышая их до уровня потребительских центров, тем самым удорожали голодные ссуды, создавая своего рода «цепную реакцию» роста отработок («дорог хлеб – дешев труд – мужик бедствует» – такова была зафиксированная А.Н. Энгельгардтом помещичья политэкономия)»[69]. Иными словами, «железные дороги были новыми обручами, которые стягивали империю, способствовали расширению зоны неэквивалентного обмена...»[70].

---

[67] См.: Крылов В.В. Некоторые аспекты аграрного развития Африки // Азия и Африка сегодня. – 1981. – № 3. – С. 30.

[68] См.: Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1980. – Т. 48. – С. 29.

[69] Гефтер М.Я. Указ. соч. – С. 93.

[70] Там же.

В пореформенной России в результате проводившихся преобразований в аграрном секторе возникли два основных квазикапиталистических уклада: помещичий и общинно-крестьянский.

В свое время А.В. Чаянов доказывал, что капитализм в агросфере начинает свое существование вовсе не тогда, когда в хозяйстве появляется наемный труд, а когда капитал «извне» овладевает крестьянским хозяйством, вынуждая его работать на рынок и включая механизмы, способствующие безвозмездному перемещению части произведенной в хозяйстве стоимости собственнику капитала[71].

В.И. Ленин, дотошно искавший факты, подтверждавшие появление «настоящего» капитализма, приводил и другие данные – те, которые вписывались как раз в обозначенную позицию А.В. Чаянова. В.И. Ленин, в частности, отмечает, что «техническое усовершенствование, вызванное требованиями рынка, направилось прежде всего на те операции, которые всего легче поддаются преобразованию и которые особенно важны для рынка: на уборку, молотьбу, очистку хлеба в торговом зерновом хозяйстве; на техническую переработку продуктов скотоводства в районе торгового скотоводства. Самое же содержание скота капитал находит пока более выгодным оставить на попечении мелкого производителя: пусть он «прилежно» и «усердно» ухаживает за «своим» скотом..., пусть берет на себя главную массу наиболее тяжелой, наиболее черной работы по уходу за машиной, дающей молоко»[72]. Но, когда необходимо, торговый капитал в лице молочных хозяев скупает «крестьянские (коровы) по цене, редко достигающей половинной стоимости их выращивания, обыкновенно не выше 1/3, часто даже 1/4 этой стоимости»[73]. Таким образом, за непосредственным производителем не только закреплялась функция физического труда, но и установились такие отношения, когда средства производства, которыми он располагал, принадлежали ему только номинально, превратившись в «призрачную собственность»[74]. В итоге возникла «эксплуатация» со стороны капитала без капиталистического способа производства»[75].

---

[71] См.: Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. – М., 1989. – С. 426, 429, 430.

[72] См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России... – М., 1952. – С. 221.

[73] Там же. – С. 227.

[74] Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1968. – Т. 46. – Ч. I. – С. 502.

[75] Там же. – М., 1969. – Ч. II. – С. 367.

Ключевую роль в депрессивно-вертикальной концентрации аграрного производства сыграли относительно крупные по тем временам предприятия первичной переработки (элеваторы, сборные молочные пункты и т.д.), а также скупщики сельскохозяйственных продуктов и полуфабрикатов. Например, элеваторы, сортируя хлеб по его качеству, обесценили «худший хлеб крестьянской бедноты», удешевили расходы на сортировку и хранение хлеба для крупных посевщиков, облегчили и упростили для них продажу хлеба. В результате, мелкие производители с их патриархальной продажей с возов на базаре окончательно попали под власть кулаков и ростовщиков. Такое же состояние дел наблюдалось тогда в скупке и переработке молока. Там торговый капитал подчинил себе мелких земледельцев уже в 70-х годах XIX в. Квазикапиталистическая эксплуатация полностью господствовала и в табаководстве, где мелкие табаководы, не имея сараев для сушки сырья, сбывали его скупщикам за полцены[76].

Со временем самостоятельная роль помещиков, кулаков и деревенских ростовщиков в выведении крестьянской продукции на рынок приобрела посредническую функцию между непосредственными производителями и «верхним» капиталом. Эта тенденция была неразрывно связана с закономерностями развития товарности и капитализма в агросфере. Если в первые пореформенные десятилетия их рост был очевиден, то с началом XX в. вторжение западного финансового капитала и отечественных монополий привело к сужению свободного рынка для крестьянства. До конца 90-х годов XIX в. основная масса зерна отправлялась на внутренний рынок, тесно связанный с мукомольной промышленностью. Зерно у крестьян скупали кулаки, базарные скупщики и приказчики мукомолов. Такой рынок, с большим числом мелких агентов, был относительно децентрализованным и подвижным[77]. Однако в начале XX вв., – указывал П.И. Лященко, – иностранный капитал совместно с отечественными банковскими кругами «начинает приливать в хлебную торговлю и руководить ею, или непосредственно основывая у нас свои экспортные ссыпки, конторы (как, например, конторы французской фирмы Дрейфус, немецкой Нейфельд, массы греческих, отчасти итальянских и др.) и специальные экспортные общества, или субсидируя и кредитуя те же операции

[76] См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России... – М., 1952. – С. 222–224, 254.
[77] См.: Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. – Л., 1925. – Т. 1. – С. 144–145.

через сложную систему кредита, находившуюся также в руках иностранного капитала...»[78].

Последствиями такой концентрации скупки зерна стали: во-первых, ухудшение качества очистки и хранения зерна, так как ни банк, ни его подставные клиенты-скупщики за этими операциями не следили и ответственности не несли, во-вторых, понижение цены продукции в связи с необходимостью быстрой ее продажи, что наносило сильный удар по мелким производителям, и, в-третьих, произошла серьезная деформация стоимостного механизма рынка. Последнее стало следствием того, что крестьянин теперь работал на заказ – выполнял договор поставки определенной банковской конторе, закупавшей зерно у целых губерний[79].

Объемы проникновения и захвата зернового рынка частным банковским капиталом были весьма внушительными. Он финансировал 3/4 российской хлебной торговли. Главными частными банками, принимавшими наиболее широкое участие в хлеботорговых вообще и хлебоэкспортных операциях, были: Азово-Донской, Петербургский международный, Русско-Азиатский, Петербургский частный коммерческий, Северный, работавшие преимущественно англо-французскими капиталами; и Русский для внешней торговли и Петербургский учетный – немецкими[80].

В начале XX в. вывоз зерна достигал в среднем 600–700 млн. пудов, что составляло около 15% валового сбора. Русский хлеб был допущен на европейский рынок в таком большом объеме «в силу выгодности для западных потребителей, а не российских производителей, служа интересам развития их экономик, а не нашей». В Европе к тому времени произошло переключение сельского хозяйства с земледелия на животноводство, которое является менее трудоемким и природозависимым производством и поэтому более выгодной отраслью хозяйства. Это доказывается тем, что «вывоз продовольственного зерна сокращался, а фуражного – значительно возрастал». В этих условиях экспорт привязывал Россию к менее эффективной хозяйственной деятельности и обеспечивал поддержку перспективных отраслей в Европе[81].

---

[78] Цит. по: Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. – С. 34.
[79] См.: Там же.
[80] См.: Там же. – С. 34–35.
[81] Рязанов В.Т. Указ. соч. – С. 215; Белозерцев А.Г. Земля и хлеб России.- М.,2004.- С.15.

Вывоз продукции сельского хозяйства за границу, несмотря на удвоение числа ее покупателей, «мало отражается на производительности нашей земли, потому что иностранные рынки дают возможность расширить добычу у нас зерна, между тем, как для поднятия производительности почвы требуется сокращение последнего и увеличение количества скота, как главного источника удобрений»[82]. Эта система, отмечал В.П. Воронцов, «поддерживается у нас воздействием не только внутреннего, но и внешнего капитализма. Она назначена для преуспеяния не России, а Западной Европы»[83].

Главной причиной большой востребованности на западных рынках русского хлеба была его относительная дешевизна. Она возникала вследствие неблагоприятного воздействия так называемой непараллельности колебания цен мирового и русского рынков. Если осеннее понижение цен представляло общее явление и для русского, и для международного рынка, то повышательное движение внутренних российских цен весною, возникшего в силу обширного осеннего предложения, не совпадало с движением цен на международном рынке. В результате, цены в русских портах были часто ниже цен на внутренних рынках[84].

Процесс монополизации скупки продукции коснулся и других сельскохозяйственных отраслей. Финансовая группа братьев Рябушинских, возглавляемая Московским банком, развернула широкую деятельность в льняной промышленности, организовав в 1912 г. синдикат РАЛО. Драматический характер приобрела борьба за хлопковую монополию. Она была связана не только с безвозмездной экспроприацией земли у местного населения, но также с захватом хлопковой торговли. Так, московские банки и банки «большой пятерки» финансировали хлопковые операции контролируемых ими торговых фирм и сами вели скупку хлопка. При этом они применяли систему неэквивалентного обмена, использовали мелких посредников, сохраняли форму ростовщического кредита и долговой кабалы. Местные хлопкоторговые фирмы, связанные с банками, раздавали крестьянам-хлопкоробам под урожай авансы деньгами, хлебом, семенами под очень большие проценты. В итоге крестьяне попадали в долговую кабалу и привязывались к фирмам. Например, один из заемщиков фирмы «Юсуп Давыдов» получил ссуду-аванс в размере 356 рублей

[82] В.П. Воронцов. Судьба капиталистической России. – СПб., 1907. – С. 208.
[83] См.: Там же. – С. 209.
[84] См.: Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. – Л., 1925. – Т. 1. – С. 225–226.

10 копеек, поставил фирме хлопка на 270 рублей и остался при этом должен 536 руб. 60 коп. С наступлением хлопкового сезона фирма предлагала заемщикам либо опись имущества и принудительную его продажу, либо заключение нового договора о поставке ей хлопка с переводом долга на следующий год. Очень часто у хлопкоробов, не сумевших покрыть долги, отбирались участки земли на законном основании[85].

Общая депрессивная и квазикапиталистическая направленность государственной политики в сельском хозяйстве вовсе не означала того, что властные структуры не понимали опасности такого курса и не пытались модернизировать аграрный сектор страны. Однако определённые шаги в этом направлении почти не затронули сферу социальных отношений в деревне и коснулись лишь земледельдельческого производства и связанной с ним инфраструктуры. Наиболее ярким примером попыток такой модернизации явилась реформа системы государственных хлебных закупок для Военного министерства, осуществлённая Министерством финансов в годы аграрного кризиса и преодоления его последствий (1893 – 1906 гг.). Она (реформа) оказала сдерживающее влияния на уровень хлебных цен, ограничила сферу действий института торговых посредников, способствовала насаждению торговой грамотности, вызвала смену сельскохозяйственных культур (серых хлебов), ускорила строительство зернохранилищ, активизировала деятельность земств. Вместе с тем, реформа государственных закупок ограничивалась лишь отдельными губерниями и несла на себе отпечаток противоречивости и незавершённости. Буржуазная по своей природе она носила сословный характер, так как отвечала, прежде всего, интересам помещичьих хозяйств[86].

Анализ аграрных отношений показал, что большую роль в подчинении деревни капиталу играло помещичье хозяйство. Однако эта роль проявлялась по-разному в двух аспектах: в области производства и в области земельных отношений.

Уже давно было установлено, что в предвоенный период доля помещичьего хозяйства в валовом зерновом производстве составляла 12%, а в общей массе товарного хлеба – 21,6%[87]. И.Д. Ковальченко

[85] См.: Лившин Я.И. Указ. соч. – С. 115, 286-287.

[86] См.: Китанина Т.М. Мировой аграрный кризис и политика Министерства финансов России в 1880-х – начале 1900-х гг.(к вопросу о модернизации системы государственных закупок)// Экономическая история: Ежегодник.2005.- М.,2005.-С.199-201.

[87] Немчинов В.С. Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. – М., 1945. – С. 34.

пришел к сходным выводам: валовая продукция помещичьих хозяйств – 13,5%, товарная продукции – 20,6%[88]. Только в западных районах страны помещичье хозяйство занимало ведущее положение на рынке и могло оказывать определяющее воздействие на ход аграрного развития. Во всех остальных районах оно не обладало такой способностью. Все это дало основание сделать обобщающий вывод: «Ведущее место в земледельческом производстве страны принадлежало крестьянскому хозяйству. При этом в эпоху капитализма общая тенденция развития была такова, что роль помещичьего хозяйства падала, а крестьянского – повышалась»[89]. Причем это происходило не только в зерновом производстве, но и в скотоводстве. Если на долю частновладельческого хозяйства в 1900 г. в Европейской России приходилось скота 17,9%, то в 1916 – 5,7%[90].

Такой регрессивный итог развития помещичьего хозяйства закономерен, если учесть, что уровень обеспеченности орудиями труда у крестьян был гораздо выше. Так в 1917 г. в Европейской России в 25 губерниях помещики имели на 100 дес. посева рабочего скота 18,1, а крестьяне – 35,0; плугов соответственно – 6,8 и 13,1, усовершенствованных орудий – 5,6 и 4,2[91]. Эти данные, однако, нуждаются в качественном уточнении. Во-первых, у крестьян многолемешных плугов насчитывалось 22%, а у частных владельцев – 45%. Во-вторых, у крестьян 3,4 млн. плугов приходилось на 8,7 млн. дворов, то есть 54,3% дворов обрабатывали землю более примитивными орудиями. В-третьих, помещикам было гораздо выгоднее не вкладывать собственный капитал в содержание рабочего скота, а переложить эту функцию на крестьян, арендующих с этим скотом помещичьи земли[92].

Говоря о месте помещичьих хозяйств в сельскохозяйственном производстве, следует иметь в виду, что значительная их часть вообще была выключена из него. По Европейской России 24,4% хозяйств не имели посевов, 20,4% – рабочего скота, 16,9% – никакого скота[93].

В области земельных отношений позиции помещиков были значительно более прочными, чем в области производства. Опираясь на

---

[88] Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. – М., 2004. – С. 145.
[89] Там же. – С. 146.
[90] См.: Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. – СПб., 1903. – Вып. II. – С. 5; Предварительные итоги переписи 1916 г. Вып. I. – Пг., 1916. – С. 636–637.
[91] См.: Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. – М., 2004. – С. 472.
[92] Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории.– 1997.– № 9.– С. 88–89.
[93] См.: Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. – М., 2004. – С. 412.

большие земельные владения (36,2% всех крестьянских и частновладельческих земель)[94] и внешнюю рыночность (помещики продавали 50% своей продукции)[95], используя нужду крестьян в земле, их прикрепленность к общине, аграрное перенаселение, налоговый гнет, снижение цен на хлеб, сохранившиеся возможности и традиции внеэкономического принуждения, помещики создали неотрадиционную форму в виде отработочной системы. Она состояла в том, что помещичья земля обрабатывалась трудом и инвентарем освобожденных крестьян за арендованную землю, ссуду хлебом или деньгами, за лесные материалы и т.д. При издольщине крестьяне платили помещику за аренду земли определенной договором долей урожая, при испольщине – половиной урожая[96]. В результате такого соединения архаической эксплуатации и рынка произошло превращение продукта непосредственного производителя-издольщика в меновую стоимость, что дало мощнейший импульс росту нормы его эксплуатации: земельная рента без каких-либо существенных изменений в технологических основах производства имела тенденцию вздуваться все выше[97]. Исходя из анализа соотношения уровней цен на землю, арендной платы и учетного процента Государственного банка, можно в исторической динамике показать превышение арендной платы над «нормальной» земельной рентой (в руб. за 1 дес.)[98].

	1887–1888 гг.		1901 г.		1912–1914 гг.	
	арен-да	превы-шение	арен-да	превы-шение	арен-да	превы-шение
Нечерноземные губернии	6,3	4,9–5,0	3,9	1,3–1,7	9,5	6,0–6,3
Черноземные губернии	8,1	4,8–5,1	9,3	4,0–4,8	15,7	7,6–8,3

Если исходить из того, что крестьяне арендовали у помещиков ежегодно 20 млн. дес., то в конце XIX – начале XX в. они платили за нее примерно 150 млн. руб., а перед Первой мировой войной – 250 млн. руб. ежегодно. «Иначе говоря, за эпоху капитализма кресть-

[94] См.: Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России: (конец XIX – начало XX в.). – М., 1969. – С. 24.
[95] См.: Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. – М., 2004. – С. 145.
[96] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 409.
[97] См.: Растянников В.Г. Капитализм и многоукладность экономической системы стран Востока: аграрный аспект // Капитализм на Востоке во второй половине XX вв. – М., 1995. – С. 317.
[98] Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. – М., 2004. – С. 405.

яне уплатили помещикам за аренду земли несколько миллиардов рублей. Из них не менее половины составляла надбавка к нормальной земельной ренте»[99].

Главная причина завышенной арендной платы состояла, отнюдь, не в том, что утверждал И.Д. Ковальченко. На его взгляд, в отличие от единых рынков на сельхозпродукцию, средства производства и рабочую силу *единый рынок земли в России в начале XX в. не сложился в силу исключения из товарооборота надельных земель* (138,8 млн. дес. против 101,7 млн. дес. частновладельческих земель) и господства привилегированного помещичьего землевладения (в итоге арендные цены не соотносились с реальной стоимостью земли)[100]. На наш же взгляд, если бы надельные земли поступили в свободный рыночный оборот, то это не привело бы к снижению арендных цен. Скорее всего, цена на землю несколько бы снизилась, но арендная плата – возросла, потому что при свободном обороте надельных земель земельный голод большинства крестьян еще больше бы обострился и помещики, опираясь на свою земельную монополию, цену арендованной земли подняли бы еще выше, а зарплату сельскохозяйственным рабочим опустили бы еще ниже.

Внутренний социально-экономический строй помещичьего хозяйства характеризовался переплетением собственно капиталистических и отработочных приемов его ведения.

Было бы большим упрощением заявлять «о преобладании во внутреннем строе помещичьего хозяйства буржуазных отношений»[101]. Данные по конкретным помещичьим хозяйствам показывают, что в 1917 г. в 35 губерниях из 7,7 млн. дес. всех помещичьих посевов только 4 млн. дес. обрабатывались на капиталистических основаниях. На условиях кабальной аренды крестьянам сдавалось 15 млн. дес. пашни, 4 млн. дес. сенокосов, 7 млн. дес. пастбищ.[102] В Европейской России 42% помещиков вообще не имели сроковых наемных рабочих[103], без использования труда которых невозможно говорить об утверждении капиталистических отношений.

Системное рассмотрение предмета показывает, что помещичье хозяйство, выходя на внешний и внутренний капиталистический ры-

---

[99] Там же. – С. 404.

[100] См.: Там же. – С. 470.

[101] См.: Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства в Европейской России в эпоху капитализма. – М., 1982. – С. 223.

[102] Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории.– 1997.– № 9.– С. 91.

[103] Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. – М., 2004. – С. 412.

нок, становилось неотъемлемым элементом капиталистического хозяйства, но в квазикапиталистической форме, то есть в условиях еще несформированного капиталистического уклада. Другими словами, *помещичье хозяйство оказывалось капиталистическим лишь функционально, но не субстанционально*.

В аграрном строе России сложилась парадоксальная ситуация: уровень развития капитализма в помещичьем хозяйстве был выше там, где была больше доля хозяйств, не имеющих собственного производства и сдающих всю землю в аренду[104]. А.М. Анфимов так комментировал этот тезис: «Дело, как правило, обстояло так, что у крупных помещиков, имевших обычно несколько имений (иногда десятки), собственное хозяйство велось в одном-двух имениях, а в прочих земля сдавалась крестьянам. Рента с этих имений, не требовавших затрат капитала, служила источником поддержания экономии, где велось хозяйство, гарантом в случае убытка. В свою очередь, капиталистически ведущееся хозяйство было опорой фундамента, на котором держались другие, малодоходные имения, с арендным «хозяйством»[105]. Многие полукрепостнические латифундии представляли собой крупнейшие очаги новейшего капиталистического земледелия. Так, наполовину отработочная Ракитянская экономия с сахарным заводом и своими свекловичным плантациями располагала в 1910 г. половиной усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря Гройворонского уезда Курской губернии[106].

Действовала еще одна важная закономерность: производственно-технический и социально-экономический уровень помещичьего хозяйства был выше там, где были меньше размеры помещичьих имений и объем собственного производства и где, с другой стороны, доля помещичьих посевов по отношению к их пашне была больше.[107] Все это говорит о том, что *латифундии были тормозом развития капитализма и в помещичьих, и в крестьянских хозяйствах.*

Парадоксальные результаты принесло и углубление денежных отношений в деревне. Здесь на рубеже веков происходил процесс замены натуральной отработочной ренты денежной, которая на деле оказалась теми же натуральными отработками, но в их денежной расценке. Помещики сообразили, что, при помощи денежной расценки

---

[104] См.: Там же. – С. 432.
[105] Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории.– 1997.– № 9.– С. 92.
[106] См.: Там же.
[107] Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. – М., 2004. – С. 432.

десятины сданной земли, арендатора можно заставить выполнять любые работы. Примечательно, что в 1870-х годах отмечалось, «что там, где крестьяне работают за угодья, а не за деньги, они добросовестнее исполняют свои обязанности»[108]. Можно предположить, что крестьяне уже тогда поняли всю пагубность данной системы, заставлявшей их через понижение расценок работать гораздо интенсивнее на помещика, не заинтересовывая последнего к переходу к более передовым формам труда. Все это в конечном итоге повлекло торможение капиталистического прогресса земледелия. Об этом говорит изменение соотношения ренты и прибыли в составе прибавочной стоимости помещичьего производства. В 1887–1888 гг. это соотношение на 1 дес. посева в рублях и ценах 1913 года было таково: рента – 9,09 руб., прибыль – 12,83 руб. В 1912–1914 гг. ситуация изменилась: рента равнялась 13,86 руб., а прибыль – 9,85 руб.[109]. В итоге получение ренты с земли представляло теперь для землевладельца больше выгоды, чем ведение собственного хозяйства. Например, в комплексе имений гр. А.А. и В.А. Орловых-Давыдовых, насчитывавшем 172 тыс. дес. всей земли, между 1900 и 1910 гг. собственная запашка уменьшилась с 38 тыс. до 23 тыс. дес., сдача по долгосрочным контрактам – с 17 тыс. до 15 тыс. дес., а сдача на 1 посев выросла с 50 тыс. до 74 тыс. десятин[110]. Такой относительный рост кабальной одногодичной аренды отмечался повсеместно.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. помещичье хозяйство было способно обеспечить производственно-технический и социально-экономический прогресс лишь в небольших объемах и во многом за счет депрессивного воздействия не только на крестьянское хозяйство, но и на часть своего собственного производства. В результате возникло противоречие между необходимостью дальнейшего повышения технического и экономического уровня помещичьего хозяйства и желанием помещиков сохранить свои монопольные позиции в землевладении и общественном производстве. Долгое время это противоречие разрешалось за счет неуклонного падения удельного веса помещичьего хозяйства в земледельческом производстве. Но рево-

[108] Доклад высочайше учрежденной 26 мая 1872 года комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. – СПб., 1873. – С.25.

[109] Струмилин С.Г. Условия производства хлебов в СССР // Плановое хозяйство. – 1926. – № 2. – С. 351.

[110] РГАДА, ф. 1273, оп. 1, д. 2592, 2605, 2606.

люционные взрывы начала XX в. показали возможность и другого варианта.

Другим не менее значимым субъектом внедрения буржуазных квазикапиталистических отношений в деревне являлось кулачество. Его деятельность была многогранной.

Во-первых, большая нужда пореформенного крестьянства в деньгах, развившийся рынок заставляли увеличивать зерновое производство и искать земельную аренду вне своего надела, цена которой в связи с этим постоянно возрастала. С другой стороны, в помещичьем хозяйстве «никакие рациональные севообороты, никакая затрата капитала не могла дать тех крупных барышей, которые давала арендная сдача земли крестьянам. Эта сдача являлась вдвойне выгодной, потому что не требовала от землевладельцев затраты капитала в сельскохозяйственные предприятия»[111]. Однако смычку крестьянского спроса и помещичьего предложения очень часто обеспечивали лишь кулаки-посредники, так как только они могли за определенный процент (в среднем от 40%до 60% от стоимости аренды[112]) внести за крестьянина задаток и саму арендную плату к назначенному сроку. Происходило это в двух формах: или в виде прямого ростовщического кредита, или в виде появления в деревни института «посредника-пересдатчика»[113]. В любом случае данный процесс вел к широкой спекуляции крестьянских надельных земель[114] и к возрастанию краткосрочных индивидуальных аренд.

Во-вторых, необходимость экстренной продажи крестьянами своего хлеба по низким ценам в осенние и зимние месяцы и его покупки по дорогим ценам весной обусловила превращение этого процесса в кредитную операцию кулачества, на которой крестьяне теряли в год (данные для 1885 г.) около 115 млн рублей при среднем проценте от сделки – 60-80%[115].

В-третьих, при переселении крестьян на новые земли в другие губернии роль кулачества оказывалась двоякой. С одной стороны, кулаки часто подталкивали среднее крестьянство к переселению,

---

[111] Гвоздев Р. Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение. – СПб., 1898. – С. 37-38.

[112] См.: Бирюкович С. Крестьянское хозяйство в черноземной полосе России // Северный вестник. - 1886. - №4.

[113] См.: Гвоздев Р. Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение. – СПб., 1898. – С. 39-43.

[114] См.: Постников. Южно-русское крестьянское хозяйство. – СПб., 18. – С. 139.

[115] См.: Голубев А.К. Подати и народное хозяйство // Русская мысль. – 1893. - №7. – С. 18-20.

скупали по дешевой цене (часто по 1/20 от реальной стоимости) их имущество (79% домов переселенцев попадали в руки деревенских ростовщиков[116]), в их руки попадали зачастую и надельные земли переселенцев (по официальным данным 11,8%[117]). С другой стороны, на новом месте переселенцы попадали в долговую кабалу кулаков-старожилов. Причиной этого являлось то обстоятельство, что 73% (данные 1888 г.) переселенцев не имели собственных средств для обзаведения хозяйством[118].

В-четвертых, кулачество играло роль посредника в крестьянской кустарной промышленности. Об объемах посреднических операций свидетельствует следующий факт: из всех изделий кустарной промышленности, произведенных в Московской губернии, только 3% сбывалось на местных рынках, остальные 97% - на отдаленных рынках и заграницей[119]. В целом, монополия скупщиков возникала «на почве перепроизводства, на почве отделения непосредственного производителя от непосредственного потребителя, вследствие необходимости для производителей во что бы то ни стало сбыть с рук продукты не только недельной работы, но сплошь да рядом даже продукты одного дня» из-за отсутствия у них необходимых оборотных средств[120].

В-пятых, кулачество стало в пореформенной деревне важнейшим звеном организации и квазикапиталистической эксплуатации работников, ушедших на местные и отхожие промыслы. Ростовщический кредит порождал такое явление как зимняя наемка рабочих, при которой цена рабочей силы была ниже «летней» цены в 1,5-2 раза. При этом и сама зимняя наемка, и наем рабочих весной очень часто происходили через новое кабальное кредитование и посредничество кулаков и факторов-посредников, которые получали огромные проценты (от 100% до 400%) и за кредит, и за перепродажу рабочей силы капиталистам. Иногда в кабальную зависимость к посреднику попадали целые артели отходников[121].

---

[116] См.: Кочуровский. Крестьянское хозяйство и переселение // Русская мысль. – 1894. - №8. – С. 28.
[117] См.: Гвоздев Р. Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение. – СПб., 1898. – С. 61.
[118] См.: Там же. – С. 67.
[119] См.: В.В. Очерки кустарной промышленности. – С. 76.
[120] См.: Гвоздев Р. Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение. – СПб., 1898. – С. 75.
[121] См.: Там же. – С.98-107.

В-шестых, с одной стороны, кулак-ростовщик являлся важным элементом российской фискальной системы – без его кабального кредита (в среднем под 70%) обедневшая часть крестьян никогда бы не смогла вовремя платить свои подати, а, с другой – именно этот кредит еще более углублял хозяйственную и платежную несостоятельность крестьянства[122].

Депрессивное и квазикапиталистическое воздействие помещичьего и кулацкого хозяйства на аграрный строй России существенно усилилось за счет проникновения финансового капитала в сельскохозяйственное производство. Русские коммерческие банки, не ломая сложившуюся в помещичьих имениях систему эксплуатации, оказались заинтересованными в их поддержке и сохранении[123]. Главным элементом смычки финансового капитала и дворянского землевладения стали земельные залоговые операции. По данным на 1 января 1914 г. в Дворянском и Крестьянском банках, Земском банке Херсонской губернии и акционерных земельных банках находилось в залоге 59347 тыс. десятин частновладельческой земли. Только акционерными банками помещикам был предоставлен кредит на внушительную по тем временам сумму – около миллиарда рублей. Это со всей очевидностью свидетельствовало о тесных экономических связях помещичьего класса и верхушки буржуазии[124].

Итак, изучение опыта России дает основание сделать вывод о том, что на базе в основном природных производительных сил и кабально-арендных отработочных отношений создать полноценный капитализм в аграрной сфере было невозможно. Подстегиваемый извне капитализмом процесс втягивания крестьянства в товарное обращение резко опережал (масштабом и сроками) переход к товарному производству[125]. И в этот «зазор» вклинилась, расширяя его, латифундия. Сложившийся специфический способ производства, обслуживая интересы помещиков, государственного и частного капитала, привел к колоссальному социально-экономическому давлению на крестьянское сословие. При этом крестьянские хозяйства, особенно Центра и Севера страны, в своей массе оказались не приспособленными к новым условиям: стремительное расширение железнодорож-

[122] См.: Там же. – С. 118-138.
[123] См.: Тарновский К.Н. Указ. соч. – С. 20.
[124] См.: Райский Ю.Л. Многоукладность и кредитная система России (Акционерные земельные банки и городской ипотечный кредит в 1902–1917 годах) // Вопросы истории капиталистической России... – Свердловск, 1972. – С. 178–179.
[125] См.: Гефтер М.Я. Указ. соч. – С. 90.

ной сети, модернизация торговой инфраструктуры привели к росту конкуренции и земледельческий центр, традиционно ориентировавшийся почти исключительно на «серые» хлеба, явно проигрывал земледельческим районам Юга. Ситуацию усугубил мировой аграрный кризис, в результате которого цены на хлеб с 1881 по 1896 г. упали на 1/3. К тому же специальные обследования рядом комиссий и совещаний положения деревни фиксировали обострявшееся малоземелье[126].

В ходе изучения зависимости производственной деятельности крестьян и помещиков от объективных экономических условий возникает *вопрос об уровне развития капиталистического аграрного рынка* в начале XX в. О его высоких показателях, на первый взгляд, свидетельствует наличие единых рынков на средства производства и рабочую силу[127], что дает вроде бы основание признать, что в аграрном секторе России начала XX в. преобладали закономерности не простого товарного рынка, а закономерности товарно-капиталистического рынка, на котором «товары обмениваются не просто как *товары*, но как *продукты* капиталов…»[128] и цены определяются не стоимостями товаров, а ценой производства (издержки производства плюс средняя прибыль)[129] и, следовательно, крестьянские хозяйства имели возможность одинаковой прибыли на равные затраты капитала. Отсюда один шаг до вывода о преобладании в развитии крестьянских хозяйств буржуазных капиталистических отношений.

На наш взгляд, такая позиция является не вполне адекватной и нуждается в корректировке.

Во-первых, в этот период *отсутствовал единый национальный земельный рынок*, что задерживало складывание единой нормы прибыли в сельском хозяйстве и промышленности и препятствовало свободному переливу капиталов из одной сферы в другую.

Материалы Комиссии центра наглядно свидетельствуют о том, что при общем росте цен на землю за пятилетие 1893-1897 гг. на 10% (до 44,4 руб. за десятину), цена за землю в Малороссии выросла на 20%, а в Новороссии - на 40% против предыдущего пятилетия. Еще больший разброс мы встречаем при анализе высоты цен на землю по

---

[126] См.: Корелин А.П. Столыпинская аграрная реформа в аспекте земельной собственности // Собственность на землю в России: История и современность. – М., 2002. – С. 241.
[127] См.: Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в. – М., 1974.
[128] Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1961. – Т. 25. – Ч. I. – С. 192.
[129] См.: Там же. – С. 172.

регионам. В десятилетие 1888-1897 гг. самая высокая цена за десятину наблюдалась в Северо-Западной группе губерний Средне-Земледельческого района – 90,7 руб., то есть выше средней для 45 губерний (42,5 руб.) на 113%. В Юго-Восточной группе Средне-Земледельческого района, в Малороссии и Новороссии цены были от 68,7 руб. до 81,7 руб., то есть на 62-92% выше средней. В Северо-Восточном, Восточном и Северном цены были низкими - от 14,7 до 18,2 руб. за десятину, то есть на 57-65% ниже средней. В остальных пяти районах цена за десятину не уклонялась от средней более, чем на 40%: в Северо-Западном и Средне-Промышленном районах она была ниже средней, в Юго-Западном и Юго-Восточном - выше средней, в Средне-Приволжском была близка к средней норме[130]. В итоге разница в цене между самыми крайними региональными показателями за 1888-1897 гг. составляла **517%.** По пятилетиям, начиная с 1868 г.. мы можем вычислить следующие значения разброса цен между самыми низкими и самыми высокими ценами: 1868-1872 гг. – 500%; 1873-1877 гг. – 1612%; 1878-1882 гг. – 1523%; 1883-1887 гг. – 961%; 1888-1892 гг. – 510%; 1893-1897 гг. – 565%[131]. В итоге, через 30 лет товарных отношений разница межрегиональных цен вернулась в свое исходное значение, что подтверждает вывод об отсутствии во второй половине XIX в. единого национального рынка земли.

С началом XX в. ситуация рынке земли ухудшилась. При рассмотрении средних цен на землю уже за 1895-1910 гг. видно, что в Центрально-черноземном районе цена за десятину была ровна 126 руб. Соответственно – в Средневолжском: 83,9 руб.; в Левобережном: 138,2 руб.; в Южном степном: 138,2 руб.; в Юго-Западном: 130,1 руб.; в Юго-Восточном: 38,8 руб.; в Промышленном: 69,1 руб.; в Белорусском: 52,1 руб., в Приуральском: 36,8 руб.; в Северном: 13,8 руб.; в Северо-Западном: 45,9 руб.; в Литовском: 66,5 руб.[132]. Разница между самым низким уровнем цен и самым высоким составляла **900%.**

Такая же ситуация сложилась и с арендными земельными ценами. В 1900 г. средняя арендная плата за одну десятину вненадельной земли равнялась 6,4 руб., надельной – 3,5 руб. По регионам: Средне-

[130]См.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903. – Ч.III. – С. 168.

[131] См.: Там же. – Ч. I. – С. 97.

[132] См.: Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. – М., 2004. – С. 204.

Промышленый район – 3,1 руб. за десятину вненадельной земли и 6,2 руб. – надельной; Северный – 2,5 руб. и 4,4 руб.; Юго-Восточный – 4,3 руб. и 4,8 руб.; Юго-Западный – 8,1 руб. и 8,3 руб.; Малороссийский – 10,1 руб. и 9,7 руб.; Средне- Приволжский – 6,2 руб. и 5,7 руб.; Северо-Западный – 5,1 руб. и 4,0 руб.; Северо-Восточный – 1,7 руб. и 1,3 руб.; Северо-Западная группа губерний Средне-Земледельческого района – 11,6 руб. и 8,1 руб.; Юго-Восточная группа губерний Средне-Земледельческого района – 8,3 руб. и 5,7 руб.; Прибалтийский – 6,8 руб. и 3,6 руб.; Восточный – 2,9 руб. и 1,0 руб.; Новороссийский – 7,4 руб. и 5,1 руб.[133] В итоге разница в цене между самыми крайними региональными показателями составляла для аренды вненадельной земли – **582**%, для надельной – **870%.**

Во-вторых, невозможно вообще говорить о том, что аграрный рынок России начала XX в. имел капиталистический характер, так как большая часть сельскохозяйственной продукции производилась без использования капиталистического найма.

В-третьих, анализ валовой рентабельности и рентабельности земледелия позволяет сделать вывод о преобладании убыточности в сельскохозяйственном производстве крестьян и недопустимости сложения его результатов и заработков на стороне для подтверждения тезиса о якобы одинаковой рентабельности крестьянских хозяйств[134].

В-четвертых, рассмотрение динамики цен на сельскохозяйственные товары и разницы между их крайними региональными и губернскими значениями позволяет утверждать, что в начале XX в. обозначилась противоречивая *тенденция***.**

В Центрально-Земледельческом районе в 1901-1905 гг. цена на *рожь* составляла: а) весенняя – 59 коп. за пуд, б) осенняя – 61 коп. Соответственно – в Средневолжском: 55, 57; в Нижневолжском: 56, 53; в Новороссийском: 62, 58; в Юго-Западном: 60, 57; в Малороссийском: 56, 55; в Промышленном: 76, 74; в Белорусском: 73, 68; в Приуральском: 60, 61; в Северном: 101, 98; в Приозерном: 97, 92; в Литовском: 74, 71; в Прибалтийском: 87,85[135]. Разница между самым низким уровнем цен и самым высоким составила: а) **83,6**%, б) **78,1%.**

---

[133] См.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903. – Ч.III. – С. 185.

[134] Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории.– 1997.– № 9.– С. 83–84.

[135] См.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. – Пг., 1916. – С. 476.

Межгубернские колебания были следующими: а) **143,4** %(Архангельская – 112; Уфимская - 46), б) **132,6** %(Архангельская – 107; Уфимская – 46).

В Центрально-Земледельческом районе в 1913 г. цена на рожь составляла: а) весенняя – 80 коп. за пуд, б) осенняя – 73 коп. Соответственно – в Средневолжском: 72, 62; в Нижневолжском: 78, 52; в Новороссийском: 81, 67; в Юго-Западном: 84, 74; в Малороссийском: 80, 69; в Промышленном: 98, 88; в Белорусском: 86, 82; в Приуральском: 72, 63; в Северном: 118, 109; в Приозерном: 123, 109; в Литовском: 78, 85; в Прибалтийском: 102, 95[136]. Разница между самым низким уровнем цен и самым высоким составила: а) **70,8**%, б) **109,6**%.

В 1911-1913 гг. межрайонные колебания были равны: а) **61,7**% (Северный– 122,3; Малороссийский – 75,6), б) **53,5** %(Северный – 115,6; Малороссийский – 75,3). Межгубернские колебания соответственно: а) **87,5**% (Архангельская – 135,6; Полтавская – 72,3), б) **90**% (Архангельская – 133,6; Полтавская – 72,3).

Межрайонные колебания в 1906-1910 гг. – а) **64,9**% (Приозерный – 127; Приуральский – 77), б) **50,6**% (Северный – 116; Приуральский – 77)[137]. Межгубернские колебания – а) **107,5**% (Архангельская – 137; Оренбургская - 66), б) **101,5**% (Архангельская – 129; Уфимская – 64).

Для остальных пятилетий, начиная с 1871 г. межрайонная разница между самым низким уровнем цен на *рожь* и самым высоким (до 1900 г. берется только средняя цена без разделения на весеннюю и осеннюю) была такова: 1871-1875 гг. – **76**% (Северный – 81; ЮВГ Среднеземледельческого района – 46); 1876-1880 гг. – **72,7**% (Северный – 95; Восточный – 55); 1881-1885 гг. – **91,6**% (Северный – 115; Восточный – 60); 1886-1890 гг. – **83,7**% (Северный – 79; ЮВГ Среднеземледельческого – 43); 1891-1895 гг. – **57,6**% (Северный – 93; Малороссийский – 59); 1896-1900 гг. – **94,8**% (Северный – 76; Восточный – 39). Межгубернская разница: 1871-1875 гг. – **140**% (Ковенская – 96; Пензенская – 40); 1876-1880 гг. – **106**% (Архангельская – 103; Курская – 50); 1881-1885 гг. – **139,2**% (Архангельская – 134; Оренбургская – 56); 1886-1890 гг. – **123,8**% (Архангельская – 94; Полтавская – 42); 1891-1895 гг. – **98,1**% (Архангельская – 109; Екатерино-

[136] См.: Там же.

[137] См.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. – Пг., 1916. – С. 476.

славская – 55); 1896-1900 гг. – **144,4**% (Архангельская – 88; Оренбургская – 36)[138]**.** См. рис. 1 в Приложении 3.

В Центрально-Земледельческом районе в 1901-1905 гг. цена на *яровую пшеницу* составляла: а) весенняя – 78 коп. за пуд, б) осенняя – 78 коп. Соответственно – в Средневолжском: 79, 75; в Нижневолжском: 79, 78; в Новороссийском: 82, 86; в Юго-Западном: 78, 74; в Малороссийском: 77, 73; в Промышленном: 101, 95; в Белорусском: 86, 79; в Приуральском: 86, 79; в Северном: 115, 112; в Приозерном: 117, 110; в Литовском: 89, 82; в Прибалтийском: 95, 92[139]. Разница между самым низким уровнем цен и самым высоким составила: а) 5**1,9**%, б) **53,4**%**.** Межгубернские колебания – а) **63**% (Новгородская – 119; Полтавская – 73), б) **80**% (Архангельская – 117, Полтавская – 65)**.**

Для 1906-1910 гг. межрайонная разница в ценах составила: а) **49**% (Приозерный – 155; Нижневолжский – 104), б) **44,5** (Северный – 146; Приуральский – 101)%, межгубернская: а) **75**% (Владимирская – 154; Орловская – 88), б) **82,5**% (Архангельская – 157, Орловская – 86)[140].

В Центрально-Земледельческом районе в 1913 г. цена на *яровую пшеницу* составляла: а) весенняя – 105 коп. за пуд, б) осенняя – 92 коп. Соответственно – в Средневолжском: 101, 83; в Нижневолжском: 109, 71; в Новороссийском: 103, 87; в Юго-Западном: 104, 93; в Малороссийском: 104, 90; в Промышленном: 137, 114; в Белорусском: 102, 95; в Приуральском: 113, 89; в Северном: 149, 129; в Приозерном: 149, 131; в Литовском: 100, 100; в Прибалтийском: 99, 83[141]**.** Разница между самым низким уровнем цен и самым высоким составила: а) **49**%, б) **84,5**%**.**

В 1911-1913 гг. межрайонные колебания были равны: а) **40,7**% (Северный– 144; Белорусский – 102,3), б) **48,5** %(Северный – 142; Белорусский – 95,6). Межгубернские колебания соответственно: а)

---

[138] См.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903. – Ч.I. – С. 184.

[139] См.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. – Пг., 1916. – С. 477.

[140] См.: Там же. – С. 476.

[141] См.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903. – Ч.I. – С. 184.

56,4% (Новгородская – 154,3; Подольская – 98,6), б) **78**% (Архангельская – 159; Подольская – 89,3).

Для остальных пятилетий, начиная с 1881 г. приведем межрегиональную разницу между самым низким уровнем цен на *пшеницу* и самым высоким (до 1900 г. берется только средняя цена без разделения на весеннюю и осеннюю): 1881-1885 гг. – **67,5**% (Прибалтийский – 124; Восточный – 74); 1886-1890 гг. – **36,4**% (Прибалтийский – 101; Восточный - 74); 1891-1895 гг. – **47,2**% (Северный – 106; Малороссийский – 72); 1896-1900 гг. – **48,4**% (Северный – 95; Восточный – 64)[142]. Межгубернская разница была такова: 1881-1885 гг. – **91,5**% (Новгородская – 136; Уфимская – 71); 1886-1890 гг. – **66,1**% (Архангельская – 113; Уфимская – 68); 1891-1895 гг. – **74,6**% (Новгородская – 117; Екатеринославская – 67); 1896-1900 гг. – **75,8**% (Архангельская – 109; Пензенская – 62). См. рис. 2 в Приложении 3.

Межрайонная разница в ценах на *овес* имела следующие показатели: 1871-1875 гг. – **128,2**% (Северо-Западный – 89; Северо-Восточный - 39); 1876-1880 гг. – **100**% (Прибалтийский – 88; Восточный – 44); 1881-1885 гг. – **118,6**% (Прибалтийский – 94; Восточный – 43); 1886-1890 гг. – **78,5**% (Прибалтийский – 75; Северо-Восточный – 42); 1891-1895 гг. – **62,2**% (Прибалтийский – 73; Малороссийский - 45); 1896-1900 гг. – **56,5**%[143]; 1901-1905 гг. – а) **79,2**% (Прибалтийский – 95; Средневолжский – 53) б) **102,2**% (Прибалтийский – 91; Приуральский – 45); 1906-1910 гг. – а) **56,4**% (Приозерный – 97; Приуральский – 62), б) **51,8**% (Прибалтийский – 82; Приуральский – 54); в 1913 г. – а) **55,2**%, б) **100**%; 1911-1913 гг. – а) **37,4**% (Приозерный – 97,6; Приуральский – 71), б) **45,2**% (Прибалтийский – 88; Приуральский – 60,6)[144].

Межгубернские колебания цен на *овес* составляли: в 1871-1875 гг. – **167,5**% (Ковенская – 99; Вятская - 37); в 1876-1880 гг. – **165,7**% (Архангельская – 101; Уфимская – 38); в 1881-1885 гг. – **182**% (Архангельская – 110; Уфимская – 39); в 1886-1890 гг. – **121**% (Олонецкая – 84; Пензенская – 38); в 1891-1895 гг. – **111,6**% (Олонецкая – 91; Полтавская – 43); в 1896-1900 гг. – **92,8**% (Олонецкая – 81; Казанская

[142] См.: Там же – С. 185.

[143] См.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903. – Ч.I. – С. 184-185.

[144] См.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. – Пг., 1916. – С. 477.

– 42); в 1901-1905 гг. – а)**121,7**% (Эстляндская – 102; Уфимская – 46), б) **127,9**% (Эстляндская – 98; Уфимская – 43), в 1906-1910 гг. – а) **82,7** (Олонецкая – 106; Уфимская – 58), б) **84**% (Олонецкая – 92; Уфимская – 50), в 1911-1913 гг. – а) **44,3**% (Архангельская – 97,6; Вятская – 67,6), б) **79,4**% (Архангельская – 98; Вятская – 54,6). См. рис. 3 в Приложении 3.

Итак, анализ цен на рожь, пшеницу и овес и межрегионального разброса между этими ценами за период с 1871 г. (для пшеницы с 1881 г.) по 1913 г. дает возможность увидеть, что разница в региональных и губернских ценах на пшеницу с середины 1880-х годов по 1913 г. находилась на одном и том же высоком уровне. Кривая разброса цен на рожь (и для межрайонных, и для межгубернских значений) показывает резкие колебания этого разброса, но в строго обозначенном «сорока процентном» интервале. Только динамика межрайонных и межгубернских колебаний цен на овес зафиксировала волнообразную, но устойчивую тенденцию к нивелировке цен.

При изучении рынков сельскохозяйственных товаров необходимо учитывать не только межрегиональный разброс ценовых показателей, но и разницу движения цен внутри регионов. Для примера возьмем рынок ржи. В Юго-Западном районе в 1871-1880 гг. разница равнялась 88%, в 1881-1890 гг. – 85%, в 1891-1900 гг. – 78%; в Малороссийском – 100%, 83%, 92%; в Новороссийском – 55%, 62%, 80%; в Северо-Западной группе Средне-Земледельческого района – 89%, 86%, 112%; в Юго-Восточной группе Средне-Земледельческого района – 102%, 107%, 129%; в Юго-Восточном – 108%, 96%, 102%; в Восточном – 89%, 76%, 170%; в Средне-Приволжском – 74%, 92%, 136%; в Северо-Восточном – 40%, 59%, 146%; в Прибалтийском – 48%, 69%, 67%; в Северо-Западном – 44%, 87%, 60%; в Северном – 59%, 74%, 74%; в Средне-Промышленном – 68%, 92%, 79%. В среднем по 50 губерниям амплитуда внутрирегиональных цен такова – **63**%, **82**%, **91**%[145]. Все это говорит о том, что рынок ржи был не развит, отличался крайней неустойчивостью и в нем медленно нарастала тенденция его разрушения.

Рассмотрим теперь разницу межрегиональных цен и по другим сельскохозяйственным товарам.

---

[145] См.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903. – Ч.III. – С. 205.

В Центрально-Земледельческом районе в 1901-1905 гг. цена на *картофель* составляла 18 коп. Соответственно – в Средневолжском: 18 коп. ; в Нижневолжском: 22 коп; в Новороссийском: 32 коп.; в Юго-Западном: 15 коп.; в Малороссийском: 16 коп.; в Промышленном: 18 коп.; в Белорусском: 22 коп., в Приуральском: 18 коп.; в Северном: 26 коп.; в Приозерном: 26 коп.; в Литовском: 22 коп.; в Прибалтийском: 27[146]. Межрайонная разница между самым низким уровнем цен и самым высоким была равна **113,3**% (Новороссийский – 32; Юго-Западный – 15), межгубернская - **207,6** % (Таврическая – 40; Ярославская – 13). Для 1906-1910 гг. межрайонная разница составила **84,2**% (Новороссийский – 35; Юго-Западный – 19), межгубернская – **141,1** % (Астраханская – 41; Киевская – 17).

В Центрально-Земледельческом районе в 1913 г. цена на картофель составляла 24 коп. Соответственно – в Средневолжском: 17 коп. ; в Нижневолжском: 22 коп; в Новороссийском: 31 коп.; в Юго-Западном: 24 коп.; в Малороссийском: 22 коп.; в Промышленном: 31 коп.; в Белорусском: 34 коп., в Приуральском: 20 коп.; в Северном: 32 коп.; в Приозерном: 33 коп.; в Литовском: 27 коп.; в Прибалтийском: 33[147]. Разница между самым низким уровнем цен и самым высоким ровнялась **120%.** Для 1911-1913 гг. межрайонная разница составила **66,3**% (Прибалтийский – 31,6; Малороссийский – 19), межгубернская – **150,6**% (Уральская – 41,6; Пензенская – 16,6). См. рис. 4 в Приложении 3.

В Центрально-Земледельческом районе в 1901-1905 гг. цена на *сено* составляла 38 коп. Соответственно – в Средневолжском: 25 коп. ; в Нижневолжском: 24 коп; в Новороссийском: 32 коп.; в Юго-Западном: 26 коп.; в Малороссийском: 28 коп.; в Промышленном: 25 коп.; в Белорусском: 24 коп., в Приуральском: 23 коп.; в Северном: 26 коп.; в Приозерном: 26 коп.; в Литовском: 27 коп.; в Прибалтийском: 35[148]. Межрайонная разница между самым низким уровнем цен и самым высоким составила **65,2**% (Центрально-Земледельческий – 38; Северный - 23), межгубернская – **105,2**% (Курская – 39; Уфимская 19). Для 1906-1910 гг. межрайонная разница составила **44,4**% (Новороссийский – 39; Промышленный - 27), межгубернская – **66,6**% (Херсонская – 40; Уфимская – 24).

---

[146] См.: См.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. – Пг., 1916.. – С. 481.
[147] См.: Там же
[148] См.: Там же.

В Центрально-Земледельческом районе в 1913 г. цена на сено составляла 36 коп. Соответственно – в Средневолжском: 26 коп. ; в Нижневолжском: 25 коп; в Новороссийском: 35 коп.; в Юго-Западном: 33 коп.; в Малороссийском: 36 коп.; в Промышленном: 39 коп.; в Белорусском: 41 коп., в Приуральском: 24 коп.; в Северном: 54 коп.; в Приозерном: 36 коп.; в Литовском: 34 коп.; в Прибалтийском: 42[149]. Разница между самым низким уровнем цен и самым высоким ровнялась **125%.** Для 1911-1913 гг. межрайонная разница составила **39,6**% (Прибалтийский – 42,3; Нижневолжский – 30,3), межгубернская – **83,1**% (Архангельская – 50; Уфимская –27,3). См. рис. 5 в Приложении 3.

В Центрально-Земледельческом районе в 1901-1905 гг. цена на *горох* составляла 91 коп. Соответственно – в Средневолжском: 74 коп. ; в Нижневолжском: 85 коп; в Новороссийском: 97 коп.; в Юго-Западном: 94 коп.; в Малороссийском: 70 коп.; в Промышленном: 114 коп.; в Белорусском: 88 коп., в Приуральском: 91 коп.; в Северном: 130 коп.; в Приозерном: 131 коп.; в Литовском: 86 коп.; в Прибалтийском: 111[150]. Межрайонная разница между самым низким уровнем цен и самым высоким составила **87,1**% (Приозерный – 131; Малороссийский – 70), межгубернская – **206,5**% (Олонецкая – 187; Полтавская – 61). Для 1906-1910 гг. межрайонная разница составила 7**4,4**% (Приозерный – 150; Малороссийский – 86), межгубернская – **123,6**% (Петербургская – 170; Полтавская – 76).

В Центрально-Земледельческом районе в 1913 г. цена на горох составляла 108 коп. Соответственно – в Средневолжском: 86 коп. ; в Нижневолжском: 94 коп; в Новороссийском: 125 коп.; в Юго-Западном: 84 коп.; в Малороссийском: 91 коп.; в Промышленном: 137 коп.; в Белорусском: 112 коп., в Приуральском: 95 коп.; в Северном: 153 коп.; в Приозерном: 144 коп.; в Литовском: 97 коп.; в Прибалтийском: 125[151]. Разница между самым низким уровнем цен и самым высоким составила **82,1%.** Для 1911-1913 гг. межрайонная разница составила **69,1**% (Северный – 155,6; Малороссийский – 92), межгубернская – **102,9**% (Петербургская – 167; Полтавская – 82,3). См. рис 6 в Приложении 3.

[149] См.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. – Пг., 1916. – С. 481.
[150] См.: Там же.
[151] См.: Там же.

В Центрально-земледельческом районе в 1901-1905 гг. цена на *рабочую лошадь* составляла: а) весенняя – 50 руб., б) осенняя – 40 руб. Соответственно – в Средневолжском: 46, 40; в Нижневолжском: 41, 37; в Новороссийском: 53, 51; в Юго-Западном: 54, 50; в Малороссийском: 52, 47; в Промышленном: 55, 47; в Белорусском: 60, 47; в Приуральском: 46, 35; в Северном: 55, 43; в Приозерном: 67, 48; в Литовском: 63, 52; в Прибалтийском: 76, 67[152]. Разница между самым низким уровнем цен и самым высоким составила: а) **85,3**%, б) **91,4**%. Для 1906-1910 гг. разница составила: а) **97,9**% (Прибалтийский – 95; Северный – 48), б) **95,5**% (Прибалтийский – 88; Северный – 45).

В Центрально-земледельческом районе в 1913 г. цена на рабочую лошадь: а) весенняя – 84 руб., б) осенняя – 75 руб. Соответственно – в Средневолжском: 73, 70; в Нижневолжском: 66, 69; в Новороссийском: 81, 80; в Юго-Западном: 90, 76; в Малороссийском: 95, 84; в Промышленном: 85, 70; в Белорусском: 98, 79; в Приуральском: 61, 61; в Северном: 56, 46; в Приозерном: 88, 74; в Литовском: 104, 108; в Прибалтийском: 142, 135[153]. Разница между самым низким уровнем цен и самым высоким составила: а) **132,7**%, б) **121,3**%. Для 1911-1913 гг. разница составила: а) **130**% (Прибалтийский – 123,3; Северный – 53,6), б) **139,5**% (Прибалтийский – 115; Приуральский - 48). См. рис. 7 в Приложении 3.

В Центрально-земледельческом районе в 1901-1905 гг. цена на *дойную корову* составляла: а) весенняя – 39 руб., б) осенняя – 34 руб. Соответственно – в Средневолжском: 34, 29; в Нижневолжском: 31, 27; в Новороссийском: 41, 38; в Юго-Западном: 44, 39; в Малороссийском: 44, 39; в Промышленном: 36, 35; в Белорусском: 30, 28; в Приуральском: 25, 23; в Северном: 31, 25; в Приозерном: 32, 29; в Литовском: 33, 31; в Прибалтийском: 40, 38[154]. Разница между самым низким уровнем цен и самым высоким составила: а) **76**%, б) **69,5**%. Для 1906-1910 гг. разница составила: а) **81,8**% (Малороссийский – 60; Приуральский – 33), б) **76,6**% (Малороссийский – 53; Приуральский – 30).

В Центрально-земледельческом районе в 1913 г. цена на дойную корову составляла: а) весенняя – 64 руб., б) осенняя – 60 руб. Соот-

[152] См.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. – Пг., 1916. – С. 496-497.
[153] См.:Там же.
[154] См.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. – Пг., 1916. – С. 498-499.

ветственно – в Средневолжском: 56, 55; в Нижневолжском: 53, 54; в Новороссийском: 68, 65; в Юго-Западном: 71, 63; в Малороссийском: 82, 72; в Промышленном: 64, 54; в Белорусском: 55, 47; в Приуральском: 39, 39; в Северном: 45, 32; в Приозерном: 54, 49; в Литовском: 59, 58; в Прибалтийском: 74, 76[155]. Разница между самым низким уровнем цен и самым высоким составила: а) **89,7**%, б) **137,5**%. Для 1911-1913 гг. разница составила: а) **116,6**% (Малороссийский – 78; Приуральский – 36), б) **130,9**% (Малороссийский – 71,6; Приуральский – 31). См. рис. 8 в Приложении 3.

Из движения цен рассмотренных нами товаров видно, что при продаже картофеля, сена и гороха действовала волновая тенденция плавного сближения районных цен и скачкообразного сближения (в 1901-1905 гг.)-удаления (в 1906-1913 гг.) губернских цен за исключением цен на горох; при продаже рабочих лошадей и дойных коров проявила себя линейная тенденция удаления региональных и губернских цен. И общее движение рассмотренных нами национальных рынков налицо – к медленному развитию одних рынков (овса и гороха), стагнации других (ржи, пшеницы, картофеля и сена) и неуклонному разрушению третьих (рабочих лошадей и дойных коров).

В-пятых, необходимо учитывать, что крестьянское хозяйство само по себе является семейно-производственной единицей натуральной экономики, которой соответствует специфическая мотивация. Она состоит в том, что «основным стимулом хозяйственной деятельности трудовой семьи является необходимость удовлетворить потребности ее едоков, а главнейшим средством к этому – ее рабочие руки»[156]. Поэтому «*объем хозяйственной деятельности* семьи количественно в той или иной мере будет соответствовать этим основным элементам семейного состава»[157]. Именно количество рабочих рук и потребности семьи, а не величина массы овеществленного труда определяет масштабы производства и потребления. И как писал В.М. Чернов, «вся сущность функционирования крестьянского хозяйства — это постоянное превращение средств существования в рабочую силу и обратно — рабочей силы в средства существования»[158]. В этой системе потребление непосредственно детерминирует производ-

[155] См.:Там же.
[156] См.: Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. – М., 1989. – С. 221.
[157] Там же.
[158] Чернов В.М. Типы капиталистической и аграрной эволюции // Русское богатство – 1900. – № 4. – С. 140.

ство и поэтому «при прочих равных условиях крестьянский работник, стимулируемый к работе потребностями своей семьи, развивает *тем большую энергию*, чем сильнее давление этих потребностей»[159]. Ухудшение условий существования семьи вызывает тенденцию к наращиванию трудоинтенсивности и самоэксплуатации.

Такое качество семейно-трудового хозяйства стало одним из решающих условий его эволюции в период становления капитализма в России. Суть этой взаимосвязи состояла в том, что давление наступавшей «власти денег» опосредовалось крестьянскими представлениями о хозяйствовании, которые чаще всего направляли деятельность крестьян не на выход из традиционных образцов поведения, а на поиск новых ресурсов и резервов в рамках старой хозяйственной системы. Это обеспечило исключительную выживаемость потребительского хозяйства, сделало его мощным конкурентом капиталистического земледельческого хозяйства в борьбе за ресурсы.

Новые возможности старой системы проявились в трех направлениях. Первое состояло в использовании отходничества и других неземледельческих занятий для укрепления семейного хозяйства и покупки земли. Второе направление развивалось в рамках квазикапиталистической кабальной аренды. Потребительское крестьянское хозяйство в условиях аграрного перенаселения платило самые высокие ренты, самые высокие цены за землю, перебивая ее у капиталистических предприятий. Третье направление было связано с особенностями крестьян как товаропроизводителей. Исследуя ступени эволюции меновой стоимости, К. Маркс на примере агросферы выделял два типа товаропроизводителя, различающихся качественно разной зависимостью их хозяйственной деятельности от рынка: «Английский фермер и французский крестьянин в экономическом отношении занимают одинаковое положение, поскольку продаваемыми ими товарами являются продукты земледелия. Но крестьянин продает только небольшой излишек продукции своей семьи. Главную часть он потребляет сам, относится, следовательно, к большей части своего продукта не как к меновой стоимости, а как к потребительной стоимости, непосредственному жизненному средству. Напротив, английский фермер полностью зависит от продажи своего продукта, то есть зависит от него как товара и, следовательно, от общественной потребительной стоимости своего продукта. Его производство, стало быть, во всем

[159] Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. – М., 1989. – С. 241.

объеме захвачено и определено меновой стоимостью»[160]. Таким образом, К. Маркс показывает, что включенность в капиталистический рынок некапиталистического крестьянского хозяйства скорее всего свидетельствует о наличии квазикапиталистической экзогенной эксплуатации, чем об его принадлежности к мелкой буржуазии.

В основной массе российское крестьянское хозяйство оставалось полунатуральным. Товарный выход производимой в нем продукции соответствовал в лучшем случае лишь «французской» стадии в развитии мелкого товарного производства относительно современного уровня товарности традиционного хозяйства развивающихся стран. Например, товарность всего зернового производства в 10–20-х годах XX в. характеризовалась следующими величинами (продажа за пределы деревни в %): [161]

Период	Товарность
1909–1913 гг.	25,6
1923–1926 гг.	13,2

Кроме того, из семейных бюджетов[162] следует, что личное потребление крестьян покрывалось за счет покупки продуктов в среднем не более чем на треть. Но при этом надо учитывать, что эта «рыночность» во многом была мнимой: чтобы осенью заплатить подати, крестьяне были вынуждены дешево продавать хлеб, а весной покупать его уже дороже. Важным изменением рыночных отношений в деревне стало вытеснение свободы спроса, утверждение «работы на заказ», что серьезно деформировало рыночное выявление стоимости.

Весьма спорным является вопрос о превращении «в товар рабочей силы, продаваемой несостоятельным крестьянством», так как не всякий наемный труд отвечает капиталистическим производственным отношениям. «Обмен овеществленного труда на живой труд, – писал К. Маркс, – еще не конституирует ни капитала на одной стороне, ни наемного труда – на другой. Весь класс так называемых слуг, начиная с чистильщика сапог и кончая королем, относится к этой категории. Сюда же относится и свободный поденщик, которого мы спорадически встречаем повсюду, где либо азиатская община, либо западная община, состоящая из свободных собственников земли, распадается

[160]Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1969 – Т. 46. – Ч. II. – С. 446.

[161] Растянников В.Г. Мелкое хозяйство как субъект многоукладной системы хозяйства... // Капитализм на Востоке... – М., 1995. – С. 375.

[162] См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России... – М., 1952. – С. 115–135.

на отдельные элементы»[163]. В очень многих случаях наемный труд есть отношение простого обращения – обмена одной потребительной стоимости на другую. Поэтому широкое развитие найма батраков еще не означает возникновения капитализма. В Западной Сибири по материалам сельскохозяйственной переписи 1916 года видно, что в бедных и средних хозяйствах имела место потребительская форма найма работников (для производства необходимого продукта), а в крупных хозяйствах – победила предпринимательская тенденция в найме, осуществлявшемся с целью получения прибыли. Однако ни те, ни другие хозяйства не являлись капиталистическими, так как семейный труд в них преобладал.[164] Подобное положение сложилось в большинстве российских регионов. Здесь основная масса крестьянских хозяйств строилась на сочетании собственнического и трудового начала, держалась преимущественно на использовании различных форм семейного труда. Причем, это было характерно и для значительной доли зажиточных хозяйств[165].

История развития товарного производства показывает, что капиталистическим отношениям в аграрной сфере адекватен такой наемный труд, который применяется как главное средство создания сельскохозяйственной товарной продукции не только в масштабе отдельных хозяйств, но и в рамках всего аграрного производства, организованного на более или менее свободной рыночной основе. В России на тот момент таких условий не существовало. Сельскохозяйственный рынок был деформирован, а буржуазия и пролетариат в деревне только зарождались. (более подробно об этом см. § 2 Гл. 3)

Невозможность становления капиталистических отношений в деревне по «американскому» или «прусскому» вариантам стала очевидной и в ходе Столыпинской реформы.

В первую очередь отметим, что земельное утеснение сохранялось у всех категорий крестьян, хотя и в разной степени. О его влиянии на ведение хозяйства в Центрально-Черноземном районе писал А.А. Кауфман: «Хуторская форма, более или менее выгодная при

---

[163] Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – М., 1968. – Т. 46. – Ч. I. – С. 454.

[164] См.: Никулин П.Ф. Место наемного труда в системе крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. // Вопросы экономической истории России XVII–XX вв. – Томск, 1996. – С. 150–151; Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории.– 1997.– № 9.– С. 82–86.

[165] См.: Анфимов А.М. Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной реформы) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник 1996. – М., 1996. – С. 90–92.

значительных размерах земельных участков, не сулит никакой выгоды или даже прямо убыточна при таких средних и ниже средних размерах землевладения, какими располагает громадное большинство крестьян данного района. Им хутора не обещают ничего хорошего»[166].

В рассматриваемое время наблюдался исключительно быстрый рост цен на землю и, следовательно, повышение абсолютных сумм процентов погашения долга по ссудам на покупку земли. Так, в Европейской России цена десятины земли, прошедшей процесс купли-продажи через Крестьянский банк за период с 1898 г. по 1914 г. возросла с 81 руб. до 166 руб.[167]. Основная причина роста цен состояла в возрастающей нужде крестьян в земле и увеличивавшемся спросе на земельном рынке. Кроме того, в послереволюционное время на стороне крестьян практически не оказалось средств понижения цены: стачки и бойкоты в этот период были неэффективны.

Аренда и платежи за землю легли еще большим, чем прежде, грузом на бюджет крестьянского хозяйства. Причем это коснулось почти в равной мере и общинников, и хуторян. Сказанное могут подтвердить бюджетные наблюдения. Например, расходы в бюджетах хуторян и общинников Симбирской губернии в 1913 году выглядели следующим образом[168]:

	Хуторяне		Общинники	
	руб.	%	руб.	%
Все расходы хозяйства	439	100	407	100
На покупку и аренду	127	29,6	73	17,9

Особая роль в осуществлении земельных преобразований отводилась Крестьянскому поземельному банку. Если ранее в операциях банка преобладали коллективные покупки земли обществами и товариществами, то теперь подавляющее большинство клиентов составляли индивидуальные покупатели. За 1907–1915 гг. крестьяне приобрели у банка или купили с его помощью 9,8 млн. дес., получив в ссуду 929 млн. руб. Хуторов на банковских землях было создано 270 тыс. Всего же из проданных банком земель 23,8% было под хуторами и 54,9% – под отрубами, а из земель, купленных с ссудами бан-

[166] Речь, 1.I.1910; 29.XII.1911.
[167] См.: ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 260, л. 50–52.
[168] См.: Краткие бюджетные сведения по хуторским и общинным хозяйствам Симбирской губернии (Исследование 1913 г.). – Симбирск, 1915. – С. 172–179.

ка, примерно 90% составляли единоличные участки. Причем основными покупателями (3/4) были безземельные и малоземельные крестьяне с наделами до 6 десятин[169].

В соответствии с «Положением о землеустройстве» деятельность банка склонялась «не столько к посредничеству между крестьянами и помещиками, сколько к скупке земель последних по сравнительно повышенным ценам и продаже их крестьянам с барышом…»[170]. Эта позиция твердо выполнялась на деле. Если в 1896–1905 гг. средняя цена десятины, купленной банком земли, составляла 71 руб., а цена проданной крестьянам десятины земли – 93 руб., то в 1906–1909 гг. эти показатели составили соответственно уже 105 и 136 рублей[171]. То есть «барыш» даже вырос с 22 руб. до 31 руб. за десятину. Есть немало местных свидетельств банковских спекуляций землей. Например, в 1907 году Великий князь Андрей Владимирович продал Крестьянскому банку имение при с. Захарове Ливенского уезда Орловской губернии площадью 5064 дес. за 960 тыс. руб., то есть по 190 руб. за десятину, а банк, разбив ее на участки по 12 дес., распродал крестьянам по 220 руб. за десятину[172].

С 1907 по 1914 г. заемщики банка уплатили в погашение долга с процентами 347 млн. руб. и 15 млн. руб. пени за просроченные, отсроченные и рассроченные платежи. А всего за эти годы Крестьянский банк выкачал из крестьянского хозяйства Европейской России и Кавказа 578 млн. руб. В 1913 г. платежи крестьян банку составили 88 млн. руб., то есть сравнялись с отмененными выкупными платежами[173]. В свете этих факторов неудивительно, что задолженность банку ложилась тяжелым бременем на маломощное в своем большинстве крестьянство, что затрудняло модернизацию хозяйств. Более того, за неуплату процентов по ссудам банк отобрал у задолжников более 600 тысяч десятин[174].

В конечном итоге, в деятельности Крестьянского банка, как указывал А.А. Чупров, «интересы землевладельцев… получили более чем должный вес и начали оправдываться предсказания скептиков, что организация доступного кредита для организации покупки частно-владельческих земель будет лишь содействовать помещикам за-

---

[169] См.: Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. – М., 2001. – С. 213.
[170] Положение о землеустройстве в Государственной думе и Государственном совете. – СПб., 1911. – С. 8.
[171] См.: ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 260, л. 50, 50 об., 51.
[172] См.: РГИА, ф. 592, оп. 43, д. 1064, л. 4–5.
[173] См.: Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории.– 1997.– № 7.– С. 83.
[174] Корелин А.П. Указ. соч. – С. 288.

продать по высоким ценам землю»[175]. Достижению этой цели содействовала и деятельность Дворянского банка. Вот как описывал типичную ситуацию А.М. Анфимов: «Допустим, помещику надо продать имение или часть земли…, а ближайшие покупатели-крестьяне не соглашаются на запрошенную цену. Тогда владелец, чтобы выждать время, закладывает имение в Дворянском банке на условиях минимум 3,5 процента годовых. Взятые измором, крестьяне соглашаются на ранее назначенную или уже повышенную цену, и тогда Крестьянский банк оформляет сделку купли-продажи земли. При этом крестьяне уплачивают не 3,5, а 4,5 процента годовых от суммы полученной ссуды, а помещик, взыскав с крестьян доплату наличными, получает всю сумму назначенной ссуды – частью наличными в банке, частью 5-процентными ценными бумагами («свидетельствами») или 6-процентными «именными обязательствами»[176].

За 8 лет, с 1907 по 1914 г., помещикам за проданную ими землю Крестьянский банк выплатил 1042 млн. руб., и весь этот миллиард повис долгом на крестьянах, еще 800 млн. руб. помещики получили под залог своей земли в Дворянском и частных земельных банках. Они также получили в виде арендной платы 2,5 млрд. руб., а всего платежей за землю – 4,3 млрд. руб. Помощь же крестьянам по всем статьям составила лишь 119 млн. руб. Уплата процентов Крестьянскому и частным банкам по ссудам за купленную землю с 1907 по 1912 г. возросла с 41 до 89 млн., то есть на 48 млн., и помещикам за арендованную землю – с 253 до 338 млн., или на 85 млн., а всего на 133 млн. руб. В результате рост платежей не только поглотил 64 млн. руб. отмененных выкупных сумм, но и перекрыл их еще на 217 млн. Всего же за 6 лет крестьяне 50 губерний Европейской России выплатили государству и помещикам за землю 5887 млн. руб. Добавим, что за это время налоговое бремя крестьянского населения возросло на 28% при росте доходности крестьянского хозяйства также на 28%[177].

Таким образом, земельное утеснение, аренда и платежи за землю стали главными факторами отсутствия свободных капиталов у крестьянства и, следовательно, депрессивного развития аграрного сектора России в период Столыпинской реформы. К этому следует

[175] ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 260, л. 83.
[176] Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. – 1997. – № 7. – С. 83–84.
[177] См.: Там же. – С. 86–87.

добавить правовое неравноправие крестьянства, административный и полицейский нажим на него.

Итак, российская модернизация проходила в обстановке неуклонного сознательного разложения государством традиционного аграрного строя страны. Особенностями этого процесса стали: во-первых, осуществление господства такой формы подчинения традиционных укладов капиталу, которую можно назвать «депрессивной формой укладного системообразования»[178], что означает организацию при помощи политического институционального насилия и трансакционного (денежного, финансового, кредитного и т.п.) механизма капиталистического рынка максимально возможного извлечения и присвоения продуктов труда непосредственных производителей некапиталистических укладов; во-вторых, реализация этой депрессивной модели производилась в рамках двух способов эволюции крестьянского хозяйства и концентрации аграрного производства и капитала: «вертикальном», основанном на поддерживаемой сверху консервации квазикапиталистического характера аграрного производства и «горизонтальном», утверждавшем в крестьянском анклаве деревни капиталистические отношения через экономический и социальный кризис.

Выводы

Аграрному строю России второй половины XIX – начала XX в. были свойственны низкий уровень развития рыночных отношений и капитализма в аграрной сфере, значительные остатки феодальных отношений, большой удельный вес мелкотоварного производства, широкое распространение торгово-ростовщического капитала и, в целом, господство депрессивной модели развития аграрного сектора в виде двух способов эволюции крестьянского хозяйства и концентрации аграрного производства. Царское правительство, способствуя проведению форсированной индустриализации, становлению капиталистического способа производства и потому остро нуждаясь в значительных капиталах, взяло курс на государственно-капиталистическое регулирование аграрного производства с целью выкачивания из него необходимых ресурсов и, одновременно, оказания помощи дворянству, как опоре самодержавия. Возможность сохранения формальной самостоятельности мелкого производителя при

[178] Растянников В.Г. Многоукладность аграрной системы: поздняя стадия (по взглядам А.В. Чаянова) // Капитализм на Востоке во второй половине XX вв. – М., 1995. – С. 344.

работе его на рынок и при полном его подчинении торговому капиталу привела к задержке развития капитализации производственного процесса и производственных сил.

Итогом данной политики стали углубление межсекторного разрыва между промышленностью и сельским хозяйством, деградация последнего, превращение аграрного производства в квазикапиталистическую периферию капиталистического уклада и, в конечном итоге, остановку пролетаризации сельского населения, закрепление анклавно-конгломератного типа развития российского социума.

Все это дает основание утверждать, что и американский, и прусский пути развития капитализма в сельском хозяйстве России оказались лишь нереализованными тенденциями. В аграрном строе страны возобладал особый русский (тупиковый и квазикапиталистический) тип аграрно-капиталистической эволюции.

Выводы по главе

Формирование в России капиталистического способа производства проходило под большим давлением капиталистической мир-системы, что обусловило опережающее развитие его квазикапиталистической (рыночно-кабальной) формы по сравнению с собственно капитализмом. Это, в свою очередь, вызвало к жизни существенные противоречия экономического строя России: между модернизацией одних сегментов экономического строя и необходимой для этого архаизацией других; между почвенным потоком модернизации и государственно-капиталистическим; между сельским хозяйством и промышленностью (межсекторный разрыв); между аграрным капитализмом и неотрадиционной крестьянской периферией; между техническим оснащением промышленности (появлением индустриальных производительных сил) и ее техническим перевооружением (совершенствованием индустриальных производительных сил); между настоятельной потребностью российской капитализирующейся экономики в развитии инфраструктуры капиталистического рынка и межформационным переходным характером многих ее элементов; между вопиющей неразвитостью рыночных отношений в аграрной сфере и начавшейся «капитализацией» страны.

Эти противоречия власть пыталась разрешить на путях форсированного госкапиталистического развития и создания депрессивных моделей аграрного производства.

Государственный капитализм сыграл большую роль в экономической модернизации России. Однако из-за своего социально-

расколотого характера и общей незрелости (недосформированности) он постепенно приобрел качество убывающей прогрессивности.

Низкий уровень аграрного капитализма, господство полуфеодального мелкотоварного производства при ориентации власти на интересы помещиков и буржуазии предопределили курс на государственно-капиталистическое по форме и квазикапиталистическое по сути регулирование аграрного производства.

В результате указанных процессов раскол между различными элементами экономического строя нарастал, формируя его анклавно-конгломератную структуру.

Глава III. РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Историографический анализ проблемы характера и направленности развития социальной сферы страны, изучение архивных материалов предопределили исследование в данной главе истории развития различных социальных групп России, их хозяйственной деятельности, социальную политику российского государства в контексте изучения буржуазной модернизации социальной сферы страны и показали целесообразность рассмотрения вопроса по четырем тематическим направлениям, связанным с модернизацией буржуазии, крестьянства, рабочего класса и промежуточных слоев. При этом итог исследования состоял в раскрытии исторического опыта формирования буржуазной социальной структуры.

В процессе решения исследовательской задачи автор отталкивался от целого ряда фактов.

Апогей сословного строя[1] России приходился на первую половину XIX в. Официальным законодательством признавалось существование пяти состояний: дворянства, духовенства, городских обывателей, сельских обывателей и инородцев[2]. Термин «состояние» обозначал общественное положение лица в рамках сословия, то есть корпорации[3]. Сельские обыватели не стали сословием в полном смысле этого слова, так как у крестьян было мало прав и совсем не имелось сословных привилегий[4]. В 1832 г. официально была введена промежуточная группа, стирающая резкую границу между податными и неподатными сословиями, – почетные граждане. Среди сосло-

[1]Сословное общество понимается нами в западно-европейском смысле, который учитывает следующие признаки сословия: 1) каждое сословие имеет специфические права и социальные функции, которые закреплены юридически в обычае или законе; 2) сословные права передаются по наследству; 3) представители сословий объединяются в сословные организации или корпорации; 4) сословия обладают специфическим менталитетом и сознанием; 5) сословия имеют право на самоуправление и участие в местном управлении или центральном государственном управлении; 6) существуют внешние признаки сословной принадлежности – одежда, прическа, особые украшения и т.п. См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 76.

[2]См.: Законы о состояниях, ст.ст. 1–2 // Свод Законов Российской империи. В 16 т. – СПб., 1904. – Т. IX.

[3] См.: Коркунов Н.М. Русское государственное право. – СПб., 1908. – Т. 1. – С. 274.

[4] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.). – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 140

вий выделялись привилегированные, полупривилегированные, непривилегированные. Кроме того, как внутри сословий, так и между ними существовали разнообразные социальные группы. Так в 1858 г. в России насчитывалось 68 сословных групп[5]. Несмотря на некоторые межсословные перемещения, сословная структура страны в XIX – начале XX в. в целом оставалась стабильной[6]. Соотношение привилегированных и непривилегированных сословий почти не менялось. К 1917 г. все сословия и фактически, и юридически еще не утратили свои специфические сословные права.

Например, в 1880-е годы было усилено сословное дворянское начало в военном образовании через кадетские корпуса, а затем и учрежденные 2 апреля 1903 г. дворянские кадетские школы[7]. И несмотря на то, что после революции 1905 года в кадетские корпуса и военные училища стали принимать сыновей корабельных врачей и инженеров, священнослужителей в сане не ниже иерея, выпускников высших и средних учебных заведений всех сословий христианского вероисповедания[8], основная ставка продолжала делаться на пополнение офицерского корпуса потомственными и личными дворянами. В итоге в 1912 г. высшее и среднее звено офицерского корпуса в абсолютном большинстве составляли выходцы из дворян, а низший офицерский состав – на половину[9].

Устав о службе гражданской 1896 г. свидетельствовал о том, что порядок поступления на гражданскую службу и чинопроизводства в конце века мало отличался от дореформенного периода. Дворяне потомственные и дети личных дворян в первую очередь могли поступить на гражданскую службу по праву происхождения[10]. И даже именной высочайший указ от 5 октября 1906 г. не ликвидировал сословность в гражданской службе[11], так как в тот же день император утвердил положение Совета министров, согласно которому канцеляр-

---

[5] См.: Бирюкова А.Б. Сословный состав городского населения Пензенской губернии в первой половине XIX в. (по данным административного учета) // Классы и социальные группы в судьбах России. – СПб., 2003 – С. 66.

[6] См.: Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – С. 226.

[7] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. 23. – Отд. 1. – № 22766.

[8] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. 26. – Отд. 1. – № 27839.

[9] См.: Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – С. 19.

[10] См.: Уставы о службе по определению от правительства. Ст. 5, 19 // СЗРИ. – СПб., 1896. – Т. 3. – Кн. 1.

[11] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. 26. – Отд. 1. – № 28392. – Ст. I.

ские служители, то есть выходцы из непривилегированных сословий производились в чин 14-го класса по выслуге одного или двух лет в зависимости от их образования, то есть продолжали находиться в особом, ущемленном по сравнению с дворянами положении[12].

Лишь низшая школа была бессословной, средняя же предполагала плату и делилась на классическую (готовившую детей дворян и чиновников к обучению в университете) и реальную (ориентировавшую выходцев из недворянских слоев на обучение в технических институтах).

Кроме дворянства и чиновничества целый ряд сословных привилегий сохранило за собой и духовенство. На него практически не распространялся закон 1874 г. о всеобщей воинской повинности[13]. Все лица духовного состояния и их дети освобождались от телесных наказаний[14]. Духовенство не платило подушной подати, а после ее отмены имело ряд послаблений по отбыванию различных сборов и повинностей – освобождалось от квартирного, промыслового налогов, многий земских сборов и воинского постоя[15]. Земли, данные церкви в пользование за службу, не подлежали налогообложению и натуральным повинностям.

В пореформенное время уровень межсословной социальной мобильности по каналам: из крестьянства – в городское сословие, из духовенства – в дворянство и городское сословие, из городского сословия – в дворянство, существенно возрос, открытость сословий увеличилась. Примерно в 2 раза возросла и горизонтальная социальная мобильность. Большую роль в жизненном успехе стали играть образование, богатство и социальная активность человека[16]. Все это способствовало трансформации сословий в классы буржуазного общества.

Анализ профессиональной ориентации сословий свидетельствует о том, что, с одной стороны, наблюдалось участие представителей всех сословий практически во всех видах деятельности, но, с другой стороны, сохранялись прежние приоритеты в занятиях большинства

---

[12] См.: Там же – № 28393.

[13] См.: Устав о воинской повинности. Ст. 61, 63, 79 // СЗРИ. – 1907. – Т. 4; Статьи к уставу о воинской повинности. Ст. 79 // СЗРИ. – 1912.

[14] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. 24. – Отд. 1. – № 25014.

[15] См.: Устав о прямых налогах. Ст. 371, 576, 747 // СЗРИ. – 1903. – Т. 5; Устав о земских повинностях. Ст. 50, 475 // СЗРИ. – 1899. – Т. 4; Свод губернских учреждений. Ч. 3, Ст. 128, П. 7 // СЗРИ – 1892. – Т. 2.

[16] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – С. 145.

представителей сословий[17]. Профессионализация населения отражала процесс разделения труда в обществе. Главной его особенностью в России было то, что она значительно превосходила развитые страны Европы по удельному весу занятых в сельском хозяйстве: в империи их насчитывалось 58,4%, в то время как в Германии – 37,5%, в Австрии и Франции по 45%, а в Англии – всего 12,9% населения. Одновременно Россия существенно отставала по доле трудившихся в промышленности, имея лишь 17% занятых, против 37,5% – в Германии, 32,3% – в Австрии, 29,6% – во Франции и 57,7% – в Англии. Все это свидетельствовало об относительно слабом промышленном развитии страны[18].

В ходе исследования большой интерес вызвала проблема относительной бедности российского общества. В 1899 году в России совокупность всех собственно российских движимых ценностей составляла 5 млрд. руб. Во Франции и Германии движимые ценности составляли по 30 млрд. руб., в Англии – 60. Акционерных (торговых и промышленных) капиталов на душу населения в России приходилось 8 руб., в Германии – 90, в Англии – 300[19]. В 1913 г. народный доход на душу населения в Англии составлял 49 фунтов стерлингов, во Франции – 37, в Германии – 30,9, в России – всего 8 фунтов стерлингов[20].

Еще более наглядную картину дает анализ государственного бюджета. В 1897 г. в госбюджет (1,416 млн. руб.) поступило от налогов и пошлин 60,7% (прямые налоги – 7,1; косвенные – 42,2; пошлины – 5,3) и от доходов государственных предприятий и имуществ – 34,2% (правительственные регалии – 8,1; казенное имущество и капитал – 26,1). В 1914 г. в госбюджет (3,572 млн. руб.) поступило от налогов и пошлин 34,8% (прямые налоги – 7,7; косвенные – 20,4; пошлины – 6,6) и от доходов государственных предприятий и имуществ – 61,3% (правительственные регалии – 29,9; казенное имущество и капитал – 41,3)[21]. 50,3% госбюджета составили косвенные налоги и правительственные регалии как в 1897, так и в 1914 году, превышая прямые налоги в 6 раз. Отсюда следует, что основная масса

[17] См.: Иванова Н.А., Желтова В.П. Указ. соч. – С. 259–260.
[18] См.: Там же. – С. 342–343.
[19] См.: Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. – М., 1990. – С. 9.
[20] См.: Каценеленбаум З.С. Война и финансово-экономическое положение России. – М., 1917. – С. 11.
[21] См.: Сословия России в конце XIX в. – начале XX в. (документы и материалы). – М., 1993 – С. 6.

населения из-за косвенного обложения его доходов не могла не только жить в достатке[22], но и вкладывать деньги в прибыльное дело и становиться в ряды буржуазного класса. Зато рост дохода от казенного имущества и капитала с 26,1 % до 41,3 % показывает, что господствующим направлением буржуазной модернизации в экономике стал государственный капитализм.

В тоже время показатели госбюджета свидетельствуют об относительно низком уровне развития как частного, так и государственного предпринимательства. Первое в целом не могло самостоятельно, без помощи государства обеспечить расширенное воспроизводство, а второе покоилось на госзаказах и получаемых от них сверхприбылях при отсутствии конкуренции. К этому добавлялась и отсталая структура налогов и сборов. Несмотря на то, что налоговое бремя дворянства и купечества за пореформенное время возросло в 2,1 раза, их доля в 1887 г. (37,9%) существенно уступала доле налогов, собираемых с низших классов (55,1%), тогда как в это же время в Великобритании это соотношение составляло 52:40, а во Франции – 49:30[23].

Отличалась Россия от других стран и источниками существования населения, не имевшего личных заработков. В частности, лица, жившие доходом от капитала, недвижимости и пенсией составляли 25,8% всего самодеятельного населения. В Германии их было 61%, в Австрии – 59%. Такое положение дел также являлось показателем низкого уровня благосостояния страны[24].

Реформа 1861 г. дала толчок развитию торгово-промышленной деятельности и повлекла переселение жителей страны в районы, где капитализм, ломая старые крепостнические и сословные отношения, бурно проявлялся в росте индустрии и торговли. Это сопровождалось быстрым ростом городского населения, происходившим отчасти за счет преобразования наиболее крупных населенных пунктов в города, преимущественно же за счет притока извне. В 1863 г. в городах Ев-

[22] Одной из причин позднего (1916 г.) введения в России подоходного налога явилось то, что большинство населения имело столь низкие доходы, что не способно было его платить. См.: Ананьич Б.В. К истории податных реформ 1880-х годов: (Введение дополнительных сборов к промысловому налогу: 3-процентного и раскладочного) // История СССР. – 1979. – № 1. – С. 172. В целом число предполагаемых плательщиков подоходного налога по расчетам на 1904 г. оказалось равным 404,7 тыс. чел. См.: Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. – СПб., 1906. – С. XXXVII.

[23] См.: Миронов Б.Н. Указ.соч. – Т.1.- С.95-96.

[24] См.: Швиттау Г.Г. Профессии и занятия населения. Опыт критико-методологического исследования в области экономической статистики. – СПб., 1909. – С. 145–146, 191, 311–312.

ропейской России насчитывалось 6,1 млн., в 1897 г. – 12,0 млн., а в 1914 г. – 18,5 млн. жителей[25]. Происходил не только абсолютный рост населения городов, но и относительный: с 9,9% в 1863 г. он увеличился до 15,3% в 1914 г[26]. При этом, индустриальное население страны значительно превышало своими размерами городское. По переписи 1897 г. торгово-промышленное население (буржуазия, мелкие производители и рабочие) составляло вместе с членами их семей 21,7 млн. человек. Городское же население страны, включавшее помимо этих групп также значительное число людей, занятых на государственной и частной службе, духовенство, интеллигенцию и другие группы насчитывало 16,8 млн. человек[27]. Отсюда следует, что 5 млн. человек индустриального или мелкопромышленного населения, которое не укладывалось в рамки поселений, относимых официальной статистикой к городам, расселялось компактными группами по многим поселкам вокруг фабрик, заводов и шахт.

В массе своей городские поселения России достигли средней величины и представляли собой раннеиндустриальный тип города. Урбанизация прошла одну стадию взаимосвязи города и деревни (от слитности к дифференциации) и остановилась на второй (от дифференциации к интеграции), не успев разрушить и интегрировать аграрный анклав российского общества. Поэтому, в целом, Россия характеризовалась низким уровнем урбанизации. В 1897 г. удельный вес городского населения составлял 13,4%, а в 1914 г. – 15 % [28].

В исследуемый период в России происходил переход от традиционного к рациональному типу воспроизводства населения. К началу XX в. его параметры улучшились (понизился уровень смертности и рождаемости, сократилось детность, увеличилась продолжительность жизни), однако они серьезно отставали от демографических показателей западных стран. Поэтому в России только наметились тенденции перехода к современному типу воспроизводства населения. Россия в XIX – начале XX в. устойчиво занимала первое место в Европе по уровню рождаемости и смертности. В 1901–1910 гг. рождаемость в России достигла 46,8‰, в то время как в большинстве стран Европы она находилась на уровне 30‰. Смертность в России в

[25] См.: Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). – М., 1956. – С. 95.
[26] См.: Там же. – С. 98.
[27] См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. ПСС. – М., 1971. – Т. 3. – С. 523.
[28] См.: Население России в XX веке. Исторические очерки.- М., 2000.- Т.1.- С.11, 31.

эти годы составила почти 30,3‰, в Венгрии 25,7‰, в Испании 25,2‰, в Дании, Швеции, Норвегии – около 15‰[29] . *Все это говорит о том, что в России существовала неэффективная, экстенсивная модель воспроизводства населения, предполагавшая высокую смертность и высокую рождаемость.* Например, средняя продолжительность жизни в сравнении с другими странами в 1913 г. составляла: Россия – 32, Австрия – 39, Германия – 42, Италия – 43, Англия – 46, Франция – 47, Швеция – 52[30].

Хотя к началу XX в. малая семья стала преобладающей формой семейной жизни для большинства городского населения России, составная семья еще оставалась одной из форм семейной жизни для части мещанства, купечества и городского крестьянства в период их детства и молодости. В целом у крестьянства Европейской России малые семьи составляли половину (50,5%) всех сельских семей, но большинство крестьян все еще проживало в составных семьях.

Не смотря на все изменения и в общественной практике, и в массовом сознании господствующей оставалась авторитарно-патриархальная модель отношения к детям и человеческих отношений вообще, что отражало нерешенность демографических проблем модернизации.

Приведенные факты позволили выдвинуть *гипотезу*, решающую проблему понимания характера и направленности модернизации социальной сферы страны: *главной особенностью социальных преобразований в России XIX – начала XX в. явилось сочетание развития сословного строя с процессами его разложения и превращения в буржуазную социально-классовую систему. Сущность этих процессов состояла в переходе от одного типа классового общества (сословно-классового) к другому (буржуазному). Однако к 1917 г. ни фактическое, ни юридическое превращение сословно-классовой структуры российского общества в буржуазно-классовую не завершилось.*

§ 1. Исторические изменения социальной базы и экономического пространства российской буржуазии

Российская буржуазия формировалась в течение длительного периода из представителей многих сословий, неся на себе отпечаток особенностей развития каждой социальной группы.

[29] См.: Там же.- С.27.
[30] См.: Там же.- С.41.

Дифференциация источников доходов большей части дворянского сословия усилила к концу XIX в. его юридическую и материальную неоднородность, что сохраняло внутрисословную рознь, а, с другой стороны, процесс разложения дворянства на классы и слои капиталистического общества тормозился особым статусом высшего сословия[31]. В отличие от дворянства Западной Европы, российское дворянское сословие не было замкнутой корпорацией. Через ряд процедур, хотя и постоянно ужесточающихся, в него принималось много недворянского элемента. Это задержало развитие классового сознания буржуазии и корпоративной ментальности бюрократии. Если в Европе буржуазия была вынуждена идти на радикальную революцию, чтобы утвердить свой статус вопреки дворянству, то в России, в силу возможности влиться в состав привилегированного сословия, она была склонна к компромиссу и даже симбиозу с дворянством. К такому же компромиссу тяготела и бюрократия.

Дворянство, имевшее своим главным источником дохода земельную собственность, трудно перенесло отмену крепостного права и последовавший за ней сельскохозяйственный кризис. В начале XX в. большая часть поместий испытывала серьезные трудности. Всего дворянский земельный фонд за 1861–1905 гг. сократился на 58% и это притом, что за 1857–1887 гг. государство пожаловало дворянам около 1 млн. га земли и продало по очень низким ценам еще столько же[32]. Однако, несмотря на эти потери, дворянство продолжало обладать очень большим экономическим и политическим влиянием, владея примерно третьей частью земельных угодий страны. В 1905 г. стоимость земель этого сословия в 50 губерниях России на 60% превышала общую массу акционерных капиталов в стране[33]. Общая стоимость дворянских земель Центральной Европейской России в 1877 г. составляла 1,5 млн. рублей, а в 1905 г. – 4,3 млн. То есть у помещиков оставались лучшие земли[34]. Кроме того, дворянство пользовалось и всемерной законодательной поддержкой власти[35].

---

[31] См.: Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. – М., 1979. – С. 286–290.

[32] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 96.

[33] См.: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой победы. – М., 2002. – С. 79.

[34] См.: Проскурякова Н.А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX – начале XX в. // История СССР. – 1973. – № 1 – С. 62.

[35] См.: Именной Указ от 12 октября 1889 г. «О приведении в окончательный порядок расчетов Дворянского Банка с его заемщиками (ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. IX - №6291); Манифест от 14 ноября 1894 г. о Всемилостивейше дарованных милостях и облегчениях по случаю

Дворянство по своему экономическому положению было неоднородно. Потомственные дворяне по численности составляли примерно 1% населения. Только около половины из них были помещиками, служившими или не служившими в различных органах управления, остальные состояли на государственной службе, пополняли ряды интеллигенции или полностью деклассировались.

В начале XIX в. среди капиталистов – распорядителей ассоциированных структур капитала весьма значительной была прослойка дворянства. К 1914 году она понизилась до 20%. Это объяснялось, конечно, не тем, что дворянство теряло интерес к доходам, получаемым от деятельности акционерных компаний, а тем, что этот интерес, в меньшей степени, чем ранее, побуждал дворян занимать посты распорядителей, то есть превращаться в функционирующих капиталистов. Данные должности переходили в руки дельцов-профессионалов, а дворянство в большинстве своем довольствовалось «стрижкой купонов» в качестве буржуа-рантье[36]. Например, из всего состава дворян, зафиксированных переписью Петербурга, в 1910 году 50% жили на доходы от ценных бумаг. Несмотря на это к середине 1914 г. 168 человек, представлявших 123 аристократических фамилий, занимали директорские или наблюдательские посты почти в 250 акционерных обществах в основном в отраслях пищевого производства и добычи минерального сырья.

Симбиоз «чинов и состояний» наблюдался в обществах взаимного кредита и коммерческих банках. В XX в. возникают и некоторые матримониальные связи, укрепившие этот симбиоз. Кроме того, многие «исковые» предприниматели из числа купцов и потомственных почетных граждан получали дворянский статус или путем аннобли-рования по чину, или по ордену, или «высочайшим пожалованием за выдающиеся заслуги». Таким образом, подобные факты интегрирования дворянства в системе капиталистических структур свидетельствуют о переплетении экономических интересов дворянства и круп-

---

бракосочетания Его Императорского Величества. (ПСЗРИ – Собр. 3-е. – Т. XIV - № 11035); Именной Высочайший Указ, данный Министру финансов 29 мая 1897 г. «О даровании дворянам-заемщикам Государственного Дворянского Банка и Особого его Отдела возможных облегчений в исполнении, лежащих на них перед названным Банком обязательств» (ПСЗРИ. – Собр. 3-е – Т. XVII - № 14170); Высочайше утвержденное 1 июля 1845 г. положение о заповедных наследственных имениях (ПСЗРИ – Собр. 2-е – Т. XX – Отд. 1 - № 19202); Высочайше утвержденное 25 мая 1899 г. положение о временно-заповедных имениях (ПСЗРИ – Собр. 3-е – Т. XIX – Отд. 1 - № 16946).

[36] См.: Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (Конец XIX в. – 1914 г.) – М., 1992. – С. 171.

нейшей буржуазии. Об этом же говорит и другая тенденция – дальнейшей мобилизации земли в руках российских предпринимателей: с одной стороны, буржуа-делец обзаводился земельной собственностью, а с другой – латифундист-дворянин превращался в функционирующего капиталиста или рантье[37]. Только семи семьям торговцев и агропромышленников из числа недворян принадлежало более 1млн. дес. земли[38]. В то же время ряд крупнейших землевладельцев из дворян являлись директорами акционерных фирм. В общей сложности более 20% (912 лиц) из состава членов правлений и советов российских акционерных обществ имели личную земельную собственность. Процесс «оземеливания капитала» происходил и через рост землевладения акционерно-паевых предприятий. Им в 1914 году принадлежало не менее 6 млн. дес. земли[39].

Многие дворяне недоброжелательно относились к программам индустриализации как выжиманию ресурсов из сельского хозяйства и не видели для себя возможности воспользоваться выгодами от развития капитализма. Они связывали свое благополучие с земельной собственностью и государственной службой. Это определило заметный рост оппозиционности дворянского сословия в пореформенное время, которая выразилась в активном участии в земском движении и усилении либеральных настроений[40]. В 90-х годах XIX в. разразившаяся довольно острая полемика в печати легко выявила два направления в оппозиционном дворянстве. Одно из них призывало идти дальше по пути капитализации, проведения преобразования буржуазного характера, а другое ратовало за консервацию феодальных пережитков. Для обоих направлений наиболее распространенной формой оппозиционных настроений была критика бюрократии, фактически олицетворявшей собой российский абсолютизм, но формально во всех выступлениях отделявшейся от него, характеризовавшейся как вредное средостение между монархом и обществом[41].

Вопрос о месте и роли дворянского сословия в буржуазной модернизации вскоре отошел на задний план в связи с событиями Первой русской революции. Дворянство, в полной мере осознав ту угро-

---

[37] См.: Там же. – С. 170–175.

[38] См.: Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. – М., 1971. – С. 13–19.

[39] См.: Боханов А.Н. Указ. соч. – С. 164, 166.

[40] См.: Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. – М., 1995. – С. 332–438.

[41] См.: Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. – М., 2003. – С. 447.

зу, которую несла для него революция, сдвинулось вправо и стало весьма консервативной силой оказывающей сильное давление на правительство[42]. Революция заставила помещиков обрести классовое самосознание и создать политическую организацию – Совет объединенного дворянства. Именно в этой ситуации была создана новая программа дворянского сословия, включавшая помимо «столыпинских» аграрных идей, положения о необходимости наступления на интересы промышленности и торговли. Не смотря на очевидные успехи дворянского землевладения в послереволюционный период, уполномоченные дворянских обществ все же предпочитали говорить о «грозном кризисе» землевладения, порожденном перекосами промышленной политики[43]. Новая идеология дворян и их хозяйственная практика, открытая и закулисная борьба против интересов крупной монополистической буржуазии показывают, что после 1905 г. *антибуржуазная тенденция в дворянстве возобладала.* Это сразу отразилось на резком падении политического веса либеральных политических организаций – Партии народной свободы и Союза 17 октября. *В целом же, проходившая в пореформенное время и в начале XX века буржуазная трансформация дворянства привела к либерализации одной (небольшой) его части и резкому превращению другой в опору и носительницу консервативных тенденций.*

Иначе проходила модернизация городского сословия, носившего название посадских, граждан, купцов, городских обывателей. Важная роль в процессе их превращения в сословие принадлежала Уложению 1649 г. Оно установило городские границы, более четко обособило посадских от других категорий городского и сельского населения, наследственно прикрепило их к городской общине, очертило круг их государственных служб, обязало платить налоги и нести разные натуральные повинности, монополизировало за ними торгово-промышленную деятельность в черте города, санкционировало их объединение в самоуправляющиеся городские общины, связав всех членов круговой порукой. Таким образом, уже в середине XVII в. посадские приобрели важнейшие признаки сословия: наследственность социального статуса, самоуправляющуюся корпоративную ор-

[42] См.: Шанин Т. Указ. соч. – С. 320–321; Соловьев Ю.Б. Самодержавие, дворянство и проблема сближения с буржуазией в конце XIX– начале XX в. // Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX– начале XX века.. Сборник научных трудов. – М., 1988. – С. – 68–84; The Political of Rural Russia. 1905–1914. // Ed. By L. Haimson. – Bloomington–London, 1979.

[43] См.: ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 47, л. 1–2.

ганизацию, сословный менталитет и право участвовать в представительном учреждении.[44] Эти признаки в XVIII в. получили свое окончательное, завершающее развитие. Законодательство Петра I усилило корпоративные организации посадских и учредило для них специальный суд. После смерти Петра I сословный суд был отменен, а самоуправление городских обывателей было стеснено коронной администрацией. Но оно возродилось с еще большей силой после реализации Грамоты на права и выгоды городам Российской империи. Грамота закрепила за городскими обывателями исключительное право на занятие торговлей и промышленностью в черте города, усилила их корпоративные права, присвоило право сословного самоуправления через городскую думу и городского голову, передала в собственность общин городские земли, а в собственность отдельных лиц – торгово-промышленные заведения, вела сословные суды и освободила от выполнения тягостных казенных служб. Каждый город получил свой герб. Купечество было освобождено от прямого налога (подушной подати), вместо которого оно стало платить особый процент с объявленного капитала, и получило привилегию откупаться деньгами от рекрутской повинности. Грамота защитила имущество, честь и достоинство городских обывателей: только суд мог лишить их дарованных им прав. Городское сословие не имело только одного признака настоящего сословия – не участвовало в представительном учреждении.

Таким образом, к концу XVIII – началу XIX в. городское сословие окончательно сформировалось. При этом социальный статус и права городских обывателей сделали их основным элементом зарождающейся буржуазии. Однако на тот момент городские слои вместе с духовенством ни численно (обитатели городов составляли менее 3–5% населения, духовенство – 1%), ни по своему влиянию большого веса не имели. Относительная слабость средних классов оставалась одной из важнейших черт русской социальной организации до самого конца императорского режима; она была, конечно же, еще более четко выражена в начале XIX в. Городская жизнь была слабо развита, и не сложилось сильной и влиятельной буржуазии западно-европейского типа. По закону высшая категория купцов имела те же привилегии, что и дворянство; подобно дворянам, они не подвергались личному налогообложению, принудительной военной службе и телесным на-

[44] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 1. – С. 111.

казаниям. Тем не менее их социальный статус был ниже. В качестве класса они не обладали голосом в правительственных вопросах. Они не играли важной роли в культурной жизни страны и не принадлежали к «обществу»[45]. Идея Екатерины II выделить торгово-промышленное городское население в единую категорию «среднего рода людей» оказалась реализованной лишь формально. В действительности в городе сложились и продолжали существовать до 1917 г. сословия двух типов: привилегированные (почетные граждане и купцы) и податные (мещане и ремесленники)[46].

Общая тенденция в изменении структуры городских обывателей состояла в уменьшении доли привилегированной части (с 27% в 1724 г. до 2% в 1897 г.) и росте доли непривилегированной части (с 72% до 95%, соответственно) при существенном увеличении имущественного расслоения (с 0,763 в 1811 г. до 0,778 в 1858–1861 гг. и до 0,911 в 1883-1894 гг. по коэффициенту Джини)[47], что, с одной стороны, дает основание говорить о повышении материального благополучия верхней страты городского сословия, составляющей основу класса буржуазии, а, с другой, – о торможении формирования средней прослойки городских обывателей, которая составляла в 1907 г. приблизительно 5,5% от всего населения[48].

В немалой степени данная тенденция объяснялась тем, что мещанство, составлявшее основу городского сословия, на протяжении всего XIX века представляло собой слой с довольно низким жизненным уровнем, не позволявшим его основной массе накопить необходимый капитал для открытия торгового или иного заведения. Например, в 1838 г. в Казани было купцов 617 ревизских душ, мещан – 4958, торгующих по свидетельствам крестьян – 40. Соответственно число принадлежавших им лавок было 617, 131 и 6. Такое соотношение было характерно и для других городов России отмеченного периода[49]. Всего в 1905 г., по данным о недвижимых владения в городах, получателей дохода более 1 тыс. руб. в год и от капиталов, и от

---

[45] См.: Карпович М. Имперская Россия (1801–1917) // Вернадский Г.В. Московское царство. – Тверь; М., 1997. – Ч. 2. – С. 300.

[46] См.: Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М., 2004. – С. 106–107.

[47] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – С. 120–121.

[48] См.: Там же. – С. 143.

[49] См.: Бессонова Т.В. Мещане в городском хозяйстве г. Казани первой половины XIX в. // Классы и социальные группы в судьбах России. – СПб., 2003. – С. 83–84.

недвижимых имуществ насчитывалось 113099 человек, что составляло менее 1/3 самодеятельных лиц, живущих такими доходами[50].

В течение первой половины XIX в. сословные права городских обывателей укреплялись и были вторично юридически подтверждены в Своде законов Российской империи 1832 г. Однако при этом по состоянию городских обывателей был нанесен политический и экономический удар.

Городская реформа 1870 г. означала серьезное наступление на общинные отношения в середе городского сословия. Она создала всесословное общество горожан ценой лишения 95% городского населения избирательных прав вследствие имущественного ценза. Реформа разделила государственные (податные, полицейские, судебные) и общественные функции органов местного управления, передав последние городским думам, ввиду чего те больше не считали себя слугами государевыми и нередко конфликтовали с коронной администрацией. Городовое положение 1870 г., внеся имущественно-цензовый принцип в деятельность городских общественных корпораций, отняла у горожан политический смысл поддерживать свои сословно-профессиональные общества. После Великих реформ с потерей сословного самоуправления и монополии на профессию, с отменой подушной подати и круговой поруки у мещанства, составляющего около 90% городских обывателей, с заменой сословного суда всесословным, а рекрутской повинности всесословной обязанностью наблюдался упадок городских общин и со временем принадлежность к городскому сословию все более превращалась в формальность. Не случайно, с 1870 г. городские обывательские книги, документировавшие принадлежность к городскому сословию перестали вестись[51]. Мещанские и ремесленные общества в значительной мере утратили административную, дисциплинарную и финансовые функции. Это привело к тому, что корпоративное крепостничество было ликвидировано[52].

Городовое положение 1870 г. в экономическом и социальном отношениях сильно ударило по мещанам – земледельцам, чьи общества, распоряжавшиеся землей до реформы, потеряли на нее права и не получили никакой компенсации.

---

[50] См.: Иванова Н.А., Желтова В.П. Указ. соч. – С. 430.
[51] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – С. 113.
[52] См.: Там же. – С. 502.

Во второй четверти XIX в. городское сословие окончательно потеряло монополию на торгово-промышленную деятельность в черте города: теперь любой человек мог заниматься торговлей и промышленностью всюду при условии приобретения промыслового свидетельства. В результате доля торговцев из крестьян и дворян возросла с 7% и 0,4% в 1830–1834 гг. до 14% и 0,6% в 1850–1854 гг. соответственно[53]. Однако, утрата монополии на торгово-промышленные занятия, приведшая к превращению городских обывателей в классы предпринимателей, ремесленников и рабочих началась гораздо раньше и не особенно зависела от юридической стороны вопроса, ведь 92% держателей промысловых свидетельств в 1830 г. были купцами и, следовательно, торгово-промышленную деятельность монополизировали именно они, а не все городские обыватели. О сформированности классового самосознания купечества свидетельствовала длительная и успешная борьба против крестьянства и дворян за адекватное обложение крестьянской торговли и промышленности налогами[54]. На это указывала и борьба с коронной администрацией во второй четверти XIX в. за сохранение своего сословного самоуправления и суда, когда из 671 городских поселений Европейской России лишь городские обыватели 86 городов и посадов согласились объединить свой сословный суд (магистраты и ратуши) с уездными дворянскими судами, остальные решительно отвергли эту меру[55].

В XVIII в. зарождение русской буржуазии происходило в тесной связи с сословной политикой государственной власти. Самодержавие, испытывая усиливающийся натиск капиталистической Европы, «вынуждено было форсировать промышленное развитие страны и тем самым способствовать усилению элементов, которые позднее консолидируются в класс буржуа»[56]. Однако, становление капитализма в России происходило не прямо, а через регрессию капитала и образование «тупиковых форм»[57]. Одной из таких форм стала крепостная мануфактура.

На первом этапе промышленность создавалась на казенные средства. Затем была предпринята попытка вовлечь частный купече-

---

[53] См.: Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. – М., 1958. – С. 387.
[54] См.: Там же. – С. 85–90.
[55] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – С. 112.
[56] Павлова-Сильванская М.П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. – 1968. – № 4. – С. 85.
[57] Там же. – С. 84.

ский капитал в производство принудительными методами. Потерпев неудачу, правительство встало на путь предоставления мануфактуристам разнообразных привилегий, экономическая сущность которых состояла в стремлении повысить промышленную прибыль до уровня торговой[58].

Самой существенной привилегией фабрикантов и заводчиков стало их право распоряжения подневольными работными людьми, которое они получили по указам 1721 г. и 1736 г.[59]. Эти решения были тесно увязаны со сложившейся экономической конъюнктурой, интересами предпринимателей и государства.

Владельцы мануфактур предпочитали подневольный труд наемному, потому что он был более производительным и легко закреплял за ними квалифицированных мастеров. Это подтверждают результаты хозяйственной деятельности. Например, крупные шелкоткацкие мануфактуры, хорошо обеспеченные принудительной рабочей силой, быстрее организовывали широкое производство, легче получали льготные финансовые субсидии и, в результате, завоевывали монопольное положение на рынке. Остальные же фабрики, принадлежавшие в основном небогатым купцам 2 и 3 гильдий, которые использовали исключительно вольнонаемный труд, стабильностью не отличались. Как правило, они существовали не более 3–5 лет, не выдерживая конкуренции с более сильными соперниками, поскольку испытывали постоянный недостаток в средствах, необходимых на расширение и совершенствование производства, наем квалифицированный мастеров[60]. В связи с этим требование покупки и приписки государственных крестьян к мануфактурам стало лейтмотивом обращений промышленников к органам власти на всем протяжении XVIII в.[61].

Определенное влияние на утверждение крепостной мануфактуры оказали внешнеэкономические обстоятельства. Растущий экспорт русского железа на рынки Англии и Голландии вызвал разрыв между рынком труда и темпами развития промышленности. На уральских заводах это противоречие разрешалось путем приписки крестьян и

[58] См.: Павленко Н.И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России // История СССР. – 1970. – № 4. – С. 66.

[59] См.: Ковальчук А.В. О государственной власти и частном промышленном предпринимательстве в России во второй половине XVIII в. (Текстильная промышленность Москвы) // Система государственного феодализма в России. Сборник статей. – М., 1993. – С. 180.

[60] См.: Там же. – С. 201.

[61] См.: Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. – 1968. – № 2. – С. 97.

использования других форм принудительного труда. В результате, в Уральском металлургическом районе почти полностью исчезло черное крестьянство[62].

Говоря о деятельности правительства, можно констатировать, что «если в XVII в. показателем богатства государства считалась степень развития торговли, то в первой половине XVIII в. таким же критерием стал уровень развития промышленности»[63]. Об этом недвусмысленно говорят многие правительственные документы той поры: например, жалованная грамота Шафирову и Толстому от 1717 г. или указ 1734 г. Однако надо прямо сказать, что на самом деле «пробуржуазная» политика абсолютизма являлась его побочным продуктом, подчиненным интересам государства и дворянства. Все меры, способствовавшие развитию промышленности (финансовое покровительство крупным мануфактуровладельцам, протекционистские тарифы, отмена внутренних таможен, свобода промыслов, секуляризация церковных земель и т.д.), осуществлялись только тогда, когда в них было заинтересовано государство. Но и в этом случае принимались такие решения, которые не ущемляли коренных интересов дворянского сословия[64].

Данный подход был ярко продемонстрирован в 1760-е годы, когда в угоду дворянству, ранее не проявлявшему интереса к промышленной деятельности, а теперь энергично занимавшемуся предпринимательством, купцы были лишены важных промышленных привилегий: по Сенатскому указу 1762 г. отменено право покупки крестьян к мануфактурам и приписки к заводам; по именному указу 1762 г. ликвидированы купеческие промышленные и торговые монополии и при этом винокурение было объявлено дворянской монополией, что лишило купцов важнейшего источника накопления[65].

Вопреки субъективным намерениям правительства его политика, направленная на поощрение дворянского предпринимательства, вызвала диаметрально противоположный результат – способствовала более интенсивному развитию капиталистического уклада. И когда Павел I в 1798 г. решил своим именным указом восстановить одну из

---

[62] См.: Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. – М., 1953. – С. 293.

[63] Павленко Н.И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России // История СССР. – 1970. – № 4. – С. 65.

[64] См.: Шапиро А.Л. Об абсолютизме в России // История СССР. – 1968. – № 5. – С. 78.

[65] См.: Павленко Н.И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России // История СССР. – 1970. – № 4. – С. 66.

самых существенных привилегий промышленников-купцов – возможность снова обратиться к использованию принудительного труда, среди мануфактуристов, приученных к применению вольного найма, желающих вернуться к старой системе почти не нашлось[66].

В конечном итоге оказалась такой же противоречивой и гильдейская реформа, задуманная в основном по сословным и фискальным соображениям. По указу 25 мая 1775 г. подушная подать купечеству была заменена однопроцентным сбором с капитала и установлен имущественный ценз для вступления в гильдии: 500 руб. для 3-й, 1 тыс. руб. для 2-й и 10 тыс. руб. для 1-й гильдии[67]. Отныне капитал стал единственным и всеобщим мерилом состоятельности купечества. Теперь исключительно от его величины зависело занятие той или иной ступени купеческой иерархической лестницы и получение соответствующих преимуществ, которые лишь узаконили сложившуюся практику. При ней, например, только обладая действительно большим капиталом, можно было вести внешнюю морскую торговлю, содержать фабрики и заводы, на что теперь реформа официально закрепила право лишь за купцами 1-й гильдии. Членам 2-й гильдии разрешалось иметь фабрики и заводы, осуществлять только внутреннюю оптовую и розничную торговлю, а 3-й гильдии – мелочную торговлю в пределах города и уезда. Купцы, не подтвердившие наличие необходимого капитала, переходили в нижестоящие социальные категории.

В целом гильдейские реформы 1775 г. и 1785 г. (когда был повышен имущественный ценз для вступления во 2-ю (до 5 тыс. руб.) и в 3-ю (до 1000 руб.) гильдии) выполнили ряд социальных задач: во-первых, увеличили доходную часть бюджета за счет сословия купцов, не давая ему никаких существенных преимуществ (даже лишили в 1785 г. права первогильдейцев на шпагу и получение чина); во-вторых, содействовали окончательному уничтожению феодальных привилегий купечества в угоду продворянскому курсу правительства; в-третьих, ограничивали вступление крестьянства, в первую очередь крепостного, в ряды купечества и затрудняли внутрисословную и межсословную вертикальную мобильность.

Тем самым гильдейские реформы способствовали усилению корпоративности, замкнутости купеческого сословия в целом и особенно его верхнего эшелона. Однако и в этих условиях сила капитала

[66] См.: Ковальчук А.В. Указ. соч. – С. 190.
[67] См.: ПСЗ РИ – Собр.1-е. – Т. XX. – № 14327.

оказалась решающей в проходившей внутрисословной трансформации. На примере московских текстильных фабрикантов видно, что во второй половине XVIII в. купеческий элемент многократно преобладал (79%) над представителями других сословных групп. Но, если в 1760–1770-е годы первые позиции незыблемо удерживало привилегированное первогильдейское купечество, то в середине 1780-х гг. его положение заметно пошатнулось, и в конце века оно было почти полностью вытеснено выходцами из низового купечества и крестьянства, достигшими верхов купеческой иерархии[68].

В первой половине XIX в. купечество стало более открытым как на входе, так и на выходе в основном через высокую социальную мобильность третьей гильдии. В нее поступали выходцы из казенных крестьян, вольноотпущенников, цеховых, однодворцев. Особенно этот процесс усилился после того, как в 1824 г. министром финансов была проведена податная реформа, снизившая налоги с городского гражданства и повысившая их с крестьян[69].

Преобразование сословий в классы буржуазного общества с середины XIX в. наиболее интенсивно шло в городах, и прежде всего – в крупных. Эти изменения адекватно отражали процесс капиталистического развития, вторжения в старые сословные порядки новых капиталистических связей и условий. Политика правительства, направленная на удержание и сохранение сословных перегородок, не выдерживала напора буржуазно-капиталистических отношений. Так, помещик-дворянин становился предпринимателем, владельцем промышленных заведений. Хотя он и сохранял свои сословные привилегии, но они тускнели перед новыми возможностями его как владельца акций и предприятий. Изменения происходили и в купеческом сословии, границы которого все более стирались. Из купеческой среды выходили крупные промышленники, чиновники министерств и промышленных предприятий.

Разложение купечества как сословия началось еще до реформы 1861 г. Среди купцов III гильдии были такие, которые не занимались никакой предпринимательской деятельностью и записались в купечество для избежания рекрутской повинности. Упразднение в 1863 г. III гильдии не смогло остановить разложения. В результате реформы

[68] См.: Ковальчук А.В. Указ. соч. – С. 190.

[69] См.: Бирюкова А.Б. Сословный состав городского населения Пензенской губернии в первой половине XIX в. (по данным административного учета) // Классы и социальные группы в судьбах России. – СПб., 2003. – С. 70, 76.

1874 г., отменившей освобождение от военной службы, часть купцов II гильдии фактически порвала сословные связи. Многие купцы, отходившие от торгово-промышленной деятельности, и своих детей готовили к иному поприщу. К концу 1860-х гг. количество просьб «об увольнении из купечества» возросло. Большой приток в купечество выходцев из мещан и крестьян (в Москве в 1870 г. «крестьяне» получили одно свидетельство I гильдии и 488 – II гильдии, а в 1898 г., соответственно, 21 и 1452) не компенсировал выбытие купеческого элемента[70].

К началу XX в. купечество представляло собой корпоративную организацию, объединявшую узкий социальный слой имущих лиц, в значительной степени не связанный непосредственно с предпринимательской деятельностью. В этом сословии оставались или те, кто по традиции носил купеческое звание, или те, которые посредством приписки к этому городскому сословию получали возможность уменьшить административно-полицейские притеснения. Другими преимуществами, распространявшимися на купечество в конце XIX – начале XX в., стали паспортная льгота, избавлявшая от необходимости приписки, и право на занятие должности биржевого маклера[71].

Количественное сокращение и качественное «измельчание» сословия были характерным явлением в XX в. практически для всех районов, за исключением Петербурга. По данным промысловой статистики, с 1899 по 1908 г. группа купцов I гильдии в империи сократилась с 3989 до 3402, или на 15%, а II – с 38375 до 27181, или почти на 30%. К 1912 г. общее количество лиц, состоявших в двух гильдиях, едва превышало 30 тыс. человек и в дальнейшем продолжало уменьшаться. Носители купеческих званий теряли свое влияние в деловой среде и практически не играли в XX в. никакой заметной роли в общественной деятельности крупной буржуазии. Так, среди почти 100 членов образованного в декабре 1905 г. учредительного комитета Союза промышленных и торговых предприятий Российской империи было всего пять купцов[72].

Мещане заполняли собою ряды мелких производителей и городского пролетариата, какая-то часть из них выбивалась в предприни-

[70] См.: Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенный период. 1861–1900 гг. – М., 1974. – С. 64–67.
[71] См.: Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.) – М., 1992. – С. 31–33.
[72] См.: Там же. – С. 48.

мастери и интеллигенцию. Такая же метаморфоза происходила и с крестьянами[73].

По сведениям 1869 г. в Петербурге среди 197 владельцев предприятий по обработке волокнистых веществ было 2 дворянина, 35 купцов, 69 мещан и 35 крестьян. Среди служащих тех же предприятий представители всех сословий располагались соответственно – 3, 28, 31, 16. Рабочих было соответственно – 11, 25, 881, остальные из крестьян и других сословий. Из 725 владельцев предприятий по обработке металла насчитывалось 18 дворян, 45 купцов, 257 мещан и 192 крестьянина. Рабочими этих предприятий выступали 68 дворян, 68 купцов, 3113 мещан и 8394 крестьянина.[74] Отсюда следует, что мещане и крестьяне давали основную массу рабочих и служащих торговых и промышленных предприятий, а формирование городских буржуазных слоев происходило из всех социальных групп, независимо от сословной принадлежности. Этот вывод подтверждается также на примере изучения материалов Московской городской управы о торгово-промышленных заведениях. По сведениям за 1887 г. в Москве насчитывалось 9650 промышленных и 15109 торговых предприятий. Большая часть из них, главным образом мелкие, принадлежало крестьянам (соответственно, 3602 и 5205) и мещанам (2232 и 2341). Купцы владели соответственно 643 и 3617 предприятиями, дворяне – 173 и 335[75]. По сумме оборота первое место занимали купцы (в промышленности – 47,5 млн. руб., в торговле – 792,2 млн. руб.). Второе место по торговому обороту – дворяне (126,6 млн. руб.), третье крестьяне (117,5 млн. руб.). В области промышленности крестьяне занимали второе место (38,8 млн. руб.)[76]. Почти через десять лет (в 1898 г.) в Москве выходцы из купцов и почетных граждан составляли 44,9% всех гильдейских предпринимателей, крестьяне – 22,9%, мещане и цеховые – 10,7%[77].

Численный состав крупной буржуазии был в России очень невелик. В 1905 г. доход свыше 20 тыс. руб. в год от торгово-

---

[73] См.: Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. – М., 1971. – С. , 336–340.

[74] См.: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года.– СПб., 1875. Вып. III. – С. 92–93, 99–100.

[75] См.: Торгово-промышленные заведения г. Москвы в 1885–1890 гг. – М., 1892. – С. 16.

[76] См.: Там же. – С. 52.

[77] См.: Гавлин М.Л. Московский торгово-промышленный капитал в конце XIX в. (по материалам гильдейского налогообложения в Москве) // Русский город: Москва и Подмосковье. – М., 1981. – Вып. 4. – С. 45–65.

промышленных предприятий, городской недвижимости, денежных капиталов и «личного труда» получали в России, по расчетам Министерства финансов, 5739 человек и 1595 акционерных обществ и торговых домов. В.С. Дякин называет число лиц с названным доходом равное 12377 человек[78]. Сословный состав крупной буржуазии может быть представлен через сословно-социальный срез торговых домов и акционерных компаний. Согласно подсчетам А.Н. Боханова, на 1904 г. среди 5151 полного товарища 3184 торговых домов купцы составляли 42,2%, почетные граждане – 11,2%, мещане – 14,7%, крестьяне – 9%, дворяне – 2,5%, другие сословия – 1,9%, иностранцы – 11,3%, прочие – 7,2%. В 1911 г. в составе 14004 полных товарищей 6063 торговых домов купцов насчитывалось уже 27%, почетных граждан – 7,2%, мещан – 24,4%, крестьян – 14,9%, дворян – 2,6%, других сословий – 1,7%, иностранцев – 6,9%, прочих – 15,3%[79].

Таким образом, до начала XX в. в формировании буржуазии, и особенно крупной, значительная роль принадлежала купечеству и тесно связанному с ним сословию почетных граждан. После чего в эпоху монополистического капитализма удельный вес этих сословных групп начинает снижаться в основном за счет прироста выходцев из мещан и различных маргинальных групп.

Приведенные статистические данные также показывают, что немаловажную роль в создании класса буржуазии играло сословие крестьян, особенно, если учесть, что из него активно пополнялись ряды всех других сословных групп.

Возникновение в крупном производстве двух типов общественного воспроизводства: смешенного и относительно чистого, привело к появлению некоторых различий социального облика российских предпринимателей. К началу XX в. сформировались две группы буржуазии, центрами притяжения которых были Петербург и Москва. Первая из них, представленная главным образом буржуазией тяжелой промышленности и крупных банков, утвердилась в результате «насаждения» капитализма «сверху» при участии правительства и иностранных капиталов. Этот отряд предпринимателей пополнялся в основном за счет выходцев из малосостоятельных слоев буржуазии, военных и путейских инженеров, крупных чиновников, а так же за счет

[78] См.: Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л., 1978. – С. 7.
[79] См.: Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (Конец XIX в. – 1914 г.). – М., 1992. – С. 105, 118, 122–123.

иностранных капиталистов, осевших в России[80]. Весьма значительным было здесь присутствие еврейского финансового и промышленного капитала, особенно банкирских домов семей Гинцбургов и Поляковых, имевших тесные деловые связи с государственными органами и иностранными финансистами[81]. Следует отчасти признать правомерными замечания тех авторов[82], которые отмечали влияние акционерно-корпоративного характера капитала рассматриваемой группы на ее социальные поведенческие установки, связанные с политическим самоопределением как класса буржуазии.

Второй отряд крупного капитала относился в основном к группе Б промышленного производства и отличался высоким уровнем регрессии капитала и квазикапиталистической эксплуатацией неотрадиционных укладных форм. Эта группа состояла по преимуществу из коренной русской буржуазии, выросшей на базе усиленного развития капитализма «снизу»[83]. Ее социальный облик отличали две особенности. Во-первых, присутствовала неразрывная связь промышленного капитала с торговым. Во-вторых, существенное влияние и вес имел здесь этно-конфессиональный фактор, представленный предпринимателями-старообрядцами и еврейской буржуазией в черте оседлости. Касаясь старообрядчества, необходимо подчеркнуть, что речь идет не только о крупных предпринимателях, обеспечивших лидерство старообрядцев в текстильной промышленности (Гучковы, Морозовы, Рябушинские, Хлудовы, Вишняковы, Гарелины и мн. др.), хлеботорговле (Рахмановы и др.), ряде других важнейших отраслей народного хозяйства страны, но и о большом проценте старообрядцев среди мелкого купечества и торговых крестьян, превышавшем их долю во всем взрослом населении[84].

К началу XX века старообрядчество трансформировалось в конфессионально-экономическую общность, деятельность которой представляла собой параллельный государственному путь модернизации

---

[80] См.: Тарновский К.Н. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. – Свердловск, 1972. – С. 29–30.

[81] См.: Ананьич Б.В. Предпринимательство в России. (Религиозно-национальный аспект) // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. – М., 2001. – С. 248–252.

[82] См.: Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. – С. 71.

[83] См.: Тарновский К.Н. Указ. соч. – С. 29.

[84] См.: Керов В.В. Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. – М., 2001. – С. 255.

русской цивилизации, носивший неэтатистский, артельно-религиозный, патерналистский характер. Этот путь предполагал не форсированный рывок, а постепенное накопление капиталов в отраслях группы Б и их перелив в производство средств производства при постепенной трансформации национальных социокультурных традиций, что уже стало частично реализовываться в хозяйственной деятельности московского купечества в предвоенные годы.

Деление крупной буржуазии на петербургскую, московскую и провинциальную не противоречит типизации буржуазии на «фракции» плутократической и финансово-технократической буржуазии[85]. Плутократические черты[86] (мощные семейные кланы, сформировавшиеся на базе отдельных торговых и промышленных фирм) преобладали в московской и провинциальной буржуазии, а финансово-технократические (капитал-функция способствует перерождению дельцов в капиталистов-собственников) – в петербургской.

В целом российская буржуазия подошла к началу XX века как экономически сильный, но социально и психологически рыхлый класс, с внутренне противоречивым самосознанием. Ее первые общественно-политические шаги характеризовались крайней осторожностью, нерешительностью, склонностью к закулисным сделкам и приобрели плутократический характер[87].

В 50-х годах XIX в. начинают выходить специальные журналы, которые выражали интересы буржуазии. В первую очередь следует назвать такие издания как «Экономический указатель» и «Вестник промышленности». Их изучение позволяет говорить о том, что русская буржуазия уже тогда стояла на позициях либералов. Во всех ее планах центральное место занимали реформы, направленные на развитие промышленности, проводимые сверху, то есть самим царским правительством[88]. В 1890-х годах представители буржуазии почти не входили в состав каких-либо консервативных организаций. Немного их было и в редакциях правых или крайне правых газет и журналов. С образованием легальных партий буржуазия почти не заметна в рядах правых организаций. В большей степени ее представители при-

[85] См.: Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (Конец XIX в. – 1914 г.). – М., 1992. – С. 259.
[86] Как их понимает А.Н. Боханов.
[87] См.: Аврех А.Я. О природе российского самодержавия // Система государственного феодализма в России. Сборник статей. – М., 1993. – С. 255–259.
[88] См.: Гросул В.Я. Указ. соч. – С. 278.

надлежали к партиям политического центра[89]. Однако и здесь они были в подавляющем меньшинстве, так как буржуазия долгое время не считала своими партиями октябристов и кадетов. Наиболее отрицательно предприниматели относились к КДП-ПНС, считая ее партией беспочвенных, доктринерствующих интеллигентов, оторванных от реальной жизни, опасно заигрывающих с демократическими массами. Несколько лучше буржуазия относилась к октябристам, но в целом также не считала их выразителями интересов капитала[90].

Таким образом, с самого начала своей политической деятельности буржуазия сознательно избегала крайних политических позиций и действий, а политической консолидации упорно предпочитала консолидацию по групповым экономическим интересам тактического характера в различных союзах и представительных организациях. Это было вызвано целым *рядом обстоятельств*.

Запоздалое появление и более длительное (в Новое время), чем в западноевропейских странах, развитие крепостничества исключило возможность образования в нашей стране сколько-нибудь развитого и сплоченного «третьего сословия». Исторически сложилось так, что в классовом отношении русская буржуазия в начале своего существования «была неорганизованна и являлась не влиятельным и деятельным классом городских бюргеров, как в западных странах, а низшим непривилегированным податным сословием»[91].

Господство государственного капитализма в экономике страны, крепко привязавшего к себе буржуазию как обеспечением высокой прибыли, так и мерами государственного регулирования, породило ее экономическую и психологическую зависимость от бюрократического аппарата. «Попечительная» политика царизма задерживала и политическое самоопределение крупной буржуазии как класса[92].

Широкие круги русской буржуазии, вышедшие из купечества, были, с одной стороны, подавлены «импортированными силами крупного капитала» (М. Вебер), а с другой, сами господствовали над неотрадиционными укладами, получая так называемую «русскую сверхприбыль». Это приводило к незаинтересованности буржуазии в

---

[89] См.: Там же. – С. 472.

[90] См.: Аврех А.Я. Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития // Вопросы истории. – 1989. – № 2. – С. 24.

[91] Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. – М., 1956. – 4 изд. – Т. 1. – С. 573.

[92] См.: Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенный период. 1861–1900 гг. – М., 1974. – С. 230.

сломе сложившихся отношений[93]. Кроме того, через банковскую систему интересы крупного капитала тесно переплетались с интересами помещичьих кругов.

Буржуазный класс формировался трудно и медленно, был социально и политически очень слабым, не в последнюю очередь потому, что городское сословие, в рамках которого он развивался, в России существовало весьма непродолжительное, сравнительно с западноевропейскими странами, время – менее столетия[94]. Поэтому, «буржуазия в России, скованная сословными рамками, не успела и уже не могла выработать того классового сознания «юной» буржуазии, которое на Западе сделало ее революционным классом «для себя»[95]. Это произошло по двум причинам. Первая – это разнородность социального состава пореформенной русской буржуазии на территориальном, отраслевом, этническом и конфессиональном уровнях[96], затруднявшая процесс ее консолидации в класс с единой общественно-политической программой[97]. Вторая причина состоит в том, что долгое время городское сословие обладало общим с крестьянством менталитетом. Мещане, ремесленники, городские крестьяне и даже многие купцы не были предпринимателями в истинном смысле этого слова. Подобно крестьянам, целью их хозяйства являлось получение пропитания, а общей жизненной целью их – не богатство и слава, а спасение души. Накопление богатства среди них осуждалось общественным мнением. Идеалом разбогатевшего купца было не приумножение капитала и развитие производства, а шикарная и щедрая жизнь[98]. В связи с этим интересный вывод сделал С.Л. Франк: «Собственников и собственнических интересов было в России очень много; но они были бессильны и были с легкостью попраны, потому что не было собственнического «миросозерцания», бескорыстной и сверхличностной веры в святость принципа собственности»[99].

---

[93] Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. – 1969. – № 2,3.

[94] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – С. 113.

[95] Кара-Мурза С.Г. – Указ. соч. – С. 71.

[96] См.: Барышников М.Н. Политика и предпринимательство в России. – СПб., 1997. – С. 232.

[97] См.: Гавлин М.Л. Социальный состав крупной московской буржуазии во второй половине XIX в. // Проблемы отечественной истории. Сборник статей / Под. ред. А.М. Анфимова. – М., 1973. – С. 188; Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.) – М., 1992. – С. 48; Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенный период. 1861–1900 гг. – М., 1974. – С. 230.

[98] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – С. 347.

[99] Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. – 1990. – С. 219.

Долгое время у буржуазии не было своей массовой интеллигенции, то есть образованных людей – выходцев из буржуазных слоев, которые моги бы синтезировать в единое идейно-политическое целое тактические и стратегические интересы буржуазии[100].

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить о том, что в силу указанных причин буржуазия в своей массе ориентировалась не на радикальное изменение политического и социального строя государства, а лишь на расширение собственного социального пространства в рамках сложившейся политической системы.

«…Вплоть до кризиса 1900–1902 гг., – писал А.Ю. Финн-Енотаевский, – наш крупный промышленный капитал шел в полном согласии с бюрократией, которая заботливо охраняла его интересы. Достаточно посмотреть историю нашего фабричного законодательства, историю нашей таможенной политики, даже историю нашего государственного банка, чтобы в этом убедиться». И лишь «жестокий кризис начала нынешнего столетия внес… разлад между нашей промышленной буржуазией и бюрократией». «Однако в открытый конфликт со старым режимом, на открытую *политическую* борьбу, как класс с определенными интересами, наша крупная буржуазия выступила лишь тогда, когда с одной стороны перед ней встал во всей своей силе пролетариат со своими политическими и социальными требованиями, а с другой стороны правительство в целях своего самосохранения решилось пойти на уступки рабочему классу в области экономической, что нарушало интересы буржуазии»[101].

К тому времени обнажился мощный антибуржуазный заряд всех ветвей революционного движения, что стало страшным уроком для русских капиталистов. Под его воздействием к концу 1905 г. даже те из них, «которые проявляли некоторый интерес к политике, в большинстве отошли от этой эксцентричности и возложили все свои надежды на могущество царя и бюрократический порядок. Их организации в Москве и Санкт-Петербурге сосредоточили свои усилия на борьбе со стачечным движением и защите своих прибылей»[102]. Буржуазия легко отказалась от борьбы за свое политическое господство и пошла по старому пути «сотрудничества» с бюрократией, стремясь

[100] См.: Аврех А.Я. Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития // Вопросы истории. – 1989. – № 2. – С. 21.

[101] Финн-Енотаевский А. Указ. соч. – С. 497–498.

[102] Шанин Т. Указ. соч. – С. 324; См.: Волобуев П.В. Народные восстания в России в начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. – М., 1971. – С. 362.

лишь к тому, чтобы существующая власть служила ее интересам, путем перераспределения властных полномочий между бюрократией, поместным дворянством и ею. В стратегическом плане буржуазия добивалась ограничения и видоизменения госкапиталистического вмешательства и принятого под давлением объединенного дворянства проаграрного экономического курса. В частном порядке съездовские организации протестовали против излишней опеки правительства, ущемления высшей школы, против господства поместного дворянства в земском представительстве, несправедливой формы земского обложения. Они выступали за явочный порядок учреждения акционерных обществ, свободную конкуренцию в поставках казне, за классовое земское представительство, за прямопропорциональное платежному налогу избирательное право. Требуя нового правового порядка, буржуазия, вместе с тем, выступала ярой противницей сокращения рабочего дня и вмешательства государства в экономические отношения рабочих и капиталистов[103].

Главными средствами для реализации своих интересов предпринимательские круги выбрали вполне приемлемые для царизма формы: различные обращения и ходатайства, закулисные сделки, дебаты в Государственной думе, выступления в прессе. Для эффективной защиты своих интересов буржуазией были созданы предпринимательские представительные организации, защищавшие экономические интересы торгово-промышленного капитала перед правительством, и работодательские союзы, ведущие борьбу с растущим рабочим движением[104]. В 1910 г. по данным Императорского русского технического общества насчитывалось 161 организация крупных предпринимателей с представительными функциями[105]. Самой крупной и влиятельной представительной межотраслевой организацией торгово-промышленного капитала были съезды представителей промышленности и торговли.

После Первой русской революции произошло ускорение процесса классовой консолидации русской буржуазии, хотя он и не получил своего завершения. Однако, по поставленным целям и задачам, по выбранным методам деятельности буржуазия стала более консерва-

[103] См: Финн-Енотаевский А. Указ. соч. – С. 498–501; Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. – Л., 1987. – С. 174–185.
[104] См.: Иванова Н.А., Желтова В.П. Указ. соч. – С. 461.
[105] См.: Гушка А.О. [Коган О.А.] Представительные организации торгово-промышленного класса в России: По данным анкеты, произведенной XI (промышленно-экономическим) отделом Императорского русского технического общества. – СПб., 1912. – С. 19–24.

тивной и аполитичной. Так, когда октябристы осенью 1906 года призвали предпринимателей поддержать идеи «государственности» и безусловного приоритета интересов частной собственности как основы для реформаторского переустройства России, данная программа нашла полное понимание и поддержку у московских деловых кругов[106]. К 1907 году эта основа для соглашения между «Союзом 17 Октября» и крупной буржуазией еще больше окрепла. И хотя под влиянием понесенных на выборах в I и II Думы поражений российские деловые круги отошли от широкой политической деятельности, все же после изменения избирательного закона и достаточно результативных для буржуазии выборов лидеры отечественного делового мира воспряли, но сосредоточили свое внимание не на решении политических вопросов, а на защите интересов промышленности и торговли в законодательных учреждениях. И это было закономерно, ибо все те причины, которые определяли аполитизм буржуазии в пореформенную эпоху продолжали действовать и в начале XX века. Несмотря на возраставшую экономическую мощь, она по-прежнему зависела от царизма экономически и политически[107].

Попытки же со стороны некоторых политически настроенных представителей российского капитализма преодолеть политическое безразличие своего класса и защитить некоторое подобие конституционализма окончились неудачей. Обескураженное этим активное меньшинство российских капиталистов к 1912 году сильно полевело и выбрало путь участия в деятельности оппозиционных группировок и масонских лож, оказания материальной помощи политическим революционерам[108].

Изложенные факты опровергают тезис о том, что в третьеиюньский период положение буржуазии существенным образом изменилось. Да, она «организовалась в общенациональном масштабе, выработала свою идеологию и тактику, заключила союз с царизмом на базе третьеиюньского парламента»[109]. Но все это не затрагивало кардинальных политических вопросов. Только в годы Первой мировой войны произошло некоторое усиление общественно-политической

---

[106] См.: Барышников М.Н. Политика и предпринимательство в России (Из истории взаимодействия в начале XX века). – СПб., 1977. – С. 194.

[107] См.: Аврех А.Я. Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития // Вопросы истории. – 1989. – № 2. – С. 23.

[108] Шанин Т. Указ. соч. – С. 324.

[109] Аврех А.Я. О природе российского самодержавия // Система государственного феодализма в России. Сборник статей. – М., 1993. – С. 259.

активности предпринимательских кругов. И находилась она в тесном единстве с деятельностью буржуазно-помещичьих партий и либеральной бюрократии[110].

Таким способом крупный капитал стремился обеспечить себе высокие прибыли и усилить свои социальные позиции[111]. Как и прежде в отношении буржуазии к царизму четко прослеживались две тенденции: сотрудничество и оппозиция. Первая проявлялась в создании и функционировании системы Особых совещаний, военно-промышленных комитетов, Земгора и других органов. Генезис новой формы сотрудничества буржуазии, самодержавия и либеральной общественности относится к весне–лету 1915 года. При этом различные участники этого процесса вкладывали различный смысл в новую форму сотрудничества и преследовали разные цели. Крупнейшие российские монополии, сложившиеся вокруг Русско-Азиатского, Международного, Учетно-ссудного банков «прорвались» к военным заказам и получили только по решению «майского» совещания 2/3 из отпущенных им 200 млн. рублей. Взамен самодержавие получало поддержку буржуазии и делилось с ней политической ответственностью за положение в стране. Буржуазно-помещичьи партии приобрели возможность большего влияния на управление страной. При этом политически активные представители буржуазии надеялись на «здравый смысл» верховной власти, который должен был, на их взгляд, заставить самодержавие эволюционировать в сторону буржуазной монархии[112].

Именно с реализацией этих ожиданий была связана вторая тенденция в общественной деятельности буржуазных кругов. Не имея никакой поддержки в широких массах[113], буржуазные политики сосредоточили свои усилия на формировании так называемого «Прогрессивного блока» и попытках воплотить в жизнь его программу. Выполнение главного требования «Прогрессивного блока» – создание министерства общественного доверия – означало бы для само-

---

[110] См.: Сомов С.А. Страницы истории России уходящего XX века. Сборник статей. – Армавир, 1999. – С. 5–6; Куликов С.В. Правительственный либерализм и образование Прогрессивного блока // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. Материалы конференции памяти В.С. Дякина. – СПб.-Кишинев, 2001. – С. 263–295.

[111] См.: Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). – М., 1956. – С. 290.

[112] См.: Сомов С.А. Указ. соч. – С. 24.

[113] См.: Кирьянов Ю.И. Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. – М., 1970. – С. 122–123.

державия новый шаг в сторону буржуазной монархии, и тем самым появление новых социально-экономических и политических возможностей буржуазии. Однако, несмотря на это, в ее поведении преобладала не оппозиционность, а ориентация на активное, деловое сотрудничество с царизмом в деле военно-экономической мобилизации страны. Все это сыграло не последнюю роль в развитии экономического и политического кризиса в годы войны.

Выводы

На становление класса буржуазии оказали воздействие многие обстоятельства - процесс обуржуазивания дворянства, влияние сословного строя и полукрепостнических отношений, социальная политика самодержавия.

В XVIII в. зарождение русской буржуазии проходило в тесной связи с сословной политикой государства. Вопреки субъективным намерениям правительства, его действия, направленные на поощрение дворянского предпринимательства и ограничение крепостничества в хозяйственной практике купечества, вызвали диаметрально противоположный результат – способствовали интенсивному развитию капиталистического уклада на его адекватной основе – наемном труде. Гильдейские реформы 1775 и 1785 г., дав импульс усилению корпоративной замкнутости купечества, все же не смогли остановить проникновения в него выходцев из других сословий. В результате, сформированный еще в рамках добуржуазной общественной формации класс торгово-промышленных предпринимателей-купцов, юридически оформленный в состав сословия городский обывателей в период начала революционной модернизации превращался в класс буржуазии, продолжая формально оставаться в рамках городского сословия и, впитывая в себя представителей других сословных групп. В среде городских обывателей происходило уменьшение доли привилегированной части и рост доли непривилегированной части при существенном увеличении имущественного расслоения и разрушении общинных отношений.

Проходившая в пореформенное время и в начале XX в. буржуазная трансформация дворянства привела к формированию у него ряда существенных особенностей. Несмотря на значительное сокращение доли в экономической сфере и лишение многих привилегий, дворянство продолжало сохранять политическую власть и экономическую силу. Дифференциация источников доходов дворянского сословия (благодаря его обуржуазиванию) усилила к началу XX в. его юриди-

ческую и материальную неоднородность, сохранила внутрисословную рознь. В целом же, проходившая в пореформенное время и в начале XX века буржуазная трансформация дворянства привела к либерализации одной (небольшой) его части и резкому превращению другой в опору и носительницу консервативных тенденций, что сказалось на формировании общественного мнения по отношению к буржуазии.

Господство государственного капитализма в экономике страны, крепко привязавшего к себе буржуазию как обеспечением высокой прибыли, так и мерами государственного регулирования, породило ее экономическую и психологическую зависимость от бюрократического аппарата. «Попечительная» политика царизма задерживала и политическое самоопределение крупной буржуазии как класса.

Формационная слабость и незрелость российской буржуазии не позволили ей стать полноценным субъектом революционных преобразований. Буржуазия в начале XX в. в своей массе ориентировалась не на радикальные изменения политического и социального строя государства, а лишь на расширение собственного социального пространства в рамках сложившейся политической системы. Главными средствами для реализации своих интересов предпринимательские круги выбрали вполне приемлемые для самодержавия формы: различные обращения и ходатайства, закулисные сделки, дебаты в Думе, выступление в прессе. Вплоть до Февральского переворота в отношении буржуазии к самодержавию четко прослеживались две тенденции: сотрудничество и оппозиция. Преобладала первая тенденция.

§ 2. Крестьянство в условиях многоукладной экономики

Изучение российского крестьянства показывает, что большую роль в его жизни сыграло крепостное право. Представляется, что главной причиной его усиления стала обострившаяся во второй половине XVIII в. диспропорция между темпами роста численности населения и темпами освоения новых земель. Показательным в этом отношении является сам факт проведения Генерального межевания земель 1766 г.[1].

Интенсификация крепостнических отношений в русской деревне в этот период привела к резкому увеличению объема земледельческих работ, особенно в связи с развитием барщинного хозяйства. Это обстоятельство стимулировало активизацию жизнедеятельности общины – единственного социального института, способного при дефиците рабочего времени наладить в русской деревне эффективную хозяйственную деятельность и стать гарантом интересов крепостного крестьянства.

Наиболее эффективным средством выживания общинников на владельческих землях стал переход к передельно-уравнительной практике, который осуществлялся, как указывалось ранее, при активном участии поместной администрации и в интересах поместного дворянства[2].

Распространение передельно-уравнительной системы некоторое время в определенной мере сдерживалось сохранением на протяжении XVII столетия вытного принципа обложения, который ограничивал контроль земельного собственника за трудовыми ресурсами крестьянских дворов. Однако, начиная с последней четверти XVII в. произошел отход земельных собственников от вытного принципа обложения с переориентацией на тягла и отдельных тяглецов. В результате были узурпированы важнейшие права общины по определению производственных возможностей крестьянских хозяйств, и их эксплуатация возросла[3]. Данная тенденция еще больше укрепилась по-

[1] См.: Островский А.В. Выступление. Материалы круглого стола «Крепостное право и крепостничество в России» // Английская набережная, 4. Ежегодник. Санкт-Петербургское научное общество историков и архивистов. – СПб., 1997. – С.25.

[2] См.: Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль В России: Петровское, село Тамбовской губернии. – М., 1993. – С. 115.

[3] См.: Горская Н.А. Собственность в феодальной России // Собственность на землю в России: История и современность. – М., 2002. – С. 36–37.

сле введения в 1724 г. подушной подати. Все это усилило тенденцию к установлению передельной общины. В течение XVIII в. к ней переходят и государственные крестьяне Севера, Урала, южной Украины, Европейской России, а в конце XIX в. – сибирские крестьяне и донские казаки[4].

Кроме уравнительно-передельной функции община во владельческой деревне играла важную роль в регулировании вненадельческого (оброчного, арендного) землепользования. Мир распределял оброчные земли по тяглам, брал с росчисти «подел в мир», мог перераспределить росчисти между дворохозяйствами.

В XVIII – начале XIX в. совершение поземельных сделок было не чуждо всем категориям крестьян: они передавали землю по наследству, делили, обменивали, продавали ее. Однако все эти операции носили подчиненный по отношению к общине характер, так как они лишь изменяли объем тягла и не выходили за пределы вотчины или поместья, а у черносошных крестьян – волости[5]. В повседневной практике некоторых общин все же прорисовывалась тенденция к установлению потомственного владения усадебной, надельной и расчищенной землей. Однако преобладающее значение эти частнособственнические тенденции приобрели только в промысловых селениях[6].

С конца XVIII в. имущественные права крестьян стали постепенно расширяться. Указы 1798, 1799, 1812 гг. возвратили крестьянам право заниматься торговлей, указы 1818 и 1824 гг. – также и промышленной деятельностью. В 1827 г. крестьянам разрешили иметь собственные дома в городах, кроме столиц, а в 1842 г. и в столицах. В 1801 г. казенные крестьяне и вольноотпущенники получили право покупать землю, а в 1849 г. – помещичьи крестьяне, но с согласия помещиков и на них[7]. Все это коснулось, главным образом, крестьян-предпринимателей, связанных с городом, в деревне же по-прежнему господствовала традиция.

В русле расширения прав крестьян находились многочисленные пореформенные преобразования, которые приводили, с одной стороны, к юридическому и фактическому устранению привилегий дворянства, а с другой – к ликвидации правовой неполноценности кре-

[4] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 393; Ковалевский М.М. Указ. соч.– С. 78.

[5] См.: Горская Н.А. Указ. соч. – С. 38.

[6] См.: Александров В.А. Сельская община в России: XVII – начало XIX вв. – М., 1976. – С. 316–317.

[7] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 392.

стьян, мещанства и других сословных групп. Так в 1861 г. бывшие помещичьи крестьяне во многом уравнялись по своим правам с бывшими казенными крестьянами и городскими обывателями, а дворянство утратило свою главную привилегию – монопольное право на владение крепостными. В 1864 г. все сословия (в рамках 34 губерний) получили право формировать органы местного самоуправления. В этом же году возникли всесословные суды. Всеобщая воинская повинность (1874 г.) почти уравняла все сословия в несении воинской службы. Однако, не смотря на это, комиссия Валуева констатировала: «Затруднения юридические встречаются в том исключительном положении, в котором большинство крестьянского сословия поставлено относительно права избрания рода жизни, права собственности и права семейного»[8].

Вскоре были сделаны и другие значительные шаги в направлении ликвидации сословного строя: отменены подушная подать (1885–1886 гг.) и круговая порука, дворянство за пореформенные десятилетия вошло в число налогоплательщиков, отменены паспортный режим и выкупные платежи (1905–1907 гг.), получено право на укрепление части общинной земли (1906 г.), введено представительное учреждение, даны политические права представителям всех сословий.

Однако следует указать, что, несмотря на ряд принятых в конце XIX – начале XX в. законов, уравнивающих крестьян с другими сословиями[9], их неравноправное положение сохранялось и фактически, и формально. Это проявлялось в сословно-условном характере крестьянской земельной собственности, в контроле хозяйственной деятельности со стороны властей, объеме налоговой нагрузки, сословном характере способа взимания налогов и податей, в особом правовом статусе, в организации общественного управления.

Даже крестьяне, уходившие в город, не были свободными от сословных ограничений. Например, в докладе Санкт-Петербургской уездной и пригородной полиции от 7 апреля 1877 г. указывалось, что

[8]Доклад высочайше учрежденной 26 мая 1872 года комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. – СПб., 1873. – С.39.

[9] См.: Именной Высочайший Указ, данный Сенату от 12 марта 1903 г. «Об отмене круговой поруки крестьян по уплате окладных сборов в местностях, в коих введено в действие Положение 23 июня 1899 г. «О порядке взимания сил сборов с надельных земель сельских обществ» (ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. XXIII – Отд. № 22627); Именной Высочайший Указ, данный Сенату 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий « (ПСЗРИ. – Собр. 3-е – Т XXVI - Отд. I -№ 28392).

очень часто мытарство крестьянина, ушедшего на заработок в город, «кончается тем, что ему дают пропускной лист на родину, с которым еще несколько дней прогуляет, пока его уже не отправляют по этапу на родину»[10]. Накануне Первой мировой войны крестьяне-рабочие некоторых московских фабрик записывались в так называемые оброчные книги, в которых фиксировалась уплата ими налогов по деревням, из которых они пришли. Эти выплаты, согласно циркуляра Министерства финансов, производились принудительно путем вычета из заработной платы[11].

Даже после Столыпинской реформы надельные земли, в том числе хутора и отруба, по-прежнему оставались сословно-крестьянскими, и владельцы их были ограничены в своем праве распоряжаться ими[12]. Кроме того, эти земли не давали избирательного ценза[13]. Очень серьезным ограничением права собственности крестьян явилось то, что закон от 14 июня 1910 г. не дал им, в нарушение российского гражданского законодательства, права собственности на недра.[14] Сохранился и дифференцированный подход в размере процента по ссудам и кредитам, выдаваемых государственными банками дворянам, крестьянам и другим категориям населения[15]. Потомственные дворяне губерний Европейской России, за исключением прибалтийских, могли получать ссуды в Дворянском земельном банке под залог имений на льготных условиях: предельный срок составлял 66 лет и размер их достигал 60% стоимости имений, а процентные ставки по ним были на 1,5–2% ниже, чем в акционерных банках (6,5%), а затем даже на 3,5% ниже[16].

В конце XIX – начале XX в. государство использовало ряд искусственных мер поддержки землевладения помещиков и связанного с ним торгово-промышленного предпринимательства. Так был укреплен введенный еще в 1845 г. институт заповедных имений и установлен в 1899 г. новый – временно-заповедных имений. В результате со-

---

[10] ЦГИА СПб., Ф. 961, оп. 4, д. 20, л. 5 об.

[11] См.: ЦИАМ, ф. 346, оп. 1, д. 175; Иванова Н.А., Желтова В.П. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М., 2004. – С. 165.

[12] См.: Волков В.В. Межформационная модернизация экономического строя России в XIX – начале XX века. – Тверь, 2004. – С. 153.

[13] См.: Финн-Енотаевский А. Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). – СПб., 1911. – С. 466.

[14] См.: Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. – М., 1995. – С. 296.

[15] См.: Ковалевский М.М. Экономический строй России. – СПб., 1899. – С. 35–36, 42, 50.

[16] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. IX. – № 6291; Т. 14. – № 11035. – Ст. 1. – П. 1.; Т. 17. – № 14170.

хранения этих сословных прав за потомственными дворянами в определенной мере ограничивалось функционирование земельного рынка[17]. Новое «Положение о питейном сборе» 1861 г., формально отменив дворянскую монополию на винокурение, в действительности оставило преимущественное право на винокурение за дворянами, особенно в великороссийский губерниях[18]. Деятельность других категорий населения в этом производстве была стеснена территориальными рамками, хотя недворяне имели право аренды винокуренных предприятий повсеместно. При организации частной горной промышленности на свободных казенных землях действовали льготные условия отвода помещикам таких земель в Сибири. Льготным был и порядок расчета государства с золотопромышленниками – дворянами[19].

Неравноправие сословий проявлялось и в сфере гражданских прав. Например, сельскохозяйственные рабочие из крестьян за гражданское правонарушение (нарушение договоров о найме, заключенных с договорным листом и без него) привлекались к уголовной ответственности[20]. Положение о видах на жительство 1894 г. подтверждало неравноправное положение непривилегированных сословий в отношении паспортного режима и податное значение паспорта для них. Если дворяне, чиновники, почетные граждане, купцы и разночинцы не были ограничены в выборе постоянного места жительства и получали бессрочные паспортные книжки, то приписанным к обществам крестьянам, (как и мещанам и ремесленникам) волостными старшинами часто с согласия общества выдавались паспортные книжки на пять лет, паспорта на один год, шесть и три месяца и бесплатные билеты на отлучку – на срок до одного года.[21] Указ 5 октября 1906 г. формально предоставил сельским обывателям свободу избрания постоянного места жительства. Однако действовавшее тогда право не согласовывалось с указом и очень часто некоторые из прежних

---

[17] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 2-е. – Т. XX. – Отд. 1. – № 19202; Мещерский А.В. О заповедных имениях: Исторический очерк. – М., 1894; Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России: конец XIX – начало XX в. – М., 1969. – С. 44–45; ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. XIX. – Отд. I. – № 16949.

[18] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 2-е. – Т. XXXVI. – Отд. II. – № 37197.

[19] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. VII. – № 4521; Сапоговская Л.В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв.: Урал и Сибирь – модели развития. – Екатеринбург, 1998. – С. 44, 274.

[20] См.: Сборник заключений по вопросам, относящимся к пересмотру Положения 12 июня 1886 г. о найме на сельские работы. – СПб., 1898. – Ч. 1. – С. 37–55; СЗРИ. – 1902. – Т. XII., Ч. 2; ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. IX. – № 6196. – Ст. 17.

[21] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. XIV. – № 10709 – Ст. 2, 19, 27, 28, 39, 41, 44–46, 51–57.

ограничений (например, приписка крестьян к обществу) продолжали существовать на деле[22]. Кроме того, по указу властям предоставлялось право не выдавать паспортные книжки лицам, которые не могли «снискать себе пропитание собственным трудом»[23]. Полицией к таковым мог быть причислен любой крестьянин, искавший заработок в городе.

Нельзя не сказать и о главном недостатке российской правовой системы. Он состоял в том, что с середины XIX в. все население России делилось на две неравные правовые группы: крестьян, составлявших большинство и живущих в целом по нормам обычного права, и дворян, купцов, мещан и разночинцев, отношения которых регламентировались законами[24]. «Гражданские права этого сословия, – отмечалось в докладе комиссии Валуева, – определены в общих законах; но тем не менее весь его внутренний быт регулирован целым рядом специальных узаконений и на деле почти целиком изъят из круга влияния общего законодательства. Несмотря на отмену крепостного права, крестьянин остался, в известной мере, прикрепленным к земле»[25].

В правовой обособленности крестьянства была заинтересована сама коронная администрация, которая надеялась таким образом предохранить крестьян от влияния города и сохранить общественный порядок в деревне с помощью институтов обычного права[26]. Проведение крестьянской 1861, 1863, 1866 гг. и судебной 1864 г. реформ не привело к ликвидации правовой обособленности крестьян. Напротив, народная юстиция была легализована, а Свод законов признан не соответствующим условиям крестьянской жизни[27]. В 1889 г. во время преобразования волостного суда правительство намеренно оставило его в великороссийских, украинских и белорусских губерниях как исключительно крестьянский суд и лишь в прибалтийских губерниях он был введен в общую систему судопроизводства и права[28]. Все это оз-

---

[22] См.: Леонтьев А.А. Крестьянское право: Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. – СПб., 1909. – С. 11.

[23] Устав о паспортах. Ст. 47 // СЗРИ. – 1903. – Т. 14.

[24] См.: Шатковская Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. – 2000. – № 11–12. – С. 96.

[25] Доклад высочайше учрежденной 26 мая 1872 года комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. – СПб., 1873. – С.39-40.

[26] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 27.

[27] См.: Шатковская Т.В. Указ. соч. – С. 96.

[28] См.: Дружинин Н.П. Юридическое положение крестьян. – СПб., 1897. – С. 298–370.

начало, что в России после освобождения от крепостничества 85% населения находилось не под государственным судом, а под судебной властью старейшин, избранных на местах[29]. Такой порядок диктовался сиюминутными интересами власти и являлся, несомненно, шагом назад в процессе становления правового государства, ибо особенность обычного права в России состояла в том, что здесь не было того понимания собственности, какое давал имперский закон, а именно, не было абсолютной собственности личности, а вместо нее признавалась собственность семейная и поэтому не действовали права наследия, зафиксированные в имперских законах. Например, «большаку» нельзя было написать завещание, согласно которому один из сыновей получает большую, а другой – меньшую часть наследуемого имущества. Ибо это не личное имущество «большака», оно – семейное и на его основе хозяйство ведется всей семьей и при разделе должно делиться на равные части между мужчинами. Притязания на большую долю в наследовании имущества могли быть обоснованы только значительным трудовым вкладом, а не наличием кровнородственных связей[30].

Большую роль в становлении сословной крестьянской обособленности играли *социальные процессы, происходившие внутри самого крестьянства*. Оно, как самое многочисленное сословие России, в отличие от других сословий оставалось до 1917 г. в имущественном и социальном отношениях довольно однородной массой и имело лишь зачатки буржуазного расслоения. Об этом свидетельствуют данные о расслоении крестьянства по величине хозяйства в течение длительного времени. Из них видно, что группа крупных дворов, засевавших более 12 десятин, непрерывно распадалась за счет деления выросших семей и перехода «осколков» в низшие категории. За 30 лет (с 1882 по 1911 г.) из дворов этой категории не разделилось только 33,6%. Из разделившихся 84,6% уменьшили посевную площадь. Более того, 58% неразделившихся дворов также уменьшили свои посевы. Малосеющие группы в массе своей увеличили посевную площадь – 71,6% из неделившихся дворов и 72,8% – из делившихся[31].

Несмотря на то, что эти данные достаточно красноречивы, их все же можно поставить под сомнение. Дело в том, что группировка крестьянских хозяйств по таким натуральным показателям, как вели-

[29] См.: Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Общественные науки и современность. – 2003. – № 1. – С. 117.
[30] См.: Там же – С. 119–120.
[31] См.: Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. – С. 38.

чина посева и число лошадей, может считаться полностью удовлетворительной только при анализе дореформенной деревни, когда земледелие и скотоводство отличались стабильностью, ввиду того, что малоземелье еще слабо ощущалось в деревне, когда крестьянство повсюду еще мало было вовлечено в промышленность и отхожие промыслы и главный доход получало от земледелия. Однако после 1860-х годов стала уменьшаться средняя величина крестьянского землевладения и численность скота, возросла роль дополнительных заработков вне своего хозяйства. Кроме этого, количество скота и земли, находившейся в хозяйственном обороте, сильно варьировало во времени и по регионам.

Некорректно за основание группировки принимать только посев, а не всю удобную землю, то есть без учета лугов, пара, леса и других угодий. В силу этого указанные группировки крестьянства не могут полностью составить адекватную картину стратификации и для объективных представлений необходимо учитывать общий доход хозяйства на душу населения. Критерий же лошадности крестьянских хозяйств не может прямо использоваться для характеристики их имущественного расслоения, ибо, как показывают исследования, наибольшая втянутость в работу промышленности, в отхожие и местные промыслы была в безлошадных и однолошадных хозяйствах, что компенсировало их низкую доходность от самостоятельной сельскохозяйственной деятельности[32]. Хотя общее число отходников, занятых круглый год неземледельческими промыслами в начале XX в. было, по-видимому, небольшим. Материалы подворных переписей Симбирской губернии от 1910–1911 гг. показывают, что процент взрослых мужчин этой категории к общему числу мужчин рабочего возраста в 4-х уездах губернии составил лишь 18,2%[33], а общий процент отходников в стране – 9,4% от всего сельского населения[34] или 8,4%[35].

---

[32] См.: Васильев Б.Н. Социальная характеристика фабричных рабочих // Рабочий класс и рабочее движение в России. – 1861–1917. – М., 1966 – С. 143–147; Васильев Б.Н. Об особенностях формирования промышленного пролетариата в Центральном промышленном районе России // Рабочие России в эпоху капитализма: сравнительный порайонный анализ. – Ростов-на-Дону, 1972. – С. 3–10.

[33] См.: Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. – М., 1958. – С. 491.

[34] См.: Там же. – С. 311–322.

[35] Миронов Б.Н. Указ. соч. – С. 534.

Различия в представлениях на имущественную стратификацию крестьянства иллюстрируются таблицей 10, показывающей группировку 230 крестьянских хозяйств на 5 типов в Воронежской губернии в 1896 году по скоту, землевладению и доходу (в %)[36].

Все воронежское крестьянство по доходности разделялось на три страты: бедные – 15%, середняки – 73%, зажиточные – 12%. С точки зрения использования рабочей силы, хозяйства разделялись на хозяйства чисто крестьянского типа, использовавшие только труд членов семьи (82%), хозяйства, использовавшие преимущественно труд батраков (12%) и хозяйства, жившие преимущественно за счет продажи рабочей силы (6%), хотя имели землю или скот[37]. В результате неравенство в распределении земли по коэффициенту Джини оценивается как: 0,249, неравенство в распределении скота – 0,173, а в доходах – 0,090. Группировки крестьянских хозяйств на основе дохода, выполненные земскими статистиками в четырех губерниях (Костромской, Новгородской, Пензенской и Харьковской)[38] подтвердили показатели Воронежской губернии.

Обобщенный показатель неравенства российского крестьянства на рубеже XIX–XX в., определенный по наиболее объективному критерию – доходности на душу населения, при его оценке коэффициентом Джини, был низким – находился на уровне 0,133–0,206[39].

Отсюда следует, что крестьянство в отличие от других сословий оставалось в имущественном отношении довольно однородной массой. Однако имущественную дифференциацию нельзя путать с социальной. Данные военно-конских переписей показывают, что безлошадных крестьянских хозяйств в 1888-1891 гг. было 27,3%, в 1896-1901 гг. – 29,2%, в 1912 г. – 31,6%, хозяйств с 1 лошадью было соответственно 28,6%, 30,3%, 32,1%, 2-3 лошадьми – 32,7%, 31,4%, 29,7%, с 4-5 лошадьми – 8,0%, 6,5%, 4,8 %, многолошадные – 3,4%, 2,6%, 1,8%[40]. На основании этих данных мы можем сделать ряд выводов.

---

[36] См.: Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. – Воронеж, 1900. – Ч. 2. – С. 1–201.

[37] См.: Там же. – Ч. 1. – С. 227–228.

[38] См.: Миронов Б.Н. Социальное расслоение русского крестьянства под углом зрения социальной мобильности // Проблемы аграрной истории (XIX вв. – 30-е годы XX вв.) – Минск, 1978. – Ч. 2. – С. 106–115.

[39] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – М., СПб., 1999. – С. 128.

[40] См.: Островский А.В. Универсальный справочник по истории России. – СПб., 2000. – С.205.

Во-первых, субстрат сельскохозяйственной буржуазии (не путать с сельской) неуклонно вымывался. По уточненным данным, основанных на материалах военно-конских переписей, в конце XIX в. удельный вес хозяйств, находящихся на разных стадиях обуржуазивания, не превышал 11,4%[41].

Во-вторых, примерно 60% крестьянских хозяйств «поставляли» или пауперов, или пролетариев. Если признать за относительно достоверные сведения о том, что в 1905 г. из 90,5 млн крестьян по сословному положению 73,5 млн были заняты в сельском хозяйстве[42], а примерно в это же время (1900 г.) неземледельческими промыслами по месту жительства занимались 6,6 млн крестьян, в других местностях – 3,8 млн[43], являлись сельскохозяйственными рабочими 4,5 млн[44], то можно сделать вывод о том, что от единоличного деревенского хозяйства в той или иной мере были оторваны только 14,9 млн человек или 31% от всех трудоспособных деревни[45]. *Следовательно крестьянское сословие имело лишь зачатки буржуазного расслоения.*

Исходя из того, что отходничеством в основном занимались представители безлошадных и однолошадных хозяйств, можно предположить, что беднейшие слои крестьянства не были ведущей силой в деревне и поэтому господствующее положение в ней в экономическом и социальном отношениях занимало «среднее» крестьянство.

Основная масса крестьянства сочетала собственническое и трудовое начало, вела индивидуальное хозяйство с помощью членов своей семьи. Сущность этих крестьянских хозяйств не менялась ни от продажи части продуктов на рынке, ни от использования наемной рабочей силы, ибо в них или не шла речь о получении прибыли, или семейный труд преобладал над наемным[46].

---

[41] См.: Островский А.В. Динамика процесса раскрестьянивания в Европейской России конца XIX – начала XX в. // Крестьянское хозяйство: История и современность. – Вологда, 1992. – Ч. 1. – С. 73.

[42] См.: Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. – СПб., 1907. – С. 182, 197.

[43] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 466.

[44] См.: Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. - М., 1982. – С.42.

[45] Трудоспособными являлись примерно 65% крестьян, проживавших в деревне, или 47,8 млн чел. См.: Население России в XX веке. В 3-х т. – М., 2000. – Т.1. – С.13. По данным Комиссии центра трудоспособных сельских жителей было около 44 млн 375 тыс.

[46] См.: Анфимов А.М. Новые собственники: (Из итогов столыпинской аграрной реформы) // Крестьяноведение. – М., 1996. – С. 90–92; Никулин П. Место наемного труда в системе крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. // Вопросы экономической истории России XIX–XX вв. – Томск, 1996. – С. 150–151.

Анализ модернизации крестьянства позволяет выделить причины его слабого буржуазного расслоения.

Первая состояла в том, что внутри крестьянства наблюдалась высокая степень социальной мобильности: до Великих реформ более 80% крестьян в течение своей жизни в результате превращения малой семьи в большую изменяли свой первоначальный статус и переходили в более зажиточные страты; в пореформенное время в связи с ростом малых семей и увеличением числа семейных разделов этот показатель снизился до 50%, но все-таки был весьма высоким[47].

Вторая причина заключалась в том, что на протяжении всего императорского периода крестьянство (как и духовенство) служило источником пополнения других сословий, но само являлось закрытым при входе: перемещения в его состав из других категорий были ничтожными. В деревне вследствие однородности социального состава браки, как правило, заключались почти исключительно между представителями одного сословия и поэтому изолированность крестьянства от других сословий, в особенности от привилегированных, была очень большой. Крестьянство варилось в собственном соку и в этом, возможно, состояла одна из причин длительного существования его особой субкультуры, социокультурной обособленности от других сословий, его склонности к традиционализму и консерватизму[48].

Несмотря на рост отходничества в 4 раза (с 1241,7 тыс. паспортов или 2,1% всего сельского населения в 1857–1859 гг. до 9,4 млн. или 8,4% в 1906–1910 гг.[49]; на тысячу душ обоего пола приходилось паспортов ежегодно: в 1861-1870 гг. – 13,9; в 1871-1880 гг. – 26,8; в 1881-1890 гг. – 30,2; в 1891-1900 гг. – 53,1[50]), объемы его оставались мизерными. При этом тенденция перекачки рабочей силы из агарного сектора в фабрично-заводскую промышленность выглядела удручающей. Если в 1887–1897 гг. общая численность рабочих ежегодно возрастала на 6%, в 1897–1900 гг. – на 4%, то в 1900–1908 гг. всего на 1,7%[51]. Это говорит о том, что с возрастанием секторного разрыва между промышленностью и сельским хозяйством, последнее не мог-

[47] См.: Там же. – С. 128–129.
[48] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – С. 145–146.
[49] См.: Там же. – С. 466.
[50] См.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г.комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903. – Ч.III. - С. 226.
[51] См.: Финн-Енотаевский А. Указ. соч. – С. 331.

ло обеспечить продовольственными и другими ресурсами индустриальное развитие и вынуждено было консервировать в деревне избыточное население.

Третья причина заключалась в высокой степени выбытия представителей крестьянского сословия из сферы основного сословного занятия – сельскохозяйственного труда. Крестьяне составляли основную часть рабочего класса, становились торговцами и предпринимателями, оседали в городах, занимаясь различного рода работами. В 1905 г. в 50 губерниях Европейской России насчитывалось по сословному положению 90,5 млн. крестьян, из которых в сельском хозяйстве было занято 73,5 млн. или 81,2%. Из общего числа крестьян имели землю 62,5 млн. человек, то есть примерно 69%. 31% крестьян были лишены земли, из них 18,8% числились уже вне сельского общества[52].

Четвертая причина – преобладание кабально-арендных форм эксплуатации крестьянского труда помещиками, господство семейного труда в хозяйствах самих крестьян при сохранении в целом докапиталистического характера сельскохозяйственного найма[53]. Большинство российских крестьян не имело объективных условий для ведения фермерского хозяйства, так как их землепользование носило на себе следы феодального строя и даже землевладение было коллективным, общинным[54].

Пятая причина социальной однородности крестьянства обнаруживается в ухудшении условий жизнедеятельности этого сословия.

Как уже отмечалось, в России под давлением возраставшей плотности населения происходило наступление пашни на пастбище[55]. Нехватка скота, в свою очередь, означала нехватку удобрений и снижение урожайности на душу населения при небольшом абсолютном ее росте (60-е годы XIX в. – 4,4 ц/га, 70-е – 4,7, 80-е – 5,1, 90-е – 5,9, в 1901–1910 гг. – 6,3, в 1922–1927 гг. – 7,4)[56]. Порочный круг замыкался. С 1870 г. по 1900 г. площадь сельскохозяйственных угодий в Ев-

---

[52] См.: Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. – СПб., 1907. – С. 182, 197.

[53] См.: Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. – 1997. – № 9. – С. 82–89.

[54] Бурдина О.Н. Крестьяне-дарственники в России, 1861–1907 гг. – М., 1996. – С. 157.

[55] По подсчетам Департамента окладных сборов в пятидесяти губерниях Европейской России за сорок пореформенных лет население возросло на 72%, то есть с 50 до 86 млн., а масса людей, скопившаяся на земле, почти удвоилась. См.: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 287.

[56] См.: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. – М., 2002. – С. 25.

ропейской России увеличилась на 20,5%, площадь пашни – на 40,5%, земледельческое население – на 56,9%, а количество скота – всего на 9,5%[57]. Средняя площадь надела в расчете на душу взрослого мужского населения деревни уменьшилась с 4,8 десятины в 1860-е гг. до 3,5 десятины в 1880-е гг. и до 2,6 десятины в 1900-е годы. Количество лошадей в расчете на один крестьянский двор уменьшилось с 1,75 в 1882 г. до 1,5 в 1900–1905 гг.[58]. Положение мог спасти лишь переход к травопольной системе, но распашка пастбищ и сокращение поголовья скота на единицу пашни окончательно сделали его неосуществимым. Дело в том, что в рамках полноценной системы для удобрения 1 га пашни требуется около 10 т навоза или 6 голов крупного рогатого скота, тогда как в большей части Европейской России на паровую десятину приходилось 1,2–1,3 головы. Для прокормления этого скота сеном требуется не менее 1 десятины луга на голову, в то время как в Европейской России почти повсеместно 1 десятина луга должна была кормить 2–3 головы скота. В результате урожайность зерновых в России была в 2–3 раза ниже, чем в Англии и Германии, в 1,5–2 раза ниже, чем во Франции, в 1,2–1,5 раза ниже, чем в Италии и США[59]. Последствием этих обстоятельств стали стагнация зернового производства в Северном и Центральном Европейском районах[60].

Катастрофические масштабы приобрел процесс абсолютного обнищания крестьянства перенаселенного центра страны. Данные таблицы 9[61] убедительно показывают, что в 1909 г. при биологической норме выживаемости в 15–19 пудов основных хлебов на человека почти половина российского крестьянства, именно в центре страны, не могла не то что вести успешное капиталистическое хозяйство, но и вообще нормально существовать[62]. И это было неизбежным, если учесть, что по данным еще середины 70-х годов XIX в. из суммы всех сборов в 208 млн рублей (повинности с земель – 23 330,0 тыс.

---

[57] См.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г.комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903. – Ч.III. - С. 212.

[58] См.: Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. – М., 1978. – С. 92.

[59] См.: Онищук С.В. Исторические типы общественного воспроизводства: политэкономия мирового исторического процесса. – М., 1995. – С. 120–121.

[60] См.: Грегори П. Указ. соч. – С. 247–248; Wheatcroft St. Crisis and the Conditions of the Peasantry in Late Imperial Russia // Kingston–Mann E., Mixter T. (eds.) Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia: 1800–1921. – Princeton, 1991. – P. 128, 147–153.

[61] См.: Купцов А.Г. Земля – ЕК, или столыпинская катастрофа России. – М, 2002. – С. 6–14.

[62] См.: Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. – Л., 1925. – Т. 1. – С. 244–246.

руб., платежи крестьян за земли – 94 681,111 тыс. руб., повинности, взимаемые подушно – 90 000,0 тыс. руб.) только 13 млн руб. приходилось на земли частных владельцев[63].

По сведениям, которые собрал Ю. Янсон, опираясь на Труды податной комиссии, в середине 1870-х годов в 62% уездов черноземной трехпольной полосы все бывшие помещичьи крестьяне не могли получать со своих наделов «даже насущного хлеба», а в остальных 38% уездов в таком положении находилась «значительнейшая часть этих крестьян». Например, в Ставропольском уезде Самарской губернии по расчету земской управы валовой доход с наделов, за вычетом семян, равен 1 578,079 тыс. руб. или 51 руб. на семью в 5 человек (30 956 семейств); на прокормление же по местным ценам на хлеб было необходимо 113 руб. 55 коп. Дефицит – 62 руб.55 коп. В Бузулукском уезде валовой доход с надельной земли составлял 8 494,079 тыс. руб., а расходы крестьян – 12 113,278 тыс. руб. Дефицит – 3 616,799 тыс. руб. В Самарском уезде семья из пяти человек при 7,5 дес. земли (средний размер на семью) получала валовой доход в 70 руб., расходуя на пищу, одежду, содержание скота и другие хозяйственные нужды 98 руб. 53 коп. Примерно такая же ситуация сложилась в Тульской, Курской, Орловской, Харьковской, Полтавской, Черниговской губерниях[64].

Платежи крестьян в некоторых местностях после их перевода на выкуп превышали доходность земли 1,5 , 2 и даже более раза[65]. Например, средняя доходность 1 крестьянской десятины в Саратовской губернии была принята земством в 136 коп, а платежи составляли у бывших государственных крестьян 124 коп. с дес., у удельных – 126,5 коп., у помещичьих на выкупе – 190 коп. В Пензенской губернии в разных уездах доходность была в интервале от 100 до 250 коп., средняя – 188 коп. Платежей же с десятины приходилось: у бывших государственных – 221 коп., у помещичьих на выкупе – 401 коп., у помещичьих на оброке – 422 коп. Если брать все губернии черноземной трехпольной полосы, то платежи бывших государственных крестьян составляли от 30% до 148% доходности земли, у бывших по-

[63] См.: Доклад Высочайше учрежденной 26 мая 1872 г. комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности России. – СПб., 1873. – С. 35.

[64] См.: Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. – СПб., 1877. – С. 68-75.

[65] См.: Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М., 2004. – С. 124.

мещичьих превосходили ее от 24% до 124% при среднем наделе, и до 200% при низшем[66].

В целом, в 1870-х годах средний доход крестьян с десятины в европейской части России составлял 163 коп., а все платежи и налоги с этой десятины – 164,1 коп., что заставляло крестьян искать другие источники доходов[67].

В список разнообразных сборов входили: выкупные платежи (оброчная подать), государственный земский сбор, местные земские сборы, подушная подать, мирские сборы, сборы рекрутские, на обеспечение народного продовольствия и др. Даже официальная комиссия признавала, что «общая сумма всех сборов и платежей, падающих на крестьян в немногих местностях может покрываться доходами с земельного надела, без посторонних заработков, и в некоторых местностях, даже в черноземной полосе, сумма всех платежей превышает доходность земли в 5 раз, т.е. почти целиком ложится на заработок»[68]. Однако здесь следует особо подчеркнуть, что не все местности имели возможность дать заработок крестьянам. «Никаких заработков и промыслов, – писал Ю. Янсон, – вне земледелия в черноземной полосе нет для громадного большинства крестьян. Если кой-где и есть заводы, свеклосахарные, суконные и винокуренные, то их немного относительно всей массы рабочего населения; ремесла в селениях также находятся на самой низкой ступени и дают работу ничтожному числу крестьян»[69].

Через четверть века земско-статистические исследования доходности крестьянской надельной земли по 27 губерниям показали, что чистая доходность десятины надельной земли составляла в среднем 377 коп., колеблясь по губерниям от 177 коп. до 598 коп. Окладные платежи и повинности в среднем составляли 139 коп. с десятины (36,8% чистой доходности). По отдельным губерниям платежи составляли от 11% до 76% чистой доходности[70]. В среднем по 50 гу-

---

[66] См.: Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. – СПб., 1877. – С. 77-81.

[67] См.: Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. – СПб., 1998.– С. 192–193.

[68] Доклад Высочайше учрежденной 26 мая 1872 г. комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности России. – СПб., 1873. – С. 35-36.

[69] Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. – СПб., 1877. – С. 81.

[70] См.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г.комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледель-

берниям совокупность казенных, мирских и страховых сборов достигала в среднем на одну десятину 149 коп. в 1891-1895 гг. и 161 коп. в 1896-1900 гг.[71]

Самой тяжелой нагрузкой были выкупные платежи крестьян, так как с одной стороны, они изначально не соответствовали стоимости земли, а с другой стороны, возрастали за счет уплаты процентов на ссуду государству[72]. В начале 1870-х годов платежи крестьян за землю составляли 94 млн 681 тыс.111 руб (49% всех сборов с крестьян)[73]. В 1902 г. выкупные платежи составили 90 млн. руб. – более трети тех денег, которые крестьяне получали от экспорта хлеба. «За 25 лет, протекших со времени освобождения, – писал М.М. Ковалевский, – русский крестьянин уплатил в виде податей в несколько раз больше того дохода, который давал ему его надел»[74]. В 1894 г. крестьянские платежи составляли 55,1%, а в 1904 г. – 41,2% всех поступлений в Департамент окладных сборов[75].

Мероприятия крестьянской реформы 1861 г., в целом ухудшили благосостояние крестьян, не соответствовали не только их умеренному утилитаризму, но и логике мифопоэтического сознания, которая требовала одномоментного чуда, исходящего от царя-батюшки. Реформа, поначалу, рассматривалась крестьянами как предпосылка к общему переделу всей земли, прелюдия ко «второй воле». Поэтому по состоянию на 4 января 1863 года 57,9% крестьян уставных грамот не подписали, исходя из того, – как указывал П. Валуев, – «что принятие от помещика земли на 1863 год противно воле царя и что, приступая ныне к обработке полей, они лишатся в будущем году новых милостей»[76].

Результатом реформы 1861 г. стала деформация крестьянских наделов, выразившаяся в резком сокращении их абсолютных размеров (до 20%), их переносах, потере наиболее ценных лесных и луговых участков. На примере Петербургской губернии видно, что для

ческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903. – Ч.III. - С. 208.

[71] Там же. – С. 244.

[72] См.: Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М., 2004. – С. 136.

[73] См.: Доклад Высочайше учрежденной 26 мая 1872 г. комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности России. – СПб., 1873. – С. 35.

[74] Ковалевский М.М. Экономический строй России. – СПб., 1899. – С. 68.

[75] См.: Департамент окладных сборов, 1863–15.IV.1913. – СПб., 1913. – Диаграмма 11.

[76] Цит. по: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 270.

подстоличных крестьян тяжелейшим последствием реформы стала отрезка крестьянской земли, составившая в среднем по губернии около трети от ее дореформенного количества. И, как показал анализ величины платежей, приходившихся на десятину удобной земли до и после реформы, сокращение наделов в губернии заметно опережало процесс сокращения платежей, в результате чего средняя величина платежей, приходившихся на десятину удобной земли, выросла на одну пятую часть. Это приводило к существенному сокращению хозяйственных возможностей крестьян[77].

Исследование Комиссии центра показало, что площадь надельной земли сравнительно с численностью населения уменьшилась весьма существенно. Если в 1860 г. количество десятин надельной земли на 1000 душ обоего пола составляло в среднем по 50 губерниям 2308, то в 1900 г. – уже 1298, то есть уменьшение произошло на 43,7%. Картина выглядит еще более катастрофичней при рассмотрении этого уменьшения по регионам: Северный район – 37,1%, Северо-Восточный – 38,4%, Восточный – 48,2%, Юго-Восточный – 59,1%, Средне-Приволжский – 38,2%, Средне-Земледельческий (Юго-Восточная группа) – 42,7%, Средне-Земледельческий (Северо-Западная группа) – 40,5%, Средне-Промышленный – 33,8%, Прибалтийский – 32,7%, Северо-Западный – 53,3%, Юго-Западный – 50,5%, Малороссийский – 42,5%, Новороссийский – 58,8%[78].

При этом площадь посева на 1000 душ обоего пола сократилась в среднем по 50 губерниям на 33,7%. По регионам: Северный район – 29,5%, Северо-Восточный – 19,8%, Восточный – 40,8%, Юго-Восточный – 21,0%, Средне-Приволжский – 34,9%, Средне-Земледельческий (Юго-Восточная группа) – 46,4%, Средне-Земледельческий (Северо-Западная группа) – 43,7%, Средне-Промышленный – 34,9%, Прибалтийский – 0%, Северо-Западный – 29,1%, Юго-Западный – 29,9%, Малороссийский – 42,3%, Новороссийский – 26,7%[79].

Это отразилось сразу же на нескольких показателях.

---

[77] См.: Кащенко С.Г. Отмена крепостного права в столичной губернии: Из истории государственных реформ в России 2-ой половины XIX века. – 2-е изд. – СПб., 2002. – С. 268–269.

[78] См.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г.комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903. – Ч.III. - С. 267.

[79] См.: Там же.

Несмотря на увеличение сборов зерна с десятины и возможное повышение урожайности (что было поставлено Комиссией центра под сомнение) сбор всех хлебов на 1000 душ обоего пола с надельных земель по 50 губерниям уменьшился на 12,1%. По регионам: Северный район – 6,9%, Северо-Восточный – +23,4%, Восточный – 28,2%, Юго-Восточный – +8,2%, Средне-Приволжский – 22,8%, Средне-Земледельческий (Юго-Восточная группа) – 31,0%, Средне-Земледельческий (Северо-Западная группа) – 37,7%, Средне-Промышленный – 16,4%, Прибалтийский – +4,6%, Северо-Западный – 2,8%, Юго-Западный – +5,1%, Малороссийский – 9,8%, Новороссийский – +37,0%. В целом, сбор всех хлебов и картофеля (при увеличении сбора картофеля на 133,9%) на 1000 душ обоего пола с надельных земель по 50 губерниям уменьшился на 5,6%[80], что свидетельствует об ухудшении качества питания крестьянства в рассмотренный период.

По данным Комиссии центра размеры крестьянских наделов в большинстве регионов Европейской России не соответствовали потребностям сельского населения. При сопоставлении среднего количества собираемых продовольственных полевых продуктов за исключением семян (1 521 505 тыс. пудов) с числом сельского населения в 1900 г. (91 4000 тыс. душ обоего пола) при учете годовой нормы продуктов в 20 пудов получается, что количество продуктов на душу обоего пола составляла только 16,6 пудов, то есть на 17,0% меньше указанной нормы. По регионам уменьшение было следующим: Северный район – 51,5%, Северо-Восточный – 20,5%, Средне-Приволжский – 21,0%, Средне-Земледельческий (Юго-Восточная группа) – 11,5%, Средне-Земледельческий (Северо-Западная группа) – 40,0%, Средне-Промышленный – 46,0%, Прибалтийский – 22,5%, Северо-Западный – 38,0%, Юго-Западный – 31,5%, Малороссийский – 32,5%. Только в трех районах отмечалось превышение нормы: Новороссийском – 89,0%, в Восточном – на 26,5%, в Юго-Восточном – на 22,5%[81].

Несмотря на абсолютное увеличение количества крестьянского скота на 9,5% с 1870 г. по 1900 г., его количество на крестьянский двор уменьшилось на 30,8% (с 9 тыс. 329 голов на 1000 дес. до 6 тыс. 474 голов) и на человека – на 29,5%. «Вследствие этого населению приходится значительно менее прежнего удобрять свою землю, что,

[80] См.: Там же. – С. 268.
[81] См.: Там же. – С. 164-165.

конечно, должно неблагоприятно отражаться на урожайности земли…»[82]. С 1870 г. число лошадей абсолютно увеличилось почти на всех окраинах Европейской России и уменьшилось в центральных районах: Средне-Приволжском (на 7,7%), Средне-Земледельческом (на 14,8%), Средне-Промышленном (на 2,1%) и Прибалтийском (на 9,4%). Первое место по относительному (на 1000 дворов) уменьшению числа лошадей принадлежало 9 губерниям Средне-Земледельческого района – на 43,8%. В Северном районе уменьшение составило 26,9%, в Малороссийском районе – 6,2%. Зато в Новороссии рост составил 40,3%[83]. Процент безлошадных дворов в 1882 г. составил 26,9%, в 1888-1891 гг. – 27,8%, в 1893-1896 гг. – 32,2%, в 1899-1901 гг. – 28,6%[84]. Параллельно с этим почти повсеместно без учета Новороссии и Малороссии (за исключением Юго-Восточного района) увеличивалось число однолошадных дворов и происходило уменьшение сильных дворов, располагавших 2, 3 и более лошадьми. Причем увеличение однолошадных дворов было прямо пропорционально процессу уменьшения числа дворов с 2 лошадьми[85].

Теоретически экономическое положение крестьянства могли улучшить покупка ими земли при содействии Крестьянского поземельного банка, аренда крестьянами вненадельных земель и сдача ими в аренду надельных. Однако больших выгод от этого крестьянство не имело.

Так, с 1883 г. по 1900 г. в 44 губерниях крестьянство приобрело при посредстве Крестьянского поземельного банка 4 млн 399 тыс. 500 десятин, что составило всего 3,9% от всей надельной земли, между тем как рост сельского мужского населения за это время составил 37%. При этом «покупная цена земли, приобретаемой при содействии Крестьянского Банка» во многих местностях «держались выше среднего уровня»[86].

В 1900 г. площадь арендуемой крестьянами земли (19.507.300 дес.) составляла в среднем для 50 губерний 17,4% по отношению к

---

[82] Там же. – С. 212.

[83] См.: Там же. – С. 211-214.

[84] См.: Там же. Ч.I. – С. 211; Исследование экономического положения Центрально-Черноземных губерний. Труды особого совещания 1899-1901 г.. Составил А.Д. Поленов. – М., 1901. – Таблица, составленная по данным конской переписи, по 48-ии губерниям.

[85] См.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г.комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903. – Ч.I. – С. 211.

[86] Там же. – Ч.III. – С.174-175.

крестьянской надельной земле при региональных колебаниях от 3,9% в Северо-Восточном районе до 24% в Средне-Земледельческом районе и до 67,7% в Юго-Восточном районе; 9,5% от общего количества удобной вненадельной земли и 19% одной частновладельческой земли. Средняя арендная плата за сдаваемые крестьянами надельные земли (3,5 руб. за одну десятину) была почти в 2 раза ниже платы за аренду вненадельной земли (6,4 руб.). В пределах 50 губерний преобладала денежная аренда (5 916,060 тыс. дес.), в общем оплачиваемая менее, чем аренда за отработки, из доли урожая, в смешанной и неопределенной форме (846 950 дес.). Арендная плата в 1900 г. по всем губерниям, кроме Уфимской и Оренбургской, превышала лежащие на надельных землях казенные, земские, мирские и страховые сборы в среднем на 53%. По регионам: в Малороссии денежные сборы с десятины составляли 1/5 подесятинной арендной платы, в Северном, Юго-Восточном, Юго-Западном – ¼, в Средне-Земледельческом, Средне-Промышленном, Северо-Западном, Новороссийском, Средне-Приволжском Прибалтийском от ¼ до 2/5[87]. Таким образом, по данным официальной правительственной комиссии сложилась такая ситуация, при которой в большинстве местностей Европейской России «валовой сбор хлебов, за покрытием семенных, продовольственных и кормовых потребностей, погашает плату за арендуемые земли, но не дает сколь-нибудь заметного избытка» и недостаточен «даже для собственного продовольствия крестьян»[88].

Все это приводило, как мы отмечали ранее, к поиску других источников дохода и в первую очередь в местных и отхожих промыслах.

По данным Комиссии центра в 1900 г. в 50 губерниях Европейской России местными и сторонними промыслами, «частью не порывая связи с землею, частью совершенно покинув ее и уйдя на фабрику или иной заработок», занимались14,2 млн чел. обоего пола или 32% от всего крестьянского населения рабочего возраста. По регионам: Северный район – 8,6% от всего числа рабочих, занятых промыслами, Северо-Восточный – 8,8%, Средне-Приволжский – 6,5%, Средне-Земледельческий – 21,3%, Средне-Промышленный – 19,4%, Прибалтийский – 1,7%, Северо-Западный – 8,0%, Юго-Западный – 5,2%, Малороссийский – 4,4%, Юго-Восточный – 2,6%, Новороссийский – 6,9%, Восточный – 6,6%. Из числа лиц, занимающихся промыслами,

[87] См.: Там же. – С. 175-194.
[88] Там же. – С. 272-273.

27% работали на отхожих промыслах, а 73% – на местных. Из отдельных видов местных промыслов первое место по числу рабочих принадлежало кустарным, ремесленным, лесным промыслам (32%), на земледельческих заработках находилось 27% рабочих. Фабрично-заводскими работами занимались 14% рабочего населения. Доходность всех видов промысловых заработков составляла 1 083.086.000 руб.: доход от отхожих промыслов – 202.345.000 руб. (18,6%) или 53 руб. на одного рабочего в год; доход от местных промыслов – 880.741.000 руб. (81,4%) или 85 руб. на одного рабочего в год[89].

Из местных промыслов земледельческим занимались 36,3% рабочих с заработком в 39,2% от всего заработанного на местных промыслах, фабрично-заводским – 19,2% с заработком в 37,7%, кустарным, ремесленным и пр. – 44,5% с заработком в 23,1%. «Таким образом, если годовой заработок рабочего земледельца принять за единицу, то заработок фабричного окажется равным двум, а кустаря и ремесленника – менее половины»[90].

При среднем годовом заработке одного человека в 76 руб. наблюдались колебания этой нормы по регионам: Северный район – 85 руб., Средне-Промышленный – 87 руб., Прибалтийский – 143 руб., Северо-Западный – 94 руб., Юго-Западный – 94 руб, Юго-Восточный – 116 руб., Новороссийский – 136 руб.; во всех остальных районах заработок был ниже среднего, а наиболее низкий в Восточном районе – 51 руб. Средне-Приволжском – 53 руб., Средне-Земледельческом (Северо-Западной группе) – 54 руб. Следовательно, наиболее низкие заработки были в земледельческих районах, несколько повышаясь в промышленных и сильно возрастая к северу и югу. Из общего числа всех рабочих, занятых отхожими и местными промыслами, 44% работали в районах, где заработок превышал среднюю норму (57% заработка). Поэтому можно констатировать, что более половины рабочих на промыслах имели крайне незначительный доход от своей деятельности[91]. Кроме того, разница между самым низким заработком и самым высоким в межрегиональном аспекте составила 180% (в 2,8 раза).

Наиболее тяжелая ситуация возникла в хозяйствах крестьян Средне-Земледельческого и Восточного районов. Именно здесь в 1890 годах начался очень большой рост недоимок по окладным сбо-

[89] См.: Там же. – С.216-220.
[90] Там же. – С. 220.
[91] См.: Там же. – С. 220-222.

рам: в Средне-Земледельческом (Центрально-Черноземном) в 1891-1895 гг. он составил 122% к окладу, в 1896 г. – 127%, в 1897 г. – 161%, в 1898 г. – 177%; в Восточном в 1891-1895 гг. он составил 236% к окладу, в 1896 г. – 201%, в 1897 г. – 190%, в 1898 г. – 232%. Во всех других районах недоимки составляли от 7% до 86% к окладу[92]. Кроме того, государственных расходов на 1 жителя в этих регионах приходилось меньше всего в Империи: в Средне-Земледельческом районе 40 коп., а в Восточном – 49 коп. При этом государственные доходы с губерний Средне-Земледельческого района превышали государственные расходы на эти территории в 2,5 раза, уступая по нагрузке только Прибалтийскому району (в 2,6 раза)[93].

Анализируя сложившуюся ситуацию, Особое совещание предположило: «очевидно, что постоянный рост недоимок, на который не действовали ни лучшие урожаи, ни двукратное понижение окладов, нельзя объяснить временными причинами; очевидно, что самый хозяйственный организм постепенно истощался и оказался не в силах противодействовать бедствию 1891-1892 годов»[94]. «Исходя из этого положения, Совещание обратилось к исследованию изменений, которые могли произойти в главной основе всего экономического строя жизни крестьянского населения этой местности – в размере землепользования и в главнейших результатах земледелия»[95].

Итак, если в среднем на каждого едока по 50 губерниям Европейской России в 1891-1895 гг. было высеяно 65% от уровня 1861-1865 гг., то в Средне-Земледельческом районе – 56%. Если в среднем на каждого едока по 50 губерниям Европейской России в 1891-1895 гг. было собрано 88% от уровня 1861-1865 гг., то в Средне-Земледельческом районе – 63%. «Эта убыль в продуктах питания, – читаем мы в Трудах особого совещания, – не пополнена избытком потребления мяса, овощей и т.п., а составляет действительную убыль, которая была разложена между населением в виде сокращенного питания и между хозяйственным скотом частью тоже ухудшением его корма (замена хлебного корма соломой), частью же просто распродажей скота»[96]. Данные военно-конских переписей показывают, что с

[92] См.: Исследование экономического положения Центрально-Черноземных губерний. Труды особого совещания 1899-1901 г.. Составил А.Д. Поленов. – М., 1901. – С. 6.
[93] См.: Там же. – С. 42.
[94] Там же. – С. 8.
[95] Там же. – С. 9.
[96] Там же. – С. 12.

1888-1891 гг. по 1893 г. убыль лошадей в Средне-Земледельческом районе составила 931,1 тыс. голов, в Восточном районе - 462,3 тыс., тогда как в Прибалтийском и Северо-Западном – всего по 700 голов, Юго-Западном – 70 тыс. голов, Малороссийском – 56,6 тыс. голов[97].

Сокращение относительного и частично абсолютного сельскохозяйственного производства в Средне-Земледельческом районе (а также в Восточном и Малороссийском) сразу же отразилось и на других показателях. Например, «в первые четыре года действия крестьянского банка приобретение земли крестьянами очень быстро увеличивается, но, начиная с 1888 года, останавливается и идет умеренно до 1897 года, когда опять происходит значительный подъем, замечаемый в Восточных губерниях, и более слабый в Малороссийских.

Отчеты крестьянского банка объясняют приостановку покупок земель крестьянами во второй половине 80-х годов главным образом падением хлебных цен, уменьшившим для крестьян выгодность покупки; усилившееся же вновь движение в последние годы – льготами, предоставляемыми банком, повышением размера ссуды, а главным образом понижением срочных платежей»[98].

Говоря о движении цен на хлеб, следует подчеркнуть, что самые низкие цены имели место именно в тех районах, в которых производство хлеба превышало местное потребление – в среднеземледельческой полосе, на востоке, юге и юго-западе Европейской России. За пятилетие 1896-1900 гг. при средней цене ржи в 59 коп. за пуд, овса в 57 коп., пшеницы в 82 коп. ситуация по регионам с ценами на эти хлеба была соответственно следующая: в Восточном районе – 39,42,64, в Северо-Восточном, Средне-Приволжском, Юго-Восточной группе Средне-Земледельческого района, в Малороссийском – 46-49,43-48,70-76, в Северо-Западной группе Средне-Земледельческого района – 51,52,79. В районах же потребления: в Северном районе – 76,70,95, в Прибалтийском – 74,72,94, в Средне-Промышленном – 64,59,87, в Северо-Западном – 65,62,83[99].

Итак, мы видим, что для крестьянства производящих районов складывалась очень неблагоприятная ситуация с ценами на основные хлеба, усугубляя их непростое хозяйственное положение.

---

[97] См.: Там же. – С. 17.

[98] Там же. – С. 14.

[99] См.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г.комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903. – Ч.III. - С. 202-203.

В ходе выкупной операции крестьяне выкупали не только землю по ценам на 25% выше рыночных (в 1861 г. крестьянские надельные земли по рыночной оценке стоили 647,8 млн. руб., а выкупная оценка составила 866,6 млн. руб.), но и свою свободу. Это доказывается тем фактом, что в более выигрышном положении, вопреки всем ожиданиям, оказались крестьяне-дарственники (9% от всех крепостных), решившиеся на рискованный шаг – освободиться сразу от крепостного права и его пережитков ценою потери 3/4 надела. Каждая десятина земли, которую они покупали, обошлась им дешевле по сравнению с выкупаемой землей. Даже те из дарственников, которые не купили землю, в первое пореформенное десятилетие имели также более благоприятные условия хозяйственной деятельности ввиду низких на тот период арендных цен[100].

Господствующим у российских крестьян являлся общинный уклад, который в основе имел две формы крестьянской собственности на землю: «общинное владение» и «подворное владение». Последняя форма собственности «представляет собой лишь некое извращение первой»[101], так как, во-первых, документация на собственность выписывалась сначала не дворам, а общинам. В них указывалось только, сколько земли получает данный двор без указания местонахождения этой земли и ее границ, следовательно, в правовом смысле крестьяне при подворном владении оставались единым целым[102]. Во-вторых, временная или постоянная утрата земельно-распорядительной функции не означала в условиях чересполосицы отсутствия других функций общины, а именно – регулирования сроков сельскохозяйственных работ, использования угодий общего пользования, решения социальных, административных и фискальных задач[103].

Из вышесказанного следует, что общинный уклад развивался в двух основных формах: передельной и подворной и одной переходной – беспередельной. Всего в 46 губерниях Европейской России, за исключением казачьих земель, в «общинном владении» 135315 общин или 8680796 дворов (передельных и беспередельных) в 1905 г. находилось 91220973 десятин надельной земли. Подворное крестьян-

---

[100] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 410; Ковалевский М.М. Указ. соч. – С. 43–44.

[101] См.: Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. – М., 1995. – С. 205.

[102] См.: Там же. Свод данных по 50 губерниям

[103] См.: Зырянов П.Н. Поземельные отношения в русской крестьянской общине во второй половине XIX – начале XX века // Собственность на землю в России: История и современность. – М., 2002. – С. 155–156.

ское землевладение имело следующие показатели: 31858 общин, 2755059 дворов, 20446189 десятин[104].

Хотя подворное землевладение позволяло крестьянину более свободно распоряжаться своим клочком земли, и тем самым, более отвечало требованиям капиталистического рынка, но при этом осложняло ведение хозяйства. «Подворная» деревня в отличие от «общинной» не имела возможностей хоть как-то, хоть на время смягчить неудобства чересполосицы, мелкополосицы и дальноземья. Поземельные отношения здесь отличались еще большей запутанностью, чем в «общинной». Переход от традиционного трехполья к более совершенным севооборотам для «подворной» деревни был даже более труден, чем для «общинной».

Принципиальным моментом является правовой статус общинного уклада. Он состоит в том, что ни общинное, ни подворное владение не являлись частной собственностью. Право каждого крестьянина на получение надела не представляло собой субъективного права в гражданско-юридическом смысле, так как важная отличительная черта такого права состоит в том, что обладающий им человек может от него отказаться, не нуждаясь для этого ни в каких полномочиях от кого бы то ни было и не будучи обязанным в этом перед кем-либо отчитываться. Перед нами же право общественно-правового характера, ибо оно существовало только в той мере, в какой крестьянин оставался членом двора. Нельзя было отказаться от права на землю, отказаться можно было только от практического им пользования. У крестьян отсутствовало право на наследство – некому было завещать, некому было и наследовать, так как домохозяин не был хозяином двора и его имущества. Он был главой семьи, а тем самым руководителем того сельскохозяйственного предприятия, которое представлял собой двор. Таким образом, как двор, так и община являлись лишь субъектами надела, то есть такими единицами, которым выдается в пользование земля из фонда, предназначенного к обеспечению существования крестьянства, но не самих по себе, а в интересах государства.

Поэтому государство считало, что, обеспечив крестьян землею, оно имеет естественное право требовать того, чтобы они ее сохраняли, оставались на ней и обрабатывали ее. Из этого неизбежно вытекало, что главы семейств и сельские общества получали узаконенные

[104] См.: Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. – СПб, 1907. – С. 174–175.

государством патриархально-полицейские права по отношению к членам семей и общин, даже если они временно находились в отлучке. В арсенале полицейских мер, которые назначал волостной суд исходя из норм обычного права, были телесные наказания, запрещение заниматься отходничеством, возвращение в общину, ссылка в Сибирь и т.д.[105].

Потеряв в ходе реформы около 20% земли, крестьяне уплатили казне за оставшиеся наделы в виде выкупных платежей 1,5 млрд. рублей, из которых помещики теоретически могли получить по выкупным свидетельствам не менее 1 млрд. руб.[106]. А ведь кроме выкупных платежей были и другие налоги: прямые (6% дохода крестьянского хозяйства)[107] и косвенные. При введении в 1875 году поземельного налога в 52 губерниях Европейской России власть установила несправедливую норму его уплаты. Подесятинный оклад на земли сельских обществ составлял 3,84 коп., на частновладельческие – 3,23 коп., на удельные – 1,41 коп.[108].

В 1903 г. по 50 губерниям с крестьянских земель (120 млн. дес.) должно было поступить 199 млн. руб., а с частновладельческих (102 млн. дес.) – 23 млн. руб., то есть в 7 раз меньше. При этом казенных сборов крестьяне должны были уплатить 93 млн. руб. (88 млн. руб. – выкупные платежи), а частные владельцы – 2,5 млн. руб., то есть в 40 раз меньше[109]. Косвенные налоги крестьян Европейской России составляли в 1901 г. 51,6% общей суммы прямых и косвенных налогов, а в 1912 г. – 69,3%[110]. С отменой подушной подати и выкупных платежей в структуре крестьянских налогов в окладных сборах увеличилась доля земских (36,7%) и мирских (35,2%) налогов при 9,4%, приходящихся на казенный поземельный налог[111].

Податная политика Российского государства создавала огромное давление на крестьян, заставляя их продавать не только излишки хле-

---

[105] См.: Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. – М., 1995. – С. 206-207.
[106] См.: Рязанов В.Т. Указ. соч. – С. 40.
[107] См.: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв.). Новые подсчеты и оценки. – М., 2003. – С. 35.
[108] См.: Департамент окладных сборов, 1863–15.IV.1913. – СПб., 1913. – С. 87–88.
[109] См.: Лосицкий А.Е. Выкупная операция. – СПб., 1907. – С. 7.
[110] См.: Анфимов А.М. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в., 1901–1912 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. – Минск, 1964. – С. 502.
[111] См.: Свод сведений о поступлении и взимании казенных, земских и общественных окладных сборов за 1910–1912 гг. По отчетам податных инспекторов составлен Статистическим отделом. – Пг., 1915. – С. II.

ба и другой сельскохозяйственной продукции, но и значительную часть того, что было необходимо для того, чтобы осенью заплатить подати (весной им приходилось покупать его уже дороже)[112]. Этот факт констатировала и Комиссия центра, указывая, что «в земледельческих местностях широко распространены случаи, когда население, продавая осенью хлеб по дешевой цене, весною приобретает часть того же хлеба по дорогой»[113]. Как писал М.М. Ковалевский, «русский крестьянин слишком беден, чтобы откладывать на несколько месяцев продажу своего хлеба. Вынужденный как можно скорее добыть деньги, чтобы уплатить требуемые с него подати, он уступает урожай за любую цену и не позже осени»[114]. Кроме того, «население, продавая хлеб в год большого урожая по чрезвычайно низкой цене, в неурожайный год вынуждено приобретать его по непомерно высокой цене с тем, чтобы в следующий урожайный год платить 6 ½ пудами за пуд. При таком положении вещей население земледельческих местностей, очевидно, не может справиться с продовольственными долгами без предоставления ему чрезвычайных льгот»[115].

«Итак, необходимость вынужденных и избыточных продаж, – делал вывод П.И. Лященко, – хотя бы ценою собственного голодания, продаж вопреки всяким рациональным хозяйственным расчетами только ради доставления торговой прибыли торговому капиталу, хлебному скупщику – вот что характеризует отношение русского земледельческого крестьянского производства к рынку»[116]. В итоге торговля хлебом превратилась в его залог под проценты, то есть приобрела квазикапиталистическую форму, что порождало мощное накопление ненависти к росту товарно-денежных отношений. К этому добавлялось то, что подати выбивались из крестьян драконовскими мерами. «Когда кулачные аргументы не действуют, – писал в 1883 г. корреспондент «Русских ведомостей», – неисправного плательщика отправляют в волость и сажают в кутузку... Когда же и после всего

---

[112] См.: Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. – Л., 1925. – Т. 1. – С. 216.

[113] Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г.комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903. – Ч.III. – С. 272.

[114] Ковалевский М.М. Указ. соч. – С. 54.

[115] Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г.комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903. – Ч.III. – С. 272.

[116] Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. – Л., 1925. – Т. 1. – С. 236.

этого битья, голода и холода в холодной, и иных прелестей, подать все-таки неуплачена, тогда начальство отправляется по хатам несправных крестьян и захватывает у них всякую вещь, представляющую собой хоть какую-нибудь ценность»[117]. Согласно отчетам податных инспекторов Таврической губернии конца XIX в., каждый год около 600–700 крестьянских хозяйств продавались за неуплату налогов с торгов. Кроме того, волостными правлениями в союзе с кулаками и подрядчиками использовалась такая форма эксплуатации как насильственное отправка крестьян, имевших недоимки, на местные и отхожие промыслы на кабально-ростовщических условиях[118].

Насильственная товаризация крестьянских хозяйств имела давние традиции и применялась властями еще с XVIII в.[119]. Однако в пореформенное время в условиях отмены частновладельческого крепостничества и развития капиталистических отношений ее последствия становились еще более тяжелыми для крестьян и приобретали не только государственно-капиталистический, но и квазикапиталистический характер. Появление такого качества во многом было связано с проведением железных дорог. Именно благодаря им крестьянский хлеб, не имевший до этого сбыта, хлынул из центральных районов, став тем самым предметом хлебного экспорта, и полноценно вышел на мировой капиталистический рынок[120].

Итак, насильственная товаризация, с одной стороны, позволила с начала 1860-х годов до конца столетия увеличить вывоз зерна более чем в 5 раз, когда на долю сельскохозяйственной продукции уже приходилось до 80% стоимости российского экспорта. Однако, с другой стороны, увеличение товарности крестьянских хозяйств в традиционных земледельческих районах осуществлялось не за счет роста их производительности, а за счет сокращения потребления. Так, ежегодные чистые остатки хлеба на душу уменьшились с 20,6 пудов в 1860–1870-х годах до 15,7 пудов в 1888–1898 гг. Кроме того, насильственная товаризация привела к невозможности вместить на внутреннем рынке все количество предлагаемого осенью на продажу зерна, а,

---

[117] Цит. по.: Красникова О.Н. Финансы и кредит в сельском хозяйстве Украины эпохи свободного предпринимательства (1861–1917 гг.) // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. – М., 2001. – С. 400.

[118] См.: Гвоздев Р. Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение. – СПб., 1898. – С. 102-104.

[119] См.: Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен (тома III и IV) // Покровский М.Н. Избранные произведения. – М., 1965. – Кн. 2. – С. 109.

[120] См.: Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. – Л., 1925. – Т. 1. – С. 157–158.

следовательно, к тому, что местные цены в производительных районах устанавливались в значительной мере не как равнодействующая спроса и предложения, а в зависимости от избыточного предложения, что свидетельствует о деформации русского хлебного рынка[121].

Парадоксальность ситуации состояла в том, что при колоссальном предложении «осеннего» хлеба российский хлебный рынок оставался неразвитым, так как товарно-торговое производство зерна в 1905 г. (1,002 млн. пуд.) затронуло только половину всего произведенного хлеба (2,110 млн. пуд.)[122].

Большие доходы от сельскохозяйственного экспорта способствовали росту современных секторов экономики. Но для крестьянства такая экономическая политика правительства была разорительной, делала его все более зависимым от власти денег, заставляя включаться в приносящие денежный доход несельскохозяйственные занятия и тем самым обеспечивать промышленность, строительство и сферу городских услуг дешевой рабочей силой. От ее эксплуатации казна и предприниматели получили огромные доходы.

Государство заставляло крестьян увеличивать производство для рынка не только для того, чтобы изымать их прибавочный продукт через налоги или низкую зарплату, но также исходя из стремления создать рынок для промышленности, которая задыхалась без сельского покупателя[123].

Крестьянство объективно не могло интенсифицировать свои хозяйства ввиду дороговизны земельного кредита. «Услуги, оказываемые... банками, – писал М.М. Ковалевский, – оплачиваются очень дорого: 10 и 12%; заем должен быть возвращен через 9–12 месяцев... Большинство наших крестьян не имеет другого выхода из денежных затруднений помимо сельского ростовщика, которому приходится платить натурой... почти 30% данной им ссуды»[124].

В первые пореформенные годы в наиболее трудном положении оказались крестьяне нечерноземных губерний, чья земля была обложена выкупными платежами выше ее доходности. В таких условиях крестьянин при всяком удобном случае старался сбросить с себя лишние наделы. Это подталкивало переделы, прежде всего частные, а вслед за ними и общие. В большинстве случаев решающей силой в

[121] См.: Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. – Л., 1925. – Т. 1. – С. 235.
[122] См.: Там же. – С. 250.
[123] См.: Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. – М., 1998. – С. 37.
[124] См.: Ковалевский М.М. Указ. соч. – С. 50.

мирских делах было среднее крестьянство, которое, с одной стороны, отсекало беднейшую часть и тех отходников, которые «загостились» в городе, а, с другой стороны, сдерживало использование наемного труда и аренды на надельных землях. Однако кое-где мирские порядки устанавливались уже под диктовку зажиточной части деревни. Следовательно, в Нечерноземной полосе, где гнет выкупных платежей усилил среди крестьян уравнительные тенденции, стала давать о себе знать экономическая необходимость дать землю в первую очередь тем, кто ее в состоянии эффективно использовать[125].

Несколько иначе происходила эволюция пореформенной общины в черноземных губерниях российского центра. Как ни высоки были здесь выкупные платежи, эксплуатация надела по началу давала все же некоторый доход. Поэтому до середины 1880-х годов коренные переделы в Черноземной полосе были большой редкостью, так как крестьяне не спешили сбросить с себя лишние полосы. Долговременное отсутствие переделов приводило к появлению зачатков наследственного и завещательного права. А в некоторых уездах Курской и Тамбовской губерний началась продажа наделов, иногда совершенно посторонним общине лицам. Однако в 80-е годах XIX в. аграрное перенаселение стало чувствоваться острее, так как оттока рабочих рук в город почти не было. Например, если в 1860 г. курские крестьяне владели по 3,1 десятины на душу, то уже в 1900 – по 1,7; черниговские – 3,9 и 2,0[126].

В это же время мировой сельскохозяйственный кризис привел к падению цен на хлеб. Помещики поспешили переложить убытки на крестьян, подняв арендные цены. Многие арендаторы вернулись на надел и потребовали передела. На этом же настаивала крестьянская молодежь и беднейшее крестьянство, теснившееся на нищенских наделах. С начала 1880-х годов, в течение 5–6 лет у государственных крестьян Черноземья переделы совершались подобно цепной реакции, а в 1890-е годы начались переделы и у бывших помещичьих крестьян. В итоге к 1900 г. в Саратовской губернии, например, осталось всего 16% беспередельных общин. Примерно такая же ситуация сложилась и в других черноземных губерниях. Новым явлением в жизни «черноземной» общины стало распределение «по едокам», то есть вытеснение ревизской разверстки рабочей и наличной. В этой форме происходила замена производственного принципа на потребитель-

[125] См.: Зырянов П.Н. Указ. соч. – С. 160–162.
[126] См.: Там же. – С. 163.

ский, что было свидетельством затруднений общины, зажатой в тисках малоземелья, а также того, что ведущую роль здесь продолжало играть среднее и беднейшее крестьянство. Однако и в этих условиях встречались общины, где под влиянием социального расслоения земля распределялась в угоду богатым крестьянам – по ревизской раскладке[127].

Жесткие экономические условия вызвали весьма неоднозначную реакцию крестьянства. Оно стало искать выход из сложившейся ситуации сразу в двух противоположных направлениях: на пути развития утилитаризма, частной инициативы, предприимчивости и через архаизацию социальных отношений.

Первый путь означал, с одной стороны, интенсификацию крестьянского хозяйства, с другой – поиск заработков на стороне – в торговле, ростовщичестве, кустарной и фабричной промышленности, отхожих промыслах. К 1900 г. число крестьян, занимавшихся неземледельческими промыслами по месту жительства, достигало 6,6 млн., а число лиц, занимавшихся отхожими промыслами, то есть уходивших из своей деревни на заработки далее чем на 30 км – 3,8 млн., то есть в 4,7 раза больше, чем в 1857–1859 гг. В целом в 50 губерниях Европейской России накануне отмены крепостного права, в 1857–1859 гг. в среднем в год покупалось 1241,7 тыс. паспортов, в 1906–1910 гг. – 9,4 млн., то есть в отходничестве было занято, соответственно, около 2,1% и 8,4% от всего сельского населения[128].

Благодаря втягиванию крестьян в рыночные отношения, развитию связей с городом и промышленностью социальная структура деревни мало-помалу трансформировалась: появились богатые крестьяне, стали развиваться индивидуализм, стремление выйти из под власти старших, появились заработки, которыми крестьяне не хотели ни с кем делиться. Объективные социально-экономические и правовые условия способствовали постепенному преобразованию общины в общественную корпорацию[129], в которой доминирующую роль должны были играть социальные отношения, основанные на рациональном обмене услугами и вещами, на осознании каждым участником этих отношений полезности и ценности каждого для другого[130].

---

[127] См.: Там же. – С. 169.

[128] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 466.

[129] См.: Краснова В.Б. Крестьянское общественное управление в России в 60–80-е гг. XIX вв.: (по материалам Центрально-промышленного района): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 1989.

[130] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 423.

Исследование показало, что в целом крестьянство ответило на ухудшение условий не переходом к новому типу общественных отношений, а консервацией патриархального жизнеустройства, что проявилось в укреплении сельской общины и, главным образом, ее передельной функции. Этот процесс протекал неоднозначно, по-разному в черноземных и нечерноземных районах страны. Каждый шаг во многом насильственной товаризации и развития утилитаризма не ослаблял, а усиливал эту тенденцию, приводя в конечном итоге к расколу народной почвы, который разделил крестьянство на две враждебные группы: умеренного и развитого утилитаризма. Последняя группа составляла меньшинство, пытавшееся освободиться от власти общины и больше ориентироваться на инициативу и рынок. Однако деревенская жизнь в большинстве случаев находилась под контролем крестьян-середняков, защищавших уравнительные начала. Уже в 70–80-х годах XIX в. этот лагерь начал наступление на заимки и хутора, а затем укрепил, а кое-где восстановил передельные функции общины[131].

Таким образом, в самый разгар индустриализации в деревне происходил процесс укрепления общины и уравнительных ценностей, хоть и в обрамлении развившихся к тому времени утилитаризма, предприимчивости, рационализма.

В результате торможения процессов буржуазного расслоения главным социальным персонажем на селе стала фигура крестьянина-середняка, ведущего семейно-трудовое хозяйство, ориентирующегося на уравнительность и общину, но вынужденного приспосабливаться к вызову государственно-капиталистической политики царизма и квазикапиталистической эксплуатации.

Социальное и психологическое господство середняка, отсутствие в деревне полноценного класса аграрной буржуазии косвенно подтверждается революционными событиями 1905–1907 гг. В течение этих трех лет «именно крестьяне-середняки, имевшие небольшие хозяйства, работавшие на своих собственных землях, но обладавшие различным количеством земли, инвентаря и возможностями получения дохода, – именно они составляли маршевую армию жакерии. Они также выдвинули из своих рядов большую часть вожаков восста-

[131] См.: Кауфман А.А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. – М., 1907. – С. 35.

ний…»[132]. Батраки и беднейшие крестьяне, за исключение крупных хозяйств Латвии, не играли заметной роли в этих конфронтациях. А вот богатые крестьяне лишь в исключительных случаях не участвовали в жакерии или противостояли ей[133]. Очень часто представители этой категории сами руководили выступлениями, получая от этого наибольшую выгоду. Они же во многих случаях поддерживали своих беднейших соседей, раздавая продовольствие во время сельских забастовок. Богатые землевладельцы – крестьяне, в том числе и те из них, кто использовал наемный труд, редко подвергались нападениям. Из всех таких случаев только 1,4% от общего числа были направлены против богатых крестьян, при 75,4% направленных против помещиков, 14,5% – против армии и полиции[134].

Очень важно отметить, что всеми массовыми формами русской жакерии в 1905–1907 гг. в большинстве случаев руководили общинные сходы, которые принимали решения о начале «сражения» (часто сопровождая это взаимной клятвой), формировали его цели, наблюдали за его ходом, выдвигали кадры борцов за общее дело.

Таким образом, взгляд на социальную структуру российской деревни и политическое поведение крестьянства показывает, что ни материально, ни психологически субстрат сельскохозяйственной буржуазии и сельского пролетариата в России еще не сформировался. Тяжело говорить о российском крестьянстве того периода и как о мелкобуржуазном классе, ибо характер большинства крестьянских хозяйств оставался семейно-трудовым и потребительским, а крестьянство в основном было настроено не только антифеодально, но и антикапиталистически. Оно также не испытывало большой внутренней потребности к включению в рыночную экономику, поддерживая общинные отношения. Крестьяне вели свою борьбу не ради будущего, а ради сохранения статус-кво, привычных для них условий жизни[135].

Столыпинская аграрная реформа кардинально не изменила сложившуюся ситуацию. Крестьянство оставалось мало дифференциро-

---

[132] Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. – М., 1997. – С. 151.

[133] См.: Живолуп Е.К. Крестьянское движение в Харьковской губернии в 1905–1907 годах. – Харьков, 1956. – С. 106–107.

[134] См.: Дубровский С. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. – М., 1956. – С. 63.

[135] См.: Земцов Б.Н. Ментальность масс в канун «великих потрясений» // Свободная мысль. – 1997. – № 11. – С. 82

ванной в социальном и политическом отношении сословной массой[136]. Начавшееся социальное расслоение было сведено на нет тем, что, во-первых, из сельского общества выбыли многие крестьяне, укрепившие за собой наделы, а затем продавшие их. А.Ю. Финн-Енотаевский по этому поводу писал: «В некоторых губерниях процент продающих укрепленную землю достигал 24–28%. Можно смело сказать, что около 20% укрепляющих свои наделы продают их… по дешевой цене»[137]. Из 2478,2 тыс. домохозяев, укрепивших землю в собственность, продали свои наделы 914,5 тыс., или 36,9% дворов, а из 15919 тыс. дес. укрепленной земли было продано 3440 тыс. дес., или 21,6%. На долю малоземельных крестьян приходилось 80% продавцов[138]. Эти данные показывают, что община не разрушалась, а лишь «несколько разгружалась от избыточных рабочих рук и освобождалась от тех своих членов, которые перестали быть крестьянами»[139]. Во-вторых, вскоре произошло «возвращение» крестьянства в общину и к 1927 году 91,1% земель, находившихся в пользовании крестьян, были общинными[140].

По мере углубления квазикапиталистической эксплуатации и нарастания аграрного перенаселения вопрос о земле для крестьянства приобретал ключевое значение. Причем «черный предел» становился в глазах крестьянства не только средством достижения относительного достатка, но и символом воплощения мифической крестьянской Правды. И затягивание решение этого вопроса делало крестьян все более не восприимчивыми к любым мероприятиям государственной власти, живущей, на их взгляд, не по Божьим законам.

Заводской крестьянин, судившийся в 1880 г. за упорное нежелание платить подать, сказал, что «Бог дал всем землю без всяких пошлин и налогов, и это божественное установление соблюдалось до 1861 года, до которого заводские крестьяне пользовались всеми заводскими землями, лесами, покосам и другими угодьями, не неся за них повинностей. Положение 19 февраля 1861 года нарушило этот божий закон, введя уставные грамоты, выкупные платежи, размежевание и урезку земель, но нарушитель этого закона есть антихрист, ибо идет

---

[136] См.: The Political of Rural Russia. 1905–1914. // Ed. By L. Haimson. – Bloomington–London, 1979. – P. 290–291.
[137] Финн-Енотаевский А. Указ. соч. – С. 467.
[138] См.: Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. – М., 1963. – С. 361.
[139] Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России 1907–1914 гг. – М., 1992. – С. 122.
[140] См.: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 32.

против установления Христа. Следовательно, с 1861 года власть стала антихристовой, император является антихристом, все чиновники и военные, «одевшие светлые пуговицы», – слуги антихриста; поэтому «сыны божии» не должны платить ей никаких податей и повинностей, не должны брать паспорта и отбывать воинскую повинность»[141].

Итак, царь отказывался решать судьбоносный для крестьян вопрос о земле, чем нарушал Божий закон. Но еще более страшное зло крестьяне увидели в том, что царь отказался исполнять свою главную обязанность – он перестал всех равнять. И тогда наступил конец мистической тайны. В результате ее разоблачения крестьяне в массе своей осознали, что царь не соответствует царю из мифа. Простые люди почувствовали себя обманутыми, что привело к росту массовых антицаристских настроений. Еще в 1881–1882 гг. властями было заведено несколько тысяч дел об «оскорблении его величества», о «дерзости» против правительства и даже о сочувствии убийцам Александра II[142]. В период Первой русской революции в народных низах антицаристские лозунги стали выдвигать открыто.

Если в середине XIX в. у крестьян в целом отсутствовала оппозиционность по отношению к существующему режиму и в их сознании не было революционных идей и идеалов, то с начала XX в. ситуация изменилась: в стране возникло полноценное крестьянское движение. Если с 1897 г. по 1900 г. было всего 232 выступления, из них подавлено с вводом войск 18 (7,8%), то за 1901–1904 гг. зафиксировано 577 выступлений, из которых 89 было подавлено войсками (15,4%)[143]. Помимо количественного роста произошел и качественный сдвиг – постепенно стала складываться смычка крестьянского возмущения с революционным движением. Подводя итоги крестьянским восстаниям в Полтавской и Харьковской губерниях, директор Департамента полиции А.А. Лопухин отмечал: «Одним из самых характерных явлений при этих беспорядках была революционная пропаганда… Наблюдая за дознанием по этому делу, я лично видел крестьян, которые свободно вводили в свою речь ходячие термины социалистической литературы и даже в тюрьме оставались непреклонными в отрицании властей, царя и бога»[144].

---

[141] Цит. по: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 313.
[142] См.: Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. – М, 2003. – С. 383.
[143] См.: Гросул В.Я. Указ. соч. – С. 436.
[144] Цит. по: Там же.

Констатируя факт тесной взаимосвязи общереволюционного и крестьянского движений в России начала XX в., следует все же подчеркнуть, что второе долгое время оставалось относительно самостоятельной и самодостаточной социально-политической силой и выделялось среди других социальных движений своими особенностями.

Крестьянское движение показало свой боевой и решительный характер. Крестьяне самовольно вырубали помещичьи леса, громили усадьбы, конфисковывали помещичьи хлеба, уничтожали луга и посевы[145]. При этом сами каратели свидетельствовали в своих донесениях о героизме и стойкости крестьян, порой создававших настоящие боевые дружины для борьбы с войсками[146].

Крестьянское движение решительно отвергало любое партийное руководство. Исключения составили лишь крестьянские выступления в Грузии, Латвии и Польше, где крестьяне пошли на союз с революционерами по тактическим соображениям. Подавляющее большинство членов, руководителей и делегатов самой сильной и представительной крестьянской организации – Всероссийского крестьянского союза (ВКС), было беспартийным. Из 187 делегатов ноябрьского 1905 г. съезда ВКС только 9% делегатов считали себя членами или сторонниками каких-либо партий[147]. Подчеркнуто беспартийными были фракции трудовиков в Государственных думах. В Центральной России революционные партии были инициаторами крестьянского самоуправления лишь в некоторых случаях. Крестьянские братства эсэров активно действовали только в Поволжье, Тамбовской и Черниговской губерниях[148].

Социальную основу движения составляли крестьяне-середняки. Этот вывод подтверждается тем, что большинство делегатов съездов ВКС и подавляющая часть местных руководителей ВКС являлись середняками. Кроме того, ВКС имел влияние в основном в тех районах, где преобладала передельная община, находящаяся под контролем той же социальной страты[149]. Преобладали середняки и во фракции трудовиков.

Не смотря на огромные организационные трудности, жестокие репрессии властей, отсутствие надежных каналов пропаганды и аги-

[145] См.: РГВИА, ф. 400, оп. 3, д. 2606, л. 59; д. 2708, л. 29, 331, 295; д. 2905, л. 140.
[146] См.: РГВИА, ф. 400, оп. 3, д. 2608, л. 306, 330, 404; д. 2905, л. 112, 140.
[147] См.: Кирюхина Е. Местные организации ВКС в 1906 году // Ученые записки. Кировский пеагогический институт. – 1956. – № 10. – Табл. 4, 5.
[148] См.: Шанин Т. Указ. соч. – С. 191.
[149] См.: Там же. – С. 195.

тации, все крестьянские организации, самовластные институты и политические представительства продемонстрировали удивительное единство целей и требований. Главными из них были: установление контроля за землями, не принадлежащими крестьянам, и введение крестьянского управления в сельской местности для прекращения произвола и воплощения Правды и справедливости[150]. Через все петиции, приговоры и наказы сельских сходов, дебаты и резолюции съездов ВКС, выступления и проекты трудовиков вырисовывается идеальная крестьянская Россия, как страна, в которой вся земля принадлежала крестьянам, была разделена между ними и обрабатывалась членами их семей без использования наемной рабочей силы. Крестьянские общины устанавливали уравнительное землепользование в соответствии с размером семьи или числом работников в каждой семье. Продажу земли и частную собственность на нее следовало отменить. Упор делался на потребительские нужды семьи, ибо такой образ жизни в течение тысячелетий главным считал не «прибыль», а выживание[151].

Местная власть наделялась в крестьянских мечтах обширными полномочиями для контроля над разделом земли и исполнением общественных обязанностей, среди которых особо подчеркивалось бесплатное образование. Свобода понималась в основном как свобода от внешних ограничений. На государственном уровне крестьянам виделась парламентская монархия с равенством всех перед законом, свободой слова и собраний, с «состраданием», как главным принципом государственной политики. Все чиновники должны были избираться, а женщины получали равное право голоса[152].

Лозунг «Земля и Воля» выражал эти мечты особенно полно.

Примерно одинаковыми были не только требования и лозунги крестьян, но так же методы управления и тактика жакерии. Все действия восставших направлялись решениями сельских сходов, были наполнены, как решимостью отстоять свои интересы, так и здравым реализмом, исходившим из понимания объективного состояния сил противоборствующих сторон. Отсюда преобладание невооруженных

---

[150] См.: ГАРФ, ф. 519, оп. 1, д. 21, л. 1; Гохлернер В.М. Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции // Исторические записки. – 1955. – Т. 52. – С. 206; Русские ведомости, 4.XI.1905; Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. – 1997. – № 6. – С. 52.

[151] См.: Шанин Т. Указ. соч. – С. 195; Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 гг. – М. 2001. – С. 14.

[152] См.: ГАРФ, ф. 519, оп. 1, д. 21, л. 1; д. 12, л. 1.

организованных действий над эмоциональными всплесками, сельских забастовок и бойкотов над «разборками» имений, «мирного» вытеснения помещиков над насилием по отношению к ним[153].

Выводы

Одной из существенных особенностей социального развития России пореформенного периода явилось взаимодействие двух процессов: окончательного формирования крестьянского сословия и медленного превращения крестьян в классы буржуазного общества. Результатом пересечения этих социальных потоков явилось возникновение в начале XX в. специфического социального образования переходного типа – потребительски-трудового переходного класса-анклава, не желавшего следовать в русле предложенной властью модели модернизации. Его интересы выразило крестьянское движение, которое приобрело двойственную природу: и революционную, так как было направлено против феодальных пережитков и их носителей, а также боролось против государственного деспотизма, и бунтарскую, ибо пыталось остановить раскрестьянивание, законсервировать архаические социальные формы, воспрепятствовать утверждению капитализма.

Буржуазные реформы и наступление «власти денег» не ослабили, а скорее, усилили массовое стремление крестьян законсервировать уравнительные локальные формы жизни. В разгар индустриализации в деревне происходил процесс укрепления общины и развития уравнительных ценностей, хотя и в обрамлении развившихся к тому времени утилитаризма, предприимчивости и рационализма.

[153] См.: Шанин Т. Указ. соч. – С. 200–216.

§ 3. Динамика становления рабочего класса

В ходе изучения социальной структуры России установлено, что несмотря на заметные успехи промышленного развития, Российская империя и в конце XIX в., и в начале XX в. оставалась преимущественно крестьянской страной. Численность рабочих в 1897 г. и в 1913 г. составляла примерно 7–10% (9 млн. чел. и 18 млн. чел. соответственно) от общей численности населения (126 млн. чел. и 171 млн. чел.)[1]. И это несмотря на то, что количественно рабочий класс рос очень быстро. Так, если в 1865 г. в фабрично-заводской и горной промышленности числилось 673,8 тыс. рабочих, включая рабочих мелких кустарных, ремесленных и сельскохозяйственных предприятий, а также рабочих на дому[2], то в 1893 г. только промышленных рабочих было 1582,9 тыс., а в 1900 г. уже 2267,7 тыс. чел.[3]. Общее число работников наемного труда с 1860 по 1913 г. выросло с 3960 тыс. чел. до 17815 тыс.[4] Более уточненные сведения роста численности рабочего класса, но только для XX века видны из таблицы 11[5]. Из них следует, что темпы роста численности рабочих в России были высокими, но недостаточными для промышленного развития страны, тем более что они постоянно падали: с 6% ежегодно в 1887–1897 гг. до 4% в 1897–1900 гг. и 1,7% в 1900–1908 гг.[6].

Формирование рабочего класса протекало под влиянием целого ряда факторов. Важнейшим из них стал уровень развития капиталистической промышленности. Прежде всего, он выражался в высокой степени концентрации рабочей силы. В фабрично-заводской промышленности с 1900 по 1913 г. численность рабочих на крупнейших предприятиях (свыше 1000 рабочих) увеличивалась в два раза быстрее, чем на всех заводах и фабриках. В результате удельный вес рабочих, занятых на этих фабриках и заводах, повысился с 30,7% в 1900 г. до 36,7% в 1908 г. и 38,9% в 1913 г. В целом в 1913 г. на крупных

---

[1] См.: Кирьянов Ю.И. Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. – М., 1970. – С. 114.

[2] См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. ПСС. – М., 1971 – Т. 3. – С. 497.

[3] См.: Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. – М., 1958. – С. 25, 31.

[4] См.: Там же. – С. 172.

[5] См.: Иванова Н.А. Социально-экономическое развитие России в 1907–1914 гг. Изменения в рядах рабочего класса // Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. – М., 1982. – С. 42.

[6] См.: Финн-Енотаевский А. Указ. соч. – С. 331.

(501–1000 рабочих) и крупнейших предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, составлявших 5% общего числа фабрик и заводов, сосредоточивалось более половины рабочих (54%)[7]. Наибольшей концентрацией рабочей силы отличалась текстильная промышленность. В 1913 г. в хлопчатобумажном производстве на крупнейших фабриках трудились 77,9% рабочих, в льняной промышленности – 62,2%[8].

Высокая концентрация рабочих способствовала трансформации традиционного менталитета вчерашних крестьян, оказывала благотворное влияние на процесс классовой консолидации пролетариата[9]. Крупное капиталистическое производство просвещало рабочих, сплачивало и организовывало их, приучало к совместным действиям, повышало уровень материальных и духовных потребностей[10]. Однако этот процесс носил неравномерный характер, в разных регионах и отраслях протекал со своими специфическими особенностями, коррелируя с другими факторами.

Длительное время после крестьянской реформы сельское население России было привязано к своей деревне[11]. Причиной этого стало государственно-корпоративное «крепостничество». Сельское общество до Столыпинской реформы могло в любое время отозвать крестьянина, работавшего на фабрике за тысячу верст, поручить ему ведение дел общества, выбрать на любую общественную должность. Паспортная система также искусственно поддерживала связь фабрично-заводского рабочего с деревней, лишая его как крестьянина по паспорту настоящей свободы передвижения[12]. Таким образом, мужика не пускали на фабрику. Поэтому фабрика пошла к мужику[13]. В результате, к началу XX столетия 59% предприятий и около 60% всех рабочих Европейской России размещались вне городов[14]. Это было

[7] См.: Иванова Н.А. Указ. соч. – С. 48.
[8] См.: Там же.
[9] См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. ПСС. – М., 1971 – Т. 3. – С. 600–601.
[10] См.: Там же. – С. 547.
[11] См.: Серый Ю.И. К вопросу об особенностях формирования рабочих в различных районах России // Рабочие России в эпоху капитализма: Сравнительный порайонный анализ. – Ростов-на-Дону, 1972. – С. 23.
[12] См.: Ромашова В.И. Образование постоянных кадров рабочих в пореформенной промышленности Москвы // Рабочий класс и рабочее движение в России в 1861–1917. – М., 1966. – С. 155–156.
[13] См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. ПСС. – М., 1971 – Т. 3. – С. 524.
[14] См.: Серый Ю.И. Указ. соч. – С. 23.

характерно для всех отраслей промышленности, причем для крупных предприятий еще более, чем для мелких: 65% рабочих, занятых в промышленных заведениях с числом рабочих 500 и больше, трудились вне городов. Эта тенденция сохранилась и в XX столетии, когда основные ограничения на передвижение рабочей силы отпали. Многие дореволюционные и советские историки считали, что к такому размещению предприятий больше принуждали не организационно-технические факторы (сырье, топливо и т.д.), а дешевизна рабочих рук и низкий культурный уровень рабочих.[15]

Наиболее характерной в этом отношении была текстильная промышленность, которая к началу XX в. сосредотачивала 1/3 всех фабрично-заводских рабочих страны. Текстильные фабриканты сознательно строили фабрики в селах в расчете на дешевую, невзыскательную, недостаточно сознательную рабочую силу[16].

Концентрация производства приобретала своеобразные черты в условиях окружной системы Урала. Она шла здесь как бы в два круга. По первому шел отбор и специализация округов, а по второму концентрировалось и специализировалось производство внутри окружного хозяйства. В итоге наблюдается весьма пестрая картина состояния промышленности, когда уживались, дополняя друг друга, предприятия, имевшие громадные различия в размерах и технике производства[17]. Крупнейшими накануне Первой мировой войны являлись горные предприятия: Златоустовский завод (9 тыс. рабочих), Мотовилихинский (8 тыс.), Лысьвенский (6 тыс.), Надеждинский и Верх-Исетский (по 4 тыс.) и др. В противоположность этому в фабрично заводской обрабатывающей промышленности Урала преобладали мелкие предприятия. В 1910–1914 гг. 80–85% металлообрабатывающих заводов насчитывали до 100 рабочих в каждом. На них было занято 60% рабочих уральских предприятий, подведомственных фабричному надзору[18]. Подобная картина была и в Сибири.

В целом высокий уровень концентрации рабочей силы являлся следствием технической отсталости российской промышленности[19].

---

[15] См.: Погожев А.В. Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. – СПб., 1906. – С. 68; Лаверычев В.Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России. – М., 1963. – С. 20; Серый Ю.И. Указ. соч. – С. 25.

[16] Серый Ю.И. Указ. соч. – С. 25.

[17] См.: Адамов В.В. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала // Рабочий класс и рабочее движение в России. — 1861–1917. – М., 1966. – С. 171.

[18] См.: Иванова Н.А. Указ. соч. – С. 25.

[19] См.: Кирьянов Ю.И. Об облике рабочего класса // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. – М., 1970. – С. 113.

От технического фактора прямо зависели и процессы классообразования рабочих и их жизнедеятельности. На формирование кадров постоянных рабочих влияла степень механизации производства. Чем выше она была, тем меньше применялся ручной труд, тем постояннее была работа и, следовательно, быстрее шла перековка новичка в постоянного рабочего[20]. «Чем больше вводятся машины, – писал М.М. Ковалевский, – тем меньше рабочих покидает фабрику с приближением весны; рабочее население делается оседлым и видимо порывает всякие связи с деревней»[21]. Фабричный инспектор Е.М. Дементьев, обследовавший в 1884–1885 гг. три уезда Московской губернии, отмечал, что лишь немногие фабрики сохранили свой прежний вид, где население работало в течение того времени в году, которое оставалось у них от главного занятия – земледелия[22]. «Перед нами, следовательно, – заключал Е.М. Дементьев свои наблюдения, – уже сформировавшийся класс рабочих. <…> И он образовался не со вчерашнего дня. Он уже имеет свою фабричную генеалогию»[23].

Поскольку на механизированном предприятии рабочий обслуживает машины или имеет дело со сложными технологическими процессами, то от него требуется определенный уровень общей и профессиональной грамотности. Рабочая сила постоянного квалифицированного рабочего объективно стоит больше рабочей силы других рабочих. Его прожиточный минимум выше, а общекультурные запросы шире, чем у временного и неквалифицированного. Тем самым, у рабочего хорошо механизированного предприятия есть больше возможностей для интеллектуального развития и понимания своего экономического и социального положения.

Важным показателем механизации является рост энерговооруженности труда. В промышленности разных районов России он происходил неодинаково. Наиболее быстро он совершался на Юге, затем в Петербурге, медленнее в Центре, еще медленнее на Урале. Показательными в этом плане являются данные о степени энерговооруженности и производительности труда металлургов Урала и Юга (см. таблицу 12)[24].

---

[20] См.: Иванов Л.М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. – М., 1966. – С. 97.
[21] Ковалевский М.М. Экономический строй России. – СПб., 1899. – С. 109.
[22] См.: Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. – М., 1897. – С. 37.
[23] Там же. – С. 46.
[24] См.: Серый Ю.И. Указ. соч. – С. 29–31.

Показателем энерговооруженности труда рабочего являются данные о соотношении количества заводских и внезаводских рабочих на Юге и на Урале. Дело в том, что внезаводские рабочие, как правило, были неквалифицированными, временными, немашинными. Они занимались выжигом угля, подвозкой сырья, уборкой цехов, выгрузкой мусора и шлака. В 1911 г. на один металлургический завод на Юге приходилось 2017 заводских и 197 незаводских рабочих, а на Урале соответственно 538 и 319. Несмотря на дешевизну рабочих рук на Урале, там все время закрывались заводы. Юг, наоборот, все время испытывал недостаток в рабочих. Но предприниматели Юга отказывались от услуг уральцев, так как по своей квалификации и психологии они не годились для южных заводов[25].

Анализируя сведения об энерговооруженности труда рабочих на различных предприятиях страны, можно предположить, что 3–4 л.с. механической энергии на одного рабочего и были тем уровнем, который требовал от него, чтобы он был «чистым» пролетарием. Исходя из этого обоснован вывод об энерговооруженности труда металлистов Петербурга как о достаточно высокой. В 1913 г. средняя энерговооруженность труда рабочих 111 металлообрабатывающих предприятий столицы составляла 2,1 л.с., а на крупных предприятиях 3 л.с.[26].

В целом технический уровень промышленности был относительно низким[27]. Техническая отсталость обусловливала распространенность экстенсивных форм эксплуатации рабочей силы и тяжелое экономическое положение пролетариата: продолжительный рабочий день, изнурительную работу и т.п.[28]. Однако, роль технического фактора необходимо всегда рассматривать в единстве с другими обстоятельствами, влиявшими на формирование рабочих (время основания, размещение предприятий, концентрация на них рабочей силы), роль каждого из них была неодинаковой. Наилучшее их сочетание прослеживается в Петербургском районе. Большое количество старых предприятий, размещение промышленности преимущественно в городе, относительно высокая механизация делали петербургских рабочих чисто капиталистическими.

В промышленном Центре названные условия действовали не в одном направлении. Большая доля старых предприятий, даже иногда

[25] См.: Там же. – С. 30–31.
[26] См.: Там же. – С. 31–32.
[27] См.: Волков В.В. Указ. соч. – С. 45–47.
[28] См.: Кирьянов Ю.И. Об облике рабочего класса // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. – М., 1970. – С. 111–112.

при высоком техническом оснащении, теряла свое значение из-за того, что они как правило располагались в деревнях, где избыточное население, имевшее небольшие клочки земли, давило на отношения между рабочими и фабрикантами. Поэтому превращение местных рабочих в «чистых» пролетариев шло медленно, встречало сопротивление пережитков крепостничества.

Наиболее неблагоприятным было сочетание указных факторов на Урале. Мастеровые Урала владели небольшими наделами земли, жили в деревнях. Стоимость их рабочей силы была невысокой, и поэтому предприниматели не спешили обзаводиться машинами, что в свою очередь не стимулировало рабочих к разрыву с собственным хозяйством[29].

Экономика России не представляла собой однородного целого. Многоукладность, высокий уровень регрессии капитала *влияли на формирование рабочего класса, его социальный и духовный облик.*

Большие массы фабричных рабочих оставались приписанными к сословию крестьян. Например, в 1882 г. промышленный пролетариат Москвы на 61,9% состоял из крестьян[30]. На Трехгорной мануфактуре в 1881–1882 гг. 60,3% рабочих происходили из крестьян, в 1889–1890 гг. – 80%, в 1917 г. – 92,4%. На мануфактуре Цинделя в 1899 г. 94,2% рабочих считались крестьянами. Во Владимирской губернии в 1897 г. 85,6% обследованных рабочих имели крестьянское происхождение[31].

Многочисленные данные о сословной принадлежности рабочих, как правило, не фиксируют их социального происхождения, так как рабочий – крестьянин по паспорту – мог ничего общего не иметь с сельским хозяйством и уже не одним поколением быть связанным с фабрично-заводской деятельностью.

В 60–70-х годах XIX в. после отмены крепостного права наблюдался большой прилив в промышленность рабочих крестьянского происхождения, у которых была тесная связь с землей: крестьянин-отходник работал на фабрике в основном в зимний период, возвраща-

---

[29] См.: Адамов В.В. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. – М., 1966. – С. 169–170; Гуськова Т.К. Облик рабочих Урала // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. – М., 1970. – С. 296–298.

[30] См.: Ромашова В.И. Указ. соч. – С. 153.

[31] См.: Иванов Л.М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. – М., 1966. – С. 79–80.

ясь весной и летом домой для полевых работ. Это было характерно для малоквалифицированных рабочих и в 80-е годы.

Связь с землей сохраняли и те рабочие, которые вышли из фабричных семей. Однако земские и другие материалы свидетельствовали, что крестьян, ушедших в промышленность в 1880–1890-х годах, земля обременяла, заставляла держать семьи в деревне, платить за нее подати, посылать деньги. Многие крестьяне сдавали землю в аренду, нанимали за себя рабочих. По словам А. Смирнова, обследовавшего крестьянские хозяйства Владимирской губернии, идеалом всякого фабричного, живущего в городе, было желание попасть в число безземельных и не платить податей, обременявших рабочих[32]. Это же подтверждает и П. Тимофеев, инженер по специальности, ссылаясь на свой опыт знакомства с рабочими крупных машиностроительных заводов Петербурга. Он писал, что большинство мастеровых держится мнения, что деревня для них помеха[33].

Несмотря на всю сложность разрыва рабочих с землей, эта связь постепенно ослабевала. На основании изучения подворных переписей крестьян 1869–1871 гг. и 1883 г. можно сделать вывод о том, что связь с земледелием сохраняли преимущественно рабочие из крестьян, работавших на местных фабриках. Но и здесь значительно больше половины рабочих было из безлошадных крестьян. Земледелие играло роль своеобразного дополнительного к фабричным заработкам источника дохода семьи[34].

Кроме того, в деревне все больше увеличивалось число отсутствующих дворов, особенно в районах с фабрично-заводской промышленностью. Такие крестьяне только юридически числились ими, фактически же они ничего общего не имели с деревней. По данным земских переписей за 1893–1913 гг., таких дворов по 145 уездам оказалось почти 400 тыс., или 8–10%. Многие из них сдавали землю в аренду, не имели изб, хозяйственных построек, скота. Больше всего отсутствующих дворов насчитывалось в промышленно развитых губерниях. Так, например, в Московской губернии в 1898–1900 гг. таких дворов было 19,3%, Тульской в 1910–1912 гг. – 16,4%, Тверской в

[32] См.: Смирнов А. Земледелие и земледелец Центральной промышленной губернии // Русская мысль. – 1901. – Кн. VII. – С. 178.
[33] См.: Тимофеев П. Чем живет заводской рабочий. – СПб., 1906. – С. 8.
[34] См.: Васильев Б.Н. Социальная характеристика фабричных рабочих // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. – М., 1966. – С. 151.

1911-1913 гг. – 16,3%[35]. В большинстве губерний основная масса продавцов земли после 1906 г. была именно из числа «отсутствующих» домохозяев. Например, в Пермской их насчитывалось 47%, в Ставропольской – 38,7%, в Псковской – 47,4%[36].

Наиболее массовые сведения о связи рабочих с землей дала профессиональная перепись 1918 г. Из 983,8 тыс. учтенных в 1918 г. рабочих до Октябрьской революции имели свою землю или землю своей семьи 308,4 тыс., то есть 31,3% рабочих, из них 20,9% вели хозяйство с помощью членов семьи[37]. Более детальные представления об отношении рабочих к земле возникают из сведений таблицы 13[38].

Из таблицы видно, что связь с землей была наиболее заметна у рабочих горной и горнозаводской, пищевой и текстильной промышленности. Менее всего она проявлялась у пролетариата машиностроительной, полиграфической и некоторых других отраслей.

Данные профессиональной переписи 1918 г. отразили и региональный аспект отношения рабочих к земле. Самые тесные связи с землей наблюдались в Центральном промышленном и Центральном земледельческом районах, где доля имевших землю рабочих превышала нередко 40%.

Не совсем точные и полные сведения, полученные в ходе переписи 1918 г., могут быть дополнены материалами последующих переписей (1929, 1930, 1931, 1932–1933 гг.). Например, исходя из данных 1929 г. видно, что доля рабочих с землей постепенно сокращалась (см. таблицу 14)[39]. Это отражало процесс разрыва связи с землей у рабочих крестьянского происхождения и вытеснение в составе рабочего класса выходцев из крестьянской среды, замену их членами семей рабочих. Во всех отраслях промышленности, исключая рудную, и во всех районах, за исключением Урала и частично Московской области (металлообработка и машиностроение), доля рабочих с землей была значительно ниже, чем показатель величины выходцев из крестьянской среды.

---

[35] См.: Иванов Л.М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. – М., 1966. – С. 85–86.

[36] См.: Там же. – С. 118.

[37] См.: Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. – М., 1958. – С. 573.

[38] См.: Там же.

[39] См.: Иванов Л.М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. – М., 1966. – С. 134.

Итак, удельный вес выходцев из крестьянских семей в составе рабочего класса по мере развития капитализма падал. Крупная машинная индустрия создавала класс постоянных, потомственных рабочих, полностью связанных с фабрично-заводским трудом. Доля их в составе рабочих все время возрастала, снижаясь лишь в отдельные периоды, особенно в годы промышленных подъемов, когда в силу значительного роста спроса на рабочую силу увеличивался приток из других социальных групп[40].

По данным переписи 1897 г. фабричной промышленности Владимирской губернии 37,2% рабочих являлись потомственными пролетариями.[41] В целом в центре страны в 80–90-х годах XIX в. пролетариат крупной промышленности примерно на 2/5 состоял из потомственных[42].

В XX веке значение семей фабрично-заводских рабочих как источника пополнения пролетариата еще более возросло. По данным 1908 г. на предприятиях, обследованных И.М. Козьминых-Ланиным, потомственных пролетариев среди мужчин было 44,4%, а среди женщин – 35%[43]. За период 1901–1914 гг. на фабрики и заводы поступило малолетних и подростков примерно 450–460 тыс. чел. А за это же время общее количество фабрично-заводских рабочих возросло на 589,9 тыс. чел., что означало, что прием новых рабочих шел преимущественно за счет малолетних и подростков, среди которых преобладали дети из фабричных семей[44]. Материалы по переписям рабочих 1929–1933 гг. говорят о том, что семьи рабочих перед Октябрьской революцией давали примерно 50–60% всех рабочих, причем потомственные были более полно представлены в тяжелой промышленности,

[40] См.: Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. – М., 1958. – С. 543; Иванов Л.М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. – М., 1966. – С. 139.

[41] См.: Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. – М., 1958. – С. 535.

[42] См.: Иванов Л.М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. – М., 1966. – С. 140.

[43] См.: Козьминых-Ланин И.М. Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губ. – М., 1911. – Табл. VI.

[44] См.: Иванов Л.М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. – М., 1966. – С. 100.

в крупных промышленных городах и в тех отраслях, которые существовали длительное время[45].

Одновременно с ослаблением связи рабочих с землей и возрастанием роли преемственности труда в промышленности складывались отряды постоянных рабочих. В 1880–1890-х годах доля рабочих с 10-летним и более стажем на различных предприятиях колебалась от 30% до 70%[46]. И к 1913 г. по всей промышленности составляла 72,5%[47]. Эту цифру можно считать преувеличенной, не учитывающей естественную убыль рабочих, уход их с предприятий после тяжелых травматических повреждений, возрастные отливы и т.д. По более скромным оценкам рабочие с указанным стажем перед Первой мировой войной составляли примерно треть работавших. Более высокий стаж работы наблюдался у рабочих металлургических заводов в Польше, Юга России, у железнодорожников, на горнозаводских предприятиях Урала[48]. Данные переписи 1918 г. показали возрастание трудового стажа до 50%. Весьма вероятно, что действие тенденции роста удельного веса постоянных рабочих кадров стало возможным во многом в результате понижения темпа роста численности рабочих в 2,5 раза в 1900–1913 гг. по сравнению с 1887–1900 гг.[49].

Важным направлением становления рабочего класса явилось формирование рынка труда. Как известно, наемный труд обладает двойной свободой: от средств производства и в выборе работодателя. Однако в условиях России второй половины XIX в. «вторая свобода» далеко не всегда была возможна, так как хозяева промышленных предприятий стремились «прикрепить» рабочих к своему производству всеми способами. Так, в 80-е годы XIX в. в России были введены расчетные книжки на фабрично-заводских предприятиях, в которых фиксировались условия найма, и эти книжки должны были по закону храниться у рабочих. Но хозяева забирали и хранили их, не отдавая рабочим, и тем самым, прикрепляя их к своим предприятиям. Рабочие долгое время соглашались с таким положением вещей. Это было связано с представлением о хозяине не как о лице, воплощавшем дру-

[45] См.: Там же. – С. 140.
[46] См.: Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. – М., 1958. – С. 500–507.
[47] См.: Иванов Л.М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. – М., 1966. – С. 90.
[48] См.: Иванова Н.А. Указ. соч. – С. 73.
[49] См.: Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. – М., 1958. – С. 508.

гую, равноправную сторону трудового соглашения, а как о патриархе «милостью Божьей» обеспечивающего работой[50].

Итак, исследование показывает, что воздействие многоукладной квазикапиталистической экономики на формирование рабочего класса России происходило, прежде всего, в форме, которую можно определить как всеобщую. Она проявилась в процессах социально-экономической связи рабочих с деревней.

Однако имела место и *специфическая форма* влияния особенностей экономического строя России на возникновение и развитие рабочего класса. Она получила распространение в некоторых регионах и отраслях промышленности.

Своеобразную отраслевую группу российского пролетариата представляли рабочие заводов Главного артиллерийского управления (ГАУ). Основной контингент рабочих составили ранее приписанные к заводам мастера-оружейники, освобожденные в 1864–1868 гг. Им были бесплатно предоставлены усадьбы с застройкой, а в Сестрорецке и Ижевске отводились пахотные наделы. Таким образом военное ведомство получило «своих», привязанных к заводу и дешевых рабочих.[51] Большинство рабочих артиллеристских заводов оказались мелкими собственниками, располагавшими своим хозяйством и возможностями для самостоятельного мелкотоварного производства, которому не ставилось каких-либо ограничений.[52] Например, тульские оружейники еще с конца XVIII в. получили разрешение «торговать, тако ж лавками и анбарами владеть»[53]. И многие семьи оружейников эффективно воспользовались этим правом. Еще в 40–60-е гг. XIX века за тульскими мастерами числилось 51 партикулярное заведение, принадлежащее 56 владельцам. Из них 37 «фабрик» были связаны с металлообработкой (24 слесарных и 13 самоварных), другие занимались изготовлением печных изразцов, столярных изделий, экипажей и гармоней. Некоторые заведения использовали по 50 и

[50] См.: Пушкарева И.М. Новые подходы в изучении конфликтов рабочих и предпринимателей в дореволюционной России // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сборник статей. – М., 2001. – С. 301.

[51] См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. ПСС. – Т. 3. – С. 486.

[52] См.: Ашурков В.Н. Рабочие заводов артиллерийского ведомства в эпоху капитализма (Особенности их положения и классовой борьбы) // Рабочие России в эпоху капитализма: Сравнительный порайонный анализ. – Ростов-на-Дону, 1972. – С. 167–168.

[53] ГАТО, ф. 187, оп. 1, д. 178, л. 83.

больше человек рабочей силы[54]. Тесная связь государственно-капиталистического уклада с мелкотоварным позволяла сохранять на местах резервы квалифицированной рабочей силы, необходимые на случай спешного увеличения производства.

Указанные обстоятельства осложняли процесс формирования пролетариата. Кроме того на это влияло то, что заводы ГАУ являлись казенными предприятиями и на них проводилась патерналистская политика по отношению к рабочим[55].

Типичной фигурой горнозаводской промышленности Урала был потомственный рабочий из местного горнозаводского населения, хотя к концу XIX в. значительное количество бывших крепостных и их потомков перестало работать на горнозаводских предприятиях, перейдя к занятию сельским хозяйством или кустарными промыслами, либо найдя заработок на фабриках и в торговле.[56] Потомственные рабочие имели свой дом и хозяйство, которое не было главным источником существования рабочего и его семьи, но серьезно деформировало капиталистические отношения. Она заключалась в том, что при сохранении экономической и отчасти внеэкономической зависимости уральских горнозаводских рабочих от «своих» заводчиков-помещиков «свободная» купля-продажа рабочей силы фактически далеко не была таковой. Их заработная плата была много ниже, чем у рабочих других промышленных районов, причем значительную долю ее по-прежнему составляла натуральная «доплата» в виде дохода рабочих от своего личного хозяйства. Это хозяйство и клочок «своей» земли, привязывая рабочих к заводам, ограничивали их кругозор, затрудняли формирование классового сознания[57].

В создавшихся условиях горнопромышленники старались задержать размывание горнозаводского слоя и теснее привязать его к окружному хозяйству. С этой целью применялись различные формы: отработки за пользование отрезками (10–50% принадлежавшей ранее земли), льготная аренда, ссуды на обзаведение инвентарем и скотом.

---

[54] См.: Трутнева Н.Ф. Тульские оружейники — владельцы заводов и фабрик в г. Туле в 40–60 гг. XIX в. // Из истории металлургии и металлообработки Туле: Сб. статей. – Тула, 1994. – С. 53–58.

[55] Ашурков В.Н. Рабочие заводов артиллерийского ведомства в эпоху капитализма (Особенности их положения и классовой борьбы) // Рабочие России в эпоху капитализма: Сравнительный порайонный анализ. – Ростов-на-Дону, 1972. – С. 170.

[56] См.: Адамов В.В. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. – М., 1966. – С. 172.

[57] См.: Гуськова Т.К. Облик рабочих Урала // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. – М., 1970. – С. 297.

В результате, постоянно росло фактическое землепользование горнозаводского населения. В целом по Уралу за время с 1861 г. по 1917 г. землепользование указанной категории увеличилось на казенных и посессионных заводах вдвое, а на некоторых частных даже в 5 раз[58].

Важную роль в истории горнорабочих Урала играли также кустарные промыслы. Численность работников в них постоянно возрастала. Например, в 1908–1913 гг. в Пермской губернии насчитывалось 67956 чел., занятых в кустарной промышленности, против 26 тыс., определенных переписью 1894–1895 гг.[59]. Особенностью этого процесса было то, что в силу сопротивления широкому распространению кустарных промыслов со стороны горнозаводчиков, «чистых» кустарей из горнозаводского населения выходило немного. С экономической точки зрения роль промыслового хозяйства горнорабочего имела примерно такое значение, какое имело его земледельческое хозяйство. Оба эти типа служили ему дополнительным источником дохода и вместе с тем привязывали рабочего к заводу[60].

В ходе капиталистической модернизации многоукладного хозяйства страны изменялось не только экономическое положение, но и социальный облик рабочих, формы их повседневной жизни и ментальные установки.

Эти изменения происходили под давлением целой совокупности факторов. В первую очередь нужно сказать о влиянии на поведение и взгляды рабочих их опыта жизни в городе. Следует учитывать разнообразное воздействие на рабочих тех промышленных предприятий, на которых они работали, особенно крупных. Третий момент – это влияние на формирующееся пролетарское сознание разных социальных слоев и кругов общества, усилий политических организаций[61].

Названные обстоятельства амортизировались особенностями традиционного общества, его менталитета, а также той социокультурной инверсией, которая втягивала в свою воронку общественное сознание россиян.

---

[58] См.: Адамов В.В. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. – М., 1966. – С. 173–174.

[59] См.: Ленин В.И. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности // Ленин В.И. ПСС. – М., 1971 – Т. 2. – С. 401.

[60] См.: Адамов В.В. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. – М., 1966. – С. 175.

[61] См.: Хаймсон Л. Выступление на заключительном заседании // Рабочая интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. – СПб., 1997. – С. 623.

К началу XX в. менталитет российских рабочих представлял собой сложную мировоззренческую систему, в которой потребности и интересы, вызванные появлением и развитием индустриального общества, переплетались и синтезировались с неотрадиционными ценностными ориентациями. Несмотря на горизонтальные и вертикальные внутриклассовые особенности, существовали общие черты пролетарского менталитета. В первую очередь сюда следует отнести потребность и стремление к материальному достатку. Постоянной темой разговоров, жалоб и заявлений рабочих являлась низкая оплата труда, не дававшая большинству из них сводить концы с концами. Регулярно встречались сетования на тяжесть труда, неустроенность жилья, плохое питание, невозможность в казарменных условиях нормально отдохнуть[62]. Осознание своей материальной неустроенности имело серьезные социально-экономические основания.

В 1905–1913 гг. средняя продолжительность рабочего дня у всех фабрично-заводских рабочих составляла соответственно 10,2 и 9,9 часа. Выше среднего общероссийского уровня данный показатель был в производствах механической обработки дерева (в 1905 г. – 10,6 и в 1913 г. – 10,2 часа), обработки минеральных веществ (10,4 и 10,2), обработки животных продуктов (10,5 и 10)[63], обработки пищевых и вкусовых веществ (10,7 и 10,7)[64]. В указанных отраслях в 1905 г. была занята третья часть, а в 1913 г. примерно четвертая часть рабочих. Особенно много рабочих с продолжительным рабочим днем было в мелких заведениях. В портновском производстве столицы 2/5 рабочих трудились свыше 11,5 часов[65]. Обычным явлением для тех лет стала сверхэксплуатация малолетних. Об этом, как о вполне заурядном факте писал 12 марта 1903 г. фабричный инспектор 7 участка Санкт-Петербургской губернии Л. Схол-Энгбертс: «На многих кирпичных заводах установился обычай нанимать малолетних рабочих, не достигших еще 15 лет, при чем означенные малолетние работают наравне со взрослыми, т.е. до 11 ½ час. в сутки»[66].

---

[62] См.: Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX в. // Там же. – С. 57; ЦГИА СПб, ф. 569, оп. 15, д. 808, л. 7–7 об.; оп. 1, д. 996, л. 1–2 об.; ф. 1229, оп. 1, д. 141, л. 2–2 об.; ф. 961, оп. 4, д. 20, л. 2–8 об.; оп. 3, д. 195, л. 112–113 .

[63] О тяжелом труде бойцов скотобоен см.: ЦГИА СПб., ф. 792, оп. 1, д. 7418, л. 1 об.

[64] О вопиющих случаях продолжительности рабочего дня см.: ЦГИА СПб, ф. 1229, оп. 1, д. 141, л. 2–2 об.

[65] См.: Кирьянов Ю.И., Иванова Н.А. Положение рабочего класса в 1907–1914 гг. // Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. – М., 1982. – С. 79.

[66] ЦГИА СПб, ф. 1229, оп. 1, д. 187, л. 37.

Большой нагрузкой для рабочих были сверхурочные работы. На них рабочий затрачивал в 1913 г. в среднем 0,3 часа в день[67]. Кроме официальных сверхурочных работ, существовали и скрытые формы использования труда во внерабочее время. К их числу относились перевод стрелки часов, использование рабочих для уборки во внеурочное время, задержка рабочих после окончания смены.

Производственные и санитарно-гигиенические условия труда на большинстве фабрик и заводов были неудовлетворительными, не отвечавшими нормам безопасности труда и санитарии. Например, в 1908 г. санитарное состояние было найдено хорошим лишь на 22% предприятий Москвы. Обследование 187 металлических мастерских Петербурга в 1913 г. показало, что в 42% мастерских не было вентиляторов, в 98% – «гуляли сквозняки», в 97% отмечалось повышенное содержание пыли, в 60% – дыма и газа и лишь в 2% мастерских имелись специальные приспособления для их удаления[68].

В России в начале XX в. весьма значительным оставался производственный травматизм. Данные фабричной инспекции о производственных травмах в 1912 г. в расчете на 1000 занятых рабочих таковы: в обработке металлов 103, добыче нефти и подрядном бурении – 81, механической обработке дерева – 45, химическом производстве – 33[69].

Очень высокой была заболеваемость рабочих при крайне низком уровне медицинской помощи. Например, в 1908 г. половина предприятий юго-востока Москвы не имели какой-либо медицинской организации, на других же не было постоянного врача, в приемных покоях находились только 1–2 койки[70]. Примерно такая же ситуация сложилась и на предприятиях Санкт-Петербурга[71]. В 1907 г. по данным Министерства торговли и промышленности из каждых 100 фабрикантов лишь 8 содержали больницы, 23 – приемные покои и амбулатории, а 2/3 фабрикантов не оказывали 19% рабочих никакой помощи[72].

---

[67] См.: Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда // Избр. произв.: В. 5 т. – М., 1964. – Т. 3. – С. 365.

[68] См.: Кирьянов Ю.И., Иванова Н.А. Указ. соч. – С. 82; см. также: ЦГИА СПб., ф. 569, оп. 15, д. 808, л. 7–7 об.

[69] См.: Там же. – С. 86.

[70] См.: Ставровский В. Санитарное состояние фабрик одной из юго-восточных окраин Москвы [Рогожской части] // Известия московской городской думы. Отдел общий. – 1909. – № 6/7. – С. 43, 49.

[71] См.: ЦГИА СПб, ф. 1229, оп. 1, д. 187, л. 55; ф. 961, оп. 3, д. 195, л. 71.

[72] См.: Александровский Ю.В. Закон о страховании рабочих от несчастных случаев. – СПб., 1913. – С. 81.

Уровень заработной платы промышленного рабочего России оставался крайне низким. Причинами этого стали: громадное аграрное перенаселение, недостаточная техническая оснащенность предприятия, расположение многих предприятий вне городов, сохранившаяся у части рабочих связь с землей. В 1910 г. средний заработок промышленного американского рабочего составлял 1036 руб.[73], а российского 232 руб.[74]. При росте зарплаты в номинальном выражении с 1900 по 1913 г. на 36% (с 194 руб. 08 коп. до 263 руб. 60 коп.) реальная зарплата за это время не испытывала заметных сдвигов, оставаясь почти стабильной и претерпевая даже некоторую тенденцию к снижению[75]. За годы Первой мировой войны эта тенденция возобладала: реальная заработная плата по примерным оценкам упала на 40–50%[76].

Фактический заработок рабочего был всегда меньше указываемого в официальных источниках вследствие не только роста цен, но также его скрытого и явного снижения. К числу подобных приемов относились: задержка зарплаты, обсчет при сдельных работах, штрафование, выдача части заработка талонами в заводские лавки, где цены на предметы первой необходимости были выше рыночных, взяточничество и др.[77]. Очень часто о данных фактах сообщали сами рабочие или они фиксировались официальными лицами. Так в рапорте Царскосельского уездного исправника Санкт-Петербургскому губернатору от 7 сентября 1905 г. указывалось, что, «арендатор Введенского стекольного завода личный почетный гражданин Федор Карлович Шварцгоф уже второй месяц не платит мастерам и рабочим заработанных денег»[78]. О взяточничестве и незаконных штрафах писали в прошении от января 1912 г. рабочие московского трамвайного парка г. Санкт–Петербурга[79]. Во всенижайшем прошении на имя Министра внутренних дел рабочие Александровского сталелитейного завода указывали, что два года они не получали даже половины своего заработка[80]. Низкая зарплата рабочих приводила к тому, что содержать на нее свою семью могли только примерно 20–30% из них, что значи-

[73] См.: Ленин В.И. Наши «успехи» // Ленин В.И. ПСС. – М., 1973. – Т. 23. – С. 21.
[74] См.: Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. – Л., 1976. – С. 215.
[75] См.: Там же.
[76] См.: Белова Т.В. Динамика номинальной и реальной заработной платы рабочих верхнего Поволжья в период Первой мировой войны // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность. – М., 2002. – С. 119–122.
[77] См.: Кирьянов Ю.И., Иванова Н.А. Указ. соч. – С. 92–93.
[78] ЦГИА СПб, ф. 253, оп. 3, д. 3874, л. 35.
[79] См.: ЦГИА СПб, ф. 569, оп. 15, д. 808, л. 7.
[80] См.: ЦГИА СПб, ф. 1229, оп. 1, д. 225, л. 11.

тельно, по сравнению с другими странами, увеличивало долю замужних женщин, вынужденных работать в связи с недостаточностью заработка главы семьи[81].

Применение в промышленности страны различных вариантов повышения мотивации труда формально осуществлялось так же как и в других странах Запада. Российские предприниматели начали использовать такие формы стимуляции труда как сдельные работы, «американская» премиальная система, хронометраж Тейлора, Копартнершип. Однако эти шаги (кроме сдельщины) переживали еще «начальную» стадию и не получили широкого распространения вплоть до 1917 г. Вместе с тем наградные использовались по старинке: выплачивались к празднику, а не за выполненную работу. Штрафы налагались во многих случаях не за качество и объём произведенной продукции, а за прогулы и опоздания. Следовательно, *мотивация труда в России в сравнении со странами Запада носила крайне неразвитый характер, тормозила рост производительности труда и жизненного уровня рабочих*[82].

Питание большинства рабочих было однообразным и недостаточным, носило ярко выраженный хлебно-овощной характер. Доля продуктов животного происхождения равнялась 8–16%. Молоко, сметана, творог, сыр покупались преимущественно для детей. У половины обследованных в Петербурге семей рабочих второе блюдо бывало лишь по праздникам[83]. В целом в начале XX в. питание рабочих страны соответствовало нормам лишь на 70–80%[84]. Кроме того, очень часто предприниматели обеспечивали своих работников гнилой пищей и грязной водой, что приводило к возникновению эпидемий инфекционных заболеваний[85].

Рабочие жили в общественных квартирах или домах (таких было немного), на снимаемых частных квартирах, хозяйских квартирах и, в основной массе, в специальных помещениях, предоставляющихся

---

[81] См.: Чекин А. Женский труд в современном производстве // Вестник Европы. – 1911. – № 11. – С. 313.

[82] См.: Кирьянов Ю.И. Мотивация фабрично-заводского труда в XX в.: эффективность вознаграждения, поощрения и наказания // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность. – М., 2002. – С. 97.

[83] См.: Давидович М. Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах. – СПб., 1912. – С. 19; Козьминых-Ланин И.М. К вопросу об артельном харчевании фабрично-заводских рабочих Московской губернии. – М., 1914. – С. 6–7; 17–19.

[84] См.: Ленин В.И. Письмо П.И. Попову (о потреблении населения РСФСР до и после октябрьской революции) // Ленин В.И. ПСС. – Т. 40. – С. 341–342.

[85] См.: ЦГИА СПб., ф. 254, оп. 1, д. 15763, л. 1; ф. 2075, оп. 5, д. 20, л. 231–231 об.

предпринимателями. Для жилищ большинства рабочих страны были характерны незначительная кубатура помещения и площадь в расчете на каждого жильца, духота, сырость, плохая вентиляция, недостаточная освещенность, антисанитария и неблагоустроенность. Распространение водопровода и канализации было еще крайне ограниченным[86].

Жилищные условия, в которых очутились сотни тысяч людей, оторванных от родного крова, не смогли не сказаться на формировании обычаев и нравов рабочих. Несмотря на некоторое улучшения условий проживания в рабочих казармах в целом для многих жилых помещений рабочих на частных или хозяйских «квартирах» даже незадолго до Первой мировой войны была характерна «неустроенность и скученность на небольшом пространстве лиц разнообразного пола и возраста, как правило не связанных родством, и к тому же лишенных привычного контроля со стороны общины за соблюдением традиционных моральных устоев…»[87]. Падение нравов затронуло в основном наименее квалифицированных рабочих. В их среде не редко встречались хулиганство, пьянство, страсть к азартным играм, свобода нравов, переходящая порой в половую распущенность. Об этом весьма красноречиво докладывало руководство Санкт-Петербургской уездной и пригородной полиции: «Масса рабочих, прибывающих постоянно из деревень на заработки, не знает никакого ремесла, самый значительный процент из этих авантюристов составляют те, у которых домашнее хозяйство расстроено. Будучи в большинстве случаев должниками обществу по неплатежу податей и повинностей, они вынуждены выпутаться из подобных критических обстоятельств, являются в Петербург, и не зная куда обратиться за заработком, часто отыскивают своих земляков на заводах, обольщаются льстивыми обещаниями последних содействовать им при отыскании места и в ожидании будущих благ пропивают остальные средства и потом проводят праздно время»[88].

«Фабриканты жалуются на разгул и разврат рабочих, на плохую работу… Но не на всех заводах и фабриках народ разгульный и истощенный»[89]. «Фабричные и заводские рабочие крайне нуждаются в

[86] См.: Кирьянов Ю.И., Иванова Н.А. Указ. соч. – С. 99–104.
[87] Полищук Н.С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX – начало XX в.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. – СПб., 1997. – С. 121.
[88] ЦГИА СПб, ф. 961, оп. 4, д. 20, л. 2 – 2 об.
[89] Там же. – л. 3.

помещении. Некоторые принуждены бывают жить в значительной отдаленности, а за поздний приход на работу ставят штрафы; поэтому рабочим приходится стесняться и жить вблизи своих фабрик. Квартиры их слишком грязны, холодны, воздух стесненный. Рабочий после 13 ½ часового труда, придя домой и вдыхая артельный воздух, при таких условиях едва может пользоваться хорошим здоровьем. Поэтому за отсутствием всяких удобств в квартире, он поневоле отправляется в кабак или трактир, которых в изобилии при каждом заводе…»[90].

Важной чертой менталитета рабочих стало стремление защитить свое достоинство, свои права человека и рабочего[91]. Это было вызвано, на наш взгляд, одновременным, синхронным воздействием на сознание рабочих двух факторов, имевших различное формационное происхождение: традиционное и буржуазное.

Первый фактор состоял в том, что крестьяне (и другие добуржуазные слои) приносили в город и промышленность «воспоминания о своем общинном устройстве, его традициях, привычках, установленном порядке»[92]. Одной же из ценностей крестьянского мира было уважение к другому человеку и самоуважение к самому себе.[93] Подчиненность такого восприятия личности традиционной общинной культуре в психологическом плане ничего не меняет. Главное здесь – отсутствие дискомфортного состояния в душе человека. Следовательно, потребность в уважении и самоуважении была безусловным императивом пролетарского менталитета, принесенным вчерашними крестьянами и кустарями из общинного социума. При этом, однако, следует учитывать, что этот императив действовал в совершенно иной социокультурной обстановке, сформировавшей второй фактор обостренного восприятия рабочими своего человеческого достоинства. Он заключался в воздействии снятой (в диалектическом смысле) формы «буржуазного индивидуализма» – идеи индивидуальной критически мыслящей человеческой личности, обладавшей не узким индивидуализмом, а тем, «что Луначарский назвал «макропсихическим индивидуализмом», где «Я» «идентифицируется с широким и постоянным «Мы», и где полный жизненной энергии одинокий герой

[90] Там же. – л. 3 об.
[91] См.: Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. – СПб., 1997. – С. 59.
[92] Купайгородская А.П. Дискуссия // Там же. – С. 208.
[93] См.: Там же.

стремится не к личному хищническому обогащению, а борется за прогресс всего человечества»[94].

Рабочие сталкивались с подобными идеями о личности на страницах доступных и популярных изданий, начиная с произведений Некрасова, Короленко, Чехова, Толстого и, особенно, Горького и заканчивая широкой коммерческой печатью, рассказывавшей, с одной стороны, об унижении личности в России, а с другой – сделавшей очень много для популяризации среди широкой читающей публики культа борцов за самоутверждение личности и интересы низов. Осознание оскорбительной социальной дискриминации пронизывает литературные произведения многих рабочих писателей. Эксплуатация рассматривалась ими не просто как проявление неравноправных экономических отношений, но как оскорбление, наносимое личности рабочего[95].

Рабочие всячески (через одежду, язык, манеры, приобщение к культурным ценностям, участием в общественной жизни, обращении к властям) стремились подчеркнуть свое равенство с привилегированными элементами общества[96]. Очень часто такое стремление принимало отчужденные формы в виде пьянства, хулиганства и воровства на производстве. Не редки были случаи ироничного нарочитого хамства по отношению к любому начальству, закону и религии. После 1905–1907 гг. антирелигиозные настроения, по свидетельству ежегодных отчетов епископов, стали повсеместным явлением среди рабочих[97]. Это было связано с тем, что церковь в представлениях пролетарских слоев являлась социальным институтом, поддерживающим их унизительное положение.

Многие русские рабочие стремились к публичному выражению и признанию их права на уважение к своей личности и своей роли в общественной сфере. Было множество случаев, когда рабочие подавали в суд только для того, чтобы создать затруднения работодателю или продемонстрировать свое равенство перед судом или, как отметил один мировой судья, «доставить себе удовольствие на суде стоять рядом с высоким сановником… и объяснятся с ним как равным себе

---

[94] Стейнберг М.Д. Представление о «личности» в среде рабочих интеллигентов // Там же. – С. 99.
[95] См.: Там же. – С. 100.
[96] См.: ЦГИА СПб., ф. 569, оп. 15, д. 808, л. 7–7 об.
[97] См.: Кадсон Н.В. Указ. соч. – С. 208–219.

гражданином»[98]. Во многом это было вызвано тем, что рабочие сталкивались в общении с привилегированными слоями с таким обращением, которое воспринималось как грубое. Неизбежный отказ от признания этого стремления со стороны привилегированных групп населения и представителей властей стал одной из причин прихода молодых рабочих в революционное движение.[99] То есть соединение ощущения близости к образцам привилегированной культуры и, одновременно, понимание своей отдаленности от них приводило к тому, что рабочие крупных городов стремились не только к равенству, но и к политическому размежеванию с верхними слоями общества.

Универсальные моральные идеалы человека, подмеченные через призму своего и чужого опыта, помогали рабочим в осознании своей классовой принадлежности и подталкивали к классовому действию. Растущее чувство самосознания и собственного достоинства очень часто приводило рабочих к обостренному ощущению того, что их эксплуатируют как класс. От ощущения чувства попранного человеческого достоинства они переходили к осознанию своего классового унижения[100]. Таким образом, динамика менталитета видна через призму перехода от индивидуального к классовому сознанию. Но присутствовала и обратная связь – от классового к индивидуальному сознанию. Причем роль первичной структуры менталитета рабочих, по-видимому, играли различные элементы общинного сознания, подвергавшиеся воздействию со стороны индустриального бытия рабочих.

Этот алгоритм справедлив в полной мере и для проблемы борьбы рабочих за уважение к себе со стороны высших слоев общества. В отношениях с администрацией действовало «стремление вернуть утраченное человеческое достоинство, которое у крестьян было неразрывно связано с правом на участие в управлении трудовым процессом, с выполнением не только исполнительной, но и распорядительных функций»[101]. Рабочий, как и крестьянин, оставался коллективной личностью, ощущал себя частью «рабочей семьи» и предпочитал

[98] Нюбергер Дж. Власть слова: рабочие против хозяев в мировых судах // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. – СПб., 1997. – С. 264.

[99] См.: Хаймсон Л. К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XIX – начале XX в.: роль общественных представлений в отношениях участников рабочего движения с социал-демократической интеллигенцией // Там же. – С. 29.

[100] Стейнберг М.Д. Указ. соч. – С. 97.

[101] Михайлов Н.В. Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. – СПб., 1997. – С. 163.

коллективные формы участия в общегородских организациях индивидуальным[102]. Традиции общинного самоуправления, преодолевая сопротивления властей и предпринимателей, непонимание интеллигенции, проявились в стремлении рабочих к самоорганизации. В результате трудовой коллектив сложился в новую устойчивую общность, которую сознание рабочих наделяло теми же правами, что и община в представлении крестьян: высшим авторитетом, правом судить или изгонять своих членов, выступать от их имени, коллективной ответственностью, материальной и моральной поддержкой «пострадавшего за общество».

Общинный коллективизм был присущ всем сословиям, из которых рекрутировались рабочие[103] и поэтому традиции общинного самоуправления соответствовали всей фабрично-заводской среде, приобретая новую индустриальную форму. Крестьянин или кустарь, утрачивая привычные социальные связи, испытывали в новых незнакомых условиях психологический дискомфорт и пытались либо воспроизвести общинный уклад жизни в виде землячеств, квартирных или казарменных артелей, реже – производственных артелей, либо использовались традиционные формы и способы в политической борьбе, производственном самоуправлении и рабочих коллективах.

Коллективизм рабочих до 1905 года имел местный масштаб, не выходил за пределы предприятия, города и связанного с ним региона. Солидарность с рабочими других городов была еще редким и немасштабным явлением. К числу выступлений солидарности следует отнести прежде всего немногочисленные первомайские демонстрации и стачки. Перелом произошел только после 1905 года[104].

Тот факт, что для российского рабочего очень много значило его принадлежность к определенному коллективу, является убедительным доказательством бесперспективности стремления кадетов приобщить рабочих к либеральной идее общегражданских ценностей и вывести их таким образом за пределы групповых интересов[105].

Коллективизм рабочих опирался на отсутствие в их среде скольнибудь сильного частнособственнического начала, что способствовало восприимчивости ими социалистического учения, предполагавше-

---

[102] См.: Там же.

[103] См.: Миронов Б.Н. Дискуссия // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. – СПб., 1997. – С. 206.

[104] См.: Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX в. // Там же. – С. 66.

[105] Михайлов Н.В. Дискуссия // Там же. – С. 441.

го ликвидацию института частной собственности[106]. Причиной такого антисобственнического нигилизма явилась совокупность обстоятельств: во-первых, это низкий уровень жизни, не позволявший копить деньги; отсутствие во многих случаях недвижимого имущества; во-вторых, – отсутствие прочной частнособственнической традиции и, в-третьих, – воздействие возникшей в этот период социокультурной инверсии в сознании рабочих, направленной на утверждение общинно-патриархальных ценностей и усилившей психологическое неприятие частной собственности.

Коллективизм и антисобственнический нигилизм, жесткое противодействие любым справедливым требованиям рабочих со стороны предпринимателей и властей, тяжелое материальное положение, острое осознание своего унизительного социального статуса, революционная пропаганда содействовали относительно быстрому осознанию российским пролетариатом своих классовых интересов, их противоположность интересам буржуазии. Это же стало основой радикализации пролетарского менталитета. Его проявлениями стали решимость идти до конца и отвержение любых компромиссов. Анализируя эту ситуацию, либерал И.Х. Озеров в 1905 г. отмечал, что консерватизм и отсутствие политической гибкости русской буржуазии, поддержка буржуазии царским правительством внушали рабочим недоверие к правительственной власти и продолжали «как бы учить рабочих на тему, что рабочие-де только то получают, что сами силой захватят, то есть как бы их приучают к захватному праву, и это внедряется в плоть и кровь широких масс…»[107].

Революционный подъем, начавшийся перед Первой мировой войной, со всей очевидностью показал, что *в среде рабочего класса осознание невозможности добиться удовлетворения своих насущных нужд мирным, реформистским путем усилилось*[108]. Именно поэтому либеральная оппозиция не имела базы в рабочей среде, а меньшевистское направление в российском рабочем движении теряло свое влияние в ею же созданных легальных рабочих организациях. Этот радикализм имел объективные исторические корни. Он был связан и с высокими социальными издержками избранной модели капитали-

[106] См.: Там же. – С. 442; Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX в. // Там же. – С. 64–65.
[107] Озеров И.Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. – М., 1906. – С. 303.
[108] См.: Ленин В.И. Революционный подъем // Ленин В.И. ПСС. – М., 1973 – Т. 21. – С. 341.

стической модернизации страны[109], и с острой реакцией на это традиционного общества.

Очень важной особенностью менталитета рабочих России конца XIX – начала XX в. стала его относительная дифференциация. Низшие слои оставались ещё в плену консервативных представлений и нередко служили основой для формирования отрядов черносотенцев, членов зубатовских организаций[110]. Так называемые «сознательные» рабочие усваивали и пытались руководствоваться «новым взглядами», привносимыми социалистической интеллигенцией. Они же резко выступали против негативных обычаев и традиций, существовавших в рабочей среде. Таким образом, в начале XX в. внутри рабочего сообщества четко обозначились два крыла – праворадикальное, черносотенное и леворадикальное, находившееся под влиянием социалистических идей[111]. Однако самый большой слой рабочих – это «середняки», которые колебались, были неустойчивы и во взглядах, и в поведении. Ярким примером проявления этих качеств является Всенижайшее прошение рабочих Александровского сталелитейного завода на имя министра внутренних дел, поданное в марте 1902 года[112] (См. приложение 2). Именно среда «середняков» ревностно охраняла традиции и обычаи, сложившиеся в трудовых коллективах. Многие обычаи фабрично-заводских рабочих, как и их нравы, являлись своеобразной трансформацией старых крестьянско-ремесленных традиций, перенесенных в иную социальную сферу и другие условия производства (новый трудовой ритм, новые производственные отношения)[113]. К крестьянско-ремесленным традициям восходили такие производственные обычаи как «замочка машин», «засидки», «спрыски», «магарычи», «посиделки» в фабричных и казарменных уборных, «пропой», кулачные бои («стенки», «кулачки»), вывоз на тачке «мусора», митинг-сходка, «маёвка», рабочие похороны[114]. В разных регионах и у представителей разных отраслей эти обычаи и вообще нравственный уклад жизни имели свои особенности. Например, «за-

[109] См.: Волобуев П.В. Выступление на заключительном заседании // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. – СПб., 1997. – С. 618.
[110] См.: Степанов С.А. Рабочие и черносотенные организации 1905–1917 гг. // Там же. – С. 376–378; Потолов С.И. Петербургские рабочие и интеллигенция накануне революции 1905–1907 гг. «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга» // Там же. – С. 530–541.
[111] Ананьич Б.В. Дискуссия // Там же. – С. 429.
[112] См.: ЦГИА СПб, ф. 1229, оп. 1, д. 225, л. 11.
[113] См.: Полищук Н.С. Указ. соч. – С. 115.
[114] См.: Там же. – С. 115–128.

сидки» и «замочка машин» существовали только у ткачей в связи с особым режимом работы ткацких фабрик и тесной связью с деревней. Половая распущенность среди рабочих не представляла общераспространенного явления. Так, в Нижнем Тагиле, где женский труд очень мало использовался на заводах и рудниках, и к тому же большую часть населения составляли старообрядцы, нравы были исключительно строгими[115].

Революционные события 1905–1907 гг. произвели существенную корректировку менталитета, прежде всего средних и низших слоев, и изменили соотношение в пользу социально более активных рабочих. На это, по-видимому, оказало влияние и уменьшение темпов прироста рабочего класса и особенно за счет крестьян. Сдвиги сознания выразились в целом ряде моментов.

В рабочей среде все большее распространение получил новый социальный идеал, представлявший собой симбиоз религиозно-общинных принципов и социалистических идей. Социализм с его идеями равенства, справедливости, общественной собственности, коллективного труда рисовался в сознании рабочих как воплощение евангельской заповеди о Царствии Божием и традиций предков. Большевик А.С. Шаповалов вспоминал, что в рабочей среде социализм казался земным раем[116]. Многие пропагандистские материалы вплоть до 1917 г. называли социализм «светлым будущим», «священным идеалом настоящей свободы, равенства и братства»[117].

Ужесточилось отношение к самодержавно-полицейским порядкам и наоборот, вырос авторитет леворадикальных партий. Такие факты как избиение рабочими партийных агитаторов, которые имели место в начале 1905 г., уже никогда не встречались[118].

В сознании подавляющего большинства рабочих утвердилась ценность пролетарского интернационализма. Ни в одном национальном отряде российского рабочего класса национализм не встречал массового сочувствия[119].

Выводы

[115] См.: Там же. – С. 228.

[116] См.: Шаповалов А.С. В борьбе за социализм: воспоминания старого большевика-подпольщика. – М., 1957. – С. 109.

[117] Королев Г.И. Представления рабочих России конца XIX – начала XX в. о социализме // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. – СПб., 1997. – С. 248.

[118] См.: Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX в. // Там же. – С. 68.

[119] См.: Там же. – С. 69–70; Аханчи П.А. Этно-религиозные группы нефтепромышленных рабочих г. Баку и их взаимоотношения в конце XIX – начале XX в. // Там же. – С. 131–146.

Нарастание доли постоянных, потомственных рабочих кадров, все более освобождавшихся от связей с деревней при снижении темпа роста общей численности фабрично-заводского пролетариата в начале XX в., приводило к накоплению излишка рабочей силы в аграрном секторе, что способствовало усилению его социально-экономической анклавности, постепенному затуханию процесса пролетаризации и развитию пауперизации. Данное обстоятельство приводило к двояким последствиям. С одной стороны, в ближайшей перспективе происходило уменьшение тормозящего воздействия неотрадиционного крестьянского уклада на формирование социального положения и менталитета промышленного пролетариата, но с другой стороны, в стратегическом плане вырисовывалась картина остановки процесса индустриализации страны.

Процессы индустриализации и урбанизации сопровождались двойной социокультурной динамикой. Рабочие, вставшие к станкам промышленных предприятий в конце XIX – начале XX в., сохраняли в своем сознании традиционные общинные ценности. Но при этом в ходе приспособления к новым жизненным обстоятельствам они не вытеснялись другими и не утрачивались, а трансформировались в рамках новой общности – трудового коллектива, принимая ярко выраженную антибуржуазную направленность. Теперь не только сами рабочие осознавали себя особым слоем со своими представлениями и поведением, но и представители властей и заводской администрации констатировали это как факт.

В результате сформировалось двухсоставное социокультурное образование. В его основании находилась рабочая субкультура, как часть мира повседневности с его ценностями, обычаями, формами жизнедеятельности, самоорганизацией трудовых коллективов и т.д., возникшая на пересечении традиционной и буржуазной культур. Второй элемент составила основанная на противопоставлении классов буржуазного общества «пролетарская культура», как идеологическая репрезентация класса во вне и, одновременно, альтернатива «народной культуры»[120]. Эти элементы, несмотря на разнородное формационное происхождение, образовали относительно непротиворечивую на данном историческом этапе систему, что говорит о завершении формирования классового сознания российских рабочих как в виде специфического менталитета, так и в форме их классовой идео-

[120] См.: Дмитриев А.Н. Дискуссия. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. – СПб., 1997. – С. 591.

логии. Однако содержание этого сознания позволяет сделать вывод о его буржуазно-традиционном раннеиндустриальном характере.

§ 4. Промежуточные городские слои, интеллигенция в условиях трансформации российского общества

Важной составляющей социальной структуры России конца XIX – начала XX в. были промежуточные городские слои. К ним следует отнести не только первоначально и теоретически выделенные нами группы, но и другие категории населения, формально подпадающие под признаки пролетариата. Этот методологический шаг диктуется историческими реалиями переходной эпохи, во время которой, во-первых, классы буржуазии и пролетариата до конца ещё не сложились, во-вторых, давало о себе знать сословно-классовое деление общества, в-третьих, сами промежуточные слои ещё находились в стадии становления.

Изучение городских средних слоев также предполагает использование единого критерия как для «старых» слоев, вышедших из феодальной эпохи (мелкие торговцы и ремесленники), так и для новых – различных категорий служащих и интеллигенции. Сущность этого критерия состоит в сочетании собственности и личного труда. У «старых» слоев оба фактора материализованы, у «новых» – личный труд основывается на особом виде собственности – интеллектуальных, творческих способностях человека[1].

Не смотря на свое разнообразие, промежуточные слои были относительно немногочисленными. Так, накануне Первой мировой войны было свыше 214 тыс. владельцев ремесленных заведений, как имевших, так и не имевших наемных рабочих[2], около 2 млн. чиновников и служащих банков, учреждений и предприятий[3]. Во всех учебных заведениях (начальных и средних школах) работало свыше 190 тыс. учителей и обслуживающего персонала[4]. Научным трудом занимались 4240 лиц. В высших и средних специальных учебных за-

[1] См.: Никифоров Л.В. Отношения собственности на рубеже веков: Направления трансформации // Собственность в XX столетии. – М., 2001. – С. 404.

[2] См.: Ремесленники и ремесленное управление в России. – Пг., 1916. – Отд. III. – Табл. 2. – С. 60–65.

[3] См.: Востриков Н.И. Борьба за массы (Городские средние слои накануне Октября). – М., 1970. – С. 14.

[4] См.: Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 года. Вып. XVI. Итоги по империи. – Пг., 1915. – С. 4; Куломзин А.Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. – СПб., 1912. – С. 29.

ведениях обучалось более 180 тыс. студентов[5]. Имелось свыше 60 тыс. инженерно-технических и почти 49 тыс. медицинских работников. Около 1,3 млн. человек занималось мелкой торговлей в городах и селах. В вооруженных силах проходили службу 45,6 тыс. офицеров[6]. После сложения общая приблизительная численность промежуточных слоев составляет около 4 млн. чел.

Существовал большой разрыв в экономическом положении верхних и низших слоев рассматриваемых социальных групп. Например, отдельным служащим благодаря высокой заработной плате удавалось сколотить небольшой капитал, завести собственное дело или стать компаньоном, однако были и такие служащие, которым платили меньше, чем зарабатывал промышленный рабочий. Очень часто их заработная плата была настолько мизерной, что В.И. Ленин назвал ее «голодной платой»[7]. Так, низшие служащие Бакинского нефтепромышленного района (конюхи, кучера, сторожа, дворники, телефонисты) в 1907 г. на каждый рубль, заработанный мастеровыми, имели всего лишь 63 копейки[8]. Оклады высших чиновников почтово-телеграфного ведомства в 4 раза превышали оклады низших служащих[9].

Контраст в заработной плате имел место и в области образования. Если в мужской средней школе Министерства просвещения учитель с высшим образованием, получая первоначальный оклад 900 руб. в год, после четырех пятилетних прибавок по 400 руб. мог довести за 20 лет свой оклад до 2500 руб.[10], то оплата народного учителя-мужчины в городской начальной школе составляла 528 руб. в год, а в сельской – 343 руб. Учитель церковно-приходской школы получал 120 руб. в год[11]. Характеризуя свое плачевное материальное положение, учитель Подбережского Земского училища Новоладожского уезда Петербургской губернии Аполоний Кедров в 1905 г. писал: «Служа учителем в Земских училищах… с 1885 г. и живя только

---

[5] См.: Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1910–1917 годах. – М., 1981. – С. 8–9; Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои. – М., 1981. – С. 20.

[6] См.: Востриков Н.И. Борьба за массы (Городские средние слои накануне Октября). – М., 1970. – С. 14–15.

[7] См.: Ленин В.И. Рост капиталистического богатства // Ленин В.И. ПСС. – М., 1973 – Т. 23. – С. 186.

[8] См.: Востриков Н.И. Указ. соч. – С. 29.

[9] См.: Там же. – С. 31.

[10] См.: Календарь для учителей на 1914/15 учебный год. – СПб., 1914. – Ч. II.

[11] См.: Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1910–1917 годах. – М., 1981. – С. 65.

на одно учительское содержание, я не имел возможности, имея семью, скопить средства на образование детей»[12]. Почти всегда при обращениях в вышестоящие инстанции и на собраниях учителя в первую очередь ставили вопрос о своем неудовлетворительном материальном положении[13]. Большой разрыв в уровне жалованья имел место и высших учебных заведениях. Так, в 1911 г. на Бестужевских высших женских курсах профессора получали от 1500 до 2500 рублей за год, а преподаватели – от 200 до 600 рублей[14].

Что касается ремесленных заведений, то по данным 1910 года в число средних и крупных капиталистов удалось пробиться 2224 хозяйствам, то есть 1,04% от их общего числа[15]. Абсолютное же большинство ремесленников имело годовой заработок в 600–800 руб., который лишь на немного превышал заработную плату промышленного рабочего[16]. В 1910 г. минимальный чистый доход целого ряда московских ремесленников составлял даже 100 руб. в год, а в Казани и того меньше – 5–10 руб.[17].

Доходы мелких торговцев также были небольшими и поэтому не всегда покрывали трудовые затраты. В 1912 г. годовой доход торговцев 4-го и 5-го разрядов не превышал 240 руб., что не давало возможности ни расширить производство, ни нанимать работника[18]. Главная причина такого низкого уровня доходности мелких предпринимателей состояла в квазикапиталистической эксплуатации со стороны крупного промышленного и торгово-ростовщического капитала.

Таким образом, в России большинство представителей так называемых «средних классов» обладали собственностью, которая только зачастую с трудом позволяла выжить[19].

Промежуточные слои имели как сословный, так и буржуазный источник развития и, следовательно, соответствующие социальные черты. С одной стороны, продолжали существовать общественные группы старого сословного общества: ремесленники, мелкие торгов-

---

[12] См.: ЦГИА СПб., ф. 682, оп. 1, д. 1108, л. 169.
[13] См. напр.: ЦГИА СПб., ф. 1780, оп. 3, д. 1, л. 64–64 об.
[14] См.: ЦГИА СПб, ф. 113, оп. 1, д. 31, л. 45–45 об.
[15] См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. ПСС. – М., 1971. – Т. 3 – С. 348.
[16] См.: Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М., 2004. – С. 534.
[17] См.: Востриков Н.И. Указ. соч. – С. 19.
[18] См.: Струмилин С.Г. Статистико-экономические очерки. – М., 1958. – С. 679.
[19] См.: Земцов Б.Н. Ментальность масс в канун «великих потрясений» // Свободная мысль. – 1997. – № 11. – С. 91.

цы, слуги, извозчики, приказчики, служащие государственных учреждений и т.п., а, с другой стороны, рост потребностей капиталистического производства в специалистах заставил государство и господствующие классы обращать большее внимание на народное образование, на подготовку инженеров, техников, учителей, научных и медицинских работников. В связи с этим правительству пришлось несколько шире приоткрыть двери в высшие и средние технические учебные заведения для выходцев из непривилегированных социальных групп. И хотя число учащихся этой категории было немалым, все же оно не соответствовало удельному весу трудящихся в общем населении страны. В 1914 г. свыше 57% студентов университетов являлись выходцами из семей дворян, чиновников и купцов. На долю же мещан и цеховых приходилось только 24,3%. Выходцы из трудящихся преобладали главным образом в учительских институтах (64,46%) и семинариях (70,9%). Однако в городских школах больше оседали представители высших классов[20].

Формационные отличия присутствовали не только между социальными группами, но и внутри них. Например, экономическая жизнедеятельность ремесленников до 1917 г. регулировалась правовыми актами сословного общества: Ремесленным положением 1785 г. и Уставом цехов 1799 г. Согласно этим документам все ремесленники должны были записаться в цехи: как вечно-цеховые с правами мещанства и как временно-цеховые без этих прав. Благодаря принятым мерам число цехов и записанных в них ремесленников постепенно возрастало и к 1858 г. охватило до 7% всех городских обывателей 180 городов[21]. С быстрым развитием индустриализации страны после отмены крепостного права, а также в связи с наступлением правительства в 1880-х гг. на временно-цеховых, ремесленный труд стал постепенно вытесняться (доля цеховых составила в 1893 г. 203,3 тыс. чел. – 4% городских обывателей в 142 городах)[22] и подвергаться квазикапиталистической эксплуатации, что привело к постепенному отмиранию цехового строя (который до 1917 г. все же продолжал свое существование в 29 городах страны) и нарастанию тенденции индивидуализации ремесленного труда. Так, если в 1858 г. в цехах состояли

[20] См.: Востриков Н.И. Указ. соч. – С. 24.
[21] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.). – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 117.
[22] См.: Там же. – С. 503.

278 тыс. ремесленников из 332 тыс., то в 1910 г. – 186 тыс. из 716 тыс.[23].

Переходные процессы в промышленности обусловили формационную раздвоенность психологии многих ремесленников, которая заключалась в переплетении сословных пережитков (общинный коллективизм, локализм, ксенофобия) с новыми ценностными ориентирами на развитый утилитаризм, образование и модернизацию социальной жизни. Парадоксальным итогом этого синтеза стало формирование антибуржуазного мировоззрения подавляющей части ремесленников.

К сходному результату пришло развитие и других промежуточных слоев, в том числе и входящих в состав образованного общества. Причина данной ментальной трансформации имела комплексный характер: в целом низкий уровень жизни средних слоев, существующий на фоне капиталистической индустриализации, их социальное и политическое бесправие как бы перемножались на уравнительное содержание социокультурной инверсии и востребованные в этой связи различные ценностные ориентиры и поведенческие стереотипы сословных групп, на которых формировались средние слои: общинный коллективизм крестьян, народопоклонство дворян, борьба за попранную честь разночинцев и т.п.

Подтверждением *господства антибуржуазной парадигмы в сознании средних слоев* является тот факт, что конституционно-демократическая партия, опиравшаяся именно на эти слои, часто вынуждена была смещать приоритеты своей либерально-буржуазной программы влево[24]. Кроме того, в кризисной ситуации 1917 г. даже при том, что многие из представителей городских средних слоев «имели собственное дело и вроде бы должны были оказать политическую поддержку единственной защитнице капиталистического будущего России – кадетской партии, на летних муниципальных выборах… эти слои в основном поддержали левые партии – эсеров и меньшевиков»[25].

Другим важным итогом развития средних городских слоев явилось сильное торможение их объединения в единый средний класс. Причины этого заключались в немногочисленности средних слоев, в их сословной, профессиональной неоднородности, существенных

[23] См.: Там же. – С. 505.
[24] См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 483–484.
[25] Земцов Б.Н. Указ. соч. – С. 90.

различиях в материальном положении, в общей относительной бедности российского общества, в формационной психологической раздвоенности представителей промежуточных групп, ориентации их значительной части на антибуржуазные ценности. *На наш взгляд, такой социальный облик промежуточных городских слоев являлся одной из главных причин слабости либеральной оппозиции в России, бесперспективности буржуазно-парламентского пути развития политической системы.*

Исследование показывает, что одним из последствий модернизации явилось возникновение и развитие русского образованного общества. Оно, по И. Аксакову, было представительством всех сословий, образованной частью населения страны, не включенной в бюрократические структуры, при руководящей роли дворянства[26]. В.Я. Гросул считает, что «общество» – это такой социальный организм, который как бы располагался между народом и властью[27]. Он родился, как прямой результат социокультурного раскола российского социума, идущего со времен Петра I и был неотъемлемым атрибутом российской модернизации, чутко реагируя в своем развитии на все её циклы. «Общество» изначально было светским, дворянским и элитарным, но постепенно включало в себя новые социальные прослойки. Являясь во многом порождением власти, оно постепенно превращалось в параллельную структуру, всё более уходящую в оппозицию[28].

Образованные русские люди «сформировали новую социальную силу в жизни страны и в этом смысле их можно назвать классом. Это был, конечно, неоднородный класс, не все его члены интересовались идеями или политикой, но те, кто интересовался, образовали «интеллигенцию»[29].

При рассмотрении проблемы интеллигенции возникает важный методологический вопрос: исходя из какого признака следует определять данное понятие? Современный социологический подход чаще всего рассматривает интеллигенцию как «общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением куль-

[26] См.: Аксаков И.С. Статья из газеты «День» от 17 апреля 1862 г. «Исторические судьбы Земства на Руси» // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. – М., 1887. – Т. 5. – С. 229–230.
[27] См.: Гросул В.Я. Указ. соч. – С. 5.
[28] См.: Там же. – С. 6.
[29] Briodo V. Apostles into Terrorists: Women and the Revolutionary Movement in the Russia of Alexander II. – N.Y., 1997. – P. 8.

туры»[30]. Причем, в этот слой включаются как индивидуалы, так и пролетарии умственного труда, что на наш взгляд, затушевывает классовые различия между двумя группами интеллектуалов. Поэтому, использование термина «интеллигенция» в данном значении представляется не вполне обоснованным. И, кроме того, во второй половине XIX – начале XX в. он был весьма многозначным. Под интеллигенцией современники понимали и лиц, выделяющихся образованием, и представителей интеллигентных профессий – студентов, учителей, писателей, политических деятелей[31], и «лиц, добывающих средства существования продажей своей умственной (интеллектуальной) силы или продуктов её»[32]. Нередко этот термин использовался для обозначения людей, живущих «интеллигентно», ведущих определенный образ жизни. Очень часто понятие «интеллигенция» употреблялось для характеристики «отчужденных» интеллектуалов, находящихся в оппозиции режиму. Например, журнал «Свобода», выходивший в Женеве, имел специальный подзаголовок: «Политический орган русской интеллигенции». Авторы не отождествляли себя с «нигилистами», но утверждали, что для интеллигенции злейшим и опаснейшим врагом является царское правительство[33]. Революционные силы 60–70-х годов XIX в. главный признак интеллигента видели в наличии «идей служения народу»[34]. В либеральных же кругах под интеллигенцией понимали наиболее образованный и поэтому наиболее ценный и активный слой общества, являвшийся творцом национального прогресса[35].

Наиболее близкое к адекватному пониманию феномена русской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в. представил Н.А. Бердяев. Говоря об отличии западного «intellectuels» от русской интеллигенции, он утверждал, что к ней могли принадлежать люди и не занимающиеся профессионально интеллектуальным трудом[36]. Это наблюдение Н.А. Бердяева полностью подтверждается существова-

---

[30] Амбарцумов Е.А. Интеллигенция // Большая советская энциклопедия. – Т. 10. – С. 311. См. также: «…слой, состоящий из лиц, профессионально занимающихся высококвалифицированным умственным трудом, требующим специального среднего или высшего образования». Руткевич М.Н. Интеллигенция как социальная группа и её сближение с рабочим классом: Классы, социальные слои и группы в СССР. – М., 1968. – С. 136–137.

[31] См.: Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад // Ленин В.И. ПСС. – М., 1972 – Т. 8. – С. 309.

[32] Русская энциклопедия. СПб., 1914. – Т. 9. – С. 34.

[33] См.: Редакционная статья // Свобода. – 1888. – № 1/2. – С. 2.

[34] Чуковский К.И. Живой как жизнь: Разговор о русском языке. – М., 1969. – С. 51.

[35] Цит. по: Глинский Б.Б. Очерки русского прогресса. – СПб., 1900. – С. 544.

[36] См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 17.

нием такого специфического слоя как «рабочая интеллигенция»[37]. Кроме того, по мнению Н.А. Бердяева, многие русские интеллектуалы по своему менталитету и нравам не могли быть причислены к интеллигенции, так как «интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов, сначала по преимуществу из более культурной части дворянства, позже из сыновей священников и диаконов, из мелких чиновников, из мещан и, после освобождения, из крестьян»[38].

Сходную трактовку интеллигенции давал видный английский историк Х. Ситон-Уотсон. Русская интеллигенция, писал он, не равнозначна «профессиональному классу» в западном смысле слова. Принадлежность к умственному труду не была решающим признаком русского интеллигента. По мнению историка, интеллигент в России – фигура оппозиционная, противостоящая и старому политическому режиму, и невежественным народным массам[39]. Другой западный исследователь, В. Нагирный также считал, что исторически достоверное понятие «интеллигенция» охватывало идеологизированных лиц интеллектуальных профессий[40].

На наш взгляд, *русская интеллигенция второй половины XIX – начала XX в. – это специфический промежуточный слой образованных людей, включавший представителей всех социальных классов и сословий, занявший активную жизненную позицию*. Появление интеллигенции было связано с целым рядом объективных и субъективных обстоятельств.

Петровские преобразования, породив социокультурный раскол русского социума, стали важнейшей предпосылкой формирования русского образованного общества, а в последствии – и русской интеллигенции. Однако непосредственный толчок появлению этого слоя дала политика «просвещенного абсолютизма», которая положила начало дворянскому потоку интеллигенции. Если Петр I начал административную и технологическую вестернизацию России, то Ека-

---

[37] См.: Ольховский Е.Р. Формирование рабочей интеллигенции в России в конце XIX – начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. – СПб., 1997. – С. 77–95; Стейнберг М.Д. Указ. соч. – С. 96–113.

[38] Бердяев Н.А. Указ. соч. – С. 17.

[39] Seton-Watson H. The Decline of Imperial Russia. – L., 1952. – P. 18.

[40] См.: Nahirny V. The Russian Intelligentsia: From Torment to Silence. – New Brunswick – L., 1983. – P. 35.

терина II повела интенсивную европеизацию русской мысли[41]. Именно такая «интеллектуальная вестернизация», считал он, заложила «основы для либерального и радикального движений следующего столетия»[42].

«Интеллектуальная вестернизация», при всем её значении, никогда не привела бы к этим последствиям без мероприятий по освобождению от обязательной службы дворянского сословия. Именно Манифест о вольности дворянской 1762 г. сыграл решающую роль в его преображении. Определенная часть дворянства получила досуг, необходимый для умственной и общественной деятельности, что не замедлило сказаться на общей социокультурной ситуации в образованном обществе. Помещики зажили новой общественной жизнью. Заметно расширился их кругозор. Появились большие домашние библиотеки. В провинции стали выписываться газеты и журналы. Начались споры на литературные и философские темы. Провинциальное дворянство получило возможность просматривать спектакли, слушать концерты, участвовать в балах. Активизировалось участие дворянства в местном самоуправлении. Постоянное общение привело к возникновению жизнерадостного и динамичного типа личности[43].

После выхода продворянских освободительных законов дворяне внутренне раскрепостились: у них появилось чувство личной безопасности. И именно с тех пор русское «общество» наконец-то принялось отстаивать свое право на независимое существование. Это внесло заметный вклад в формирование нового типа культуры, ориентирующегося на динамику мысли, активность поступка, определенный уровень интеллектуальной элиты[44]. Именно в это время у некоторых дворян возник острый внутренний конфликт с окружавшей общественной средой: с одной стороны, с доминирующей в их жизни сферой государственной службы, которая настраивала на чинопочитание и унижение человеческого достоинства, с другой стороны, с образованным обществом, в большинстве своем живущим этими настроениями[45]. Н.А. Бердяев по этому поводу писал: «Необычайно было одиночество русских культурных и свободолюбивых людей первой половины XIX века. Были культурные люди, но не было культурной

[41] Wren M. The Western Impact of Russia. – N.Y., 1976. – P. 109.
[42] Ibid. – P. 146.
[43] См.: Гросул В.Я. Указ. соч. – С. 67–68, 87.
[44] См.: Марасинова Е. Декабристы: аристократическая фронда в России? // Россия XXI. – 1994. – № 1–2. – С. 103; Гросул В.Я. Указ. соч. – С. 67.
[45] См.: Марасинова Е. Указ. соч. – С. 100.

среды.…Огромная масса русского дворянства была темной, ленивой и вела бессмысленную жизнь»[46].

Слишком явный контраст между привилегиями дворянства и угнетенным положением народных масс вызвал пробуждение гражданской совести и сострадательности у европейски просвещённой части высшего сословия России[47]. Не смотря на то, что дворянское общество в целом оставалось сторонником крепостного права, увеличилось количество его категорических противников. Так обозначился раскол в самом образованном обществе.

Н.А. Бердяев писал, что начало XIX в. было эпохой «разрыхления русской души», когда она стала восприимчивой ко всякого рода идеям, к духовным и социальным движениям[48]. Эта в целом верная мысль нуждается в одном уточнении – «разрыхление души» произошло только у небольшого слоя дворянства – дворянской интеллигенции.

В первой половине XIX в. в «обществе» естественно сложился и второй раскол: между дворянством и влившимися в «общество» разночинцами. Понятие «разночинец» использовалось и для людей, которые в силу обстоятельств открепились от своего сословия, но в момент переписи не успели закрепиться за другим сословием, и для всех тех, кто принадлежал к некоторым мелким социальным группам, имевшим промежуточный юридический статус между привилегированными и непривилегированными сословиями. Численность разночинцев и их доля в населении в 1719–1833 гг. увеличилась (с 1,6% до 4%), а в 1833–1913 гг. их доля уменьшилась (с 4% до 0,2%)[49]. К середине XIX века сформировался разночинский поток интеллигенции, охваченный в отличие от дворянства не угрызениями совести, а социальным реваншем попранной человеческой чести[50].

В конце 60-х – начале 70-х годов XIX в. доминирующая роль дворянства среди университетского студенчества была «окончательным и решительным образом сломлена»[51], так как «с отменой ограничения числа студентов в высших учебных заведениях со всех кон-

---

[46] Бердяев Н.А. Указ. соч. – С. 20–21.

[47] См.: Malia M. What is Intelligentsia? // The Russian Intelligensia / Ed. by R. Pipes. – N.Y., 1961. – P. 9–10.

[48] См.: Бердяев Н.А. Указ. соч. – С. 20.

[49] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – С. 132–133.

[50] См.: Бердяев Н.А. Указ. соч. – С. 49.

[51] Pushkin M. Rasnochinsy in University: Coverment Policy and Social Change in Nineteenth Centure Russia // International Review of Social History. Vol. 26. 1981. – Pt 1. – P. 36.

цов России молодежь устремилась в университеты, жертвуя на обучения последние гроши»[52].

Возникшая русская интеллигенция, как социокультурный слой, имела целый ряд характерных черт и особенностей: маргинальность («беспочвенность») интеллигенции, её разрыв со всяким сословным бытом и традициями; низкое социально-экономическое положение; нигилизм и фанатичная раскольническая мораль; стремление к идейно-психологической целостности, переходящее в тотальный догматизм; сострадательность и всечеловечность; безграничная социальная мечтательность; протест против буржуазии и мещанства; вера в русский народ и чувство вины перед ним; оппозиционность[53].

Эти черты, представленные наиболее объёмно в левом лагере интеллигенции, теряют свою полноту при перемещении через центр вправо, однако не исчезают совсем. Славянофилы и западники, почвенники и деятели земской оппозиции, и даже некоторые либеральные чиновники – это такие же интеллигенты как народники или же русские марксисты. Все они маргинальны, догматичны, занимают активную жизненную позицию, склонны к утопичным проектам и схемам, комплексуют по поводу своего разрыва с народом, в большинстве своем в определенной мере оппозиционны и не буржуазны.

Причины оппозиционности русской интеллигенции были многообразны. В первую очередь следует указать на то, что демократическое крыло русской интеллигенции отличалось весьма неустойчивым материальным положением. У русских разночинцев не было ни земли, ни денег и поэтому они могли рассчитывать только на свой собственный труд. Попадая в высшие учебные заведения, основная масса разночинной молодежи сразу же начинала вести тяжелую борьбу за существование. В ходе социологического исследования, проводившегося в 1872 г. в киевском университете Св. Владимира выяснилось, что «40% принадлежит к обеспеченным, 60% к недостаточным студентам»[54]. Н.Х Бунге, подводя итог этому исследованию, писал: «Спрашивается: каким образом могут существовать студенты при такой бедности средств? Одни только носят имя студента, но учиться не могут, потому что по целым дням заняты частными уроками; дру-

[52] Щербакова Е.И. «Отщепенцы»: Социально-психологические истоки русского терроризма // Свободная мысль. – 1998. – № 1. – С. 89.
[53] См.: Бердяев Н.А. Указ. соч. – С. 18–30.
[54] Бунге Н.Х. О материальном положении студентов и о средствах для улучшения их быта. – Киев, 1872. – С.11.

гие оставляют университет иногда на целый год для того, чтобы заработать средства для окончания курса, третьи стараются обойтись без необходимого»[55]. Это обстоятельство заметно отличало разночинную интеллигенцию от дворянской, оппозиционность которой была в значительной мере окрашена в романтически-мечтательные тона[56].

Непростое материальное положение разночинной молодежи очень часто усугублялось безразличным отношением властей к нуждам студенчества. В своем письме Александру II студенты Московского университета писали: «Мы осмеливаемся ходатайствовать перед лицом Вашего Величества об отмене вновь установленной платы за слушание лекций. Государь! Эта мера легла тяжелым гнетом на наших неимущих товарищей и в то же время затруднила путь к образованию всем бедным молодым людям.

Поэтому мы осмеливаемся просить у Вашего Величества дозволения иметь правильно организованную кассу, при существовании которой мы могли бы прямо и открыто помогать нашим бедным братьям»[57].

Помимо экономических лишений разночинная интеллигенция страдала от реакционной политики царского правительства в области просвещения, от прямого административного насилия[58].

После окончания учебных заведений разночинцы часто оказывались не у дел и не только потому, что не находили поприща, соответствовавшего своим взглядам на общественное служение, но и потому, что потребности страны, ещё только вступавшей на путь капитализма, не могли поглотить весь образованный пролетариат. «Безместность», непристроенность огромной массы разночинцев означали для большинства из них полуголодное существование и вели к крушению надежд – не только связанных с материальным положением, но и с социальным статусом и духовными запросами. Рождались горькая досада на образованное общество и отчаяние и в конечном счете – нигилизм[59].

Культурный и социальный отрыв интеллигенции от широких народных масс конечно играл определенную роль в ее радикализации по принципу: «Если не мы, то кто же?». Однако, не следует представ-

---

[55] Там же. – С.12.
[56] См.: Карпачев М.Д. Истоки российской революции: Легенды и реальность. – М., 1991. – С. 93–94.
[57] ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 630, л. 1.
[58] См.: Там же. – С. 94.
[59] См.: Щербакова Е.И. Указ. соч. – С. 89.

лять разночинную интеллигенцию «патологическими изгоями». Стремление разночинца к свободе включало интересы всех угнетенных и «вопреки постоянным утверждениям официальной русской прессы, он не был чужеродным пришельцем и не принадлежал к среде отчужденной от народа»[60]. Разночинцы возмущались антигуманностью русского строя, они поднимались на борьбу потому, что считали необходимым сделать решающий выбор. Любой другой путь, с их точки зрения, означал измену гуманизму[61].

Драматизм положения демократической интеллигенции состоял в том, что её идеи, возникшие совершенно закономерно, долгие десятилетия не находили благоприятной социальной среды.

В той или иной степени оппозиционный дух был заметен в 60–70-х годах XIX в. не только среди левых интеллигентов, но и среди либералов, а также и консерваторов, имевших свои счеты с бюрократией[62]. Истоки этой оппозиционности следует искать в николаевской эпохе, когда был установлен ультраавторитарный бюрократический режим[63]. Крепостное право, состояние постоянной военной готовности страны, милитаризация чиновничества, требование полного единообразия в мыслях, сознательное насаждение властью беспричинного страха среди подданных, беспрецедентная цензура и полицейский надзор, элитизация университетов и выхолащивание учебных программ – все это способствовало тому, что интеллект нации за эти годы заметно измельчал, нравы образованного общества упали, а русский образованный человек был низведен до положения бесправного и бессловесного раба[64].

Однако недальновидная политика Николая I в конечном итоге только усилила раскол дворянского сословия и ускорила формирование оппозиционных настроений или по отношению к системе в целом, или – к её бюрократии.

Определенный вклад в усиление оппозиционных настроений интеллигенции всех направлений внес тот разрыв, который возник между завышенными социальными и политическими ожиданиями обра-

---

[60] Lampert E. Sons against Fathers: Studies in Russian Radicalism and Revolution. – L., 1965. – P. 91.
[61] Ibidem.
[62] См.: Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. – М., 2003. – С. 342.
[63] См.: Романовский С.Н. Нетерпение мысли или исторический портрет радикальной русской интеллигенции. – СПб., 2000. – С. 146.
[64] См.: Там же. – С. 139–144.

зованного общества и возможностями и желанием власти следовать в духе реформ. Охранительные интересы и «аффект страха» (Н.А Бердяев) на долгое время стали преобладающими в правящем слое. Именно с этого момента социальная инициатива в российской модернизации стала постепенно переходить к интеллигенции.

Интенсивное развитие капитализма внесло существенные коррективы в облик русской интеллигенции. Он теперь определялся больше не сословными рамками, а бурным ростом городов, промышленности, торговли и коммуникаций. В связи с этим возникла потребность во врачах, инженерах, учителях, юристах и других лицах умственного труда.[65] «Капитализм, – указывал В.И. Ленин, – во всех областях народного труда повышает с особенной быстротой число *служащих*, предъявляет все больший спрос на интеллигенцию. Эта последняя занимает своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наемным рабочим…»[66].

Пожалуй самым серьезным испытанием для русской интеллигенции стало её взаимодействие с возникающим буржуазным обществом, от которого ее отделяли, в первую очередь, социальные условия жизни. В начале XX в. основная масса интеллигенции по уровню материального благосостояния относилась к бедному большинству народа. Например, учителя сельских школ зарабатывали в 1917 г. меньше, чем чернорабочие – в среднем 552 руб. в год, но 66% из них имели зарплату в пределах 408–504 руб. в год[67].

Приняв с энтузиазмом идею свободной личности, русская интеллигенция не могла согласиться с антропологией западного гражданского общества, которая представляла человека как конкурирующего индивида, вынужденного непрерывно наносить ущерб ближнему в борьбе за существование[68]. Русский интеллигент с презрением относился к обогащению не потому, что сам не желал жить в достатке, а потому что не видел для себя реальных и благородных путей к его приобретению. Причем подобные настроения были свойственны не только интеллигенции, но и всем слоям общества. Культ денег никогда не почитался на Руси, а потому буржуазные реформы шли

[65] См.: Seton-Watson H. Op. cit. – P. 18.
[66] Ленин В.И. Рецензия на книгу К. Каутского «Бернштейн и с.-д. программа» // Ленин В.И. ПСС. – М., 1971 – Т. 4. – С. 209.
[67] См.: Кара-Мурза С.Г. Указ. соч.– С. 77.
[68] См.: Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. – С. 75.

вразрез с многовековыми традициями. Русское купечество было одновременно и уважаемым, и презираемым сословием. Весь пафос русской литературы второй половины XIX в. был против новой экономики. В целом для русской культуры стало традицией противопоставление духовных ценностей и материальных благ. Таким образом, глубинные противоречия между новыми рыночными реалиями и миросозерцанием русского человека обернулись против самодержавия, допустившего эту «западную заразу» на русскую землю[69].

Поэтому русская интеллигенция, проведя огромную работу по разрушению легитимности российского самодержавия, не смогла стать той духовной инстанцией, которая взяла бы на себя легитимацию буржуазного государства. Напротив значительная часть интеллигенции заняла определенно антикапиталистические позиции.

По сути дела русская интеллигенция стала своеобразным социокультурным преломлением российской переходной многоукладности, отражением анклавно-конгломератного характера экономического строя страны. Это выражалось, во-первых, в том, что в ней с самого начала обозначилось несинтезируемое конгломератное сосуществование трех идеологических направлений: консервативного, либерального и революционного (народнического и марксистского) и, во-вторых, в особой социокультурной (статус и ментальность) маргинальности и оторванности интеллигенции от народа, выдвинувших её социальных групп, бюрократии и даже самого образованного общества[70].

Выводы

Важной составляющей социальной структуры России начала XX в. были промежуточные городские слои. Их особенности: внутреннее разнообразие и относительная немногочисленность; большой разрыв в экономическом положении верхних и нижних групп; единство и сословных, и буржуазных источников развития, что определило соответствующие социальные черты. Переходные процессы обусловили формационную раздвоенность психологии многих представителей промежуточных слоёв, которая заключалась в переплетении сословных пережитков (общинный коллективизм, локализм, ксенофобия) с новыми ценностными ориентирами на развитый утилитаризм, образование и модернизацию социальной жизни. Парадоксальным итогом

[69] См.: Романовский С.И. Указ. соч. – С. 170–171.
[70] См.: Бердяев Н.А. Указ. соч. – С. 18–21.

этого синтеза стало формирование антибуржуазного мировоззрения. Другим важным итогом генезиса средних слоёв явилось сильное торможение их объединения в единый средний класс. Причины этого заключались в немногочисленности средних слоёв, сословной и профессиональной неоднородности, существенных различиях в материальном положении, в общей бедности российского общества, в антибуржуазной ориентации. Такой социальный облик средних слоёв явился одной из главных причин слабости либеральной оппозиции и бесперспективности буржуазно-парламентского пути развития политической системы.

Русская интеллигенция второй половины XIX – начала XX в. – это специфический промежуточный слой образованных людей с активной жизненной позицией, включавший представителей всех социальных классов и сословий. Причины появления интеллигенции: социокультурный раскол общества, «раскрепощение» дворянства при угнетённом положении народа, появление разночинцев, влияние просветительских идей и буржуазных преобразований. Русская интеллигенция стала социокультурным преломлением российской переходной многоукладности. В ней обозначилось конгломератное существование трёх идеологических направлений: консервативного, либерального и революционного. Все представители интеллигенции от славянофилов до революционеров, одни в большей другие в меньшей степени, маргинальны, догматичны, занимают активную жизненную позицию, склонны к утопичным проектам, комплексуют по поводу своего разрыва с народом, оппозиционны и не буржуазны. Русская интеллигенция проведя большую работу по разрушению легитимности российского самодержавия не смогла стать той духовной инстанцией, которая взяла бы на себя легитимацию буржуазного государства.

Выводы по главе

Столкновение двух линий социального развития: сословно-классовой и буржуазно-классовой приводило к тому, что все сословия попадали под воздействие развивающегося капитализма, втягивались в сферу буржуазных отношения, но при этом формально-юридически оставались в рамках старых сословных институтов и отношений, что серьезно деформировало перестройку социальной системы.

Господство государственного капитализма, «попечительная» политика царизма обусловили формационную слабость и незрелость

российской буржуазии, задержали ее политическое самоопределение и, тем самым, не позволили ей стать полноценным субъектом модернизации.

Противоречие между процессами окончательного формирования крестьянского сословия и медленного превращения крестьян в классы буржуазного общества привело к возникновению потребительски-трудового переходного класса-анклава, не желавшего следовать в русле предложенной властью модели модернизации. Буржуазные реформы не ослабили, а скорее, усилили массовое стремление крестьян к возрождению общины, консервации архаических уравнительных ценностей.

Нарастание доли постоянных, потомственных рабочих кадров, все более освобождавшихся от связей с деревней при снижении темпа роста общей численности фабрично-заводского пролетариата усилило эту тенденцию, что способствовало развитию социально-экономической анклавности и постепенному затуханию процесса пролетаризации. Это, с одной стороны, уменьшало тормозящее воздействие крестьянского уклада на формирование социального положения и менталитета промышленного пролетариата, но, с другой стороны, в стратегическом плане вело к возможной приостановке процесса индустриализации страны.

В результате противоречивого взаимодействия традиционных общинных ценностей российских рабочих с реалиями капиталистической эксплуатации, индустриальной организации и современной городской жизни происходило формирование специфического сознания рабочих, имевшего буржуазно-традиционный раннеиндустриальный характер.

Сходное, но несколько иное противоречие присутствовало в психологии представителей промежуточных слоев. Их формационная раздвоенность заключалась в переплетении сословных пережитков с новыми ценностными ориентирами. Парадоксальным итогом этого синтеза стало формирование антибуржуазного мировоззрения промежуточных слоев, торможение их объединения в единый средний класс.

Русская интеллигенция (как специфический промежуточный слой), возникшая в результате буржуазной модернизации российского общества, не только не взяла на себя ее легитимацию, но и выступила в целом с жестких антикапиталистических позиций. Такая метаморфоза стала возможной в силу масштабного социокультурного

раскола российского общества. Он же преломился и в самой интеллигенции через противоречивое сочетание в ней различных идейно-политических направлений.

В целом переход от сословно-классового общества к буржуазно-классовому по всем социальным параметрам еще не вышел за пределы своего начального раннеиндустриального этапа и сопровождался серьезным системным кризисом, важнейшим последствием которого стало отторжение почти всеми социальными силами царистского варианта модернизации.

Глава IV. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ БУРЖУАЗНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САМОДЕРЖАВНО-АВТОРИТАРНОЙ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Исследование модернизации экономического строя и социальных отношений России обусловило обращение к изучению идейных позиций и политических действий главных субъектов российской модернизации по отношению к реформированию страны. При этом использовались результаты анализа отечественной и зарубежной историографии, источниковой базы исследования.

§ 1. Зарождение государственной идеологии формирования буржуазного общества

Проходивший в Новое время процесс декорпорирования общества, а также рационализации и бюрократизации, поставил проблему социальной идентичности и поиска массами и элитами новых социальных ориентиров. Эта проблема приобрела универсальный характер в период возникновения промышленного капитализма в связи с его огромным конфликтным потенциалом в обществе. Объяснить, использовать и направить этот потенциал были призваны различные идеологии (консерватизм, либерализм, социализм и национализм) как особые формы выражения социальных конфликтов относительно зрелого капиталистического общества. Уже в силу данной социальной природы *идеологию* можно представить как такое идейное единство, в котором частное, социально-ограниченное, а потому функциональное знание каких-либо социальных групп или слоев воспроизводит себя посредством использования универсальных форм и господства над ними[1].

По своему идейному содержанию *идеология* есть особое состояние общественного сознания в виде организации мнений, позиций и ценностей, способа размышлений о человеке и обществе. По своему организационному содержанию *идеология* представляет целостную систему, состоящую из четырех компонентов. Во-первых, идеология

[1] См.: Фурсов А.И. Восток, Запад, капитализм: проблемы философии, истории и социальной теории // Капитализм на Востоке во второй половине XX века.- М.,1995.- С. 45.

должна быть заявлена в виде определенного социально-политического учения. Во-вторых, это учение становится частью идеологии лишь в том случае, если оно оказывается доступно и понятно массам, приобретает у них признание и быстро набирает себе приверженцев. В-третьих, система должна включать элемент информационных связей между носителями учения и массой сторонников[2]. В-четвертых, благодаря широкой группе поддержки в идеологии ставится задача реализовать теоретически выверенный идеал на практике[3].

Сущность, содержание и структура идеологии обусловливают ее наиважнейшие особенности: создание идеологических моделей, формирующих у широких масс сторонников крайне упрощенный взгляд на мир; абстрактность принципов; производство идеологических мифов, служащих социальным интересам; господство социальной эффективности над поиском истины[4].

В период модернизации особой формой идеологии является *государственная идеология*, которая в силу переходного характера преобразований закономерно становится ареной борьбы нескольких идеологических направлений. Поэтому одной из задач исследования стало выявление в сложившемся государственном идеологическом конгломерате буржуазно-модернизационной составляющей, что дало возможность глубже раскрыть характер и уровень формирования буржуазного общества в России.

В ходе исследования установлено, что после 14 декабря 1825 г. большую роль в многолетней борьбе самодержавия за свое существование сыграла государственная идеология. Николай I с первых же дней своего царствования признал в идеологическом воздействии на подданных важнейшее средство укрепления доставшейся ему власти. Для него стало категорической необходимостью противопоставить шедшим с Запада влияниям собственную идеологическую конструкцию. Суть избираемой стратегии отразилась в содержавшемся в Манифесте о декабристах призыве «к совершенствованию отечественно-

---

[2] Развитие правового государства и гражданского общества привело к их разрыву, что способствовало формированию общественного мнения и его выражению особым социальным слоем – «общественностью». Это стало важнейшей предпосылкой формирования идеологий в переходную эпоху.

[3] См.: Медушевский А.Н. Идеологии как явление мировой истории // Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. Ред. В.В. Шелохаев.- М., 2004.- С. 13-17.

[4] См.: Там же.- С. 18; Модернизация в России и конфликт ценностей / Под ред. С.Я. Матвеевой. – М., 1993.- С. 155.

го, не чужеземного воспитания»[5]. Совершить задуманное царь поручил Президенту Академии Наук и одновременно Товарищу Министра Народного просвещения, а с 21 марта 1933 г. – Министру С.С. Уварову. Им была произведена «попытка в корень перевоспитать русское общество в духе правительственных взглядов»[6]. При этом С.С. Уваров понимал, что нужно выставить что-то привлекательное и, высоко подняв это, выйти «против влияния так называемых европейских идей, грозящих нам опасностью…»[7].

Прежде всего, С.С. Уваров посчитал необходимым сформулировать государственную идеологию. В ее основу он положил шлегелевское учение о народе и государстве как единой личности, развивающейся органическим путем. Несмотря на явные свидетельства в политической жизни Европы начала XIX в. острого противоборства принципов легитимизма и народности, С.С. Уваров страстно берется за реализацию данной национально-имперской утопии. Он признавал, что на русской почве принципы самодержавия и народности могли противоречить друг другу, но утверждал, что «каковы бы ни были столкновения, которые им довелось пережить, оба они живут общей жизнью и могут еще вступить в союз и победить вместе»[8]. «Народность не предполагает *движения назад*, она даже не предполагает *неподвижности*. Государственный состав может и должен развиваться подобно человеческому телу: с возрастом лицо человека меняется, сохраняя лишь главные черты. Речь не идет о том, чтобы противиться этому естественному движению, но лишь о том, чтобы не наклеивать на свое лицо чужеродную и искусственную маску, о том, чтобы сохранить неприкосновенным святилище наших народных понятий, черпать из него, поставить эти понятия на высшую ступень среди начал нашего государства и, в особенности, нашего народного образования»[9]. Таким образом, С.С. Уваров рассчитывал, что динамический принцип народности позволит государству изменяться в соответствии с требованиями времени, а консервативные начала самодержавия и православия послужат «якорем», удерживающим его от потрясений.

---

[5] Восстание декабристов: Документы / Под ред. М.В. Нечкиной. - М., 1980..- Т. XVII – С. 252.

[6] Полиевктов М.А. Николай I. Биография и обзор царствования. – М., 1918. – С. 191.

[7] Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. – СПб., 1891. – Кн. 4. – С. 85.

[8] Меморандум С.С. Уварова, март 1832 г. Цит. по: Зорин А.А. Идеология «православия-самодержавия-народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век). – М., 1996. - С. 127.

[9] Там же.

С этой целью он решительно исключал из народности идею народного суверенитета.

Анализ показывает, что сама по себе уваровская концепция не являлась примером абсолютного консерватизма, скорее всего ее можно определить как идею контролируемой эволюции. Ведь сам С.С. Уваров понимал исторические законы как естественные силы, действующие под попечением мудрого правительства. Конечный итог социальной эволюции России (народный суверенитет) не был секретом для С.С. Уварова. Поэтому он в беседе с А.В. Никитенко в 1835 г. заявил, что хотел бы на 50 лет отодвинуть Россию от приготовленного ей будущего, продлить ее юность[10].

Этой задаче в определенной мере служили идеи министра финансов Е.Ф. Канкрина. «Мы не допускаем, – писал Е.Ф. Канкрин в своем труде «Экономия человеческих обществ и финансовый строй», – чтобы целью общества была возможно большая производительность и чистая прибыль». Целью должно быть «общее, хотя бы и среднее, благосостояние большей… части» членов общества. Это способствовало бы социальной стабильности государства и активизировало бы производительность. Исходя из этого Е.Ф. Канкрин настороженно относился к фабрике и приветствовал мелкую крестьянскую промышленность: «Работник в семейной промышленности находится, без сомнения, в самом счастливом положении. Мастерская фабрикация дает обществу более всего опоры. Фабричная же промышленность производит наиболее, но и порождает величайшую нищету… Фабричное производство порождает в низшем классе безнравственность, унижение, тупость, бунты, домогательство высшей платы <…> В России фабричные и другие работники приходят из селений, что, между прочим, имеет то величайшее достоинство, что препятствует чрезмерному умножению городского фабричного сословия… Крестьянин в таком случае возвращается в деревню, и… имеет, по крайней мере, кров и ежедневную пищу. Фабричное сословие не соединяется, чтобы вынудить увеличение платы…»[11]. Е.Ф. Канкрин скептически отнесся к планам сооружения в России железных дорог, особенно посредством акционерных обществ, и не считал

[10] См.: Зорин А.Л. Указ соч. – С. 128.

[11] Цит. по: Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. – СПб., 2007. – С.270-271.

крепостное право существенной помехой на пути экономического развития России[12].

Сложная уваровская концепция, став сердцевиной государственной идеологической конструкции закономерно упростилась и огрубилась до вполне осознаваемой массами жесткой триады: «Православие, Самодержавие и Народность». Кроме раскрытия триединой формулы в теории официальной народности содержался тезис о единстве закона и монархии: «Россия крепка единодушием беспримерным. Здесь царь любит отечество в лице народа и правит им, как отец, руководствуясь законами...»[13]. Позже идеология законного (правомерного) самодержавия была более тщательно разработана в трудах славянофилов и русских консерваторов конца XIX – начала XX в.

По замыслу С.С. Уварова мифологема официальной народности должна была победно завоевать сознание общественности и, прежде всего, в сфере народного образования. «Таким образом, именно в сфере народного образования, – писал С.С. Уваров в своем первом меморандуме царю в марте 1832 г., – надлежит нам, прежде всего, возродить веру в монархические и народные начала. «…» Или Министерство народного просвещения не представляет собой ничего, или оно составляет душу административного корпуса»[14].

Именно через сферу образования предполагалось достичь полной и всесторонней унификации духовной жизни. А для этого ставка была сделана на новую касту высокообразованных жрецов науки, которые за верную службу утвердившейся идеологеме получали соответствующее материальное и социальное положения. «Не успел С.С. Уваров бросить свой клич, как его уже подхватили и восславили»[15]. Наибольшую известность приобрел здесь профессор Московского университета М.П. Погодин, который уверял, что «ни одна история не заключает в себе столько чудесного…, как российская»[16]. «Россия есть особливый мир: у нее другая земля, кровь, религия, основания, словом – другая история»[17]. Главные отличия М.П. Погодин видел в

---

[12] См.: Там же. – С.272-274.

[13] Десятилетие министерства народного просвещения 1833–1843. – СПб., 1864. – С. 3–4.

[14] Цит. по: Зорин А.Л. Указ соч. – С. 126.

[15] Соловьев Ю.Б. Самодержавие в осаде: внесословная универсальная идеология как ответ на вызов эпохи (1825-1855) // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. – М.,1994. – Часть II. – С. 117.

[16] Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. – СПб.,1891.- Кн.4.- С. 14.

[17] Цит. по: Там же.- С. 9-10.

том, что в России царит покой и согласие: высшим ее законом стала всеохватная сплоченность вокруг престола и веры[18].

Помимо М.П. Погодина главными идеологами новой системы были Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч, В.А. Жуковский. Пиком уваровского мифотворчества стали выводы Н.И. Надеждина о том, что «народ русский…стоит уже на блистательной степени совершенства и в отношении к тому, что есть лучшего в западной Европе»[19], что он «сам по себе ничто, …он ничего для себя не сделал и сделать не может, …он не должен гордиться собой и надеяться на себя; но у него есть другая, высшая надежда, благороднейшая гордость: она заключается в его царе, который в себе соединяет всю Россию, носит ее просвещение, силу, блаженство!»[20]; «народ русский существует только в своем царе; без него это ряд кулей; с этой державной единицей кули превращаются в биллион. Вот мой символ веры!»[21].

Для популяризации и укрепления «Теории официальной народности» были привлечены лучшие общественные силы из консервативного лагеря. Еще до вступления на престол Николая I, с начала 1825 г. выходит, издававшаяся Ф.В. Булгариным и Н.И. Гречем, газета «Северная пчела», которая получила разрешение на публикацию политических известий[22]. Газета П.П. Пезаровиуса «Русский инвалид» приобрела поддержку Марии Федоровны и других членов императорской фамилии. В «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» редактором стал А.А. Краевский, в то время последовательный сторонник теории «официальной народности». В статье 1837 г. под названием «Мысли о России» он прославлял самодержавие и противопоставлял Россию Европе. Отчетливо консервативными были «Библиотека для чтения» О.И. Сенковского, «Телескоп» Н.И. Надеждина, «Маяк современного просвещения и образованности» С.А. Бурачека, «Москвитянин» М.П. Погодина и С.П. Шевырева. На этом фоне особо выделялся учрежденным С.С. Уваровым в 1834 г. «Журнал Народного Просвещения», официальный орган, который пропагандировал идеологию самодержавия и отвечал за ее чистоту.

---

[18] См.: Там же. – С. 14.
[19] Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826 – 1855 гг. – СПб.,1909.- С. 437.
[20] Там же. - С.589.
[21] Там же. – С. 436.
[22] См.: Березина В.Г. Русская журналистика второй четверти XIX века (1826-1839 гг.).- М., 1965.- С. 8.

Поправение в духе «официальной народности» в это время было характерно для многих даровитых российских литераторов – Н.В. Гоголя, П.А. Вяземского, В.А. Жуковского, Ф.И. Тютчева. Н.В. Гоголь, например, писал, что весь смысл нашей истории следует искать в монархии[23]. В начале 30-х годов XIX в. Россия получила новый гимн «Боже, царя храни», музыку к которому написал известный скрипач А.Ф. Львов. Автором же слов был В.А. Жуковский. В день публичного исполнения нового гимна в первый раз появились во Дворце придворные дамы и сама императрица в национальных платьях и русском головном убранстве, что, по словам отчета III отделения за 1834 г., вызвало всеобщее одобрение[24]. Либерализм в тогдашней России клеймили вовсю от самых верхов до низов общества, а взгляды славянофилов при этом приобрели наибольшую популярность[25].

Отчеты III отделения, характеризующие ситуацию в русском социуме, невольно фиксируют тенденции успокоения и «замораживания» общественности. Если в отчете за 1831 г. говорилось о вредных толках либерального класса людей и особенно молодежи[26], то уже в отчете за 1834 г. читаем следующее: «И либералы по-своему любят отечество; и им не чужда национальная гордость. Ныне же они видят, что достоинство России, величие ее, крепко соединены с качеством той мощной руки, которая нами управляет. При сих понятиях, либерализм должен исчезнуть, и действительно, он у нас сильно падает»[27]. В отчете за 1835 г. руководство III отделения сочло необходимым записать следующее: «Если в предшествующие годы мы часто имели случай слышать, что упрекали Государя за Его строгость, то ныне понятие сие едва ли не со всею справедливостью можем сказать, что у многих оно заменилось сознанием, что в настоящие времена строгость и твердость в Государе необходимы и что с иными свойствами едва ли при нынешних обстоятельствах возмог Государь удержать Россию на той степени величия, на которой она стоит»[28].

В отчете за 1841 г. писалось, что «в массе офицеров заметно какое-то уныние, какая-то неохота к делу… Нет прежней беспечности,

---

[23] См.: Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. Соч. В 8 т. – М., 1984. – Т. 7. – С. 222–223.
[24] См.: Гросул В.Я. Указ. соч. – С. 203–204.
[25] См.: Гросул В.Я. Русское общество XVIII- XIX веков: Традиции и новации. – М., 2003.- С. 207.
[26] См.: ГАРФ, ф. 109, оп. 223, д. 1, л. 30.
[27] Там же. - д. 2, л. 6.
[28] Там же. - д. 2, л. 60.

веселости, удальства, сопряженного с воинским званием»[29]. В отчете за 1843 г. находим сообщение: «Высшее общество, которое в прежнее время дозволяло себе рассуждать о действиях правительства, гласно хваля или порицая принимаемые им меры, уклоняется ныне от подобных суждений и ко всему хранит какое-то равнодушие: То же самое замечается и в других слоях общества, все как будто поражены какою-то апатиею!»[30].

Итак, анализ отчетов III отделения дает ясное представление о том, что образованное общество как бы замирает в своем развитии, уходит в себя. Причиной этому конечно было не только идеологическое давление самодержавия, но его значительное влияние здесь несомненно. Не смотря на некоторое оживление общественного мнения в 1847 – 1848 гг., в целом III отделение констатировало определенное спокойствие в России и выгодное, по его мнению, отличие от стран Запада. Кроме того, III отделение отметило, как отрадное явление, проникновение в Россию «духа европейской положительности», который усматривался в обращении юношей к хозяйству и к добыче денег[31].

Дальнейшие изменения в идеологическом строе российского государства были тесно переплетены с развитием общественного мнения образованного общества. Оно, не смотря на свою административную и идеологическую придавленность, не прекращало обсуждение аграрно-крестьянского и конституционного вопросов. И результат был таков: «общество» больше желало политической свободы, нежели отмены крепостного права[32]. В народе вектор общественных потребностей был в корне противоположным. В отчете III отделения за 1834 г. составители писали: «Год от году распространяется и усиливается между помещичьими крестьянами мысль о вольности. В 1834 году много было примеров неповиновения крестьян своим помещикам, и почти все таковые случаи… происходили не от притеснений, не от жестокого обращения, но единственно от мысли иметь право на свободу»[33].

---

[29] Там же. - д. 6 (1841), л. 112 об.
[30] Там же. - д. 8, л. 214.
[31] Там же. - д. 8, л. 214-214 об.
[32] См.: Гросул В.Я. Русское общество XVIII- XIX веков: Традиции и новации. – М., 2003.- С. 229.
[33] ГАРФ, ф. 109, оп. 223, д. 2, л. 6 об. – 7.

О стремлении крестьян к свободе свидетельствуют и другие отчеты III отделения в 1830-1840 годах. Причем, они наполнены весьма ценными наблюдениями и замечаниями по этой проблеме. Уже в 1839 г. в отчете была высказана мысль о необходимости постепенного осторожного освобождения крестьян, дабы не допустить освобождения снизу[34]. В 1840 г. авторы отчета сообщили о том, что распространяющиеся мысли о свободе вызывают беспорядки и преступления[35]. Действительно, в эти годы возросло сопротивление крепостных крестьян помещикам в различных формах: убийствах, избиениях, пожогах, побегах, неповиновении, противозаконной подаче жалоб и т.п.[36]. А в отчетах за 1842, 1844, 1847 гг. проводится мысль о серьезных опасениях помещиков за свою будущую судьбу в связи со слухами о предстоящем освобождении крепостных[37]. Беспокойство охватило и правящие круги. В результате в некоторых районах страны в конце 1850-х годов было разрешено предавать крестьян, возмутившихся против помещиков, военному суду, даже если те и не сопротивлялись воинским командам[38].

В образованном обществе по проблеме крепостного права произошел раскол. Несмотря на то, что решительными противниками крепостничества были такие известные славянофилы и западники как А.С. Хомяков, И.С. и К.С. Аксаковы, В.А. Черкасский, Т.М. Грановский, И.С. Тургенев, Н.П. Огарев и многие другие,[39] большинство «общества» было настроено консервативно[40]. Еще в 1835 г. чиновник МВД Пасек подал записку, в которой заявил, что большинство дворян против отмены крепостного права, поскольку не могут свыкнуться с мыслью о возможности эффективно владеть землей и иметь хорошую прислугу при отсутствии крепостного права[41]. В отчете III от-

---

[34] Там же. - д. 4, л. 98 об-99.

[35] Там же. - д. 5, л. 137об.

[36] См.: Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. – СПб.,1888. – Т.II. – С.571-605.

[37] См.: ГАРФ, ф. 109, оп. 223, д. 7, л.172-172об.; д.12, л. 144-147об.

[38] См.: Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. – Пг., 1915. – Т.1. – С.309-310.

[39] См.: Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. – М., 1983. – С. 75-76; Гросул В.А. Владимир Александрович Черкасский // Российские либералы. – М., 2001. – С. 164; Батуринский В.П. Западники 40-х годов // Великая реформа. – Т. III – С. 202.

[40] См.: Кизеветтер А.А. Русское общество и реформа 1861 г. // Великая реформа. – М., 1911. - Т. IV. – С. 110.

[41] См.: Бочкарев В.Н. Дворянские проекты по крестьянскому вопросу при Николае I // Великая реформа. – М.,1911. - Т. III. – С. 157.

деления за 1847 г. указывалось: «Большая часть публики рассуждает, что свобода крестьян во всех государствах Европы не привела их к тому счастливому быту, которого от свободы ожидать должно, что, напротив, где более свободы, там более и беспорядков»[42]. Отчеты III отделения за 1850-е годы тайно свидетельствовали о том, что большинство помещиков не желало значительной крестьянской реформы[43].Поэтому неслучайно в начале 1850-х годов ряд органов русской прессы начал буквально воспевать крепостное право и благоденство России под скипетром православного царя[44]. В правительственных сферах в 1830-1840-х годах лишь отдельные сановники высказывались за реформы; большинство иерархов Русской православной церкви и в конце 1850-х годов принадлежало к числу несочувствующих реформе[45].

Итак, несомненное желание крестьян освободиться от крепостной зависимости соседствовало с отрицательным отношением к этому со стороны большинства помещиков. Зная все это, а также учитывая постепенное вызревание конституционно-аристократической фронды[46], потрясение «общества» от поражения в Крымской войне, Александр II принял решение о реформировании страны, что повлекло за собой изменения в области государственной идеологии.

Исследование выявило, что трансформация идеологической системы самодержавия была невозможна без влияния и поддержки общественного мнения образованного общества России. Так, П. А. Валуев в записке Александру II от 22 сентября 1861 г. заметил, что большинство администрации «признает над собой, кроме начальственной власти, власть общественного мнения, и потому часто повинуется условно, исполняет нерешительно и вообще более озабочено будущим, чем настоящим»[47].

---

[42] ГАРФ, ф. 109, оп. 223, д. 12, л. 147.
[43] См.: Там же. - д. 23, л.123.
[44]См.: Мельгунов С.П. Эпоха «официальной народности» и крепостное право // Великая реформа. – М., 1911. – Т. III. – С. 14-15.
[45] См.: Мельгунов С.П. Митрополит Филарет – деятель крестьянской реформы // Великая реформа. – М., 1911. - Т. V. – С. 158.
[46] См.: Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). – М., 2002. – С. 39-42, 118.
[47] Записка П.А. Валуева Александру II «Общий взгляд на положение дел в Империи с точки зрения сохранения внутренней безопасности» от 22 сентября 1861 г. // Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). – СПб., 1999. – С.102.

Процесс психологического восприятия общественного мнения той эпохи в значительной степени проходил через призму романтизма с его гипертрофией личности, театральностью, исторической монументальностью. Образованный человек XIX в. очень часто уделял подчеркнутое внимание к слову, жесту, поведению, через которое он воспринимал себя исторической личностью. «Осознание себя как исторического лица заставляло оценивать свою жизнь как цепь сюжетов для других историков, а вслед за ними – поэтов, художников, драматургов. С этой позиции в оценку собственной реальной жизни невольно вмешивается взгляд со стороны – с точки зрения потомства»[48]. Весьма характерны в этом плане слова произнесенные Александром II 28 января 1861 г. на заседании Общего собрания Государственного совета по поводу роли дворянства в освобождении крестьян: «Я счастлив, что мне суждено свидетельствовать об этом перед потомством»[49].

Моральную оценку герою при жизни могло дать только «общество». Именно поэтому здесь следует искать особую восприимчивость Александра II к мнению дворянства, парадоксальное желание это мнение подправить, трансформировать, чтобы затем найти в нем же моральное оправдание. Об этом свидетельствует красноречивый факт. По указанию Александра II в 1857 г. Виленскому генерал-губернатору Назимову под угрозой введения инвентарей удалось склонить помещиков трех литовских губерний к составлению прошения на высочайшее имя, в котором те выражали желание упразднить в их крае крепостное право при условии сохранения за дворянством прав собственности на землю. Эта просьба была истолкована в нужном для правительства и императора смысле и в восьмидневный срок был составлен знаменитый рескрипт Назимову с предписанием о создании губернских комитетов из выборных дворян для обсуждения способов освобождения крестьян от крепостного права[50].

Большую роль в последующих преобразованиях играло не само по себе мнение «общества», но его содержание: изначальная черта

---

[48] Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). – СПб., 1996. – С. 338.

[49] Цит. по: Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. – СПб.,2006. – С. 200.

[50] См.: Гофштеттер И. Забытый государственный человек Николай Алексеевич Милютин (По русским и иностранным источникам). – СПб., 1901. – С. 22; Жидков К.Г. Светлой памяти Великого князя Константина Николаевича генерал-адмирала русского флота (Биографический очерк). – СПб., 1912. – С. 78-79.

политических настроений либеральной части «поколения 40-х годов» состояла в двойной амбивалентности, двойственности восприятия политики существующей власти и психологического переживания с ней.

Первая антитеза заключалась в неприятии сущего в государственном бытии (того авторитарного государственного строя, который был тогда в России) и уповании на верховную власть в реализации либерального должного. Никто из либеральных деятелей той эпохи не находил в России другой политической силы, способной к осуществлению формирующихся либеральных требований, кроме самого самодержавия[51].

Другое противоречие заключало в себе борьбу между западным опытом модернизации и либерализма и его русским национальным прочтением. И если народничество восприняло в европейских буржуазно-демократических преобразованиях их революционный радикальный дух, насытив его своим содержанием, то либеральные теоретики сделали упор на содержательную часть буржуазной доктрины, поставленную, однако, в зависимость от государственной политики постепенных преобразований, что не могло не сказаться и на самом содержании модернизации. Наиболее интересную попытку извлечения из французского опыта позитивных уроков для назревших в России реформ предпринял близкий к реформаторам молодой ученый и публицист Б.Н. Чичерин, опубликовав в русской периодике ряд статей, изданных в 1858 г. отдельной книжкой[52]. Из очерков Б.Н. Чичерина вытекало несколько важнейших уроков: о закономерности революции, но возможности ее избежать благодаря своевременным реформам; о первичности для России получения не политической, а гражданской свободы; об активной роли сильной централизованной власти в процессе преобразований. По сути дела Б.Н. Чичерин представил матрицу всей российской модернизации. В ней, однако, наряду с фиксацией объективных закономерностей преобразований, присутствовала их не вполне адекватная трактовка, которая заключалась в необоснованном противопоставлении революции и реформ.

Оживление общественных настроений стало заметно уже в начале Крымской войны и было связано с тем, что «общество» в своем

---

[51] См.: Кавелин К.Д. Письмо Т.Н. Грановскому от 4 марта 1855 г. // Литературное наследство. – М., 1959. – Т.67. – С.607-611.

[52] См.: Чичерин Б.Н. Очерки Англии и Франции. – М., 1858.

большинстве поддержало войну и надеялось на скорое и удачное ее окончание. После военных неудач возникшее возбуждение поддерживалось уже возраставшим недовольством[53]. Однако это недовольство носило в основном не внешнеполитический, а внутриполитический характер. «Высадка союзников в Крым в 1854 году, последовавшие затем сражения при Альме и Инкермане и обложение Севастополя, – отмечал в своих записках А.И. Кошелев, – нас не слишком огорчили; ибо мы были убеждены, что даже поражения России сноснее и даже для нее и полезнее того положения, в котором она находилась в последнее время»[54]. Это не ускользнуло от внимания властей и, вероятно, подвигло их к некоторым послаблениям цензурного характера, а также в отношении преследовавшихся литераторов. Важным симптомом начавшегося подъема и «кризиса верхов» было празднование 100-летия Московского университета, состоявшегося еще при жизни Николая I[55].

Во время подъема 1850-х годов образованное общество разделилось на три основных общественно-политических направления. В.П. Безобразов упоминал об охранителях, либералах и прогрессистах[56]. Наибольшую силу стал набирать либерализм. Он, как показывает анализ, складывался из двух потоков: общественного и правительственного. Среди главных центров общественного либерализма 1850-х годов можно выделить петербургский кружок К.Д. Кавелина и московский кружок А.В. Станкевича. Для изменения своих взглядов либералы использовали как герценовские издания («Голоса из России», «Колокол»), так и печатные органы внутри России («Русский вестник» М.Н. Каткова, П.М. Леонтьева, Е.Ф. Корша, «Русская беседа» А.И. Кошелева, «Отечественные записки» А.А. Краевского). Идеи либерализма глубоко проникают в художественную литературу (произведения И.С. Тургенева, А.Н. Островского). Важнейшей фор-

---

[53] См.: Гросул В.Я. Указ соч.- С. 263-264. Здесь, однако, следует уточнить, что все вышесказанное относится к столичному «обществу» того времени. События Крымской войны не внесли изменений в привычную круговерть жизни провинциального света. См.: Боборыкин П.Д. Воспоминания в 2-х томах. – М., 1965. – Т.I. – С.107.

[54] Кошелев А.И. Мои записки (1812-1883 годы) // Русское общество 40-50-х годов XIX в. Часть I. Записки А.И. Кошелева. – М., 1991. – С.94.

[55] См.: Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855-1881): Исторические очерки – М., 1909. – С. 7; Дружинин Н.М. Москва в годы Крымской войны //Дружинин Н.М. Избранные труды. Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело. – М., 1988. – С. 165.

[56] См.: Безобразов В.П. Гражданская свобода и ее обеспечение // Безобразов В.П. Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть. – СПб., 1882. – С. 213, 715.

мой деятельности либералов становятся общественные обеды и банкеты, в ходе которых произносились речи, получившие порой широкий резонанс по всей стране. Эти общественные собрания способствовали сплочению либеральных сил, укреплению их организованности. Заявили о себе либералы и в русской провинции. Ведущим провинциальным центром этого движения стал Новоторжский уезд Тверской губернии. Либеральные кружки возникли во многих губернских городах: в Киеве, Харькове, Казани, Нижнем Новгороде, Рязани, Калуге, Владимире, Ярославле[57]. Однако, несмотря на свою активность либералы были в меньшинстве в рядах дворянства. Вообще, пассивная роль дворянства была предопределена как социально-экономической неоднородностью сословия, отсутствием единой идеологической платформы, так и невозможностью «сорганизоваться» в условиях, когда власть могла достаточно решительно изменить уже провозглашенные начала реформы[58]. В целом настроения поместного дворянства вынужденно склонялись к либерально-консервативной половинчатой позиции в ключевом вопросе тогдашней России – освобождении крестьян. Анализ деятельности губернских дворянских комитетов позволяет сделать вывод о том, что помещики средней руки в большинстве своем выражали желание не столько согнать крестьян с земли, сколько привязать их к минимальным наделам и затруднить переходы[59]. При этом царское «слово» пробудило в высшем сословии далеко идущие ожидания: смиряясь с неизбежностью отмены крепостного права и принимая идею обязательного выкупа крестьянского надела, политически ангажированное дворянство полагало, что первоначально избранный властью коллегиальный способ подготовки реформы может приобрести необратимый характер и в дальнейшей государственной практике. Но эти ожидания расходились с видами правительственных либералов, видевших в «представительных» инициативах и надеждах дворянства только препятствие в проведении буржуазных реформ. Поэтому не случайными были отмена публичности заседаний губернских комитетов, регулирование выборов дворянских депутатов, упразднение дворянской легитимизации реформы, и, в конечном итоге, отклонение любых попыток утверждения дворянского или межсословного

[57] См.: Гросул В.Я.Указ соч.- С. 275-276.
[58] См.: Христофоров И.А. Указ. соч.- С. 35.
[59] См.: Христофоров И.А. Указ. соч.- С. 67.

представительства. В результате возникла парадоксальная ситуация: *для модернизации сферы гражданской свободы приходилось жертвовать свободой политической*. Оборотной стороной такой государственной политики модернизации явилось освобождение помещиков от обета послушания власти.

Для правительства не было секретом существование определенной аристократической оппозиции в рядах дворянства. Немногочисленные крупные помещики ратовали за освобождение крестьян без земли, введение в своих хозяйствах вольнонаемного труда и арендных отношений и тем самым видели в таком своем землевладении залог собственного политического будущего как на местном, так и на государственном уровнях. В.А. Черкасский так охарактеризовал эту позицию в письме А.И. Кошелеву в мае 1859 г.: «Они совершенно отделяют себя от областного дворянства и пренебрегают его интересами, которые состоят в скорейшем выкупе, в пользу своих, ошибочно понятых интересов, которых они ищут в бессрочном пользовании, с целью сохранить влияние, даваемое в других странах поземельной собственности»[60].

В конце 1850-х годов «аристократическая партия» попыталась оказать влияние на общественное мнение дворянства и верховную власть путем распространения многочисленных записок и памфлетов. Суть их можно свести к осуждению реформаторов, стремящихся разорвать союз высшего сословия с верховной властью, усилить роли бюрократии в управлении и призыву заменить себя путем сосредоточения в своих руках контроля за преобразованием и за внутренней политикой вообще.

Наиболее ярко «олигархические» взгляды выразились в памфлете «Три партии», авторы которого заявили, что с отменой крепостного права, подавлявшего возможность участия дворянства в государственной жизни, такое участие должно усилиться. Политические права высшего сословия обосновывались как права «сословия общественного, откуда имеет начало сама Верховная власть»[61].

Самыми последовательными провинциальными приверженцами «аристократических» идей оказались представители Брянского уезда орловской губернии С.И. Мальцев и В.А. Краинский – авторы об-

[60] Трубецкая О.В. Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского. – М., 1904. – Т. 1. – Кн. 2. – С.30.
[61] Р.С.Т., З.Н.П. Три партии. Мы на перепутье.- Берлин, 1860. – С. 22.

ширного политического памфлета. В нем они резко высказывались против общины, крестьянского землевладения, бюрократии и «демократически-социалистических учений». Во главу угла авторы памфлета поставили ограждение сословных прав дворянства через воспрепятствование перехода из сословия в сословие, создание майората, распродажу казенных земель, предоставление дворянству права баллотировать новых членов сословия и судить избранных дворянством чиновников, передачу всей полноты власти на местах в руки «мирных судей», назначение в Государственный Совет, Сенат и в губернаторы только тех, кто уже исполнял должность таких судей[62].

Все литературное творчество памфлетистов было направлено на доведение своей позиции дворянству и чиновникам. Известна лишь одна любопытная попытка дворянской агитации в народных массах. В 1858 г. С.П. Голицын издал народную брошюру в 12 копеек в серии, названной им «Печатной правдой»[63].

Исследование показало, что в целом работа дворянских комитетов в 46 губерниях Европейской России выявило наличие в дворянстве крепостнического большинства и либерального меньшинства. Кроме того, вышла на поверхность активная деятельность малочисленной, но влиятельной «аристократической» фронды. «Тем временем, со всех сторон поступали сведения о напряженном ожидании крестьянством освобождения. Особенно сильное впечатление на царя произвело известие о волнениях в Эстляндской губернии (соседствующей с Петербургом), вызванных неприятием местной реформы, не обеспечивавшей крестьян землей»[64]. Учитывая все это, Александр II решил усилить либеральное течение в правительственных кругах и с его помощью мобилизовать либеральную общественность с целью организации не только административного, но и идеологического давления на дворянство.

Несомненно, ключевой фигурой реформирования общественной жизни России являлся Александр II, который, однако, не отличался либеральностью взглядов и не имел поначалу своей политической программы. Твердым и непоколебимым в его мировоззрении было лишь представление о незыблемости монархии в России и необходи-

---

[62] См.: Труды губернских комитетов по улучшению быта крестьян. Т. 2. Свод предметов, обративших на себя внимание орловских дворян на уездных совещаниях. – С. 16-35.

[63] См.: Цейтлин С.Я.Земская реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М.,2001. – С.198.

[64] Захарова Л.Г. Александр II // Вопросы истории. – 1992. - № 6-7. – С. 66.

мости расширения и усилия империи. «Цель движения мною неоднократно была указана и Вам, и всем прочим министрам. – писал Александр II П.А. Валуеву. – Прежде всего я желаю, чтобы правительственная власть была властью и не допускала никаких послаблений, и чтобы всякий исполнял свято лежащую на нем обязанность. Второе же: стремиться к постепенному исправлению тех недостатков в нашей администрации, которые все чувствуют, но при том не касаясь коренных основ монархического и самодержавного правительства»[65].

Вступив на престол в момент кризиса старой системы и пробуждения общественного мнения требовавшего реформ, Александр II сумел осознать грозящую опасность и начал искать новые решения и новых людей, сам оставаясь при этом человеком старых взглядов и старой патриархальной культуры[66]. Некоторые факты из его публичной и семейной жизни подтверждают этот вывод. Так, после объявления манифеста об освобождении крестьян в Санкт-Петербурге 12 марта 1861 г. тысячи крестьян, рабочих и ремесленников отправились к Зимнему дворцу и поднесли императору хлеб-соль и адрес. Александр II, строго следуя традициям, обращается к собравшемуся народу не как уже свободному гражданину, а как к опекаемому ребенку: «Здравствуйте, дети!». В ответ: «Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!» «Благодарю вас дети, за сочувствие ваше, которое стоило немалого труда. Поняли ли, дети, что для вас сделано, в пользу вашего общего блага, Мною в объявленном вам Манифестом?»[67]. В 1863 г. он том же духе говорил депутации старообрядцев: «Вы мои дети, а я ваш отец и молю бога за вас, так же как и за всех, которые, как и вы, близки моему сердцу»[68]. Великий акт отмены крепостного права не поколебал традиционного отношения императора к народу, в котором он видел источник сил и средств для усиления монархии. При этом патриархально-сентиментальные чувства царя совмещались

[65] Записка П.А. Валуева Александру II «Общий взгляд на положение дел в Империи с точки зрения сохранения внутренней безопасности» от 22 сентября 1861 г. // Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). – СПб., 1999. – С.103.

[66] См.: Захарова Л.Г. Предисловие // Переписка Императора Александра II С Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. – М., 1993. – С. 7; Захарова Л.Г. Александр II // Вопросы истории. – 1992. - № 6-7. – С. 67.

[67] Московские ведомости – 1861 - № 94.

[68] Русский архив. – 1889.- Кн. 5.- С. 159.

с его жесткой позицией по крестьянскому вопросу и в отношении крестьян,[69] и в отношении помещиков[70].

Реформаторство Александра II в крестьянском вопросе сочеталось с неприязнью к нарождавшейся гласности, самостоятельности общественного мнения. В письме Великому князю Константину Николаевичу от 1 февраля 1859 г. он возмущался «необузданностью» «нашей безрассудной литературы, которой давно пора было положить узду», деятельностью партии, «приобретшей столько влияния своим пагубным направлением к критике всего существенного в России»[71].

Анализ государственной деятельности Александра II показывает, что проводившиеся по его указанию буржуазные реформы рассматривались им самим не в их адекватной сущности, а лишь в контексте сохранения и укрепления самодержавия, как средство совершенствования монархической системы. Именно это и является главной причиной странной, на первый взгляд, тактики царя – выдвинуть реформатора, а после проделанной им успешной работы придать забвению. По нашему мнению, Александр II как руководитель государства решительно проводил необходимые преобразования, но при этом желал выглядеть в глазах образованной публики не либералом, а самодержцем.

Большую роль в становлении правительственного либерализма сыграла деятельность трех членов императорской семьи: Великой княжны Елены Павловны, организовавшей салонный либеральный кружок, в который были вхожи многие правительственные реформаторы[72]; Великой княгини Марии Николаевны, подталкивающей мно-

---

[69] Выступая 15 августа 1861 г. в Полтаве перед крестьянскими старостами Александр II заявил: "Ко мне доходят слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будет, как та, которую я вам дал. Исполняйте чего требует закон и Положение. Трудитесь и работайте. Будьте послушны властям и помещикам". Захарова Л.Г. Александр II // Вопросы истории. – 1992. - № 6-7. – С. 67..

[70] В письме Великому князю Константину Николаевичу от 1 февраля 1859 г. Александр II презрительно сообщает, что губернские дворянские комитеты представляют из себя "жалкое зрелище". Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. – М., 1993. - С. 88.

[71] Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. – М., 1993. - С. 88.

[72] См.: Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855-1879. – СПб., 2005. – С.189-190; Кошелев А.И. Мои записки (1812-1883 годы) // Русское общество 40-50-х годов XIX в. Часть I. Записки А.И. Кошелева. – М., 1991. – С.111-114.

гих художников к поддержке реформ своего брата; Великого князя Константина Николаевича [73].

Самым надежным союзником и помощником императора в его преобразованиях и по его собственному признанию стал его брат Константин Николаевич[74]. Именно благодаря ему был образован круг правительственных («константиновцы»[75]) и околоправительственных («головнинцы»[76]) либералов, составлена концепция преобразований, начата их пропаганда в широкой публике и, в конечном итоге дан ход многим реформам Александра II.

Благодаря своему положению при дворе, Константин Николаевич действовал через личное влияние на императора, убеждения его в необходимости назревавших преобразований; через убеждение лиц, которые находились «во главе разных частей государственного управления»; через подготовку «способных людей для действия сообразно с помянутой целью в разных частях управления и, употребляя свое влияние, чтобы доставлять им необходимое для этого положение»; через введение в Морском ведомстве преобразований, «которые могли бы служить примером и руководством в других ведомствах»[77].

Великий князь искал, находил и поддерживал сторонников реформ в различных министерствах и среди общественных деятелей. Этому способствовало и его председательство в Императорском Русском Географическом обществе, где с середины 1840-х годов сосредоточились основные силы будущих реформаторов[78]. Вскоре определились и главные идеологи преобразований – А.В. Головнин и Н.А. Милютин. А.А. Головнину удалось сформулировать суть правительственного и околоправительственного либерализма: «Весьма понятно, что лица, которые имели случай узнать эти блага, эти результаты

---

[73] См.: Гросул В.Я. Указ. соч. – С. 274.

[74] См.: Житков К.Г. Светлой памяти Великого князя Константина Николаевича генерал-адмирала русского флота (Биографический очерк). – СПб., 1912. – С. 87.

[75] Н.А. Милютин, А.В. Головнин, М.Х. Рейтерн, М .А. Оболенский, Я.И. Ростовцев, Д.А. Ровинский, С.И. Зарудный.

[76] Граф Муравьев-Амурский, капитан 1 ранга Шестаков, барон Зебах и многие другие.

[77] Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. – СПб.,2006. – С. 155.

[78] См.: Захарова Л.Г. Предисловие // Переписка Императора Александра II С Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. – М., 1993. - С. 6.

цивилизации и которые знают положение России, желают всеми силами души, чтобы отечество их воспользовалось оными, но чтоб оно достигло их не кровавыми революциями и потрясениями, а путем медленных постепенных законодательных и административных преобразований и улучшений»[79].

А.В. Головнин представил определенное обоснование либеральным преобразованиям: «В Западной Европе народ более, чем в России, находит *правды в судах* и более скорое решение дел вследствие лучшего устройства судов, превосходства порядка судопроизводства и узды, наложенной на судей общественным мнением вследствие публичности судопроизводства.<…> В Европе более веротерпимости и, следовательно, более свободы совести… В Западной Европе отсутствие крепостного права, разных стеснительных полицейских и других постановлений (например, о чинах и т.п.) дает более простора развитию способностей каждого, и каждому сравнительно легче избрать то занятие, то ремесло, к которому он чувствует себя способным, к которому имеет призвание. <…> В Западной Европе разные государственные тягости, налоги и повинности распределены между жителями более равномерно и справедливо, и весьма редко случается, чтоб государственный доход имел своим источником развращение народное… В администрации встречается в Западной Европе менее централизации, чем у нас, и местные интересы находят более средств выражаться»[80].

В итоге, предположительно в мае 1858 г. А.В. Головнин сформулировал конкретные направления реформ: «Из всего этого следует, что желания молодого образованного поколения состояли в том, чтобы в России само правительство, не дожидаясь переворотов и потрясений, но законодательными и административными мерами совершило следующее:

1) преобразовало к лучшему судебную часть;
2) преобразовало полицию;
3) ввело бы полную веротерпимость;
4) отменило бы крепостное право;

[79] Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. – СПб.,2006. – С. 153.
[80] Головнин А.В. Указ. соч. – С. 153-154.

5) отменило множество стеснительных постановлений, которые препятствуют свободному развитию способностей и процветанию земледелия, торговли и промышленности;

6) ввело порядок в финансах, уменьшив расходы, вовсе не нужные для России, отменив винные откупа и введя лучшую и более справедливую систему налогов;

7) уменьшило централизацию, предоставив разным местностям самим заниматься собственными делами;

8) ввело в управление вообще более простоты и менее сложности;

9) и наконец, для достижения всех этих улучшений допустило одно необходимое условие – более свободы мысли и слова, ибо одно правительство, без указания самим народом свих потребностей и недостатков управления, не в состоянии удовлетворить этим потребностям и исправить недостатков»[81].

В таком целостном виде данная программа никогда открыто не доводилась до образованной публики. Однако каждый из ее пунктов в той или иной мере пропагандировался в широких кругах либеральной прессой, безусловно отражая общий настрой многих представителей дворянства[82]. Однако решающую роль распространения идей правительственного либерализма сыграли не общественные издания, а официальный печатный орган Морского ведомства – «Морской сборник». Изъятый из общей цензуры, он в 1855-1856 гг. выходил далеко за пределы явлений чисто флотского порядка и стал районом

---

[81] Головнин А.В. Указ. соч. - С. 154. В 1867 г., уже после своей отставки, А.В. Головнин уточнил свою идеологическую программу. В десяти пунктах им были сформулированы следующие задачи: «устранения административного произвола»; введения «полной веротерпимости и свободы совести»; возможно большего расширения свободы лица и общественного самоуправления, «свободы печатного слова с наказанием по гласному суду с присяжными за употребление оной во зло и отменой административных взысканий»; «отмены шпионства и доносов, упразднения жандармского управления и III отделения и отмены перлюстрации в почтовом ведомстве»; «открытого, гласного, честного, правдивого образа действий правительства», обнародования его программы; введения поста «первого министра с предоставлением ему выбора всех прочих министров». Головнин А.В. Записки для немногих // Вопросы истории. – 1997. - №8. – С.68-69.

[82] Например, князь Д.А. Оболенский вспоминал: «Мы мечтали об освобождении крестьян, мы мечтали о лучшем устройстве судов, о возможности более гласного обсуждения общественных вопросов… И вот наступило время, где мечты наши осуществились. Нужно было России пройти через испытание Крымской войны, чтобы стряхнуть сон и взять из выработанного новым поколением людей то, что пригодно для блага государства». Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855-1879 / Отв. Ред. В.Г. Чернуха. – СПб., 2005. – С.290.

прорыва общественного мнения. Журнал выступил инициатором широких преобразований в различных областях русской жизни. На его страницах была провозглашена необходимость реформы суда и школы, высказано мнение против крепостнических форм труда в промышленности, настойчиво требовалась отмена телесных наказаний, отстаивались новые принципы комплектования и организации вооруженных сил. Уникальное общественное положение «Морского сборника» объясняется удачным сочетанием объективного и субъективного факторов. С одной стороны, после потери Россией флота резко возросла общественно-политическая активность флотских офицеров и матросских масс, до крайности обострилось осознание ими необходимости перемен, что заставило Морское ведомство раньше других ведомств вступить на путь буржуазных преобразований. С другой стороны, большую роль в этих начинаниях сыграла личность Великого князя Константина Николаевича, ставшего основным генератором преобразовательных идей[83].

О методах использования «Морского сборника» в идеологической борьбе свидетельствует циркулярное письмо Великого князя Константина Николаевича от 13 апреля 1856 г., требующее подобрать комиссионеров журнала во всех губерниях и центрах России и особенно в университетских городах[84]. В записке к управляющему Морским ведомством адмиралу Ф.П. Врангелю Великий князь также писал, что «было бы полезно, как выражались министры императрицы Екатерины «пустить молву», дабы потом правительство могло воспользоваться общим мнением» при их разрешении[85]. Тем самым, начиная частные преобразования по одному ведомству, либеральная бюрократия стремилась мобилизовать в свою пользу общественное мнение.

Благодаря А.В. Головнину журнал сделался одним из самых живых и популярных органов печати[86]. Степень влияния «Морского сборника» на образованное общество конца 1850-х годов было огромным. Так число подписчиков в 1857 г. составляло 5565, а «Совре-

---

[83] См.: Днепров Э.Д. «Морской сборник» в общественном движении периода первой революционной ситуации в России // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.- М., 1965. – С. 229-238; Русская старина. – 1892. - № 2..

[84] См.: ЦГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1045, л. 86.

[85] Днепров Э.Д. Указ. соч. - С. 244.

[86] См.: Джаншиев Г.А. Эпоха Великих реформ. – М. , 1896. – С. 607.

менника» - только более 4000[87]. В том же году число авторов «Морского сборника» достигло до 122 человек. В их ряду были такие фигуры, как И.А. Гончаров, А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, М.И. Михайлов, А.Н. Майков, К.М. Станюкович, В.И. Даль, Н.И. Пирогов, Б.С. Якоби, К.Д. Ушинский и многие другие. О «Морском сборнике», давая ему положительную оценку, писали Н.Г. Чернышевский, Н.Г. Огарев, Н.А. Некрасов, Т.Г. Шевченко, И.С. Тургенев, П.А. Валуев.

Правительственный либерализм мог наступать только благодаря наличию соответствующего общественного мнения образованной публики и прежде всего, дворянства. А положение здесь в конце 1850-начале 1860-х годов сложилось крайне противоречивое. Министр внутренних дел С.С. Ланской в своей записке от августа 1859 г. сообщал, что большинство дворянства не оправдало ожиданий правительства и прямо или косвенно стремилось к крепостной зависимости в более или менее искусственно замаскированной форме[88]. Я.И. Ростовцев в своем предсмертном письме Александру II также отметил: «Большинство дворянских комитетов смотрело на дело с точки зрения частных интересов и гражданского права, меньшинство же с точки зрения с точки зрения общественной пользы, государственной необходимости и государственного права…»[89].

Именно на это меньшинство дворянства и опирались правительственные либералы. «Правительство шло рука об руку с меньшею лучшею частью дворянства, а главное было солидарно с либерально настроенным общественным мнением и его выразительницей, прогрессивною печатью, горячо защищавшей интересы народа»[90]. При этом программа преобразований рождалась в результате пересечения этих двух либеральных потоков, в ходе задействования, как вертикальных официальных каналов, так и горизонального человеческого общения[91].

Главным условием их «встречи» стало введение под влиянием Великого князя Константина Николаевича так называемой гласности. «Малого не хотели дать (имеется в виду инициатива автора записки – В.В.), а многое дали. Это показывает, какая шаткость была во всех действиях правительства…гласность…была допущена без последова-

---

[87] См.: Днепров Э.Д. Указ. соч. – С. 242.
[88] Семенов Н.И. Освобождение крестьян в России. – СПб., 1869. – Т. I. – С. 828-830.
[89] Цит. по: Там же. -Т. II. – С. 928-929.
[90] Джаншиев Г.А. Указ. соч. – С. 98.
[91] См.: Иванюков И.И. Падение крепостного пава в России. – СПб., 1882. – С. 166.

тельности, без обдуманного плана на авось под влиянием угождения царскому брату или второпях при выходе из заседания, когда члены Комитета, утомленные несоразмерностью с их силами работой, голодом спешили домой к обеду»[92].

Ярким примером участия либеральной дворянской общественности в реформах Александра II является Положение Тверского дворянского губернского комитета. В нем Тверской комитет настаивал на необходимости полного освобождения крестьян с землею и на предоставлении, при посредстве выкупной операции, в их собственность не только усадебной оседлости, но и надельной полевой земли. Он считал крайне опасным сохранение вотчинной полиции и предлагал стройную систему местных административных и судебных учреждений, основанных на принципе всесословного самоуправления[93]. Большой интерес представляет та «философия», которой руководствовалось большинство Тверского комитета: «Личная свобода никогда не может осуществиться без свободы имущественной. Все настоящее имущество крестьян – в хозяйственном обзаведении, которое имеет ценность только при владении землею и не может быть легко переносимо с места на место. Если признать крестьянина лично свободным, с правом вольного перехода, оставив всю землю в неограниченном владении помещиков, - не значит ли это *освободить только помещиков* от всех лежащих на них обязанностей в отношении к крестьянам, подчинив последних *еще большему их произволу*?»[94].

Роль либеральной литературы разъяснявшей и развивавшей план полного освобождения крестьян была существенной. Особенно горячо ратовали против крепостнических тенденций в правительстве и в литературе такие издания как «Современник» и «Русский вестник». «Литература, можно сказать, – писал в 1859 г. М.Н. Катков, – оказала *несомненные* услуги правительству и обществу по крестьянскому вопросу. Благодаря ее *искреннему* и *дружному* содействию, свет быстро и благотворно распространялся в самых отсталых, упорных и неприготовленных умах»[95]. Тогдашний товарищ министра внутренних дел А.И.Левшин отмечал: «Несмотря на запрещение,

---

[92] Левшин А.И. Достопамятные минуты в моей жизни. Записки А.И. Левшина // Русский Архив. - 1885. - № 8. – С. 540

[93] См.: Положение Тверского Комитета. Обзор Оснований и Отдельные Мнения. – Тверь, 1859.

[94] Там же. - С. 4-5.

[95] Цит. по: Джаншиев Г.А. Указ. соч. – С. 107.

журналы постоянно наполнялись статьями по крестьянскому вопросу, и нет никакого сомнения – в это время литература оказала *великую услугу России* разносторонними возражениями и объяснениями предмета…»[96].

Деятельность правительства по подготовке освобождения крестьян неминуемо подтолкнула составление идеологического обоснования и для других реформ, причем и в стане самих реформаторов, и среди широкой публики. Например, упразднение крепостного права привело к тому, что резко выросло уважение к личному достоинству человека и правам свободной личности и «стало уже казаться чем-то бесчеловечным публичное или тайное жестокое истязание, чинимое во имя закона или обычая»[97]. Я.И. Ростовцев в письме императору от 3 сентября 1858 г. указал: «Относительно наказаний осмелюсь еще присовокупить, что *во всяком случае* о наказаниях телесных не следует упоминать вовсе:…это было бы пятном настоящего законодательства… об освобождении…Некоторые говорят, что русский мужичок розгу любит (sic!). Точно ли это справедливо? <…> Со смягчением нравов и меры исправительные сами собой должны смягчаться; если же меры эти смягчаться не будут, не будут смягчаться и нравы»[98]. Против телесных наказаний решительно выступало Морское ведомство. В программе «Морского сборника» на 1861 г. писалось: «Морской сборник»…не может не восстать против жестокого обращения с нижними чинами и…не разделяет мнения тех, которые не находят *никакой возможности и надобности* бросить за борт линьки и розги»[99].

При подготовке университетской реформы мы встречали похожую картину. Параллельно педагогической дискуссии, развернувшийся в «Морском сборнике» Великий князь Константин Николаевич в личной переписке подталкивает брата к реформам в области образования. Так в письме Александру II от 22 апреля 1859 г., в котором рассказывается о посещении Греции, Великий князь подчеркивал: «Самое явное стремление в народе, это стремление к просвещению.

---

[96] Записка А. Левшина // Русский Архив. - 1885. - № 8. – С. 541.
[97] Джаншиев Г. А. Указ. соч. – С.165.
[98] Цит. по: Скребицкий А.И. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян, Губернские комитеты, их депутаты и редакционные комиссии в крестьянском деле. СПб., 1862. - Т. I. – С. 911.
[99] Морской сборник. – 1860.- № 12 (Приложение: «Об издании «Морского сборника» в 1801 году. - С. 2).

Вся страна покрыта учебными заведениями; почти каждая деревня имеет свою школу и везде учение даровое, то есть все содержится правительством…от того почти весь народ грамотный»[100]. Ближайшему сподвижнику Великого князя А.В. Головнину, после его назначения на пост министра народного просвещения, удалось отбить атаку сторонников превращения университета в отдельные специальные закрытые школы, расположенные в провинциальных городах[101]. Этому помогла деятельность известных идеологов либерализма – Пирогова, Чичерина, Андреевского. Самые обстоятельные соображения против уничтожения университетов представил в своем докладе профессор Андреевский. Он в частности заявил, что университетами «подготовлено целое поколение, которое *отвратилось от крепостного права* и так облегчило правительству совершить величайшее из всех государственных дел русской истории – эмансипацию…»[102].

Большую роль в принятии университетского устава 1863 г. (предоставившего советам университетов значительную долю самоуправления) сыграл М.Н. Катков. В тот период его издания сумели внушить образованному обществу и многим представителям власти мысль о том, что «мера воспитательного значения университета зависит от того, в какой степени университет есть корпорация»[103].

Вопрос государственного управления и бюрократического централизма вызывал особо острую реакцию русского образованного общества. Вся дореформенная государственная система определялась Н.А. Милютиным как военно-вотчинное управление в духе времен тридцатилетней войны, имея идеалом аракчеевские военные поселения[104]. М.Н. Катков говорил, что дореформенная администрация была: все во всем[105]. А.И. Кошелев восклицал: «Тут подозрительности и своеволию администрации не было пределов»[106]. П.А. Валуев в «Думе русского во второй половине 1855 года» после критики бюрокра-

---

[100] Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. – С. 105-106.

[101] См.: Всеподданнейший доклад Министра народного просвещения по проекту университетского устава 15 декабря 1862 г. – СПб.,1862.

[102] Журналы заседания ученого Комитета главного управления училищ по проекту Общего Устава Российских университетов – СПб., 1862. – Приложение VI. – С. 3.

[103] Джаншиев Г.А. Указ. соч. – С. 267.

[104] См.: Джаншиев Г.А. Указ. соч. – С. 284.

[105] См.: Московские ведомости. - 1866. - № 198

[106] Кошелев А.И. Мои записки (1812-1883 годы) // Русское общество 40-50-х годов XIX в. Часть I. Записки А.И. Кошелева. – М., 1991. – С.94.

тического строя определял его кратко, но емко: «Сверху блеск; снизу гниль»[107]. В своем дневнике П.А. Валуев записал, что «озлобление против порядков (до 1855 г.) беспредельное и всеобщее»[108]. Ввиду такого настроения полное упразднение подавляющей административной опеки стало в конце 1850-х годов, под давлением общественного мнения и печати, неотложной задачей правительственной программы. Кроме того, земская реформа должна была удовлетворить двум требованиям: стремлению улучшить местное хозяйственное управление и дать исход «свободным стремлениям» общества к самоуправлению[109].

Уже в 1858 г. начинается формулировка дворянством его требований в области государственного права вообще и административного в частности. Консервативные представители дворянской аристократии (Мальцев, Безобразовы, Орлов-Давыдов, Шувалов) выработали цельную административно-политическую программу, основными пунктами которой являлись совещательное дворянское представительство в центре и передача дворянству всей административной власти на местах. Представители мелкого и среднего землевладения (Тверской комитет) составили буржуазно-сословную программу, в которой, с одной стороны, провозглашались идеи разделения властей, независимого гласного суда, прямой ответственности чиновников, всесословного местного самоуправления, с другой стороны, преобладание дворянства в местном самоуправлении считалось незыблемым[110]. Подготовка судебной реформы также шла через обсуждение вопроса в печати, вызревание в «обществе» и непосредственные действия реформаторов. В данном случае к общей судебной реформе подтолкнула попытка введения начал нового судопроизводства в Морском ведомстве и Записка Д.А. Ровинского, поданная в Государственную канцелярию[111].

По-другому решался вопрос о реформировании торгово-промышленной политики самодержавия. Здесь не обнаружилось не только тесной связки либерального «общества» и либеральных чи-

---

[107] Русская старина. - 1891.- V.- С 340; Валуев П.А. Дума русского во второй половине 1855 года // Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). – СПб.,1999. – С.

[108] Дневник П.А. Валуева. – II.- С. 276.

[109] См.: Джаншиев Г.А. Указ. соч. – С. 291-292, 283.

[110] См.: Цейтлин С.Я. Земская реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М.,2001. – С.195-196.

[111] См.: Джаншиев Г.А. Указ. соч. – С.667.

новников, но и особого интереса прислушиваться к мнению «общества». В 1855г. в Комитете финансов был отвергнут анонимный проект образования самостоятельного Министерства промышленности и торговли. В феврале 1856 г. подача записки действительного статского советника Н.А. Жеребцова «Об устройстве министерств вообще и Министерства финансов в особенности» на имя Александра II и великого князя Константина Николаевича никаких результатов не дала[112]. Большее внимание было уделено другой записке (вероятный автор крупный предприниматель Ф.В. Чижов), поданной Александру II в Москве 31 марта 1856 г. В записке предлагалось создать отдельное Министерство торговли и промышленности, руководство которым поручалось Мануфактурному и коммерческому совету. В последнем обеспечивалось двукратное преобладание избираемого предпринимательского элемента. По результатам обсуждения Александр II согласился с мнением большинства Комитета финансов и отверг «по неудобоисполнимости» предложения Ф.В. Чижова[113].

Неудачи либеральной общественности в попытках повлиять на формирование государственной идеологии в области экономической политики отчасти объясняются тем положением, которое здесь занимал такой реформатор, как министр финансов М.Х. Рейтерн. В целом солидаризируясь с общим курсом реформ[114], он более пристальное внимание уделил экономическим вопросам. В первую очередь он подчеркнул, что «крестьянская реформа основала хозяйственное положение народа на собственности, дала ему возможность личной экономической инициативы, обеспечила каждому плоды собственной деятельности, т.е. реформа эта положила начало правильного экономического развития, которое сделает возможным и обеспеченное по-

---

[112] См.: Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. – СПб., 2007. – С.321-322.

[113] См.: РГИА, ф.560, оп.14, д. 292, л.1-27.

[114] Характеризуя Великие реформы, М.Х. Рейтерн писал, что они «смело и последовательно обратились к корню зла, и положено правильное основание здания гражданского устройства. Миллионы народа призваны к гражданственности, не отрывая их от земли; официально терпимая и даже поощряемая система покупности администрации пала с откупами и теперь только дана возможность честной администрации; великий принцип отделения суда от администрации строго проведен в началах судебного преобразования, - без него же не может развиться в подданных чувство законности. И, наконец, в области местных земских хозяйственных интересов положено начало самоуправления». Куломзин А.Н., Рейтерн В.Г. М.Х. Рейтерн. Биографический очерк. Посмертные записки М.Х. Рейтерна. – СПб.,1910. – С. 65-66.

ложение финансов»[115]. Дальше в своей записке М.Х. Рейтерн охарактеризовал основные принципы и подходы государственной политики модернизации в финансовой и общеэкономической сферах. М.Х. Рейтерн считал, что главная причина медленного развития российской экономики состояла в недостаточном количестве свободных капиталов. Для исправления ситуации министр предлагал различными способами укрепить тенденцию к «возвышению» вексельного курса, ибо тогда «сами спекуляторы будут действовать не на падение, а на возвышение курса», что приведет к резкому притоку иностранного капитала и мобилизации капитала национального. Для этого М.Х. Рейтерн предлагал увеличить вывозную торговлю через снятие (уменьшение) вывозных пошлин и энергичное строительство железных дорог, уменьшить заграничные расходы государства и частных лиц, снять излишние стеснения на денежном рынке, ввести умеренный промышленный протекционизм и в конечном итоге «сделать конверсию кредитных билетов на новый металлический денежный по курсу, близкому к тому, который установится в то время на практике и открыть этому последнему денежному знаку свободный размен»[116]. Анализ концепции М.Х. Рейтерна показывает, что она представляла собой симбиоз монетарных и вспомогательных госкапиталистических мероприятий правительства и создавала в ближайшей перспективе возможность выработки курса развития экономики России по трем вероятным направлениям: либеральному, госкапиталистическому и смешанному.

Таким образом, для решения задач модернизации страны самодержавная власть в конце 1850 – начале 1860-х годов создала новую идеологическую конструкцию – «охранительный либерализм»[117].

Охранительство, во многом определялось и личной идейной позицией реформаторов, которая отвергала радикализм и конституционализм и носила на себе отпечаток старого мировоззрения. «История всех народов доказывает, – писал М.Х. Рейтерн, – что революции могут быть предупреждены только благовременными реформами, дарующими народу мирным путем то, что он сам ищет в революциях, т.е. устранения обветшалых форм и укоренившихся злоупотребле-

[115] Там же. – С.66.
[116] Там же. – С.152.
[117] См.: Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Опыт русского либерализма. Антология. – М., 1997.

ний»[118]. Н.А. Милютин, пытаясь развеять возникшие по отношению к нему предубеждения со стороны Александра II, сказал императору: «Что же касается до революционерства, то об этом позволительно было мечтать в молодости и при совершенно других условиях; ныне же, когда я успел поседеть в борьбе с произволом и неразвитостью высших слоев нашего общества, которое при конституционном правлении создало бы у нас деспотизм олигархии, чего я для своего отечества вовсе не желаю, ныне, когда правительство либеральнее самого общества и вводит в свою программу освобождение крестьян, то есть именно ту мысль, которая составляла предмет лучших надежд и упований тех, кого клеймили названием *красных* революционеров, – ныне не только исчезает всякий оппозиционный дух, а напротив все силы и старания могут совершенно искренно быть устремлены к достижению столь великих и прекрасных целей, и я сочту себя счастливым посвятить им всю мою жизнь»[119]. Объясняя свой взгляд на методы преобразований, Н.А. Милютин отмечал, что в России во сто раз легче, чем где-либо, привлечь правительству на свою сторону серьезную часть общества: для этого необходимо делать своевременно потребные уступки, но делать их откровенно, с достоинством, без апологий и без канцелярских уловок[120]. Близкий взгляд на народное представительство раскрывал в своей беседе с А. Тьером и А.В. Головнин: «Представительство полезно тогда, когда оно верно представляет главные интересы всего края и всех сословий. В настоящее время при низкой степени образованности всего сельского населения, мещан и купцов и даже большинства беднейшего дворянства подобное представительство было бы чисто олигархическим. Если б оно существовало у нас в 1861 г., то освобождение крестьян не могло бы состояться. <…> Наконец, представительство, не поддерживаемое сильным сознанием всего общества в необходимости оного, было бы непрочно»[121].

Из писем Великого князя Константина Николаевича к Александру II следует, что либерализм Константина Николаевича находился в определенных рамках, которые были заданы незыблемостью само-

---

[118] Куломзин А.Н., Рейтерн В.Г. М.Х. Рейтерн. Биографический очерк. Посмертные записки М.Х. Рейтерна. – СПб.,1910. – С. 65.

[119]Цит. по: Гофштеттер И. Забытый государственный человек Николай Алексеевич Милютин (По русским и иностранным источникам). – СПб., 1901. – С. 30-31.

[120] Leroy-Beaulieu. Un homme d`etate russe. – P.,1884. – P. 118.

[121] Головнин А.В. Записки для немногих // Вопросы истории. – 1997. - №8. – С.118-119.

державия и Русской православной церкви. Так в письме от 22 апреля 1859 г. Великий князь восхищался тем, что в Греции «учение и воспитание чисто свое, национальное, без влияния западных бредней, и основало на Православии, в котором страна чрезвычайно сильна»[122]. В других посланиях Великий князь хвастался брату о том, как он урезонил горцев, вздумавших ему жаловаться не по команде. В результате этого инцидента горцы «сильно повесили носы, чувствуя, какую глупость они сделали, а между тем следствие наряжено»[123]. Знаменательно то, что Константин Николаевич, рассказывая эту историю, ни словом не обмолвился о сути конфликта, и у брата искал моральную поддержку только за поддержание пустого формализма.

Большой интерес представляет позиция таких правительственных либералов как А.В. Головнин и М.А. Корф по вопросу о цензуре. А.В. Головнин, с одной стороны, являлся страстным противником предварительной цензуры и выступал за взыскания по суду, но, с другой стороны, сам же настоял на передачу дела цензуры (Высочайшее повеление от 10 марта 1862 г.) из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел, что сразу же ужесточило цензурные условия[124]. Барон М.А. Корф заявлял, что «только при содействии свободного общественного мнения возможно плодотворное движение и осуществление законодательных реформ…только в свободе печати находится противоядие против злоупотребления печатью»[125]. Но после всего этого ратовал за введение смешанной предварительно-карательной системы. Именно благодаря записке этого государственного деятеля валуевской комиссии удалось обеспечить преобладание сословно-бюрократических начал в земском вопросе, не вызвав недовольства других сословий[126]. В письме Герцену летом 1858 г. М.А. Корф ставил себе заслугой побуждение Александра II к уничтожению Негласного комитета, хотя этот комитет и был учрежден 2 апреля 1848 г. в результате представленной М.А. Корфом докладной записки[127].

---

[122] Переписка Императора Александра II С Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. – М., 1993. - С.106.
[123] Там же. – С. 58.
[124] См.: Джаншиев Г.А. Указ. соч. – С. 329-334.
[125] Цит. по: Джаншиев Г.А. Указ соч. – С. 336.
[126] См.: Цейтлин С.Я. Указ. соч.- С.228-229.
[127] См.: Голубева О.Д. М.А. Корф. – СПб., 1995. – С.89.

Охранительный либерализм, как вынужденная и переходная идеологическая форма, в большой мере зависел от настроения и воли императора и правящих кругов, очень часто предполагал реформы, которые проводились «правительством *без ясного сознания их важности и всех их неминуемых последствий*». Самым важным из этих последствий явился отмеченный современниками «разрыв правительства с обществом», «единственно потому, что общество в последнее десятилетие благодаря совершенным реформам значительно переросло правительство в умственных и нравственных отношениях»[128].

Выводы

Доктрина «официальной народности», созданная С.С. Уваровым и внедренная в общественное сознание образованного общества России, представляла из себя стройную и достаточно эффективную в краткосрочной перспективе консервативную идеологическую систему, которая являлась пиком идеологического творчества дореформенного самодержавия.

Для решения задач модернизации страны самодержавная власть в конце 1850 - начале 1860-х годов создала новую идеологическую конструкцию - охранительный либерализм. Он включал в себя два взаимодополняющих элемента: правительственный либерализм и общественный либерализм. Важнейшими чертами новой идеологии явились охранительный характер, отрицание радикализма, эволюционность, отсутствие адекватной социальной базы. Охранительство, эффективное в тактическом плане, становилось ахиллесовой пятой в стратегическом развитии российского либерализма. Оно заставляло реформаторов действовать на идейном поле консервативного лагеря и тем самым зависеть от него: руководителей преобразований всегда можно было представить (что и происходило) как плохих «охранителей», предателей, «красных» и т.д.

[128] Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855-1879 / Отв. Ред. В.Г. Чернуха. – СПб., 2005. – С.257.

§ 2. Эволюция государственной идеологии буржуазной модернизации

Исследование показало, что политика самодержавия в рассматриваемый период претерпевала своеобразные циклы колебательных движений в зависимости от соотношения сил в стране и в «верхах». Это отражалось и на развитии государственной идеологии.

Уже с середины 1860-х годов идеологическая машина правительства стала быстро переходить на консервативные позиции[1]. Содействовав пробуждению общественного мнения, Александр II использовал его в своих интересах и теперь уже пытался затормозить начатое движение. Это было естественно для императора, считавшего своей главной политической целью укрепление трона и расширение империи. Еще в 1861 г. Александр II всецело поддержал предложения П.А. Валуева по становлению агитационно-пропагандистской машины, отвечавшей новым идеологическим веяниям. П.А. Валуев в частности предлагал следующее: «Необходимо постановление правил, подвергающих надлежащей ответственности издателей журналов и содержателей типографий. Необходимо также учреждение одного или двух периодических изданий, которые могли бы быть косвенными проводниками видов правительства и противодействовать враждебным ему стремлениям других органов прессы, коих явные или двусмысленные нарекания ныне остаются без ответа. <…> При нынешнем настроении умов было бы полезным поощрить учреждение журнала, коего консервативные тенденции простирались бы далее консервативных видов самого правительства»[2].

Однако, не смотря на уже обозначившийся консервативный вектор, реальная политика самодержавия привела к очень интересной *диа-*

---

[1] А.И. Кошелев вспоминал: «До 1866 года приятно и как бы животворно было туда (в Санкт-Петербург – В.В.) ездить. Хотя уже и тогда так называемые консерваторы захватывали все более и более власти в свои руки и старались если и не уничтожать, то по крайней мере сокращать благие действия предпринятых реформ…». Кошелев А.И. Мои записки (1812-1883 годы) // Русское общество 40-50-х годов XIX в. Часть I. Записки А.И. Кошелева. – М., 1991. – С.167.

[2] Записка П.А. Валуева Александру II «Общий взгляд на положение дел в Империи с точки зрения сохранения внутренней безопасности» от 22 сентября 1861 г. // Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). – СПб., 1999. – С.105-106.

лектической метаморфозе: реформационный процесс, пробудив политическую активность влиятельных элементов поместного дворянства и сановной бюрократии, получил импульс к саморазвитию. В результате реформаторская эстафета перешла от одних «просвещенных бюрократов» (либералов) к другим (консерваторам). И первым в их ряду стал П.А. Валуев. Позиционируя себя, как защитника интересов дворянства, он открыл новый этап реформирования, основанный на взаимодействии с «новорожденным» обществом и падении «крепостной зависимости духа»[3] дворян. Встав во главе министерства внутренних дел, П.А. Валуев играл несколько ролей. Он осуществлял преобразования в крестьянском вопросе и стал готовить реформу, призванную допустить «общество» к участию в управлении на всех уровнях. Для этого П.А. Валуев пытался совмещать в своей деятельности традицию поддержания царского самовластия и решение задач либеральной трансформации самой власти. Не последнюю роль в этом играл воскресный валуевский салон, в котором встречались в дружеском общении все категории высшего сословия и духовенства.

Привлекают внимание не только методы деятельности министра внутренних дел, но и те *перспективные стратегические задачи*, которые он ставил в области буржуазной модернизации страны.

Во-первых, он однозначно высказался за поддержку и развитие крестьян-собственников, за постепенный переход от общинного землевладения к участковому с целью не только хозяйственного развития, но и охранения общественного порядка[4].

Во-вторых, П.А Валуев разработал проект преобразования Государственного совета в двухпалатное представительное совещательное учреждение с постоянно действующей Верхней палатой и съездом государственных гласных, избранных от местных учреждений.

Определил П.А. Валуев и главные угрозы политике модернизации России: проистекающее от бюрократического произвола реформаторов «оплебеяние» дворянства, «обращение всей массы органических эле-

[3] Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2-х т. – М., 1961. – Т.II. – С.100.

[4] См.: Валуев П.А. Всеподданейшая записка статс-секретаря Валуева. Проект нового учреждения Государственного совета // Вестник права. – 1905. - №9. – С.225-269.

ментов государства в безразличное место»[5] и идущее от «псевдопатриотов» «обрусение», то есть возвращение к границам и нравам допетровской Руси. Тем самым, он предвидел бюрократическую русскость режима Александра III.

После П.А Валуева курс консервативного реформирования в политической сфере продолжил шеф жандармов П.А Шувалов. Роль программы его активных реформаторских усилий сыграла серия статей генерала Р.А. Фадеева, опубликованных первоначально на страницах газеты «Русский мир», а затем и отдельной книгой под заглавием «Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)». Это был проект превращения русского поместного дворянства в «культурный слой», влиятельный элемент общественного самоуправления, надежную преграду для «нигилизма». Статьи готовились в процессе консультаций с П.А. Шуваловым и наследником престола Великим князем Александром Александровичем, за спиной которого стоял граф И.И. Воронцов-Дашков, впоследствии ставший главным проводником протоконституционных идей при дворе Александра III[6].

Завершал реформационную деятельность консерваторов министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов. Он высказал идею о включении народных представителей в комиссии Государственного совета. Встречи М.Т. Лорис-Меликова с Р.А. Фадеевым и И.И. Воронцовым-Дашковым не прошли для него бесследно. Под влиянием фадеевских «Писем о современном состоянии России» министр стал готовить осенью 1880 г. новый закон о печати и реформу министерства финансов[7].

Основная мысль Р.А. Фадеева состояла в том, что «после упразднения поместного дворянства опорная и преобладающая русская сила может заключаться только в земстве и ни в чем ином»[8], так как господствующая на тот момент казенная администрация не поддается «присмотру по своей громадности и разнородности» и представляет «по сво-

---

[5] Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2-х т. – М., 1961. – Т.I. – С.168.

[6] См.: Чичерин Б.Н. Воспоминания… Ч.1. – С.113-114.

[7] См.: Дубенцов Б.Б. М.Т. Лорис-Меликов и «охранители» в 1880-1881 гг. // Страницы российской истории: проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. – СПБ., 2003. – С.66.

[8] Фадеев Р.А. Письма о современном состоянии России // Фадеев Р.А. Собрание сочинений. - СПб., 1890. – Т. III. – Ч.2. – С.104.

ей отчужденности от народной жизни богатое поле для распространения тех именно вредных уклонений, которые приходится и придется еще подавлять»[9]. Реальности бюрократического самодержавия Р.А. Фадеев противопоставил идеал союза «всесословного и земского Царя»[10] с сильным властным на местах законосовещательным всесословным земством.

Когда М.Т. Лорис-Меликов стал готовить очередную программу своей деятельности для представления новому царю, Р.А. Фадеев и И.И. Воронцов-Дашков приступили к написанию всеподданнейшей записки с целью побудить Александра III сделать определенный политический выбор. После вывода о недопустимости откладывать перемены авторы высказали предостережение о том, что в противном случае это приведет к «приглашению каждого русского человека – подумать о спасении отечества своим умом, помимо правительства»[11]. Кроме того, они настаивали на необходимости «правительства единомысленного», составленного из людей, пользующихся доверием не только верховной власти, но и «общества». Отсюда следовал закономерный вывод первой части записки: «Земля глубоко верит в вас, государь. Но если вы не объедините ее около себя теперь же, с самого начала, взаимною верою в нее, то русские люди нравственно рассыпятся и вы уже не соберете их; а вне взаимной поруки между царем и землей, основанной на полном доверии, нам нет больше никакого спасения. Останутся одни официальные порядки, которые не оградят и не спасут ничего». Далее авторы конкретизировали свою мысль: «Россия хочет дышать свободнее, она уповает на вас, что вы ее избавите от грабежей чиновников и позора нигилизма. Но не может же среда, погубившая Россию, со дня на день явиться ее спасительницей, нельзя спасти Россию гнилым чиновничеством, на пересоздание которого нет времени. Говоря прямо, есть два пути: путь прогресса, на здравых земских основаниях, и путь нерешимости или даже реакционно-чиновничий. Первый в данный момент олицетворяется Лорисом, второй – Победоносцевым». Первый есть единственный путь к спасению, второй – путь к верной и кровавой гибели»[12].

[9] Там же. – С.8.
[10] Там же. – С.106.
[11] РГИА, ф.919, оп.2, д. 541, л.1-2.
[12] РГИА, ф.919, оп.2, д. 541, л.3.

Таким образом, и либеральное направление, и консервативный курс государственной идеологии реформирования страны в период царствования Александра II, различаясь в понимании сроков, масштабов и форм преобразования сословного общества, подключения общественной инициативы к государственному управлению, в конечном итоге взаимодополнили друг друга, сойдясь в главном – в признании ведущей роли монархической власти в проведении политики модернизации страны и, следовательно, в выполнении задачи охранения самого самодержавия.

Носителями «объединяющего начала» ультраконсервативных сил стали К.П. Победоносцев и М.Н. Катков. Они выдвинули идею активного, наступательного самодержавия. М.Н. Катков считал, что самодержавная власть, чтобы оставаться самой собой должна не столько приспосабливаться к условиям, заданным процессом развития и отменой крепостного права, сколько овладеть этими новыми условиями. В отличие от К.П. Победоносцева, склонного по необходимости двигаться к заветной цели обходными путями, не отказываясь от компромиссов, М.Н. Катков, отрицательно относившийся ко всяким полумерам и паллиативам, признавал единственный путь – «напролом»[13]. На этот путь его наставлял в 1866 г. ни кто иной, как Александр II: «Сохрани тот священный огонь, который есть в тебе; я подаю руку тем, кого знаю и уважаю. *Тебе не о чем беспокоиться*. Я внимательно слежу за Московскими Ведомостями, постоянно их читаю. В тебе вполне уверен. Понимаешь ли силу того, что говорю тебе?»[14].

Наибольшую силу консервативная идеология обрела уже в период царствования Александра III. Ее предельно кратко и емко выразил Н.Х. Бунге: «Император Александр III справедливо признал, что в русском Государстве должны действовать: русская государственность, т.е. русская государственная власть и русские государственные учреждения (конечно примененные к бытовым условиям инородцев и окраин), русская народность, т.е. освобождение последней от иноплеменного преобладания, русский язык, как общий государственный, и, наконец, уважение к вере, исповедуемой русским народом и его Государем»[15]. И тем

[13] См.: Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). – М., 1978. – С.268.
[14] Цит. по: Джаншиев Г.А. Указ. соч. – С. 363.
[15] Записка, найденная в бумагах Н.Х. Бунге. 1881-1894 гг. - СПб., 1896. - С. 17.

самым: «Россия должна принадлежать русским». Следовательно, консерватизм Александра III приобрел явные националистические черты. Такая трансформация была вызвана определенными общественными настроениями образованного общества. Так, например, такой довольно умеренный государственный деятель как князь Д.А. Оболенский в своем дневнике еще за 2 декабря 1870 г. записал: «…Как не понимают наши правительственные лица, что материалистическому учению нигилистов… можно только противопоставить с пользою учение и направление партии национальной…»[16]. Националистический вектор с молчаливого согласия власти стал обретать реальное очертание и в народной «почве» в виде феномена «этнофобий»[17].

Таким образом, тревожным последствием, подпитываемого с низу, националистического курса самодержавия стало привнесение еще одного *социально-политического противоречия* – между имперской природой российской государственности и ее узконациональным эгоизмом. Империя, воплощенная в образе самодержца, все более отказывалась от христианского духовного универсализма и имперской идентичности.

Идейное господство национал-консерватизма отнюдь не означало полного исчезновения из идейного багажа самодержавия идеологии буржуазной модернизации. Ведь и сам по себе национализм есть симптом и порождение модернизационных процессов. Власть по-прежнему старалась предотвратить революцию, отвести от дворянской, императорской России угрозу преобразований «снизу» и поэтому пыталась осуществить ограниченную европеизацию и модернизацию «сверху» (контролируемую модернизацию). Подчинив их своим интересам, для этого правительство выдвинуло на первый план *политику государственного капитализма*. Ее идейное обоснование стало весьма заметным явлением в русской общественной жизни.

Социально-экономические вопросы занимали постоянное место в изданиях М.Н. Каткова, который привлек к их обсуждению не только видных экономистов (В.П. Безобразова, Н.Х. Бунге, И.С. Блиоха), но и капиталистов-практиков. Исходным пунктом экономики в понимании

[16] Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855-1879 / Отв. Ред. В.Г. Чернуха. – СПб., 2005. – С.251.

[17] См.: Филиппова Т.А. Приоритеты поздней империи // Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. – М.,2000. – С.147.

М.Н. Каткова было железнодорожное строительство[18]. Уже с конца 1860-х годов М.Н. Катков обращал внимание на хищническое ведение железнодорожного хозяйства монополиями,[19] а в середине 1870-х годов развернул с ними борьбу от имени русского общества. По началу, М.Н. Катков доказывал, что лучший способ сооружения путей сообщения состоит в отдаче их по конкуренции с гласных торгов,[20] но затем стал пропагандировать замену «частного железнодорожного хозяйства государственным»,[21] чем содействовал выработке норм и принципов отношения самодержавного государства и железнодорожным акционерным обществом.

Признавая первостепенную важность тяжелой промышленности, М.Н. Катков называл ее «основой государственной жизни»[22]. Однако рецепты ее эффективного развития в разные периоды виделись ему и его авторам диаметрально противоположными. За 1860-1870-е годы идеологическая машина М.Н. Каткова проделала эволюцию от фритредерства и либерализма к протекционизму и государственному капитализму[23].

М.Н. Катков предостерегал правительство об опасности новых буржуазных сил, которые все более выбивались, на его взгляд, из-под контроля власти, по своей природе призванной быть всепоглощающей. Он призывал самодержавие активно противостоять им, заняв ключевые позиции в экономике[24]. Необходимо отметить, что переход к практике и идеологии государственного капитализма происходил во многом спонтанно и был вызван «изменениями местных обстоятельств и идей». Дело в том, что в 1879 г. «Германия ввела высокую пошлину на ввозной хлеб и это пункт с которого начался довольно резкий поворот в истории таможенной политики во всей Европе. В России повышение по-

[18] Московские ведомости. – 1867 - 28 января. - № 24.
[19] Московские ведомости . - 1869. - № 260. - 29 ноября, № 276. – 19 декабря.
[20] Московские ведомости. – 1875. - № 62. - 10 марта.
[21] Московские ведомости. – 1882. - № 92. - 4 апреля.
[22] Московские ведомости. – 1867. - № 279- 21 декабря.
[23] Московские ведомости. – 1869. - № 69. - 29 марта; 1868.- № 31- 9 февраля; 1882.-№141. - 23 мая; 1882. - № 138. - 20 мая; 1884. - № 123.- 5 мая.
[24] Московские ведомости. - 1883. - № 283. - 12 октября.

шлин совершилось под влиянием настойчивых ходатайств наших фабрикантов»[25].

Анализ идеологии самодержавия показал, что постепенно, под действием обстоятельств национал-консервативная идеология вобрала в свой состав жизненно необходимые для самодержавия идеи буржуазного развития, но в самой нейтральной, в смысле благонадежности, сфере – экономической в виде идеологии протекционизма и государственного капитализма. Показательна в этом плане эволюция взглядов одного из главных идеологов той эпохи – министра финансов Н.Х. Бунге от сторонника фритредерства до организатора умеренного протекционизма[26]. Именно благодаря позиции и усилиям Н.Х. Бунге буржуазное реформирование экономики страны ускорилось: произошли отмена подушной подати и понижение выкупных платежей, к уплате налогов были привлечены имущие классы и торгово-промышленные предприятия. «В финансовую систему вводилось новое начало… – обложения по прибылям…»[27]. Были учреждены податная и фабричная инспекции. Началось наступление на железнодорожные монополии.

Значение Н.Х. Бунге как государственного идеолога проявилось и в выборе общего направления социального развития России. В пореформенное время многочисленные парадоксы русской жизни выпукло отобразились в парадоксах идеологии, позволяя одно и то же и восхвалять, и отвергать. Наиболее выдающимся проявлением этой действительности стало то, что в большом и главном тон в России задавала антибуржуазность.

Настрой был решительно антибуржуазный в той самой среде, которой хотелось утверждения буржуазных порядков, свобод, изобилия. Антибуржуазность была свойственна не только левым радикалам, но и некоторым государственным чиновникам, и даже многим либералам[28]. В этих условиях большую популярность стало приобретать социалистическое учение, причем не только в левых, но и в правых кругах. Наи-

---

[25] Судейкин В. Т. Замечательная эпоха в истории русских финансов (Очерк экономической и финансовой политики Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского). – СПб., 1895. – С. 40.
[26] См.: Судейкин В.Т. Указ. соч. – С. 8, 39.
[27] Там же. – С.29.
[28] См.: Соловьев Ю.Б. Идеология контрреформ как показатель чрезвычайных трудностей обуржуазивания России // Россия в девятнадцатом веке: Политика. Экономика. Культура / Под ред.В.И Старцева. – СПб., 1994. – С. 235.

большую полноту идея правого социализма получила в трудах К.Н. Леонтьева. Он предлагал в качестве спасения России союз социализма с русским самодержавием: «Чувство мое пророчит мне, что славянский православный царь возьмет когда-нибудь в руки социалистическое движение (так, как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на место либерально-буржуазной. И будет этот социализм новым и суровым трояким рабством: общинам, Церкви и Царю. И вся Америка эта… к черту!»; «Если социализм – не как нигилистический бунт и бред всеотрицания, а как законная организация труда и капитала, как новое корпоративное принудительное закрепощение человеческих обществ, имеет будущее, то в России создать этот новый порядок, не вредящий ни Церкви, ни семье, ни высшей цивилизации, – не может никто, кроме Монархического правительства»[29]. Чуть позже Союз русского народа принял «почти ту же социальную программу и почти те же приемы пропаганды, какими пользовались партии революционные. Разница была в том лишь, что одни обещали массам насильственное перераспределение собственности именем Самодержавного Царя, как представителя интересов народа и его защитника от утеснения богатых, а другие – именем рабочих и крестьян, объединенных в демократическую пролетарскую республику»[30].

Представляется, что позиция Н.Х. Бунге способствовала развитию сложившейся модели модернизации и охранению ее от сползания к государственному социализму. Признавая, что процесс формирования буржуазного общества порождал многие противоречия общественного развития, обусловленные объективным ходом событий и правительственной политикой, Н.Х. Бунге в начале 1890-х годов проанализировал проникновение радикальных, социалистических идей в Россию и написал записку в адрес Александра III, которую прочитал уже Николай II. В контексте нашего исследования важны его оценочные суждения.

---

[29] Леонтьев К.Н. Избранные письма (1854-1891). – СПб., 1993. – С.437; Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). – М., 1996. – С.395.

[30] Крыжановский С.Е. Воспоминания (из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи). - Берлин, Б.Г. – С.153.

Н.Х. Бунге писал: «На социализм надо смотреть не как на нечто могущее быть искорененным, но как на нечто требующее введения в известные границы, причем общественная жизнь получает более правильное и нормальное течение. Нельзя искоренить социализм, как нельзя искоренить микробов. Без желания счастья и стремления к нему застыла бы сама жизнь. Вопрос в том, в чем заключается счастье!

Для успешной борьбы с социализмом необходимы нравы, учреждения и законы, упрочивающие нравственное и материальное благосостояние всех и каждого, как классов, владеющих недвижимым имуществом, так и рабочих. Необходимо возможное пробуждение и развитие семейного духа, необходимо возможное распространение частной собственности и учреждения, обеспечивающие союзность и соглашение интересов как в среде отдельных категорий населения, так и между этими категориями…»[31].

Н.Х. Бунге предостерегал от «неограниченной власти администрации относительно назначения цен, власти, которая будет могущественнее всех возможных коалиций капиталистов», отмечал полезность «опытов замены свободным частным хозяйством» принудительного государственного или общественного хозяйств, спрашивал, «многие ли из бедняков, придавленных нищетой, могут понять, что недвижимая собственность, наследство составляют условие для индивидуального развития человека и для упрочения семейного духа, что денежные капиталы вывели человека из состояния рабства и зависимости, что соперничество есть символ свободы личности?».

Переход России к элементам государственного социализма в тот период был не самой острой, но обсуждаемой темой. О ней писали и заграницей. Так Ф. Энгельс в 1894 г. отмечал, что в условиях расцвета промышленного капитализма в Англии «нельзя же было в самом деле требовать от России, чтобы она на основе крестьянской общины бросилась очертя голову производить сверху государственно-социалистические эксперименты»[32].

---

[31] Записка, найденная в бумагах Н.Х. Бунге. 1881-1894 гг. - СПб., 1896. - С.136.

[32] Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. – М., 1962. – Т.22. - С.450-451.

Консервативная идеология, несмотря на наличие в ней элементов буржуазной модернизации, в 1880-1890-х годах приобрела ряд депрессивных черт.

Во-первых, в правительственных кругах выработалась привычка рассматривать государственные дела с точки зрения борьбы с нигилизмом и терроризмом. В результате, главной задачей считалось не решение проблем государственной жизни, а сохранение спокойствия и порядка[33]. Тем самым полицейские функции государства ставились выше функций развития, а государственная идеология разрывалась между «идеологией порядка» и «идеологией модернизации».

Во-вторых, в основе поведения правительства лежала мысль о необходимости борьбы с любой автономной акцией общественных сил, так как либеральный принцип автономии, легший в основу земской и городской реформ Александра II, считался несовместимым с самодержавием. Об этом ярко говорил К.П. Победоносцев в своей знаменитой речи на совещании 8 марта 1881 г.[34].

В-третьих, механическое сочетание в государственной идеологии традиционных ценностей патриархальной империи с ориентацией на технологические завоевания западной индустриальной цивилизации привело к существенным ошибкам государственной политики – к запаздыванию проработки социальной программы и непропорциональности в выстраивании базовых приоритетов социально-экономического развития.

К концу XIX - началу XX в. проблемы буржуазной модернизации все настойчивее отодвигали в сторону охранительство и на первый план выводили «идеологию буржуазного развития». Ее главным «инженером», вдохновителем и практиком стал С.Ю. Витте. Именно при нем «идеология буржуазного развития» стала приобретать стройные, осмысленные очертания.

Базовым элементом в мировоззрении С.Ю. Витте является понятие свободы, самоуправления и права. С.Ю. Витте писал: «Люди созданы так, что стремятся к свободе и самоуправлению»[35]. «Человек всегда

[33] См.: Леонтович В.В. История либерализма в России 1762 - 1914. – М., 1995. - С.345.
[34] См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С 322.
[35] Витте С.Ю. Воспоминания. – М.,1960. – Т.3 (17 октября 1905-1911). Царствование Николая II. – С.50.

стремится к свободе. Человек культурный – к свободе и праву: к свободе, регулируемой правом и правом обеспечиваемой»[36]; «Ход исторического прогресса неудержим. Идея гражданской свободы восторжествует если не путем реформ, то путем революции»[37]. Отсюда следовало, что «постепенное развитие местного самоуправления неизбежно ведет к государственному центральному управлению»[38], как несомненный закон государственной жизни человечества. С.Ю. Витте указал на ненормальность сочетания в политической жизни России неограниченного самодержавия и местного самоуправления[39], так как это ведет, по его взгляду, к деструктивному противостоянию и, в конечном итоге, к революции. В связи с этим, С.Ю. Витте формулирует важнейший исторический урок, актуальный и по сей день: «Нельзя создавать либеральные формы, не пополняя их соответствующим содержанием»[40].

Исторический подход привел С.Ю. Витте не только к идее гражданской свободы, но и к идее конституционализма: «…Мне любо неограниченное самодержавие, но ум мой после всего пережитого, после всего того, что я видел и вижу наверху, меня привел к заключению, что другого выхода, как разумного ограничения, как устройства около широкой дороги стен, ограничивающих движение самодержавия, нет»[41]. Исторический взгляд на проблему привел С.Ю. Витте также к пониманию того, что «общинное владение есть стадия только известного момента жития народов, с развитием культуры и государственности оно неизбежно должно переходить в индивидуализм – в индивидуальную собственность…»[42]. «Если когда-либо осуществится в России коллективная собственность вместо общины, то это может произойти только после того, как общинное владение пройдет через горнило индивидуа-

---

[36]Записка С. Ю. Витте Николаю II от 9 октября 1905 г. о необходимости политических реформ // Витте Сергей Юльевич. Хроника. Документы, Воспоминания./ Подготовил к изд. Л.Е. Шепелев. – СПб., 1999. - С. 185.

[37] Там же. – С. 189.

[38] Витте С.Ю. По поводу непреложности законов государственной жизни . – СПб., 1914. – С.111.

[39] См.: Там же. – С.197-212.

[40] Там же. – С.212.

[41] Витте С.Ю. Воспоминания. – М.,1960. – Т.2 (1894 - октябрь1905). Царствование Николая II. – С. 306.

[42] Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. – СПб.,1905. – С. 492.

лизма, то есть собственности индивидуальной»[43]. Горячо выступая за установление в России частной крестьянской собственности, С.Ю. Витте подверг резкой критике планы правительства П.А. Столыпина, по которым на месте разрушенной общины появлялись не полноценные в гражданском правовом смысле граждане, а лишенные многих социально-экономических прав подданные[44].

Наиболее основательно «идеология буржуазного развития» проявилась в экономической части концепции С.Ю. Витте. Для охвата разнообразных народно-хозяйственных задач он вводит в свои построения понятие «экономическая политика» (или «торгово-промышленная политика»)[45]. Ее цель – это быстрое превращение России в индустриально-развитую сверхдержаву. Экономическая политика, на взгляд Витте, должна осуществляться по определенному плану, с помощью передаточного механизма исполнителей, последовательно и систематически в течение достаточно продолжительного времени. Для России, вследствие относительной отсталости развития промышленности, регулирующие функции правительства в осуществлении экономической политики должны быть гораздо шире, чем в иностранных государствах[46].

Из отраслей народного хозяйства, убеждал С.Ю. Витте Николая II, приоритет следует отдавать промышленности, ибо без нее страна «не может достигнуть настоящей экономической независимости» и «проявлять в полной мере и свое политическое могущество»[47]. Положив в основу анализа три фактора производства: труд, капитал и природные бо-

---

[43] Витте С.Ю. Воспоминания. – М.,1960. – Т.2 (1894 - октябрь1905). Царствование Николая II. – С. 494.

[44] См.: Записка С. Ю. Витте Николаю II от 9 октября 1905 г. о необходимости политических реформ // Витте Сергей Юльевич. Хроника. Документы, Воспоминания./ Подготовил к изд. Л.Е. Шепелев. – СПб., 1999. - С. 204-206.

[45]См.: Витте С.Ю. Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте Николаю II о необходимости установить, затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи. 1899 г., не позднее февраля // Сергей Юльевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист. К стопятидесятилетию со дня рождения / Под ред. Н.К. Фигуровской, А.Д. Степанского. – М.,1999, - Часть 2. – С.177-179.

[46]См.: Там же. – С.177-180; Витте С.Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. – СПб.,1910. – С.130.

[47] Витте С.Ю. Всеподданнейший доклад министра финансов о положении нашей промышленности. Февраль 1900 г. // Сергей Юльевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист. К стопятидесятилетию со дня рождения / Под ред. Н.К. Фигуровской, А.Д. Степанского. – М.,1999, - Часть 2. – С.203.

гатства, С.Ю. Витте выдвинул идею организованного взаимодействия заграничного капитала, с одной стороны, дешевого русского труда и природных ресурсов России, с другой.

Основным средством привлечения иностранного капитала и развития промышленности С.Ю. Витте считал политику самого широкого протекционизма. «Создание своей собственной промышленности, – докладывал он Николаю II, – это и есть та коренная, не только экономическая, но и политическая задача, которая составляет краеугольное основание нашей протекционистской системы», которая должна «продержаться десятки лет для того, чтобы успеть привести к положительному результату»[48]. «Мы владеем дешевым трудом, огромными естественными богатствами, и только дороговизна капиталов препятствует пока из этого всего получать дешевые товары. Пусть иностранные капиталы помогут нам удешевить эту единственную производительную силу, которой мы не богаты, и мы сумеем довести нашу промышленность до такого положения, что она будет в изобилии давать дешевые товары «не только для внутреннего потребления, но и экспорта»[49].

Практическая сторона народного хозяйства подтолкнула С.Ю. Витте к теоретическим построениям. Он поставил задачу выработки «своей национальной экономии, основанной на индивидуальных особенностях русского грунта»[50]. В качестве первого шага С.Ю. Витте предложил, избегнув крайностей классической политической экономии (манчестерской школы) и «школы государственного социализма», найти конкретно-историческое национальное сочетание рынка и государственного начала, фритредерства и протекционизма[51].

Особое место в концепции С.Ю. Витте занимала железнодорожная политика. Важный урок, который извлек реформатор из опыта предыдущих преобразований, состоял в том, что «железные дороги могли

---

[48] Витте С.Ю. Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте Николаю II о необходимости установить, затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи. 1899 г., не позднее февраля // Сергей Юльевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист. К стопятидесятилетию со дня рождения / Под ред. Н.К. Фигуровской, А.Д. Степанского. – М.,1999, - Часть 2. – С.181,182.

[49] Там же. – С.192.

[50] Витте С.Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. – СПб.,1910. – С.132.

[51] См.: Витте С.Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. – СПб.,1914. – С.82,65,59.

послужить экономическим стимулом процесса индустриализации только в том случае, если их строительство будет полностью интегрировано в общую экономическую политику (стабильная валюта, протекционистские тарифы и единодушие в правительстве)»[52].

Наиболее противоречиво шло формирование государственной идеологии модернизации в области аграрных преобразований. С.Ю. Витте приходилось лавировать между четырьмя позициями. Официальное направление аграрной политики развивалось под руководством В.К. Плеве и было представлено результатами работы совещания А.И. Звегинцова[53]. Выводы совещания наносили удар по экономическому курсу С.Ю. Витте и защищали интересы помещиков. В трудах совещания была представлена безрадостная картина хозяйственного «оскудения» Центра (в неразрывной связи крестьянских и помещичьих интересов) и определены причины сложившегося положения: переход к денежному хозяйству и падение мировых цен на хлеб, чрезмерная налоговая нагрузка и общий экономический курс С.Ю. Витте. В то же время был отвергнут аргумент С.Ю. Витте о росте имущественной дифференциации в крестьянской среде.

Чтобы нейтрализовать требования совещания и стоящих за ним помещичьих кругов о фактическом свертывании индустриализации и расширении традиционного попечительства, прежде всего, по отношению к помещичьему хозяйству, С. Ю. Витте неожиданно поддержал либерально-народнических экономистов А.И. Чупрова и А.С. Посникова, доказывавших преобладание натурального характера в экономике крестьянского хозяйства[54] и тем самым сумел поколебать традиционное представление о неразрывной связи крестьянских и помещичьих интересов. Отталкиваясь от этого, министр финансов перевел проблему в правовую плоскость, потребовав создания условий, облегчающих переход крестьянской экономики к денежному хозяйству.

---

[52] Рибер А. Железные дороги и экономическое развитие: истоки системы Рейтерна // Страницы российской истории: проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. – СПб., 2003. – С. 174.

[53] См.: Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний. Труды Особого совещания 1899-1901 гг. Сост. А.Д. Поленов. – М., 1901.

[54] См.: Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. – СПб., 1897. – Т.I. – Введение.

На заседании Комитета министров С.Ю. Витте 13 апреля 1898 г. нанес еще один удар по выводам совещания Звегинцова. Он отрицал вроде бы очевидный факт чрезмерного обложения крестьянства и связь его с индустриализацией. По С.Ю. Витте причина чрезмерной нагрузки лежала в «непроизводительных» расходах[55].

Чтобы дезавуировать работу совещания Звегинцова министр финансов, ссылаясь на ограниченность источников совещания, инициировал создание Комиссии Центра[56], в которой большинство составили либеральные чиновники Департамента окладных сборов. Их оппозиция официальному продворянскому курсу внутри правительства нашла в ряде существенных проблем поддержку в формирующемся земском либерализме, который, однако, высказался за более радикальный вариант буржуазного развития: правительственной идеализации крестьянского сословного строя земцы противопоставили требование полной ликвидации сословной обособленности, повышения культурного уровня крестьянства[57]. Комиссия центра, солидаризируясь во многом с запиской земцев, выдвинула следующие важнейшие положения: об общем характере кризиса крестьянского хозяйства, о преимущественно натуральном экономическом укладе Центра, об относительном характере малоземелья (в отличие от «абсолютного малоземелья» в записке земцев), необходимости активизации деятельности Крестьянского банка, постепенном понижении выкупных платежей. Предложения земцев о развитии долгосрочной аренды и необходимости замены косвенных налогов прямым подоходным налогом комиссия не приняла.

Добившись изоляции представителей дворянской позиции, С.Ю. Витте не пошел на открытое противопоставление официальному направлению аграрной политики. Именно поэтому обсуждение проблемы

---

[55] РГИА, ф. 1263, оп. «Алфавит к журналам Комитета», 1898 г., д. 5334, л. 495-499.

[56] См. Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903.

[57] См.: Записка представителей земских учреждений в Комиссию о Центре // Народное хозяйство. – 1903. – Кн.6, ноябрь-декабрь. – С. 201-223.

«оскудения» было свернуто и все свелось к вопросу о понижении выкупных платежей[58].

Таким образом, идеологическая концепция С.Ю. Витте представляла из себя систему либерального национализма, в которой либеральные ценности свободы, частной собственности, рынка, права, конституционного представительства, самоуправления достигаются средствами промышленного национализма. Слабость программы С.Ю. Витте состояла в том, что она делала ставку на форсированном развитии, а, значит, неминуемом возникновении больших межсекторных разрывов между сельским хозяйством и промышленностью, экономикой и политической сферой.

Свою концепцию С.Ю. Витте активно внедрял не только административным путем, но и с помощью идеологического воздействия. За весь предшествовавший 30-летний период и даже позднее, до начала деятельности III Думы, экономическая политика правительства никогда не получала столь широкой огласки в официальных документах и выступлениях, предназначенных для широкого сведения, как в 1893 – 1903 годах. Начиная с первого «Всеподданнейшего доклада министра финансов о росписи государственных доходов на 1893 год» и кончая последним своим докладом, С.Ю. Витте, формально обращаясь к царю, излагал и обосновывал все основные установки экономической политики. Все это сопровождалось и официозными статьями, и сообщениями в журнале «Вестник финансов, торговли и промышленности» и в других органах министерства, и полемикой по поводу выступления русской и иностранной печати[59].

Особенностью этого этапа явилось усиление расхождений в верхах по некоторым основным вопросам экономической политики. Ухудшавшееся под действием мирового аграрного кризиса положение наиболее влиятельных помещиков российского Центра вызвало появление их особой экономической «программы». Суть ее сводилась к тому, чтобы искать выход за счет усиления полукрепостнической эксплуатации кре-

---

[58] См.: Симонова М.С. Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX – начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. – М., 1971. – С. 260-261.

[59] См.: Гиндин И.Ф. Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. – 2007.- №2. – С.90-91.

стьянства, всемерной консервации общины, снижения курса рубля, что увеличивало выручку за экспортируемый хлеб при обмене иностранной валюты на рубли, за счет отмены высокого протекционизма и за счет широкой государственной финансовой поддержки. Ведение золотой валюты означало для них крах всех расчетов на искусственное улучшение условий хлебного экспорта[60].

С началом Первой русской революции С.Ю. Витте осознал крайнюю необходимость идейного завоевания широких масс. Он увидел слабость системы государственной пропаганды: пресса была «совершенно деморализована», газеты и журналы контролировались наборщиками, отсутствовали официальные пропагандистские издания. Ситуация особенно обострилась после утверждения 24 ноября 1905 г. «временных правил о повременных изданиях»,[61] отменивших предварительную цензуру.

Следует отметить, что С.Ю. Витте имел большой опыт использования прессы в политических целях и потому он решил его использовать на новом поприще. «Когда я сделался председателем Совета министров, - писал С.Ю. Витте в своих воспоминаниях, - то для того, чтобы давать обществу надлежащее объяснения, и для опровержения всевозможных выдумок, которыми кишели все газеты…я основал правительственный орган под заглавием «Русское государство», который издавался «Правительственным вестником», но в более литературной и в более свойственной ежедневным газетам форме. Мысль об издании такой газеты мне дал Татищев (автор истории Александра II)»[62]. Со смертью С.С. Татищева подготовку к реорганизации «Правительственного вестника» продолжил А.Н. Гурьев.

Тираж «Русского государства» был определен в 52 тыс. экз., из них 12 тыс. предполагалось бесплатно рассылать подписчикам «Правительственного вестника», а 40 тыс. распространять по подписке и в розничной продаже. 27 января 1906 г. всем губернаторам был разослан циркуляр о необходимости прорекламировать на страницах «Губернских ведомостей» новую правительственную газету, в январе 1906 г. выход «Русского государства» анонсировался во всех официальных изданиях,

[60] См.: Там же. – С.91.
[61] ПСЗ РИ. - Собр. 3-е.- Т. XXV.- № 26962.
[62] Витте С.Ю. Воспоминания. – М., 1960 – Т. 3. – С. 316.

газета была освобождена от платы за пересылку. 1 февраля 1906 г. вышел первый номер «Русского государства», вечерней газеты «Правительственного вестника», а последнему был придан характер официального бюллетеня правительства[63].

Руководители «Русского государства» представляли газету как «беспартийный» орган (что было новым элементом в деятельности правительственной прессы), готовые печатать любые статьи в пределах «между революцией - с одной стороны, и реакцией – с другой»[64]. Новая газета печатала на своих страницах политические статьи по актуальным общественно-политическим и социально-экономическим вопросам. Критика правительства допускалась, но самая умеренная. Анонимность публицистических статей весьма снижала их ценность и общественное звучание.

По настоянию С.Ю. Витте в каждом министерстве и ведомстве был определен чиновник, в задачу которого входил контроль за появляющимися в печати сообщениями, требующими соответствующих опровержений. Эти опровержения печатались в «Русском государстве». Министр или главноуправляющий должен был следить, чтобы недостоверная информация о деятельности возглавляемого им ведомства обязательно опровергалась в новой правительственной газете[65].

Новое издание отразило на своих страницах тот противоречивый политический курс, который стремился проводить в жизнь С.Ю. Витте. Например, признавая несовершенство российских законов, сложность переживаемого страной момента, «Русское государство» однако активно проповедовало «особые карательные правила»[66], приветствовало строгие меры, применяемые «к бандитам пера и слова»[67], из номера в номер выражало идею необходимости объединения монархических организаций.

«Русское государство» просуществовало недолго. 25 апреля 1906 г. после отставки С.Ю. Витте оно было преобразовано в строго офици-

---

[63] См.: Лихоманов А.В.Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905 – 1907 гг. – СПб., 1997. – С. 44-45.
[64] Русское государство. - 1906. – 1 Февраля.
[65] См. : Лихоманов А.В.Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905 – 1907 гг. – СПб., 1997. – С.48.
[66] Русское государство. -1906.- 3 марта.
[67] Русское государство. - 1906. - 15 марта.

альное издание, без каких либо элементов широкой публицистики и «плюрализма». Попытка команды С.Ю. Витте создать массовую базу своему реформистскому курсу с помощью этого печально издания успехом не увенчалась. За период с 1 февраля по 1 мая 1906 г. на «Русское государство», несмотря на широкую рекламу и специальное бюро по распространению газеты, подписалось 1259 человек на общую сумму 2 722 рублей[68].

Помимо «Русского государства» пропагандой правительственного курса занимались издания, которые находились под контролем МВД, и в первую очередь «Сельский вестник». 22 марта 1906 г. царем в распоряжение МВД был выдан кредит 100 тыс. руб. на поддержку «полезных изданий», которые в основном происходили из сферы черносотенцев[69].

В целом, в условиях острого революционного кризиса меры, предпринятые кабинетом С.Ю. Витте по формированию благоприятного для правительства общественного мнения и массовой идеологической поддержке с помощью официальной печати не привели к сколь-нибудь ощутимым результатам.

В период назревания революционной ситуации начала XX в. определенную лепту в развитие государственной идеологии модернизации внесли и другие высокопоставленные чиновники. П.Д. Святополк-Мирский, С.Е. Крыжановский, И.Я. Гурлянд, К.Ф. Головин, Д.Ф Трепов, М.С. Путятин, Б.В. Штюрмер выдвинули свои проекты учреждения представительных законосовещательных органов. Но все они носили характер вынужденных и явно запаздавших решений.

Кульминация идеологического творчества самодержавия проявилась в деятельности П.А. Столыпина по формированию необходимого правительству общественного мнения. Еще в Саратове П.А. Столыпиным были сформулированы основные положения, которые затем легли в основу его аграрной реформы. Во всеподданнейшем отчете саратовского губернатора П.А. Столыпина за 1904 г. сообщалось: «Жажда земли, аграрные беспорядки сами по себе указывают на те меры, которые могут вывести крестьянское население из настоящего ненормального положения. Естественным противовесом общинному началу является

[68] См.: Лихоманов А.В.Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905 – 1907 гг. – СПб., 1997. – С. 51.
[69] См.: Там же. – С. 53.

единоличная собственность. Она же служит залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве. В настоящее время более сильный крестьянин превращается обыкновенно в кулака, эксплуататора своих однообщественников, - по образному выражению, мироеда. Вот единственный почти выход крестьянину из бедности и темноты, видная по сельским воззрениям, мужицкая карьера»[70].

11 января 1906 г. П.А. Столыпин доносил министру внутренних дел: «Крепкое разрешение вопроса заключается в создании класса мелких собственников, этой основной ячейке государства, являющихся по природе своей органическими противниками всяких разрушительных теорий. Не уничтожая насильно общины, с которыми слился народ, надлежало бы всячески способствовать единичным сделкам с помощью Крестьянского банка, разрешить для этого продажу и залог надельной земли, помогать таким мелким владельцам кредитом»[71].

Таким образом, П.А. Столыпин в саратовский период своей деятельности в решении аграрного вопроса ставку сделал на внедрение единоличной (частной) крестьянской земельной собственности. Это должно было осуществиться, на его взгляд при посредстве Крестьянского банка и пока без разрушения общины. Главный официальный мотив этого реформирования носил полицейский, охранительный характер.

Этот мотив проявился и позднее, когда П.А. Столыпин уже возглавлял правительство. Например, в 1907 г. в секретном представлении Совету министров он отмечал, что «богатое крестьянство служит везде лучшим оплотом порядка и спокойствия»[72]. Но на этом он не остановился. Выступая 16 ноября 1907 г. в III Государственной думе, П.А. Столыпин углубляет свою мысль: личную земельную собственность крестьян он делает основой и условием утверждения гражданской свободы и земского самоуправления. «Пока крестьянин беден, пока он не обладает личною земельною собственностью, пока он находится на-

[70] К истории аграрной реформы Столыпина. Всеподданнеший отчет саратовского губернатора П. Столыпина за 1904 г. // Красный архив. – 1926 г. – Т. 17. – С. 85.
[71] Дело № 123 канцелярии Земского отдела Министерства внутренних дел за 1906 г., донесение губернаторов о причинах аграрных беспорядков. – С. 61.
[72] Цит.по: Казарезов В.В. П.А. Столыпин: история и современность. - Новосибирск, 1991. - С. 52.

сильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы ‹…› Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земской единицы; он, трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток»[73].

Идея создания класса мелких земельных собственников гармонично сочеталась у П.А. Столыпина с мыслью о неготовности большинства населения России к демократическим свободам: «Народное представительство наше - выразитель только части народа, созревшей для политической жизни. Мой идеал - представительная монархия. В таких громадных государствах, как Россия, многие вовсе не подготовлены к политической жизни… Примирить же взаимные интересы…может своим авторитетом во многих случаях только Монарх…»[74].

Отсюда следовала утопичная идея об организованном создании мелких собственников и воспитании из них граждан демократического государства, но верных при монархии: «Я полагаю, что прежде всего надлежит создать гражданина, крестьянина-собственника, мелкого землевладельца, и когда эта задача будет осуществлена - гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом - гражданственность. А у нас обыкновенно проповедуют наоборот»[75]. Провозглашая себя сторонником правового государства, П.А. Столыпин на деле трактовал это понятие в усеченном виде, что больше соответствовало термину «правомерное государство», в котором по воле монарха, как указывал П.А. Столыпин, права и обязанности не находятся в зависимости от толкования и воли отдельных лиц[76].

В обосновании своей концепции либеральной монархии, П.А. Столыпин прибегал к помощи некоторых идей государственного национализма. Он в частности провозглашал: «…Наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в этих русских национальных

---

[73] Столыпин Петр Аркадьевич. Нам нужна Великая Россия…Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906-1911 гг. - М., 1991. - С. 103.
[74] Цит. по: Шубинской Н.П. Памяти П.А. Столыпина. - М., 1913. - С. 19.
[75] Государственная деятельность Председателя Совета министров статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина / Сост. Е.В. Варпаховская. - СПб., 1911. - Ч. I - С. 2.
[76] См.: Сидоровнин Г.П. П.А. Столыпин. Жизнь за Отечество. – М., 2002. – С. 202.

началах»[77]. К ним он отнес «наш идеал местного самоуправления» (организация «крепких людей земли», взявшая на себя часть «государственного тягла») и «наш идеал наверху» («развитие дарованного Государем стране Законодательного, нового представительного строя, который должен придать новую силу и новый блеск Царской Верховной власти»). К этому П.А. Столыпин добавил еще два основания. Первое: единое и нераздельное российское государство при ведущей роли русского народа. Второе: «Православная церковь, как господствующая», пользующаяся «данью особого уважения и особою со стороны государства охраною» при недопущении нарушения прав других исповеданий и верований[78].

Итак, мы можем резюмировать, что идеалом П.А. Столыпина являлась представительная всесословная (внесословная) правомерная монархия, опирающаяся на класс мелких земельных собственников. Идеологическую концепцию П.А. Столыпина можно определить как либерально-националистический монархизм.

П.А. Столыпин предпринял энергичные усилия по распространению своей идеологической концепции и завоеванию общественного мнения всех слоев населения. Для продвижения земельной реформы П.А. Столыпин искал и выдвигал специалистов-аграрников, которые могли стать его надежными союзниками. Среди них особую роль играл энтузиаст землеустройства А.А. Кофод, по личной инициативе объехавший тысячу деревень. По результатам обследования он подготовил доклад, опубликовал статьи и обстоятельный труд «Крестьянские хутора на надельной земле». Брошюра А.А. Кофода «Хуторское расселение» разошлась полумиллионным тиражом. По ней знакомились крестьяне с сутью столыпинских реформ. С помощью А.А. Кофода П.А. Столыпину удалось найти около пятидесяти человек, которые были направлены в губернии для разъяснения намерений правительства в области земельного вопроса[79].

Большую роль в пропаганде правительственного курса сыграла сама личность П.А. Столыпина. « На трибуну Столыпин всходил с соз-

---

[77] Столыпин Петр Аркадьевич. Нам нужна Великая Россия…Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906-1911 гг. - М., 1991. - С. 104.
[78] Цит.по: Сидоровнин Г.П. Указ. соч. – С.165.
[79] См.: Кофод А.А. 50 лет в России (1878-1920). Пер. с дат. - М., 1997. - С. 193-194.

нанием своей правоты, с твердой уверенностью, что получит в Думе и в стране поддержку тех, кого он считал здравомыслящими гражданами. Столыпин был единственный министр, одаренный настоящим ораторским талантом. Говорил он смело, твердо, в его словах слушалась глубокая внутренняя серьезность. Сразу чувствовалось, что он, не меньше, чем красноречивые идеологи либерализма и социализма, предан своим убеждениям, верит в свое дело, в свое служение, в свою идеологию»[80].

Огромное впечатление на образованное общество России произвела яркая речь П.А. Столыпина в Государственной думе 10 мая 1907 г. «Ее изложение в прессе также стало событием: доклад и комментарии читали и разбирали всюду, где собирался народ. Это выступление, видимо, подтолкнуло к изданию речей П.А. Столыпина во II Государственной Думе, причем брошюра выходит оперативно, в том же 1907 году»[81].

Большую помощь П.А. Столыпину в распространении его идей оказали такие видные консерваторы как Л.А. Тихомиров и М.О. Меньшиков. Например, М.О. Меньшиков писал: «Нет ни малейшего сомнения, что отныне в общине останется лишь самый неспособный крестьянский элемент, люди стада. Всякий крестьянин, искренне чувствующий в себе хозяина, пойдет на отруба»[82].

Весной 1909 г. в свет вышел оригинальный философский сборник «Вехи», авторы которого прямо или косвенно поддержали принципы и подходы П.А. Столыпина по переустройству российского общества, а потому вызвали резкую критику левых.

Необходимость противодействия оппозиционной прессе, а также задачи подготовки выборов во II Государственную думу обусловили проведение соответствующей идеологической и пропагандистской работы, которая опиралась, в первую очередь, на органы печати.

П.А. Столыпин, будучи министром внутренних дел в правительстве Горемыкина 9 июня 1906 г. издал циркуляр губернаторам № 5378, в котором заявил о создании нового официозного органа печати, связь которого с правительством, в отличие от «Русского государства», была бы закамуфлирована. С 8 июня 1906 г. Мелкая газета «Россия» была пре-

[80] Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. - Нью-Йорк, 1952. - С. 369.
[81] Сидоровнин Г.П. Указ. соч. – С. 226.
[82] Меньшиков М.О. Формула земли // Новое время. - 1908. - 21 октября.

вращена в солидное издание и стала выходить в увеличенном объеме. С 11 июня в ней появляются передовые статьи, написанные от имени правительства, по самым различным вопросам внутренней и внешней политики[83].

После изучения «Материалов по истории выборов в первую Государственную думу», собранных по поручению С.Ю. Витте графом В.А. Дмитриевым-Мамоновым, правительством были выработаны три основных направления агитационно- пропагандистской деятельности: 1) издание брошюрной литературы; 2) оказание материальной помощи издателям газет правого толка; 3) придание газете «Россия» характера серьезного правительственного официоза.

Репутация намеченного плана сталкивалась с серьезными проблемами. Товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский писал в своих воспоминаниях: «Наиболее трудным и практически бесплодным делом была организация правой печати. Правительство содержало более тридцати газет в разных местностях России, расходуя на это дело довольно крупные суммы, но, должен признать, без успеха… В рядах…правых партий…вообще не было людей умевших держать перо в руках»[84].

С большей эффективностью работала редакция газеты «Россия». Это стало возможным, во многом благодаря деятельности талантливого юриста, ученого и администратора И.Я. Гурлянда. Другим «столпом» редакции «России» был С.Н. Сыромятников, широко известный консервативный публицист «Нового времени». Характерным для него было следующее эклектичное представление в природе государственной власти в империи: «Россия - свободная демократия с свободным царем во главе, ответственным лишь перед Богом и совестью»[85]. С.Н. Сыромятников считал, что истинный консерватизм «есть защита испытанного своего против неиспытанного чужого, защита не кулаком и палкой, а воспитанием общественной мысли и чувства»[86].Третьим важнейшим сотрудником «России» был А.Н. Гурьев.

---

[83] РГИА, Ф. 776, оп. 8, д. 2102, л. 9.

[84] Крыжановский С.Е. Воспоминания (из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи). - Берлин, Б.Г. - С. 102.

[85] Сыромятников С.Н. Опыты русской мысли. - СПб., 1901 - С. 44.

[86] Там же. - С. 98.

Одной из задач «России» было обоснование необходимости проведения тех или иных правительственных мероприятий, разъяснение точки зрения «верхов». Например, 9 ноября 1906 г. в связи с началом строительства Амурской железной дороги С.Н. Сыромятников получил распоряжение помощника управляющего делами Совета министров Н.В. Плеве, в котором указывалось, что «г[осподин] председатель выразил желание, чтобы на этот вопрос редакция газеты «Россия» обратила внимание»[87]. А 10 ноября И.Я. Гурлянд через того же Н.В. Плеве получил указание П.А. Столыпина «осветить вопрос о крестьянском землевладении (указ 9 ноября 1906 г.) с точки зрения правительства в ряде статей газеты «Россия»»[88].

Второй важнейшей задачей «России» был «политический зондаж» по различным вопросам для выявления общественных настроений, расстановки политических сил, возможной реакции тех или иных кругов на мероприятия правительства. Например, желая знать, какую реакцию в обществе вызовут попытки решения правительством еврейского вопроса, П.А. Столыпин дал указание отразить эту проблему в «России»[89].

Уже к осени 1906 г. положение «России» как правительственного официозного органа окончательно определилось, а публикуемые в ней материалы рассматривались современниками как соответствующие взглядам руководителей государства, и, прежде всего, П.А. Столыпина. Сам П.А. Столыпин в начале октября 1906 г. приказал бесплатно рассылать «Россию» «во все волостные правления тех губерний, которые имеют русское население»[90]. В целом на содержание «России» МВД ежегодно расходовало около 300 тыс. рублей. Ее распространение в столице в розницу осуществлялось специально организованной артелью. В среднем в июле-сентябре 1906 г. каждый месяц продавалось в столице 7217 экз., с 1 по 25 октября было продано лишь 3050 экз. Налицо явное падение интереса к «России». На ее незначительную популярность указывал в своем дневнике Л.А. Тихомиров[91].

---

[87] РГИА, Ф. 1629, оп. 1, д. 116, л.10..
[88] РГИА, Ф. 1629, оп. 1, д. 400 б, л.10. 02.
[89] См.: Лихоманов А.В. Указ. соч. – С.102.
[90] РГИА, Ф. 776, оп. 8, д. 2102, л. 27.
[91] См.: Лихоманов А.В. – С. 110-111.

Гораздо более перспективным в агитационно-пропагандистском плане было издание брошюрной литературы, более читаемой в народе. Именно через эту форму правительство начало компанию по активному компроментированию своих противников в печати. Наиболее известными были брошюры Н.П. Васильева (Гурлянда) «Правда о кадетах», «Наши социалисты», «Что такое трудовики?», выходившие стотысячными тиражами. Для рассылки этих брошюр «была устроена секретная экспедиция, которая посылала книгу непосредственно по прямому адресу: это была целая фабрика»[92].

Итак, система идеологических приводных ремней столыпинского аппарата была более эффективна, чем прежние попытки постановки идеологической работы в царской России пореформенного периода и начала XX века. Несомненным плюсом явился охват идеологическим влиянием более широкой и более разнообразной аудитории, которая включала в себя не только образованное общество, но массы крестьян и рабочих. Сама идеология и способы ее распространения стали более наступательными. Однако все же следует подчеркнуть, что в целом столыпинская агитационно-пропагандистская машина развивалась медленно и явно не поспевала за резко ускорившимся темпом общественной жизни и чрезвычайно возросшей во время революции активностью населения.

Реакция российского социума на утверждение столыпинского варианта идеологии модернизации была чрезвычайно полярной. Полюс одобрения заявил о себе сразу же с началом активной политической деятельности П.А. Столыпина. Однако наиболее активно общественное мнение стало откликаться на идеи П.А. Столыпина после его знаменитой речи во II Государственной думе 6 марта 1907 г. Сама речь в стенах Думы была встречена бурными аплодисментами правых партий. Поздравительные телеграммы, письма и адреса поступали как от частных лиц, так и от учреждений, организаций и вооруженных сил. Депутация от газеты «Свет» вместе с рабочими типографии поднесла П.А. Столыпину приветственный адрес с 35 тысячами подписей от своих подписчиков из всех районов России. Поступил также приветственный адрес,

[92] Крыжановский С.Е. Указ.соч. - С. 102-103.

подписанный тысячами москвичей[93]. Открытки и письма были вделаны в огромную книгу около двух пудов весом[94].

Когда весной 1909 г. П.А. Столыпин серьезно заболел воспалением легких, слухи о его болезни взволновали широкие круги российского общества. Семье П.А. Столыпина выражали свое участие сановники, члены Государственной думы, лица великосветского общества. «Со всех концов России получались постоянно многочисленные телеграммы, с запросами о состоянии здоровья и наилучшими пожеланиями». «Дворец Ливадии, где отдыхал П.А. Столыпин, постоянно был полон просителей и лиц, желавших лично выразить свое сочувственное внимание»[95].

Для того чтобы понять степень проникновения новой идеологии в крестьянские массы следует подчеркнуть, что к 1 января 1916 г. на отруба и хутора вышло более 1 млн. домохозяев, или около 8-9% крестьянских дворов. В целом разверстывания дали 1,2 млн. дворов, хуторов и отрубов[96]. По данным Н.П. Огановского, 52,2 % крестьян выделялись из общины с целью продажи своих земельных участков; 18,7 % - с целью улучшения своего хозяйства; 27,3 % - с целью закрепления за собой земли, которая в случае передела отошла бы к другим[97]. Проведя детальное исследование положения крестьян Богородицкого уезда Тульской губернии, И.В. Мозжухин пришел к выводу, что только 22,8 % из числа обособившихся домохозяев вышли из общины с сознанием преимуществ хуторского и отрубного владения, 51,9 % выделились с целью удержания за собой излишков земли, 16,5 % крестьян были выделены

---

[93] В адресе содержались следующие слова: « Глубокоуважаемый Петр Аркадьевич. Ваше спокойное, убежденное слово, сказанное в Государственной думе, еще раз показало России, что власть, вверенная вам Государем, находится в чистых, честных и твердых руках. Измученная невзгодами Родина нуждается прежде всего в таком правительстве, которое, предъявляя широкое понимание народных нужд, ставило бы вместе с тем своей основной задачей охранение порядка и законности». Председатель Совета Министров Петр Аркадьевич Столыпин / Сост. Е.В. Варпаховская. - СПб., 1909. - С. 48-49.

[94] См.: Сидоровнин Г.П. Указ. соч. – С. 207.

[95] Председатель Совета Министров Петр Аркадьевич Столыпин / Сост. Е.В. Варпаховская. - СПб., 1909. - С. 232.

[96] См.:Чернышев И.В. Община после ноября 1906 г. - Петроград, 1917. - С. 12.

[97] См.: Огановский Н.П. Революция наоборот. - Петроград, 1918. - С. 27.

против своего желания[98]. По данным Н.Я. Быховского, к 1916 г. 43 % крестьян продали свои наделы[99].

Приведенные данные позволяют предположить, что сознательными сторонниками столыпинской идеологии являлось 20-25 % крестьян, сделавших шаг к выделению из общины, что в относительном выражении было весьма скромным результатом. П.А. Столыпин сам признавал недостаточный размах своей идеологии. Так, в интервью в газете «Волга» в 1909 г. он в частности заявил: «Я был в соседней с нами Скандинавии. Как приятно поразил меня вид тамошней молодежи, одушевленно и гордо проходившей стройными рядами, с национальными флагами, перед иностранцами-туристами!»[100]

Неприятие столыпинской программы преобразований носило массовый характер, особенно в среде крестьянства.

О первой реакции крестьян на указ 9 ноября можно судить из сотен приговоров и наказов, принятых сельскими сходами в первой половине
1907 г. Среди них не было ни одного, который бы полностью поддержал указ 9 ноября. Формы выражения недовольства были самыми разными – от сомнений и колебаний до осуждения и отрицания всего, что делало правительство в деревне. «Закон о земле 9 ноября 1906 г. не принимаем», – заявляли крестьяне Ново-Ямовской волости Пензенской губернии. Сход села Андреевка той же губернии полагал, что правительство издало указ «для своей пользы» и потому требовал его отмены[101]. Сход крестьян села Писцово Костромской губернии постановил: «Это не закон, а ловушка нашему брату»[102]. Крестьяне села Руховского Московской губернии приговорили: «Не выходить из общины никому в течение 24 лет»[103].

---

[98] См.: Мозжухин И.В. Землеустройство в Богородицком уезде Тульской области. - М., 1917. - С. 158.

[99] См.: Быховский Н.Я. Русская община и земельная реформа. - М., 1917. - С. 29.

[100] Цит. по: Государственная деятельность Председателя Совета Министров статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина / Сост. Е.В. Варпаховская. - СПб., 1911. - С. 8.

[101] РГИА, Ф. 1278, оп. 1, д. 787, л. 322, 327.

[102] Василевский Е.Г. Идейная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы. – М.,1960. - С. 69.

[103] Там же. - С. 71.

Уже 8 декабря 1906 г. в МВД представили совместный отчет министерские чиновники Врасский и Литвинов, посетившие Тульскую, Орловскую и Рязанскую губернии. Они писали, что крестьян не привлекает идея индивидуального землевладения и «пока не следует возлагать чрезмерных надежд на быстрое улажение нашего аграрного неустроения»[104].

Об отрицательном отношении крестьян к указу говорилось на всех уездных, губернских и всероссийских съездах чиновников, имевших непосредственное отношение к проведению реформы[105].

Анализ многочисленных документов показывает, что фронт крестьянской борьбы развернутый против столыпинского землеустройства и обеспечивающей его идеологии, действовал в течение всех лет осуществления реформы, имея два направления: противодействие крестьян землеустроителям и систематическое давление на выделенцев, пытавшихся воспользоваться реформой в своих целях[106].

Увязывая идеологические конструкции С.Ю. Витте и П.А. Столыпина в единый логический узел, можно утверждать, что и виттевская идеология индустриализации, и столыпинская идеология аграрных преобразований взаимодополняли друг друга в попытке совместить в общегосударственной политике модернизации противоположные интересы поместного дворянства и нового класса – буржуазии, а также в сохранении за государством бюрократических рычагов вмешательства в народнохозяйственную жизнь страны. «Выступая за форсированное развитие экономики, Столыпин, вслед за Витте, считал, что оно должно осуществляться под государственным контролем и попечением»[107].

Общим для двух идеологий оставалась ориентация на дальнейшую буржуазную модернизацию экономики страны при сохранении незыблемости основ политической самодержавно-авторитарной системы, предполагавшей, по мысли реформаторов, сохранение за собой исторической инициативы и поэтому нуждавшейся лишь в некотором рефор-

---

[104] РГИА, Ф. 408, оп. 1, д. 70, л. 78.

[105] Труды съезда непременных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий. - СПб., 1909. - С. 246-249.

[106] См.: Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. - Саратов, 1985. - С. 29.

[107] Шелохаев В.В. Общенациональные интересы в конфронтационном обществе // Россия: Государственные приоритеты и национальные интересы. - М.,2000. – С.228.

мировании ее отдельных структурных механизмов. Этим объясняется та регрессивная эволюция взглядов первых государственных лиц, которую мы наблюдаем в вопросе введения конституции и системы представительства. Так Николай II, начав политические преобразования в 1905 г. со слов «России даруется конституция», в 1909 г. уже заговорил о желании превратить Думу в законосовещательный орган. А в 1913 г. он посчитал, что «при отсутствии у нас конституции Дума есть полная бессмыслица». В том же направлении развивались конституционные воззрения и у высших государственных чиновников - С.Ю. Витте, П.А. Столыпина, В.Н. Коковцова[108].

Выводы

Доктрина «официальной народности», созданная С.С. Уваровым и внедренная в общественное сознание образованного общества России, представляла из себя стройную и достаточно эффективную в краткосрочной перспективе консервативную идеологическую систему, которая являлась пиком идеологического творчества дореформенного самодержавия.

Для решения задач модернизации страны самодержавная власть в конце 1850 - начале 1860-х годов создала новую идеологическую конструкцию - охранительный либерализм. Он включал в себя два взаимодополняющих элемента: правительственный либерализм и общественный либерализм. Важнейшими чертами новой идеологии явились охранительный характер, отрицание радикализма, эволюционность, отсутствие адекватной социальной базы. Охранительство, эффективное в тактическом плане, становилось ахиллесовой пятой в стратегическом развитии российского либерализма. Оно заставляло реформаторов действовать на идейном поле консервативного лагеря и тем самым зависеть от него: руководителей преобразований всегда можно было представить (что и происходило) как плохих «охранителей», предателей, «красных» и т.д.

Государственная идеология буржуазной модернизации России как комплексная система концепции развития, механизма формирования и использования общественного мнения, широкой группы поддержки во

[108] См.: Там же. – С.219-220.

второй половине XIX - начале XX века в законченном виде государственной властью создана не была. Однако, при этом, нельзя отрицать существования и противоречивого развития многих элементов данной системы. Особенностями государственной протоидеологии буржуазной модернизации России следует считать:

1) ее противоречивый, расколотый характер связанный с эклектичным соединением элементов либерализма и консерватизма, конституционализма и монархизма, космополитизма и национализма, фритредерства и протекционизма, гражданского общества и бюрократизма;

2) ее, в целом, узкую социальную базу (за некоторым исключением идеологии П.А. Столыпина);

3) ее слабую боевитость, неразворотливость, низкую мобильность;

4) ее опору, главным образом, на государственный аппарат, а не на общественные движения и организации;

5) ее второстепенное, в большинстве случаев, значение в модернизации страны по сравнению с прямыми административными и законодательными решениями государственной власти.

Неразрешенное противоречие между идеями охранительства и возникшей протоидеологией буржуазной модернизации в рамках общей государственной идеологии явилось важнейшим показателем нараставшей неустойчивости самодержавия. Причинами этого противоречия стали недосформированность новой идеологической системы, противоречивая политическая позиция самодержавия и жесткое давление идеологических оппонентов.

Анализ формирования государственной идеологии буржуазной модернизации позволяет сформулировать *важный исторический урок*: никакие сколь угодно эффективные идеологические решения и мероприятия не могут, в конечном итоге, воспрепятствовать маятниковому, инверсионному движению общественного сознания от одного полюса к другому. Эффективными являются только те политические силы, которые не противодействуют сложившемуся вектору движения общественного сознания, а используют его.

§ 3. Реализация авторитарной модели государственного строя

Развитие буржуазного общества в России, как исторический процесс включал в себя важную составляющую – модернизацию политической системы. При этом государственная власть взяла на себя реформаторскую инициативу в основном под влиянием внешних факторов.

Военно-политический натиск молодых капиталистических держав XVII–XVIII в. стал реальной угрозой независимому существованию таких периферийных государств Европы, как Россия. Адекватный ответ на это находился в русле создания регулярных армий, что требовало, в свою очередь, перестройки финансовой системы, увеличения налогов, роста бюрократии и усиления королевской власти[1]. Не менее реальной была опасность экономического подчинения слаборазвитых государств. В этот период одной из главных задач Голландии, Англии, Франции и Испании «стало овладение внешними рынками, что диктовалось насущными потребностями ранней мануфактуры. Рынки соседних стран представляли самую близкую добычу и – при наличии известных условий – значительные барыши. Подобного рода выгоды приобретались преимущественно в ущерб развитию экономики соседей. Голландцы богатели от эксплуатации Испании и особенно обширного французского рынка, нанося тяжелый урон французской промышленности и торговле и задерживая развитие во Франции капиталистического уклада. Англичане богатели за счет Испании и частично Франции, французы – за счет Испании и отчасти Германии»[2]. Англичане и голландцы богатели и за счет России, на что так горько сетует в своих челобитных русское купечество XVII в.[3].

На эти вызовы Запада русское правительство ответило сначала меркантилизмом, затем – реформами Петра I, а позже – утверждением системы «просвещенного абсолютизма». Государства, которые не пошли по пути такой защиты, постигла печальная участь утраты независимости или постепенного превращения в колонии или полуко-

---

[1] См.: Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. – 2004. – № 4. – С. 36.

[2] Люблинская А.Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII века. – М.-Л., 1965. – С. 337.

[3] См.: Павлова-Сильванская М.П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // Истории СССР. – 1968. – № 4. – С. 83.

лонии. Однако экономические и политические действия защищавшихся стран приводили к своеобразным результатам. Так, господство крепостничества в России вело к тому, что здесь развитие товарно-денежных отношений, внутренней и внешней торговли становилось предпосылкой для явлений, по форме напоминавших процессы, происходившие в буржуазных странах, которые, однако, искажались и наполнялись совершенно иным содержанием, порой превращаясь в полярную противоположность европейским образцам. В результате, к жизни были вызваны «тупиковые» экономические формы: барщинное поместье, крепостная мануфактура, докапиталистические банки[4]. Высокая эффективность и выгодность подневольного труда обеспечивала их жизнеспособность и устойчивость[5]. Увеличение же товарности на базе этих форм не просто расширяло сферу феодальных отношений, но изменяло их общественный характер – связь с капиталистической мир-системой обусловливала постепенное приобретение ими квазикапиталистического содержания. Характерно, что Россия, прежде больше известная экспортом продуктов охоты и рыболовства, а также лесного хозяйства, вышла на первое место по экспорту зерна[6].

Именно благодаря «тупиковым» квазикапиталистическим формам в XVIII в. удалось форсировать промышленное развитие страны, замкнутое в конечном итоге на нужды постоянной армии. Это обстоятельство предопределило активную роль надстройки в виде становления абсолютизма.

Становление и развитие абсолютной монархии в России, как и в других европейских странах, было длительным процессом, включавшим ряд этапов.

Наиболее удачной следует признать ту точку зрения, которая, во-первых, отождествляет абсолютизм и самодержавие и, во-вторых, использует в качестве главного критерия абсолютизма не независимость волевых решений монарха, а их неограниченность со стороны или сословно-представительных, или парламентских институтов и учреждений. Исходя из этого, период с конца XVII в. до начала XX в. определен в исследовании как абсолютизм. Он включает в себя

[4] См.: Там же. – С. 84–85.

[5] См.: Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. – 1968. – № 4. – С. 83.

[6] См.: Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. – М., 2003. – С. 52.

этапы: сословной патерналистской монархии, бюрократической правомерной монархии, квазиконституционной монархии.

Большую научную продуктивность сохраняет социально-экономический критерий членения абсолютизма на крепостнический абсолютизм, госкапиталистический абсолютизм и бонапартизм, так как показывает преобладание и соотношение тех или иных экономических отношений и социальных сил, оформленных однотипной или видоизмененной надстройкой.

Революционный характер возникновения абсолютизма проявился в целом ряде позиций. Появилось новое обоснование легитимности власти. Оно стало в основном рациональным и снимало с государя ограничения традицией и обычаем. Для этого использовался симбиоз теории договорного происхождения власти и церковного учения о ее богоустановленности[7]. Генеральной посылкой становятся идеи «общего блага» и «всенародной пользы», понимаемой как политическое процветание государства, материальное и духовное благополучие подданных[8]. Для этого государство имело право полностью распоряжаться их душой и телом, а те в свою очередь, обязаны были выполнять все повеления власти, не судить монарха и не указывать ему, что делать.

Со временем, под влиянием набиравшей обороты либеральной инверсии общественного сознания, идеологически окрашенной в просветительские тона, эта позиция была подкорректирована. Екатерина II отошла от провозглашенной Петром I идеи полного всевластия царя, от трактовки личного усмотрения государя как единственного двигателя жизни. Манифестом от 6 июля 1762 года было объявлено, что самодержавное самовластие само по себе без узды человеколюбивых качеств есть зло, пагубное для государства; усматривалась ценность в конкретных человеческих свойствах, признавалось определенное право личности поступать по собственной воле[9].

Власть монарха приобрела самодержавный характер де-факто и де-юре, освободившись от институтов и норм традиционного общества. После этого государь для получения прав на престол более не нуждался в чьем-либо одобрении. Основанием законности передачи престола в XVIII в. стали воля прежнего монарха, ритуал коронова-

[7] См.: Шапиро А.Л. Указ. соч. – С. 76.

[8] См.: Павленко Н.И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). Сборник статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокопятилетию научной и педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза. – М., 1964. – С. 399.

[9] См.: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 189; Гросул В.Я. Указ. соч. – С. 110.

ния и присяги подданных на верность не только царю, как было ранее, но и государству. При отстранении народа от роли субъекта власти, Петр I сохранил преемственность с XVII в. в том, что поддержал патерналистский взгляд на верховную власть, на ее отношение с обществом[10].

Произошли изменения в политическом менталитете общества. Главным в службе становится не мотив спасения души, а деятельность ради «общей народной пользы», что знаменовало собой переход идеи государства из преимущественно религиозной в идею преимущественно светскую. Новым моментом в народном политическом сознании стало отделение государя от государства в смысле административного аппарата, понимание их как двух разных субъектов.

Законодательство, стремясь усовершенствовать общественные отношения, порвало связь с обычаем и имело преимущественно реформаторский характер, основываясь либо на иностранном законодательстве, либо на теоретических соображениях. При этом правовая деятельность имела несколько особенностей: она осуществлялась в русле постоянного воспроизводства регулярного полицейского государства, регламентирующего, в целях «отеческой» заботы всю повседневную жизнь и деятельность непросвещенных подданных, отстранив их при этом от выдвижения законодательных инициатив[11]; законы не имели обратной силы, распространялись на всех лиц, должны были исполняться точно и буквально; закон стал определять работу механизма государственного управления, различных категорий профессиональных чиновников, произошло частичное отделение друг от друга разных ветвей власти.

Сложился новый механизм управления страной, опирающийся на рационализм и бюрократическое начало. Рационализм проявлялся в четком разграничении прав и обязанностей между центральными учреждениями исходя из отраслевого принципа. Приказная система, практически лишенная системности, была заменена коллегиальной. Бюрократическое начало выражалось в создании иерархии единообразных учреждений, руководствовавшихся в своей деятельности регламентами, инструкциями и наставлениями[12].

---

[10] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 128–129, 132.

[11] На наш взгляд, сама общественная пассивность была причиной таких действий властей, как бы провоцировала ее авторитарные шаги.

[12] См.: Павленко Н.И. У истоков российской бюрократии // Вопросы истории. – 1989. – № 12. – С. 16–17.

В связи с тем, что дворянство фактически превратилось в правящее сословие, произошла трансформация *патриархальной* монархии в *дворянскую*. Однако при этом самодержавие проявляло достаточную самостоятельность в своей политике, так как имело широкую социальную базу, которая включала не только дворянство, но и все другие сословия.

Здесь следует особо указать на то, что в течение XVIII в. происходило противоборство двух тенденций в развитии дворянского сословия: попытки получения привилегий через завоевание политической власти или через волю монарха. С выходом в свет знаменитой «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» вторая тенденция окончательно возобладала, что, однако, означало не только торжество дворянства, но и его политическое поражение: в обмен на щедрые сословные привилегии дворяне, как класс, отстранялись от политической власти, а дворянское самоуправление, попавшее под бдительный контроль губернатора, обнимало только круг сословных дворянских интересов[13]. При этом нужно учитывать, что века службы отложились в коллективной памяти дворянства чередой традиций и преданий, которая связывала каждую дворянскую семью, род и в целом все дворянство с государством и страной. Со временем узко сословное понимание службы сменялось у части ее просвещенной элиты стремлением «как-то служить России» и рождало глубокое чувство социальной ответственности. Именно здесь зрели корни *глубокого социального раскола в стане ведущего сословия страны*. Крайнее размежевание дворянства станет отличительной чертой российской модернизации на всех ее политических этапах: от декабризма до большевизма.

В политическом смысле развитие самодержавно-бюрократических начал государственной жизни в XVIII в. заключало в себе как *прогрессивные*, так и *реакционные* черты[14].

С одной стороны, существование регулярного государства подготавливало те правовые, социальные и психологические основы, без которых было бы невозможно становление *правомерного* государства, как первой ступени государства правового.

С другой стороны, опора на дворянство при отсутствии полноценной буржуазии и сословно-представительных учреждений, про-

[13] См.: Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. – 1968. – № 2. – С. 99.
[14] См.: Шапиро А.Л. Указ. соч. – С. 81.

монархический менталитет народа и господство крепостничества направляли развитие буржуазной государственности по наименее эффективному пути – бюрократическому. Конечно, «административные органы XVIII в. были шагом вперед по сравнению с Боярской думой и приказами, но не были шагом вперед по сравнению с ликвидированными сословно-представительными учреждениями города и деревни»[15].

Таким образом, все эти изменения превратили русскую государственность к концу XVIII в. в сословную патерналистскую монархию, государственные учреждения которой были ограничены административным правом и сословными правами подданных и создали предпосылки для дальнейшей ее эволюции в направлении правомерной монархии.

Важным этапом в реализации *бюрократического начала* стало создание Государственного совета, что имело принципиальное значение: теперь воля императора осуществлялась при одном важном условии – если она превратилась в писаный закон, который предварительно обсужден в Государственном совете и публиковался Сенатом[16]. И несмотря на то, что со временем полномочия Государственного совета все больше и больше ограничивались, а верховная власть пыталась «изготовлять некоторые законы, обходя... Государственный Совет»[17], его значение осталось очень высоким на протяжении всего додумского периода.

Создание Государственного совета показало серьезную метаморфозу, затронувшую регулярное государство. Власть со времени роспуска екатерининской Комиссии об Уложении отказалась от идеи о каком-либо народном представительстве в общегосударственном масштабе и сделала ставку на бюрократический принцип формирования государственных органов[18]. Причиной этого, на наш взгляд, были не только конкретные политические и экономические обстоятельства, с которыми вынужден был считаться Александр I, но также концептуальные особенности либеральной доктрины того времени: до середины XIX в. правовое государство зачастую подразумевало обеспечение индивидуальных прав, свободы человека от угнетения его со стороны других людей, а не защиту от давления со стороны государ-

[15] Шапиро А.Л. Указ. соч. – С. 82.
[16] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 143.
[17] Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 78.
[18] См.: Захаров Н.А. Указ. соч. – С. 77.

ства путем дарования народу гражданских прав и привлечения к участию во власти. Этим абсолютизм получил теоретическое обоснование своего главного кредо: просвещенный и неограниченный в своих правах государь мог сделать для блага государства больше, чем государь, ограниченный в своих правах. Поэтому Александр I, разделявший либеральные взгляды, хотел сделать государственное управление закономерным не ради того, чтобы поставить под контроль «общества» монарха и государственную власть, а ради того, чтобы обеспечить контроль над государственными учреждениями со стороны верховной власти и «общества»[19].

Таким образом, в развитии регулярного государства к правовому постепенно побеждала тенденция бюрократизации управления. М. Вебер назвал ее «бюрократической рационализацией самодержавия»[20]. Еще в период екатерининского правления произошло значительное увеличение армии чиновничества, умаление принципов коллегиальности. В сохранившихся коллегиях они эволюционировали в сторону единоначалия, поскольку считалось, что коллегия замедляла процесс управления, а низкий профессиональный уровень чинов коллегий зачастую вел к профанации самого этого принципа[21]. При Александре I поначалу пытались совместить коллежскую форму управления с министерской. Однако, неопределенность и запутанность отношений между министрами и коллегиями вызвали многочисленные нарекания министров, что привело к постепенному упразднению коллегий и открытию при министрах специальных департаментов наследовавших функции соответствующих коллегий. Последующее реформирование министерств в 1810–1811 гг. завершило процесс переустройства центрального управления на принципах единоначалия и бюрократизации административной власти, придало ему характер и структуру, которые в общих чертах сохранялись до 1917 г.[22]. С созданием министерств центр тяжести управления вновь переместился из области в столицу, что позволило монарху непосредственно руководить всем ходом дел через министров, перед ним ответственных и с ним связанных личными докладами и распоряжениями.

---

[19] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 142.

[20] См.: Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму // Вебер М. О России: Избранное / Перевод А. Кустарева. – М.,2007. – С. 67.

[21] См.: Каменский А.Б. Указ. соч. – С. 93.

[22] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 1-е. – Т. XXXI. – № 24307, 24326, 24686.

Появление Государственного совета и министерств означало продолжение реализации принципа разделения властей. С этого времени в стране под эгидой верховной власти действовала стройная система государственных учреждений, обособленных по функциям: Государственному совету принадлежала законосовещательная власть, министерствам – исполнительная, Сенату – контролирующая, судам – судебная[23].

Вскоре возникло несоответствие между новой системой центрального управления и местными уровнями власти, созданными еще законодательством Екатерины. Если в организации министерств восторжествовали принципы ведомственного разделения дел и единоличного начала, то губернские учреждения оставались по характеру управления смешанными и коллегиальными; губернаторы подчинялись министру внутренних дел, губернские правления – Сенату. Это противоречие стало серьезной управленческой проблемой для самодержавия вплоть до Великих реформ[24].

Набиравший обороты николаевский авторитаризм стал основным руслом, в рамках которого происходили шлифовка и некоторая трансформация правомерно-бюрократического сословного государства.

В первую очередь следует сказать об изменении социальных параметров российской монархии. Она все больше утрачивала сословное лицо и по составу, и по своим целям. При Николае I были приняты меры по ограничению власти помещиков над крепостными, и государство стало вмешиваться в отношения между ними в невиданном прежде масштабе[25]. Изменение системы комплектования бюрократии ослабило роль дворянства в управлении. Преимущественно сословная система пополнения кадров сменилась преимущественно чиновной системой, основанной на принципе выслуги, наличия образования и профессионализма. В результате если в 1755 г. среди чиновников выходцы из дворян составляли около 50%, то в 1840–1855 гг. – уже 44%, притом, что дворянство постоянно пополнялось за счет чиновников-недворян[26].

---

[23] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 199.

[24] См.: Писарькова Л.Ф. Бюрократизация административной системы в первой половине XIX века // Административно-территориальное устройство России. История и современность. – М., 2003. – С. 103.

[25] См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 140.

[26] См.: Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. – М., 1974. – С. 213–215.

Напуганный выступлением декабристов Николай I перестал доверять дворянству как сословию. Таким образом, дворянство из правящего сословия превратилось в преобладающее сословие: сословные дворянские интересы были приоритетны для верховной власти, но не сравнительно с государственными интересами, а сравнительно с интересами других сословий; с мнением дворянства самодержавие считалось, но государственное управление находилось в руках бюрократии, зависимой от верховной власти, а не от дворянства[27]. Здесь в полной мере подтвердился вывод сделанный К. Марксом о том, что «бюрократия, как *завершенная корпорация*, одерживает... верх над *корпорацией*, как незавершенной бюрократией»[28]. Постепенное вытеснение принципа сословности из государственного аппарата опиралось и на процессы формирования капиталистического уклада. Он способствовал зарождению как новых социальных задач государства, так и обновленной социальной базы чиновничества.

В царствование Николая I не только возросла численность бюрократии, но также укрепились ее *военно-полицейские функции*, несколько изменилось социальное лицо, возросла роль в государстве за счет ослабления поместного дворянства[29].

Постепенно устраняя из государственного механизма элементы сословности, власть все больше содействовала эволюции государственного строя в сторону совершенствования правомерной монархии. Самодержавие самоограничивалось законом, который оно само творило. С этой целью в 1832 г. при составлении «Свода законов» в ст. 47 было указано, что осуществление самодержавной власти подчиняется принципу законности: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих»[30]. Подтверждением правомерного характера государственной власти явился выход в свет в 1830–1832 гг. 45-томного «Полного собрания законов Российской империи» и 15-томного систематического «Свода законов Российской империи».

---

[27] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 148.

[28] Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. – М., 1955. – Т. 1. – С. 271.

[29] См.: Захарова Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. – 1989. – № 10. – С. 7.

[30] Основные законы и учреждения государственные. Ст. 47 // СЗРИ: В 15 Т. – СПб., 1832. – Т. 1. – Ч. 1.

Отражением становления правомерной государственности стала и новая государственная идеология, разработанная министром народного просвещения С.С. Уваровым - теория официальной народности. (Подробно в главе 3).

В период правления Николая I в полную силу была реализована тенденция бюрократизации и централизации управления. Законы 1837-го, 1842-го, 1845-го гг. окончательно утвердили эти начала на местном уровне. Теперь власть губернатора, соединившего функции управления и надзора возросла, хотя ему отводилась роль исполнителя предписаний центральных властей без права действовать самостоятельно и под свою ответственность. Губернское правление, подчиненное и МВД, и губернатору, из коллегиально-совещательного учреждения превратилось в исполнительную канцелярию при губернаторе[31]. Такие изменения привели к росту «неправосудия», «своеволия», «насилия», «лихоимства», «бездействия», «потворства» губернаторов, что вызывало острую реакцию правительства. Только Комитетом министров за время царствования Николая I на губернаторов было наложено 189 взысканий[32].

В первой половине XIX в. роль государства в жизни общества продолжала повышаться. Это выражалось, как в количественных, так и в качественных изменениях. Общая численность чиновников, в связи с министерской и местной реформами, а также общим авторитарным настроем, за 1796–1857 гг. увеличилась в 5,6 раза, то есть с 21,3 тыс. чел. до 119,3 тыс. чел.[33] соответственно возросли численность и разветвленность структурных подразделений в центре и на местах.

Смысл наступивших перемен в отношениях общества и государства был заключен в принципе, сформулированном Николаем I: «Должно повиноваться, а рассуждения свои держать про себя». Это означало, что, с одной стороны, власть не была склонна полностью расстаться с этатистски трактуемым либерализмом, да и не могла уже, признавая реальность внутренней свободы людей, духовного мира неподвластного начальству, но, с другой стороны, она боялась по соображениям безопасности вступить с ним в серьезный диалог, ибо он нес повышение дискомфортного состояния и власти, и обще-

[31] См.: Писарькова Л.Ф. Указ. соч. – С. 120, 122; Цейтлин С.Я. Земская реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М.,2001. – С.184.

[32] См.: Цейтлин С.Я. Земская реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М.,2001. – С.184.

[33] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 200.

ства[34]. И дело не в том, что самодержавие отказывалось от каких-либо преобразований. Их как раз было достаточно. Вопрос заключался в характере изменений и методах их осуществления. Почин преобразований Николай I, следуя традиции своих предшественников, оставлял исключительно за собой. А.А. Кизеветтер по этому поводу писал, что особенность николаевского времени состояла не в недостатке преобразовательных попыток, а в бюрократической самонадеянности в реформировании страны[35]. Дело было, однако, не только в самонадеянности, но и в справедливом опасении, что введение сословного представительства (а другое тогда и не мыслилось) в систему высших органов государственной власти ослабит ее реформаторский потенциал, так как верхушка дворянского сословия была не прочь обрести политические права английской аристократии, не поступаясь, однако, преимуществами русских душевладельцев.

Еще при Александре I на вооружение были взяты милитаризация и регламентация общественной и государственной жизни, опека над сословиями. Наиболее ярко эта стратегия проявилась в создании военных поселений, усилении цензурных стеснений, в походе М.Л. Магницкого и Д.П. Рунича против университетской науки[36]. При Николае I произошел рост значения Собственной Его Императорского Величия канцелярии, на военный лад были переориентированы все сугубо гражданские ведомства: путейское, межевое, лесное, горное[37]. В 1850 г. в Устав о службе гражданской была введена статья 838, по пункту 3 которой чиновник, не справлявшийся с обязанностями, мог быть уволен без объяснения причин[38].

Решив ограничить власть помещиков над крестьянами, Николай I существенно регламентировал отношения между ними. Так с 1826 г. по 1855 г. было издано 108 указов по этому вопросу. У всех у них одна общая черта: ограничение прав дворянства не выливалось в расширение прав крестьянства. Последние вообще не имели права жалобы на хозяев и рассматривались как предмет опеки со стороны государственных органов[39].

---

[34] См.: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 216–217.
[35] См.: Кизеветтер А.А. Внутренняя политика в царствование императора Николая Павловича // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. – М., 1912. – С.419.
[36] См.: Пушкарев С.Г. Россия 1801–1917: власть и общество. – М., 2001. – С. 42.
[37] См.: Романовский С.И. Указ. соч. – С. 139.
[38] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 167.
[39] См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 140–142.

Характерным примером осуществления принципов регламентации и опеки является реформа государственных крестьян, проведенная под руководством генерал-адъютанта П.Д. Киселева[40]. Ее лейтмотивом явились, с одной стороны, желание реформаторов задержать естественный процесс дифференциации и пролетаризации населения[41], а, с другой стороны, их бюрократическая самоуверенность в решении данного вопроса. Правительство при Николае не сомневалось в том, что оно одно призвано решать все государственные проблемы, все приводить в порядок и все проверять, что оно все это может[42].

Наибольшую неэффективность государственная регламентация показала себя в регулировании земско-хозяйственного управления. В 1851 г. был издан Устав о земских повинностях и образовались губернские и уездные учреждения для заведывания ими. Однако многие положения Устава существовали только на бумаге. Так из-за инертности дворянских депутатов фактически бездействовали отдельные присутствия губернского комитета земских повинностей под председательством уездного предводителя дворянства и общие собрания губернских комитетов. Городские депутаты заранее подписывались на бланковых листах, чтобы скорее уехать. Собираясь раз в три года на короткое время, члены комитета не имели возможности серьезно рассматривать финансовые и хозяйственные вопросы. В итоге все дела решались губернатором по его личному усмотрению. Исполнение денежных повинностей и отчетность по ним находились на крайне низком уровне. Земских исполнительных органов не было. Дорожные и квартирные комиссии бездействовали. Исполнение повинностей производилось отдельными ведомствами или губернатором без учета местных интересов. Часто дворянство и не подозревало о наличии у него права ревизии. Отправление натуральных повинностей было организовано еще хуже, чем денежных[43].

За годы царствования Николая I под нажимом властей резко упало число печатных изданий, было запрещено открывать новые периодические журналы, а старые при малейшем подозрении запрещались. По постановлению цензурного комитета от 1837 г. каждая ста-

[40] См.: Пушкарев С.Г. Указ. соч. – С. 75–78.

[41] По данным В.В. Леонтовича к началу реформ среди государственных крестьян «было 600000 душ, у которых вообще не было никакой земли». Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 160.

[42] См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 165.

[43] См.: Цейтлин С.Я. Земская реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М.,2001. – С.189-192.

тья просматривалась тремя цензорами, а в 1848 г. цензурный комитет еще больше ужесточил свои требования[44]. На протяжении первой половины XIX в. степень вмешательства государства в экономику продолжала оставаться на высоком уровне и имела свою специфику[45].

Таким образом, очевидно, что роль государства с началом абсолютистского периода сильно возросла во всех сферах общественной жизни. Относительная численность служащих государственного аппарата в первой половине XVIII в. увеличивалась, во второй половине XVIII в. – осталась стабильной и в первой половине XIX в. опять резко возросла[46]. *Рост государственной опеки и регулирования* одновременно диктовался несколькими факторами: экономическим и политическим вызовом капитализирующейся Европы, необходимостью завершения строительства сословного общества, потребностями подготовки абсолютистского государства к буржуазным преобразованиям экономического строя, традиционно-патриархальными и крепостническими социальными основами и, в конечном итоге, пересечением двух формационных потоков: добуржуазного и буржуазного.

Специфическим результатом российской модернизации до середины XIX в. явилось постепенное становление гражданского строя при умалении или даже подавлении политической свободы подданных, что создавало еще одну сферу раскола: между уровнем политической и гражданской свободы.

Некоторое расширение гражданской свободы происходило в период авторитарной инверсии первой половины XIX в. К мероприятиям в этой области можно отнести отмену крепостного права в Прибалтике в 1816–1819 гг., введение инвентарных правил в Юго-Западном крае и Царстве Польском, издание многочисленных указов ограничивающих крепостничество в Великороссии, предоставление крестьянам права покупки земли, закон об «обязанных крестьянах 1842 года», который не только предоставил возможность освободиться некоторым крестьянам, но и подтвердил краеугольный камень либеральной программы Екатерины о том, что земля есть собственность не поселенных на ней крестьян, а помещиков.

В это же время жесткое идеологическое и политическое подавление вылилось в конечном итоге в активизацию интеллектуальной

[44] Романовский С.И. Указ. соч. – С. 141–142.
[45] См.: Волков В.В. Межформационная модернизация экономического строя России в XIX–начале XX века. – Тверь, 2004. – С. 81–85.
[46] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 201.

мысли либерального и революционного толка. Именно драма 14 декабря 1825 года обратила интеллектуальный поиск мыслящей элиты России на выработку инструмента национального самопознания русских[47]. А фиаско авторитарного режима в Крыму породило десятилетие государственного реформаторства и теоретико-идеологической рефлексии интеллигентской оппозиции.

При всех различиях и особенностях режимов Александра I и Николая I у них было немало преемственных черт. Многие реальные правительственные начинания первой четверти XIX в. получили продолжение во второй его четверти. Это касалось не только правовой регламентации монархии и повышения роли государственного регулирования социальной жизни империи, но и целенаправленного строительства государственной системы просвещения и неуклонного расширения образованного слоя как из дворянской, так и разночинной среды.

Следующий этап политических преобразований сочетается с интенсивными революционными изменениями, проходившими в экономической и социальной сферах. Отмена крепостного права и бурное развитие капитализма, с одной стороны, потребовали адекватных шагов правительства в области государственного управления, а, с другой стороны, вызвали к жизни большую общественную и политическую активность населения России.

Кроме того, политические изменения диктовались и внутригосударственными причинами – несовершенством самих государственных органов. Например, отличительной чертой местного уровня управления являлись несогласованность, разнобой в работе местных органов. Дореформенные учреждения дублировали работу друг друга, обладали смежной компетенцией. Одни и те же вопросы решали государственные учреждения и местные органы сословного самоуправления[48]. Для дореформенного суда были характерны множественность судебных органов, сложность и запутанность процессуальных требований, волокита и взяточничество. В суде господствовала инквизиционная (розыскная) форма судопроизводства[49].

Для решения накопившихся и вновь возникших экономических, социальных и политических проблем самодержавие пошло по пути

[47] См.: Секеринский С.С. После Крымской войны: дилеммы нового царствования // Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. – М., 2000. – С. 19.
[48] См.: Чистяков О.Н., Новицкая Т.Е. Реформы Александра II // Реформы Александра II. – М., 1998. – С. 19.
[49] См.: Там же. – С. 24–25.

создания в политическом строе новых элементов правового государства. Были созданы всесословные выборные органы местного самоуправления, обладавшие публичной властью – земства и городские думы, главной особенностью которых стал их переходный характер. Он выразился как в сочетании буржуазного и сословного принципов представительства, так и в сочетании чиновничьих и выборных институтов[50]. Другой особенностью созданных органов местного самоуправления явилась их организационно-административная анклавность, отсутствие связи с крестьянским самоуправлением и изолированность от общегосударственной политики.[51]

Еще одна особенность – это недемократичный характер избирательной системы и жесткий контроль со стороны государства. Положение о губернских уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г.[52] было составлено таким образом, что большинство гласных всегда было дворянским. По всем 34 губерниям, в которых предполагалось ввести в первую очередь земские учреждения, общее число уездных гласных равнялось 13024, из них от землевладельцев – 6204, от крестьянской курии – 5171, от городской – 1649[53]. Из 74 гласных в тульском губернском земском собрании дворян было 61 (82,5%), купцов – 10 (13,5%), священников – 1 (1,3%), крестьян – 2 (2,7%). В уездных собраниях дворяне тоже преобладали[54].

Все эти особенности земских учреждений явились следствием противоречий как между бюрократией и либеральной общественностью, так и между различными полюсами самой бюрократии. К тому же на содержании закона в значительной степени сказалась борьба вокруг теоретических концепций местного самоуправления – общественной и государственной. К моменту принятия закона борьба между сторонниками разных концепций не была закончена, а сам П.А. Валуев, возглавлявший комиссию, придерживался промежуточной

---

[50] См.: Степанский А.Д. Модернизация административно-территориального устройства России в пореформенную эпоху // Административно-территориальное устройство России. История и современность. – М., 2003. – С. 141; Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 150; Чистяков О.Н., Новицкая Т.Е. Указ. соч. – С. 2; Положение о губернских и уездных земских учреждениях. – СПб., 1864.

[51] См.: Чистяков О.Н., Новицкая Т.Е. Указ. соч. – С. 20; Степанский А.Д. Указ. соч. – С. 143.

[52] См.: Высочайше утвержденное 1 января 1864 г. Положение о губернских и уездных земских учреждениях (Положение о губернских и уездных земских учреждениях.- СПб., 1864).

[53] См.: Цейтлин С.Я. Земская реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М.,2001. – С.231.

[54] См.: Емельянов Н.А. Местное самоуправление в дореволюционной России. – Тула, 1996. – С. 45–46.

позиции. В силу данного обстоятельства «все местное управление оказалось проникнутым дуализмом»[55].

Обеспечивая в земских органах преобладание помещиков, власть рассчитывала, что они будут достаточно послушными. Однако на работу в земство пошли либерально настроенные помещики, которые стремились к расширению прав и функций земства, ослаблению бюрократической опеки и часто конфликтовали с администрацией по конкретным поводам. Некоторые земства «действовали бесконтрольно», «были не прочь возбуждать общие государственные вопросы, вторгаться в область внутренней политики», «но были другие случаи, когда земствам нескольких губерний необходимо было действовать по известному установленному плану… и когда … стремление к объединению деятельности… рассматривалось как нечто незаконное…». «К сожалению спокойное, беспристрастное отношение администрации к самоуправлению составляло исключение». «Таким образом, образовались как бы два течения: одно законное… – предоставление в известных границах бесконтрольных прав местному самоуправлению; другое – возникшее на деле, – стремление местной административной власти к восстановлению своего обаяния, хотя бы ценою нарушения закона»[56].

Учитывая создавшееся положение, власть начала политику давления на земские органы еще в период царствования Александра II. По воспоминаниям А.И. Кошелева с 1867 г. «земские учреждения постоянно ограничивались в своей деятельности». Но если «и тогда администрация противодействовала земским учреждениям, то она это себе позволяла урывками и исподтишка», то к началу 1880-х годов она стала действовать открыто «как бы во исполнение служебного долга»[57]. Одной из главных контрреформ стало новое Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июля 1890 г. Оно резко ухудшило избирательную систему. В результате влияние дворянства внутри земства очень усилилось, а представители крестьянства не избирались, а назначались губернаторами из числа кандидатов выдвинутых волостными сходами. При этом практически подчинив земство губернскому присутствию, власть, с одной стороны, поставило земство под строгий государственный контроль через введе-

[55] Коркунов Н.М. Русское государственное право. – СПб., 1897. – Т.II. – С.345.
[56] Записка, найденная в бумагах Н.Х. Бунге. 1881-1894 гг. – СПб.,1896. – С.9-12.
[57] Кошелев А.И. Мои записки (1812-1883 годы) // Русское общество 40-50-х годов XIX в. Часть I. Записки А.И. Кошелева. – М., 1991. – С.155-156, 159.

ние губернского по земским делам присутствия, а, с другой стороны, повысила его административный вес, ибо теперь земству была предоставлена возможность издавать общеобязательные постановления касательно местных дел[58].

Несколько иная ситуация сложилась при проведении городской реформы, так как она была сориентирована на внедрение так называемой «прусской системы», в соответствии с которой равное число гласных избирали налогоплательщики, уплачивавшие равную сумму налога. Списки налогоплательщиков составлялись по убывающей, начиная с тех, кто уплачивает самые большие налоги и кончая самыми мелкими налогоплательщиками. Таким образом, Городовое положение от 16 июня 1870 г.[59] обеспечивало достаточно умеренный состав городских дум и либеральный дух проявился здесь гораздо меньше, чем в земском самоуправлении. К тому же в выборах могли принимать участие только 5% городского населения[60].

Новое Городовое положение от 11 июня 1892 г. *усилило недемократичность избирательной системы*: налоговый ценз был заменен имущественным, то есть избирательное право теперь имели только владельцы недвижимости. Число избирателей сократилось в несколько раз[61]. Власть в думах оказалась в руках самых богатых людей. Она получила форму «голой, неприкрашенной олигархии»[62]. Кроме того, выборное начало было ограничено уже в самом законе: должностные лица общественного управления по Городовому положению 1870 г. подлежали утверждению административной властью, а с 1892 г. городские головы столиц «назначались высочайшей властью» из числа двух кандидатов, избранных думой и были расширены права администрации назначать при определенных условиях городских голов нестоличных городов и думских гласных[63].

Все это привело к тому, что эффективность дел городского самоуправления под началом крупной и средней буржуазии была ниже,

---

[58] См.: Степанский А.Д. Указ. соч. – С. 143–144; Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 315–316.

[59] См.: Высочайше утвержденное 16/28 июня 1870 г. Городовое положение (Городовое положение.- СПб., 1870).

[60] См.: Чистяков О.Н., Новицкая Т.Е. Указ. соч. – С. 22; См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 1. – С.500.

[61] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. XII. – № 8708.

[62] Михайловский А. Реформа городского самоуправления России. – М., 1908. – С.90.

[63] См.: Нардова В.А. Российское правительство и проблема выборности руководящего состава органов городского самоуправления (1870-1914) // Страницы российской истории: проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. – СПб.,2003. – С. 118-119.

чем земских учреждений, а их политическая позиция – менее либеральной и менее радикальной, чем у земских помещиков. Данный факт ярко продемонстрировал политическую слабость и идеологическую аморфность российской буржуазии.

В целом деятельность земств и городских дум способствовала дальнейшему распространению и развитию либеральных взглядов и настроений среди общественности, значительная часть которой хотела конституции и парламента. В итоге административная децентрализация стала тем средством, с помощью которого правительство вопреки своим намерениям насадило на российской почве зародыши конституционного строя. Александр II под воздействием Н.А. Милютина и П.А. Валуева стремился отвлечь земской деятельностью общественность от большой политики, но в силу пренебрежения крупных помещиков земскими делами вышло как раз наоборот – земства, в которые пришли либеральные помещики, выдвинули прошения об учреждении центрального земского собрания[64]. После этого, как писал М. Вебер, «вся система отношений между правительством и народным представительством строилась на аксиоматическом предположении, что народное представительство – естественный враг государственной власти и всегда им останется»[65], что впоследствии сыграло роковую роль в судьбе российского либерального движения.

Ликвидация крепостничества поставила на повестку дня преобразование судебной системы, так как освобожденные крестьяне выходили из-под юрисдикции их бывших владельцев. Кроме того, вступившие в силу буржуазные отношения требовали для своего развития не только нормативно-правовые, но и процессуальные гарантии. Для решения этих задач система старых судов была полностью ликвидирована и взамен создана совершенно новая, основанная на принципах равенства граждан всех сословий перед судом, независимости суда от администрации, состязательности процесса, публичности и гласности суда, применения суда присяжных. Были созданы органы местной административной юстиции, прошла реорганизация прокуратуры, сориентированной теперь на работу в суде. Независимость судебных

[64] Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 317; Цейтлин С.Я. Земская реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М.,2001. – С.202, 220-222.

[65] См.: Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму // Вебер М. О России: Избранное / Перевод А. Кустарева. – М.,2007. – С. 72.

следователей от администрации была гарантирована их статусом членов окружного суда, а, следовательно, несменяемости[66].

Все эти мероприятия явились большим шагом вперед в становлении буржуазного суда. Однако дальнейшее развитие судебной системы было приостановлено последовавшими вскоре «контрреформами». В 1878 г. из ведения присяжных были изъяты все дела «о явном восстании против властей». В 1889 г. мировые суды были упразднены всюду, кроме Санкт-Петербурга, Москвы и некоторых других городов. Их функции перешли к чиновникам – уездным членам окружного суда, а в отношении крестьян – к земским начальникам, что явилось прямым нарушением принципа разделения властей.

Другим документом, который ознаменовал собой перевод правовой «энергии» государства из области строительства правового механизма в русло усиления административно-полицейского режима явилось положение «О мерах по охранению государственной безопасности и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.[67]. Согласно этому акту в определенных губерниях могло вводиться состояние усиленной или чрезвычайной охраны. В таком случае губернаторы и генерал-губернаторы получали право запрещать всякие собрания, закрывать торговые и промышленные заведения, арестовывать любого жителя на срок до одного месяца, а также высылать за пределы губернии политически неблагонадежных лиц.

К тому времени обозначился главный *недостаток российской правовой системы.* Он состоял в том, что к середине XIX в. все население России делилось на две неравные правовые группы: крестьян, составлявших большинство и живущих в целом вне закона по нормам обычного права, и дворян, купцов, мещан и разночинцев, отношения которых регламентировались общегражданскими законами[68]. Общий уровень народного права не соответствовал происходившим буржуазным преобразованиям.

---

[66] См.: Степанский А.Д. Указ. соч. – С. 151–152; Высочайше утвержденные 8 июня 1860 г. Учреждения судебных следователей (ПСЗ РИ.- Собр.2-е.- Т. XXXV.- Отд. I.- № 35890); Высочайше утвержденные 25 декабря 1862 г. Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых (Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых.- СПб., 1863); Высочайше утвержденные 20 ноября 1864 г. Учреждения судебных установлений (Российское законодательство X-XX веков. Судебная реформа.- М., 1991.- Т.8.- С. 32-82).

[67] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. I. – № 350.

[68] См.: Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу.- Пг., 1915. – Т.2. – С. 64; Шатковская Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. – 2000. – № 11–12. – С. 96.

Конечно полной отстраненности крестьян от влияния государственной правовой системы не существовало. Отходничество, участие в работе волостного и мирового судов, создание институтов присяжных заседателей и присяжных поверенных были теми путями, по которым закон прокладывал себе дорогу в общественную жизнь крестьян. Однако, несмотря на это, большинство крестьян законов не знало. Природа традиционного хозяйства, семейный характер производства, особенности общественного устройства накладывали отпечаток на мировоззрение крестьянина, его правовое поведение[69].

Россия не имела твердого разграничения между законом и административным распоряжением[70]. Кроме того, законодательство не было строго систематизированным и имело массу изъянов[71]. В результате, появившаяся к концу XIX в. тяга крестьян к жизни по нормам государственных законов наталкивалась на их несовершенство, что также препятствовало образованию единого правового пространства.

Судьба многих преобразований, направленных на дальнейшее становление системы легального господства, также складывалась во второй половине XIX в. весьма противоречиво.

Цензурный устав 1865 г., позволявший общественности через прессу и гласность осуществлять определенный контроль над администрацией, в 1882 г. был заменен уставом, серьезно урезавшим эти возможности. Университетская автономия, дарованная в 1863 г., была стеснена новым университетским уставом 1884 г. Крестьянство, получившее с отменой крепостного права личные неполитические права, в 1889 г. было ограничено в них и поставлено в сильную зависимость от земского участкового начальника, назначаемого из потомственных дворян. В деятельности высших государственных учреждений также обнаружился отход от сложившегося порядка. Например, обсуждение законов стало происходить в Совете министров, чтобы миновать Государственный совет, где имелось много либеральных чиновников. По этой же причине Комитет министров стал выступать в роли высшей судебной инстанции, чтобы умалить роль Сената[72].

---

[69] См.: Шатковская Т.В. Указ. соч. – С. 98–99.

[70] См.: Захаров Н.А. Указ. соч. – С. 176–190.

[71] См.: Берендтс Э.Н. Связь судебной реформы с другими реформами императора Александра II и общественной России. – СПб., 1915. – С. 122, 159; Платонов С.Ф. Об условиях применения мировыми судьями местных обычаев при разрешении гражданских дел // Журнал гражданского и уголовного права. – 1881. – № 4. – С. 78.

[72] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 151–153.

Тенденция неправомерного принятия некоторых законодательных актов дала о себе знать еще при Александре II. «Смешно сказать, - писал по этому поводу в 1870 г. Д.А. Оболенский, - что даже те учреждения, которые в прошедшем царствовании (Николая I. – В.В.) пользовались известною самостоятельностью, как то Сенат, Государственный совет и Комитет министров, даже и эти учреждения кажутся некоторым министрам и государю слишком либеральными, и их стараются миновать во избежание разногласия. Первый Департамент Сената нарочно наполнили людьми, совершенно послушными всякому влиянию, а дела, подлежащие ведению Государственного совета и Комитета министров, постоянно начинают передавать на обсуждение отдельных комиссий, составленных из лиц одномыслящих»[73].

Было бы, однако, упрощением видеть в консервативном курсе Александра III полный разрыв с реформаторством Александра II. И в социальной, и в правовой сферах инициативы власти шли не в линейном режиме «от противного», а в рамках сложной и противоречивой политики эклектического соединения элементов охранительства и модернизации. Законы об учреждении дворянского банка, найме на сельскохозяйственные работы, о переводе государственных крестьян на выкуп подтверждают этот вывод.

В целом, контрреформы внесли в государственный строй такие поправки, которые, во-первых, усиливали в управлении обществом роль коронной администрации за счет ослабления общественного самоуправления, и, во-вторых, несколько повышали значение воли монарха над правомерным порядком в управлении государством. Однако вскоре стало ясно, что *попытка Александра III приостановить развитие русской государственности в сторону правового государства не увенчалась успехом.* Во многом это объясняется тем, что в отличие от направления государственного вектора, антиавторитарная социокультурная инверсионная волна только набирала свои обороты. О возврате к системе Николая I не думали даже те, кого можно назвать «реакционерами»[74]. При этом, если консервативный лагерь испытывал острый недостаток кадров, то либералы продолжали составлять довольно значительное направление, «которое не могло быть упразднено новым политическим курсом правительства»[75].

---

[73] Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855-1879 / Отв. Ред. В.Г. Чернуха. – СПб., 2005. – С.257.

[74] Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 333.

[75] См.: Гросул В.Я. Указ. соч. – С. 362.

Политика усиления авторитаризма вошла в конфликт с основной массовой инверсией общественного сознания, которая обрекала на крах всякие попытки ужесточить авторитарную систему. Любое усиление власти встречало возрастающее сопротивление как в городе, так и в деревне[76].

Материальную основу наступавшей на самодержавие инверсии общественного сознания следует искать в процессах буржуазной модернизации: мощном экономическом развитии и связанных с ним изменениях социальной структуры и политического строя страны.

Буржуазная трансформация привела к тому, что абсолютистский режим стал носить *плутократический характер*, который выражался в том, что состоятельные люди и, в первую очередь, буржуазия, достигали своих социально-экономических целей не через политическую деятельность, а через закулисный «коммерческий» сговор[77]. Созданные во многом сверху традиционные классы-сословия и инициированные властью слои буржуазии были в буквальном смысле слова привязаны к государственной казне и бюрократическому аппарату, ведавшему распределением государственных заказов и ссуд. Все это сковывало инициативу и предприимчивость, делало и дворянство и буржуазию общественно инфантильными и политически инертными: они не смогли создать устойчивые и активные политические партии и добивались защиты своих интересов через сословно-корпоративные организации. В этой ситуации неизменность социально-политических атрибутов соседствовала с тесным переплетением экономических интересов буржуазии, бюрократии и камарильи.

Раскрывая сущность бюрократии, К. Маркс замечал, что ее частной собственностью является само государство. Это теоретическое положение ценно для нас не только в силу того, что государственная цель превращается в личную цель бюрократии через «*погоню за чинами*» и «*делание карьеры*»[78], но и по другой причине, которая заключается в том, что это положение ведет к тому, что «в бюрократии тождество государственного интереса и особой частной цели выражено в такой форме, что *государственный интерес* становится *особой* частной целью, противостоящей другим частным целям»[79]. Дру-

[76] См.: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 280.

[77] См.: Аврех А.Я. О природе российского самодержавия // Система государственного феодализма в России. Сборник статей. – М., 1993. – С. 257–259.

[78] Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М., 1955. – Т. 1. – С. 272.

[79] Там же. – С. 273.

гими словами, бюрократия не только становится средоточием государственного формализма и отчуждения, но и приобретает плутократические черты, как бы воплощая свое стремление «к тому, чтобы сделать жизнь возможно более материальной»[80].

Плутократическое перерождение правящего режима началось еще в дореформенный период через систему винных откупов, которая достигла своего апогея в правление Николая I. Приобретение крупных состояний в винно-откупном деле явилось одним из самых характерных путей формирования крупных капиталов в России[81].

Важной особенностью откупного предпринимательства было то, то оно чрезвычайно способствовало возникновению и укреплению тесных связей откупщиков с верхами дворянского общества, с сановной правительственной бюрократией. Многие царские сановники, губернаторы, находясь на государственной службе, искали побочные источники обогащения, были «негласными откупщиками». Большие деньги, оборачивающиеся в сфере откупов, открывали двери самых высоких кабинетов и гостиных. В 1863 г. система винных откупов была отменена. Но к этому времени бывшие откупщики уже были готовы к переключению своей энергии на новые направления предпринимательской деятельности. Ее характерными чертами, которые наложили определенную печать на облик значительной части крупной российской буржуазии и на ее дальнейшее развитие, были ее паразитирование на казенном финансировании и тяготение к устройству своих дел через подкуп и дачу взяток представителям государственной администрации сверху донизу, что определило *плутократический характер власти*[82].

Это новое качество самодержавия заложило серьезное политическое противоречие. *С одной стороны*, буржуазное развитие требовало адекватных изменений в политических и правовых сторонах общественной жизни, но, *с другой стороны*, слишком тесное «сотрудничество» власти и буржуазных кругов не заинтересовывало их обоих делать решительные шаги в модернизации политического режима, так как все возникавшие экономические и социальные запросы буржуазии эффективно решались келейно, через сговор и личную унию с бюрократией.

---

[80] Там же. – С. 272.

[81] См.: Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. – М., 1952. – Т. 2. – С. 16–17.

[82] См.: Гавлин М.Л. Роль винных окупов в формировании крупных капиталов в России XIX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М.,2003. – С. 99–105.

В условиях России эта характерная особенность бюрократии приобрела своеобразное преломление благодаря специфическому развитию русской государственности, которое состояло в том, что в силу высокой роли государственно-политического фактора в жизни страны, управление ею было монополизировано бюрократией, а традиции общественных союзов и самоуправления долгое время находились под жестким контролем и давлением государственной власти.

Однако, утверждения стройной бюрократической централизации не получилось. Российский бюрократический аппарат в силу обширности территории, рассредоточенности населения, отсутствия достаточных финансовых ресурсов, слабой профессиональной подготовленности «был сравнительно невелик и малоэффективен»[83]. Яркую картину бюрократической неэффективности российского госаппарата дал в своих письмах генерал Р.А. Фадеев. Так он писал: «В таком непомерно громадном бюрократическом механизме, каков русский, в котором решение по каждому делу обуславливается хорошо подобранными формальностями, всякий начальник отделения сильнее министра в делах своего круга действий, каждый из них может вынудить желательное для себя решение у заурядного министра, теряющегося в хаосе текущих дел»[84]; «С одной стороны, …в России нет единства целей не только между министерствами, но даже между департаментами одного и того же министерства. С другой стороны, не смотря на разноголосицу мнений и действий каждой канцелярской ячейки, каждого отделения, все они проникнуты тем же самым кастовым духом, духом порабощения всего сущего» и в результате «от первоначальной мысли законодателя остается одна шелуха, наполненная формальностью»[85]. Р.А. Фадеев приводит факты экономического банкротства «русской владычествующей бюрократии»: горное ведомство «поглощает 6.364.000 из 6.474.000 руб. приносимых казенными заводами»; бюджеты ведомств выросли с 1864 г. по 1879 г. непомерно: министерства государственных имуществ с 9.337.000 на 11.060.000 рублей, губернских правлений, отдавших часть своих функций земствам, с 1.394.000 на 2.862.000 рублей, полиции с 4.000.000 на 10.500.000 рублей[86]. «Западные финансисты никак не могут понять того явления, что при русских преобразованиях не про-

[83] Макарин А.В. Бюрократия в системе политической власти. – СПб., 2000.– С. 108.
[84] Фадеев Р.А. Письма о современном состоянии России // Фадеев Р.А. Собрание сочинений. – СПб., 1890. – Т. III. - Ч.2. - С.3.
[85] Там же. - С.25-26.
[86] Там же. - С.27-28.

исходит никакого перемещения государственных расходов, а только приращение их; что после преобразований денежные отпуски на все существовавшие до того учреждения остаются без перемены, но к ним прибавляются новые, что противоречит самому слову «преобразование»»[87]. Находит Р.А. Фадеев и причины создавшегося положения: сложное и запутанное делопроизводство, поглощение всего культурного слоя государственной службой, бездумное заимствование западноевропейских государственных форм при пренебрежении исконно русскими началами – земским общественным самоуправлением.

Говоря о количественной характеристике чиновничества, следует указать на тот факт, что в России в середине XIX в. на тысячу человек населения приходилось 2 чиновника, в Британии – 4,1, во Франции – 4,8. В 1910 г. этот показатель для России составил 6,2, Англии – 7,3, Франции – 17,6, Германии – 12,6, США – 11,3[88]. Отставание в общем количестве чиновников находилось в резком контрасте с наплывом желающих получить место в центральных ведомствах. П.А. Валуев в 1861 г. по этому поводу докладывал: «Едва ли существует в целом мире государство, где столь значительная часть населения живет в разных должностях за счет остальной части этого населения, как в России. Наплыв людей, ищущих мест и сетующих на правительство, когда они не находят оных, или по неспособности не могут найденных удержать за собой, постоянно увеличивается. Они составляют тяжкое бремя для государственного бюджета и в то же время образуют постепенно возрастающий класс недовольных, вредный для спокойствия государства»[89].

Малоэффективность бюрократии во многом обуславливалась ее структурой. Местная администрация составлялась (до Великих реформ всецело, а после – частично) из дворянства и представляла собой продолжение патримониальной власти помещика. Второй слой администраторов включал плохо оплачиваемых необразованных мелких чиновников, очень часто не вникавших в суть дела. Верхушка бюрократии, состоявшая из высших чиновников и личных друзей (или членов семьи) царя, назначалась на должности без учета взгля-

[87] Там же. - С.28.

[88] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 203.

[89] Записка П.А. Валуева Александру II «Общий взгляд на положение дел в Империи с точки зрения сохранения внутренней безопасности» от 22 сентября 1861 г. // Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). – СПб., 1999. – С.106.

дов и наклонностей конкретных кандидатов; была отделена от рядового дворянства и чиновничества непроходимой пропастью. Мелкие чиновники в любом нововведении видели для себя затруднение, положение же любого высшего чиновника было чрезвычайно непрочным и целиком зависело от личной воли императора[90].

Управление строилось по своеобразной откупной системе, имевшей мало общего с бюрократической централизацией[91]. Чиновники зачастую жили не за счет государства, не имевшего на них средств, а за счет зависимого от них населения или денежных подачек различного рода дельцов. Это во многом было связано с очень низким уровнем оплаты труда государственных служащих и высоким уровнем ее дифференциации среди различных классов чиновников. Например, если мелкий чиновник получал в первой половине XIX в. от 7 до 16 рублей в месяц, то один действительный тайный советник – 48 руб. 78 коп. в день при «казенной квартире с дровами», экипаже «с кучером», с кухаркой и горничной за казенное содержание. Через полвека эта тенденция сохранилась: 90% чиновников получали до 5 тыс. руб. жалования в год (из них 53,5% – не более 1 тыс.), тогда как 9% – от 10 до 20 тыс. руб., а 1% – до 50 тыс. руб. и выше[92]. По штатам 1845 г. Министерства внутренних дел губернатор без «добавочных» окладов получал около 300 руб. в месяц (не считая казенной квартиры), правитель канцелярии губернатора – 600 руб. в год, а помощник регистратора губернского правления – 9 руб. 50 коп. в месяц (без квартирных в размере 5 руб.)[93].

В 1811 году в связи с резким падением курса ассигнационного рубля с 54 серебряных копеек до 25 жалование чиновников составляло только 1/4 часть суммы предусмотренной штатным расписанием XVIII в. За первую половину XIX в. произошло существенное (примерно на 22%) снижение реального жалования государственного аппарата, выразившееся как в обесценивании денег, так и в росте цен[94]. В таких условиях низшим чиновникам прожить на одно жалование было практически невозможно и поэтому его недостаток они компен-

[90] См.: Raeff M. The Russian Autocracy and its Officials // Russian Thought and Politics. Harvard Slavic Studies. – Cambridge Mass., 1957. – Vol. IV. – P. 79.
[91] Макарин А.В. Указ. соч. – С. 109.
[92] См.: Сироткин В.Г. Номенклатура в историческом разрезе // Через тернии. – М., 1990. – С. 318.
[93] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. XIV. – № 11155.
[94] См.: Писарькова Л.Ф. Бюрократизация административной системы в первой половине XIX века // Административно-территориальное устройство России. История и современность. – М., 2003. – С. 126.

сировали за счет неправедных доходов, получаемых в виде взяток с дел и регулярных «пособий» от промышленников, купечества и откупщиков. Высшие чиновники при этом получали исключительные возможности для обогащения. Существовала целая система взяток, подкупов, дарений, носившая практически легализованный характер. А.М. Кошелев, бывший 10 лет откупщиком, в записке, поданной министру финансов в январе 1853 г. писал, что «получать жалование из откупа считается теперь не взяткою, но жалованьем безгрешным, прибавочным к казенному жалованью…»[95].

Администрация многих губерний находилась на содержании откупщиков, которые платили чиновникам второе жалованье, не меньшее, чем казенное. Например, в конце 1830-х годов один из откупщиков ежегодно платил Симбирскому губернатору 10 тыс. руб., вице-губернатору – 20 тыс. руб., прокурору – 3 тыс. руб. Похожая ситуация была и в других губерниях[96].

В пореформенное время, в связи с ростом номинального и реального уровней содержания государственного аппарата, а так же с развитием капитализма, подкуп чиновников несколько отошел на задний план и дополнился обуржуазиванием части бюрократии, особенно ее верхушки, что нашло свое проявление в предпринимательской деятельности чиновников. Уже в 1860-х годах их значительная часть активно участвовала в грюндерстве, возглавляя акционерные компании и банки по совместительству с государственной службой в качестве директоров и членов правления[97]. Управляющий делами Комитета министров статс-секретарь А.Н. Куломзин констатировал в этот период, что использование ведущими чиновниками Министерства финансов своего положения для оказания содействия различным группам капиталистов получило широкое распространение[98]. У многих видных сановников «доходы от ценных бумаг составляли существенную часть их бюджета»[99]. После 1884 г., когда верховная власть специальным законом запретила чиновникам высших пяти классов совместительство государственной службы и предпринимательства, связь бюрократии с частным капиталом приняла другие формы. На административные должности в компании приглашались отставные

[95] Цит. по: Гавлин М.Л. Роль винных окупов в формировании крупных капиталов в России XIX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М.,2003. – С. 100.
[96] См.: Писарькова Л.Ф. Указ. соч. – С. 127.
[97] См.: Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). – М., 1992. – С. 53.
[98] См.: Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. – Л., 1973. – С. 130.
[99] Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. – М., 1979. – С. 102.

чиновники и лица, находившиеся в близких отношениях с влиятельными государственными служащими. В начале XX в. 115 чиновников четырех высших классов владели промышленными предприятиями и еще 160 занимали свыше 240 мест в руководящих органах частных компаний. У ряда крупных сановников доходы от ценных бумаг составляли важную часть личного бюджета. В правлениях и советах практически всех банков и акционерных обществ чиновники занимали сотни мест.[100] Перед Первой мировой войной количество высших гражданских и военных чинов в правлениях акционерных компаний резко увеличилось. В начале 1914 г. более 30% всего состава руководителей акционерных обществ имели или офицерские, или гражданские звания. В большинстве своем они или вообще ушли с государственной службы, или числились на ней лишь номинально, оставаясь «причисленными» к различным ведомствам[101].

Вместе с процессами обуржуазивания бюрократии происходило и обюрокрачивание буржуазии. Возрастающий интерес представителей деловых кругов к различным жалованным атрибутам государственной иерархической системы был обусловлен, главным образом, их желанием повысить свой социальный престиж, так как само наличие чинов и званий никаких конкретных выгод профессиональной, предпринимательской деятельности не приносило. В XX в. любой крупный делец мог иметь высокий гражданский чин по «Табели о рангах». Надо было лишь заплатить в фонды различных благотворительных учреждений. И если в середине 90-х годов XIX в. лишь каждый десятый предприниматель имел чиновные звания, то к середине 1914 г., более половины всего контингента дельцов-распорядителей акционерных компаний владели классными званиями гражданских чиновников[102].

Таким образом, социальное сближение между бюрократией и буржуазией стало реальностью общественной жизни России в конце XIX – начале XX в. (хотя этот процесс еще был далек от высокой степени исторической интеграции). Это привело к тому, что российские чиновники могли легко увеличивать свои возможности и богатство, пользуясь личной властью и политической бесконтрольностью. Ориентируясь не на государственное жалованье, а на «дополнительные» источники дохода, они в своем большинстве мало заботились о ра-

[100] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 205–206.
[101] См.: Боханов А.Н. Указ. соч. – С. 175.
[102] См.: Боханов А.Н. Указ. соч. – С. 66, 68.

циональном функционировании государства[103]. Однако следует подчеркнуть, что положение со взятками в пореформенное время с приходом элементов гласности и утверждением закономерного управления все же изменялось. «При чем вероятность подкупа падала в геометрической прогрессии к росту положения чиновника на иерархической лестнице», «чем ниже был статус чиновника, чем в меньшей степени он находился под служебным и общественным контролем, чем ближе он находился к народу, тем больше было шансов, что ему будут давать, а он будет брать взятки, которые в среде крестьянства в начале XX в. означали в первую очередь приношения, дары, гостинцы, плату или подарок должностному лицу»[104].

Этот вывод, на наш взгляд, верен в том смысле, что в пореформенную эпоху верхние эшелоны власти нашли альтернативные взятке источники самообогащения, связанные с предпринимательской деятельностью. Например, акции курско-киевской железной дороги получили известность как акции Государственного совета и Сената, в связи с тем, что среди акционеров было очень много членов этих учреждений[105].

Говоря об интересах чиновной бюрократии, нельзя не упомянуть и об *ее тесных связях с крупным землевладением*. Высшие сановники часто сами были крупными землевладельцами. Н.А Рубакин подсчитал, что из 100 числившихся к 1905 г. действительных тайных советников, получавших в среднем по 15978 руб. жалования в год, 50 сами являлись землевладельцами и все вместе владели 284 тыс. дес. земли, то есть в среднем по 5680 дес. каждый. Из 584 тайных советников 194 были собственниками земли и имели вместе 3104,6 тыс. дес., или в среднем по 16 тыс. дес. на каждого[106].

Сравнение проявления двух тенденций в эволюции высшей бюрократии: ее переплетения с поместным дворянством и развития отношений с буржуазией показывает, что в конце XIX – начале XX в. связи высшего чиновничества с аграриями были намного прочнее и шире, чем с буржуазией. Достаточно сказать, что как в 1897, так и в 1914 г. 2/3 губернаторских постов занимали землевладельцы. Потомственные дворяне по происхождению составляли абсолютное большинство среди министров и главноуправляющих. В то же время вы-

[103] См.: Макарин А.В. Указ. соч. – С. 114.
[104] Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 205–206.
[105] См.: Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация. – М, 1979. – С. 101–103.
[106] См.: Рубакин Н.А. Наша правящая бюрократия в цифрах // Сын Отечества. – 20.IV.1905.

ходцы из буржуазии достигали руководящих государственных должностей лишь в единичных случаях. То есть становление связей высшего чиновничества с промышленниками и банкирами в основном было следствием не одворянивания буржуазии, а включения дворянства в торгово-промышленную деятельность. Наиболее эффективными каналами в этом процессе явились: приобретение чиновниками акций промышленных предприятий, переход высокопоставленных управленцев в правления предприятий и банков по «рекомендации» Министерства финансов[107].

Непонимание российским чиновничеством идеи «служения народу» возникло не только в силу их особых материальных интересов, но и потому, что в России долгое время не признавалась значимость договорных отношений на основе контракта. Вместо этого института доминировала личная лояльность патронажно-клиентальных связей, которые затушевывали институциональный интересы, тормозили процессы социальной и экономической дифференциации[108].

В XIX в. патронажные связи между чиновниками в определенной мере ослабли сравнительно с XVIII в., однако не были полностью изжиты и препятствовали утверждению формализованных правовых отношений[109]. Начиная с 1799 г., карьера стала определяться не только патронажно-клиентальными связями, но и стажем службы. В «среднем классе» гражданского управления, как и в армии, утвердился принцип «старшинства» – никто не имел возможности занять следующую ступень раньше того, кто более всех «показался на службе». То есть движение по лестнице управления определяли более не индивидуальные заслуги и способности, а продолжительность службы[110].

Постепенно силу приобретал и другой служебный критерий – образовательный и профессиональный уровень. В XVIII – начале XIX в. для подавляющего числа чиновников военная служба была единственной их школой и багаж знаний, полученных в армии, признавался достаточным для исполнения как административных, так и

[107] См.: Дубенцов Б.Б. Высшее чиновничество в России в конце XIX – начале XX в. // Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX – начале XX века. Сборник научных трудов. – М., 1988. – С. 46–59; См. также: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978. – С. 223–224.
[108] См.: Макарин А.В. Указ. соч. – С. 114.
[109] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 168.
[110] См.: Макарин А.В. Указ. соч. – С. 107.

служебных должностей[111]. Но с 1803 г. закон установил определенные требования к уровню образования чиновников, а с 1809 г. – образовательный ценз для желающих получить чин VIII класса: среднее образование или сдача экзаменов по специальной программе. И хотя в 1834 г. ценз был отменен, но зависимость от образования в поступлении на службу и в ускорении ее продвижения остались. Результаты принятых мер постепенно сказались на повышении уровня образования бюрократии (см. таблицу 15)[112].

В течение императорского периода происходила неуклонная профессионализация чиновничества, благодаря возникновению специальных учебных заведений и постепенному отделению гражданской службы от военной. Если в XVIII в. типичный чиновник был офицером, то в XIX – начале XX в. – чиновником-юристом[113].

Российский государственный аппарат принимал в свои ряды выходцев из всех слоев населения, что означало и их одворянивание. Этот процесс приводил к следующим последствиям. Первое – число дворян росло за счет представителей других сословий, что, с одной стороны, разрушало кастовость дворянства, а, с другой, – расширяло социальную опору режима. Второе – чиновники из других сословий и разночинцев отличались от чиновников из дворянства большей компетентностью и лояльностью к верховной власти, составляя самую верноподданную часть бюрократии[114].

Итак, все сказанное о российской бюрократии позволяет сделать вывод о том, что в течение всего абсолютистского периода она представляла собой промежуточный переходный тип между «традиционным» типом чиновника и «рациональным». Подтверждением этому является следующее.

Первое - сословный институт чиновничества по происхождению сочетался с буржуазным институтом чиновничества по профессии.

*Второ*й довод состоит в том, что российская бюрократия в силу ее недостаточной численности и малоэффективности, низкого жалования большинства государственных служащих, высокого уровня продажности и втянутости в неформальные товарно-денежные отношения, ориентации в целом не на формальные, а на патронально-

---

[111] См.: Писарькова Л.Ф. Указ. соч. – С. 123.

[112] См.: Дубенцов Б.Б. Самодержавие и чиновничество в 1881–1904 гг. (Политика царского правительства в области организации государственной службы): Дис. …канд. ист. наук. – Л., 1977. – С. 6–10, 204.

[113] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 206.

[114] См.: Там же. – С. 208.

клиентальные связи, низкий образовательный и профессиональный уровень, с одной стороны была уже не способна к широкомасштабной тотальной и бюрократической централизации по типу восточных деспотий, а с другой стороны, эти же ее качества тормозили и блокировали переход к «рациональному» типу.

Третья основа переходности заключалась в том, что мощь российского государственного капитализма явно не дотягивала до существенного огосударствления многих сторон жизнедеятельности общества, а, следовательно, превращения бюрократии в господствующую социальную силу, но до определенного момента была вполне достаточна для проведения буржуазной модернизации.

Четвертое. Абсолютизм под давлением экономических и политических обстоятельств вынужден был шаг за шагом передавать часть властных полномочий под контроль общественно-политических институтов, законодательно и силой общественного мнения ограничивать бюрократию и тем самым способствовать ее рационализации. Но передача эта происходила крайне противоречиво.

Пятое. В идейном и политическом багаже российской бюрократии конгломератно сосуществовали мистика и расчет, интуитивные импульсы и практические интересы. «Именно этот противоречивый гибрид традиционной органики и новоприобретенной прагматики был молчаливо признан приоритетным в государственной политике России конца XIX века»[115].

Манифестом 17 октября 1905г., был установлен так называемый «обновленный строй». Изданные 23 апреля 1906 г. Основные законы ввели в политическую жизнь страны законодательную Государственную думу и обновленный Государственный совет, изменили политическую роль царя и правительства, легализовали буржуазные политические процессы.

С формально-юридической точки зрения после 1906 г. в России абсолютизм прекратил свое существование, поскольку, во-первых, в Основных законах исчезло упоминание о неограниченном характере власти царя и, во-вторых, он стал осуществлять законодательную власть «в единении с Государственным Советом и Государственной Думой»[116].

---

[115] См.: Филиппова Т.А. Приоритеты поздней империи // Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. – М.,2000. – С.135.

[116] Захаров Н.А. Указ. соч. – С. 204.

Сравнение изначального смысла термина «абсолютизм» (власть монарха, свободная от участия сословно-представительных или буржуазных законодательных учреждений) с российской политической действительностью позволяет сделать вывод о том, что «обновленный строй» явился существенным шагом в сторону буржуазного правового государства, но шагом противоречивым и недостаточным для того чтобы утверждать, что «форму государства, которая возникла в России в 1906 г., следует назвать дуалистической правовой монархией, так как законодательная власть принадлежала парламенту и государю, а исполнительная в центре – императору и бюрократии, на местах – бюрократии и органам общественного самоуправления»[117]. В лучшем случае речь могла идти только о первых элементах дуалистического порядка правления, ввиду большого числа изъятий из законодательства в пользу монархического компонента политической системы[118]. С одной стороны, после 1906 г. Россия имела конституцию и парламент, разделение властей и независимый суд, но с другой стороны, эти институты носили неразвитый, переходный характер, отягощенный сословными пережитками.

Избирательное право не было всеобщим, имело непропорциональный, непрямой, сословно-цензовый характер[119]. От участия в выборах были отстранены женщины, лица моложе 25 лет, военнослужащие, батраки-крестьяне, не являвшиеся «домохозяевами», лица не являющиеся квартиронанимателями, часть рабочих, а также «инородцы»[120]. Закон установил, что в 1906 г. один выборщик приходился на 2000 землевладельцев, на 7000 городского населения, на 30 000 крестьян и на 90 000 рабочих; число выборщиков, которые непосредственно выбирали депутатов в Думу, составлял по 51 губернии Европейской России в 1907–1910 гг. 3,3% всего населения[121]. Реально на то, из кого состоит Государственная дума, влияли примерно 7 тыс. участников губернских избирательных собраний и избиратели нескольких городов. Причем в этих городах избирательным правом пользовались от 1 до 4% населения. Кроме того, «представители разных сословий избирались в губернские избирательные собрания от-

[117] Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 157.
[118] См.: Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 36.
[119] Леонтович В.В. Указ. соч. – Т. 2. – С. 444.
[120] См.: Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Политическая история России. От становления самодержавия до падения Советской власти. – М., 1999. – С. 228.
[121] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 159.

дельно, и в зависимости от того, какому сословию будет предоставлена наибольшая доля выборщиков, оно и сможет оказать влияние на состав Думы»[122]. По избирательному закону 11 декабря 1905 г. наибольшим влиянием в избирательных собраниях пользовались крестьяне. Однако после третьеиюньского переворота эта курия стала избирать 22,5% выборщиков вместо прежних 42%, в то время как курия землевладельцев повысила свою долю с 32% до 51% выборщиков[123]. В результате изменения избирательного закона цензовые граждане получили 65% голосов[124].

При таких условиях формирования Государственной думы все другие элементы государственного механизма, введенные в 1906–1907 гг. приобрели квазиконституционный характер. Например, термин «парламент» может пониматься в двух значениях: и как представительное учреждение с законодательной функцией, избираемое народом и выражающее его волю и как форма государственности, в которой правительство назначается парламентом и подотчетно ему. В России в начале XX в. парламент отсутствовал не только во втором, но и в первом смысле, так как при выборах не обеспечивалось полноценное, пропорциональное и равное представительство всех социальных групп населения. То есть парламентская форма не имела в этой части парламентского содержания. Исходя из этого, отсутствие парламентаризма во втором значении приобретало совершенно иной (авторитарный) смысл, нежели в некоторых ведущих странах мира, «где уже переходили к всеобщему избирательному праву»[125].

Согласно Основным законам существовали особые области, где не только была ограничена законодательная инициатива Думы, но один царь являлся законодателем. К этим областям относились вопросы императорской семьи, церковного дела, вопросы военного законодательства[126].

---

[122] Дякин В.С. Выступление на вечере «Государственная дума вчера и сегодня... 1906–1917–1993» 10 ноября 1993 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. – СПб., 1999. – С. 18.

[123] См.: Пушкарев С.Г. Указ. соч. – С. 403.

[124] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 166.

[125] Дякин В.С. Выступление на вечере «Государственная дума вчера и сегодня... 1906–1917–1993» 10 ноября 1993 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. – СПб., 1999. – С. 19.

[126] См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – Т. 2. – С. 448.

Авторитарный характер имели и другие важные положения конституционного законодательства. Из трех стадий выработки закона – почин, обсуждение и санкция – Дума была свободна только в обсуждении проектов, как правило, не ею вносимых и всегда не ею окончательно утверждаемых.[127] Основные законы могли пересматриваться только по инициативе царя, а по остальным законам законодательный почин Государственной думы и Государственного совета был сильно ограничен тем, что высказанные пожелания 30 членов Думы или Совета направлялись не позднее чем за месяц до дня слушания соответствующим министрам или главноуправляющим, которые могли тормозить обсуждение возбужденного вопроса, откладывая его внесение[128]. И даже эти ограниченные права законодательной инициативы постоянно урезались правительством. Из ведения Думы фактически изымались разработки законопроектов[129]. Министры ответственности перед Думой не несли. Дума могла лишь обратиться к ним за разъяснениями, которых они могли и не давать (ст. 40 Учреждения Государственной Думы)[130].

По статье 87 Основных законов правительство наделялось законодательными функциями: при возникновении чрезвычайных обстоятельств оно имело право в промежутках между сессиями и с одобрения царя издавать указы, которые приравнивались законам, но теряли этот статус, если не вносились на очередную сессию народного представительства или если вносились, но отклонялись последним[131]. Император и правительство широко пользовались этой статьей. Между 27 апреля 1906 г. и 3 июня 1907 г. было издано 60 чрезвычайных постановлений. Столкнувшись с трудностями последующего их утверждения, верховная власть стала пользоваться 87 статьей более осмотрительно (в 1907–1914 гг. было издано всего 26 актов), но с начала войны и до 1917 г. издала 654 акта. При чем большинство чрезвычайных постановлений осталось формально временными[132].

Чисто формально в пересмотренном «Учреждении Государственной Думы» статус Думы определялся, как и ранее – как совеща-

---

[127] См.: Дякин В.С. Сфера компетенции указа и закона в третьеиюньской монархии (1906–1917 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1976. – Т. VIII. – С. 256.

[128] См.: Захаров Н.А. Указ. соч. – С. 211; Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 447.

[129] См.: Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Указ. соч. – С. 234.

[130] См.: Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 37.

[131] См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 451.

[132] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 157.

тельного органа, создаваемого для «обсуждения законодательных предположений, восходящих к верховной самодержавной власти по силе основных законов» (ст. 1).

В отличие от западных конституционных монархий в России реальным центром власти являлся не законодательный корпус, а монарх. В том случае, если одна из палат не утверждала закон, он мог вноситься на повторное рассмотрение в течение той же сессии – по указанию императора. Напротив, законопроекты, одобренные обеими палатами, но не получившие утверждения императора не могли рассматриваться в таком же порядке. Этим еще раз подчеркивался перевес монарха над парламентом в сфере законодательной власти. Кроме того, Дума и Совет не имели окончательного права утверждения бюджета.

Авторитарная сущность «обновленного строя» состояла и в том, что по основным законам царь имел право назначать и сменять всех чиновников в государстве за исключением судей[133]. Кроме того, Государственный совет состоял на половину из назначаемых ежегодно царем высоких государственных чиновников[134].

Торжество монархического начала довершалось обилием различных изъятий в виде особых законов, подзаконных актов, положений и административных распоряжений, особенно, в области финансов, бюджета, управления армией, руководством администрации. Это приводило к тому, что исполнительная власть по этим вопросам оказывалась вне действенного парламентского контроля[135]. На эту тенденцию обращали внимание многие наблюдатели, в том числе и зарубежные. В частности, М. Вебер писал, что в сложившихся условиях, «при системе псевдоконституционализма монопольное положение Совета (Совета министров – В.В.) укрепляется неимоверно: министры могут вертеть как хотят призрачным парламентом, созданным их же машиной управления и лишенным того влияния, которое он мог бы иметь, если бы был обеспечен правом»[136]. Но самое парадоксальное состояло в том, что при настоящей конституционной монархии, будь она реализована, «монарху было бы обеспечено фактическое

---

[133] См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 457–458.

[134] См.: Пушкарев С.Г. Указ. соч. – С. 444; Высочайше утвержденное 24 апреля 1906 г. Учреждение государственного совета (ПСЗ РИ.- Собр. 3-е.- Т. XXVI.- Отд. I.- № 27808).

[135] См.: Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 39–40.

[136] См.: Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму // Вебер М. О России: Избранное / Перевод А. Кустарева. – М.,2007. – С. 68.

господство над бюрократией» и ему не пришлось бы воздействовать на большую политику через посредство интересов различных клик[137].

Изложенных фактов вполне достаточно, чтобы присоединиться с некоторой корректировкой к мнению С.Ю. Витте, который утверждал, что принятые законы «сохранили за Государем обширнейшие верховные и державные права, иначе говоря, что они установили конституцию, но конституцию консервативную и без парламента»[138]. При этом верховные и державные права царя оказались, во многом, связанными «бюрократически рационализированным абсолютизмом канцелярии» (М. Вебер).

Поэтому, на наш взгляд, *в «третьеиюньский» период российское государство в политико-юридическом смысле представляло собой квазиконституционную правомерную монархию переходного типа от абсолютизма к правовому государству*[139]*. В результате, была создана качественно новая политико-правовая система, в которой механизм власти определялся союзом монарха и бюрократии против парламента.*

Однако этот вывод ни сколько не умаляет тех шагов, которые были предприняты в направлении правового государства, осуществляющего легальное господство. К ним можно отнести, в первую очередь, сами новые Основные законы Российской империи, которые дали конституционное понятие закона[140], четко разделили основные и обыкновенные законы при наделении первых наибольшей силой обязательного действия, установили определенные пределы власти императора, назначили порядок издания законов, определили устройство Государственной думы и Государственного совета[141].

В результате этих законоустановлений политический строй наполнился новым содержанием. Дума получила законодательные, контрольные и бюджетные полномочия. Манифест 17 октября 1905 г. и

---

[137] См.: Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму // Вебер М. О России: Избранное / Перевод А. Кустарева. – М.,2007. – С. 68.

[138] Цит. по: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 442.

[139] Близкую точку зрения высказывает и А.Н. Медушевский. Он пишет о «мнимом конституционализме» царского режима после революции 1905 г. См.: Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 45.

[140] Текст закона устанавливался Государственной думой вместе с Государственным советом и утверждался императором.

[141] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 156.

Основные законы 23 апреля 1906 г.[142] гарантировали российским подданным неприкосновенность личности и все основные гражданские свободы, но противоречащее им положение от 14 августа 1881 г. «О мерах по охранению государственной безопасности и общественного спокойствия», предоставлявшее администрации чрезвычайные полномочия так и не было отменено. Правовые гарантии не распространялись на лиц, подозреваемых администрацией в политических преступлениях[143].

Указ о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. дал старообрядческой церкви и большинству религиозных сект свободу вероисповедания и богослужения. Однако не были отменены ограничения выбора места жительства и поступления в государственные учебные заведения для «лиц иудейского вероисповедания».

Законодательством 1905–1906 гг. предварительная цензура была значительно сокращена. Наказуемыми считались только прямые нападки на царя, царскую власть и хула на православную церковь. При думской монархии периодическое издание могло быть закрыто только по приговору суда. Основные законы предоставили российским подданным свободу собраний и союзов. Согласно «временным правилам» 4 марта 1906 г. публичные собрания политического характера должны были происходить с ведома полиции. Полицейский чиновник имел право их закрыть, если в выступлениях ораторов содержались призывы к насильственным действиям. Законодательство 1906 г. легализовало организацию рабочих профсоюзов без права на забастовку и политические партии при их обязательной регистрации в соответствующем «присутствии», что смогли осуществить только верноподданнические политические организации[144].

В 1906 г. российским подданным была предоставлена свобода выбора места жительства и выезда за границу. Причем последнее стало доступным даже для лиц со скромным доходом и без особых бюрократических проволочек.

Основные законы провели не только четкое разделение законодательной власти от исполнительной, но и обеспечили независимость

---

[142] См.: Высочайше утвержденные 23 апреля 1906 г. Основные государстенные законы (ПСЗ РИ.- Собр. 3-е.- Т. XXVI.- Отд.I.- № 27805); Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» (ПСЗ РИ. - Собр. 3-е. – Т. XXV.- Отд. I. - № 26803).

[143] См.: Пушкарев С.Г. Указ. соч. – С. 446.

[144] См.: Там же. – С. 446–448; Именной Высочайший указ, данный Сенату 4 марта 1906 г. «О временных правилах о публичных собраниях» (ПСЗ РИ.- Собр. 3-е.- Т. XXVI.- Отд. I.- № 27480).

судебной власти[145]. После долгой борьбы в 1913 г. удалось восстановить институт мировых судей в некоторых губерниях при лишении земских начальников судебных функций и сохранении волостных судов (действующих на основе обычного права) с апелляционной инстанцией в виде верхнего сельского суда в составе председателей волостных судов под председательством мирового судьи[146].

Не смотря на определенные шаги в формировании правового государства и гражданского общества, авторитарный режим все же реформировал не существо, а прежде всего фасад архаичной политической системы. При этом бюрократический аппарат категорически выступал против парламентаризма с его идеей разделения властей, сделав основной акцент на укрепление органов исполнительной власти. И если в середине XIX в. идея защиты незыблемости самодержавия и недопустимости конституционализма и представительства была вполне понятна и оправдана, ибо это позволяло осуществить модернизацию в экономической и социальной сферах силами самого самодержавия, то в начале XX в. она превратилась в тормоз всех буржуазных преобразований.

При рассмотрении социально-политической сущности думской монархии анализ соотношения классовых сил в этот период обязательно следует дополнять учетом *фактора относительной самостоятельности российского государств*а, игравшего в истории нашей страны исключительно важную роль. Длительное время царизм чувствовал себя достаточно прочно благодаря наличию массовой социальной базы, признанию и поддержке со стороны народа и, главным образом, крестьянства. Именно «в этом кроется разгадка того исключительного упорства с коим царизм сохранял общину и сословный крестьянский слой…» – указывал А.Я. Аврех[147]. Однако с середины XIX века ситуация стала меняться. С одной стороны, политика форсированной индустриализации на основе квазикапиталистической эксплуатации крестьянства подрывала традиционную социальную опору самодержавия, но, с другой стороны, возникло и все более развилось уравновешивающее соперничество помещиков и буржуазии. В думский период эти изменения воплотились в *политике бонапартизма*, то есть лавирования самодержавия между различны-

[145] См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 457.
[146] См.: Степанский А.Д. Указ. соч. – С. 159.
[147] См.: Аврех А.Я. О природе российского самодержавия // Система государственного феодализма в России. Сборник статей. – М., 1993. – С. 289.

ми классами, слоями и группами в целях поиска надежной социальной опоры при разрушении прежней, прежде всего, - между дворянством и буржуазией. Осуществляя политику бонапартизма, исполнительная власть как по своей социальной природе, так и психологии все же больше импонировала дворянству, гораздо чаще прислушивалась к требованиям его представителей в лице Совета объединенного дворянства.

Своеобразие и роль российского бонапартизма можно понять только в контексте раскрытия исторических функций конституционной монархии как формы правления. Компаративный анализ показывает, что в странах с «органическим характером буржуазного развития» «переход от абсолютизма к конституционной монархии был шагом к формированию гражданского общества и правового государства…»[148], а в странах, вынужденных пойти по пути ускоренной модернизации в форме догоняющего развития – временным историческим компромиссом буржуазного либерализма и традиционалистских сил во имя сохранения стабильности системы и проведения модернизации. Непрочность этого компромисса из-за слабости или отсутствия среднего класса и сложность задач социального переустройства привели к политическим революциям и утверждению авторитарных вождистских режимов[149]. В связи с этим можно утверждать, что российский квазиконституционный бонапартизм на деле стал формой перехода не к более совершенным буржуазно-демократическим формам, а к диктатуре вождистского типа.

Следовательно, сам по себе российский квазиконституционный бонапартизм представлял «тупиковую» историческую форму, обусловленную особенностями российской модернизации. План политических реформ, задуманных П.А. Столыпиным в осуществление бонапартистского курса, не удался[150]. Главная причина этого, на наш взгляд, состояла в углубляющемся социальном расколе общества, остановить который было невозможно, так как проводившиеся реформы «уже опоздали»[151]. Причем опоздали по той причине, что госу-

[148] Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 44, 45.
[149] См.: Там же. – С. 45.
[150] См.: Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л., 1978. – С. 233.
[151] См.: Дякин В.С. Выступление на вечере «Государственная дума вчера и сегодня... 1906–1917–1923» 10 ноября 1993 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. – СПб., 1999. – С. 22.

дарственная власть в силу своего тщеславия и высокомерия до них «не дозрела»[152]. С учреждением Государственной думы Николай II стремился ограничить ее компетенцию, превратить в законосовещательный орган, опираясь на Положение об усиленной охране, сохранить систему и методы бюрократического управления.

«Опоздание» реформ усугублялось и другими факторами. Давали о себе знать несовершенство и неадекватность законодательного порядка, который, по словам самого П.А. Столыпина, приводил к провалу обсуждаемых законов. Так, правительством П.А. Столыпина выдвигался комплекс взаимосвязанных законопроектов, развивающих тенденцию к становлению правового государства и гражданского общества: о введении института участковых комиссаров вместо земских начальников, о реанимации института мировых судей, о создании всесословной волости, о расширении географии земства, о праве на экономические забастовки, о страховании рабочих, о пересмотре нормирования труда женщин и подростков, о реформе образования, о введении прогрессивного подоходного налога и др.

Однако, в тот период в России не оказалось одновременно и охранительных, и либеральных сил, способных реализовать эту программу и конструктивно работать в запутанной законодательной системе[153].

Итак, политические преобразования, проводящиеся в России в начале XX в. привели к следующим результатам. Процесс буржуазной модернизации государственного устройства и управления императорской России, достигнув некоторых принципиально важных преобразований, в конечном итоге зашел в тупик. Бонапартизм, опиравшийся на причудливое сочетание квазиконституционной авторитарной системы, архаической официальной концепции власти, пережитков сословного строя, всевластия бюрократии и начатков буржуазного политического процесса, оказался нежизнеспособной политической формой. В основе краха думской монархии, прежде всего, лежал глубинный экономический и социокультурный раскол российского общества, преодолеть который при императорском варианте модернизации оказалось невозможно.

Выводы

[152] См.: Вебер М. К положению буржуазной демократии в России // Вебер М. О России: Избранное / Перевод А. Кустарева. – М.,2007. – С. 46-47.

[153] См.: Мичурин А.Н. Конституционный кризис 1911 г. в исследованиях В.С. Дякина // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. – СПб., 1999. – С. 53.

Изменения в политической сфере заняли важнейшее место в модернизации России. Они вызывались целым комплексом противоречий, которые охватили российское общество.

Важнейшее противоречие сложилось между военно-политическим и экономическим натиском молодых капиталистических держав и необходимостью адекватного ответа в виде создания регулярной армии и, следовательно, всей системы современного регулярного государства, способной наладить экономическую связь с капиталистической мир-системой. Для решения этого противоречия в России пошли по пути утверждения абсолютистского авторитаризма на базе «тупиковых» квазикапиталистических форм при одновременном развитии форм легального господства (формально-правовых оснований, законодательства). Ведущей тенденцией в развитии регулярного государства по направлению к правовому явилось прохождение длительного этапа правомерного государства при закономерной бюрократизации управления.

Другое противоречие было вызвано нерешительностью и незаинтересованностью власти в своевременной ликвидации крепостного права и его остатков не только в силу многочисленных объективных условий, но и по причине абсолютизации и догматизации метода постепенных либеральных реформ. Возникшая в результате этого своеобразная модернизационная ловушка постоянно углубляла социокультурный раскол общества (между народом и властью, народом и дворянством, правящей и духовной элитами и, в конечном итоге, между силами традиции и модернизации) и, следовательно, тормозила развитие политических форм.

Еще одно противоречие возникло в первой половине XIX в. и развернулось между возрастающими потребностями капиталистического развития, ростом самосознания всех слоев российского общества, с одной стороны, и реалиями социальной и политической жизни России, с другой. Для его разрешения в условиях авторитарной волны самодержавием были осуществлены шаги по дальнейшему укреплению бюрократических начал и законности в управлении, регулированию прав сословий при одновременном приобретении государством надсословной самостоятельности, по осторожному расширению сферы гражданский свободы при решительном подавлении политического инакомыслия, распространению образования и ограничению крепостничества. «Осовременивание» политической жизни становилось все более неадекватным процессам становления капиталистического

уклада, освобождению крестьян и назревшим задачам совершенствования политико-правовой сферы страны и вело к усилению раскола общества.

Если в первой половине XIX в. в условиях авторитарной социокультурной инверсионной волны самодержавием были осуществлены шаги по дальнейшему укреплению бюрократических начал и законности в управлении, регулированию прав сословий при одновременном приобретении государством надсословной самостоятельности и решительном подавлении политического инакомыслия, распространению образования и ограничению крепостничества, то во второй половине XIX в. для решения накопившихся и вновь возникших экономических, социальных и политических проблем в ходе становления капиталистического уклада самодержавие пошло по пути создания в политическом строе новых элементов правового государства.

Диалектика его формирования состояла в том, что модернизация страны использовалась ведущими субъектами государственной власти с целью сохранения и упрочения своего бытия. В результате в политическом теле империи возникло новое диалектическое противоречие, где роль отрицательного (но контролируемого властью) момента призваны были сыграть протоэлементы правового государства. Поэтому не удивительно, что после всех политических преобразований, проведенных во второй половине XIX – начале XX в., основное содержание монархии осталось неизменным.

По своей социальной сути Великие реформы являлись мерами капиталистического порядка, которые, однако, как ни парадоксально, всколыхнув дворянскую общественность, почти не задели российскую буржуазию. Причину этого следует искать в самой буржуазной трансформации, которая привела к тому, что абсолютистский режим стал носить плутократический характер. Возникло *серьезное политическое противоречие*: тесное «сотрудничество» власти и буржуазных кругов не заинтересовывало их обоих делать решительные шаги в модернизации политического режима. В итоге, властью был сделан выбор в пользу политики подчинения ресурсов общества охранительной государственной политике, а не использования тенденций развития общества в его же собственных интересах. Это предопределило установление в начале XX в. авторитарной модели политической модернизации, основанной на соединении сословных пережитков с элементами буржуазной политической системы и гражданского общества, ведущей к углублению экономического и социокультурно-

го раскола в обществе, к консервации конгломератно-анклавной структуры экономики и социальной сферы страны. Эти последствия обусловили высокий уровень радикализма народных масс, неприятия ими как феодальных, так и буржуазных ценностей делали нежизнеспособной бонапартистскую политическую систему, предполагавшую свою социальную опору в виде эклектического соединения политических усилий уже экономически слабеющего дворянства и еще политически слабой буржуазии.

§ 4. Решение узловых противоречий государственной политики в области буржуазного реформирования страны

Проведенное исследование показало, что государственная политика в области буржуазной модернизации страны была наиболее тесно связана с проблемами социокультурного раскола общества, отмены крепостного права, индустриализации, развития локального крестьянского мира в интересах модернизации и преодоления стадиального отрыва России от Запада, укрепления экономической и военной мощи страны.

Конец XVIII в. в России характеризовался попыткой решения новых задач усложняющегося общества более эффективными средствами, которыми для этого обладал Запад, как бы постоянно посылающий вызов России. Идеологическим и нравственным основанием промышленного и военного успеха стали развитый утилитаризм и либерализм. Поэтому не удивительно, что именно они были взяты на вооружение российской элитой[1]. «Не было ничего парадоксального..., – пишет Х. Рэксдейл, – в том, что прогрессивные реформы и самодержавная власть обнаруживали тесную связь. Напротив, эта связь являлась вполне логичной. Дело в том, что в большинстве европейских стран, особенно в Восточной Европе, прогрессивные мероприятия, которые в следующем столетии получают название либеральных, без воздействия абсолютной власти были бы немыслимы. Однако большей части режимов, считавшихся абсолютистскими, как раз и не доставало власти, необходимой для осуществления реформ. Иными словами, в условиях XVIII в., как ни странно, именно либерализм, представленный общественным мнением, часто выступал сторонником абсолютизма»[2].

Необходимо учитывать, что либерализм попал в социальную среду, идеалом которой являлось сословное общество во главе с монархом, который советуется со своими подданными по важнейшим вопросам общественной жизни. Следуя этим пожеланиям, высказанным в комиссии по составлению нового Уложения, Екатерина II своими законодательными актами завершила юридическое оформле-

[1] См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Новосибирск, 1997. – Т. 1. – С. 186–191.

[2] Рэксдейл Х. Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762–1815 годах // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 4.

ние сословного строя. Признание личных прав только за тремя сословиями, а права самоуправления – за двумя, было половинчатым шагом, но все же служило важным фактором эволюции самодержавия в направлении правомерного государства, а также создавало основу для проведения буржуазной модернизации[3].

Наиболее уязвимое звено либерализма – это его метод. Он состоит в абсолютизации постепенности в устранении помех личной свободе. То есть, рождаясь в лоне буржуазной революционной модернизации, либерализм парадоксально становится на антиреволюционные позиции, отражая интересы уже утвердившейся у власти крупной буржуазии. Но то, что было естественным для Европы того времени, в России приобретало совершенно иной смысл. Страх многих российских либералов перед радикализмом и политической революцией существенно повлиял на содержание и темпы проводившейся в последствии буржуазной модернизации.

В первую очередь это проявилось в реформах Екатерины II, которая, теоретически следуя за Монтескье, а, практически осознавая неприятие широкими слоями ценностей либеральной цивилизации, искренне считала, что новые законы ни в коем случае не должны вести к разрыву с существующим порядком, так как создаются с целью его улучшения и совершенствования исторического института[4]. В окончательной интерпретации Екатерины этот принцип заслуживал своей реализации на российской почве только в сфере становления гражданского строя и только для некоторых социальных групп. Дальнейшая историческая задача состояла в том, чтобы расширить эту гражданскую свободу на все новые группы населения[5].

Анализ показывает, что именно эта позиция *консервировала своеобразную модернизационную ловушку*. Ее суть состояла в постоянном углублении социокультурного раскола общества и, следовательно, в торможении развития политических форм. Ловушка сохраняла свою устойчивость не только в силу многочисленных объективных условий, но и по причине абсолютизации и догматизации метода постепенных либеральных реформ. В результате власть из первого эшелона преобразований постепенно в течение XIX века стала переходить на вторые позиции, уступая интеллигенции роль активатора модернизации.

---

[3] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – СПб., 1999. – Т. 2. – С. 140.
[4] См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 43.
[5] См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 34.

Нерешительность и незаинтересованность власти и дворянства в ликвидации крепостного права стала главным субъективным тормозом преобразований. Поэтому, несмотря на то, что реформы Екатерины II были попыткой реализации в России либеральной модели развития, объективно направленной на формирование гражданского общества и правового государства, в конкретных исторических условиях того времени подобная попытка носила утопический характер[6].

В этой связи следует подчеркнуть, что наиболее адекватной представляется позиция тех авторов, которые предлагают разводить понятия «крепостничество» и «крепостное право», понимая под первым систему внеэкономической зависимости, при которой человек был лишен права или возможности свободно распоряжаться собою, а под вторым - такую форму крепостнической зависимости, в основе которой лежало право собственности одного человека на другого[7].

И крепостное право и крепостничество в целом устанавливали для буржуазных преобразований своего рода ограничительные пределы. Но еще более серьезной проблемой явилась произошедшая в ходе екатерининских реформ разбалансировка всей крепостнической системы, когда режим крепостничества был снят или существенно ослаблен для одних сословий и сохранен по отношению к крестьянству в крайней своей форме – в форме крепостного права.

В результате, в конце XVIII–начале XIX в. усилился раскол общества, и стал проходить в четырех плоскостях: между народом и властью, народом и дворянством, правящей и духовной элитами, и в целом, между силами традиции и новации. Сделав ставку на половинчатое решение проблем крепостничества и становления гражданского общества, власть в своем либеральном порыве сразу же усилила эти разломы.

Освобождение от службы дворян и наделение их широкими сословными правами привело к важнейшим для России последствиям.

Во-первых, оно породило в народе сильнейшую ненависть к помещикам и как к эксплуататорам, и как к слою, который не вписывался в их тотемическую модель мира. Наиболее радикальным требо-

---

[6] См.: Каменский А.Б. Центральное и местное управление и территориальное устройство в контексте реформ XVIII века // Административно-территориальное устройство России. История и современность. – М., 2003. – С. 94.

[7] См.: Островский А.В. Выступление. Материалы круглого стола «Крепостное право и крепостничество в России. Дискуссионные проблемы» // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. – СПб., 1997. – С.20-21; Шепелев Л.Е. Выступление…// Там же. – С.36.

ванием крестьян этого периода был уход от помещика под власть царя, то есть переход в разряд государственных крестьян[8].

Во-вторых, народный царь стал нужен крестьянам для защиты их локальных миров от притесняющего государства, основу которого составляли те же дворяне. Поэтому враждебность в это время усилилась не только к помещикам, но и к начальству, а так же в целом к самой идее либеральных преобразований, несущих крестьянам лишь одно зло. Все это хорошо объясняет резкое усиление тяги крестьянства к древнему земледельческому идеалу вольной догосударственной жизни.

Осознав враждебность народа ко всем нововведениям за исключением ликвидации крепостного права, и, одновременно, уяснив кровную заинтересованность дворянства в его сохранении, власть остановилась в своих преобразованиях. Характеризуя сложившуюся тупиковую ситуацию, А.И. Герцен писал об Александре I, что он желал улучшений, но не знал как к ним приступить. Предпринимая попытки двигаться по либеральному пути, он терял опору в социально значимых слоях – и у дворянства, и у крестьян[9].

В конце XVIII – начале XIX в. возник и третий социальный раскол – между правящей элитой и частью духовной элиты. Представители последней постоянно шли к либерализму, тогда как правящая элита вынуждена была обращать внимание на соотношение всех социальных сил и поэтому страшилась, прежде всего, накопления социокультурных противоречий, понимая неустойчивое положение либерального идеала в такой стране, как Россия[10].

Три формы социального раскола породили в обществе рост массового дискомфортного состояния, что неизбежно вызвало стремление отойти от господствующего либерального идеала к противоположному – идеалу умеренного авторитаризма.

Результаты исследования позволяют признать, что в лоне либеральной волны, проходившей в конце XVIII – начале XIX в., власти и «обществу» все же удалось сделать *определенный минимум, необходимый для развертывания модернизации в обществе*.

Следующий шанс решения модернизационных проблем и ловушек был дан российской власти в драматической ситуации середины XIX в. Ее проясняют бурные правительственные и общественные де-

[8] См.: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 200–205.
[9] См.: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 199.
[10] См.: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 196–200.

баты об освобождении крестьян, проходившие в то время. Они затронули целый круг проблем: предпочтение и сочетание в будущем аграрном строе России крупного и мелкого типов хозяйства, дилемма экономического прогресса и социальной стабильности, выбор между фритредерством и принципом правительственной регламентации хозяйственной жизни, эволюция от общинного к личному крестьянскому землевладению, становление института частной собственности и, наконец, порядок и принципы освобождения крестьян[11].

Ход дискуссий предопределялся основополагающим тезисом о недопустимости превращения крепостных в настоящих рабов, в частную собственность хозяев, так как этому препятствовал более высокий, чем в XVIII столетии уровень нравственной и социальной жизни общества. Поэтому оставалось только два пути: или надо было восстановить старый крепостной строй, а с ним и общественно-правовой характер отношений между крестьянами и дворянами, или провести в жизнь так называемое освобождение крестьян, то есть надо было перерезать существующие связи между крестьянами и помещиками[12]. Первый путь означал автоматическую утрату дворянством гражданской свободы, дарованной ему Жалованной грамотой 1785 г., и, следовательно, остановку всей модернизации страны. Движение в этом направлении было равносильно самоубийству, и поэтому оставался только единственно возможный – второй вариант, хотя и он был небезупречен с точки зрения формального толкования либеральных ценностей и, в первую очередь, понимания права собственности.

В ходе осмысления путей будущей крестьянской реформы выдвигались различные проекты и формировались принципиальные позиции.

Обязательно следует назвать самые крайние предложения, поступившие в тайные комитеты по крестьянской проблеме еще в период царствования Николая I и тогда же отклоненные, как неприемлемые: «с одной стороны, личное освобождение крестьян без передачи им земли, с другой стороны, отобрание земли у дворян для наделения ею крестьян»[13]. И то, и другое представлялось невозможным по социально-политическим и моральным соображениям. Кроме того, любой решительный шаг в одном из этих направлений грозил разрушить

[11] См.: Долбилов М.Д. Земельная собственность и освобождение крестьян // Собственность на землю в России: История и современность / Под общей ред. Д.Ф. Аяцкова. – М., 2002. – С. 45.
[12] См.: Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. – М., 1995. – С. 146.
[13] Там же. – С. 146.

сложную идеологическую конструкцию самодержавия, опорой которой стали две, на первый взгляд, взаимоисключающие, мифологемы: о Царе-батюшке, радеющем за крестьянскую Правду и государе-императоре – защитнике и глашатае интересов дворянства, то есть тех, кто в XVI–XVII веках называл себя «всей землей»[14]. Угроза пролетаризации крестьянства, в которой тогда видели главную опасность для общественной морали, социальной стабильности и трона[15], со временем несколько видоизменила обозначенную антитезу.

В преддверии реформы спор велся уже между двумя моделями переустройства земельно-правового режима. Патерналистская модель, основанная на принципах неприкосновенности помещичьей собственности на землю и корпоративной ответственности за административный порядок в имении, трудовую занятость земледельческого населения, эффективность аграрного хозяйства, была детищем аристократической оппозиции реформам[16]. Однако большинство помещиков ориентировалось на формулу переустройства, которую современники часто характеризовали словом «развязка», то есть разведение двух сословий в экономическом и правовом отношениях.

Курс на «развязку» находился в русле официальной политики[17] и стал возможен в силу особенностей дворянского правосознания, которое хотя и воспринимало землю, как частную собственность, но все же рассматривало ее отчуждение как нечто законное по сравнению с ограничением права собственника распоряжаться собственностью[18]. Последнее в определенной степени имело место в тогдашних земельно-правовых отношениях (например, закон от 1853 г. запрещал помещикам сдавать в аренду свои имения, если на них имеются крепостные) и попытки сделать нечто большее в этом направлении воплощались в многочисленных проектах об ограничении права помещиков распоряжаться своими поместьями.

Эти обстоятельства не могли не вызвать в дворянской среде некоторой обеспокоенности по поводу перспектив правительственной регламентации поземельных отношений, при удержании за помещиком крепостнических обязанностей. В результате произошел резкий смысловой сдвиг в видении земельной собственности. Безвозвратное

[14] См.: Долбилов М.Д. Указ. соч. – С. 57–58; Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 252–266.
[15] См.: Долбилов М.Д. Указ. соч. – С. 84–85.
[16] См.: Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середины 1870-х гг. – М., 2002; Долбилов М.Д. Указ. соч. – С. 152.
[17] См.: ГАРФ, ф. 722, оп. 1, д. 354, л. 7.
[18] См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 195.

отчуждение части земли в пользу крестьян приобрело значение помещичьей платы за снятие с остальной земли имения различных стеснений и ограничений и за действительную свободу распоряжения.[19] Таким образом, дворяне добивались укрепления частной земельной собственности, которой можно было бы распоряжаться по личному усмотрению, но в их представлениях создание этой собственности больше связывалось с решениями благодетельной и щедрой власти, чем с индивидуальными усилиями владельцев. Это приводило к завышенным надеждам на предпринимательские успехи после «избавления» от крестьян. На самом деле «радостный сельскохозяйственный апофеоз»[20] был неуместен на фоне неподготовленности землевладельцев к буржуазным преобразованиям в деревне.

Дело в том, что крепостнический режим превращал помещика не столько в хозяйствующего землевладельца, сколько в организатора крестьянского труда и поэтому лишал конкретного и предметного наполнения идею земельной собственности как таковую. Помещик не мог помыслить легальных способов распоряжения всей своей землей, независимых от способов распоряжения крепостными душами. Поэтому образ земельной собственности не имел в глазах дворянства яркой эмоциональной окраски. Оно самоидентифицировало себя скорее в роли душевладельцев, чем землевладельцев[21]. Причем, это имело место несмотря на то, что крестьянские хозяйства и дворянские имения в большинстве случаев не были полностью разъединены друг от друга как производственные единицы и поэтому образовывали специфическую земельную систему «латифундия – надел»[22]. Она включала общие земельные и лесные угодья, водные и иные ресурсы, чересполосное хозяйство.

«Развязка» мыслилась поместным дворянством только как выкупная операция, так как «земля, которой пользовались крестьяне до 1861 г., была признана полной собственностью помещиков»[23]. Власть же попросту проигнорировала ту часть правосознания крестьян, согласно которой земля всегда была царской, то есть государственной. Царь, – согласно этим представлениям, – отдавал землю крестьянам,

[19] См.: Долбилов М.Д. Указ. соч. – С. 152.
[20] Салтыков-Щедрин М.Е. Убежище Монрепо // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 10 т. – М., 1988. – Т. 6. – С. 308.
[21] См.: Долбилов М.Д. Указ. соч. – С. 47.
[22] См.: Гефтер М.Я. . Многоукладность – характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России... – Свердловск, 1972. – С. 88–89.
[23] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – СПб, 1991. – Т. 1. – С. 390.

а затем предоставлял крестьян с землей дворянам для того, чтобы те могли служить царю. По мнению крестьян освобождение состояло в том, что они избавлены от барщины и от оброка, и это представлялось им вполне логичным и справедливым: ведь господ давно уже освободили от обязательной службы. Если же они после этого добровольно вступали на государственную службу, то за это получали жалование наличными и поэтому не нуждались более в том, чтобы крестьяне их кормили. Но в отношении правового положения земли ничего не изменилось. Земля принадлежала царю, крестьянин ее обрабатывал и поэтому вполне естественно, государство предоставляло крестьянину землю[24].

Пойдя наперекор крестьянскому правосознанию в вопросе легитимности права помещиков на землю, власть, как ей казалось, пошла с ним на компромисс (хотя весьма и незначительный) в этом праве для крестьян. Компромисс этот заключался в том, что разработчики реформ признавали за крестьянским сословием его право на присвоение усадебной и надельной земли, как неотъемлемый сословный атрибут, хотя форма присвоения (полная собственность, владение или пользование) могла материализоваться только в результате бюрократической интерпретации. Это было очень важное для реформаторов положение, главным образом, по двум причинам.

Во-первых, несмотря на попытку законодателя в статьях 33, 37 Общего положения и 159, 165 Положения о выкупе подчинить условия собственности для крестьян всеобщему российскому гражданскому праву, то есть положениям 10 тома Свода законов Российской империи[25], со временем распространилось и стало господствующим мнение о том, что собственность крестьян на землю принципиально отличается от собственности на землю других сословий. Согласно такому пониманию, земля, предоставляемая крестьянам, является имуществом, которое дается им для решения государственной задачи, то есть для того, чтобы обеспечить их существование именно как крестьян[26].

---

[24] См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 221.

[25] См.: Высочайше утвержденное положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г. (ПСЗРИ.- Собр.2-е.- Т.XXXVI- Отд.I - № 36657); Высочайше утвержденные положения о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии в собственность полевых угодий от 19 февраля 1861 г. (ПСЗРИ.- Собр.2-е.- Т.XXXVI- Отд.I - № 36659).

[26] См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 201.

Желание закрепить сословный статус крестьян через предоставление им земли выступало инструментом противодействия весьма распространенным опасениям и страхом перед мобильностью юридически свободного крестьянства и распадом однородной крестьянской массы. Поэтому в осмыслении крестьянского права земельной собственности возобладала парадигма «крепости» крестьян надельной земле в идеологическом обрамлении мифа об исторической нерасторжимости земледельца и почвы[27].

Тем самым реформаторы не сумели (или не захотели) выработать единой надсословной концепции частной земельной собственности. Уже на ранних стадиях законотворчества был упущен шанс опереться на целостное, свободное от категории сословности, представление о частной земельной собственности. В своем качестве землевладельцев помещик и крестьянин виделись реформаторам сосуществующими в разных правовых пространствах.

В предоставлении крестьянам права присвоения земли большую роль сыграли финансовые задачи выкупной операции, которые поначалу порождались поиском путей спасения казенных банков, поставленных на грань банкротства массовым отливом вкладов, а затем приобрели более комплексный и стратегический характер. Выкуп, раньше или позже, закреплял за помещиками и крестьянами их функциональные свойства: за первыми – держателя долгосрочных ценных бумаг и получателя рантьерского дохода, а за вторыми – заемщика казны и плательщика процентов по государственным кредитным обязательствам[28]. Все это привело к тому, что ввиду необходимости выплачивать выкупные платежи и проценты за ссуду государству, зависимость от него бывших помещичьих и удельных крестьян в экономическом отношении даже увеличилась по сравнению с дореформенным периодом[29].

Выполнить финансовые задачи было легче, переведя крестьян на положение должников казны целыми селениями, с коллективным ручательством за долговые взносы. Круговая порука общины, следовательно, была подключена к формированию нового рынка государственных кредитных обязательств и оттого приобрела в глазах рефор-

[27] См.: Долбилов М.Д. Указ. соч. – С. 150–151.
[28] См.: Там же. – С. 136.
[29] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – СПб., 1998. – Т. 1. – С. 391.

маторов дополнительную «легитимность», которую ей не могла дать экономическая концепция общинного землевладения сама по себе[30].

Парадигма прикрепления крестьян к надельной земле и одновременное лишение их субъективного права собственности на нее возникла из двойственного опасения. С одной стороны, власть считала, что если бы крестьянин получил право распоряжаться своим наделом, он мог бы его продать и стать пролетарием, а это по представлениям того времени, было главной опасностью нравственным и политическим устоям государства.[31] С другой стороны, признание за крестьянами права частной собственности в инверсионном сознании крестьян приняло бы модернизированную форму права крестьян на всю землю помещиков.

Исследование показало, что государственная власть в ходе Крестьянской реформы создала новую форму крепостничества - государственно-корпоративное давление на крестьян, при котором государство посредством традиционных институтов обеспечило перекачку прибавочного, а иногда и необходимого продукта непосредственных производителей в государственно-капиталистический, капиталистический и помещичий уклады. Российское крестьянство при этом выполнило функцию «внутренней колонии» – периферийной сферы собственно капиталистических укладов, которые могли успешно развиваться только при наличии зон, их обслуживающих[32]. *Россия, не будучи классической колониальной империей, могла развивать капитализм только посредством архаизации части собственного общества*, ибо капитализм не может существовать без более или менее крупной буферной «архаической» части, соками которой он питается. И прежде всего объектом этой архаизации стало крестьянство. Именно после реформы 1861 г., открывая простор для развития капитализма, само царское правительство укрепляет крестьянскую общину.

Царизм, начав в деревне буржуазную модернизацию в феодально-крепостнической оболочке[33], вынужден был искать и соответствующее идеологическое обоснование. Оно было найдено в построении дуалистической мифологемы: с одной стороны, перед нами мудрый законодатель, неуклонно и беспристрастно проводящий реформы на фоне исторически сложившейся реальности, а с другой – любимый

[30] Долбилов М.Д. Указ. соч. – С. 135.
[31] См.: Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. – М., 1995. – С. 216.
[32] См.: Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск, 1992. – С. 97.
[33] См.: Захарова Л.Г. Отечественная историография о подготовке крестьянской реформы 1861 г. // История СССР. – 1976. – № 4. – С. 63–64.

монарх и отец, который дает щедрый дар и осчастливливает обожающих его поданных, чем устраняет все межсословные раздоры. Вполне понятно, что без некоторых шагов навстречу крестьянству вся эта помпезная конструкция могла рухнуть.

По всей видимости, реформаторы в определенной мере осознали, что вектор истории пошел в обратном от авторитарного идеала направлении. Если образованное общество в целом основным ориентиром избрало либеральные ценности, то рост утилитаризма, самосознания, активности крестьянства парадоксальным образом приводил к тому, что оно отслаивалось от государственности, отпихивалось от нее, пытаясь построить свою жизнь на принципах догосударственности.

На повестку дня встал вопрос о новом идеале, гибридном по своей структуре, так как он включал в себя, как ипостаси исходные нравственные идеалы, различие между которыми этот идеал и должен был скрыть. Такими ипостасями явились вечевой и либеральный идеалы, взятые в усеченном одностороннем виде с определенным уровнем взаимонедопонимания и взаимного страха, с нападками со стороны носителей классических идеалов. Следовательно, такой гибридный идеал мог существовать только тогда, когда различия двух его сторон не достигали некоторого порогового состояния. А это стало возможным только благодаря напряженной социальной и психолого-идеологической деятельности правящей элиты по созданию такой конструкции, которая, опираясь на некоторую культурную потребность общества в интеграции, «отводила глаза» от реального раскола и строила его иллюзорный образ[34].

Ярким примером воплощения созданного гибридного идеала явилось отношение общественного сознания к Манифесту 19 февраля 1861 г. Характеризуя его в своей докладной записке, губернатор Могилевской губернии контр-адмирал Зарин писал, что манифест принят в Могилевской губернии в целом со спокойствием: «Помещики… Положением… довольны: многие из них открыто высказываются, что ожидали гораздо больших усечений своим интересам, с другой стороны крестьяне еще не могут понять своего будущего; в настоящем же они видимо ожидали больших льгот»[35]. Двойственность общественного сознания зафиксировал в своей записке и П.А. Валуев, когда указал на крайне затруднительное положение мировых посредников,

[34] См.: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 254–257.
[35] ГАРФ, ф. 722, оп. 1, д. 342, л. 2.

которые «поставлены между крестьянами, часто не понимающими нового своего положения, и помещиками, часто не желающими понимать нового порядка вещей или медленно и с трудом к нему привыкающими»[36].

Не менее значительным шагом антиавторитарной волны явился организованный самой же властью рост реальной социальной силы общины, блокирующей во многих случаях проявления крестьянами личностного начала или же направляющей его в русло освобождения от обременительной обязанности воссоздавать большое общество и государство. Реформаторы при этом не смогли спрогнозировать многие последствия своей преобразовательной деятельности.

Между крестьянами и государственным аппаратом исчез амортизирующий слой помещиков. Это означало, что раскол между народом и властью пришел к более глубокой стадии. Реформаторы сами вложили в руки локальных общинных структур потенциальное оружие борьбы с государственной властью – санкционированные свыше властные полномочия. В результате, соединение традиции с общественной функцией в условиях поворота массового сознания крестьян к соборному идеалу превратилось в материальную силу этой инверсии. Ренессанс общины привел к консервации традиционного крестьянского менталитета, с особенностями которого был связан следующий шаг социокультурной инверсии. Он заключался в разрушении в народном сознании мифического представления о царе-тотеме, превращении его в антитотем, разоблачение его как оборотня, носителя зла.

Во второй половине XIX в. в России был выбран курс на проведение форсированной индустриализации. Он объяснялся попыткой правительства ликвидировать стадиальное отставание общества, вырваться из межсекторного разрыва, обусловленного нарастающим аграрным перенаселением и тупиковостью российского земледелия и, тем самым, укрепить самодержавие.

Ситуация была весьма противоречивой. С одной стороны, индустриализация, осуществляемая достаточно быстро, давала России шанс стать равноправным членом группы великих держав, фактически поделивших к началу XX столетия мир на сферы влияния. С другой стороны, при осуществлении такого курса надо было преодолеть

[36] Записка П.А. Валуева Александру II «О положении крестьянского дела в начале сентября 1861 г.» от 15 сентября 1861 г. // Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). – СПб., 1999. – С.85-86.

и немало серьезных препятствий, чреватых социальными потрясениями[37]. Главными проблемами, стоящими на пути индустриализации России были относительная слабость частного предпринимательства, отсутствие значительных капитальных ресурсов, действенной системы аккумулирования и межотраслевого перелива капитала (через банки и фондовые биржи)[38]. К этому следует добавить также узкий внутренний рынок страны и ограниченный доступ на внешний[39].

Все это предопределило исключительную роль государства в решении задач индустриализации, что, однако, не означает, что существовала безальтернативность ее форсированного варианта. Государство тогда могло пойти и по-другому пути – реализовать народническую модель «народного производства»[40].

В модели форсированного развития ведущая роль отводилась отраслям тяжелой промышленности, которые, «как правило, обслуживали не массовый рыночный спрос, а отличались весьма концентрированным сбытом, работая в значительной мере на казну и железнодорожное хозяйство»[41]. И поэтому именно эти отрасли в первую очередь развивались «под сенью правительственного протекционизма и усиленной таможенной охраны, что обеспечивало высокий уровень цен на внутреннем рынке и огромную предпринимательскую прибыль, способствовавшую быстрому накоплению капитала»[42]. Динамика изменения стоимости продукции по основным подразделениям промышленности показывает, что с 1887 по 1900 г. рост этого показателя в тяжелой промышленности (361%) значительно опережал таковой в легкой промышленности (179%). В результате, удельный вес стоимости продукции тяжелой индустрии за указанный период изменился с 30% до 46,5%[43].

По мере развития и дальнейшего укрепления капиталистического товарного производства становилось все более очевидным, что без твердой денежной валюты стране не обойтись. Выразителем этой идеи стал министр финансов Н.Х. Бунге. Но непосредственно денежная реформа была осуществлена под руководством следующего ми-

[37] См.: Мау В. Реформы и догмы. 1914–1929. – М., 1993. – С. 14.
[38] См.: Там же. – С. 14–15.
[39] См.: Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. – СПб., 1998. – С. 197–207.
[40] См.: Там же.
[41] Лившин Я.И. Монополии в экономике России (Экономические организации и политика монополистического капитала). – М., 1961. – С. 20.
[42] Там же.
[43] См.: Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. – М., 1955. – С. 187.

нистра финансов – С.Ю. Витте. В январе 1895 г. Госбанк, в качестве эксперимента, получил право покупать и продавать золотые монеты по биржевому курсу. При заключении других торговых сделок оплата могла производиться золотом или кредитными билетами. В 1897 г., несмотря на возражения широких финансовых кругов, по указу императора «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет» действовавший до этого временный курс обмена кредитных денег (1:1,5) был закреплен бессрочно в соответствии с фактически установившимся курсом за последнее десятилетие перед реформой[44]. В результате «к концу 1901 года в обращении находилось золотой монеты на 695 млн. руб., серебряной – на 161,6 млн., новых кредитных билетов – на 630 млн., в том числе, в кассах Госбанка – 88 млн. В это же время запасы золота в Государственном банке и казначействе достигли 830 млн. руб., запасы серебра – 62 млн [45].

В целом российская денежная система, основанная на золотом стандарте, характеризовалась устойчивостью и основательностью. Золотой запас почти всегда был выше суммы выпущенных кредитных билетов, а право на эмиссию 300 млн. руб. без покрытия, как правило, оставалось не использованным, Государственный банк в предшествующие Первой мировой войне годы имел излишек золота от 240 до 300 млн руб.[46].

Последствия введения золотого обращения для развития капитализма были достаточно противоречивы.

С одной стороны, упрочился государственный кредит России за границей и возникла устойчивая база для внешней торговли, финансовых и кредитных отношений с другими странами. Особенно облегчился приток иностранных капиталов, которые, проникая в основные отрасли тяжелой промышленности, способствовали процессу индустриализации. Средний ежегодный приток иностранных инвестиций в России до введения золотого стандарта (1885–1897 гг.) составлял 43 млн. руб.; в период золотого стандарта (1897–1913 гг.) он составлял 191 млн. руб., то есть увеличился почти в 4,4 раза[47]. В России к

[44] См.: Белоусов Р.А. Государственный бюджет дореволюционной России // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд.- М.,2001. – С. 48–49.
[45] Там же. – С. 49.
[46] См.: Тюшев В.А. К вопросу о состоянии и особенностях денежного обращения России в конце XIX – начале XX века // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд.- М.,2001. – С. 60.
[47] См.: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв.). Новые подсчеты и оценки. – М., 2003. – С. 41

концу столетия имелось 115 иностранных акционерных обществ, и их капиталы составляли 52% от всех акционерных капиталов в стране[48]. Российская свободно конвертируемая денежная единица превратилась в одну из самых авторитетных и стабильных валют на мировом денежном рынке[49].

С другой стороны, денежная реформа С.Ю. Витте практически вела к замораживанию огромных сумм в Государственном банке в виде золотого фонда, совершенно ненужного в таких размерах для обеспечения беспрепятственного размена, особенно в стране с активным торговым балансом, какою неизменно являлась Россия с 1880-х годов. Политика насильственного внедрения в оборот золотой монеты вместо банкнот обошлась государству в несколько сот миллионов рублей, тезаврированных населением во время Первой мировой войны: к концу 1916 г. в обращении оставалось 436 млн. руб., которые так и не вернулись в кассы Государственного банка. В результате, реформа отвлекла от индустриализации огромные средства, принеся в жертву идее конвертации рубля интересы внутреннего рынка, увеличила вдвое внешний долг и побудила к увеличению вывоза зерна и других сырьевых товаров[50].

Сравнение плюсов и минусов реформы показывает, что «увеличение ежегодного прироста производства составило 0,5%, а потери равнялись 0,1%» и поэтому «уровень экономического роста после 1897 г. намного превышает те потери, которые связаны с созданием золотых резервов»[51].

Осуществленная денежная реформа, несмотря на всю свою видимую рыночность, в первую очередь, отразила довольно высокую степень вмешательства государства в экономические процессы страны.

К началу XX в. состояние раскола российского общества вступило в свою зрелую форму. Ее особенностью явилось добавление (и переплетение) к старым направлениям раскола новых, вызванных к жизни индустриализацией и монополистическим капитализмом. И теперь разрешение возникших противоречий требовало еще более взвешенных решений власти, чем прежде.

---

[48] См.: Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. – М., 1955. – С. 202.
[49] См.: Тюшев В.А. Указ. соч. – С. 59.
[50] Амосов А.И. Эволюция денежной системы России // Вопросы истории. – 2003. – № 8. – С. 94–95.
[51] Грегори П. Указ. соч. – С. 43.

В связи с этим весьма спорным представляется тезис о том, что политические требования общественности обгоняли готовность народа к демократии и реформам[52]. Сельские и городские низы поразному относились к различным реформам. Те из них, которые шли на встречу их нуждам и чаяниям находили в их среде полное одобрение и понимание[53]. Кроме того, говорить о том, на что ориентируются народные массы, можно только при условии предоставления им условий в реализации своих планов. Однако власть на протяжении императорского периода своими действиями (или бездействием) тормозила формирование этих условий и, в первую очередь, задерживала просвещение и гражданско-политическое воспитание народа.

Власть понимала, что ключом в реформировании социально-политической жизни страны является разрешение крестьянского вопроса и что господствующее положение в деревне в экономическом и социальном отношениях занимало «среднее» крестьянство, ведущее полунатуральное, потребительское, семейно-трудовое хозяйство. Однако выводы из этого руководством страны, хоть и после некоторого колебания, были сделаны в рамках лишь одной альтернативы - либеральной.

Однако небуржуазное содержание крестьянского хозяйства могло обеспечить возможность свободной недепрессивной формы модернизации крестьянского уклада в виде кооперации, «потому, что в России благодаря исключительному стечению обстоятельств, сельская община, еще существующая в национальном масштабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в нацио-

---

[52] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 227.

[53] Так произошло с учреждением мировых судов, которые дали народу уникальную публичную трибуну для выражения его взглядов. Истцы из простонародья сознательно старались использовать публичность или, так сказать, театральность слушания дела и прилагали усилия, чтобы утвердить свое достоинство и право на уважение. При чем, «вопреки господствовавшему среди членов современного им общества мнению, рабочие не только использовали суды, но и продемонстрировали, что они в состоянии разобраться в процессе судопроизводства…» Противоположную картину мы наблюдаем в страховании промышленных рабочих. Когда в 1912 г. был принят пакет законов о государственном страховании рабочих, то реализация этих законов затянулась по причине изначального бойкота больничных касс рабочими, которые считали установленную систему взносов несправедливой. См.: Нюбергер Дж. Власть слова: Рабочие против хозяев в мировых судах // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. – СПб., 1997. – С. 263, 266. Ашмарина С.В. Страхование рабочих Урала накануне Первой мировой войны // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность / Под. ред. А.В. Бузгалина и др. – М., 2002. – С. 140–146.

нальном масштабе. Именно благодаря тому, что она является современницей капиталистического производства, она может усвоить его положительные достижения, не проходя через его ужасные перепетии»[54].

При кооперации, то есть при свободной «вертикальной» концентрации аграрного производства происходит расщепление производства как бы на два яруса: мелкое крестьянское хозяйство служит основой для крупного агропромышленного производства, организованного на кооперативных началах. Мелкий производитель в полной мере сохраняет свою собственность, выступая собственником в двух лицах – и как собственник индивидуального хозяйства с его уменьшившимися производственными функциями и как член коллектива собственников кооператива. Это сообщество собственников выполняет коллективно производственные функции, отщепленные от прежде целостных индивидуальных крестьянских предприятий. В результате традиционная по преимуществу экономика с ее потребительскими в основном установками экономической деятельности приобретает новое качество, преобразуясь в экономически более эффективную форму производства (с меньшими издержками производства), ориентированную на работу на широкий рынок[55].

Воплощая данную тенденцию, российская кооперация возникла в середине XIX в. и в отличие от Англии, она действовала в основном в деревне. В первую очередь, стали создаваться производственные кооперативы, главным образом, артельные сыроварни. Вслед за ними началось учреждение потребительских обществ и ссудосберегательных товариществ. Эти товарищества имели неограниченную ответственность, отвечали за долги личным имуществом и потому им доверяли и вкладчики, и кредиторы. Особенно выгодными кредитные товарищества оказались средним крестьянам. Они могли получить в год до 50 рублей по 5–7% годовых. С 1895 г. Они перешли на беспаевое начало, получая деньги для создания капитала из Госбанка[56].

Всего на 1 января 1901 года число кооперативов составило: кредитные – 837, потребительские – 600, сельскохозяйственные общества – 137, маслодельные артели – 51. С началом Столыпинской реформы рост кооперативов резко ускорился и к 1914 г. насчитывалось

[54] Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич. – Первый набросок // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1961. – Т.19. – С.401.

[55] См.: Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации // Чаянов А.В. Избранные произведения. – М., 1989. – С. 190.

[56] См.: Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. – С. 15.

более 30 тыс. кооперативных объединений различных видов с числом членов свыше 10 млн. человек. Такое чрезвычайно быстрое распространение кооперации было не только защитной реакцией общинно организованной деревни на усиление рыночных отношений и развитие капитализма, но и способом их использования в попытке проведения «свободно-вертикальной» модернизации деревни[57].

Результаты были впечатляющими. Сибирский союз маслодельных артелей, возникший в 1909 году, включал в сферу своей деятельности не только переработку и сбыт масла на внутреннем рынке, но и непосредственные отношения с внешним рынком. Такой же размах деятельности был и у другого сибирского союза потребительской кооперации – Закупсбыта. Эти крупнейшие организации успешно конкурировали с частным капиталом, интенсивно, легко, «без боли» вытесняли его в период первой мировой войны[58].

Выгодной кооперацию считали не только миллионы крестьян, но и крупная российская буржуазия, которая видела в ней эффективного посредника между финансовым и промышленным капиталом, с одной стороны, и мелкотоварным укладом, с другой. Густая сеть кооперативов представляла для фирм и заводов огромный и надежный рынок сбыта товаров.

В правящих кругах существовало течение, представители которого считали возможным покровительствовать развитию земледельческих артелей. В первую очередь это сделала правительственная и околоправительственная печать: «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Журнал министерства государственных имуществ», «Земледельческая газета», «Труды императорского вольного экономического общества»[59]. Так, «Вестник финансов, промышленности и торговли» был одним из тех изданий, которые в 1890-х годах приняли участие в рекламе шадринских артелей и артелей Н.В. Левицкого, которые пользовались покровительством великой княгини Елизаветы Федоровны[60].

---

[57] См.: Рязанов В.Т. Указ. соч. – С. 342–343.

[58] См.: Кабанов В.В. Кооперация как канал взаимодействия различных социально-экономических укладов // Вопросы истории капиталистической России... – Свердловск, 1972. – С. 102.

[59] См.: Гриценко И.Ф., Меркулов А.В. Систематический указатель русской литературы по кооперации. 1856-1924. – М.,1925.

[60] См.: Островский А.В. Царизм и проблема земледельческих артелей в конце XIX – начале XX веков // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузовский тематический сборник научных трудов. – Калининград, 1987. – С.78.

Вопрос о земледельческих артелях поднимался в 1895 г. на заседаниях Вольного экономического общества, в 1901 г. на съезде деятелей агрономической помощи местному хозяйству, созванном под контролем Министерства земледелия и государственных имуществ, в 1902 г. на заседании Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, проходившего под председательством С.Ю. Витте[61]. Не смотря на то, что большинство местных комитетов Особого совещания высказалось против устройства земледельческих артелей, юридически они были включены в Положение о трудовых артелях и пользовались поддержкой созданного в 1905 г. Министерством финансов Общества содействия артельному делу в России[62].

Однако эти артельные начинания встретили противодействие со стороны большинства представителей правящих верхов и *власть пути постепенного кооперирования села предпочла депрессивный путь, то есть через резкую социальную дифференциацию, пролетаризацию и пауперизацию деревни, разрушение общинного строя, попытку концентрации производства в руках зажиточных крестьян.* Такой выбор был вызван несколькими причинами.

На поверхности лежал чисто политический мотив: до и во время революции 1905–1907 гг. община возглавила крестьянские беспорядки и поэтому, потеряв веру в ее лояльность, правительство сделало ставку на индивидуальные крепкие хозяйства и ради этого приняло ряд мер, стимулирующих выходы из общины[63]. Постулат о социально-политической лояльности общинного крестьянства впервые был подвергнут сомнению С.Ю. Витте в одном из своих выступлений на заседании Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности по итогам волнений в Константиноградском уезде Полтавской губернии весной 1902 г.[64]. К 1906 году эта позиция приобрела еще более сильное звучание. Тем самым была окончательно

---

[61] См.: Земледельческие артели Херсонской губернии. – СПб., 1896; Труды съезда деятелей агрономической помощи местному хозяйству. 10-19 февраля 1901 г. – М., 1901. – Ч.1; РГИА, ф.1233, оп.1, д.7 (Проект программы занятий Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, 15 февраля- 17 мая 1902 г.)

[62] См.: Положение об артелях трудовых от 1 июня 1902 г. // ПСЗ РИ. – Собр.3-е. – Т.XXVI. – Отд.I; Устав Общества для содействия артельному делу в России от 18 августа 1905 г. // ПСЗ РИ. – Собр.3-е. – Т.XXV.

[63] См.: Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 → 1917 –1922 гг. – М., 1997. – С. 170–200.

[64] См.: Корелин А.П. Корелин А.П. . Столыпинская аграрная реформа в аспекте земельной собственности // Собственность на землю в России: История и современность. – М., 2002. – С. 255.

реанимирована тенденция, охарактеризованная еще в 1861 г. П.А. Валуевым в записке Александру II: «…Постепенный переход от общинного или душевого начала к участковому, или подворному, важен не только в хозяйственном отношении, но и в видах охранения общественного порядка. На разряд самостоятельных домохозяев легче действовать, чем на всю массу сельского населения, и в них легче находить опору охранительным мерам правительства». На эту мысль П.А. Валуева Александр II сделал на полях помету: «Справедливо»[65].

Новый курс аграрной политики окончательно сформировался на I съезде уполномоченных дворянских обществ 29 губерний, открывшемся 21 мая 1906 г. Данный съезд сформировал ясную позицию дворянства, предложив ее в качестве программы правительству: «Переход от общинной к личной собственности, расселение крупных деревень, уничтожение внутри-надельной чересполосицы, переход к хуторской системе»[66]. Что касается П.А. Столыпина, то он давно был готов к осуществлению такой программы и даже подготовил соответствующее идеологическое обеспечение. Представляя указ 9 ноября 1906 года[67] на рассмотрение Думы, П.А. Столыпин подчеркивал, что насаждение «крепкого личного собственника в деревне» необходимо для переустройства нашего царства, переустройства его на крепких монархических устоях, для создания преграды развитию революционного движения»[68]. Это подкреплялось и формально-правовыми доводами – тем, что манифестом от 3 ноября 1905 г. (имевшим вынужденный характер) отменялись выкупные платежи[69] и поэтому вступали в силу заблокированные законом 14 декабря 1893 г. статья 12 Общего положения о крестьянах и статья 165 Положения о выкупе 1861 г., согласно которым каждый член сельского общества мог требовать

---

[65] Записка П.А. Валуева Александру II «О положении крестьянского дела в начале сентября 1861 г.» от 15 сентября 1861 г. // Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). – СПб., 1999. – С.

[66] Цит. по: Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории.– 1997.– № 6.– С. 48.

[67] См.: Именной Высочайший Указ от 9 ноября 1906 г. данный Сенату «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». (ПСЗРИ – Собр. 3-е. – Т. XXVI – Отд.I - № 28528).

[68] См.: Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия…: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете: 1906–1911. – М., 1991. – С. 179.

[69] См.: Именной Высочайший Указ, данный Сенату 3 ноября 1905 г. «Об уменьшении и последующем прекращении выкупных платежей с крестьян бывших помещичьих, государственных и удельных» (ПСЗРИ.- Собр. 3-е.- Т. XXV-Отд.I- №26872).

выделения ему участка надельной земли в личную собственность соразмерно с долей внесенного выкупного платежа[70].

Исследование показывает, что за фасадом острой политической необходимости стояли и более глубокие причины. Они были связаны со взглядами правящей элиты на дальнейшие пути развития страны. Социально-экономический аспект этой проблемы был зафиксирован в известной «Записке по крестьянскому делу» С.Ю. Витте. В ней он утверждал, что община является исторически преходящим институтом, исчерпавшим свое прежнее назначение и несовместимым с современной капиталистической стадией развития общества. Она не решает социальных проблем, так как не предохраняет крестьян от социального расслоения, пролетаризации и измельчения наделов. В экономическом отношении она, по взглядам С.Ю. Витте, является непреодолимым препятствием к улучшению земледельческой культуры, ибо временность владения воспитывает самые хищнические приемы эксплуатации земли. Не может она служить и основой для создания кооперации[71].

Задача правового характера виделась реформаторам в том, чтобы общественно-юридическое право на обеспечение землей заменить субъективным правом собственности. А это предполагало устранение института семейной собственности, то есть подворного имущества, превращение его в частную собственность домохозяина в некоторых случаях и других членов двора[72].

Столь радикальный правовой шаг был необходим по взглядам реформаторов для того, чтобы, во-первых, поднять экономическую эффективность крестьянского хозяйства, «как наиболее действенное средство улучшения частновладельческих имений»; во-вторых, развить у крестьян «инстинкт» собственности[73], и, в-третьих, устранить саму юридическую основу (общественно-юридическое право на обеспечение землей) революционного правосознания, которое включает требование обеспечить землей и решимость его реализовать. Очевидно, если крестьяне превращаются в собственников, тем самым такие требования в отношении государства теряют всякое правовое и психологическое обоснование. Тем самым теряются и все предпосылки для революционного подхода к положению[74].

---

[70] См.: Корелин А.П. Указ. соч. – С. 274.
[71] См.: Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. – СПб., 1905.
[72] См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 289.
[73] См.: Корелин А.П. Указ. соч. – С. 254.
[74] Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 289.

Однако реформаторы не учли серьезные объективные обстоятельства, препятствующие реализации их планов. Одним из них был уровень развития сельского хозяйства в России. Он «был столь низок, что в чисто экономическом плане община, как это ни парадоксально, не изжила себя»[75]. Факты не подтверждали, что на общинных землях хозяйство велось хуже[76].

По анкетным данным Вольного экономического общества хозяйства хуторян и отрубников в массе своей мало чем отличались от общинных. По свидетельству П.Н. Першина, переход к участковому землепользованию далеко не везде вел к агрикультурному прогрессу. Например, на юге и юго-востоке трехполье часто сменялось неурегулированным пестропольем, нередко с залежью, без какого-либо чередования культур, что вело к интенсивно-хищническому ведению хозяйства[77].

Община была очень выгодна крестьянам в хозяйственном отношении: чересполосица и принудительный севооборот имели позитивную сторону, так как пар и освобождающиеся после снятия урожая земли представляли собой обширные площади для выпаса скота; наличие полос разного качества обеспечивало относительную устойчивость хозяйства, лучшую, чем при дроблении земли при подворном владении; большую выгоду крестьянам приносили общинные луга, леса и другие угодья.

Община на том уровне не исключала и определенного прогресса земледелия. Еще до столыпинской аграрной реформы крестьянство «выдвинуло» свой план смягчения чересполосицы при сохранении общинного землевладения: начался переход на «широкие полосы». Сокращая количество конов, крестьяне разбивали поля на меньшее число полос. В результате в некоторых селениях Московского уезда после переделов 1901 г. чересполосица уменьшилась в 2,5 или даже в 4–6 раз. Появилась возможность пахать землю не только вдоль, но и поперек[78].

Кроме перехода на «широкие полосы», община противопоставила столыпинской реформе также коллективное введение многопольных севооборотов с высевом кормовых трав. С конца XIX – начала XX в. это движение распространилось в ряде нечерноземных губер-

[75] Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 303.
[76] См.: Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. – М., 1919. – С. 147.
[77] См.: Корелин А.П. Указ. соч. – С. 292–293.
[78] См.: Зырянов П.Н. Указ. соч. – С. 189; Ковалевский М.М. Указ. соч.– С. 70–71.

ний (Псковской, Петербургской, Новгородской, Смоленской, Тверской, Ярославской, Московской, Владимирской)[79]. Незадолго до начала первой мировой войны целые уезды с преобладающей общинной формой землепользования переходили на более прогрессивную плодосменную систему[80]. Поэтому не случайно, немецкий профессор Г. Аухаген, посетивший в 1911–1913 гг. ряд российских губерний с целью выяснения хода реформы, будучи приверженцем последней, все же отмечал, что община не является врагом прогресса, что она вовсе не противится употреблению усовершенствованных орудий и машин, лучших семян, введению рациональных способов обработки полей, причем, производит эти улучшения сразу всем обществом[81].

Таким образом, в аграрной сфере страны возникло серьезное противоречие. С точки зрения мировых достижений общинное землевладение было непродуктивной архаикой, но с точки зрения непосредственных носителей этой системы переход к более сложным формам хозяйства представлялся неоправданным и в значительной степени невозможным.

Второе препятствие состояло в том, что буржуазные реформы не ослабили, а скорее усилили массовое стремление законсервировать архаичные локальные формы жизни, основанные на натуральных отношениях, создать мир без начальства, парализующий всякую попытку ослабить уравнительность.

Столыпинская аграрная реформа принесла новый этап раскола. Крестьянское большинство стало отождествлять тех, кто выходил из общины, с начальством и помещиками. Наиболее красноречиво выразили эту трансформацию сами крестьяне. А. Кропотов: «Мои избиратели мне говорили о том, что закон 9 ноября – это помещичий закон, который делает из крестьян деревенских кулаков, помещиков, а из бедняков – батраков, вечно голодных работников... Этот закон восстанавливает нас друг против друга»[82]. И. Болтышев: «Закон 9 ноября производит страшную пертурбацию в среде крестьян, и, по моему убеждению, в законе 9 ноября зарыто начало очень серьезной будущей всеобщей революции»[83]. Многочисленные факты избиения од-

[79] См.: Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории.– 1997.– № 6.– С. 46.
[80] См.: Маслов С. Новый закон о крестьянском землевладении. - СПб., 1910. – С.19.
[81] См.: Аухаген Г. Критика русской реформы / Пер. с нем. и примеч. члена Комитета по землеустроительным делам А.А. Кофода. – СПб., 1914. – С. 21.
[82] Цит. по: Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 307.
[83] Цит. по: Там же.

носельчан, вышедших из общины, поджога их домов и даже убийства давали достаточные основания для таких предположений

Рассмотренные идеологические подходы к буржуазной аграрной модернизации и указанные противоречия в полной мере проявились в ходе осуществления столыпинской реформы.

До начала реформы в 1905 г. в общинном владении находилось 91,2 млн. дес. земли, которую обрабатывали 8,7 млн. крестьянских дворов. Подворные общины владели 20,4 млн. дес. земли, закрепленными за 2,7 млн. дворов[84].

Всего за 1907–1915 гг. в ходе реализации указа 9 ноября 1906 года и закона 14 июня 1910 года общинную землю укрепили 2008,4 тыс. домохозяев с общей площадью земли 14,1 млн. дес. и еще 469,8 тыс. членов беспередельных общин получили удостоверительные акты на свои наделы. Наибольшая доля укрепивших общинную землю приходилась на южные губернии – 40,3%, так как здесь община еще не успела пустить глубокие корни, а социальное расслоение в деревне было наиболее глубоким. По другим регионам ситуация с выходом из общин была следующей:

Черноземный центр и Поволжье	– 22,2% домохозяев
Центрально-промышленный район и Северо-Запад	– 17% домохозяев
Северные и приуральские губернии	– 7,3% домохозяев

Всего на основе указа 9 ноября общинную землю укрепил 21,8% общинников, укрепивших в собственность 13,9 млн. дес., то есть 14% всей надельной земли.[85] При этом надо обязательно учитывать, что во 2-й и 3-й статьях указа специально подчеркивалось, что речь идет лишь о тех общинных землях, которые находились между общими переделами в «постоянном» пользовании отдельных семей. А статья 4 уточняла: «Домохозяева, за коими укреплены в личную собственность участки общинной земли, состоящей в постоянном пользовании (ст. 1-3), сохраняют за собой право пользования в неизменной доле теми сенокосами, лесными и другими угодьями, которые переделяются на особых основаниях… а также право участия в пользовании, на принятых в обществе основаниях, непеределяемыми угодьями»[86]. Отсюда следует, что всех крестьян, закрепивших за собой уча-

[84] См.: Рязанов В.Т. Указ. соч. – С. 337.
[85] См.: Корелин А.П. Указ. соч. – С. 285.
[86] ПСЗРИ – Собр. 3-е. – Т. XXVI – Отд.I - № 28528.

сток, нельзя считать вышедшими из общины[87]. Было бы более правильным называть их вышедшими из участия в осуществлении передельной функции общины. Следовательно, полностью вышли из общины более 1 млн домохозяев, или только около 8-9% крестьянских дворов[88].

Несмотря на поддержку государства и безусловное право выхода каждого желающего, осуществить выход было нелегко, так как в 73% случаев выход из-за противодействия общины был сопряжен с конфликтом. Поэтому часть недовольных – 747 тыс. дворов, официально заявившая о выходе и укреплении земли в собственность, в конце концов осталась в передельной общине[89].

Были и другие причины, затруднявшие выход из общины. Одна из них состояла в том, что само по себе укрепление земли в личную собственность без землеустроительных работ в хозяйственном плане не давало «выделенцам» никаких преимуществ, ставя и общину зачастую в тупиковую ситуацию. С одной стороны, если «укрепленцы» не переходили на хутора или отруба, для них сохранялись все недостатки общинного землевладения (чересполосица, дальноземье и т.д.), а, с другой стороны, становились затруднительными и даже невозможными переделы, возникали сложности с выгоном скота. Производство единоличных выделов вносило полное расстройство в земельные отношения и не давало каких-либо преимуществ выходившим из общины, за исключением желавшим продать укрепленную землю (40% вышедших из общины)[90].

Размах же землеустроительных работ[91] был явно недостаточным. За 1907–1915 гг. было подано 6174,5 тыс. заявлений о землеустройстве, а всего землеустроено – 2376,0 тыс. хозяйств[92].

В результате землеустройства не удалось создать полноценные фермерские хозяйства, где вся земля была бы сконцентрирована вместе, на одном участке. Дело в том, что больше половины хуторян и

---

[87] См.: Островский А.В. Выступление. Материалы дискуссии «Столыпинская аграрная реформа» // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургское общество историков и архивистов – СПб., 2000. – С.21-22.

[88] См.: Чернышев И.В. Община после ноября 1906 г. – Пг., 1917. – С.12.

[89] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России... – СПб., 1999. – С. 481.

[90] См.: Корелин А.П. Указ. соч. – С. 285, 287.

[91] См.: Именной Высочайший Указ, данный Сенату 4 марта 1906 г. «Об учреждении: а) Комитета по землеустроительным делам при Главном Управлении Землеустройства и Земледелия и б) Губернских и Уездных Землеустроительных Комиссий и об упразднении Комитета по земельным делам» (ПСЗРИ.- Собр. 3-е.- Т. XXVI -Отд.I- №27478).

[92] См.: Отчет о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. – Пг., 1916. – С. 2–3.

отрубников были связаны с родной деревней общими угодьями, ставших объектом внутренних распрей между общинниками и выделенцами. Препятствием для организации рационального хозяйства служило и то обстоятельство, что многие крестьяне имели прикупленную землю в составе сельских обществ и отдельных крестьянских товариществ. Сельские общества, у которых купленная сообща земля вошла в общий севооборот, отказывались компенсировать совладельцу земли ее стоимость. Присоединение же к участку пая в товариществе исключалось. В результате доля обособленных в одних границах отрубных и хуторных хозяйств достигала только четверти всех единоличных хозяйств[93]. Прибавив к этому наличие в общинах наделов, укрепленных в собственность, нередко проданных посторонним лицам, получим картину крестьянского землепользования еще более сложную и запутанную, чем она была до начатой Столыпиным реформы. Вследствие этого еще более настоятельная потребность в коренном сломе сложившегося земельного порядка путем «черного передела»[94].

Главный итог столыпинской аграрной реформы заключался в том, что она не смогла подорвать общину и та продолжала оставаться центральным звеном в хозяйственном устройстве аграрной экономики. Если в 1905 г. в Европейской России насчитывалось около 135 тыс. общин, то к 1917 г. в пределах современной территории России их было примерно 110 тысяч[95]. В 1913 г. из всего произведенного национального дохода в сельском хозяйстве (5,6 млрд. руб.) свыше 5 млрд. руб. пришлось на долю крестьянских хозяйств, в то время как во владельческих хозяйствах произведено было 625 млн. руб.[96].

Нараставший сельскохозяйственный кризис был смягчен целым рядом благоприятных факторов: общей хорошей конъюнктурой, несколькими особо урожайными годами, ростом цен на сельскохозяйственную продукцию, отменой выкупных платежей. В целом за все дореволюционные годы XX столетия выросли объемы сельскохозяй-

---

[93] Всего в 1907–1916 гг. на надельных землях участковое землевладение охватило 15,4 млн. дес. земли, то есть 11% от общей площади надельных земель. См.: Першин П.Н. Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 гг. – М., 1922. – С. 46–47.

[94] См.: Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории.– 1997.– № 7.– С. 91.

[95] См.: Корелин А.П. Указ. соч. – С. 291.

[96] См.: Отчет исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 гг. / Под ред. С.Н. Прокоповича. – М., 1918. – С. 83.

ственного производства, поднялась урожайность, выросло использование машин и удобрений, увеличились накопления крестьян в сберегательных кассах. Но насколько эти изменения были связаны с мероприятиями столыпинской реформы, если учесть, что среднегодовой прирост продукции в сельском хозяйстве в 1901–1905 гг. составил 2,4%, а в 1909–1913 гг. он уменьшился до 1,4%[97]? Кроме того, динамика подесятинных сборов зерна в Европейской России 1891-1915 гг. (пуд./дес.) показывает, что в 1901-1915 гг. агротехнический прогресс по всем показателям происходил медленнее, чем в 1891-1905 гг.: сборы ржи в первом случае увеличились на 13 %, а во втором – на 9%, сборы пшеницы соответственно – на 10 и 0%, овса – на 12 и 8%, ячменя – на 16 и 7%[98].

Эффект от столыпинской переселенческой кампании был ничтожным: 2,5 млн. человек, переселившихся за Урал, не смогли существенно повлиять на демографические показатели. Избыточное трудоспособное население деревни увеличилось с 23 млн. в 1900 году до 33 млн. – в 1913 г.[99]. В результате падение всех показателей на душу населения в сельском хозяйстве продолжалось, обостряя секторный разрыв между промышленностью и аграрным производством. Количество лошадей в расчете на 100 жителей Европейской России сократилось с 23 голов в 1905 г. до 18 – в 1910 г., количество крупного рогатого скота, соответственно, с 36 до 26 голов[100]. По другим данным этот показатель для всей России по лошадям составил: 1905 г. – 25, 1909 г. – 24, 1913 г. – 23; по крупному рогатому скоту соответственно: 39, 36, 35[101]. «Общее количество скота за трехлетие 1911-1913 гг. уменьшилось с 188,6 млн.голов до 173,4 млн.голов»[102].

Вследствие этого производство на душу населения сократилось с 25 пудов в 1900–1904 гг. до 22 пудов в 1905–1909 гг.[103]. И это при том, что площади посевов выросли на 10,5 млн. дес. (на 14%), произ-

---

[97] См.: Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанин. – М., 1992. – С. 317.

[98] См.: Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. – М., 1975. – С. 216.

[99] См.: Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. – М., 1969. – С. 371–373.

[100] См.: Финн-Енотаевский А. Современное хозяйство России. – СПб., 1911. – С. 440.

[101] См.: Объяснительная записка к отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1913 г. – Пг., 1914. – С.240.

[102] Там же.

[103] См.: Финн-Енотаевский А. Современное хозяйство России. – СПб., 1911. – С. 431.

водство пшеницы увеличилось на 12%, ржи – на 7,4%, овса на 6,6%, ячменя – на 33,7%[104].

Говоря о структурных изменениях, произошедших в ходе реформы, следует отметить относительную малочисленность участковых хозяйств, неравномерность их размещения по регионам страны (земледельческий центр оказался менее всего затронутым реформой), малоземелье большинства таких хозяйств. По мнению дореволюционных экономистов, необходимый минимум для ведения хозяйства колебался в зависимости от районов от 8 до 15 десятин. Около половины хуторов и отрубов фактически располагали площадью менее 8 десятин, то есть ниже потребительской нормы[105]. Только 16% владельцев участковых хозяйств в 12 обследованных уездах различных губерний в 1913 году имели на двор более 15 дес. и могли вести действительно рациональное хозяйство. Но примерно 1/5 образованных единоличных хозяйств к моменту обследования уже числилась настолько «опавшими», что даже не вошли в итоговые данные.

Обследование также показало, что концентрация земли, приближение ее к усадьбам дали экономию издержек производства, позволили повысить агрикультуру, но при этом возникли трудности с содержанием скота, в связи с чем поголовье его заметно сократилось[106]. В экономическом плане выдел хуторян и отрубников отрицательно сказался на хозяйстве общинников, так как часто был связан с нарушением привычных севооборотов и всего цикла сельхозработ.

Таким образом, вырабатывая курс аграрных преобразований, правительство не отказалось от своего традиционного стремления регулировать социально-экономические процессы в деревне. Это вмешательство по-прежнему носило госкапиталистический характер. Однако основная ставка теперь делалась не на государственно-корпоративное прикрепление крестьян к земле, а наоборот, на разрушение общины и выкачивание прибавочного продукта путем эксплуатации теперь уже разрозненных мелких товаропроизводителей. Новая модель, несмотря на ряд прогрессивных сопутствующих мер (устройство сельскохозяйственных складов, развитие сельскохозяйственного образования, строительство элеваторов, организация пособий переселенцам и выходцам на хутора и отруба, поддержка некото-

[104] См.: Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. – С. 59.
[105] См.: Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1915 г. – Пг., 1915. – С. 21–51.
[106] См.: Корелин А.П. Указ. соч. – С. 292.

рых видов кооперации и кустарного производства) в целом приобрела депрессивные черты.

К ним можно отнести: падение роста сельскохозяйственного производства, деградацию животноводства, не способного решить экономические проблемы в деревне, отсутствие условий и возможностей модернизации единоличных крестьянских хозяйств, продолжение политики неэквивалентного отчуждения прибавочного продукта государственным и частным капиталом, прекращение перекачки трудовых ресурсов из сельского хозяйства в промышленность. Серьезным последствием реформы стало то, что кабальная сельскохозяйственная система «латифундия – надел» до известной степени даже увеличила свои возможности, причем, именно за счет капитализма. «Теперь она получила союзника в лице «октябристского» капитала, экономически неизмеримо более организованного, чем в дореволюционную эпоху, ибо он представлен не только всей старой, патриархальной буржуазией, но и финансовым капиталом, непосредственно врастающим в землевладение, расширяющим поле неэквивалентного обмена в колониях и т.д. и т.п.»[107].

Важный социальный итог реформы состоял в том, что она не обуржуазила, а *несколько осереднячила деревню*. Так повысился удельный вес хозяйств со средней земельной обеспеченностью в 13-15 дес. на двор при росте всего крестьянского землевладения с 38 до 43,4[108]. 30,3% крестьян великорусского центра стали владельцами от 15 до 25 дес.[109] При этом процент крестьянских хозяйств с 2-3 лошадьми возрос с 47,6 в 1901 г. до 49,7 в 1912 г., а с 4-5 лошадьми понизился с 18,6 до 15,2, а многолошадных – с 13,9 до 11,2[110].

По степени радикализма Столыпинская реформа носила противоречивый характер. С одной стороны, власть повела решительное наступление на общину. Об этом свидетельствует и содержание законодательства, и практика административных насильственных мер его реализации. В октябре 1906 г. было отменено положение, по которому крестьяне обязаны были испрашивать согласия общины на внутрисемейный передел земли и на получение паспорта. 9 ноября 1906 г.

---

[107] См.: Гефтер М.Я. Указ. соч. – С. 95–96.

[108] См.: Бобович И.М. Выступление. Материалы дискуссии «Столыпинская аграрная реформа» // Английская набережная, 4. Ежегодник. Санкт-Петербургское общество историков и архивистов – СПб., 2000. – С.11.

[109] См.: Китанина Т.М. Выступление…// Там же. – С.19.

[110] См.: Островский А.В. Универсальный справочник по истории России. – СПб., 2000. – С.206.

вышел самый важный указ, утверждавший права глав крестьянских дворов приватизировать общинные земли, находящиеся в их пользовании, а также требовать объединения разрозненных полосок земли в единой меже или получать денежную компенсацию от общины за них. По этому указу вступало в силу положение об отмене передельной общины с согласия 2/3 (позднее 1/2 крестьянских дворов). Указом от 15 ноября 1906 г. разрешалось закладывать общинные земли в крестьянском банке[111]. 15 октября 1908 г. были изданы «Временные правила о выделе надельной земли к одним местам», которые гласили, что «наиболее совершенным типом земельного устройства является хутор, а при невозможности образования такового – сплошной для всех полевых угодий отруб, отведенный особо от коренной усадьбы»[112]. «Временные правила» 19 марта 1909 г. предусматривали разверстание на хутора и отруба целых селений. После длительного обсуждения закон, подписанный императором 14 июня 1910 г., заменил собой указ 9 ноября 1906 г.[113]. Новый закон признал за крестьянами право личной собственности на принадлежащее имущество, дополнил указ правилами о беспередельных общинах, которые были признаны перешедшими к подворно-наследственному владению.

С другой стороны, надельные земли, в том числе хутора и отруба, по-прежнему оставались сословно-крестьянскими, а владельцы их были ограничены в своем праве распоряжаться ими. П.А. Столыпин так пояснил сложившееся положение: «Надельная земля не может быть отчуждена лицу других сословий; не может быть заложена иначе, как в Крестьянский банк; она не может быть продана за личные долги; она не может быть завещана иначе, как по обычаю»[114]. Кроме того, были установлены временные нормы концентрации надельных земель в одних руках – не свыше 6 наделов в одном уезде. Крестьянский банк тоже ограничивал свои операции с крестьянами-покупщиками – не свыше 3 наделов. Все эти ограничения тормозили процесс мобилизации крестьянских земель и способствовали их обесцениванию. Правда, законом 2 мая 1911 г. было установлено, что

---

[111] См.: Шанин Т. Революция как момент истины... – М., 1997. – С. 37; Именной Высочайший Указ, данный Сенату 15 ноября 1906 г. «О выдаче Крестьянским Поземельным Банком ссуд под залог надельных земель» (ПСЗРИ.- Собр. 3-е.- Т. XXVI - Отд.I - №28547).

[112] Александровский Ю.В. Закон 14 июня 1910 г. Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. – СПб., 1911. – С. 378–379.

[113] См.: ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. XXX.- № 33743.

[114] Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия // Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете: 1906–1911. – М., 1991. – С. 177.

надельная земля, если к ней при выходе из общины присоединяется купленная у частных владельцев, становится частной собственностью[115].

Итак, земельное утеснение, аренда и платежи за землю стали главными факторами депрессивного развития аграрного сектора России в период Столыпинской реформы. К этому следует добавить правовое неравноправие крестьянства, административный и полицейский нажим на него. Все это предопределило неудачу очередного этапа реформирования страны.

Выводы

Российское самодержавие долгое время являлось важнейшим звеном буржуазной модернизации страны. Однако, оказавшись в плену объективной необходимости архаизации части своего социума ради капитализации другой, а также комплекса интересов правящих верхов, мифологических представлений о государственном и социальном устройстве, страха перед радикальными преобразованиями, оно за вторую половину XIX постепенно утратило преобразовательную инициативу в одних сферах, предложило неадекватные утопические преобразования во вторых, опоздало – в третьих. Главную субъективную причину этого следует искать в неспособности разрешить противоречие между модернизационными потребностями российского общества и целями самодержавия по сохранению и укреплению своей власти в новых условиях.

Эволюция государственной политики в области реформирования (модернизации) страны была зависима от сложности процесса перехода аграрного и традиционного российского общества к буржуазному и индустриальному. Выбор был сделан в пользу стратегии подчинения ресурсов общества государственной политике, а не использования тенденций его развития в интересах общества.

---

[115] См.: Корелин А.П. Указ. соч. – С. 280; Высочайше утвержденный и одобренный Государственным Советом и Государственной думой закон «О землеустройстве» от 29 апреля 1911 г. (ПСЗРИ – Собр. 3-е. – Т. XXXI – Отд. I - № 35370).

§ 5. Отражение проблем формирования буржуазного общества в идеологии общественно-политических движений

Реформаторская инициатива императорской власти привела к тому, что в XIX в. произошло усиление позиций образованного общества, повышение активности и разнообразия его деятельности. Одно из направлений общественности – либерализм постепенно получил все более широкое распространение в дворянской среде. И если при Екатерине II критически мыслящие дворяне составляли незначительное меньшинство, то уже в эпоху Александра I происходило созревание либерального сознания всего высшего сословия[1]. «Все тянули песню конституционную, – отмечал Н.И. Греч, – в которой запевалою был император Александр Павлович»[2]. Именно в этом русле были созданы некоторые основы гражданского строя и, в первую очередь, институт частной собственности, механизм свободного предпринимательства и законодательно охраняемые сословные права, что подтолкнуло процессы самостоятельного развития гражданского общества на базе дворянского и городского сословий при активной роли образованного общества[3]. Несмотря на всплеск частновладельческого крепостничества в период царствования Екатерины II, к началу XIX в. наметилась тенденция гуманизации социальных отношений.

Получив заметную поддержку власти в лице Александра II, великой княгини Елены Павловны и великого князя Константина Николаевича, либерализм начал резко набирать свою силу. В середине 50-х годов XIX в. в России появляется так называемая «либеральная партия», «включившая» в свои ряды и западников, и славянофилов. Либерализм стал модой среди чиновничества, он глубоко проник в публицистику и художественную литературу. Заявили о себе представители либерализма и в русской провинции. Одной из особенностей либерального течения этого периода явилось его большое социальное разнообразие. В состав либерального общества, в основном

---

[1] См.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 Т. – М., 1995., – Т. 3. – С. 252; Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. – М., 1995.– С. 55.

[2] Греч Н.И. Записки о моей жизни. – СПб., 1886. – С. 446.

[3] См.: Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. – М, 2003. – С. 110–120.

дворянского по составу, постепенно стали входить представители из других сословий – купцов, мещан и даже крестьян[4].

Причины либерализации образованного общества следует искать, на наш взгляд в целом комплексе факторов, возникших в середине XIX в. в России. Мы уже упоминали воздействие духовной «вестернизации» и социокультурной инверсии. Однако только этим ограничиваться невозможно, ибо нас в первую очередь интересует не происхождение самих либеральных идей, а условия и причины формирования той социальной среды, которая эти идеи воспринимала, аккумулировала и воспроизводила.

Экономические истоки либерализации, во многом, состояли в положении и запросах пореформенного дворянства. Главной причиной дворянского недовольства являлась неспособность правительства справиться с хроническим аграрным кризисом. Дворян особенно возмущало то, что основное внимание властей направлялось на развитие промышленности, а не на оказание помощи аграрному сектору экономики[5]. Большинство землевладельцев осознало, что возможности, заложенные в Жалованной грамоте дворянству, оказались исчерпанными вместе с крепостным правом, что необходимо преодолеть политическую изоляцию сословия перед лицом растущей бюрократии и, что сделать это лучше всего через развитие классического либерализма[6]. Формулированию подобных настроений способствовало наличие корпоративности и сословных организации дворян[7].

Объективные истоки либерализма заключались в тех качественных изменениях в состоянии производительных сил страны, которые, в конце концов, привели к осознанию неотложной необходимости изменить общественные отношения. Поскольку развитие России в эту эпоху было направлено к капитализму, отягощенному различными формами регрессии капитала, постольку либеральная оппозиция по своему социальному смыслу могла быть только «квазибуржуазной», то есть обладающей рядом особенностей, которые ее резко отличали от западных «аналогов». Здесь, прежде всего, следует сказать об эта-

[4] См.: Fisher G. Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. – Cambr. (Mass.), 1958. – P. 6–7; Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. – М., 2003. – С. 272–276.

[5] См.: Hamburg G. The Russian Nobility on the Eve of the 1905 Revolution // The Russian Review! – 1979. – Vol. 38. – P. 324–325.

[6] См.: Emmons T. The Russian landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. – Cambr. (Mass.), 1967. – P. 381.

[7] Ленин В.И. Гонители земства и анибалы либерализма // Ленин В.И. ПСС. – Т. 5. – С. 26.

тистских настроениях всех русских либералов, которые были твердо убеждены в том, что только государственная власть может служить орудием прогресса[8]. Вплоть до начала XX в. даже те из либералов, которые осуждали бюрократический характер государства и считали желательным углубление и расширение реформы Александра II, все же часто предпочитали самодержавие конституционному режиму. Другие деятели либерализма, «считавшие конституцию в конечном итоге неизбежной и относившиеся к ней положительно, думали, что еще не настало время говорить об этом и что абсолютная монархия не дала им еще всего, что она может дать. Они считали, что монархия эта должна привести в исполнение дальнейшие моменты либеральной программы и тем самым создать дальнейшие необходимые предпосылки, при которых только и может дать положительные результаты конституционный режим»[9]. Большинство либералов представляло собой аморфную группу деятелей, веривших в успех эволюционного пути под руководством самого правительства; левое же крыло было представлено немногочисленными конституционалистами, либералами-максималистами[10].

Указанная позиция российских либералов свидетельствовала об их крайней слабости, что проявлялось в политической дряблости, готовности подчиняться любым распоряжениям правительства. Большинство либералов преобразований не требовало, оно их униженно просило и при малейшей опасности немедленно отступало. Это не могло не подорвать общественный авторитет либерального движения и привело к тому, что в конце концов оно осталось без народной поддержки[11]. Узость социальной базы либерального движения приводила к снижению его энергии и целеустремленности, к тому, что «во всех сколь-нибудь серьезных вопросах» проявлялось «почти невероятное *бессилие* либерализма»[12].

Слабость либералов проявилась и в широком распространении в их среде политических утопий. К ним следует отнести антииндустриализм части дворянских либералов[13], иллюзии о возможности со-

[8] См.: Field D. Kavelin and Russian Liberalism // The Slavic Review. – 1873. – Vol. 32. – No. 1. – P. 60.
[9] Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. – М., 1995. – С. 336–337.
[10] См.: Fisher G. Op. cit. – P. 27.
[11] См.: Anderson T. Russian Political Thought. – N.-Y., 1968. – P. 291–292.
[12] Ленин В.И. Возрастающее несоответствие // Ленин В.И. ПСС. – М., 1973. – Т. 22. – С. 378.
[13] См.:Laue Th. The Chances for Liberal Constitutionalism // The Slavic Review. – 1965. – Vol. 24. – No. 1.

четания самодержавия с гражданскими свободами, достижения гармонии интересов между различными группами сельского населения, ориентация на половинчатые реформы.

Слабость пореформенного либерализма явилась одним из следствий глубоких противоречий российской модернизации: между капиталистическими, квазикапиталистическими и госкапиталистическими элементами экономического строя[14]; между задачами российской модернизации и современным уровнем и состоянием либерализма на Западе.

Говоря о втором противоречии нужно подчеркнуть что, если носители либеральных идей эпохи ранних буржуазных революций в Европе вели борьбу со старым строем, используя энергию народных масс, то русский либерализм, не без влияния общественного спада буржуазной революционности, с самого начала носил гораздо более ограниченный характер. Он стремился не только к модернизации существующих порядков, но и к поиску эффективных средств отвлечения масс от революции, которой страшился. В.И. Ленин по этому поводу писал, что либеральная программа и либеральная тактика «сводится вот к чему: пусть сложится у нас европейский уклад без той тяжелой борьбы, которая создала его в Европе»[15].

Общая неразвитость капитализма порождала такие явления как отсутствие сильных промежуточных слоев, которые могли бы составлять социальную опору либерального движения, отсутствие должного уважения к законности со стороны народа и власти, ярко выраженные антибуржуазные настроения почти всех слоев населения. Все это ослабляло либерализм, делало его бесперспективным направлением русской революции. Находясь в русле антиавторитарной инверсии, народ проявлял большую тягу не к либерализму, а к древним вечевым ценностям. Либерализм же при этом использовался вынужденно и только как внешняя форма движения[16]. Поэтому причина провала русского либерализма заключается в возрастании несоответствия между передовой либеральной доктриной и социумом, не готовым к ее восприятию в условиях вызревания плебейско-

[14] См.: Волков В.В. Указ. соч. – С. 143-144.
[15] Ленин В.И. Возрастающее несоответствие // Ленин В.И. ПСС. – М., 1973. – Т. 22. – С. 372.
[16] См.: Ахиезер А.С. России: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Новосибирск, 1997. – Т. 1. – С. 266-268.

крестьянской революции[17]. В связи с этим к русскому либерализму едва ли применима типологизация, которая используется при изучении западноевропейского либерализма[18]. Русский либерализм – это особый *тип интеллектуального либерализма*, возникший и формировавшийся, прежде всего, на теоретическом уровне в неадекватной среде[19].

В ходе исследования выяснено, что развитие либерального движения было тесно связанно с особенностями российской государственности.

В середине – второй половине XIX в. сложилась такая ситуация когда бюрократическое пренебрежение мнением дворянства, чиновничий произвол и коррупция породили в среде образованного общества резко негативное отношение к бюрократии.

Во второй половине XIX в. недовольство административными структурами, бюрократией охватило не только левых и либералов, но и консервативные слои общества[20]. Для либералов антибюрократические настроения и выпады стали своеобразной политической отдушиной, что устраивало к тому же и самодержавие. Ключевым вопросом, по которому возникало противостояние между государством и либералами, стал вопрос о перспективах и тенденциях развития земского самодержавии. Оно рассматривалось властью неоднозначно и переменчиво в зависимости от политической конъюнктуры. Само создание земских органов, с одной стороны, мотивировалось необходимостью модернизации системы местного управления, а, с другой стороны, исходило из желания решить некоторые социальные задачи: правительство одновременно пыталось и компенсировать дворянам утрату их вотчинной власти, и расширить социальную опору самодержавия, и создать противовес конституционным стремлениям[21]. Последнее, однако, остановить было невозможно, так как оно было имманентно земским органам самоуправления. Последующие земские и дворянские инициативы по созданию центрального земского собрания это убедительно доказали. Поэтому отношения между земствами и администрацией характеризовались как в принципе непри-

[17] См.: Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. – 1998. – № 4. – С. 35–37; Пантин И.К. Драма противостояния // Полис. – 1994. – № 3. – С. 82.
[18] См.: Шелохаев В.В. Указ. соч.: – С. 36.
[19] Там же.
[20] См.: Гросул В.Я. Указ. соч. – С. 319–321.
[21] См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 309.

миримые: «Как только принцип местного самоуправления и общественной самодеятельности укрепился, наиболее актуальной проблемой стал вопрос о том, будет ли окончательное реформирование самодержавия проведено мирно, или оно осуществится насильственным путем»[22].

Именно факт проникновения наиболее дальновидными представителями власти в «тайну» земства позволяет объяснить на первый взгляд неадекватные действия правительства по отношению к земским органам, когда подозрение, с которым с которым оно смотрело на земство и на любую инициативу от него исходившую, все больше обострялось[23]. Нетерпимое же отношение властей ко всякому своеволию, на наш взгляд, стало главной причиной роста не только земской, но и в целом всей либеральной оппозиционности, даже отодвинув на второй план такой фактор, как недовольство дворян экономическими мероприятиями царизма. И в этом плане большой интерес представляют события 90-х годов XIX в. Противоречивое отношение администрации к инициативам общественности, в том числе и земской, по борьбе с голодом 1891–1892 гг., резко отрицательная реакция царя на речь Родичева во время приема 17 января 1895 года, в которой выражалась надежда на предоставление земствам права высказывать свое мнение, подавление любых совместных инициатив земств – все это, во-первых, показало неготовность власти вести конструктивный диалог с либеральной оппозицией и, во-вторых, направляло последнюю в радикальное русло. «С этого момента начала разверзаться пропасть между общественностью и государственной властью. Пропасть эта все расширялась и, наконец, привела к революции в 1905 году» [24].

Итак, формационная незрелость российского капитализма вывела на политическую сцену либеральную оппозицию, которая характеризовалась нерешительностью, идейной и политической слабостью, антирадикализмом, узкой социальной базой, этатистскими и антииндустриальными иллюзиями. Царизм пугала даже такая либеральная оппозиция и вместо сотрудничества с ней он предпочел противостояние, что и предопределило рост либерального радикализма в начале XX в. Несмотря на данную характеристику либеральное движение второй половины XIX в. объективно входило в состав широко

[22] Walkin J. / The Rise of Democracy in Pre-revolutionary Russia. – L., 1963. – P. 174.
[23] См.: Леонтович В.В. Указ. соч. – С. 332–340.
[24] См.: Там же: – С. 339.

понимаемых модернизационных сил, так как, на наш взгляд, последние включали и реформистские, и радикальные элементы.

Межформационная экономическая и социальная переходность явилась глубинной причиной подъема революционного движения. Конкретно это выразилось в создании неустойчивой и разбалансированной социально-политической системы, обремененной серьезными противоречиями. Первое было заложено крестьянской реформой, которая, поменяв частновладельческое крепостничество на государственно-корпоративное[25], предоставила крестьянам маленькие земельные наделы при высоких выкупных платежах. Эта несправедливость сразу же стала предметом недовольства левой интеллигенции. После А.И. Герцена, Н.П. Огарева, Н.Г. Чернышевского, резко осудивших реформу, позицию ее радикального неприятия заняли все представители народнического движения. Речи народников И.Н. Мышкина и А.И. Ливанова распространяли мысль о том, что крестьянин после реформы не получил свободы, оказался фактически прикрепленным к земле, окончательно разорился и деревня находится на грани вымирания[26]. Необходимо учитывать, что достоянием гласности стали «многочисленные случаи откровенного саботирования «правил» освобождения...»[27]. В результате сложилась идеальная питательная среда для формирования революционных сил – социальные перетряски, дестабилизированная экономика, расслоение общества при высоком градусе недовольства[28].

Второе противоречие было связано с тем, что александровские реформы пытались «взрастить либеральные идеи на чуждой им почве тоталитарного монархизма»[29], механизм функционирования которого на тот момент напрочь отвергал выборность руководящих органов, но парадоксально предполагал наличие трибуны для выражения разнородных взглядов. Все это привело к тому, что, с одной стороны, нежелание царя созвать парламент закрыло возможность сплотить вокруг трона определенные слои общественности, создать легитимную школу политических лидеров, арену сопоставления и проверки раз-

[25] См.: Волков В.В. Указ. соч. – С. 119.
[26] См.: Гросул В.Я. Указ. соч. – С. 318.
[27] Романовский С.И. Нетерпение мысли или исторический портрет радикальной русский интеллигенции. – СПб., 2000. – С. 154.
[28] Там же. – С. 158.
[29] Там же. – С. 154–155.

нообразных идей[30], а, с другой стороны, новые общественно-политические и интеллектуальные силы, не получив легальные каналы для проявления творческой энергии, воспользовались относительной и кратковременной свободой прессы и образования для выражения своего недовольства.[31] Тем самым проснувшиеся оппозиционные круги получили только один практический канал политической деятельности – радикальный и революционный.

К этому следует добавить и тот факт, что не пойдя на сотрудничество с либералами, не завершив земскую судебную и другие реформы, придав последним бюрократический характер, проявив негибкость, грубость и излишнюю жестокость в отношениях с оппозицией, царизм сам толкнул на революционный путь многих представителей интеллигенции. К тому времени последняя получила достаточную порцию новых веяний из западной идеологии, науки и философии в виде утилитаризма, позитивизма и реализма, настраивавших их не на абстрактное теоретизирование, а на практические дела. «Все хотели что-то делать: бизнесмены – торговать, инженеры – строить, молодежь – учиться, а революционеры – совершать революцию»[32].

Наиболее ярко революционная тенденция воплотилась в движении народников. Переходный характер этого движения выражался в его особенностях.

Отрицание детерминированности исторического процесса и признание возможности «свободы выбора» развития страны, желание бороться против феодально-крепостнических порядков и в то же время не допустить развития капитализма, ориентация на общину как на уравнительно-демократический институт и основу будущего русского социализма – эти мотивы деятельности народников были обусловлены слабым развитием капитализма и породили наивную надежду на возможность осуществления социалистической революции, используя общину, стремление совершить одновременно и демократический, и социалистический переворот в стране, сделавшей только первые шаги в сторону капитализма[33]. Такое смешение политически разнородных задач социалистическими силами показывает формационную отсталость российского общества, слабость адекватных субъектов буржуазных преобразований.

---

[30] См.: Crankshaw E. The Shadow of the Winter Palace: The Drift to Revolution. 1825–1917. – L. 1976. – P. 183.

[31] См.: Wood A. The origins of the Russian Revolution. 1861–1917. – L., 1987. – P. 14.

[32] Slonim M. The Epic of Russian Literature. – Oxford, 1950 – P. 206.

[33] См.: Ленин В.И. Тетради по аграрному вопросу. 1900–1916. – М., 1969. – С. 21.

В народничестве ярко выразился своеобразный комплекс ощущений русского интеллигента, включавший в себя две разнородные линии умонастроения и поведения. С одной стороны, присутствовали покаяние, чувство вины и долга, идеализм и утопические проекты, а, с другой, – стремление к самоутверждению, тяга к практическим делам и творчеству, материализм и позитивизм. Эти два основания, причудливо переплетаясь, погружали внутренний мир революционера-народника в двойственное состояние – состояние противоречия между необходимостью тотальной борьбы и важностью своей мессианской роли. Для первого элемента важен был приоритет цели, для второго – средства. Примеры Бакунина, Нечаева и Ткачева, их исключительность, только подтверждает общее правило – народники в своей массе еще не представляли собой того целостного революционного типа, который позже проявился в большевизме. Это хорошо подметил Н.А. Бердяев: «По сравнению с экстремизмом Нечаева и Бакунина, другие течения русской революционно-социалистической народнической мысли были смягченными и умеренными»[34]. Властителями левой оппозиционной интеллигенции 70-х годов XIX в. были П. Лавров и Н.К. Михайловский, которые ратовали за нравственную оценку социальных явлений. И даже переход к террору больше производит впечатление результата жажды мести и эмоционального срыва революционеров из-за бессилия противостоять авторитарной системе подавления, чем их продуманной революционной тактики.[35] Однако, уже история народовольческого террора наглядно показала, что главная тенденция развития субъективного фактора революционного движения в России шла в русле идей высказанных П.Н. Ткачевым – в сторону сведения «писаревского рационализма с бакунинским динамизмом»[36]. Так, террор стал постепенно оцениваться как эффективное политическое средство, а политический радикализм приходил на смену народническому анархизму[37]. Этот, можно сказать, предбольшевистский психологический подход тем больше утверждался в революционной практике, чем дальше развивалась буржуазная модернизация.

---

[34] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 57.

[35] Гинев В.Н., Цамутали А.Н. В борьбе за свободу // «Народная воля» и «Черный предел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. / Под ред. С.С. Волка. – М., 1991. – С. 178.

[36] Карпачев М.Д. Истоки российской революции. Легенды и реальность. – М., 1991. – С. 178.

[37] См.: Ленин В.И. Заключительное слово по аграрному вопросу // Ленин В.И. ПСС. – М., 1972. – Т. 12. – С. 365.

Морально-психологическая двойственность народников обусловливалась не только формационным и социокультурным расколом, но и разнородными идейными влияниями на российскую интеллигенцию. Во время николаевского царствования перед образованным обществом были закрыты возможности для политической деятельности, но зато оказалось в избытке времени для умственных занятий, чтения и философствования. И в это же время, не без воздействия властей, началось увлечение немецкой идеалистической философией, которая оказала огромное воздействие на формировавшуюся российскую интеллигенцию. У ее представителей развилось неистребимое стремление к поиску исчерпывающих ответов на абсолютные вопросы бытия, а, следовательно, традиции утопического мышления[38].

Разночинный этап оппозиционного движения принес с собой позитивистские и материалистические идеи Конта, Дарвина, Бюхнера, Молешотта и других, широкий спектр социалистических учений. Различные теоретические системы трансформировались и причудливо переплелись в особую русскую идеологическую форму. В ней философский материализм уживался с нравственным идеализмом, крайний позитивизм с религиозным мессианизмом, анархизм с идеей особой роли интеллигенции в революции.

Переходный характер революционного движения второй половины XIX в. состоял и в результатах его деятельности. На наш взгляд, главный из них заключался как в доказательстве неэффективности террористических методов, их несоответствия революционным задачам, по крайней мере до момента взятия политической власти, так и в нахождении важнейшего звена российской политической революции – организации рабочего движения и его союза с крестьянским движением. Современные исследования показывают, что пропагандистские и организационные усилия «Народной воли» заложили фундамент революционного рабочего движения. «Отношения между рабочими и интеллигенцией в движении «Народная воля» 1880-х гг. были сравнительно гармоничными и не подтверждали стереотипный образ «Народной воли» как сугубо террористической организации, интересующейся рабочими только в качестве «пушечного мяса»[39]. Во многих отношениях пропаганда «Народной воли» в рабочей среде

[38] См.: Kelly A. Mikhail Bakunin. – Oxford, 1982. – P. 6.

[39] Перл Д. «Народная воля» и рабочие // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. – СПб., 1997. – С. 284.

послужила образцом для деятельности последующих поколений революционеров. И хотя именно крестьянству, а не рабочим предстояло, по убеждению народников-народовольцев, определить в конечном итоге судьбу страны, проголосовав за социализм в будущем Учредительном собрании, рабочие рассматривались революционерами как ударная сила, которая должна была поддержать заговорщиков в момент восстания[40].

В начале XX в. политическая жизнь самодержавной России вступила в решающую фазу своего развития.

С учреждением Государственной думы Николай II стремился ограничить ее компетенцию, превратить в законосовещательный орган, опираясь на Положение об усиленной охране, сохранить систему и методы бюрократического управления. Подобная политика усиливала не только либеральную и радикальную оппозицию, но и ее правую часть. Противопоставив себя наиболее влиятельным кругам русского образованного общества, верховная власть попыталась опереться на крайних монархистов из дворянства, крестьянского и городского сословий[41]. В основании такого курса лежали серьезные объективные обстоятельства. Они заключались в том, что увеличение экономической мощи буржуазии и усиление политического сопротивления пролетариата и крестьянства не оставляли царизму другого пути, кроме охранительного, направленного на союз с помещиками и камарильей. В результате, мы наблюдаем такой странный и непонятный на первый взгляд факт: в то время как страна безостановочно левела, царь, камарилья, официальное правительство также неуклонно двигались вправо[42].

В рядах многих политических сил на основе переосмысления революционных событий Первой русской революции происходили глубокие размежевания и метаморфозы, которые характеризовались возвращением большинства участников политической жизни к исходным посылкам XIX в. в понимании того, что произошло, и соответствующих планов на будущее.

Если правые в основном оглядывались на времена Александра III, добавив, в лице Совета объединенного дворянства, либеральный (полный враждебности к крестьянской общине) подход

[40] См.: Гинев В.Н., Цамуталли А.Н. Указ. соч. – С. 22.
[41] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 224.
[42] Аврех А.Я. О природе российского самодержавия // Система государственного феодализма в России. Сборник статей. – М., 1993. – С. 318.

к решению аграрных проблем, то в левом лагере протекали более сложные процессы.

В партии эсэров наряду с официальным руководством, жестко придерживающимися своих первоначальных взглядов на социализацию земли и революционные стадии (социальную и социалистическую), политические и идеологические вопросы поднимались и оппозиционными фракциями. Наиболее сильной оказалась правая фракция, которая предполагала, что столыпинская реформа может привести к успеху, и призывала приспособиться к этому – трансформировать ПСР в сугубо крестьянскую партию, то есть обратить ее в классовое представительство одних только мелких сельскохозяйственных производителей. В противоположность этому левые эсэры, ориентируясь на радикализм народников 70–80-х годов XIX в., призывали к непосредственной борьбе за социализм, объединяя обе стадии «перманентной революции» М.Р. Гоца и к немедленной социализации фабрик и заводов[43].

В расколовшейся российской социал-демократии фракции большевиков и меньшевиков также по-разному оценивали опыт Первой русской революции. Если меньшевиков неожиданно проявившийся крестьянский радикализм оставил в оцепенении, то В.И. Ленин, наоборот, увидел в нем новые революционные возможности. Своим требованием «демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства» он положил начало радикальному пересмотру исторического наследия революционного крыла народников. В 1908 г., реферируя свою книгу «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 гг.» для журнала польских марксистов «Социал-демократическое обозрение», В.И. Ленин так изложил свою точку зрения: «Наша революция есть буржуазная революция именно потому, что в ней борьба идет не между социализмом и капитализмом, а между двумя формами капитализма, двумя путями его развития, двумя формами буржуазно-демократических учреждений. И монархия октябристов или кадетов есть «относительная» буржуазная «демократия» с точки зрения меньшевика Новоседского. И пролетарски-крестьянская республика есть буржуазная демократия»[44].

---

[43] См.: Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. → 1917–1922 гг. – М., 1997. – С. 356-357.

[44] Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в русской революции // Ленин В.И. ПСС. – М., 1973. – С. 167.

С окончанием Первой русской революции сложился комплекс меньшевистских идей, определивших политическое поведение этой фракции в последующие годы. В первую очередь следует назвать концепцию «общенациональной» революции, в которой пролетариат играет авангардную роль, но в случае победы уступает власть буржуазии[45]. Меньшевики полагали, что революция началась слишком рано, так как страна была еще докапиталистической и отсталой и имела слишком слабый для социалистической революции пролетариат, и поэтому они видели «перспективы ближайшего будущего… предопределенного буржуазной революцией»[46]. Тем самым, меньшевики, показав себя марксистскими доктринерами, приблизились к взглядам группы Освобождения труда 80–90-х годов XIX в. Указанная концепция предопределила ориентацию на коалицию рабочего, либерального и крестьянского движений, на трансформацию РСДРП в широкую рабочую партию, на признание равноценности думской и внедумской деятельности.

Исследование показывает, что объективная и субъективная слабость либеральных партий в начале XX в. нарастала, что отразило неспособность русской буржуазии к самостоятельному историческому творчеству, ее незаинтересованность в решительной победе над царизмом. Либералы поэтому и сами не особенно желали быстрых социально-политических реформ, приводящих, по их мнению, неминуемо к революции[47]. Время между двумя революциями можно рассматривать как попытку господствующих классов предотвратить новую революцию, спасти монархию, обновив ее союзом с буржуазией. Кадеты, в связи с этим, большей частью сместились к тому «государственническому» западничеству с сильным «антинародным» акцентом, который представляли собой российские либералы-государственники 1860-х годов. Другая же часть кадетов стала питать надежды на новое внеклассовое радикальное единство людей доброй воли в новом Союзе освобождения. В целом, либеральная оппозиция из революционных событий извлекла только один вывод – об абсо-

[45] См.: Волобуев О., Клоков В. Меньшевики // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия.- М., 1996.-С.356.

[46] Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. → 1917–1922 гг. – М., 1997. – С. 344.

[47] См.: Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. – М., 1970; Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 гг.). – М., 1977; Сидельников С.М. Образование и деятельность Первой Государственной Думы. – М., 1962.

лютной неприемлемости для нее «революционных методов борьбы против самодержавия и, следовательно, о нежелательности участия широких масс в этой борьбе»[48].

При этом надо учитывать, что бонапартистским реформам П.А. Столыпина противодействовал мощный союз камарильи, бюрократии и царя[49]. После «министерского» и «парламентского» кризисов 1911 г., а так же после убийства П.А. Столыпина стало ясно, что верховная власть не собирается считаться ни с либеральной оппозицией, ни с «Основными законами» и что поэтому октябристская политика «мира» с третьеиюньским режимом потерпела провал. В этой ситуации, кадеты, отмежевавшись от радикализма, выработали вместе с тем тактику «параллельных действий», которая заключалась в сочетании парламентской деятельности с внедумской работой под лозунгом «изоляции власти» с целью недопущения «нежелательных эксцессов» новой возможной революции благодаря привлечению на свою сторону земского и городского самоуправления, легальных съездов, студенческих землячеств.

В годы Первой мировой войны экономическое и организационное усиление буржуазии и ее страх перед надвигавшейся революцией породили новую оппозицию самодержавию. С лета 1915 г. в оппозицию правительству в составе прогрессивного блока ушли почти все умеренно-правые и либеральные фракции IV Государственной думы и три группы Государственного совета. Компромиссная по своему характеру программа Прогрессивного блока (требование создания «министерства доверия», обновление состава органов управления, частичная политическая амнистия, введение волостного земства, восстановление профсоюзов, прекращение преследования больничных касс) правительством была отвергнута. Таким образом, царизм окончательно лишился своей либерально-буржуазной политической опоры и тем самым отошел от политики бонапартизма. Этому также способствовал переход в открытую оппозицию правительству многих руководителей объединенного дворянства и других правых сил[50].

---

[48] Кризис самодержавия в России. 1895–1917. – Л., 1984. – С. 478.

[49] См.: Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л., 1978; Бородин А.П. усиление позиций объединенного дворянства в Государственном совете в 1907–1914 гг. // Вопросы истории. – 1977. – № 2; Зырянов П.Н. Третья дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления // История СССР. – 1969. – № 6.

[50] См.: Куликов С.В. Правительственный либерализм и образование прогрессивного блока // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. Материалы конференции памяти В.С. Дякина.- СПб.- Кишенев, 2001.- С.287-288.

Выводы

Общественно-политические движения, отражая масштабный социокультурный раскол российского общества, были носителями трех противоречий: между движениями и властью, между самими движениями и внутри движений между силами традиции и модернизации. Наличие народнического, либерального, эсэровского, марксистского движений в определенной мере подтолкнуло власть к либеральным реформам.

Самодержавная власть, бывшая ранее инициатором нововведений, к концу XIX в. постепенно превратилась в защитника традиций и порядка. В лоне общественно-политических движений формировался новый слой политической элиты, отрабатывались технологии политической борьбы, которая в начале XX в. привела к серьезным изменениям верхнего этажа государственной власти.

В связи с утратой самодержавием преобразовательной инициативы обозначилось острое противодействие бюрократии со стороны оппозиционной интеллигенции, которая стала претендовать на ведущую роль в модернизации страны. Если бюрократия полагала возможным совместить капитализм с самодержавием, то вся оппозиционная интеллигенция считала этот путь бесперспективным и тупиковым и потому стремилась так или иначе устранить монархическое начало. Тем самым, противоречие между бюрократией и интеллигенцией, присущее любому современному обществу, в российских условиях приобретало революционный межформационный характер. Кроме того, увеличение экономической мощи буржуазии и усиление политического сопротивления пролетариата и крестьянства оставили перед самодержавию два основныз пути: дальнейшее реформирование и самоликвидация или охранительный путь, направленный на союз с помещиками и камарильей. В результате, в то время как страна безостановочно левела, царь, камарилья, официальное правительство неуклонно двигались вправо.

Несмотря на проводимые в пореформенное время буржуазные преобразования, Россия во многом оставалась на уровне тех политических задач, которые были поставлены во второй половине XIX в. Об этом свидетельствовало и доктринальное, и практическое «возвращение» к политическому опыту прошлого тех сил, которые наиболее близко подошли к пониманию реальной России, и, прежде всего, осознали приоритетность таких факторов как революционный потенциал крестьянства и важнейшая роль государства в модернизации.

Выводы по главе

Изменения в политической сфере заняли важнейшее место в модернизации России. Они вызывались целым комплексом противоречий, которые охватили российское общество.

Важнейшее противоречие сложилось между военно-политическим и экономическим натиском молодых капиталистических держав и необходимостью адекватного ответа в виде создания регулярной армии и, следовательно, всей системы современного регулярного государства, способной наладить экономическую связь с капиталистической мир-системой. Для решения этого противоречия в России пошли по пути утверждения абсолютистского авторитаризма на базе «тупиковых» квазикапиталистических форм при одновременном развитии форм легального господства (формально-правовых оснований, законодательства). Ведущей тенденцией в развитии регулярного государства по направлению к правовому явилось прохождение длительного этапа правомерного государства при закономерной бюрократизации управления.

Другое противоречие было вызвано нерешительностью и незаинтересованностью власти в своевременной ликвидации крепостного права и его остатков не только в силу многочисленных объективных условий, но и по причине абсолютизации и догматизации метода постепенных либеральных реформ. Возникшая в результате этого своеобразная модернизационная ловушка постоянно углубляла социокультурный раскол общества (между народом и властью, народом и дворянством, правящей и духовной элитами и, в конечном итоге, между силами традиции и модернизации) и, следовательно, тормозила развитие политических форм.

Еще одно противоречие возникло в первой половине XIX в. и развернулось между возрастающими потребностями капиталистического развития, ростом самосознания всех слоев российского общества, с одной стороны, и реалиями социальной и политической жизни России, с другой. Для его разрешения в условиях авторитарной волны самодержавием были осуществлены шаги по дальнейшему укреплению бюрократических начал и законности в управлении, регулированию прав сословий при одновременном приобретении государством надсословной самостоятельности, по осторожному расширению сферы гражданский свободы при решительном подавлении политического инакомыслия, распространению образования и ограничению кре-

постничества. «Осовременивание» политической жизни становилось все более неадекватным процессам становления капиталистического уклада, освобождению крестьян и назревшим задачам совершенствования политико-правовой сферы страны и вело к усилению раскола общества.

Сложившиеся противоречия власть попыталась разрешить в ходе создания в политическом строе новых институтов правового государства. Однако, к тому времени общая буржуазная трансформация привела к тому, что абсолютистский режим стал носить плутократический характер. Возникло серьезное политическое противоречие: тесное «сотрудничество» власти и буржуазных кругов не заинтересовывало их обоих делать решительные шаги в модернизации политического режима. В итоге, властью был сделан выбор в пользу политики подчинения ресурсов общества охранительной государственной политике, а не использования тенденций развития общества в его же собственных интересах. Это предопределило установление в начале XX в. авториатарной модели политической модернизации, основанной на соединении сословных пережитков с элементами буржуазной политической системы. Однако, высокий уровень радикализма народных масс, неприятия ими как феодальных, так и буржуазных ценностей делали нежизнеспособной бонапартистскую политическую систему, предполагавшую свою социальную опору в виде эклектического соединения политических усилий уже экономически слабеющего дворянства и еще политически слабой буржуазии.

Важнейшим показателем нараставшей неустойчивости самодержавия явилось неразрешенное противоречие между идеями охранительства и возникшей протоидеологией буржуазной модернизации в рамках общей государственной идеологии. Причинами этого противоречия стали недосформированность новой идеологической системы, противоречивая политическая позиция самодержавия и жесткое давление идеологических оппонентов.

Общественно-политические движения, отражая масштабный раскол российского общества, были носителями трех идеологических противоречий: между движениями и властью, между самими движениями и внутри движений. Наиболее значимое из них состояло в том, что если бюрократия полагала возможным совместить капитализм с самодержавием, то вся оппозиционная интеллигенция считала этот путь бесперспективным и тупиковым и потому стремилась так или иначе устранить монархическое начало. В результате, в то время как

страна в начале XX в. безостановочно левела, царь, камарилья, официальное правительство неуклонно двигались вправо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование деятельности государства и социальных групп в ходе формирования и становления буржуазного общества в России во второй половине XIX – начале XX в. позволяет сделать обобщающие выводы.

Историографический анализ показал, что рассматриваемая научная проблема исследовалась по многим ее аспектам. Для комплексного рассмотрения буржуазной модернизации России во второй половине XIX – начале XX в. сыграли важную роль те результаты изысканий отечественных историков, которые обладают серьезной доказательной базой и наибольшей достоверностью. К ним относятся: поздняя концепция «национализаторского» направления, в которой взаимодействие госаппарата и монополий понимается как сложное переплетение, а развитие отношений между национальным и иностранным капиталами – как союз; выводы «нового научного направления» о роли «октябристского» капитала в консервации до- и раннекапиталистических укладов, об особом русском типе аграрно-капиталистической эволюции, при котором капиталистическое хозяйство оказалось тесно переплетенным с кабально-арендными и отработочными отношениями; положение о формационном, а не производственном кризисе крепостнической системы; характеристика условий обеспечения значительной роли государственного предпринимательства в экономическом развитии страны; концепция продворянской направленности политики самодержавия в крестьянском вопросе, в организации местного самоуправления, в дворянском предпринимательстве; положения о причинах формирования в стране психологически и политически слабого буржуазно-помещичьего класса, о приспособлении самодержавия и крупной русской буржуазии к существовавшему порядку и отношениям; концепция переходного характера социально-политического облика рабочего класса России.

Зарубежные исследователи наибольшего результата добились в рамках теории модернизации, которая явилась эффективным орудием описания экономических, социальных и политических изменений в России, но – слабым инструментом во вскрытии социальных противоречий (что, напротив, составляет сильную сторону отечественных историков). В основном возобладала точка зрения тех авторов, которые рассматривают Россию как неотъемлемое и полноценное звено

европейского и мирового исторического процесса, приходя к выводу о типологической идентичности закономерностей и этапов российской модернизации и общеевропейского пути.

Специфика объекта, предмета, территориальных и хронологических рамок исследования обусловили использование широкого круга опубликованных (статистические документы, законодательные акты Российской империи, научные работы современников, документы личного характера) и неопубликованных (канцелярские документы и статистические материалы) письменных источников, что позволило определить основные тенденции и противоречия перехода России от традиционного общества к буржуазному во второй половине XIX – начале XX в.

Анализ исторических источников и литературы показал:

1.В длительной буржуазной модернизации России можно выделить два этапа: предварительный (докапиталистический) этап, охватывающий XVIII – первую половину XIX в. и капиталистический этап, который включал два исторических периода – пореформенный и монополистический.

2.Россия, создав в ходе первого этапа модернизации основы буржуазной эволюции, вступила в ее второй капиталистический этап и вышла по ряду направлений на раннеиндустриальный уровень развития, будучи отягощенной крепостническими, абсолютистскими и патриархальными пережитками.

Это побудило нас провести комплексный анализ российской модернизации в целом, а также ее этапов. Особое внимание было обращено на проблемы социокультурного, экономического, социального и политического раскола российского общества, асинхронности буржуазных преобразований в различных сферах жизнедеятельности, роли государства в форсированной деформации естественного процесса становления буржуазного общества.

Исследование показало, что в ходе формирования буржуазного общества в России происходило преобразование всего ее жизненного уклада. Особенности этого процесса напрямую зависели от субъективных и объективных факторов экономического развития страны. Длительная территориальная экспансия, сложные природные условия, предшествовавшие исторические обстоятельства предопределили институциональное и функциональное своеобразие межформационных преобразований в стране. Прежде всего, это сказалось в ходе *предварительного (докапиталистического)* этапа российской буржу-

азной модернизации. Его главным итогом явилась организационная, техническая, политико-правовая модернизация российского государства, в котором под абсолютистской формой были созданы такие элементы современного буржуазного государства, как регулярная армия, полиция, бюрократия, унифицированное управление; были заложены основы легального господства и гражданского общества, разделения властей, суда, местного самоуправления, буржуазного менталитета. Все эти преобразования тесно переплелись с действиями власти по форсированному формированию сословного строя уже в условиях модернизации.

Центральное место в сложившейся сословной системе занимало дворянство, которое вплоть до отмены крепостного права обладало монополией на занятие командных должностей в гражданском и военном управлении, держало в своих руках не только все отрасли центрального управления и суда, но и местное коронное управление и полицию и, тем самым, образовывались мощные узлы патронажных отношений, что обеспечивало более или менее эффективное удовлетворение интересов этого привилегированного сословия. Однако, общая бюрократизация управления, включение через службу в состав дворянства представителей других сословий приводили *к понижению политического статуса дворянства, ослаблению зависимости от него государства,* что в целом благотворно сказалось на будущих преобразованиях XIX – начала XX в.

Появившиеся в начале XIX в. политические проекты делали ставку на развитие правомерной монархии (как этапа движения к правовому государству) через сочетание двух государственных начал – конституционно-гражданского (в сословно-монархической форме) и бюрократического. Первое начало за время правления Александра I постепенно утратило перспективы на свою полноценную реализацию, так как последствия либеральной инверсии грозили затронуть существенные интересы дворян-помещиков. В итоге, российский абсолютизм в первой половине XIX в. приобрел правомерно-бюрократический сословный характер. В этом отразилась его формационная двойственность, которая впоследствии стала одной из главных проблем буржуазной модернизации. Такой же проблемой стало усиление в конце XVIII – начале XIX в. раскола российского общества, проходившего в нескольких плоскостях: между народом и властью, народом и дворянством, правящей и духовной элитами и, самое главное, между силами традиции и модернизации.

В рамках николаевского авторитаризма проходили шлифовка и некоторая трансформация правомерно-бюрократического сословного государства. Постепенно устраняя из государственного механизма элементы сословности, власть все больше реализовывала тенденцию бюрократизации и централизации управления. На вооружение были взяты милитаризация и регламентация общественной и государственной жизни, опека над сословиями при одновременном приобретении государством надсословной самостоятельности, ограничение крепостничества, осторожное расширение сферы гражданской свободы при решительном подавлении политического инакомыслия.

В исследовании нашло дополнительное подтверждение то, что главная причина «раннего» начала политико-правовой и организационно-технической модернизации российского государства состоит в том, что *экономическое и политическое давление складывающейся капиталистической мир-системы заставило власть в России ускоренно развивать функциональный аспект капитала в абсолютистской форме*.

Комплексный анализ избранной для исследования проблемы позволяет утверждать, что такой формационный ответ России во многом был вызван господством в общественном строе России трех взаимосвязанных элементов: общинно-патриархальных отношений, крепостничества и поместной системы. Их единство способствовало наступлению нескольких важных последствий: торможению формирования сословного общества, сужению социальной базы формирующейся буржуазии, потере интереса дворянства к развитию сословного представительства, сращиванию на основе крепостничества интересов дворянства и государства и, в целом, – утверждению абсолютной монархии.

В экономическом строе России конца XVIII – первой половины XIX в. наблюдалось переплетение развивающейся многоукладности, сочетания общинных начал с крупномасштабным участием государства в экономической жизни, высокого уровня монополизма и мобилизационности, зарождения в недрах добуржуазной общественной формации капиталистического уклада и обслуживающей его квазикапиталистической периферии, разложения старых добуржуазных укладов.

Рыночно-крепостное квазикапиталистическое хозяйство (то есть такое хозяйство, в котором докапиталистические формы эксплуатации служили массовому производству рыночного продукта), несмот-

ря на жизнеспособность и внутренний экономический потенциал, сдерживало формирование полноценного капиталистического рынка труда, дешевизной труда тормозило научно-технический прогресс, вошло в серьезное противоречие с развивающимся нравственным самосознанием людей, вело к технологическому тупику в земледелии. Поэтому отмена крепостничества стала главным условием ускорения капиталистического развития.

В середине XIX в. в российской модернизации начался *капиталистический этап перехода к буржуазному обществу.*

Исследование позволило определить, что во второй половине XIX в. заданные государственной властью России темпы экономического развития привели, с одной стороны, к его ускорению, с другой – к углублению межсекторного разрыва в экономике, что определяло отсталость страны в темпах экономического развития от Запада до реформ середины XIX в., а также к переходу на форсированную асинхронную модель общественного воспроизводства, возникновению основных признаков экономического строя России, которые показывают его буржуазно-формационный уровень.

1. Экономический строй России сложился в многоукладную переходную систему преимущественно конгломератного типа. Она характеризовалась длительным сосуществованием и устойчивым воспроизведением трех разнородных потоков-пластов моделеобразующих элементов и основанных на них отношений: неотрадиционного, почвенного («автохтонного», самобытного) капиталистического и государственно-монополистического («заимствованного»). Эти потоки-пласты образовали отдельные анклавы, которые автономно воспроизводили свой тип отношений. Связи между анклавами были построены больше не на синтезе и превращении одних форм в другие, а на параллельном, но разноплоскостном соразвитии. Анклавы при соприкосновении не образовывали сплава и в основном не приобретали новых качеств за счет утраты исходных. В российском конгломератном обществе преобладали не сквозные, а опоясывающие связи, которые отличались большой мягкостью и не стимулировали однородности. В роли таковых выступили: политико-правовая система царизма, политика государственного капитализма и включение властью квазикапиталистического («октябристского», кабального) механизма перекачки прибавочного продукта в капиталистический сектор.

2. В России углубился большой межсекторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством. Он обусловливался разной последовательностью утверждения главных элементов капиталистического способа производства. В промышленности за весь императорский период благодаря целенаправленной организаторской деятельности государства приоритет отдавался развитию индустриальных производительных сил при запаздывании или деформации капиталистических производственных отношений. В аграрном секторе, напротив, опережали капиталистические производственные отношения, но не в фазе производства, так как здесь у капитализма не было никаких серьезных перспектив, а в фазе обмена. Промышленность, выкачивая экономические ресурсы из сельского хозяйства, не только тормозила его капиталистическую модернизацию, но в стратегическом плане задерживала и свое собственное развитие. Во-первых, низкая эффективность сельскохозяйственного производства препятствовала перекачке рабочей силы из деревни в город. Во-вторых, легкость получения доходов от эксплуатации дешевого наемного труда, поступавшего из деревни, и неотрадиционных укладов развращали крупный капитал и направляли капиталистическую модернизацию в русло экстенсивного развития и неоправданно высокого уровня привлечения иностранного капитала.

3. Результаты индустриализации и промышленной революции не только не соответствовали уровню развития западных стран, чем обусловливали технико-технологическую отсталость страны, но и тормозили создание адекватной материально-технической основы естественного становления монополистического капитализма. Это консервировало разрыв между двумя потоками промышленного производства, углубляло несоответствие низкого уровня технического развития промышленности со степенью её концентрации, консервировало преобладание торгового капитала над промышленным.

4. В России был высокий уровень регрессии капитала и формирования неотрадиционных квазикапиталистических укладных форм. С одной стороны, без регрессии капитала капиталистическая модернизация была бы обречена на провал, но, с другой стороны, регрессивные формы предопределили утверждение тупиковой модернизационной модели. Монополистические объединения совместно с торгово-ростовщическим капиталом, закабаляя мелких производителей, в целом не разрушали мелкое производство, а консервировали его специфические черты, способствовали ухудшению условий труда и

удлинению рабочего дня. При этом крупный капитал эксплуатировал как мелкое товарное производство квазикапиталистического типа, так и мелкое капиталистическое производство. Такая регрессивная связь крупного капитала с мелким производством обусловила утверждение квазикапиталистического характера экономического строя России.

5. Для экономического строя была характерна незавершенность процесса первоначального накопления и его переплетение, как с элементами капиталистического способа производства, так и с предшествующими ему укладными формами.

6. Сложился межформационный переходный характер многих элементов рыночной инфраструктуры (денежный рынок, банковская система, торгово-промышленное законодательство, таможенная политика, фондовый рынок и др.).

7. Решающим звеном в развитии экономики России второй половины XIX – начала XX в. явился государственный капитализм. Он представлял собой такой вид организационно-хозяйственной деятельности государства, который основывался на ограничении им рыночно-ценовой координации и включал в себя государственное предпринимательство на основе государственной собственности и государственное регулирование, как в домонополистической экономической среде, так и в государственно–монополистической. Через активное государственное предпринимательство и проведение таких регулирующих мер, как таможенный протекционизм, предоставление выгодных казенных заказов, премий и ссуд, создание регулирующих в интересах буржуазии государственно-монополистических организаций государство напрямую содействовало буржуазному развитию производительных сил, становлению крупного частного предпринимательства и его монополизации, квазикапиталистическому пристегиванию к капиталистической экономике неотрадиционных укладов. Российский госкапитализм носил также расколотый характер, так как служил интересам крупной монополистической буржуазии только в контексте сохранения власти самодержавия и экономических привилегий помещиков. Этим во многом определился противоречивый характер деятельности правительства, сочетавшей как практику воспособления, поощрения капитала, а то и потворства ему, так и запретительно-ограничительные меры с угрозой применения репрессий. И здесь в полной мере проявилась незавершенность капитализации российской экономики. Наряду с этим в

самом секторе госкапитализма отсутствовал комплекс предприятий базовых отраслей, имели место ведомственная разобщенность, несовершенство хозяйственного механизма, слабая приспособленность к рынку, неумелое использование таможенного регулирования и иностранного капитала.

Как показал системный анализ проблемы формирования буржуазного общества, указанные экономические и политические факторы способствовали развитию такого явления как *убывающая прогрессивность российского государственного капитализма,* которая с начала XX в. нарастала по мере реализации госкапиталистических мероприятий.

8. В аграрном секторе России произошло становление депрессивной модели развития: в пореформенное время – на основе поддерживаемой сверху консервации архаических общественных отношений и квазикапиталистического характера аграрного производства, в эпоху монополизма – через утверждение в крестьянском анклаве деревни капиталистических отношений при сохранении квазикапиталистического характера помещичьего уклада.

Исследование показало, что развитие экономического строя России в XIX – начале XX в. подтвердило общемировую экономическую закономерность, согласно которой капитализм как национально-государственное устройство исторически возникал не путем углубления рыночных отношений, которые по своей экономической сути основаны на принципе возмездности и эквивалентности, а, напротив, через нарушение эквивалентности в рыночном обмене. В России эта тенденция получила своеобразное воплощение. Во-первых, роль мировой периферии, в отличие от Запада, сыграло полунатуральное крестьянство и мелкое промышленное производство. Во-вторых, процессы регрессии капитала протекали в период интенсивного образования крупного индустриального производства и его монополизации, что крайне обострило межсекторные разрывы в народном хозяйстве и вызвало консервацию некапиталистических укладных форм. В-третьих, государство через проведение активной государственно-капиталистической политики превратилось в ключевую фигуру капиталистической модернизации страны. Такая исключительная роль государства обусловливалась относительной слабостью частного предпринимательства, отсутствием значительных капитальных ресурсов и высоко эффективной системы аккумулирования и межотраслевого перелива капитала, узким внутренним рынком и ограниченным дос-

тупом на внешний, необходимостью установления квазикапиталистической смычки между капиталистическим сектором и неотрадиционной периферией.

Второе (после экономики) направление деятельности государственной власти по формированию буржуазного общества проявилось в ходе осуществления социальной политики самодержавия. Ее главными особенностями явились отсутствие четкого проекта буржуазных преобразований и сочетание развития сословного строя с процессами его разложения и превращения в буржуазную социально-классовую систему. Сущность этих процессов состояла в переходе от одного типа классового общества (сословно-классового) к другому (буржуазному).

1. Крестьянство как самое большое социальное образование экономически, социально и психологически замкнулось в потребительски-трудовой общинный класс-анклав, и тем самым обозначилась тенденция приостановки процесса пролетаризации. Не только высокая внутрисословная вертикальная мобильность крестьян и ухудшающиеся условия их жизнедеятельности тормозили формирование деревенских аналогов капиталистических классов: буржуазии и пролетариата, но и условия хозяйствования – преобладание кабально-арендных отношений, господство передельной общины и семейного труда в хозяйствах крестьян при сохранении в целом докапиталистического характера сельскохозяйственного найма.

В результате к 1917 г. сельская буржуазия и сельский пролетариат в целом не сформировались. Российское крестьянство того периода не являлось и мелкобуржузным классом, ибо характер большинства крестьянских хозяйств оставался семейно-трудовым и потребительским, а крестьянство в основном было настроено не только антифеодально, но и антикапиталистически. Тяга к уравнительности в крестьянской среде имела давнюю историю и поддерживалась в дореформенное время поместным дворянством исходя из хозяйственных задач, а в пореформенный период – государством по фискальным и политическим соображениям. Глубинная психологическая причина тяги к уравнительности в крестьянской среде заключалась в нарастании антиавторитарной инверсионной волны: все пореформенное время медленно, но неуклонно происходил разворот массового сознания от авторитаризма к локализму и соборности, причем тем интенсивнее, чем все менее эффективно авторитарная власть решала насущные общественные проблемы.

2. В результате модернизации рабочий класс сформировался в виде двухсоставного социокультурного образования. Промышленный пролетариат еще не сложился в класс буржуазного общества, так как был отягощен социально-экономическими и ментальными пережитками традиционного общества. Процессы индустриализации и урбанизации сопровождались двойной социокультурной динамикой. Рабочие, ставшие к станкам промышленных предприятий в конце XIX – начале XX столетия, сохраняли в своем сознании традиционные общинные ценности. Но при этом в ходе приспособления к новым жизненным обстоятельствам они не вытеснялись другими и не утрачивались, а трансформировались в рамках новой общности – трудового коллектива, принимая ярко выраженную антибуржуазную направленность.

В социокультурном основании рабочего класса находилась рабочая субкультура, возникшая на пересечении традиционной и буржуазной культур. Второй элемент составила основанная на противопоставлении классов «пролетарская культура», как идеологическая репрезентация класса во вне. Эти элементы, не смотря на разнородное формационное происхождение образовали относительно непротиворечивую на данном историческом этапе систему, что говорит о завершении формирования классового сознания российских рабочих. Однако содержание этого сознания позволяет сделать вывод о его симбиозном буржуазно-традиционном раннеиндустриальном характере.

3. Буржуазия в начале XX в. в своей массе ориентировалась на расширение собственного социального пространства в рамках сложившейся политической системы, а не на радикальные изменения политического и социального строя государства. Главными средствами для реализации своих интересов предпринимательские круги выбрали вполне приемлемые для самодержавия формы: различные обращения и ходатайства, закулисные сделки, дебаты в Думе, выступление в прессе. Вплоть до Февральской революции в отношении буржуазии к самодержавию четко прослеживались две тенденции: сотрудничество и оппозиция. Преобладала первая тенденция. Формационная слабость и незрелость российской буржуазии не позволили ей стать полноценным субъектом модернизационных преобразований.

4. Все сословия и классы, за исключением буржуазии, промежуточные социальные группы в целом заняли антикапиталистиче-

ские позиции. При этом русская интеллигенция не могла стать духовной инстанцией, которая взяла бы на себя легитимацию буржуазного государства.

5. В общественном сознании широких масс в конце XIX – начале XX в. действовала социокультурная инверсионная волна, направленная на утверждение локализма, уравнительности и соборности.

6. В массе своей городские поселения достигли средней величины и представляли собой раннеиндустриальный тип города. Урбанизация прошла одну стадию взаимосвязи города и деревни (от слитности к дифференциации) и остановилась на второй (от дифференциации к интеграции), не в силах разрушить и интегрировать аграрный анклав российского общества. Поэтому, в целом, Россия характеризовалась низким уровнем урбанизации. В исследуемый период в России происходил переход от традиционного к рациональному типу воспроизводства населения. К началу XX в. его параметры улучшились (понизился уровень смертности и рождаемости, сократилось детность, увеличилась продолжительность жизни), однако они серьезно отставали от демографических показателей западных стран**.** Поэтому в России только наметились тенденции перехода к современному типу воспроизводства населения. Не смотря на все изменения и в общественной практике, и в массовом сознании господствующей оставалась авторитарно-патриархальная модель отношения к детям и человеческих отношений вообще, что отражало нерешенность демографических проблем модернизации.

Исследование позволило сделать вывод, что *к 1917 г. ни фактическое, ни юридическое превращение сословно-классовой структуры российского общества в буржуазно-классовую далеко не завершилось.* Наиболее существенными причинами торможения процесса формирования классового буржуазного общества стали: квазикапиталистический и анклавный характер экономической системы, углубившей и закрепивший не только экономический, но и социокультурный раскол; недостаточная динамика профессионализации; влияние элементов традиционного общества и социокультурной инверсии; высокие социальные издержки капиталистической модернизации, выбор властью форсированной верхушечной модели буржуазной модернизации, имевшей в своем характере противоречивое сочетание охранительства и проевропейского подражательства.

В итоге, процесс социальных буржуазных преобразований по всем социальным параметрам еще не вышел за пределы своего начального раннеиндустриального этапа и сопровождался серьезным системным кризисом, последствием которого стало отторжение почти всеми социальными силами царистского варианта модернизации.

Тенденция господства процесса формирования буржуазного общества над его становлением наиболее ярко проявилась в политической сфере.

Политические преобразования пореформенного периода осуществлялись на фоне интенсивных изменений, происходивших в экономической и социальной сферах. Отмена крепостного права и относительно быстрое развитие капитализма, с одной стороны, потребовали адекватных шагов правительства в области государственного управления, а, с другой – вызвали к жизни большую общественную и политическую активность населения России. Кроме того, политические изменения диктовались и внутригосударственными причинами – несовершенством самих государственных органов.

Для решения накопившихся и вновь возникших проблем самодержавие пошло по пути создания в политическом строе новых элементов правового государства и совершенствования уже утвердившихся. Были созданы всесословные выборные органы местного самоуправления, главными особенностями которых являлись: *межформационный переходный характер* (сочетание буржуазного и сословного принципов представительства, чиновничьих и выборных институтов), *организационно-административная анклавность* (отсутствие связи с крестьянским самоуправлением и изолированность от общегосударственной политики), *недемократичный характер выборной системы и жесткий контроль со стороны государства.* Освобождение крестьян из-под юрисдикции помещиков, распространение буржуазных отношений побудило к созданию новой судебной системы, основанной на фундаментальных принципах буржуазного суда. Однако судебные преобразования лишь частично затронули главный недостаток российской правовой системы – правовую обособленность крестьянского сословия, а вскоре они вообще были приостановлены последовавшими контрреформами. *В результате общий уровень народного права и народного правосознания к концу XIX в. не соответствовал происходившим буржуазным преобразованиям в экономической сфере.*

Контрреформы внесли в государственный строй такие поправки, которые усиливали в управлении обществом роль коронной администрации за счет ослабления ростков общественного самоуправления, несколько повышали значение воли монарха над правомерным порядком в управлении государством. Это, с одной стороны, создавало более стройную и менее противоречивую государственную организацию, что способствовало более эффективному проведению капиталистических преобразований в экономической сфере, но, с другой стороны, задерживало созревание институтов гражданского общества и развитие российской государственности в сторону правового государства. Кроме того, контрреформы явились попыткой «отвратить смуту», затормозить движение массового народного сознания в сторону локальных догосударственных общинных ценностей.

Исследование подтвердило, что буржуазная трансформация привела к тому, что абсолютистский режим стал носить по отношению к господствующим классам *плутократический характер*: предпринимательские круги своих социально-экономических целей достигали не политической борьбой, а при помощи денег и закулисных торгов с представителями государственной власти. Данное качество самодержавия заложило серьезное политическое противоречие. С одной стороны, буржуазное развитие требовало адекватных изменений в политических и правовых сторонах общественной жизни, но, с другой стороны, слишком тесное «сотрудничество» власти и буржуазных кругов не заинтересовывало их обоих делать решительные шаги в модернизации политического режима, так как все возникавшие экономические и социальные запросы буржуазии эффективно решались келейно, через сговор и личную унию с бюрократией. Следовательно, возможность плутократического перерождения самодержавия заключалась не только в росте капиталистического предпринимательства, но и в сущности российской бюрократии. В течение всего абсолютистского периода она представляла собой промежуточный переходный тип между «традиционным» типом чиновника и «рациональным».

Общественно-политические движения, отражая масштабный раскол российского общества, были носителями трех идеологических противоречий: между движениями и властью, между самими движениями и внутри движений. Наиболее значимое из них состояло в том, что если бюрократия полагала возможным совместить капитализм с самодержавием, то вся оппозиционная интеллигенция считала этот путь бесперспективным и тупиковым и потому стремилась так или

иначе устранить монархическое начало. В результате, в то время как страна в начале XX в. безостановочно левела, царь, камарилья, официальное правительство неуклонно двигались вправо.

Анализ характера общественно-политических движений России второй половины XIX в. – либерализма и революционного народничества – позволил сделать вывод о переходном состоянии политической системы страны.

На политическую сцену вышла либеральная оппозиция, которая характеризовалась нерешительностью, идейной и политической слабостью, антирадикализмом, узкой социальной базой, этатистскими и антииндустриальными иллюзиями. Царизм вместо сотрудничества с ней предпочел противостояние.

Интеллигентский радикализм наиболее ярко воплотился в народническом движении. Его межформационный характер выразился как в доктрине народников (смешение разнородных политических задач – стремление совершить одновременно и демократический, и социалистический переворот в стране, сделавшей только первые шаги в сторону капитализма), так и в результатах их деятельности. Народничество и либерализм сыграли заметную роль в буржуазной модернизации страны. Их деятельность в определенной мере подтолкнула власть к либеральным реформам. Однако одним своим существованием они зафиксировали тот факт, что трон, бывший ранее инициатором нововведений, к концу XIX в. постепенно превратился в защитника традиций и порядка.

Утвердившийся после 1906 г. так называемый «обновленный строй» явился существенным шагом в сторону буржуазного правового государства, но шагом противоречивым. С одной стороны, Россия имела «конституцию» и парламент, разделение властей и относительно независимый суд, но, с другой стороны, эти институты носили неразвитый, переходный характер, отягощенный сословными пережитками. Поэтому в «третьеиюньский» период российское государство в политико-правовом смысле представляло собой *квазиконституционную правомерную монархию переходного типа от абсолютизма к правовому государству.* Социально-классовая сущность российского государства проявилась в политике бонапартизма, то есть лавирования самодержавия между Интересами буржуазии и помещиков. Однако бонапартистская политика царизма постепенно зашла в тупик. Увеличение экономической мощи буржуазии и усиление политического сопротивления пролетариата и крестьянства не оставля-

ли царизму другого пути, кроме охранительного, направленного на союз с помещиками и камарильей.

Важнейшим инструментом формирования элементов буржуазного общества являлась деятельность самодержавной власти по созданию государственной идеологии буржуазного развития. Если в докапиталистический период буржуазной модернизации присутствовали лишь некоторые бессистемные шаги в сторону идеологии модернизации, то в конце 1850 – начале 1860-х годов для решения задач модернизации страны самодержавная власть создала новую идеологическую конструкцию – охранительный либерализм. Он включал в себя два взаимодополняющих элемента: правительственный либерализм и общественный либерализм. Важнейшими чертами новой идеологии явились охранительный характер, отрицание радикализма, эволюционность, отсутствие адекватной социальной базы. Охранительство, эффективное в тактическжм плане, становилось ахиллесовой пятой в стратегическом развитии российского либерализма.

Государственная идеология буржуазной модернизации России как комплексная система концепции развития, механизма формирования и использования общественного мнения, широкой группы поддержки во второй половине XIX – начале XX в. законченном виде государственной властью создана не была. Однако, находясь в стадии становления, она приобрела такие характерные черты как противоречивый, расколотый характер, наличие узкой социальной базы, слабая боевитость, опора, главным образом, на государственный аппарат, который отдавал предпочтение административным и законодательным мерам перед агитационно-пропагандистскими.

Анализ российских реформ второй половины XIX – начала XX в. позволил сделать вывод о том, что самодержавие, оказавшись в плену необходимости архаизации части своего социума ради капитализации другой, а также комплекса интересов правящих верхов, мифологических представлений о государственном и социальном устройстве, страха перед радикальными преобразованиями, за вторую половину XIX в. постепенно утратило преобразовательную инициативу в одних вопросах (становление элементов гражданского общества), предложило неадекватные утопические преобразования во вторых (реформирование аграрного сектора и сферы образования), опоздало – в третьих (ликвидация крепостного права, введение парламента и конституции, развитие многих элементов производительных сил), и, тем самым, уступило в социально-политической сфере роль

лидера модернизации российской интеллигенции и тесно связанной с ней политической оппозиции.

Реализуемая модель межформационных преобразований, основанная на форсированной индустриализации, государственном капитализме и квазикапиталистической (рыночно-кабальной) эксплуатации крестьянства и других слоев населения, попытке соединения сословных пережитков с элементами буржуазной политической системы, привели к углублению политического и социального раскола в обществе, к консервации конгломератно-анклавной структуры экономики и социальной сферы страны. Эти последствия обусловили высокий уровень радикализма народных масс, неприятия ими как феодальных, так и буржуазных ценностей и, тем самым, делали нежизнеспособной бонапартистскую политическую систему, предполагавшую свою социальную опору в виде эклектичного соединения политических усилий уже экономически слабеющего дворянства и еще политически слабой буржуазии.

Российская власть оказалась неспособной разрешить не только противоречие между модернизационными потребностями российского общества (связанных с отменой крепостнических и сословных пережитков, становлением современной капиталистической промышленности, развитием институтов гражданского общества) и целями самодержавия по сохранению и укреплению своей власти в новых условиях, но и противоречия между противоположными тенденциями, порожденными сложностью процесса перехода аграрного и традиционного российского общества к буржуазному и индустриальному. В области модернизации страны выбор был сделан в пользу подчинения ресурсов общества государственной политике, а не использования тенденций развития российского социума в его же интересах.

В условиях антиавторитарной инверсии массового сознания выход из создавшейся ситуации лежал только на путях перехода к другой модели модернизации.

Итак, *капиталистический этап длительной буржуазной модернизации* в России имел следующие результаты.

I. Важнейшим итогом межформационных преобразований в России явилось формирование в конце XIX – начале XX в. такого экономического строя, который представлял из себя сложную систему: межформационную и переходную к капитализму с точки зрения стадиальной динамики, многоукладную и конгломератно-анклавную по своей структуре, квазикапиталистическую и государственно-

капиталистическую по функционированию экономического механизма. Эти качества, с одной стороны, обусловили возникновение капиталистического способа производства, а, с другой стороны, они же перекрывали перспективы капиталистическ модернизации.

II. Решающим звеном в развитии экономики России второй половины XIX – начала XX в. явилась политика государственного капитализма, которая, однако, имея в своей основе расколотый переходный характер, все больше приобретала качество убывающей прогрессивности.

III. В аграрном секторе России в конце XIX – начале XX в. утвердилась депрессивная квазикапиталистическая модель развития, итогом которой явилось единое действие двух, казалось бы, взаимоисключающих тенденций: движения к рыночному капиталистическому хозяйству, с одной стороны, и к консервации небуржуазных отношений, – с другой.

IV. В России в период с конца XVIII – до начала XX в. происходил переход от одного типа классового общества (сословно-классового) к другому (буржуазно-классовому). Этот процесс по всем социальным параметрам еще не вышел за пределы своего начального раннеиндустриального этапа и сопровождался серьезным системным кризисом, последствием которого стало отторжение почти всеми социальными силами царистского варианта буржуазной модернизации.

V. Самодержавие, являясь поначалу побудителем буржуазных изменений, в течение XIX в. утратило преобразовательную инициативу и уступило роль лидера модернизации российской интеллигенции и политической оппозиции. В условиях антиавторитарной инверсии массового сознания, высокого уровня радикализма народных масс, неприятия ими как феодальных, так и буржуазных ценностей становились бесперспективными и нежизнеспособными не только царистский авторитаризм или бонапартистская политическая система позднего российского самодержавия, но и любые попытки установления буржуазной демократии. Выход из создавшейся ситуации лежал только на путях перехода к другой модели модернизации.

VI. Интенсивно реализуемая во второй половине XIX – начале XX в. в России государственная политика в области модернизации страны, подчинив ресурсы общества интересам развития капиталистического уклада, обусловила возникновение сложных тенденций и противоречий в экономической, социальной, политической и социокультурной сферах. В совокупности это вызвало системный кризис

российского общества на раннебуржуазной ступени развития и привело к смене модели модернизации России.

VII. Государственная идеология буржуазной модернизации России как комплексная система, включающая концепцию буржуазного развития, механизм формирования и использования общественного мнения, широкую группы поддержки, во второй половине XIX - начале XX века в законченном виде государственной властью создана не была. Она представляла собой в целом малоэффективную и противоречивую (консервативно-либеральную) идеологическую конструкцию, которая, с одной стороны, прямо обслуживала самодержавно-авторитарную модель буржуазной модернизации, а, с другой стороны, косвенно способствовала ее разрушению.

В целом ход российской модернизации можно представить следующим образом. Проводившиеся в XVIII – начале XIX в. в социально-политической сфере буржуазные преобразования субъективно были направлены не на становление буржуазного общества, а на дооформирование сословного дворянского строя, но объективно, в конечном итоге, способствовали буржуазной модернизации страны. Правители России в этот период не стремились утверждать буржуазные порядки сами по себе, так как они не имели в их сознании какой-либо самостоятельной ценности. Главным приоритетом и смыслом развития у самодержавия всегда являлись укрепление и расширение державы, сохранение монархии, социально-экономическое обеспечение военной мощи страны. Исходя из этого государственная власть видела и ясно осознавала военно-политическую, экономическую и социокультурную угрозу, идущую с Запада. Адекватный ответ на нее, как казалось, лежал, прежде всего, в плоскости модернизации российской государственности и включения страны в мировое рыночное хозяйство. Неминуемым попутным последствием такой модернизации явилось постепенное вызревание самобытного потока российского капитализма, отягощенного квазикапиталистическими (рыночно-кабальными) формами.

К середине XIX в. докапиталистический этап буржуазной модернизации подошел к экономическому, военно-политическому и социокультурному пределу своего развития, главным образом, в силу исчерпания мануфактурной технологии и крепостного характера труда. Возникла острая необходимость перехода ко второму, капиталистическому этапу буржуазной модернизации. И если до середины XIX в.

шло сознательное, целенаправленное доформирование властью сословного общества и укрепление абсолютизма при попутном становлении капитализма, то в последующем мы наблюдаем переход власти на позицию активного целенаправленного формирования капитализма, пусть и отягощенного крепостными пережитками.

В начале нового этапа происходила ускоренная ликвидация институтов крепостничества и без промышленного переворота и индустриализации дальше двигаться было нельзя. Однако выбранная верхушечная форсированная модель экономической политики привела к появлению уродливого капитализма, основанного на насаждении «заимствованного» государственно-монополистического потока, пристегивании к нему как самобытного российского капитализма, так и докапиталистических укладов. Эта стратегия преобразований привела к перегреву российского социума и вызвала к жизни острые социально-экономические и политические противоречия. Попытка вырастить без буржуазной политической революции «ручных» капиталистов и цивилизованных рабочих для создания «английской» системы провалилась.

П.А. Столыпин попытался придать процессу формирования капитализма оттенок становления, попытался «освежить», дать простор самобытному, «автохтонному», почвенному потоку модернизации. Однако к тому времени антикапиталистическая, антибуржуазная тенденция российского пролетариата и крестьянства, проявившаяся в годы Первой русской революции, оказалась более устойчивой и востребованной массами, чем процессы становления буржуазного общества. Эта тенденция стала составным элементом психологической инверсии, направленной на утверждение догосударственных локалистских ценностей. И если в экономической сфере в ходе взаимодействия разновекторных потоков в победители вышел насаждаемый сверху капитализм, то в социально-политической сфере господствующим стал «общинный идеал», отодвинувший на задний план и монархизм, и либеральный поттерн.

Таким образом, в ходе формирования буржуазного общества в России периода империи происходили качественные изменения длительного типа в виде длительной буржуазной модернизации, что дает основание определить ее межформационный революционный характер.

Исследование подтвердило, что в длительной буржуазной модернизации можно выделить два этапа.

Содержанием ***предварительного (докапиталистического) этапа буржуазной модернизации*** стало развитие функционального аспекта капитализма в абсолютистской форме. Это проявилось в организационно-технической модернизации промышленности, возникновении квазикапиталистических производственных отношений, политико-правовой модернизации российского государства при одновременном создании его сословного базиса. ***Капиталистический этап формирования буржуазного общества (буржуазной модернизации)*** явился прямой реализацией взаимодействия развивающихся индустриальных производительных сил и соответствующих им капиталистических экономических отношений в условиях функционирования добуржуазных пережиточных форм. Этот этап включал два исторических периода: пореформенный и империалистический.

Содержанием пореформенного периода стали: завершение формирования капиталистического уклада в виде двух социально-экономических потоков-пластов (почвенного и государственно-монополистического), и их конгломератного государственно-капиталистического и квазикапиталистического переплетения; отмена крепостного права и становление депрессивной модели эволюции аграрного сектора; интенсификация перехода от сословно-классовой социальной системы к буржуазно-классовой; дальнейшее плутократическое перерождение власти, предопределившее половинчатое и противоречивое расширение гражданских и политических прав и свобод и лишь некоторое приближение отдельных государственных институтов к либеральному идеалу; переход в связи с этим части преобразовательной инициативы в руки интеллигенции и политической оппозиции.

Модернизация периода империализма предполагала в первую очередь завершение становления экономического строя России в виде сложной системы: межформационной и переходной к капитализму с точки зрения стадиальной динамики, многоукладной конгломератно-анклавной по своей структуре, квазикапиталистической и государственно-капиталистической по функционированию экономического механизма. Данные качества, обусловившие возникновение капиталистического способа производства, перекрывали перспективы развития капиталистической модернизации. Это проявилось, во-первых, в возникновении такого качества российского государственного капитализма, как убывающая прогрессивность, во-вторых, в продолжении функционирования депрессивной модели аграрной эволюции, хотя и в

другой форме, и, в-третьих, в углублении межсекторного разрыва между сельским хозяйством и промышленностью. Новые экономические реалии повлияли на установление и крах квазиконституционного строя и бонапартистской политической системы, сказались на окончательной утрате самодержавием лидерства в проведении преобразований.

Обобщенный исторический опыт процесса становления буржуазного общества в Российской империи и деятельности государства по его формированию позволяет определить *исторические уроки*.

1. Большой экономический разрыв, возникший между Западом и Россией в XIX в. (и существующий до сих пор) с неизбежностью ставит проблему догоняющего развития, средством решения которой является постоянное воспроизводство выбора форсированной модели индустриализации и социально-политической модернизации при слабом, недосформированном субъекте буржуазных преобразований и ведущей роли его заменителя – государственной инициативы. Когда она ослабевает или становится неадекватной стоящим перед страной задачам, российское общество погружается в кризис. Отсюда вытекают важные исторические требования. Во-первых, необходимо, в первую очередь, уделять внимание развитию ведущего социального субъекта преобразований, дабы государству не обрекать себя на исполнение несвойственных ему функций. Во-вторых, властные структуры должны соизмерять масштабы задач государственной политики и их ресурсное обеспечение, что выводит на необходимость поиска возможных альтернатив и отказа от политики простых однозначных решений. В условиях догоняющего развития метод форсированного роста экономики не является абсолютно безальтернативным. При определенных обстоятельствах возможен путь постепенного накопления капитала при развитии мелкой и средней промышленности – путь в свое время теоретически обоснованный экономистами-народниками, а практически реализованный в 1970-1980-х годах в КНР.

2. Пристегнутость (включение на вторых ролях) российской экономики к капиталистической мир-системе «генетически» обусловливает возможное воспроизведение различных форм регрессии капитала и квазикапитализма. Это, в свою очередь, обусловливает возможность появления конгломерата капиталистических потоков («западного» и «почвенного») и квазикапиталистических укладов и

возникновение на этой основе не только социального, но и социокультурного раскола.

3. Использование в российской модернизации аграрного сектора трех моделей развития: «вертикальной» (полукрепостнической), «горизонтально-рыночной» (столыпинской) и «вертикально-горизонтальной» (кооперативной) показывает тупиковость первой модели, катастрофичность – второй и большую перспективность – третей и в экономическом, и социальном аспектах. Это подтвердил опыт многих стран, вставших на путь модернизации позже России. Отсюда следует необходимость внимательного изучения преобразователями и в России, и в других странах возможности развития широкого кооперативного движения.

4. Бюрократическое администрирование, ставшее основным методом управления страной в XVIII – XIX в. заложило основу последующих моделей управления и выработало привычку решать задачи форсированного догоняющего развития исключительно мобилизационными бюрократическими приемами. Это порождает своеобразную ловушку для всех реформаторов и преобразователей нашей страны. В ней сочетаются бюрократическое самомнение, нежелание решать вопросы с опорой на мнение простых людей и страх перед ответственными решениями, упование на волю вышестоящего начальства. Исторический опыт России XVIII – начала XX в. говорит о том, что именно бюрократическое администрирование несет с собой угрозу игнорирования властью простой истины государственного управления: нельзя приступать к реформированию общества, которому непонятны цели государственной политики, зато видны ее негативные последствия, ухудшающие положение населения или противоречащие его социокультурным ценностям; нельзя задерживать или ухудшать просвещение населения и требовать от него понимания властных решений.

5. Незавершенность перехода к буржуазному обществу обусловливает закономерность воспроизводства функционирования механизма социокультурной инверсии от одного крайнего идеала общественного сознания (авторитарного) к другому («соборному»). Исторический опыт учит, что эти переходы чреваты огромными потрясениями и потерями для общества. Выход из этой модели возможен только в русле постоянного поиска переходных опосредующих звеньев между полюсами инверсии. А это требует, в первую очередь,

вывода сознания преобразователей из-под власти идеологических догм и корпоративных интересов.

Никакие сколь угодно эффективные идеологические решения и мероприятия не могут, в конечном итоге, воспрепятствовать маятниковому, инверсионному движению общественного сознания от одного полюса к другому. Эффективными являются только те политические силы, которые не противодействуют сложившемуся вектору движения общественного сознания, а используют его.

6. Исторические корни современной России лежат в ее генезисе из состояния развивающейся периферийной страны, в буржуазно-модернизационном, стадиальном смысле слова. Ее переходность и межформационность, с одной стороны, фиксируется всем ходом внутреннего исторического развития, а с другой – соотносится с такими же по своей сущностной основе, изменениями, происходящими в то или иное время, в той или иной степени во всех странах развивающегося мира. Это не исключает, однако, влияния на ход развития России специфических особенностей ее модернизации.

Их анализ, в первую очередь, природно-хозяйственного фактора, приводит к разрушению мифа о России как Великом Востоко-Западе. На самом деле географическое промежуточное положение между Западным и Восточным мирами не совпадает с социально-экономическим местом России. Образно говоря, она по условиям своего хозяйственного пути гораздо дальше отстоит от Востока, нежели Запад, который и занимает истинное в природно-хозяйственном смысле, промежуточное положение. Только в Западной Европе сложился природно-климатический оптимум для экономической самореализации, именно здесь условия были достаточно суровы, чтобы создать стимул к эволюции, и достаточно мягки, чтобы предоставлять для этого возможности.

Находясь достаточно далеко друг от друга, по условиям экономической деятельности, российский и восточный миры удивительно близки по своим модернизационным проблемам и задачам. Эта близость объясняется общим направлением межформационного сдвига от традиционного к буржуазному обществу.

7. В модернизирующемся обществе всегда происходит выбор между стратегией становления и стратегией формирования буржуазного общества. Приоритет того или иного варианта зависит от конкретной совокупности факторов. Российский опыт показывает, что стратегия формирования является более скоростной, но и более

неустойчивой, противоречивой, а, следовательно, обладает меньшим потенциалом прочности и может приводить к возвращению к казалось бы уже пройденным этапам развития.

Выводы из исторических уроков сложного и противоречивого периода отечественной истории предполагают их учет в развитии современной России и, в первую очередь, того, что проведение социально-экономических и политических буржуазных преобразований должно сопрягаться с назревшими потребностями модернизации государства и становления гражданского общества, при учете специфики российского социума и российской цивилизации в целом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Неопубликованные первичные источники

1. Материалы дел из фондов Государственного архива Российской федерации (ГАРФ):

– Постоянный совет объединенных дворянских обществ (ф. 434, оп. 1, д. 41, 260, 328);

– Коллекция рукописей Царскосельского дворца (ф. 543,оп.1, д.315);

– Всероссийский крестьянский союз (ф. 519, оп. 1, д. 15, 16, 21);

– Деятельность фракции трудовиков (ф. 522, оп. 1, д. 1, 2);

– Александр II (ф. 678, оп. 1, д.603, 607, 673, 675, 696);

– Великий князь Константин Николаевич (ф. 722, оп. 1, д. 292, 336, 342, 351, 354, 355, 356);

– Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии. 1826-1880 (ф. 109, оп. 223, д. 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 12).

2. Материалы дел из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА):

– Главный штаб (ф. 400, оп. 3, д. 2606, 2608, 2708, 2905);

– Военно-ученый комитет (ф. 401, оп. 5/926, д. 615);

– Русско-турецкая война 1877–1878 гг. (ф. 485, оп. 1, д. 839);

– Артиллерийский департамент (ф. 503, оп. 4, д. 268, оп. 5-6, д. 190);

– Главное артиллерийское управление (ф. 504, оп. 7, д. 953, 956, 959, 966);

– Канцелярия военного министерства (ф. 1Л., оп. 1, т. 15, д. 40).

3. Материалы дел из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА):

– Орловы-Давыдовы (ф. 1273, оп. 1, д. 2592, 2605, 2606).

4. Материалы дел из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА):

– А. Кривошеин (ф. 1571, оп. 1, д. 62);

– Крестьянский поземельный банк (ф. 592, оп. 43, д. 1064);

– Государственная дума (ф. 1278, оп. 1, д. 787);

– Комитет по землеустроительным делам Министерства земледелия (ф. 408, оп. 1, д.70);

– Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел (ф. 776, оп. 8, д. 2102);

– Общая канцелярия министра финансов (ф.560, оп.14, д. 292);

– Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности при Государственном совете (ф.1233, оп.1, д.7);

– И.Я. Гурлянд (ф. 1629, оп. 1, д. 116, 400).

5. Материалы дел из фондов государственного архива Тульской области (ГАТО):

– Тульский оружейный завод (ф. 187, оп. 1, д. 178).

6. Материалы дел из фондов Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб):

– Канцелярия Петербургского генерал-губернатора (ф. 2075, оп. 5, д. 20, 39);

– Канцелярия Петербургского губернатора (ф. 253, оп.3, д. 613, 2062, 3874, 4496);

– Петроградская городская Дума (ф. 792, оп. 1, д. 3193, 7418, 9162);

– Канцелярия Петроградского градоначальника (ф. 569, оп. 1, д. 461, 996; оп. 15, д. 808);

– Петроградское губернское правление (ф. 254, оп. 1, д. 3193, 7418, 9162);

– Петроградское уездное полицейское управление (ф. 961, оп. 3, д. 195; оп. 4, д. 920);

– Фабричная инспекция Петроградской губернии (ф. 1229, оп. 1, д. 2, 8а, 141, 203, 214, 225, 945);

– Строительное отделение Петербургского губернского правления (ф. 256, оп. 22, д. 11; оп. 29, д. 214);

– Петроградская городская управа (ф. 513, оп. 116, д. 157);

– Петроградская распорядительная дума (ф. 514, оп. 1, д. 196);

– Петроградская городская санитарная комиссия (ф. 210, 1, д. 164-а);

– Новоладожская уездная земская управа (ф. 682, оп. 1, д.912, 918, 965, 1108,);

– Ямбургская уездная земская управа (ф. 1780, оп. 3, д. 1);

– Петроградские высшие женские курсы (ф. 113, оп. 1, д. 31).

7. Материалы дел из фондов Центрального государственного архива Военно-морского флота:

– Канцелярия Морского министерства (ф. 410, оп. 2, д. 1045).

II. Опубликованные первичные и вторичные источники

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е: В 45 Т. – СПб., 1830. – Т. XX, XXIX, XXX, XXXI, XXXIX.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е: В 55 Т. – СПб., 1830–1884. – Т. II, XX, XXI, XXII, XXV, XXXVI.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е: В 45 Т. – СПб., 1885–1916. – Т. I, VII, IX, XII, XIV, XVII, XIX, XXIII, XXIV, XXVI.
4. Свод законов Российской империи: В 15 Т. – СПб., 1832. – Т. 1. –Ч. 1.
5. Свод законов Российской империи: В 16 Т. – СПб., 1892. – Т. 2, 3; 1899. – Т. 4; 1903. – Т. 4, 5, 14; 1907. – Т. 4; 1912. – Т. 4.
6. Свод военных постановлений. – СПб., 1859. – Ч. 1.
7. Свод военных постановлений. – СПб., 1869. – Кн. XVIII.

8. Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. – СПб., 1897. – Т.I. – Введение.

9. Департамент окладных сборов, 1863–15.IV.1913.[Исторический очерк]. – СПб., 1913. – 277 с.

10. Десятилетие министерства народного просвещения 1833–1843. – СПб., 1864. – С. 3–4.

11. Доклад высочайше учрежденной 26 мая 1872 года комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. – СПб., 1873. – С. 1-54.

12. Исследование экономического положения Центрально-Черноземных губерний. Труды особого совещания 1899-1901 г.. Составил А.Д. Поленов. – М., 1901. – 70 с.

13. Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903.

14. Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. – СПб., 1906. – 97 с.

15. Отчет исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 гг. / Под ред. С.Н. Прокоповича. – М., 1918. – С. 83.

16. Отчет о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. – Пг., 1916. – С. 2–3.

17. Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1915 г. – Пг., 1915. – С. 21–51.

18. О мерах к развитию производительных сил России. Доклад Совета съездов // Одиннадцатый очередной съезд представителей промышленности и торговли. – Пг., 1915. – С. 404–405.

19. О современном положении промышленности и торговли и видах на будущее в связи с предпринимательской деятельностью казны. Доклад Совета съездов // Восьмой очередной съезд представителей промышленности и торговли. – СПб., 1914. – С. 124.

20. О работе железнодорожной сети в условиях настоящей войны. Справка Министерства путей сообщения. – Пг., 1916. – 31 с.

21. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. – СПб., 1905. – Т. 2. – 412 с.

22. Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 года. Вып. XVI. Итоги по империи. – Пг., 1915. – 48 с.

23. Положение о землеустройстве в Государственной думе и Государственном совете. – СПб., 1911. – 43 с.

24. Предварительные итоги переписи 1916 г. Вып. I. – Пг., 1916. – С. 636–637.

25. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. – Пг., 1916. – С. 1-527.

26. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1911 год. – СПб., 1912. – С. LIV-LV.

27. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1912 год. – СПб., 1913. – С. XLIX.
28. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год. – СПб., 1914. – С. L.
29. Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. – СПб., 1907. – 199 с.
30. Статистика налогов и пошлин. Государственный промысловый налог. Основной налог с отчетных и неотчетных предприятий и дополнительный налог с неотчетных предприятий за 1912 г. – Пг., 1915. – С. XVIII–XX.
31. Статистические результаты процентного и раскладочного сборов за 1896, 1897, 1898 гг. по исчислению, классификации и определению оборотов и прибылей торговых и промышленных предприятий, подлежащих сим сборам. – СПб., 1900. –221 с.
32. Статистические результаты раскладочного сбора за 1885 г. по исчислению, классификации и определению оборотов и прибылей торговых и промышленных предприятий, подлежащих сему сбору. – СПб., 1888. – 287 с.
33. Статистический ежегодник на 1914 год. – СПб., 1914. – С. 395, 416–417.
34. Труды съезда непременных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий. - СПб., 1909. - С. 246-249.
35. Труды губернских комитетов по улучшению быта крестьян. Т. 2. Свод предметов, обративших на себя внимание орловских дворян на уездных совещаниях. – С. 1-35.
36. Труды 29 съезда Бакинских нефтепромышленников. – Баку, 1911. – С. 229.
37. Ааронский Н.В. Профессиональные занятия населения Полтавской губернии по данным подворной переписи 1910 г. // Статистический ежегодник на 1915 год. Полтавское Губернское Статистическое Бюро. – Полтава, 1919. – № IV.
38. Александровский Ю.В. Закон 14 июня 1910 г. Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. – СПб., 1911. – 608 с.
39. Александровский Ю.В. Закон о страховании рабочих от несчастных случаев. – СПб., 1913. – 161 с.
40. Аухаген Г. Критика русской реформы / Пер. с нем. и примеч. члена Комитета по землеустроительным делам А.А. Кофода. – СПб., 1914. – 32 с.
41. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. – СПб., 1891. – Кн. 4. –387 с.
42. Безобразов В.П. Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть. – СПб., 1882. – С.1-715.
43. Безобразов В.П. О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом. – М., 1863. – С.5-35.
44. Белов В.Д. Кризис уральских горных заводов 1909 г. – СПб., 1910. – 82 с.
45. Берендтс Э.Н. Связь судебной реформы с другими реформами императора Александра II и общественной жизньюю России. – СПб., 1915. – 202 с.
46. Блуменбах Е. Гражданское состояние [сословие] в России, а в частности, в прибалтийских губерниях, его права и обязанности. – Рига, 1899. – 64 с.

47. Бржеский Н. Натуральные повинности крестьян и мирские сборы. – СПб., 1906. – 219 с.
48. Былим-Колосовский Н. Развитие донецкой каменноугольной промышленности // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1901. – № 47. – С. 346.
49. Быховский Н.Я. Русская община и земельная реформа. - М., 1917. – 38 с.
50. Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел в 2-х томах. – М.,1961. – Т.I. 1861-1864. – 422 с.; Т.II. 1865-1876. – 588 с.
51. Великая реформа. – М.,1911. - Т. III – 268 с.; Т. IV. – 280 с.; Т.V. – 311 с.
52. Вехи; Интеллигенция в России: Сб. статей. 1909–1910. – М., 1991. – 235 с.
53. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х Т. – М., 1960. – Т. 1. – 555 с.
54. Витчевский В. Торговля, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. – СПб., 1909. – 362 с.
55. Вихляев П.А. Аграрный вопрос с правовой точки зрения. – М., 1906. – 63 с.
56. Витте С.Ю. Воспоминания. – М.,1960. – Т.3 (17 октября 1905-1911). Царствование Николая II. – 723 с.; Витте С.Ю. Воспоминания. – М.,1960. – Т.2 (1894 - октябрь1905). Царствование Николая II. – 639 с.
57. Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. – СПб.,1905. – 163 с.
58. Витте С.Ю. Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте Николаю II о необходимости установить, затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи. 1899 г., не позднее февраля // Сергей Юльевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист. К стопятидесятилетию со дня рождения / Под ред. Н.К. Фигуровской, А.Д. Степанского. – М.,1999, - Часть 2. – С.177-192.
59. Витте С.Ю. Записка С. Ю. Витте Николаю II от 9 октября 1905 г. о необходимости политических реформ // Витте Сергей Юльевич. Хроника. Документы, Воспоминания./ Подготовил к изд. Л.Е. Шепелев. – СПб., 1999. - С. 204-206.
60. Витте С.Ю. Записка С. Ю. Витте Николаю II от 9 октября 1905 г. о необходимости политических реформ // Витте Сергей Юльевич. Хроника. Документы, Воспоминания./ Подготовил к изд. Л.Е. Шепелев. – СПб., 1999. - С. 185,189.
61. Витте С.Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. – СПб.,1910. – 329 с.
62. Витте С.Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. – СПб.,1914. – 75 с.
63. Вольтке Г.С. Право промышленности и торговли в России в историческом развитии. – СПб., 1901. – 25 с.
64. Воронов Л. Иностранные капиталы в России. – М., 1901. – С.1 - 22.
65. Восстание декабристов: Документы / Под ред. М.В. Нечкиной.- Т. XVII. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. - М., 1980. – 295 с.
66. В.В. (В.П. Воронцов). Судьбы капитализма в России. – СПб., 1882. – 312 с.
67. Воронцов В.П. Судьба капиталистической России. Экономические очерки России. – СПб., 1907. – 220 с.

68. Всеподданнеший отчет саратовского губернатора П. Столыпина за 1904 г. // Красный архив. – 1926 г. – Т. 17. – С. 85.

69. Гвоздев Р. Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение. – СПб., 1898. – 161 с.

70. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. Соч. В 8 т. – М., 1984. – Т. 7. – С. 222–223.

71. Голубев А.К. Подати и народное хозяйство // Русская мысль. – 1893. - №7. – С. 18-20.

72. Гофштеттер И. Забытый государственный человек Николай Алексеевич Милютин (По русским и иностранным источникам). – СПб., 1901. – 48 с.

73. Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. – СПб., 2006. –368 с.

74. Головнин А.В. Всеподданнейший доклад Министра народного просвещения по проекту университетского устава 15 декабря 1862 г. – СПб.,1862. – 10 с.

75. Государственная деятельность Председателя Совета министров статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина / Сост. Е.В. Варпаховская. - СПб., 1911. - Ч. I - С. 1-39.

76. Градовский А.Д. Начала русского государственного права // Градовский А.Д. Собр. соч. – СПб., 1907–1908. – Т. VII. – 390 с., Т. VIII – 580 с., Т. IX. – 602 с.

77. Греч Н.И. Записки о моей жизни. – СПб., 1886. – 588 с.

78. Гушка А.О. [Коган О.А.] Представительные организации торгово-промышленного класса в России: По данным анкеты, произведенной XI (промышленно-экономическим) отделом Императорского русского технического общества. – СПб., 1912. – 208 с.

79. Давидович М. Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах. – СПб., 1912. – 32 с.

80. Дейч Л.Г. За полвека. – М., 1922. – Т. 1. – Ч. 2. – 126 с.

81. Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она берет у него. – Изд. 2-е исправленное и дополненное. – М., 1897. – 256 с.

82. Десятилетие министерства народного просвещения 1833–1843. – СПб., 1864. – С. 3–4.

83. Джаншиев Г.А. Эпоха Великих реформ. – М. , 1896. – 797 с.

84. Житков К.Г. Светлой памяти Великого князя Константина Николаевича генерал-адмирала русского флота (Биографический очерк). – СПб., 1912. – 137 с.

85. Журналы заседания ученого Комитета главного управления училищ по проекту Общего Устава Российских университетов – СПб., 1862. – Приложение VI. – С.2-5.

86. Зак С.С. Промышленный капитализм в России – М., 1908. – 172 с.

87. Законы о состояниях, ст.ст. 1–2 // Свод Законов Российской империи. В 16 т. – СПб., 1904. – Т. IX.

88. Записка, найденная в бумагах Н.Х. Бунге. 1881-1894 гг. - СПб., 1896. – 137 с.

89. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855-1879 / Отв. Ред В.Г. Чернуха. – СПб., 2005. – 503 с.
90. Зайцева Л.И. Аграрная реформа П.А. Столыпина в документах и публикациях конца XIX – начала XX века. – М.,1995. – 178 с.
91. Иванюков И.И. Падение крепостного пава в России. – СПб., 1882. – 404 с.
92. Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. – М., 1910. – 312 с.
93. Исаев А.А. Переселения // Вестник Европы. – 1890. - №4. – С. 811.
94. Календарь для учителей на 1914/15 учебный год. – СПб., 1914. – Ч. II.
95. Каблуков Н.А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. Очерки по экономии землевладения и земледелия. – М., 1908. – 398 с.
96. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. – М., 1989. – 653 с.
97. Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. – М., 1919. – 268 с.
98. Кауфман А.А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. – М., 1907. – 71 с.
99. Кауфман А.А. Переселения и колонизация. – СПб., 1905. – 443 с.
Каценеленбаум З.С. Война и финансово-экономическое положение России. – М., 1917. – 80 с.
100. Клинген И. Исторический очерк хозяйственно-экономической политики уделов // Сельскохозяйственный сборник удельного ведомства. – СПб., 1905. – С. 45.
101. Козьминых-Ланин И.М. К вопросу об артельном харчевании фабрично-заводских рабочих Московской губернии. – М., 1914. – 73 с.
102. Козьминых-Ланин И.М. Продолжительность рабочего дня и рабочего года на фабриках и заводах Московской губернии. – М., 1912. – 15 с.
103. Козьминых-Ланин И.М. Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губ. – М., 1911. – 36 л.
104. Коркунов Н.М. Русское государственное право. – СПб., 1908. – Т. 1. – С. 274.
105. Корнилов А.А. Крестьянская реформа. – СПб., 1905. – 271 с.
106. Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855-1881): Исторические очерки – М., 1909. – С.3-15.
107. Кофод А.А. 50 лет в России (1878-1920). Пер. с дат. - М., 1997.
108. Кочуровский. Крестьянское хозяйство и переселение // Русская мысль. – 1894. - №8. – С. 28.
109. Кошелев А.И. Мои записки (1812-1883 годы) // Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть I. Записки А.И. Кошелева. – М., 1991. – С.44-202.
110. Краткие бюджетные сведения по хуторским и общинным хозяйствам Симбирской губернии (Исследование 1913 г.). – Симбирск, 1915. – 217 с.
111. Крыжановский С.Е. Воспоминания (из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи). - Берлин, Б.Г. – 222 с.
112. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. – СПб., 1905. – 156 с.

113. Лаппо-Данилевский А.С. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. Исторический очерк. – СПб., 1899. – 126 с.
114. Левшин А.И. Достопамятные минуты в моей жизни. Записки А.И. Левшина //Русский Архив. - 1885. - № 8. – С.1-545.
115. Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826 – 1855 гг. – СПб.,1909. – 614 с.
116. Ленин В.И. Полное Собрание Сочинений. – М., 1871–1981. – Т. 1–6; 8; 10; 12; 15–17; 19–23; 27; 30; 32; 34; 40; 43; 45; 47.
117. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. – М., 1952. – С. 405–423.
118. Ленин В.И. Тетради по аграрному вопросу. 1900–1916. – М., 1969. – С. 21.
119. Леонтьев К.Н. Избранные письма (1854-1891). – СПб., 1993. – С.437; Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). – М., 1996. – С.395.
120. Лосицкий А.Е. Выкупная операция. – СПб., 1907. – 56 с.
121. Лосицкий А. Этюды о населении России по переписи 1897 г. // Мир Божий. – 1905. - №8. – С. 231-233.
122. Лохтин П. Безземельный пролетариат в России. Опыт определения количества безземельного пролетариата, созданного существующими способами крестьянского землевладения. – М., 1905. – 187 с.
123. Лунин М.С. Письма из Сибири. – М., 1987. – 495 с.
124. Любович Е. Казенный миллиард // Промышленность и торговля. – 1909. – № 3. – С. 145.
125. Маслов П. Аграрный вопрос в России. – СПб., 1908. – Т.1 (Условия развития крестьянского хозяйства в России). – С. 211-212.
126. Менделеев Д.И. К познанию России. – М., 2002. – 576 с.
127. Меньшиков М.О. Формула земли // Новое время. - 1908. - 21 октября.
128. Мещерский А.В. О заповедных имениях: Исторический очерк. – М., 1894. – 20 с.
129. Мигулин П.П. Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы (1893–1902 гг.). – Харьков, 1903. – 360 с.
130. Мигулин П.П. Русский государственный кредит. – Харьков, 1899. – Т. I. – 606 с.
131. Мигулин П.П. Экономический рост Русского государства за 300 лет (1613–1912). – М., 1913. – 224 с.
132. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. – СПб., 1901.
133. Министерство финансов. 1802–1902. – СПб., 1902. – Ч. I–II.
134. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры в 3 т. – М., 1995. – Т. 3. – 478 с.
135. Мозжухин И.В. Землеустройство в Богородицком уезде Тульской области. - М., 1917. – 356 с.

136. Морской сборник. – 1860.- № 12 (Приложение: «Об издании «Морского сборника» в 1801 году. - С. 2).
137. Московские ведомости – 1861 - № 94; 1866. - № 198; 1867 - 28 января - № 24.;1869. - № 260. - 29 ноября, № 276. – 19 декабря; 1875. - № 62. - 10 марта; 1882. - № 92. - 4 апреля; 1867. - № 279- 21 декабря; 1869. - № 69. - 29 марта; 1868.- № 31- 9 февраля; 1882.-№141. - 23 мая; 1882. - № 138. - 20 мая; 1884. - № 123.- 5 мая; 1883. - № 283. - 12 октября.
138. Народническая экономическая литература. – М., 1958. – 680 с.
139. Огановский Н.П. Революция наоборот. - Петроград, 1918. – 102 с.
140. Огарев Н.П. Предварительные соображения финансовой комиссии и труды комиссии для устройства земских банков // Искандер и Н. Огарев. Сборник (1855–1860) – Лондон, 1861. – Ч. II. – С. 191–193.
141. Озеров И.Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. – М., 1906. – 322 с.
142. Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Изд. 2-е, доп. и исправл. – СПб., 1908. – 306 с.
143. Павлов М.А. Воспоминания металлурга. – М., 1943. – 288 с.
144. Переписка Императора Александра II С Великим Князем Константином Николаевичем. 1857-1861. Дневник Великого Князя Константина Николаевича / Сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. – М., 1993. – 381 с.
145. Першин П.Н. Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 гг. – М., 1922. – 52 с.
146. Погожев А.В. Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. – СПб., 1906. – 224 с.
147. Председатель Совета Министров Петр Аркадьевич Столыпин / Сост. Е.В. Варпаховская. - СПб., 1909. - С.1-. 232.
148. Прокопович С.Н. Аграрный вопрос в цифрах. – СПб., 1907. – 126 с.
149. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы в 3-х тт. / Т. I: 1900–1907. – М., 1996.
150. Платонов С.Ф. Об условия их применения мировыми судьями местных обычаев при разрешении гражданских дел // Журнал гражданского и уголовного права. – 1881. – № 4. – С. 78.
151. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. – М.-Л., 1925. – Кн. 1. – С. 11; 72–77.
152. Плеханов Г.В. Новый защитник самодержавия, или горе г. Л. Тихомирова (Ответ на брошюру «Почему я перестал быть революционером») // Плеханов Г.В. Соч., 2-е изд. – М.-Л., 1925. – Т. III. –С. 75.
153. Плеханов Г.В. Пессимизм, как отражение экономической действительности (Пессимизм П.Я. Чаадаева) // Плеханов Г.В. Соч., 2-е изд. – М.-Л., 1925. – Т. X. – С. 155.
154. Покровский М.Н. Очерк истории русской культуры. – Пг., 1923. – Ч. 1–2. – 342 с.
155. Покровский М.Н. Предисловие // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в Древней Руси. – Пг., 1924. – С. 4–5.

156. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. – М., 1933. – 544 с.
157. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен (тома III и IV) // Покровский М.Н. Избранные произведения: В 4-х Т. – М., 1965. – Кн. 2. – 664 с.
158. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Покровский М.Н. Избранные произведения: В 4 т. – М., 1965–1967. – Кн. 1. – 725 с.
159. Покровский М.Н. Крестьянская реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М.,2001. – С.72 – 181.
160. Полиевктов М. А. Николай I. Биография и обзор царствования. – М., 1918. – 392 с.
161. Положение Тверского Комитета. Обзор Оснований и Отдельные Мнения. – Тверь, 1859. – С.1-37.
162. Попов М. Из моего прошлого // Минувшие годы. – 1908. – № 2. – С. 185.
163. Радищев С. О некоторых вопросах Бакинской нефтепромышленности. – Баку, 1912. – 44 с.
164. Редакционная статья // Свобода. – 1888. – № 1/2. – С. 2.
165. Ремесленники и ремесленное управление в России. – Пг., 1916. – 421 с.
166. Речь Н.С. Авдакова // Промышленность и торговля.– 1908. – № 8. – С. 469.
167. Речь С.И. Тимашева на 8-м очередном съезде представителей промышленности и торговли // Промышленность и торговля. – 1914. – № 10. – С. 515.
168. Рожков Н.А. Натуральное хозяйство и реформы землевладения в древней России // Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. – М., 1906. – Ч. 1. – С. 102.
169. Рожков Н.А. Основные законы развития общественных явлений. Краткий очерк социологии. – М.,1907. – 88 с.
170. Рожков Н.А. Очерк истории труда в России // Архив истории труда в России. – 1923. – Кн. 8. – С. 7.
171. Рожков Н.А. Происхождение самодержавия в России. – Пг., 1923. – 154 с.
172. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении: Основы социальной динамики. – М., 1923. – Т. 6. – 288 с.
173. Россия: Ее настоящее и прошедшее. – СПб., 1900. – С. 351–365.
174. Ростовцев Я.И. Всеподданнейшая записка председателя Редакционных комиссий генерала Ростовцева, представленная его императорскому величеству 6 февраля 1860 года. – СПб., 1860. – 32 с.
175. Р.С.Т., З.Н.П. Три партии. Мы на перепутье.- Берлин, 1860. – С. 1-22.
176. Рубакин Н.А. Много ли в России чиновников (Из «Этюдов о чистой публике») // Вестник Европы. – 1910. – № 1.

177. Рубакин Н.А. Наша правящая бюрократия в цифрах // Сын Отечества. – 20.IV.1905.
178. Русская энциклопедия. СПб., 1914. – Т. 9. – С. 34.
179. Русские ведомости, 4.XI.1905.
180. Русское государство. - 1906. – 1 Февраля; 1906.- 3 марта; 1906. - 15 марта.
181. Салтыков-Щедрин М.Е. Убежище Монрепо // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 10 т. – М., 1988. – Т. 6. – С. 308.
182. Самоквасов Д.Я. Новооткрытые документы поместно-вотчинные документы XV–XVII столетий – М., 1905. – 43 с.
183. Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года.– СПб., 1875. Вып. III. – С. 92–100.
184. С.-Петербургское общество для содействия улучшению и развитию фабрично–заводской промышленности. Информационный бюллетень. – Ноябрь 1900. – С.37.
185. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX столетия. – М., 1888. – Т. I. – 517 с.; Т. II. – 625 с.
186. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. В 2-х тт. – СПб., 1898. – Т. I. – 578 с.; Т. II. – 914 с.
187. Семевский В.Н. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. – СПб.,1903. – Т. 1. – 643 с.
188. Семенов Н.П. Освобождение крестьян в царствование имп. Александра II. – СПб., 1889. – Т. 1. – 848 с.
189. Скребицкий А.И. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян. Губернские комитеты, их депутаты и редакционные комиссии в крестьянском деле. - СПб., 1862. - Т. I. – 968 с.
190. Смирнов А. Земледелие и земледелец Центральной промышленной губернии // Русская мысль. – 1901. – Кн. VII. – С. 178.
Соболев Г.Л. Октябрьская революция в американской историографии. 1917-1970-е годы.- Л., 1979.- С.8.
191. Совет съездов металлозаводчиков Северного и Прибалтийского районов. О сокращении заграничных заказов морского и военного ведомств. – СПб., 1909. – 77 с.
192. Ставровский В. Санитарное состояние фабрик одной из юго-восточных окраин Москвы [Рогожской части] // Известия московской городской думы. Отдел общий. – 1909. – № 6/7. – С. 43–49.
193. Столыпин Петр Аркадьевич. Нам нужна Великая Россия…Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906-1911 гг. - М., 1991. – 411 с.
194. Струве П.Б. Крепостное хозяйство: Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX вв. – М., 1913. – 340 с.
195. Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. – СПб., 1894. – 291 с.

196. Страховский И.М. Крестьянские права и учреждения. – СПб., 1904. – 256 с.
197. Судейкин В. Т. Замечательная эпоха в истории русских финансов (Очерк экономической и финансовой политики Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского). – СПб., 1895. – 106 с.
198. Сыромятников С.Н. Опыты русской мысли. - СПб., 1901 – 321 с.
199. Тимофеев П. Чем живет заводской рабочий. – СПб., 1906. – С. 8.
200. Торгово-промышленные заведения г. Москвы в 1885–1890 гг. – М., 1892. – 136 с.
201. Трубецкая О.В. Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского. – М., 1904. – Т. 1. – Кн. 2. – 444 с.
202. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. – М., 1938. – Т.1. – 460 с.
203. Туган-Барановский М.И. Состояние нашей промышленности за десятилетие 1900–1909 гг. и виды на будущее // Туган-Барановский М.И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. – М., 1997. –С. 427–512.
204. Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. - Нью-Йорк, 1952. – 432 с.
205. Фадеев Р.А. Письма о современном состоянии России // Фадеев Р.А. Собрание сочинений. - СПб., 1890. – Т. III. – Ч.2. – С.104-106.
206. Финн-Енотаевский А.Ю. Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). – СПб., 1911. – 533 с.
207. Фирсов Н.Н. Русские торгово-промышленные компании в 1-ю половину XVIII столетия. (Очерки из истории торгово-промышленной политики и соответствующих общественных отношений). – Казань, 1896. – 220 с.
208. Ховен А. Путевые заметки о некоторых оружейных заводах // Оружейный сборник. – 1876. – № 2. – С. 18.
209. Цейтлин С.Я.Земская реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М.,2001. – С.182 – 233.
210. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. – М., 1989. – 491 с.
211. Чекин А. Женский труд в современном производстве // Вестник Европы. – 1911. – № 11. – С. 313.
212. Чернышев И.В. Община после 9 ноября 1906 г. (По анкете Вольного экономического общества) - Петроград, 1917. – 195 с.
213. Шарый В. Доходность акционерных предприятий за время войны // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1917. – № 33. – С. 191.
214. Швиттау Г.Г. Профессии и занятия населения. Опыт критико-методологического исследования в области экономической статистики. – СПб., 1909. – 324 с.
215. Шимановский М.Ф. Доклад // Труды XXV съезда горнопромышленников Юга России. – Харьков, 1901. – Т. 1. – С. 2.
216. Шубинской Н.П. Памяти П.А. Столыпина. - М., 1913. – 28 с.
217. Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. – СПб., 1877. – 160 с.

Ш. Литература

1. Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). Сборник статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокопятилетию научной и педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза. – М., 1964. – 519 с.
2. Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. – 1968. – № 2. – С. 82–104.
3. Аврех А.Я. Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития // Вопросы истории. – 1989. – № 2. – С. 17–31.
4. Аврех А.Я. Столыпин и Третья дума. – М., 1968. – 520 с.
5. Аврех А.Я. Царизм и третье июньская система. – М., 1966. – 181 с.
6. Административно-территориальное устройство России. История и современность. – М., 2003. – 320 с.
7. Аксаков И.С. Исторические судьбы земства на Руси // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. – М., 1887. – Т. 5. – С. 229–230.
8. Александров В.А. Сельская община в России: XVII – начало XIX вв. – М., 1976. – 323 с.
9. Александров В.А. Типы сельской общины в позднефеодальной России (XVII – начало XIX в.) // Проблемы этнологии и этнографии. – М., 1979. – С. 94.
10. Амбарцумов Е.А. Интеллигенция // Большая советская энциклопедия. – Т. 10. – 311 с.
11. Амелин П.П. Интеллигенция и социализм. – Л., 1970. – 151 с.
12. Амосов А.И. Эволюция денежной системы России // Вопросы истории. – 2003. – № 8. – С. 86–95.
13. Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. – Л., 1991. – 196 с.
14. Ананьич Б.В. К истории податных реформ 1880-х годов: (Введение дополнительных сборов к промысловому налогу: 3-процентного и раскладочного) // История СССР. – 1979. – № 1. – С. 172.
15. Ананьич Б.В. Россия и международный капитал, 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. – Л., 1970. – 316 с.
16. Андреева Л.А. Религия и власть в России. Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. – М., 2001. – 253 с.
17. Андрианов Б.В., Марков Г.Е. Хозяйственно-культурные типы и способы производства // Вопросы истории. – 1990. – № 8. – С. 3–15.
18. Анисимов Е.В. Время петровский реформ – М., 1989. – 496 с.
19. Анфимов А.М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // Исторические записки. – 1959. – Т. 65. – С. 119–162.
20. Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 гг. – М., 1980. – 239 с.
21. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века): Автореф. дис. ...д-ра. ист. наук. – М., 1966. – 31 с.

22. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). – М., 1969. – 393 с.
23. Анфимов А.М. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в., 1901–1912 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. – Минск, 1964. – С. 502.
24. Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. – 1997. – № 5. – С. 49–72; № 6. – С. 41–67; № 7. – С. 81–99; № 9. – С. 83–86.
25. Анфимов А.М. О мелком товарном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России // История СССР. – 1963. – № 2. – С. 141–160.
26. Анфимов А.М. Прусский путь развития капитализма и его особенности в России // Вопросы истории. – 1965. – № 7. – С. 62– 76.
27. Анфимов А.М., Макаров И.Ф. Новые данные о землевладении европейской России // История СССР. – 1974. – № 1. – С. 86.
28. Аронов И.В. Формационное основание научной периодизации истории // Свободная мысль. – 1996. – № 12. – С. 105–111.
29. Арсентьев В.М. Крестьянство в протоиндустриальных процессах в России первой половины XIX в. (по материалам Среднего Поволжья) // Экономическая история: Ежегодник. 2003. – М., 2004. – С. 360–391.
30. Афанасенко И.Д. Экономика и духовная программа России. – СПб., 2001. – 411 с.
31. Афанасьев Ю.Н. Энергия исторического знания // Московские новости – 11 января 1987 гг.
32. Ахиезер А.С. России: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Новосибирск, 1997. – Т. 1. – 804 с.
33. Ахиезер А.С. Философские основы социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. – 2000. – № 9. – С. 29–45.
34. Ашмарина С.В. Страхование рабочих Урала накануне Первой мировой войны // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность / Под. ред. А.В. Бузгалина и др. – М., 2002. – С. 140–147.
35. Барг М.А. О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. – 1990. – № 5. – С. 25–40.
36. Барышников М.Н. Политика и предпринимательство в России (Из истории взаимодействия в начале XX века). – СПб., 1997. – 233 с.
37. Белов А.М. Политические партии и рабочие центрального промышленного района в революции 1905–1907 гг. – Кострома, 1997. – С. 4 – 51.
38. Белова Т.В. Динамика номинальной и реальной заработной платы рабочих верхнего Поволжья в период Первой мировой войны // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность. – М., 2002. – С. 119–122.
39. Бердяев Н.А. Возможна ли социальная революция? – М., 1917. – 16 с.
40. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – 224 с.
41. Березина В.Г. Русская журналистика второй четверти XIX века (1826-1839 гг.).- М., 1965.- С. 1-18.
42. Бесов А.Г. Военная политика России в XIX веке. Монография. – М., 2001. – 253 с.

43. Беспалова Ю.М. Ценностные ориентиры предпринимательства России. – СПб., 1999. – 128 с.
44. Бессонова Т.В. Мещане в городском хозяйстве г. Казани первой половины XIX в. // Классы и социальные группы в судьбах России. – СПб., 2003. – С 80–85.
45. Бирюкова А.Б. Сословный состав городского населения Пензенской губернии в первой половине XIX в. (по данным административного учета) // Классы и социальные группы в судьбах России. – СПб., 2003. – С 64–80.
46. Бовыкин В.И. Еще раз к вопросу о «новом направлении» // Вопросы истории. – 1990. – № 6. – С. 164–178.
47. Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1988. – 155 с.
48. Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. – М., 2001. – 320 с.
49. Бовыкин В.И. Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России. 1861–1900 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М., 2003. – С.9–32.
50. Бовыкин В.И., Гиндин И.Ф., Тарновский К.Н. Государственно-монополистический капитализм в России (к вопросу о предпосылках социалистической революции) // История СССР. – 1959. – № 3. – С. 83 – 117.
51. Бовыкин В.И., Шацилло К.Ф. Личные унии в тяжелой промышленности России накануне первой мировой войны // Вестник московского университета. – Серия IX, История. – 1962. – № 1. – С. 55 – 74.
52. Богатикова Г.И. Реформа удельных крестьян 1863 года. Автореф. дис. ...канд. истор. наук. – М., 1956. – 15 с.
53. Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток-Запад-Россия. Сборник статей. – М., 2002. – С. 109–130.
54. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII – XIX в.: Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск, 1996. – С. 3 – 47.
55. Бойко Т.В. Рабочие России и культура. Полемика на страницах консервативной и либеральной периодики начала XX века. – М., 1997. – С. 7 – 75.
56. Бондаренко Д.М. Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной Тропической Африке. – М., 1997. – 71 с.
57. Бородавкин А.П. Реформа 1861 гг. на Алтае. – Томск, 1972. – С. 6 – 38.
58. Бородин А.П. Усиление позиций объединенного дворянства в Государственном совете в 1907–1914 гг. // Вопросы истории. – 1977. – № 2. – С. 56 – 66.
59. Бородин Е.Т. Что у нас произошло в 1917 году? // Социально-политические науки. – 1991. – № 9. – С. 10–21.
60. Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои. – М., 1981. – 290 с.
61. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (Конец XIX в. – 1914 г.). – М., 1992. – 264 с.

62. Боханов А.Н. Некоторые проблемы истории монополистической буржуазии в России // Монополистический капитализм в России. Сборник научных трудов. – М., 1989. – С. 163–181.
63. Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск, 1992. – 123 с.
64. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.: Время мира – М., 1992. – Т. 3. – 679 с.
65. Бугров А.В. Государственный банк и биржевые синдикаты в России: 1899–1917 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М., 2003. – С. 35–45.
66. Бурдина О.Н. Крестьяне-дарственники в России, 1861–1907 гг. – М., 1996. – 248 с.
67. Буровский А.М. Несостоявшаяся империя — 2. Незнакомая Россия: Историческое расследование. – Красноярск-Москва, 2001. – 510 с.
68. Бутенко А.П., Кадочникова Т.Г. Становление социалистического общества и казарменный социализм // Вопросы философии. – 1990. – № 6. – С. 46–52.
69. В крепостную эпоху на Средней Волге [Сборник] / Под общей ред. проф. И. Катаева. – Москва-Самара, 1934. – 224 с.
70. Вайнштейн А.Л. Народное богатство и народно-хозяйственное накопление предреволюционной России (Статистическое исследование). – М., 1960. – 483 с.
71. Вайнштейн А.Л. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. – М., 1924. – 157 с.
72. Варга Е.С. Капитализм после второй мировой войны. – М., 1974. – 555 с.
73. Василевский Е.Г. Идейная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы. – М.,1960. – 227 с.
74. Васильев Л.С. Курс лекций по Древнему Востоку: Ближний Восток. – М., 1985. – С. 11–15.
75. Вейнгольд Ю.Ю. Философия в понимании средневековой Руси // Интеллигенция, провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново. – 1996. – С. 73.
76. Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанин. – М., 1992. – 430 с.
77. Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. – М., 1998. – 432 с.
78. Вознесенский С.В. Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в 1800–1860 гг. Очерки. – М., 1932. – 284 с.
79. Волк С.С. «Народная воля», 1879–1882. – М.-Л., 1966. – 491 с.
80. Волобуев П.В. Великий Октябрь // Наука и жизнь. – 1987. – № 11. – С. 8–14.
81. Волобуев П.В. Монополии и топливный голод в России в 1911–1914 гг. (К вопросу о загнивании монополистического капитализма в России). Автореф. дис. ...канд. истор. наук. – М., 1953. – 12 с.

82. Волобуев П.В. Народные восстания в России в начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. – М., 1971. – С. 360–371.
83. Волобуев П.В. Октябрьская революция — главное событие XX века или трагическая ошибка? // Диалог. – 1990. – № 3. – С. 64–76.
84. Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия в России в 1917 гг. – М., 1964. – 358 с.
85. Вопросы генезиса капитализма в России. Сборник статей. – Л., 1960. – 240 с.
86. Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. – Свердловск, 1972. – 376 с.
87. Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. К 75-летию академика Н.М. Дружинина. – М., 1961. – 434 с.
88. Воровский В.В. О природе абсолютизма. – М., 1932. – Т. 1. – С. 199.
89. Воронкова С.В. Проблемы исследования индустриального преобразования России в начале XX века // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России». 1999. – № 8. – С. 7–25.
90. Воронкова С.В. Эволюция производственно-отраслевой структуры российской промышленности в конце XIX – начала XX вв. (методологические и источниковедческие аспекты) // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России» – 1997. – № 1. – С. 53–63.
91. Воронкова С.В., Грико Т.И. Деятельность научного семинара «Индустриализация в России» (1995–2001): некоторые исследовательские итоги и задачи дальнейшей работы // Там же. – 2001. – № 12. – С. 4–18.
92. Востриков Н.И. Борьба за массы (Городские средние слои накануне Октября). – М., 1970. – 200 с.
93. Гавлин М.Л. Московский торгово-промышленный капитал в конце XIX в. (по материалам гильдейского налогообложения в Москве) // Русский город: Москва и Подмосковье. – М., 1981. – Вып. 4. – С. 45–65.
94. Гавлин М.Л. Роль винных окупов в формировании крупных капиталов в России XIX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М.,2003. – С. 92–110.
95. Гавлин М.Л. Социальный состав крупной московской буржуазии во второй половине XIX в. // Проблемы отечественной истории. Сборник статей / Под. ред. А.М. Анфимова. – М., 1973. – С. 166–188.
96. Галахов В.В. Торгово-промышленное предпринимательство во второй половине XIX в. (По материалам промысловой статистики Центрально-промышленного района) // Царизм и развитие капитализма в пореформенной России. Сборник статей. – М., 1984. – С. 87–109.
97. Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана. 1867–1914 гг. – Алма-Ата, 1965. – 345 с.
98. Галузо П.Г. Из истории аграрных отношений дореволюционного Семиречья (конец XIX – начало XX вв.) // Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР. – М., 1962. – С. 290–340.

99. Галузо П.Г. Колониальная система Российского империализма в канун Октябрьской революции // Казахстан в канун Октября: Сборник статей. / Под ред. П.Г. Галузо – Алма-Ата, 1968. – 284 с.
100. Гальперин Г.Б., Королев А.И. Методологические и теоретические вопросы истории государства и права СССР. – Л., 1974. – 103 с.
101. Гапоненко Л.С. Российский пролетариат, его численность и территориальное размещение по основным промышленным районам накануне социалистической революции // Рабочий класс и рабочее движение в России в 1917 гг. – М., 1964.
102. Гафуров С. Заметки о классовой сущности СССР // Альтернативы. – 1997. – № 4. – С. 129.
103. Гефтер М.Я. Страница из истории марксизма начала XX века // Историческая наука и некоторые проблемы современности: Ст. и обсуждения. – М., 1969. – С. 21.
104. Гефтер М.Я. Царизм и монополии в топливной промышленности России накануне первой мировой войны: Дис. …канд. истор. наук. – М., 1953. – С. 283.
105. Гефтер М.Я. Царизм и монополистический капитал в металлургии Юга России до первой мировой войны (к вопросу о подчинении государственного аппарата царизма монополиям) // Исторические записки. – 1953. – Т. 43. – С. 70 – 130.
106. Гиндин И.Ф. Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности (конец XIX – начало XX в.) // Исторические записки. – 1980. – Т. 105. – С. 105 – 149.
107. Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. – М., 1960. – 415 с.
108. Гиндин И.Ф. Государственный капитализм в России домонополистического периода // Вопросы истории. – 1964. – № 9. – С. 72–95.
109. Гиндин И.Ф. Докапиталистические банки России и их влияние на помещичье землевладение // Возникновение капитализма в промышленности, в сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. Сборник статей. – М., 1968. – С. 321–356.
110. Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. - Саратов, 1988. – 342 с.
111. Гиндин И.Ф. Московские банки в период империализма (1900–1917 гг.) // Исторические записки. – 1956. – Т. 58.
112. Гиндин И.Ф. О величине и характере русского государственного долга в конце 1917 гг. // История СССР. – 1957. – № 5. – С. 166 – 172.
113. Гиндин И.Ф. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры российского капитализма в начале XX вв. // История СССР. – 1966. – № 3. – С. 48 66.
114. Гиндин И.Ф. Проблемы «модернизации» и индустриализации и их видоизменение с XVI по XX век // Материалы к V Международному конгрессу экономической истории. – М., 1970. – 19 с.
115. Гиндин И.Ф. Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. – 2007.- №2. – С.90-91.

116. Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. – 1963. – № 2. – С. 57 – 80, №3. – С. 37 – 60.
117. Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала России – М., 1948. – 454 с.
118. Гиндин И.Ф., Иванов Л.М. О неравномерности развития российского капитализма в начале XX века // Вопросы истории. – 1965. – № 9. – С. 125 – 135.
119. Гиндин И.Ф., Тимошенко В. Многоукладность в социально-экономической структуре России конца XIX – начала XX в. // Экономические науки. – 1982. – № 2. – С. 61– 68.
120. Гиндин И.Ф., Шепелев Л.Е. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Исторические записки. – 1960. – Т. 66. – С. 20 – 95.
121. Гинев В.Н., Цамутали А.Н. В борьбе за свободу // «Народная воля» и «Черный предел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. / Под ред. С.С. Волка. – М., 1991. – С. 5–49.
122. Гинзбург М.И. Нефть и Бакинская нефтяная промышленность. – Киев, 1915. – 72 с.
123. Гладков И. Об изменениях в экономике капитализма в результате второй мировой войны // Большевик. – 1947. – № 17.
124. Глебов Б.Д., Ульянский А.Г., Мительман М.И. История Путиловского завода, 1789–1917 гг. – М.-Л., 1939. – 189 с.
125. Глинский Б.Б. Очерки русского прогресса. – СПб., 1900. – 579 с.
126. Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX века. – СПб., 1996. – 153 с.
127. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. Соч. В 8 т. – М., 1984. – Т. 7. – С. 222–223.
128. Голобуцкий В.А. О начале «нисходящей» стадии феодальной формации // Вопросы истории. – 1959. – № 9. – С. 123.
129. Головин Ф.А. Записки // Красный архив. – 1926. – Т. 6. – С. 126–127.
130. Головнин А.В. Записки для немногих // Вопросы истории. – 1997. - №8. – С.68-69.
131. Гольц Г.А. Универсальное и специфическое в российской истории // Общественные науки и современность. – 1999. – № 3. – С. 87–99.
132. Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. – Тамбов, 1974. – 233 с.
133. Городские средние слои в трех российских революциях. – М., 1989. – 191 с.
134. Гохберг И.К. Рабочее и профессиональное движение в России в период столыпинской реакции (1908–1912 гг.). – М., 1947.
135. Голубева О.Д. М.А. Корф. – СПб., 1995. – 167 с.
136. Гохлернер В.М. Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции // Исторические записки. – 1955. – Т. 52. – С. 206.
137. Граве Б.Б. Была ли царская Россия полуколонией? // Вопросы истории. – 1956. – № 6. – С. 63–74.

138. Грановский Е.Л. Монополистический капитализм в России. – Л., 1929. – 168 с.
139. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 гг. – М., 2001. – 96 с.
140. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв.). Новые подсчеты и оценки. – М., 2003. – 256 с.
141. Греков Б.Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. – М.-Л., 1940. – 116 с.
142. Гречкина Э.Р. Средние слои на пути к социализму. – Таллинн, 1976. – 187 с.
143. Грико Т.И. Технико-технологическое состояние металлургических предприятий юга России (1909–1913 гг.) // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России» – 1998. – № 5. – С. 32–44.
144. Гриценко Н.П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья. Автореф. дис. ...д-ра. ист. наук. – М., 1961. – 35 с.
145. Гросул В.А. Владимир Александрович Черкасский // Российские либералы. – М., 2001. – С. 164.
146. Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. – М., 2003. – 517 с.
147. Гуляев А.И. Торговля и торговые установления. – М., 1912. – 291 с.
148. Гуськова Т.К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. – Челябинск, 1995. – 233 с.
149. Гуськова Т.К. Облик рабочих Урала // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. – М., 1970. – С. 293–316.
150. Давидович А.М. Русский абсолютизм // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 1–6 июля 1946 гг. – М., 1948.
151. Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). – М., 1975. – 350 с.
152. Давидович А.М., Покровский С.А. О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма // История СССР. – 1969. – № 1. – С. 64–65.
153. Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861–2001) // Россия в XX веке. Реформы и революции в 2-х тт. – М., 2002. – Т. 1. – С. 20–37.
154. Данилов В.П. К итогам изучения истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР // Вопросы истории. – 1960. – № 8. – С. 34 – 64.
155. Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения. – Л., 1980. – 176 с.
156. Дедов Н.Н. История государства и права СССР. – Свердловск, 1971. – Часть 1. – 440 с.
157. Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): Механизм функционирования. – М., 1996. – С. 83–162.
158. Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. – СПб., 1875–1877. – Т. 1 – 508 с.; Т. 2 – 565 с.

159. Днепров Э.Д. «Морской сборник» в общественном движении периода первой революционной ситуации в России // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.- М., 1965. – С. 229-238.
160. Долбилов М.Д. Проекты выкупной операции 1857–1861 гг.: К оценке творчества реформаторской команды // Отечественная история – 2000. – № 2. – С. 15–36.
161. Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. – М., 1990. – 164 с.
162. Дроздов В.В. Исторический опыт Столыпинской реформы // Рынок и реформы в России: исторические и теоретические предпосылки. – М., 1995. – С. 68–70.
163. Дружинин Н.М Генезис капитализма в России // X международный конгресс историков в Риме. Доклады советской делегации. – М., 1956. – С. 193.
164. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – М.-Л., 1946. – Т. 1. – 635 с.
165. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. – М., 1978. – 287 с.
166. Дружинин Н.М. Избранные труды. Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело. – М., 1988. – 380 с.
167. Дружинин Н.П. Юридическое положение крестьян. СПб., 1897. – 385 с.
168. Дубенцов Б.Б. Вопрос об отмене гражданских чинов в правительственной политике 80-х гг. XIX в. // Проблемы отечественной истории. – М.-Л., 1974. – Ч. II.
169. Дубенцов Б.Б. М.Т. Лорис-Меликов и «охранители» в 1880-1881 гг. // Страницы российской истории: проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. – СПБ., 2003. – С.66.
170. Дубенцов Б.Б. Высшее чиновничество в России в конце XIX – начале XX в. // Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX – начале XX века. Сборник научных трудов. – М., 1988. – С. 46–61.
171. Дубенцов Б.Б. Самодержавие и чиновничество в 1881–1904 гг. (Политика царского правительства в области организации государственной службы): Автореф. Дис. …канд. ист. наук. – Л., 1977. – 22 с.
172. Дубровский С.М. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. – М., 1929. –170 с.
173. Дубровский С.М. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. – М., 1956. – 168 с.
174. Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. – М., 1975. – 398 с.
175. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. – М., 1963. – 599 с.
176. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. – М., 1983. – 272 с.
177. Дьяконов М.А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI–XVII вв.). – СПб., 1898. – 360 с.
178. Дякин В.С. Выступление на вечере «Государственная дума вчера и сегодня... 1906–1917–1993» 10 ноября 1993 г. // Проблемы социально-

экономической и политической истории России XIX–XX века. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. – СПб., 1999. – С. 16–25.
179. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л., 1978. – 246 с.
180. Дякин В.С. Сфера компетенции указа и закона в третьеиюньской монархии (1906–1917 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1976. – Т. VIII. – С. 256.
181. Евреинов В.А. Гражданское чинопроизводство в России. – СПб., 1887. – 87 с.
182. Егиазарова Н.А. Аграрный кризис конца XIX века в России. – М., 1959. – С. 5–35.
183. Егоров В.К. Многоликая Россия: XX век – М., 1998. – С. 44.
184. Ежегодник аграрного симпозиума по истории Восточной Европы. – 1959, 1960, 1961.
185. Емельянов Н.А. Местное самоуправление в дореволюционной России. – Тула, 1996. – С. 45–46.
186. Ермаков В.Т. Интеллигенция России в XX столетии // Интеллигенция России: уроки и современность. – Иваново, 1996. – С. 19.
187. Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. – М., 1966. – С. 8.
188. Ермишкина О.К. Проблема генезиса российской интеллигенции в сословном обществе в отечественной историографии (1945–1994 гг.) // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии. Тезисы докладов, 1995. – С. 387.
189. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1968. – 365 с.
190. Ерошкин Н.П. Российское чиновничество // Политическое образование. – 1989. – № 16. – С. 76–80.
191. Живолуп Е.К. Крестьянское движение в Харьковской губернии в 1905–1907 годах. – Харьков, 1956. – 136 с.
192. Жидков Г.П. Отечественная история в современной историографии периода развитого социализма. – Калининград, 1983. – 88 с.
193. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М., 1968. – 368 с.
194. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978. – 288 с.
195. Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 гг. – М., 1958. – 470 с.
196. Заозерская Е.Н. К вопросу о развитии крупной промышленности России в XVIII в. // Вопросы истории. – 1947. – № 12. – С. 73.
197. Захарина В.Ф. Революционные народники 70-х годов — идеологи крестьянской демократии // История СССР. – 1963. – № 5. – С. 101 – 116.
198. Захаров Н.А. Система русской государственной власти. – М., 2002. – 400 с.

199. Захарова Л.Г. Отечественная историография о подготовке крестьянской реформы 1861 г. // История СССР. – 1976. – № 4. – С. 63–64.
200. Захарова Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. – 1989. – № 10. – С. 3–24.
201. Захарова Л.Г. Александр II // Вопросы истории. – 1992. - № 6-7. – С. 58-79.
202. Зеленский М.О. О двух «новых» теориях происхождения и сущности крепостного хозяйства в России // Борьба классов.– 1931. – № 2. – С. 163.
203. Земцов Б.Н. Ментальность масс в канун «великих потрясений» // Свободная мысль. – 1997. – № 11. – С. 80–93.
204. Злотников М.Ф. К вопросу о формировании вольнонаемного труда в крепостной России (первая половина XVIII века) // История пролетариата СССР. – 1930. – № 1.
205. Золотников М.Ф. От мануфактуры к фабрике // Вопросы истории. – 1946. – № 11/12.
206. Зорин А.А. Идеология «православия-самодержавия-народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век). – М., 1996. - С. 127.
207. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). – СПб., 1996. – 399 с.
208. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России 1907–1914 гг. – М., 1992. – 256 с.
209. Зырянов П.Н. Третья дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления // История СССР. – 1969. – № 6. – С. 45 – 62.
210. Иванов Л.М. К вопросу о формировании промышленного пролетариата в России // История СССР. 1959. – № 4.
211. Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. – М., 1971.
212. Иванов Л.М. Распределение землевладения на Украине накануне революции 1905–1907 гг. // Исторические записки. – 1957. – Т. 60. – С. 176 – 214.
213. Иванов Л.М. Состояние и задачи изучения пролетариата России // Вопросы истории. – 1969. – № 3.
214. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М., 2004. – 574 с.
215. Иванов-Разумник Р.В. Что такое интеллигенция? // Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. – М., 1993. – С. 80.
216. Из истории советской интеллигенции. Материалы II симпозиума по истории рабочего класса, крестьянства и интеллигенции Сибири. – Новосибирск. – 1974. – 170 с.
217. Ильин С.В. Был ли инвестиционный климат в экономике царской России благоприятным? // Россия в XIX – XX веках. Материалы II Научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина. – М., 2002. – 383 с.
218. Ильин С.В. О содержании и формах банковских операций в царской России // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России». – 2001. – № 12. – С. 19–34.

219. Ильин С.В. Операции акционерных коммерческих банков дореволюционной России по материалам их годовых отчетов // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России». – 1997. – С. 5–20.
220. Илюшечкин В.П. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. – М., 1980. – Вып. I. – С. 14–15.
221. Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества (история и проблема). – М., 1996. – 406 с.
222. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. – М., 1998. – 640 с.
223. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. – М., 1997. – 323 с.
224. Интеллигенция, провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново. – 1996. – 521 с.
225. Ионов И.Н. Теория цивилизаций и эволюция научного знания // Общественные науки и современность. – 1997. – № 6. – С. 130–132.
226. Ионова Г.И., Смирнова А.Ф. Революционные демократы и народники // История СССР. – 1961. – № 5. – С.112 – 140.
227. Исаев Г.С. Роль текстильной промышленности в генезисе и развитии капитализма в России. 1760–1860. – Л., 1970. – 324 с.
228. Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. – М., 1989. – Вып. 1. – С. 64.
229. Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР. – М., 1962. – 276 с.
230. Исторический опыт трех российских революций / Гл. ред. П.А. Голуб и др. – М., 1985. – Кн. 1. – 575 с.
231. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – М., 1946. – С. 156.
232. История государства и права СССР / Под ред. Г.С. Калинина и А.Ф. Гончарова. – М., 1972. – 670 с.
233. История и социология. – М., 1964. – 341 с.
234. История московского купеческого общества, 1863–1913. – М., 1916. – Т. 2.
235. История рабочего класса СССР. Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. / Под ред. А.Л. Нарочницкого – М., 1982. – 464 с.
236. История экономического развития России / Под ред. А.К. Шуркалина. – М., 2000. – С. 55–119.
237. Итенберг Б.С. Движение революционного народничества: Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. – М., 1965. – 443 с.
238. Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX в. – М., 1997. – 155 с
239. Казарезов В. Крестьянский вопрос в России: Конец XIX – первая четверть XX в. – М., 2000. – Т. 1.
240. Казарезов В.В. П.А. Столыпин: история и современность. - Новосибирск, 1991. – 127 с.

241. Калинычев Ф.И. Государственная дума в период первой русской революции (1905–1907 гг.): Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. – М., 1965. – 39 с.
242. Капитализм на Востоке во второй половине XX в. – М., 1995. – 603 с.
243. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М., 1991. – С. 16–20.
244. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой победы. – М., 2002. – 528 с.
245. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. – СПб.,1905. – С. 5– 69.
246. Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма. (1860–1914 гг.) – М., 1951. – 216 с.
247. Карпачев М.Д. Истоки российской революции. Легенды и реальность. – М.,1991. – 269 с.
248. Карпович М.М. Имперская Россия (1801–1917 гг.) // Вернадский В.Г. Московское царство. Часть 2. Тверь. – М., 1997. – С. 292–360.
249. Каутский К. Движущие силы и перспективы русской революции. – М., 1926. – С.29.
250. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. – М., 1949. – Т. 1. – 524 с.
251. Кашинцев Д.А. История металлургии Урала. – М., 1936. – Т. I – 294 с.
252. Кащенко С.Г. Отмена крепостного права в столичной губернии. Из истории государственных реформ в России второй половины XIX века. – СПб., 2002. – 342 с.
253. Кирьянов Ю.И. Влияние первой мировой войны на изменение численности и состава рабочих России // Вопросы истории. – 1960. – № 10. – С. 89 – 101.
254. Кирюхина Е. Местные организации ВКС в 1906 году // Ученые записки. Кировский пеагогический институт. – 1956. – № 10.
255. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. – Л., 1978. – 44 с.
256. Клифф Т. Государственный капитализм в России. – Б.М., 1991. – 287 с.
257. Ключевский В.О. Исторические портреты. – М., 1990. – 622 с.
258. Ключевский В.О. История сословий в России // Полный курс лекций. – Минск, 2004. – 208 с.
259. Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч.: В 8 т. – М., 1956. – Т. 1 – 427 с; 1958. – Т. 4. – 422 с.; 1957. – Т. 2. – 468 с.
260. Кобищанов Ю.М.Теория большой феодальной формации // Вопросы истории. –1992. – № 4–5. – С. 57–72.
261. Ковалевский М.М. Экономический стой России. – СПб., 1899. – 147 с.
262. Ковальченко И.Д. Аграрный рынок и характер аграрного строя Европейской России в конце XIX – начале XX века // История СССР. – 1979. – № 2. – С. 62–63.
263. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. – М., 2004. – 504 с.
264. Ковальченко И.Д. Исследование истины должно быть истинным // Коммунист. – 1989. – № 2. – С. 92.

265. Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). – М., 1959. – 276 с.
266. Ковальченко И.Д. Ленин об этапах революционного движения в XIX веке // Вопросы истории. – 1960. – № 4. – С. 59 – 76.
267. Ковальченко И.Д. Ленин В.И. о характере аграрного строя капиталистической России // Вопросы истории. – 1970. – № 3. – С. 30– 51.
268. Ковальченко И.Д. Многомерность исторического развития: типология, периодизация, цивилизационный подход // Свободная мысль. – 1995. – № 1. – С. 77–88.
269. Ковальченко И.Д. Об изучении мелкотоварного уклада в России XIX века // История СССР. – 1962. – № 1. – С. 88.
270. Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. – М., 1967. – 400 с.
271. Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. – М., 1971. – С. 191.
272. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX вв. Опыт количественного анализа. – М., 1974. – 413 с.
273. Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения. – М., 1982. – 264 с.
274. Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). – М., 2002. – 560 с.
275. Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. – М., 1999. – 384 с.
276. Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество. – СПб., 1996. – 340 с.
277. Козьмин Б.П. Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России // Исторические записки. – 1959. – Т. 65.
278. Кокин М., Папаян Г. «Изин-Тять». Аграрный строй древнего Китая. – Л., 1930. – 184 с.
279. Коларов В. Против протаскивания каутскианства в вопросе о госкапитализме // Аграрные проблемы. – 1931. – Кн. 11–12. – С. 26–31.
280. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. – М, 1979. – 292 с.
281. Королева С.И. Торговое сословие России. – СПб., 1998. – С. 4 – 46
282. Корольчук Э.А. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». – Л., 1940. – 40 с.
283. Кочетовская Е.Н. Национализация земли в СССР. 2-е изд. доп. – М., 1952. – 244 с.
284. Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник 1996. – М., 1996. – 166 с.
285. Крестьянское хозяйство: история и современность. – Вологда, 1992. – Ч. 1. – 184 с.

286. Кривоногов В.Я. Из истории уральской металлургии первой половины XIX века: (О рецензии академика С.Г. Струмилина на 9-й том «Исторического архива») // Вопросы истории. – 1954. – № 12.
287. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. – Л., 1984. – С. 478. – 664 с.
288. Кристенсен С.О. История России XVII вв.: Обзор исследований и источников. – М., 1989. – 254 с.
289. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. – М., 1990. – 638 с.
290. Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. – Л., 1976. – 299 с.
291. Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 гг. – Л., 1981. – 143 с.
292. Крупина Т.Д. К вопросу о взаимоотношениях царского правительства с монополиями // Исторические записки. – 1956. – Т. 57. – С. 144 – 176.
293. Крупина Т.Д. Монополистический капитал в России и царское самодержавие (1907–1914 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 1954. – 16 с.
294. Крылов В.В. Капиталистически ориентированная форма общественного развития освободившихся стран (к методологии марксистского исследования) // Рабочий класс и современный мир. – 1983. – № 2. – С. 22.
295. Крылов В.В. Некоторые аспекты аграрного развития Африки // Азия и Африка сегодня. – 1981. – № 3. – С. 30.
296. Кузнецов И.В. Об укладах и многоукладности капиталистической России // Вопросы истории. – 1974. – № 7. – С. 21.
297. Кузьминов И. О государственно-монополистическом капитализме // Большевик. – 1948. – № 5. – С. 54 – 73.
298. Кукушкин Ю. Русская государственность от общины к советам // Диалог. – 1999. – № 11. – С.65– 70.
299. Куликов С.В. Правительственный либерализм и образование Прогрессивного блока // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. Материалы конференции памяти В.С. Дякина. – СПб.-Кишинев, 2001. – С. 263–298.
300. Кулишер И.М. Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (дореформенное время), постановка их в нашей литературе // Архив истории труда. – 1921. – Кн. 1. – С. 28.
301. Куломзин А.Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. – СПб., 1912. – 49 с.
302. Кульпин Э.С. Путь России. – М., 1995. – 200 с.
303. Купечество в России. XV – первая половина XIX века. Сборник статей в честь профессора А.А. Преображенского. – М., 1997. – 333 с.
304. Купцов А.Г. Земля — ЕК, или Столыпинская катастрофа России. – М, 2002. – 168 с.
305. Лаверычев В.Я. Государство и монополии в дореволюционной России. – М., 1982. – 200 с.
306. Лаверычев В.Я. К вопросу об особенностях империализма в России // История СССР – 1971. – № 1. – С. 89–90.

307. Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России, 1861–1900 гг. – М., 1974. – 250 с.
308. Лаверычев В.Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России. – М., 1963. – 420 с.
309. Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. – 2000. – № 6. – С. 13–17.
310. Лаптев И. По поводу одной экономической дискуссии // Правда. – 1948. – 26 января.
311. Лебедев С.К. Некоторые итоги изучения истории иностранного капитала в России: Отечественная литература 90–х годов // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX вв. – СПб.-Кишинев, 2001. – С. 373–390.
312. Левидова С.М. История Онежского (бывшего Александровского) завода. – Петрозаводск, 1938. – 138 с.
313. Левин Ш.М. К вопросу об исторических особенностях русского утопического социализма // Исторические записки. –1948. – Т. 26. – С. 217 – 257.
314. Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60–70-х годы XIX века. – М., 1958. – 512 с.
315. Левковский А.И. Особенности развития капитализма в Индии. – М., 1963. – 589 с.
316. Левковский А.И. Третий мир в современном мире. – М., 1970. – 120 с.
317. Левыкин К.Т., Сиволобов А.М., Шарапов Г.В. О книге «Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности» // Вопросы истории КПСС. – 1979. – № 11. – С. 108.
318. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. – М., 1971. – 340 с.
319. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. – М., 1981. – 285 с.
320. Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. – М., 1995. – 548 с.
321. Леонтьев А.А. Крестьянское право: Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. – СПб., 1909. – 30 с.
322. Лескова Л.И. Изменения в численности и социальном составе уральских рабочих в 1910–1914 гг. // Исторические записки. – 1960. – Т. 67. – С. 256 – 274.
323. Лившин Я.И. Монополии в экономике России (Экономические организации и политика монополистического капитала). – М., 1961. – 447 с.
324. Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 г.: Черноземный центр, 1861–1895 гг. – М., 1972. – 423 с.
325. Литуев В.Н. Движение дворянского землевладения в Нечерноземье в эпоху капитализма // История СССР. – 1983. – № 2. – С. 104.
326. Лифшиц Г.М., Лященко Г.К. Как создавалась программа второй «Земли и воли» // Вопросы истории. – 1965. – № 9. – С. 36 – 50.
327. Лихоманов А.В.Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905 – 1907 гг. – СПб., 1997. – 133 с.

328. Луначарский А.В. Бывшие люди, Очерк истории партии эсеров. – М., 1922. – С. 5.
329. Луначарский А.В. Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. – М., 1924. – С. 4 – 21.
330. Люблинская А.Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII века. – М.-Л., 1965. –361 с.
331. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. – М., 1956. – 4 изд. – Т. 1 – 647 с; Т. 2. – 728 с.
332. Лященко П.И. История русского народного хозяйства. – М.-Л., 1927. – 518 с.
333. Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. – Л., 1925. – Т. 1. – 304 с.
334. Лященко П.И. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. – М., 1927. – 375 с.
335. Маевский И.В. К вопросу о зависимости России в период первой мировой войны // Вопросы истории. – 1957. – № 1. – С. 69 – 76.
336. Макарин А.В. Бюрократия в системе политической власти. – СПб., 2000. – 156 с.
337. Малахинов П.И. О двух типах аграрной эволюции в России. – Улан-Удэ, 1962. – 441 с.
338. Мандел Э. Власть и деньги. – М., 1992. – 277 с.
339. Мануилов А.А. Поземельный вопрос в России: Малоземелье, дополнительный надел и аренда. – М., 1905. – 106 с.
340. Марасинова Е. Декабристы: аристократическая фронда в России? // Россия XXI. – 1994. – № 1–2. – С. 96–106.
341. Марискин О.И. От подушного к подоходному налогообложению крестьянства России, XIX – первая треть XX вв. (по материалам Среднего Поволжья) // Экономическая история: Ежегодник-2003. – М., 2004. – С. 440–464.
342. Маркс К. [Капитал] Книга первая. Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1974. – Т. 49. – С. 94.
343. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах. – М., 1948. – Т. 1.
344. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М., 1988.
345. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. – М., 1955–1961. – Т. 1; 4; 6; 12; 19; 22; 25 – Ч. I.; 26 – Ч. II–III; 46; 48.
346. Мастеров А. Русские рабочие и марксизм // По страницам самиздата. – М., 1990. – С. 124–138.
347. Материалы круглого стола «Крепостное право и крепостничество в России. Дискуссионные проблемы» // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. – СПб., 1997. – С.5-54.
348. Мау В.А. Реформы и догмы. 1914–1929. – М., 1993. – 256 с.
349. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. – М., 1998. – 650 с.

350. Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 30–46.
351. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. – М., 1994. – 320 с.
352. Мельник Л.Г. К вопросу о начале промышленного переворота в России (на материалах Украины) // Проблемы генезиса капитализма. – М., 1979. – С. 104–138.
353. Меметов В.С. О проблеме дефиниций: от понятия «интеллигенция» к «прединтеллигенции» // Интеллигенция, провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново. – 1996. – С. 73.
354. Меметов В.С., Данилов А.А. Истоки формирования российской провинциальной интеллигенции // Интеллигенция России: уроки и современность. – Иваново, 1996. – С. 48–49.
355. Медушевский А.Н. Идеологии как явление мировой истории // Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. Ред. В.В. Шелохаев.- М., 2004.- С.9-23.
356. Милов Л.В. Если говорить серьезно о частной собственности на землю // Свободная мысль. – 1993. – № 2. – С. 77–88.
357. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 76 – 87.
358. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. —1992. – № 4–5. – С. 37–56.
359. Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX вв.: (Землевладение, землепользование и система хозяйства): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 1964. – 16 с.
360. Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. – М., 1971. – 143 с.
361. Миронов Б.Н. Влияние крепостного права на отношение русского крестьянина к труду // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 гг.) – Кишинев, 1978.
362. Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. – Л., 1981. – 259 с.
363. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие. – Л., 1990. – 271 с.
364. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). – СПб., 1999. – Т. 1. – 548 с.; Т 2. – 567 с.
365. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.) – Л., 1985. – 301 с.
366. Могильницкий Б.Г. Историческая альтернативность: методологический аспект // Новая и новейшая история. – 1990. – № 3. – С. 3–18.
367. Модернизация в России и конфликт ценностей / Под ред. С.Я. Матвеевой. – М., 1994. – 248 с.
368. Монополии и иностранный капитал в России. – М.-Л., 1962. – 434 с.

369. Морозан В.В. Государственные сберегательные кассы в дореволюционной России: Дис. …канд. ист. наук. – СПб., 1996. – 15 с.
370. Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). – СПб., 2004. – 399 с.
371. Мороховец Е.А. Крестьянская реформа 1861 гг. Научно-популярный очерк. – М., 1937. – 162 с
372. Москвин Л.Б. Рабочий класс и его союзники. (К вопросу о классовых союзах пролетариата в борьбе против капитала). – М., 1977. – 359 с.
373. Мочерный С.В. Закон огосударствления капиталистической экономики. – Киев, 1988. – 239 с.
374. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Политическая история России. От становления самодержавия до падения Советской власти. – М., 1999. – 800 с.
375. Нардова В.А. Начало монополизации нефтяной промышленности России. 1880–1890-е годы. – Л., 1974. – 150 с.
376. Население России в XX веке. В 3-х Т. – М., 2000. – Т. I. – 463 с.
377. Научная сессия по истории первой мировой войны. Секция II. Влияние первой мировой войны на социально-экономическую историю России. Тезисы сообщений. – М., 1964. – 202 с.
378. Наше Отечество: Опыт политической истории / Под ред. С.В. Кулешова. – М., 1991. – Т. 1. – 389 с.
379. Немчинов В.С. Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. – М., 1945. –359 с.
380. Нестеренко А.А. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX – начале XX в. – М., 1954. – 380 с.
381. Нетесин Ю.Н. Из истории проникновения германского капитала в экономику России (по материалам акц. общества бр. Фельзер и К°, Рига) // Известия Академии наук Латвийской ССР. – 1960. – № 4.
382. Нетесин Ю.Н. Промышленный капитал Латвии (1860–1917 гг.). – Рига, 1980. – 240 с.
383. Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. – 2004. – № 4. – С. 36.
384. Нечкина М.В. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации // Вопросы истории. – 1958. – № 7. – С. 91.
385. Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. – М., 1975. – 350 с.
386. Никифоров В.Н. Рецензия на книгу «Теория общественно-экономической формации» // Вопросы истории. – 1984. – № 8. – С. 128–133.
387. Никифоров Л.В. Отношения собственности на рубеже веков: Направления трансформации // Собственность в XX столетии. – М., 2001. – С. 404.
388. Никольский С.Н. Аграрная экономика, сельская общность и проблема социально-экономических укладов // Вопросы философии. —2001. – № 12. – С. 16–27.
389. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVIII–XX вв.) – М., 1995. – 359 с.

390. Никулин П.Ф. Место наемного труда в системе крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX вв. // Вопросы экономической истории России XVII–XX вв. – Томск., 1996. – С. 149–151.
391. Нифонтов А.С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века: по материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. – М., 1974. – 318 с.
392. Нифонтов А.С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX века: По материалам переписей гг. Москвы в 70–90-х годах XIX в. // Исторические записки. – 1957. – Т. 54.
393. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Идейные истоки русского либерализма // Общественные науки и современность. –1993. – № 3. – С. 124 – 135.
394. Об особенностях империализма в России. Сборник статей. – М., 1963. – 440 с.
395. Общественное движение в пореформенной России. Сборник статей. – М., 1965. – 382 с.
396. Одинцов М.Н. Русская православная церковь: история и современность, взаимоотношения с обществом и властью // Государственно-церковные отношения в России. – М., 1995. – Ч. II. – С. 27.
397. Ойкен В. Основы национальной экономики. – М., 1996. – 349 с.
398. Оль П.В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. – Л., 1925. – 35 с.
399. Ольминский М.С. Государство, бюрократия и абсолютизм в России. – М.-Л., 1925. – 221 с.
400. Ольховая Л.В. Мелкая промышленность Урала в начале XX века (1905–1913 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Свердловск, 1964. – 18 с.
401. Онищук С.В. Исторические типы общественного воспроизводства: политэкономия мирового исторического процесса. – М., 1995. – 149 с.
402. «Организованный капитализм». Дискуссия в комакадемии. Изд. 2-е. – М., 1930. – 200 с.
403. Оржеховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-х годах XIX века. – Горький, 1974. – 168 с.
404. Орлова Г.А. Бюрократическая реальность // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 96–106.
405. Осадчая А.И. Биржа в России // Вопросы истории. – 1993. – № 10. – С. 3–18.
406. Основы марксистско-ленинской теории культуры. – М., 1976. – 303 с.
407. Островский А.В. О времени завершения индустриализации и промышленного переворота в России // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины – начала века. Материалы конференции памяти В.С. Дякина. – СПб. – Кишинев, 2001. – С. 95–104.
408. Островский А.В. Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России: 1914-1917 гг.// Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного коллоквиума).- СПб., 1999. – С.482-495.
409. Островский А.В. Универсальный справочник по истории России. – СПб., 2000. – С.15-235.

410. Островский А.В. Динамика процесса раскрестьянивания в Европейской России конца XIX – начала XX в. // Крестьянское хозяйство: История и современность. – Вологда, 1992. – Ч. 1. – С. 73.
411. Островский А.В. О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России // Проблемы исторической географии России. Материалы второй Всесоюзной конференции по исторической географии России, Москва, 25-26 ноября 1980 г. – М., 1982. – Выпуск II. Формирование экономических районов России. – С. 171-187.
412. Отечественная история: Энциклопедия. В 5 тт. – М., 1996. – Т. 2. – С. 172.
413. Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1985. – Т. V. – 605 с.
414. Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. / Под ред. А. Насонова, Л. Черепнина, А. Зимина – М., 1955. – 959 с.
415. Павленко Н.И. Введение // Очерки истории СССР. Период феодализма. Первая четверть XVIII в. – М., 1954.
416. Павленко Н.И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России // История СССР. – 1970. – № 4. – С. 54–74.
417. Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. – М., 1953. – 540 с.
418. Павленко Н.И. У истоков российской бюрократии // Вопросы истории. – 1989. – № 12. – С. 13–17.
419. Павлов Н.И. О некоторых сторонах первоначального накопления в России (По материалам XVII–XVIII вв.) // Исторические записки. – 1955. –Т. 54 – С 382–419.
420. Павлова-Сильванская М.П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. – 1968. – № 4. – С. 71–85.
421. Павлова-Сильванская М.П. Проблема русского абсолютизма в современной буржуазной литературе // История СССР. – 1969. – № 6. – С. 217–234.
422. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. – М., 1988. – 690 с.
423. Пажитнов К.А. К вопросу о «переломе» в мануфактурной промышленности XVIII века // Вопросы истории. – 1948. – № 3. – С. 60.
424. Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. – М., 1952. – 211 с.
425. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – Кембридж (Масс.), 1981. – 433 с.
426. Панкратова А.М. О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму // Вопросы истории. – 1953. – № 9. – С. 75–76.
427. Панкратова А.М. Формирование пролетариата в России (XVII–XVIII вв.). – М., 1963. – 491 с.
428. Пантин И.К. Драма противостояния // Полис. – 1994. – № 3. – С. 82.
429. Пантин И.К. От буржуазной революции к революции против буржуазии // Рабочий класс и современный мир. – 1989. – № 3. – С. 164–184.
430. Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы: конец XX в. – 1914 г. – М., 1998.
431. Петров Ю.А. Московское купечество на рубеже XIX – XX веков // Отечественная история. – 1996. – № 2.

432. Петров Ю.А. Налоги и налогоплательщики в России начала XX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М., 2003. – С. 384–420.
433. Петрова Д.В. IV Государственная дума (историко-правовое исследование): Автореферат дис. …канд. юрид. наук. – М., 1969. – 31 с.
434. Писарькова Л.Ф. Московская городская дума, 1863–1917. – М., 1998. – 567 с.
435. Пискотин М.И. Россия в XX веке: неоконченная трагедия. – М., 2001. – 448 с.
436. Платонов Д.Н. Морфология хозяйства и особенности развития рыночных отношений в дореволюционной России // Вестник московского университета. Серия «Экономика» – 1993. – № 4. – С. 70–72.
437. Платонов О. Вступительная статья // Энциклопедия купеческих родов. 1000 лет русского предпринимательства. – М., 1995. – С. 30–31.
438. Плетников Ю.К. Формационная и цивилизационная триады // Свободная мысль. – 1998. – № 3. – С. 103 – 112.
439. Плеханов Г.В. История общественной мысли России // Плеханов Г.В. Соч., 2-е изд. – М.-Л., 1925. – Т. XX. – С. 112.
440. Погребинский А.П. Синдикат «Продамет» в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вопросы истории. – 1958. – № 10.
441. Покровский С.А. К вопросу о классовой природе абсолютизма // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. – 1946. – № 4. – С. 290.
442. М., 1959. – 568 с.
443. Поликарпов В.В. «Новое направление» – в старом прочтении // Вопросы истории. – 1989. – № 3. – С. 44–61.
444. Поликарпов В.В. О «дискуссиях» минувших лет // Советская культура – 9 июля 1987 гг.
445. Полонский В.П. Заметки об интеллигенции // Красная Новь. – 1924. – Кн. I (18).
446. Поляков Ю. Российские просторы: благо или проклятие? // Свободная мысль. – 1992. – № 12. – С. 20–21.
447. Полянский Ф.Я. Товарное производство в условиях феодализма. – М., 1969. – 632 с.
448. Полянский Ф.Я. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. – М., 1956. – 454 с.
449. Пономарьов О.М. Розвиток капіталістичных відносин у промісловості Украіни. – Львів, 1971. – С. 79.
450. Поткина И.В. Новые тенденции в современной американской и английской историографии социально-экономического развития дореволюционной России // Монополистический капитализм в России. – М., 1989. – С. 205–277.
451. Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка (XVII в.) // Вопросы истории. – 1961. – № 4. – С. 90.
452. Пригожин А.Г. Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций. Доклад на сессии Института истории Коммунистической академии при

ЦИК СССР в память 50-летия смерти К. Маркса 23/III 1933 гг. – Л., 1933. – 108 с.
453. Проблемы аграрной истории. – Минск, 1978. – Ч. 1. – 167 с.
454. Проблемы отечественной истории. Сборник статей аспирантов и соискателей. – М.-Л., 1976. – Ч. I. – 224 с.
455. Проблемы переходного периода и переходных общественных отношений: Проблема неравномерности общественного развития / Отв. ред. Ю.К. Плетников. – М., 1986. – 315 с.
456. Проблемы социально–экономической и политической истории России XIX–XX века. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. – СПб., 1999. – 574 с.
457. Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. – М., 1971. – 373 с.
458. Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи. – М., 2002. – 520 с.
459. Проскурякова Н.А. Ипотека в России в конце XIX – начале XX веков // Вопросы истории. – 1995. – № 9. – С. 3–18.
460. Проскурякова Н.А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX – начале XX в. // История СССР. – 1973. – № 1. – С. 62.
461. Против механистических тенденций в исторической науке. Сборник статей / Под ред. Б. Борилина – М.-Л., 1930. – 187 с.
462. Пушкарев С.Г. Россия 1801–1917: власть и общество. – М., 2001. – 672 с.
463. Пушкарева И.М. Новые подходы в изучении конфликтов рабочих и предпринимателей в дореволюционной России // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сборник статей. – М., 2001. – С. 291–307.
464. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. – Томск, 1975. – 328 с.
465. Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 гг. – СПб., 1997. – 639 с.
466. Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX веков. Сборник статей и материалов, посвященные памяти О.Н. Знаменского. – СПб., 1994. – 271 с.
467. Рабочие России в эпоху капитализма: Сравнительный порайонный анализ. – Ростов-на-Дону, 1972. – 371 с.
468. Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт / Под ред. А.В. Бузгалина, Д.О. Чуракова, П. Шульце. – М., 2001. –252 с.
469. Рабочий класс и рабочее движение в России в 1861–1917. Сборник статей. – М., 1966. – 410 с.
470. Рабочий класс и рабочее движение России: История и современность / Под ред. А.В. Бузгалина, Д.О. Чуракова, П. Шульце. – М., 2002. – 252 с.
471. Рабочий класс от зарождения до начала XX в. – М., 1983. – 575 с.
472. Рабочий класс России, 1907 – февраль 1917 гг. / Отв. ред. В.Я. Лаверычев. – М., 1982. – 464 с.

473. Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. / Под ред. С.С. Хромова. – М., 1982.
474. Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. – М., 1990. – 303 с.
475. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). – М., 1956. – 352 с.
476. Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. – М., 1958. – 623 с.
477. Революционное движение демократической интеллигенции России в период империализма. – М., 1984. – 131 с.
478. Рейснер Л.И. Цивилизация и способ общения. – М., 1993. – 307 с.
479. Рейснер М.А. Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы // Печать и революция. – 1922. – Кн. I.
480. Реформы Александра II. – М., 1998. – 464 с.
481. Рибер А. Железные дороги и экономическое развитие: истоки системы Рейтерна // Страницы российской истории: проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. – СПб., 2003. – С. 174.
482. Рикман В.Ю. Почетное гражданство и его генеалогия // Чтения памяти В.Б. Кобрина: Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. – М., 1992. – С. 154–155.
483. Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. – СПб., 1903. – 217 с.
484. Рогалина Н.Л. Аграрные реформы в России 10–20-х годов (Историко-сравнительный анализ) // Россия в веке: Реформы и революции; В 2 тт. / Под ред. Г.Н. Севостьянова. – М., 2002. – С. 543–563.
485. Рогалина Н.Л. В поисках меры (некоторые уроки) российских аграрных реформ в XX веке. // Вопросы экономики. – 1996. – № 7. – С. 113–115.
486. Рогов В.А. История государства и права России IX – начала XX веков. – М., 1995. – С. 102–112.
487. Розенфельд Я.С., Клименко К.И. История машиностроения СССР. – М., 1961. – 502 с.
488. Романов Ф.А. Рабочее и профессиональное движение в годы первой мировой войны и Второй русской революции (1914 гг. – февраль 1917 года). – М., 1949. – 298 с.
489. Романовский С.И. Нетерпение мысли или исторический портрет радикальной русский интеллигенции. – СПб., 2000. – 368 с.
490. Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. Сборник докладов. – М., 1970. – 362 с.
491. Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Сборник архивных докладов. – М., 1996. – 311 с.
492. Россия: 1913 год. Статистико-документальный справочник. – СПб.,1995. – С. 3-227.
493. Россия на рубеже XIX – XX веков: Материалы научных чтений памяти проф. Валерия Ивановича Бовыкина. – М., 1999. – 384 с.

494. Россия в девятнадцатом веке: Политика. Экономика. Культура / Под ред.В.И Старцева. – СПб., 1994. – Часть I. – 159 с.; Часть II. – 318 с.
495. Рубач М.А. Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине в период проведения Октябрьской революции. – Киев, 1956. – 457 с.
496. Рубиншнейн Н.Л. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII в. // Вопросы истории. – 1952. – № 2.
497. Рубинштейн Н.Л. Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII в. // Ученые записки Московского университета. – М., 1946. – Вып. 87.
498. Рубинштейн Н.Л. О мелкотоварном производстве и развитии капитализма в России в XIX в. // История СССР. – 1962. – № 4. – С. 68.
499. Руткевич М.Н. Интеллигенция как социальная группа и её сближение с рабочим классом: Классы, социальные слои и группы в СССР. – М., 1968. – 96 с.
500. Рындзюнский П.Г. Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 гг.? // Вопросы истории. – 1967. – № 7. – С. 54 – 70.
501. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. – М., 1958. – 559 с.
502. Рындзюнский П.Г. К определению размеров аграрного перенаселения России. // Социально-экономическое развитие России. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Н.М. Дружинина. – М., 1986. – С. 155 – 171.
503. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. – М., 1983. – С. 269.
504. Рындзюнский П.Г. О мелкотоварном укладе в России XIX века // История СССР. – 1961. – № 2. – С. 48–70.
505. Рындзюнский П.Г. Реформы Петра I и образование Российской империи помещиков и купцов. – М., 1938. –12 с.
506. Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России 1850–1880 гг. – М., 1978. – 295 с.
507. Рэгсдейл Х. Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762–1815 годах // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 3–24.
508. Рябинский Л.С. Реформы 1863-1866 годов в отношении удельных и государственных крестьян на территории Мордовии. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 1964. – 15 с.
509. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. – СПб., 1998. – 796 с.
510. Самойло А.С. Проблема абсолютной монархии в современной марксистской и буржуазной историографии (по материалам X Международного конгресса историков в Риме в сентябре 1955 г.) // Средние века. – М., 1959. – Вып. XVI.
511. Сапоговская Л.В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв.: Урал и Сибирь — модели развития. – Екатеринбург, 1998. – 313 с.
512. Сахаров А.М. К вопросу о двух стадиях развития феодальной формации в России // Вопросы истории. – 1959. – № 1. – С. 103.

513. Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции, XIII–XV вв. – М., 1980. – 360 с.
514. Седов Л.А. Сословие // БСЭ. – М., 1976. – Т. 24. – Кн. 1. – С. 199.
515. Седов М.Г. Героический период революционного народничества. – М., 1966. – С. 11 – 37.
516. Селунская Н.Б. Методологический аспекты сравнительного изучения протоиндустриальных обществ России и Швеции // Экономическая история: Ежегодник. 2003. – М., 2004. – С. 4–17.
517. Сидельников С.М. Образование и деятельность Первой Государственной Думы. – М., 1962. – 382 с.
518. Сидоров А.Л. Ленин и Сталин о русском самодержавии. Обсуждение проблемы абсолютизма. Заседание ученого совета института истории академии наук СССР 16 и 20 марта 1940 года. // Историк-марксист, 1940. – № 6. – С. 65.
519. Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). – М., 1960. – С. 3 – 46.
520. Сидоровнин Г.П. П.А. Столыпин. Жизнь за Отечество. – М., 2002. – 639 с.
521. Симония Н.А. Что мы построили? – М., 1991. – 431 с.
522. Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. – М., 1987.
523. Симонова М.С. Статистические листки о мобилизации надельной земли как источник для изучения классовой дифференциации крестьянства // Исторический архив. – 1962. – № 6. – С. 152 – 158.
524. Сироткин В.Г. Номенклатура в историческом разрезе // Через тернии. – М., 1990. – С. 318.
525. Система государственного феодализма в России. Сборник статей / Под ред. А.М. Анфимова и др. – М., 1993. – 226 с.
526. СИЭ. – М., 1971. – Т. 13. – С. 348.
527. Смирнов А.Ф. За строгую научность, достоверность и историческую правду // Коммунист, 1972. – № 16. – С. 118–120.
528. Собственность на землю в России: История и современность / Под общей ред. Д.Ф. Аяцкова. – М., 2002. – 592 с.
529. Соколин Б.М. Кризисная экономика России: рубеж тысячелетий. – СПб., 1997. – 349 с.
530. Соколов В.М. История фабрики Большой Ивановской мануфактуры. – Иваново, 1952. – 156 с.
531. Солнцев С.И. К вопросу о социальном составе рабочих на мануфактурах первой половины XVIII века // Архив истории труда. – 1934. – Кн. 1.
532. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. – Л., 1990. – 264 с.
533. Соловьев Ю.Б. Самодержавие, дворянство и проблема сближения с буржуазией в конце XIX– начале XX в. // Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX– начале XX века.. Сборник научных трудов. – М., 1988. – С. – 68–84.

534. Соловьев Ю.Б. Самодержавие в осаде: внесословная универсальная идеология как ответ на вызов эпохи (1825-1855) // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. – М.,1994. – Часть II. – С. 117.
535. Соловьева А.М. Промышленная революция в России // Производительные силы и монополистический капитал в России и Германии в конце XIX – начале XX вв. – М., 1986. – С. 5–8.
536. Сомов С.А. Страницы истории России уходящего XX века. Сборник статей. – Армавир, 1999. – 29 с.
537. Сорок лет Великой октябрьской социалистической революции. Сборник статей. – М., 1957. – 164 с.
538. Сорокин Ю.А. Алексей Михайлович // Вопросы истории. – 1992. – № 4–5. – С. 73–89.
539. Сословия России в конце XIX в. – начале XX в. (документы и материалы). – М., 1993. – 130 с.
540. Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX вв.): Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. – Таллин, 1986. – Вып. 1. – 287 с.
541. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 гг.). – М., 1977. – 366 с.
542. Спорные вопросы методологии истории. (Дискуссии об общественных формациях). – Харьков, 1930. – 238 с.
543. Сталин И.В. Международное положение и оборона СССР. Речь 1 августа на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 29 июля – 9 августа 1927 гг. // Сталин И.В. Соч. – М., 1954. – Т. 10. – С. 11–12.
544. Сталин И.В. О программе Коминтерна. Речь 5 июля 1928 гг. на пленуме ЦКК ВКП(б) 4–12 июля 1928 гг. // Сталин И.В. Соч. – М., 1955. – Т. 11. – С. 155–156.
545. Сталин И.В. Октябрьская революция и вопрос о средних слоях // Сталин И.В. Соч. – М., 1954. – Т. 5. – С. 342.
546. Сталин И.В. Речь на I Всесоюзной конференции работников промышленности // Сталин И.В. Вопросы ленинизма – М., 1940. – 328 с.
547. Степанов В.А. Бунге Н.Х. Судьба реформатора. – М., 1998. – 398 с.
548. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия…: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете: 1906–1911. – М., 1991. – 411 с.
549. Стригунов И.В. Из истории формирования бакинского пролетариата (70–90-е гг. XIX в.). – Баку, 1960. –289 с.
550. Струве В.В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. – 1934. – Вып. 77. – С. 32 – 111.
551. Струмилин С.Г. Внутренний рынок России XVII–XVIII веков // История СССР. – 1959. – № 4. – С. 82–84.
552. Струмилин С.Г. К вопросу о генезисе капитализма в России // Вопросы истории. – 1961. – № 9. – С. 68.

553. Струмилин С.Г. К вопросу о промышленном перевороте в России // Вопросы экономики. – 1952. – № 12. – С. 72 – 73.
554. Струмилин С.Г. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы. – М.-Л., 1928. – 498 с.
555. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. – М., 1957. – С. 395–476.
556. Струмилин С.Г. Промышленный переворот в России. – М., 1944. – 48 с.
557. Струмилин С.Г. Статистико-экономические очерки. – М., 1958. – 738 с.
558. Струмилин С.Г. Условия производства хлебов в СССР // Плановое хозяйство. – 1926. – № 2. – С. 351.
559. Струмилин С.Г. Царская мануфактура XVII века // Крепостная мануфактура в России. – Л., 1932. – Ч. 3.
560. Струмилин С.Г. Черная металлургия в России и в СССР: Технический прогресс за 300 лет. – М.-Л., 1935. – 322 с.
561. Струмилин С.Г. Экономическая природа первых русских мануфактур (в порядке обсуждения) // Вопросы истории. – 1948. – № 6. – С. 63.
562. Супоницкая И.М. Американский раб и русский крепостной: типология и специфика принудительного труда // Вопросы истории. – 2000. – № 9. – С. 52–61.
563. Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра первого и его идеология. – М.-Л., 1943. – 210 с.
564. Тарновский К.Н. В преддверии Октября // Наука и жизнь. – 1987. – № 10. – С. 77–81.
565. Тарновский К.Н. Легкая промышленность дореволюционной России. Историко-географические очерки. – М., 1995. – 280 с.
566. Тарновский К.Н. О социологическом изучении капиталистического способа производства // Вопросы истории. – 1964. – № 1. – С. 120 – 132.
567. Тарновский К.Н. Советская историография российского империализма. – М., 1964. – 236 с.
568. Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50–60-х годов. – М., 1990. –290 с.
569. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). – М., 1978. – 279 с.
570. Теляк Л.В. Столыпинская аграрная реформа: (Историография 1906–1917 гг.). – Самара, 1995. – 81 с.
571. Тимошенко А.И. Изменение в государственном механизме Российской империи в период первой мировой войны: Дис. …канд. ист. наук. – Л., 1968. – 16 с.
572. Тимошенко В.В. Кредитная система Белоруссии в начале XX в. // Исторические записки. – 1965. – Т. 78. – С. 63 – 84.
573. Ткаченко П.С. О некоторых вопросах истории народничества // Вопросы истории. – 1956. – № 5. – С. 34 – 45.
574. Ткаченко П.С. О спорных проблемах истории народничества // История СССР. – 1963. – № 6. – С. 76 – 84.

575. Ткаченко С.Л. Американский банковский капитал в России в годы Первой мировой войны: Деятельность «Нэйшнл Сити Бэнк оф Нью-Йорк». – СПб., 1998.
576. Толстых В.И. Об интеллигенции и интеллигентности (Культурно-личностный аспект) // Вопросы философии. 1982. – № 10. – С. 85–90.
577. Томсинский С.Г. Начальная стадия крепостной мануфактуры России: Вводные замечания к материалам по истории крепостной мануфактуры // Архив истории труда. – 1934. – Ч. 5. – С. 24.
578. Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899 гг.). – Томск, 1979. – 277 с.
579. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2-х тт. – М., 1967. – Т. 1. – 565 с.
580. Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. – Саратов, 1983. – 423 с.
581. Троицкий С.М. О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России // История СССР. – 1969. – № 3. – С. 130–149.
582. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. – М., 1974. – 395 с.
583. Турецкий Ш.Я. Внутрипромышленное накопление в СССР. – М., 1948. – 399 с.
584. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. – М., 2001.
585. Тюкавкин В.Г. Аграрное перенаселение в России в конце XIX – начале XX в. и его значение для развития капитализма // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. Таллин, 24-28 сентября 1984 года. – М., 1984. – С.85-86.
586. Тюльпанов С.И. Очерки политической экономики: (Развивающиеся страны). – М., 1969. – 375 с.
587. Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 3–27.
588. Филиппов Р.В. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1873–1874). – Петрозаводск, 1967. – 318 с.
589. Филиппова Т.А. Приоритеты поздней империи // Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. – М.,2000. – С.147.
590. Фолюшевский И.В. Монополистический капитализм на Украине и его особенности // К 40-летию Советской власти на Украине. – Харьков, 1958.
591. Формации и социально-классовые структуры / Отв. ред. З.В. Удальцова, Ю.А. Поляков. – М., 1985. – 317 с.
592. Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. – 1990. – С. 219.
593. Фридман И.Л. Иностранный капитал в дореволюционном Казахстане. – Алма-Ата, 1960. – С. 3 – 50.

594. Фурсов А.И. Восток, Запад, капитализм: проблемы философии, истории и социальной теории // Капитализм на Востоке во второй половине XX века.- М.,1995.- С. 16-133.
595. Хок С.Л. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России, 1861–1914 гг. // Отечественная история – 1996. – № 2. – С. 35.
596. Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. – М., 1993. – 192 с.
597. Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середины 1870-х гг. – М., 2002. – 423 с.
598. Хромов П.А. Экономическая история СССР: Первобытно-общинный и феодальный способы производства в России. – М., 1988. – 272 с.
599. Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX–XX веках. – М., 1950. – 552 с.
600. Хромов П.А. Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Окт. Революции. – М., 1967. – 535 с.
601. Цукерник А.Л. Из истории монополизации железного рынка в России // Исторические записки. – 1928. – Т. 2. – С. 185.
602. Цукерник А.Л. Синдикат «Продамет». Историко-экономический очерк. 1902 – июль 1914 г. – М., 1959. – 303 с.
603. Цыпин Б.Л. Некоторые особенности промышленного переворота в России. – Свердловск, 1968. – 188 с.
604. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. – М., 1970. –448 с.
605. Черменский Е.Д. Земско-либеральное движение накануне революции 1905-1907 гг. // История СССР. – 1965. – № 5. – С. 41–60.
606. Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос о правительственной политике России, 60–70-е годы XIX в. – Л., 1972. – 226 с.
607. Чешков М.А. Дореволюционная Россия и Советский Союз: анализ преемственности и разрыва // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 95–95.
608. Чистозвонов А.Н. Некоторые аспекты генезиса абсолютизма // Вопросы Истории. – 1968. – № 5. – С. 62.
609. Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. – М., 1858. – 389 с.
610. Чуковский К.И. Живой как жизнь: Разговор о русском языке. – М., 1969. – 175 с.
611. Чунтулов В.Т., Кривцова Н.С., Чунтулов А.В., Тюшев В.А. Экономическая история СССР. – М., 1987. –367 с.
612. Чураков Д.О. Традиции русского пролетариата: опыт 1917 года и современность // Россия XXI. – 1993. – № 3. – С. 90 – 94.
613. Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Общественные науки и современность. – 2003. – № 1. – С. 116–120.
614. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 → 1917–1922 гг. – М., 1997. – 560 с.

615. Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 года. – М., 1993. – 761 с.
616. Шапиро А.Л. Об абсолютизме в России // История СССР. – 1968. – № 5. – С. 69–82.
617. Шапиро А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв. – Л., 1977. – С. 50–58.
618. Шаповалов А.С. В борьбе за социализм: воспоминания старого большевика-подпольщика. – М., 1957. –310 с.
619. Шатковская Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. – 2000. – № 11–12. – С. 96–105.
620. Шацилло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в. – 1914 гг. – М., 1992. –270 с.
621. Шацилло К.Ф. Иностранный капитал и военно-морские программы России накануне первой мировой войны // Исторические записки. – 1961. – Т. 69. – С. 71 – 100.
622. Шацилло К.Ф. Казенная промышленность царской России // Свободная мысль. – 1992. –№ 2. – С. 36 – 47.
623. Шацилло М.К. Источники по социальной структуре российской буржуазии начала века.: Дис. …канд. ист. наук. – М., 1986. – С. 3–16.
624. Шацилло М.К. Эволюция налоговой системы России в XIX веке // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М., 2003. – С. 345–383.
625. Шебалдин Ю.Н. Государственный бюджет царской России в начале XX в. (до первой мировой войны) // Исторические записки. – 1959. – Т. 65. – С. 163 – 190.
626. Шевцов В.И. Общественно-политические взгляды Г. Эверса // Вопросы историографии и методологии всеобщей истории / Под ред. В.А. Борщевского. – Днепропетровск, 1971. – С. 45–47.
627. Шевырин В.М. Рецензия на книгу А.Н. Медушевского «Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе» // Вопросы истории. – 1999. – № 3. – С. 164–168.
628. Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. – 1998. – № 4. – С. 26–41.
629. Шелымагин И.И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России, 1900–1917. – М., 1947. – 188 с.
630. Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. – Л., 1973. –347 с.
631. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. – Л., 1987. –272 с.
632. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. – Л., 1981. – 275 с.
633. Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I, - СПб., 2007. – 461 с.
634. Шепукова Н.М. Изменение удельного веса помещичьих крестьян в составе населения Европейской России в XVIII – 1-й половине XIX вв. (1718–1858 гг.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 1960. – 22. с.

635. Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). – М., 1956. – 332 с.
636. Шилюк Н.Ф. Закономерности развития рабовладельческого общества. – Свердловск. – 1982. – 83 с.
637. Широкова В.В. Еще раз о революционных демократах и народниках // История СССР. – 1962. – № 3. – С. 72 – 79.
638. Шлифштейн Е.И. Мелкая промышленность Саратовской губернии. – Саратов, 1923. – 320 с.
639. Щагин Э.М. Об опыте и уроках столыпинской аграрной реформы // Власть и общественные организации России в первой трети столетия. – М., 1994. – С. 46.
640. Щеголев П.П. Учение Маркса о первоначальном накоплении // Известия ГАИМК. – Вып. 90. – 1934. – С. 611.
641. Щербакова Е.И. «Отщепенцы»: Социально-психологические истоки русского терроризма // Свободная мысль. – 1998. – № 1. – С. 89.
642. Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. – Воронеж, 1900. – 730 с.
643. Щетинина Г.И. Рецензия // История СССР. – 1972. – № 1. – С. 181–182.
644. Эвентов Л.Я. Иностранные капиталы в русской промышленности. – М.-Л., 1931. – 104 с.
645. Экономика переходного периода / Под ред. В.В. Радаева, А.В. Бузгалина. – М., 1995. –414 с.
646. Экономическая история России XIX – XX вв.: Современный взгляд. – М., 2001. – 624 с.
647. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. – М., 1978. – С. 213.
648. Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 18. – С. 254.
649. Энгельс Ф. Николаю Францовичу Даниельсону, 22 сентября 1892 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1965. – Т. 38. – С. 398.
650. Энгельс Ф. Письмо Николаю Францевичу Даниельсону в Петербург, 24 февраля 1893 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1958. – Т. 39. – С. 32–33.
651. Энгельс Ф. Письмо Николаю Францевичу Даниельсону в Петербург, 5 марта 1895 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1958. – Т. 39. – С. 349.
652. Юшков С.В. Возникновение самодержавия при царе Алексее Михайловиче. Стенограмма лекции, читанной 27 января 1945 гг. – М., 1945. – 8 с.
653. Яковенко И.Г. Свежий взгляд на историю Размышления культуролога о книге В. Хороса «Русская история в сравнительном освещении» // Общественные науки и современность. – 1999. – № 1. – С. 106–114.
654. Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. – М., 1955. – 404 с.
655. Яцунский В.К. Основные этапы генезиса капитализма в России // История СССР. – 1958. – № 5. – С. 70–80.
656. Яцунский В.К. Промышленный переворот в России: (К проблеме взаимодействия производственных сил и производственных отношений) // Вопросы истории. – 1952. – № 12. – С. 48 – 70.

657. Ячменихин К.М. Экономический потенциал военных поселений // Вопросы истории. – 1997. – № 2. – С. 34–48.
658. Anderson T. Russian Political Thought. – N.-Y., 1968. – P. 291–292.
659. Black C.E. The Nature of Imperial Russian Society // The Development of the USSR. – Wash., 1964. – P. 175–176.
660. Bradley J. Muzhik and Muscovie: Urbanization in late Imperial Russia. – Berkeley, 1985. – P. 28–152.
661. Briodo V. Apostles into Terrorists: Women and the Revolutionary Movement in the Russia of Alexander II. – N.Y., 1997. – P. 8.
662. Calinescu M. Five faces of Modernity. – Durhan (NC), 1987. – P. 13.
663. Callinicos A. Against Postmodernism. A Marxist Critique. – Cambridge, 1994. – P. 32.
664. Carr E. The Romantic Exiles.- L.,1933.- P.221-226.
665. Crankshaw E. The Shadow of the Winter Palace: The Drift to Revolution. 1825–1917. – L. 1976. – P. 183.
666. Crisp O. Studies in the Russian Economy before 1914. – London–Basingstoke, 1976. – P. 19–28.
667. Dittrich L.R. Wittfoger and Russia. On Origin of Russian Auticracy // Acta historiae neerlandica. Leiden. – 1966. – Vol. I. – P. 53–66.
668. Edwards H.S. The Rassians at Home and the Rassians Abroad.- L.,1879.- P.108-109.
669. Emmons T. The Russian landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. – Cambr. (Mass.), 1967. – P. 381.
670. Field D. Kavelin and Russian Liberalism // The Slavic Review. – 1873. – Vol. 32. – No. 1. – P. 60.
671. Fisher G. Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. – Cambr. (Mass.), 1958. – P. 272–276.
672. Freeze G.L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // American Historical Review. – 1986. – Vol. 91. – No. 1. February. – P. 11–36.
673. Fraser J.F. The Real Siberia.- L.,1902; Fraser J.F. Red Russia.- L.,1907.- P. 23-27.
674. Gerschenkron A. Agrarian Policies and Industrialization: Russia, 1861–1917 // The Cambridge Economic Hstory of Europe. – L., N.-Y., 1965. – V. 6. – pt. 2.
675. Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. – L., 1967. – P. 184.
676. Gerschenkron A. Franco Venturi on Russian Populism // The American Historical Review. – 1973. – Vol. 78. – № 4. –P. 972–974.
677. Geyer D. Staatsaubau und Sazialverfassung. Problem des russischen. Absolutismus an Ende des 18. Jahrhunderts // Cahiers du monde russe et sovietque. – 1966. – Vol. VII. – No. 3. – S. 374. – S. 374.
678. Geyer D. Stautsausbau und Sosia Lverfassung. Problem des russischen. Absolutismus un Erde des 18. Jahrhunderts // Cahiers du mond russe et Sovietigue. – 1966 – Vol. VII. – №3 . – P. 366–377.
679. Gleason A. Young Russia: The Genesis of Russian Radicalism in the 1860's. – N.-Y., 1980. – P. 3–20.

680. Goldsmith R. The Economic Growth of Tsarist Russia, 1860–1913 // Economic Development and Cultural Change. –1961. –April. – Vol. 9. – № 3. – P. 441–475.
681. Gregory P.R. Russian National Income, 1885–1913 – Cambridge, 1982. – P. 78–194.
682. Gregory P.R. Some Empirical Comments on the Theory of Relative Backwardness: the Russian Case // Economic Development and Cultural Change. – 1975. – V. 22. – № 4. – P. 654–663.
683. Gregory P.R. The Russian Balance of Payments, the Gold Standard and Monetary Policy: a Historical Example of Foreign Capital Movements // Journal of Economic History. – 1979. – V. XXXIX. – № 2. – P. 388–393.
684. Grey J. Peter the Great: Emperor of All Russia. – Philadelphia, 1960. – P. 3–4.
685. Hamburg G. The Russian Nobility on the Eve of the 1905 Revolution // The Russian Review! – 1979. – Vol. 38. – P. 324–325.
686. Heller A., Feher F. The Postmodern Political Condition. – Cambridge, 1988. – P. 157–157.
687. Hosking G. The Russian Constitional Experiment. – Cambridge, 1973.
688. Kahan A. The Costs of «Westernization» in Russia: the Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // Slavic Review. – 1966. – March. – Vol. XXV. – № 1. – P. 51–64.
Karpovich M. Imperial Russia. 1801-1917.- N.Y.,1932.-P. 30-49.
689. Kelly A. Mikhail Bakunin. – Oxford, 1982. – P. 6.
690. Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society. New Theories of the Contemporary World. – Oxford (UK) – Cambridge (USA), 1995. – .P. 32.
691. Lampert E. Sons Against Fathers: Studies in Russian Radicalism and Revolution. – L., 1965. – P 40–91.
692. Laue Th. The Chances for Liberal Constitutionalism // The Slavic Review. – 1965. – Vol. 24. – No. 1.
Lowe Ch. Alexander III of Russia.- L., 1895.- P.312.
693. Leroy-Beaullieu A. The Empire of the Tsars and the Russians. Pt.1.- N.Y.; L., 1893.- P.VIII-IX, 489-491.
694. Leroy-Beaulieu A. Un homme d`etate russe. – P.,1884. – P. 1-118.
695. Malia M. What is Intelligentsia? // The Russian Intelligensia / Ed. by R. Pipes. – N.Y., 1961. – P. 9–10.
696. Nahirny V. The Russian Intelligentsia: From Torment to Silence. – New Brunswick – L., 1983. – P. 35.
697. Owen Tn.C. The Russian Industrial Society and Tsarist Economic Policy, 1867–1905 // Journal of Economic History. – 1985. – V. 45. – № 3. – P. 599–605.
698. Plaggenborg S. Tax Policy and the Question of Peasant Poverty in Tsarist Russia 1881–1905 // Cahiers du Monde Russe – 1995. – Vol. 36. – P. 53–69.
699. Pushkin M. Rasnochinsy in University: Coverment Policy and Social Change in Nineteenth Centure Russia // International Review of Social History. Vol. 26. 1981. – Pt 1. – P. 36.
Pares B. Russia: Between Reform and Revolution. – N.Y., P. IX-X, 60.
700. Raeff M. Russia’s Perception of Her Relationship with the West // Op. cit.

701. Raeff M. The Russian Autocracy and its Officials // Russian Thought and Politics. Harvard Slavic Studies. – Cambridge Mass., 1957. – Vol. IV. – P. 79.
702. Riasanovsky N.V. «Oriental Despotism» and Russia // Slavic Review. – 1963. – December. – P. 644–649.
703. Roberts H.L. Russia and the West: a Compression and Contrast // The Development of the USSR. Wash., 1964. – P. 359–370.
704. Rogger H. Russia in the Age of Modernization and Revolution. – L., N.–Y., 1983. – P. 100–127.
705. Rose M.A. The Post-Modern and the Post-Industrial. A Critical Analysis. – Cambridge, 1991. – P. 9.
706. Rudolph R.L. Agricaltural Structure and Proto-Industrialization in Russia: Economic Development with Unfree Labor // Journal of Economic History. – 1985. – Vol. XLV. – № 1.
707. Rodichev F. The Liberal Movement in Russia // Slavonic Review.- 1923.- Vol.2.-№ 4.- P.1-12.
708. Robinson G. Rural Russia under the Old Regime.- Berkeley, 1967.
709. Ruffmann K.–H. Russischer Adel els Sondertypus der europaiscen Adelwelt // Jahrbucher fur Geschuchte Osteuropas. – Munchen. – 1961. – Sept. – Bd. 9. – Hf. 2. – S. 161–178.
710. Sumner B. A Shot History of Russia. – N.-Y., 1943.- P. 309-310
711. Seton-Watson H. The Decline of Imperial Russia. – L., 1952. – P. 18.
712. Seton-Watson H. The russian Empire. 1801–1917. – L., 1967. – P. 11–12.
713. Simms J. The Crisis in Russian Agriculture at the End of Nineteenth Century: A Different View // Slavic Review. – 1977. – Vol. 36. – P. 377–398.
714. Slonim M. The Epic of Russian Literature. – Oxford, 1950. – P. 206.
715. Smith R., Christian D. Bread and Salt. A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. – Cambr., 1985. – P. 3–287.
716. Sarolea Ch. Europe’s Debt to Russia.- L., 1916.- P.56-68.
717. Szeftel M. The Historical Limits of the Question of Russia and the West // The Development of the USSR. Wash., 1964. – P. 378–385.
718. The Political of Rural Russia. 1905–1914. // Ed. By L. Haimson. – Bloomington–London, 1979. – P. 290–291.
719. Venturi F. Roots of Revolution. – N.–Y., 1960. – P. 35–40.
720. Walkin J. The Rise of Democracy in Pre-revolutionary Russia. – L., 1963. – P. 74–174.
721. Wahl O.W. The Land of the Czar.- L.,1875.- P.317.
722. Wheatcroft St. Crisis and the Conditions of the Peasantry in Late Imperial Russia // Kingston–Mann E., Mixter T. (eds.) Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia: 1800–1921. – Princeton, 1991. – P. 128.
723. Wittfogel K.A Russia and East: a Comarison and Contrast // Slavic Review. – 1963. – December. – P. 627–643.
724. Wittfogel K.A. Russia and Asia // World politics. – 1950. – Vol. II.
725. Wood A. The origins of the Russian Revolution. 1861–1917. – L., 1987. – P. 14.

726. Wortman R. The Development of a Russin Legal Consciousness. – Chicago, 1976. – P. 285.
727. Wren M. The Western Impact of Russia. – N.Y., 1976. – P. 109–229.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Таблица 1.

Динамика уровня ВНП на душу населения по группам стран Европы (в американских долларах и ценах США 1960 г.)

Группы стран	1800 г.	1830 г.	1860 г.	1860 к 1800 (%)	1860 к 1830 (%)
Раннеиндустриальные страны (Бельгия, Франция, Швейцария, Англия)	209	298	454	217,2	152,4
Позднеиндустриальные страны (Австро-Венгрия, Германия, Нидерланды)	219	252	328	149,8	130, 2
Скандинавские страны	193	210	273	141,4	130,0
Россия, Румыния, Болгария	170	171	180	105,9	105,9
Средиземноморские страны	203	259	309	152,2	119,3

Источник: Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. – СПб.,1998 – С. 141.

Таблица 2.

Десятилетия	Ввезено машин	Собственное производство	Итого машин
	(в тыс. руб. серебром)		
1831-1840	4111	2750	6861
1841-1850	11747	4860	16607
1851-1860	48080	36433	84513
Итого: за 30 лет	63983	44043	107981

Источник: Струмилин С.Г. К вопросу о промышленном перевороте в России // Вопросы экономики. – 1952. – № 12. – С. 73.

Таблица 3.

Годы	Число фабрик	Число рабочих (в тыс.)	% вольнонаемных рабочих
1804	2402	95,2	47,9
1825	5261	210,6	54,4
1860	15388	565,1	87

Источник: Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. – М., 1950. – Т. 1. – С. 581.

Таблица 4.

Национальный доход на душу населения в ведущих странах мира (в долларах, текущие цены)

Годы Страны	1880	1890	1900	1913
Великобритания	146	180	207	237
США	147	173	205	321
Германия	80	111	131	163
Франция	131	134	151	178
Россия	28	32	43	61

Источник: Рязанов В.Т. Указ. соч. – С. 146.

Таблица 5.

Динамика ВНП на душу населения в ведущих европейских странах (в американских долларах и ценах США 1960 г.)

Годы Страны	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1890 г.
Великобритания	558	628	680	785
Германия	354	426	443	537
Франция	365	437	464	515
Россия	178	250	224	182

Источник: Рязанов В.Т. Указ. соч. – С. 146.

Таблица 6.

	1879 год			1890 год			1894/95 год		
	Число		Сумма производства в тыс. руб.	Число		Сумма производства в тыс. руб.	Число		Сумма производства в тыс. руб.
	Фабрик	Рабочих		Фабрик	Рабочих		Фабрик	Рабочих	
Все «Фабрики и заводы»	27986	763152	1148134	21124	875764	1500871	14578	885555	1345346
Заведения, имеющие 100 и более рабочих	1238	509643	629926	1431	623146	858688	1468	655670	955233
% к итогу:	—	66,8%	54,8%	—	71,1%	57,2%	—	74%	70,8%

Источник: Ленин В.И. К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике // Ленин В.И. ПСС. – М., 1971. – Т. 4. – С. 16.

Таблица 7.

Присутствие иностранных капиталов в различных отраслях в начале XX в. (в процентах ко всему авансированному капиталу)

Предприятия	1890 г.	1900 г.	1917 г.
Горнопромышленные, металлообрабатывающие и машиностроительные	61,2	72,2	54,1
Городские, складочные и строительные	66,7	48,3	61,8
Химические	41,0	34,7	45,0
Коммерческие банки	27,2	29,2	34,2
Бумажно-полиграфические	9,6	43,8	33,8
Обрабатывающие животные продукты	11,9	35,7	26,0
Страховые компании	24,4	20,7	23,6
Механическая обработка дерева	6,0	19,1	21,8
Текстильные	13,1	19,1	20,9
Торговые и комиссионные	2,0	18,0	20,7
Транспортные	1,0	40,6	15,9

Источник: Грановский Е.Л. Монополистический капитализм в России. – Л., 1928. – С. 99, 134.

Таблица 8.

	Протяженность железных дорог на долю казны в %	Доля производства госпредприятий, в %				Численность рабочих на государственных военных заводах (в тыс. чел.) в 1908–1913 гг.	Численность рабочих в 1917–1918 гг.
		эл. энерг.	кам. уголь	жел. руда	повар. соль		
Германия	93	37,6	6,9	10,6	21	43	200
Россия	70	2	2	3,5	0,5	100	300

Источник: Лапина С.Н., Лелюхина Н.Д. Государственное предпринимательство в России и его участие в регулировании экономики. (Опыт начала XX века) // Экономическая история России XIX-XX вв.: Современный взгляд. – М., 2001. – С. 30.

Таблица 9.

Сбор основных хлебов по губерниям (без овса и картофеля) за 1909 год без данных по Прибалтике (Эстляндии, Лифляндии и Курляндии)

Области и губернии	Остаток за вычетом на посев на 1 чел., пуд	Остаток в среднем за 1904–1908 гг., пуд	Население, млн. чел.	Население на 1 кв. версту, чел.	Посевная площадь на 1 чел., дес.	Урожайность		
						Пшеница, пуд	Рожь, пуд	Ячмень, пуд
Северные:	6,18		2,0235		0,195			
Архангельская	4,66	4,19				-	48	68
Вологодская	6,56	8,79				59 яр.	47	63
Озерные:	4,4		6,216		0,142			
Олонецкая	6,08	5,95		3,9		49 яр.	50	56
С.-Петербург	2,0	2,22		71,8		65 оз.	67	64
Новгородская	4,51	6,5		15,6		51 яр.	45	59
Псковская	8,8	9,73		35,2		45 оз.	50	62
Сев.-Западные:	11,98		12,315		0,302			
Ковенская	17,65	14,15		49,6		67 оз.	74	75
Виленская	12,91	10,17		51,6		54 яр.	58	66
Гродненская	11,7	10,52		56,9		66 оз.	63	59
Витебская	7,62	6,96		47		48 яр.	40	57
Могилевская	10,19	8,97		51,4		67 оз.	56	63
Минская	12,18	9,78		34,4		70 оз.	65	62

Центральные:	6,35		14,492		0,234			
Московская	1,08	2,77		108,2		68 яр.	34	58
Тверская	3,73	7,08		37,6		42 яр.	41	69
Смоленская	6,48	9,57		38,8		82 оз.	50	62
Калужская	4,06	7,19		50,1		–	33	49
Тульская	13,76	12,71		64,1		78 яр.	59	72
Рязанская	14,16	12,7		62,6		78 оз.	67	60
Владимирская	3,39	8,23		43,7		69 яр.	28	82
Ср.-Волжские:	16,46		13,092		0,423			
Ярославская	5,1	9,51		27,5		57 яр.	49	68
Костромская	7,72	9,99		22,7		50 яр.	43	61
Нижегородская	13,14	14,55		43,9		55 яр.	48	71
Казанская	24,88	16,35		47,4		70 яр.	71	76
Симбирская	30,7	19,31		43,8		68 яр.	84	96
Вятская	12,2	16,41		27,3		73 яр.	39	68
Уральская	21,63	18,9	0,792	2,5	0,641	–	–	–
Сибирские:	14,38		6,247		0,472			
Тобольская	12,22	17,18		1,5		51 яр.	45	54
Томская	17,37	21,62		4,2		80 яр.	60	47
Енисейская	7,92	21,75		0,3		33 яр.	41	21
Иркутская	13,96	17,64		1,0		38 яр.	50	42
Ср.-азиатские:	11,06		3,539		0,378			
Тургайская	14,6	23,88		1,5		22 яр.	29	16

Акмолинская	6,23	9,22		1,9		30 яр.	35	41
Семиреченская	18,53	18,63		3,5		82 оз.	69	86
Черноморская	4,59		1,12	16,5				
Прибалтийские	15,03		2,64		0,25			

Районы и количество благополучных производителей зерна:

Области и губернии	Остаток на 1 чел., пуд	Остаток за 1904–1908 г., пуд	Население			Урожайность		
			Млн. чел.	На 1 кв. версту, чел.	Посевная площадь на 1 чел., дес.	Пшеница, пуд	Рожь, пуд	Ячмень, пуд
Днепровско-Донские:	23,88		18,404		0,456			
Черниговская	10,81	9,78		63,4		68 оз.	59	75
Полтавская	29,73	25,11		80,6		82 оз.	89	88
Орловская	16,15	12,07		61,6		81 оз.	68	66
Курская	23,15	17,65		72,5		95 оз.	94	92
Харьковская	31,08	20,16		66,4		91 оз.	92	88
Воронежская	28,94	17,60		56,8		84 оз.	77	88
Заднепровские:	25,75		17,660		0,539			
Волынская	17,82	15,14		59,8		74 оз.	71	68
Киевская	19,89	18,95		98,8		93 оз.	97	77
Подольская	21,36	18,95		99,5		85 оз.	88	70
Бессарабская	34,32	38,41		61,3		57 ярю	61	70

Херсонская	40,85	37,5		54,6		58 яр.	51	70
Волго-Донские:	30,74		8,21		0,573			
Тамбовская	26,86	20,58		52,6		92 оз.	86	83
Пензенская	26,84	19,04		52,1		62 оз.	80	60
Саратовская	37,29	18,53		41,2		83 оз.	66	77
Заволжские:	32,68		11,99		0,716			
Пермская	16,98	18,26		12,6		77 яр.	68	81
Уфимская	29,92	22,63		26,4		74 яр.	78	77
Оренбургская	28,6	27,85		12		52 яр.	56	40
Самарская	53,76	24,07		26,3		71 яр.	69	69

Лидеры производства и продажи зерна:

Области и губернии	Остаток на 1 чел., пуд	Остаток за 1904–1908 г., пуд	Население			Урожайность		
			Млн. чел.	На 1 кв. версту, чел.	Посевная площадь на 1 чел., дес.	Пшеница, пуд	Рожь, пуд	Ячмень, пуд
Предкавказские:	52,3		8,819		1,053			
Кубанская	58,8	57,19		30		79 яр.	70	82
Ставропольская	63,08	42,56		24,5		64 оз.	43	78
Терская	27,21	24,82		18		61 оз.	53	57
Южно-Степные:	54,11		9,25		1,123			
Екатеринославская	54,93	46,83		53,5		78 яр.	69	91

Таврическая	47,32	50,39		34,5		68 оз.	50	53
Донского Войска область	74,81	35,38		23,5		66 яр.	50	81
Астраханская	5,64	6,67		5,9		15 яр.	15	19

Источник: Купцов А.Г. Земля – ЕК, или столыпинская катастрофа России. – М, 2002. – С. 6–14.

Таблица 10.

Основные Группировки	Очень бедные	Бедные	Средние	Зажиточные	Богатые	Итого
Скот	19,1	35,2	22,2	15,2	8,3	100,0
Землевладение	2,6	28,7	36,5	21,3	10,9	100,0
Доход	2,2	27,0	51,7	16,1	3,0	100,0

Источник: Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. – Воронеж, 1900. – Ч. 2. – С. 1–201.

Таблица 11.

Численность рабочего класса России в 1900—1913 гг.

Категория рабочих	1900 г.		1913 г.	
	Численность		Численность	
	тыс.	%	тыс.	%
Занятые на крупных предприятиях (фабрично-заводские, горнозаводские, черные, транспортные)	2640,9	21,7	3938,9	21,5
Занятые в мелкой промышленности	2000 (на 1890 г.)	16,4	3000	16,5
Строительные	1000 (на 1890 г.)	8,2	1500	8,3
Сельскохозяйственные	45,40,3 (на 1890 г.)	37,3	6500	35,6
Занятые в лесном деле и чернорабочие в строительстве на транспорте, в торговле	2000 (на 1890 г.)	16,4	3300	18,1
Всего	12181,2	100	18238,9	100

Источник: Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. – М., 1982. – С. 42.

Таблица 12.

Степень энерговооруженности и производительности труда металлургов Урала и Юга.

Категория рабочих	Энерговооруженность труда (л.с. на одного рабочего)			Производительность труда в 1910г	
	1890 г.	1908 г.	1913 г.	Удельные затраты на одну тонну чугуна (дни)	Производительность труда сталевара (т/год)
Металлурги Урала	0,22	0,66		2,44	126,2
Металлурги Юга	2,4	6,26	8,9	1,06	361,5

Источник: Серый Ю.И. К вопросу об особенностях формирования рабочих в различных районах России // Рабочие России в эпоху капитализма: Сравнительный порайонный анализ. – Ростов-на-Дону,1972.– С. 29–31.

Таблица 13.

Связь рабочих фабрично-заводской промышленности с сельским хозяйством по группам производств до Октябрьской революции

Группы производств	Число рабочих (в тыс.)	Из них		В % к общему числу рабочих	
		имели свою землю или землю своей семьи	в том числе вели свое хозяйство при помощи членов своей семьи	имели свою землю или землю своей семьи	в том числе вели свое хозяйство при помощи членов своей семьи
Все группы производств	983,8	308,4	205,5	31,3	20,9
В том числе:					
Добывание и обработка камней, земли и глины	37,2	7,7	5,1	20,7	13,7
Горная и горнозаводская промышленность	35,1	15,6	13,6	44,4	38,7
Металлообрабатывающая промышленность	20,5	6,0	4,3	29,3	21,0
Производство машин, инструментов и аппаратов	127,0	30,6	17,7	24,1	13,9
Химическая промышленность	43,4	13,0	8,8	30,0	20,4
Производство пищевых продуктов	77,7	29,6	22,7	38,1	29,2
Кожевенная и меховая промышленность	22,9	6,8	5,1	29,7	22,3
Производство по обработке хлопка	370,4	123,6	75,4	33,6	20,4
производство по обработке шерсти	50,7	18,8	12,7	37,1	25,0

Источник: Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. – М., 1958. – С. 573.

Таблица 14.

Удельный вес рабочих с землей, занятых в различных отраслях промышленности в 1905—1907 гг. (в %)

Начало работы в промышленности	Металлообрабатывающая							Металлургическая				В среднем по металлической
	Ленинград	Московская обл.	Украина	Урал	ЦПО	Прочие районы	В среднем	Украина	Урал	Прочие районы	В среднем	
До 1905	17,6	41,1	5,8	43,3	32,0	6,6	24,7	17,4	51,6	23,2	29,3	26,0
1906–1913	14,5	34,6	7,7	29,0	31,7	3,4	21,2	21,7	39,6	20,9	26,1	22,6
1914–1917	12,3	30,8	5,8	25,9	28,8	2,5	18,8	17,9	30,1	14,9	20,8	19,4

Начало работы в промышленности	Хлопчатобумажная				Шерстяная	Суконная	Льняная	Шелковая	Трикотажная	Каменноугольная			Нефтяная	Рудная
	Ленинград	Московская обл.	Ивановская обл.	В среднем						Донбасс	Сибирь и Урал	В среднем		
До 1905	8,0	27,7	22,2	21,4	28,0	22,8	31,6	20,5	19,3	16,9	15,9	16,7	6,3	51,7
1906–1913	4,6	25,7	20,0	} 20,0	23,7	15,5	29,7	16,1	12,6	20,1	11,6	} 18,2	5,9	} 45,3
1914–1917	3,6	23,6	12,3							18,9	8,7		6,3	

Источник: Иванов Л.М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. – М., 1966. – С. 134.

Таблица 15.

Доля чиновников с высшим, средним и начальным образованием в XVIII–XIX веках.

Годы	Доля чиновников с определенным уровнем образования в %		
	высшим	средним	начальным
1755	1,1	19,3	80,6
сер. XIX в.	29,4	36,9	33,7
1897	39,5	22,8	37,7

Составлено по: Дубенцов Б.Б. Самодержавие и чиновничество в 1881—1904 гг (Политика царского правительства в области организации государственной службы): Дис. …канд. истор. наук. – Л., 1977. – С. 6–10, 204.

Приложение 2

Копия
Его Высокопревосходительству
Господину Министру Внутренних дел
от рабочих Александровского сталелитейного завода

Всенижайшее прошение

Ваше Высокопревосходительство. Обращаемся мы к Вам, как к единственному нашему защитнику, помогите нашему горю: Александровский завод закрывают и всем нам рабочим, проработавшим на этом заводе десятки лет, дают расчет…, после того, как два года обнадеживали нас, что вот-вот будет работа и мы, рабочие завода, будем опять получать то, что нам следует зарабатывать. Почти два года мы получали не половину того, что считалось заработком, а много меньше… На наших глазах живет Александровский завод, мы видали на нем всякие виды, были мы под французскими жидами, немцами, а теперь перешли под власть Русского Казенного Банка. При жидах и немцах иногда работали только по три дня в неделю, но все-таки имели черствый кусок хлеба, когда банковские чиновники на наших слезах отрастили себе брюхо с гору, нас с семьями и детьми лишают последнего куска хлеба. Куда нам деваться. Мы Александровцы не привыкли выпрашивать подачки. У соседа нашего, Обухова, стреляли по рабочим, бунтующим от жиру, а мы почти голодные, стояли у станков и работали на заводе, работали только из-за насущного хлеба… Где нам искать защиты, не на Казанскую же площадь, со щелкоперами идти нам искать управы…

Если вы не заступитесь за нас, суди нас Бог: приведем мы Вам наших ребят и жен, бейте их плетьми казаков и жандармов, рубите их шашками, все равно им помирать с голоду; берите и нас сажайте по тюрьмам, ссылайте в ссылку, но не одни же Банковские чиновники хотят есть, нам тоже надо хоть корочку хлеба; так создал нас Бог, не лишайте нас последнего и не вводите в искушение, так как голодные не знают разницы между правом и беззаконием. Мы не бунтовщики, а только хотим есть.

Март 1902

Источник: ЦГИА СПб, ф. 1229, оп. 1, д. 225, л. 11.

Приложение 3

Рис. 1. Межрайонные и межгубернские колебания цен на рожь

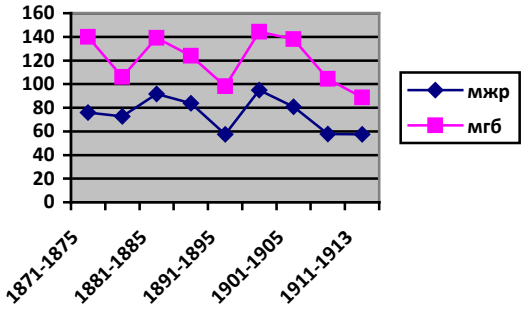

Рис. 2. Межрайонные и межгубернские колебания цен на пшеницу

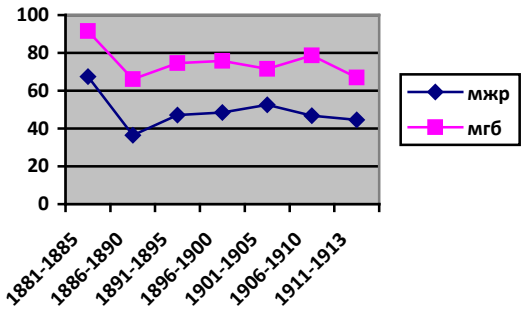

Рис. 3. Межрайонные и межгубернские колебания цен на овес

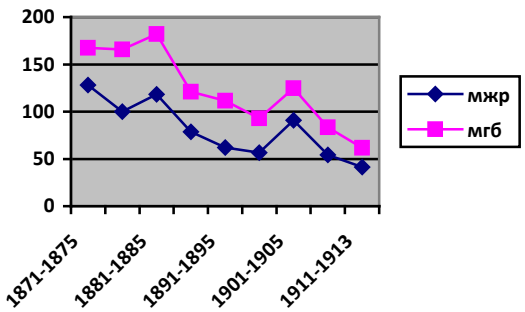

Рис. 4. Межрайонные и межгубернские колебания цен на картофель

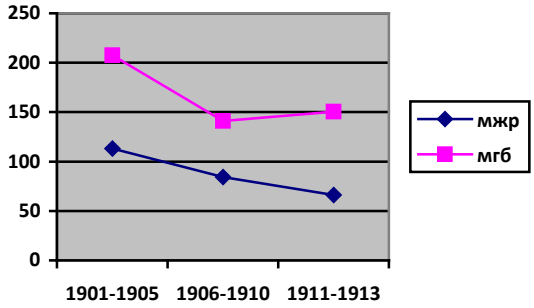

Рис. 5. Межрайонные и межгубернские колебания цен на сено

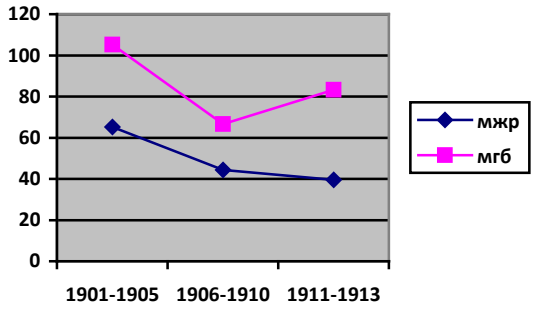

Рис. 6. Межрайонные и межгубернские колебания цен на горох

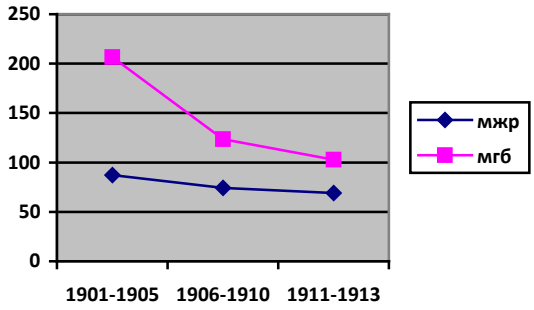

Рис. 7. Межрайонные колебания цен на рабочую лошадь

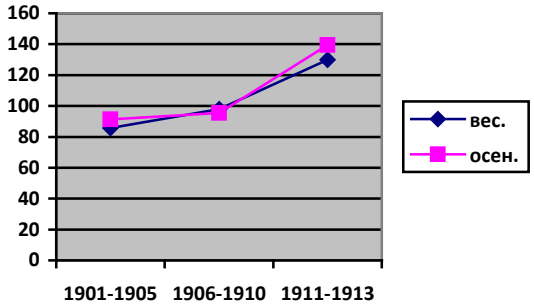

Рис. 8. Межрайонные колебания цен на дойную корову

